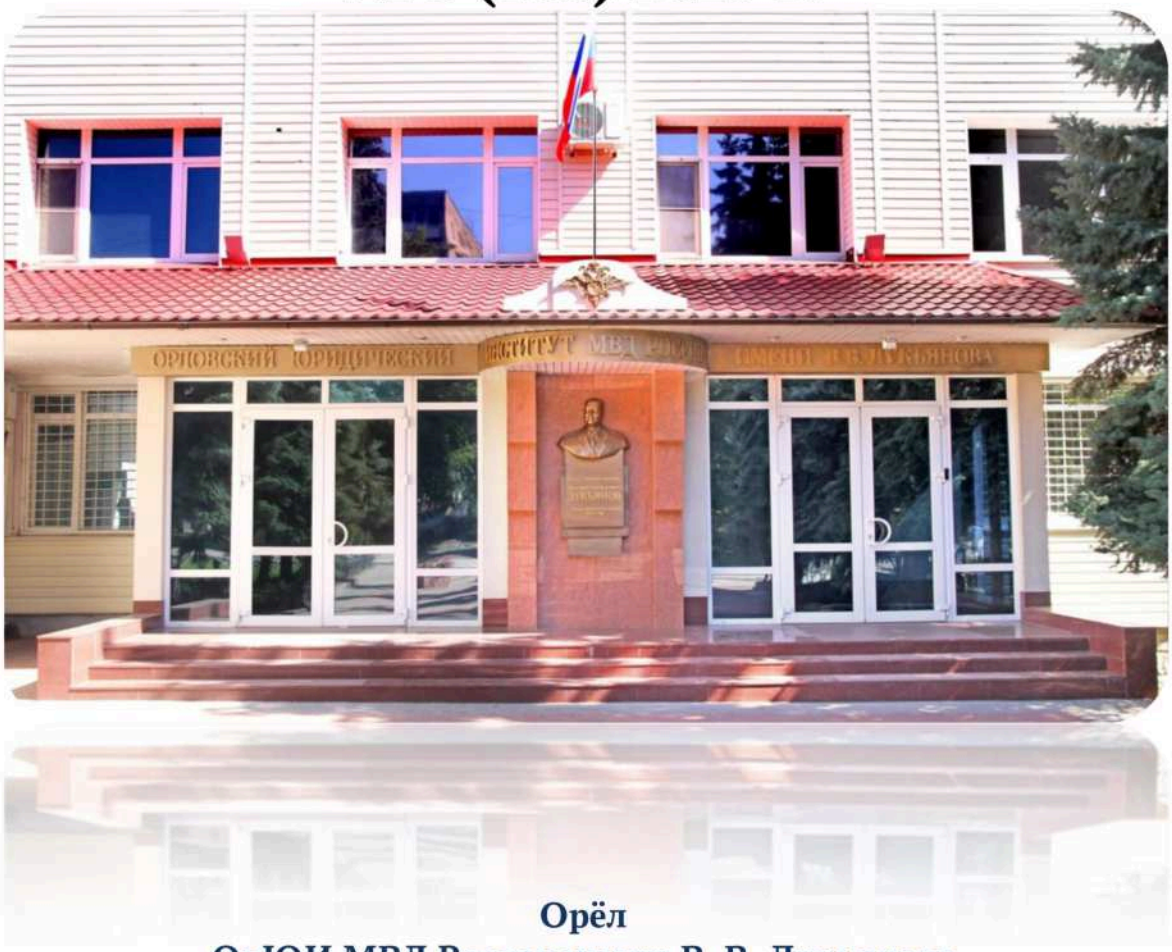
ОРЛОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИМЕНИ В. В. ЛУКЬЯНОВА

ISSN 2713-2536

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
ОРЛОВСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ ИМЕНИ В. В. ЛУКЬЯНОВА

Электронный журнал

№ 3 (108) 2026 г.

Орёл
ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова
2026

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова [электронный ресурс]: электронный журнал Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова. – Электр. текстовые данные (3,87 Мб). – Орёл: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2026. – 1 компакт-диск: 12 см.

Журнал является периодическим электронным изданием, в котором публикуются результаты научных исследований ведущих ученых и молодых авторов по юридическим отраслям науки, а также передовому опыту борьбы с преступностью в России и за рубежом.

Минимальные системные требования: процессор Intel с частотой не менее 1,3 ГГц; ОЗУ 512 Мб; операц. система семейства Windows; Adobe Reader v. 4.0 и выше; дисковод; мышь.

Текстовое электронное издание.

© ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2026

Об издании – 1, 2, 3, 4, 5

Электронное издание создано
при использовании программного обеспечения:
Microsoft Word, Adobe Acrobat Reader.
Редакторы:
С. В. Меркулов, Н. Н. Зайцева
Редактирование текстов на английском языке
Н.А. Мартынова

Дата выхода в свет: 12.10.2026
Объем издания: 3,87 Мб
Комплектация издания: 1 компакт-диск: 12 см
Тираж: 25 компакт-дисков
16+

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор).
Реестровая запись
от 14.08.2020 серия Эл № ФС 77-78909.
Распространяется бесплатно.

Учредитель:
Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В. В. Лукьянова»

Адрес редакции и издателя:
302027, Орел, ул. Игнатова, 2.
Тел. 8 (4862) 41-09-66 доп. 4-05
E-mail: niirio.oryui@yandex.ru
https://орюи.мвд.рф

Об издании – 1, 2, 3, 4, 5

Журнал включен в Научную электронную библиотеку, в систему Российского индекса научного цитирования URL: http://www.elibrary.ru, в актуальную версию Единого государственного перечня научных изданий – «Белого списка» и в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук в отрасли «Юридические науки» по специальностям:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.

ФГКОУ ВО «Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В. В. Лукьянова»

© Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 2026.

Об издании – 1, 2, 3, 4, 5

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор – начальник
Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент Д. Л. Проказин

Заместитель главного редактора – заместитель начальника
Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
по научной работе кандидат юридических наук, доцент Д. Ф. Флоря

Члены редакционной коллегии:
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент Л. А. Алексеева;

профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени Макана Есбулатова,
доктор юридических наук, профессор А. А. Аубакирова;

профессор кафедры уголовного права
Юго-Западного государственного университета
доктор юридических наук, профессор А. Б. Баумштейн;

первый заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь
кандидат юридических наук, профессор А. В. Башан;

заместитель начальника кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России
кандидат юридических наук, доцент М. В. Баранчикова;

начальник центра организационного обеспечения научной деятельности
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
доктор юридических наук, доцент С. С. Безруков;

главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела
Московской академии Следственного комитета имени А. Я. Сухарева
доктор юридических наук, профессор В. Ф. Васюков;

профессор кафедры государственного и муниципального права
Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского
доктор юридических наук, профессор В. В. Головко;

заместитель начальника Белгородского юридического института
МВД России имени И. Д. Путилина по научной работе
доктор юридических наук, профессор О. А. Дизер;

профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии
доктор юридических наук, доцент И. А. Ефремова;

первый заместитель начальника Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор О. В. Зиборов;

начальник кафедры «Автомобильной подготовки» Академии МВД Республики Узбекистан
кандидат технических наук, профессор С. А. Калауов;

начальник кафедры теории государства и права Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор А. И. Клименко;

профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Новосибирского военного ордена Жукова института имени
генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
доктор юридических наук, доцент Н. Ю. Лебедев;

профессор кафедры теории государства и права Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя Заслуженный работник высшей школы,
почетный работник высшего профессионального образования,
доктор юридических наук, профессор В. П. Малахов;

профессор кафедры уголовно-процесуального права имени Н. В. Радутной
Российского государственного университета правосудия
доктор юридических наук, профессор Е. В. Марковичева;

профессор кафедры уголовного процесса
Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
доктор юридических наук, профессор К. В. Муравьев;

главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра № 5
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор В. В. Николюк;

профессор кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России
доктор юридических наук, профессор А. В. Никуленко;

начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных
кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор Р. Б. Осокин;

начальник кафедры уголовного процесса Орловского юридического
института МВД России имени В. В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент Е. А. Семенов
(*ответственный секретарь*);

первый заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор О. И. Цоколова;

профессор кафедры организации правоохранительной и правозащитной деятельности
Тульского института (филиала) (РПА Минюста России)
ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России
доктор юридических наук, профессор Н. Г. Шурухнов.

СОДЕРЖАНИЕ

Научная жизнь

Муравьев К. В. ДОСТОЯНИЕ РЕСПУБЛИКИ (К ЮБИЛЕЮ ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА ВЯЧЕСЛАВА ВЛАДИМИРОВИЧА НИКОЛЮКА)……..15

Теоретико-исторические правовые науки

Габдуллина А. Р. ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 1990-Х ГОДОВ……..... 29

Заседателева Е. И. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ РЕВОЛЮЦИОННОМУ ДВИЖЕНИЮ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА..……..……. 39

Левченков А. И., Горбатюк Л. Н., Колундаев М. В. «НОВОЕ» О СУВЕРЕНИТЕТЕ – ЭТО ХОРОШО ЗАБЫТОЕ «СТАРОЕ»……...……44

Лысухо П. И. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА……53

Марченко Г. В., Половинкина П. Е. СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВУ: ИДЕОЛОГЕМЫ ПРОШЛОГО И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ……61

Римский А. В. ЦИФРОВОЙ СУБЪЕКТ ПРАВА КАК ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: ФИКЦИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ ……....72

Черный А. И. ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК СИСТЕМНЫЙ ПРИЗНАК СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА……79

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Андреев П. Г., Литвинов А. В. ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МЕРЫ ПОВЫШЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ С ПРАВЫМ РАСПОЛОЖЕНИЕМ РУЛЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ……. 88

Афонин В. В., Набока А. А. ЦИФРОВИЗАЦИЯ НАДЗОРА И ПРИНЦИП ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ДОКАЗЫВАНИЯ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ….96

Беженцев А. А. СУДЕБНАЯ СИСТЕМА: ЭЛЕМЕНТЫ ЭФФЕКТИВНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ……106

Боева М. А. СТРАТЕГИИ ПОВЫШЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ……..122

Вайсергисер Е. Ю., Ахметова И. Н. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ……128

Волошина О. П. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОПОРЯДКА...……137

Глущенко С. Н. ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ЕДИНОГО ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ……144

Гордеева А. Д., Гусева А. А. НОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К УЧАСТИЮ В ДОРОЖНОМ ДВИЖЕНИИ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ (ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА)……152

Давыдов М. В. ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЩЕНИЙ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ……...158

Денисенко К. В. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДОСМОТРОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ КАК МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ…….. 166

Зраева И. М., Полякова Н. В. ОБЯЗАННОСТЬ БЕЗ СРОКА: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ УВЕДОМЛЕНИЯ ОБ УБЫТИИ ИНОСТРАННОГО ГРАЖДАНИНА ПРИНИМАЮЩЕЙ СТОРОНОЙ…….175

Нечай С. Л., Куликова С. Г. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНТЕГРАЦИИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД НОВЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ…….183

Павлова Е. В. ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ И ПРЕДОСТАВЛЕНИИ СТАТУСА БЕЖЕНЦЕВ И ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ……... 194

Сабинин А. А., Пономарева А. А. ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) СОТРУДНИКАМИ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЙ К ТРАНСПОРТНО-ЭКСПЛУАТАЦИОННОМУ СОСТОЯНИЮ УЛИЧНО-ДОРОЖНОЙ СЕТИ……..202

Сидорова М. В. СОЦИАЛЬНЫЙ ПАРАДОКС РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ, РАЗРУШАЮЩИЙ КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ……210

Строева О. А. О ПРОБЛЕМАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ……..217

Флоря Д. Ф., Малик Е. Н., Малик В. И. МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ: ПРАВОВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ……..227

Шаклеин С. Н. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ……239

Шукаева И. Н. ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ С ДОРОЖНЫМИ СЛУЖБАМИ И ЗАКАЗЧИКАМИ ДОРОЖНЫХ РАБОТ ……248

Уголовно-правовые науки

Азанова А. А. ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ПОДСУДИМОГО ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ ….257

Афанасьев А. Ю. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ РОССИИ ……265

Бадиков Д. А., Вецкая С. А. ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА РАССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С НЕЗАКОННЫМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВОМ ……..274

Баранчикова М. В. О ПРОСТРАНСТВЕННОМ И ФУНКЦИОНАЛЬНОМ КРИТЕРИЯХ ОТНЕСЕНИЯ ТРАНСПОРТА ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ К МЕСТУ СОВЕРШЕНИЯ ХУЛИГАНСТВА……283

Быстрова Ю. В. ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ……...291

Васюков В. Ф., Муравьева М. А. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ «ПОЛУЧЕНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ»: ОТДЕЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ……298

Гаджиев Ш. Ф. УСТАНОВЛЕНИЕ ПСИХИЧЕСКОГО И ФИЗИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ……306

Гришин А. В., Селютина О. Г. ПРАВОВЫЕ НЕСОВЕРШЕНСТВА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ, ДОЗНАВАТЕЛЯ С ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ (КАК РЕЗУЛЬТАТ) НАРУШЕНИЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА …….....315

Зеновкина А. С. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ВЫВОДОМ КАПИТАЛА: ЭВОЛЮЦИЯ ОТ ТРАДИЦИОННЫХ ДО ГИБРИДНЫХ СХЕМ ……...323

Исаева Е. Д. ЭТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРЕДЕЛЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАБОТЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ……331

Клепов М. Н. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АППАРАТНО-ПРОГРАММНЫХ КОМПЛЕКСОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИЦИИ (ИНТЕРПОЛА) I-24/7 В СОТРУДНИЧЕСТВЕ МВД РОССИИ И ГЕНПРОКУРАТУРЫ РОССИИ С КОМПЕТЕНТНЫМИ ОРГАНАМИ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ……..338

Ковалев М. В., Пилякин М. И. ЯВКА С ПОВИННОЙ: САМООГОВОР И ИНТЕРЕСЫ ПРАВОСУДИЯ …….350

Конин В. В., Эсмантович И. И. СПЕЦИАЛЬНЫЕ (НЕГЛАСНЫЕ) СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ – СУЩЕСТВУЕТ ЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ В ИХ ВВЕДЕНИИ? 358

Молчанова Т. В., Зверева А. В. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО НАЛОГОВОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, И СУДЕБНАЯ ПЕРСПЕКТИВА УГОЛОВНОГО ДЕЛА: АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ……368

Назарова М. Д., Муницына А. А. ИЗЪЯТИЕ СЛЕДОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ……...378

Науменко О. А. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ…….386

Полякова А. В., Залива А. С. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШЕННЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ …….397

Сучкова Е. А. МЕХАНИЗМ СЛЕДООБРАЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ ПРИ НЕПРАВОМЕРНОМ ОБОРОТЕ ЭЛЕКТРОННЫХСРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ……407

Таршева М. Н. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ – ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ, ПОВЛИЯВШИХ НА ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ……..414

Тихомирова О. Г. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ УГРОЗ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ…….423

Чеботарева И. Н. ЗАОЧНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СУДЕ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕОТВРАТИМОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, УКЛОНЯЮЩИХСЯ ОТ ПРАВОСУДИЯ ……...432

Информация для авторов……..442

CONTENTS

Scientific life

Muraviov K. V. A NATIONAL TREASURE (ON THE OCCASION OF THE ANNIVERSARY OF VYACHESLAV VLADIMIROVICH NIKOLYUK, HONORED SCIENTIST OF THE RUSSIAN FEDERATION, DOCTOR OF SCIENCES (LAW), AND PROFESSOR)……15

Theoretical-historical legal sciences

Gabdullina A. R. STATE LEGAL SUPPORT FOR PROPERTY RELATIONS IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE 1990S……...29

Zasedateleva E. I. LEGISLATIVE MEASURES OF THE RUSSIAN EMPIRE TO COUNTER THE REVOLUTIONARY MOVEMENT IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY……...39

Levchenkov A. I., Gorbatyuk L. N., Kolundaev M. V. «SOMETHING NEW» ABOUT SOVEREIGNTY IS THE WELL – FORGOTED «OLD» ONE……..... 44

Lysukho P. I. ACTUAL PROBLEMS OF ENSURING THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN MODERN CONDITIONS OF GLOBAL INSTABILITY AND TRANSFORMATION OF THE SURROUNDING WORLD……..53

Marchenko G. V., Polovinkina P. E. SERVING TO THE FATHERLAND: IDEOLOGEMS OF THE PAST AND MODERN PROBLEMS OF PATRIOTIC EDUCATION……61

Rimskiy A. V. THE DIGITAL SUBJECT OF LAW AS A THEORETICAL AND LEGAL CATEGORY: FICTION AND REALITY ……..……..……...72

Chernyi A. I. A DIGITAL SOVEREIGNTY AS A SYSTEM FEATURE OF THE MODERN STATE…….79

Public-law (state-legal) sciences

Andreev P. G., Litvinov A. V. LEGAL AND ORGANIZATIONAL MEASURES TO IMPROVE THE SAFETY OF VEHICLE OPERATION WITH RIGHT-HAND STEERING……88

Afonin V. V., Naboka A. A. DIGITALIZATION OF SUPERVISION AND THE PRINCIPLE OF THE PRESUMPTION OF INNOCENCE: TRANSFORMATION OF EVIDENCE IN PROCEEDINGS ON ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE FIELD OF ROAD SAFETY ……..96

Bezhentsev A. A. THE JUDICIAL SYSTEM: ELEMENTS OF EFFECTIVE FUNCTIONING……..106

Boeva M. A. STRATEGIES FOR IMPROVING ROAD SAFETY……..122

VajsergiserE. Yu., Akhmetova I. N. IMPROVING THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION OF MIGRATION PROCESSES IN THE RUSSIAN FEDERATION……128

Voloshina O. P. THE HUMAN FACTOR IN THE SYSTEM OF PUBLIC-LEGAL SECURITY: MORAL AND PSYCHOLOGICAL STABILITY AS AN ELEMENT OF LAW AND ORDER……..137

Glushchenko S. N. THE CONCEPT AND ESSENCE OF A UNIFIED LEGAL SPACE IN THE CONSTITUTIONAL LAW DOCTRINE…….144

Gordeeva A. D., Guseva A. A. NEW REQUIREMENTS FOR THE PARTICIPATION OF INDIVIDUAL MOBILITY VEHICLES IN ROAD TRAFFIC (REVIEW OF INTERNATIONAL EXPERIENCE) ……...152

Davydov M. V. FEATURES OF PROCESSING ELECTRONIC APPEALS IN THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA …….158

Denisenko K. V. LEGAL ASPECTS OF CONDUCTING SEARCHES AS ADMINISTRATIVE ENFORCEMENT MEASURES ……...166

Zraeva I. M., Polyakova N. V. OBLIGATION WITHOUT A TIME LIMIT: PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE NOTIFICATION OF THE DEPARTURE OF A FOREIGN CITIZEN BY THE ACCEPTING PARTY…….175

Nechay S. L., Kulikova S. G. LEGAL REGULATION OF INTEGRATION AND ENSURING CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS OF NEW SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION……...183

Pavlova E. V. CERTAIN PROBLEMS IN THE FIELD OF IDENTIFICATION PERSONS AND GRANTING REFUGEE STATUS AND INTERNALLY DISPLACED PERSONS……...194

Sabinin A. A., Ponomareva A. A. IMPLEMENTATION STATE CONTROL (SUPERVISION) BY THE STATE AUTOMOBILE INSPECTORATE OFFICERS OVER COMPLIANCE WITH OBLIGATORY REQUIREMENTS FOR THE TRANSPORT AND OPERATIONAL CONDITION OF THE ROAD NETWORK……202

Sidorova M. V. THE SOCIAL PARADOX OF THE RUSSIAN POLICE, DESTROYING PERSONNEL POTENTIAL ……...210

Stroeva O. A. ON THE PROBLEMS ARISING FROM ADMINISTRATIVE SUPERVISION OF INDIVIDUALS RELEASED FROM INCARCERATION ……...217

Florya D. F., Malik E. N., Malik V. I. YOUTH POLICY IN THE STATE STRATEGY OF RUSSIA: LEGAL AND POLITICAL ASPECTS……. 227

Shaklein S. N. PROBLEMATIC ISSUES OF ASSIGNING ADMINISTRATIVE PENALTIES FOR TRAFFIC OFFENSES ……..239

Shukaeva I. N. PROBLEMS OF INTERACTION BETWEEN THE STATE TRAFFIC INSPECTORATE AND ROAD SERVICES AND ROAD WORK CUSTOMERS ……..248

Criminal Law Sciences

Azanova A. A. SPECIAL FEATURES OF THE RESEARCH OF THE DEFENDANT'S PERSONALITY IN COURT PROCEEDINGS WITH THE PARTICIPATION OF A JURY…….257

Afanasyev A. Yu. FORENSIC EXPERT SUPPORT OF FUNCTIONAL SECURITY OF THE CONSTITUTIONAL SYSTEM OF RUSSIA…….265

Badikov D. A., Vetskaya S. A. INVESTIGATION SPECIFICS FOR OFFENCES RELATING TO ILLEGALENTREPRENEURSHIP…….274

Baranchikova M. V. ON THE SPATIAL AND FUNCTIONAL CRITERIA FOR CLASSIFYING PUBLIC TRANSPORT AS A PLACE WHERE HOOLIGANISM IS COMMITTED……283

Bystrova Y. V. PRIORITY AREAS FOR IMPROVING THE INSTITUTE OF JURY MEMBERS IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS…….291

Vasyukov V. F., Muravyeva M. A. THE OPERATIONAL-SEARCH MEASURE «OBTAINING COMPUTER INFORMATION»: CERTAIN THE ORETICAL AND PRACTICAL ISSUES …….....298

Gadjiev Sh. F. ESTABLISHING THE MENTAL AND PHYSICAL STATE OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN AND THE RUSSIAN FEDERATION: A COMPARATIVE LEGAL STUDY……...306

Grishin A. V., Selytina O. G. LEGAL IMPERFECTIONS OF THE INTERACTION OF THE INVESTIGATOR, INTERROGATOR WITH THE BODIES OF INQUIRY AND CONSEQUENCES (AS A RESULT) OF VIOLATIONS OF CRIMINAL PROCEDURE LAW.....315

Zenovkina A. S. FORENSIC ANALYSIS OF METHODS OF COMMITTING CRIMES RELATED TO ILLEGAL CAPITAL MISSING: EVOLUTION FROM TRADITIONAL TO HYBRID SCHEMES……323

Isaeva E. D. ETHICAL AND LEGAL LIMITS OF THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE WORK OF AN INVESTIGATOR ……..331

Klepov M. N. SOME ASPECTS OF INTERNATIONAL CRIMINAL POLICE ORGANIZATION (INTERPOL) I-24/7 HARD AND SOFTWARE COMPLEX IMPLEMENTATION IN COOPERATION BETWEEN THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS AND GENERAL PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH THE AUTHORIZED BODIES OF THE FOREIGN COUNTRIES IN THE AREA OF CRIMINAL PROCEDURE UNDER THE SANCTION PRESSURE……...338

Kovalev M. V., Pilyakin M. I. VOLUNTARY SURRENDER: SELF-INCRIMINATION AND THE INTERESTS OF JUSTICE…….…..350

Konin V. V., Esmantovich I. I. SPECIAL (COVERT) INVESTIGATIVE ACTIONS IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS – IS THERE A NEED FOR THEIR INTRODUCTION?.....358

Molchanova T. V., Zvereva A. V. CRIMINOLOGICAL PROFILE OF A PERSON WHO COMMITTED A TAX CRIME AND THE FORENSIC PERSPECTIVE OF A CRIMINAL CASE: ANALYSIS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE……...368

Nazarova M. D., Munitsyna A. A. SEIZURE OF TRACES IN THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED IN DIGITAL SPACE……...378

Naumenko O. A. FORENSIC ANALYSIS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES USED AS A MEANS OF COMMITTING CRIMES……..…386

Polyakova A. V., Zaliva A. S. CURRENT TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC CRIMINAL LEGISLATION IN THE FIELD OF COMBATING CRIMES COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATIONS TECHNOLOGIES ……..397

Suchkova E. A. THE MECHANISM OF DIGITAL TRACE FORMATION IN CASE OF ILLEGAL TURNOVER OF ELECTRONIC MEANS OF PAYMENTS ……...407

Tarsheva M. N. THE INTERNATIONAL COOPERATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS AS ONE OF THE FACTORS THAT HAVE INFLUENCED THE FORMATION OF MODERN CRIMINAL PROCEDURE POLICY……...414

Tikhomirova O. G. INTERNATIONAL LEGAL STANDARDS FOR INVESTIGATING JUVENILE CRIMES IN THE CASE OF NEW THREATS: MODERN CHALLENGES...423

Chebotareva I. N. TRIAL IN ABSENTIA OF CRIMINAL CASES IN COURT AS A PROCEDURAL MECHANISM FOR ENSURING THE INEVITABILITY OF CRIMINAL LIABILITY IN RELATION TO PERSONS EVADING JUSTICE ……...432

Information for authors ……...442

Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
генерал-майора милиции в отставке
Вячеслав Владимирович Николюк

Научная статья
УДК 343.1

ДОСТОЯНИЕ РЕСПУБЛИКИ (К ЮБИЛЕЮ ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА ВЯЧЕСЛАВА ВЛАДИМИРОВИЧА НИКОЛЮКА)

Муравьев Кирилл Владимирович
Академия управления МВД России, Москва, Россия

murki@list.ru

Аннотация. Статья посвящена 70-летию заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора генерал-майора милиции в отставке Вячеслава Владимировича Николюка. Представлена информация о научных направлениях профессора В. В. Николюка, внесшего неоценимый вклад в юридическую доктрину и правоприменительную практику. Отмечены значительность и глубина привнесенных знаний ученого в уголовный процесс, уголовное и уголовно-исполнительное право, криминалистику и оперативно-разыскную деятельность. Продемонстрирована его роль в рецензировании научных трудов, в организации научно-представительских мероприятий, в заседаниях диссертационных советов.

Ключевые слова: Николюк Вячеслав Владимирович, учитель, профессор, любовь к науке, научная добросовестность, рецензирование, уголовный процесс.

Для цитирования: Муравьев К. В. Достояние Республики (к Юбилею заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Вячеслава Владимировича Николюка) // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3 (108). // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3 (108). С. 15–28.

A NATIONAL TREASURE (ON THE OCCASION OF THE ANNIVERSARY OF VYACHESLAV VLADIMIROVICH NIKOLYUK, HONORED SCIENTIST OF THE RUSSIAN FEDERATION, DOCTOR OF SCIENCES (LAW), AND PROFESSOR)

Kirill V. Muraviov
Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia

murki@list.ru

Annotation. This article is dedicated to the 70th anniversary of Vyacheslav Vladimirovich Nikolyuk – Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, and retired Major General of the Militia. It outlines the research areas of Professor Nikolyuk, who has made an invaluable contribution to legal doctrine and law enforcement practice. The significance and depth of the knowledge the scholar has contributed to criminal procedure, substantive criminal law, the law on the execution of criminal penalties, forensic science, and operational-investigative activity are highlighted. His role in reviewing scholarly works, organizing academic conferences.

Keywords: Vyacheslav Vladimirovich Nikolyuk, teacher, professor, love for science, scientific integrity, peer review, criminal procedure.

For citation: Muraviov K. V., A National treasure (on the occasion of the anniversary of Vyacheslav Vladimirovich Nikolyuk, Honored Scientist of the Russian Federation, doctor of sciences (law), and professor) // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2026. № 3 (108). P. 15–28.

Дорогому нашему Учителю, старшему Товарищу, Наставнику – заслуженному деятелю науки Российской Федерации, доктору юридических наук, профессору генерал-майору милиции в отставке Вячеславу Владимировичу Николюку – 70 лет. Подготовка статьи, посвященной этому прекрасному событию, явилась приятной, но одновременно непростой и ответственной задачей. Предоставленный случай позволил в очередной раз обратиться к творческому пути Юбиляра, дал прекрасную возможность вновь «погрузиться» в интереснейший научный мир Вячеслава Владимировича, перечитать и осмыслить его труды (ранее не раз уже изученные), подчеркнуть важность поставленных проблем, испытать восторг от тщательности проработки нормативной основы и эмпирической базы, удивиться вариативности и точности предлагаемых подходов к их решению. Вместе с тем данный повод потребовал укорить себя и в том, что отдельные работы Мэтра оказались пока еще не освоенными.

Обращение к личности Юбиляра, его научным открытиям, интеллектуальному наследию Учителя вызвало сложность в выборе тематики статьи. Допускались различные альтернативы.

В первую очередь искренне хотелось показать огромнейший и неоценимый вклад профессора В. В. Николюка в юридическую доктрину и правоприменительную практику, отметить значительность и глубину привнесенных им знаний в уголовный процесс, уголовное и уголовно-исполнительное право, криминалистику и оперативно-разыскную деятельность. Имелось желание сосредоточить внимание на существенности его исследований по проблемам судоустройства, в области уголовной политики, в межотраслевом взаимодействии законов о противодействии преступности и их связи с гражданским законодательством, о возрождении концепции судебного права, обозначить другие значимые научные направления.

Однако при выборе такого подхода фактически невозможно целиком продемонстрировать масштабность и неординарность всей галереи произведений Художника. Тем более трудно было бы охарактеризовать используемые им для написания своих шедевров холсты, кисти, краски и палитры, еще сложнее – оценить тщательность прорисовки конкретных работ.

Другой возможный вариант – определение отдельного предмета обсуждения из широкой и многогранной сферы научных интересов Вячеслава Владимировича. Например, это вопросы системы уголовного процесса (его стадий и особых, дополнительных производств), и в первую очередь уголовно-исполнительного судопроизводства, а также производства о применении принудительных мер медицинского характера, судебно-контрольных производств, стадии возбуждения уголовного дела. Это система источников уголовно-процессуального права и проблемы реализации принципов уголовного судопроизводства, свойства доказательств и осуществление доказывания, в том числе с использованием результатов оперативно-разыскной деятельности. Кроме того, вопросы применения мер процессуального принуждения и возмещения вреда, причиненного их применением, особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и отдельных категорий лиц. Другие уголовно-процессуальные положения.

В этом случае написание статьи предполагало возможность искреннего признания таланта Учителя при постановке конкретной проблемы, утверждения правильности используемых им методов, аргументированности выводов, но с одновременным позволением себе дискуссии по отдельным аспектам и предложением в развитие подхода В. В. Николюка собственных доктринальных идей и направлений совершенствования законодательства. Этот подход также был отклонен: ранее уже имелись поводы для полемических работ с Виновником торжества по отдельным проблемам уголовного судопроизводства [1, с. 144–155]. Но главное, что в юбилейной статье хотелось поделиться с будущими читателями эмоциями от радости общения с Вячеславом Владимировичем. Имелась неудержимая внутренняя потребность рассказать о его любви к науке, заботливому отношению к своим Наставникам, взыскательности к коллегам, внимательности к ученикам. Понимаю, конечно, что не все факты о творческом пути Учителя можно уместить в единую публикацию. Но, думаю, что с представленными в статье примерами, свидетельствующими о его неравнодушном отношении к юридической науке, согласятся многие его коллеги и последователи.

Каким же образом Вячеслав Владимирович пробуждает интерес к науке?

Первое, на что необходимо обратить внимание, – это острые, оригинальные и даже интригующие наименования публикаций профессора, которые не позволяют потенциальному читателю издания оставаться в стороне. Отметим некоторые уникальные заглавия статей последних лет. Например, «Великая процессуальная эволюция (размышления над книгой А. В. Победкина „Основные положения УПК России как система гарантий публичности уголовного судопроизводства“») [2, с. 18–27]; «Судебное право как философская категория и точка пересечения „идеала“ (единый процессуальный кодекс) и „реальности“ (сохранение процессуального отраслевого многообразия)» [3, с. 507–512]; «„Блеск“ идеи судебного контроля за оперативно-розыскной деятельностью и „нищета“ ее законодательного воплощения» [4, с. 135–141]; «„Письмо двенадцати“ о неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы в контексте российской модели уголовно-процессуального доказывания» [5, с. 80–88]; «Последствия частичной уплаты штрафа, назначенного в качестве уголовного наказания: „возвышение“ наказания за бедность или благосклонность к малоимущим осужденным» [6, с. 176–189]; «Феномен „мертвых норм“ в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации» [7, с. 19–25]; «Научная полемика конструктивна, когда она не становится „околонаучной“» [8, с. 176–189]; «Привидение приговора в исполнение: правовой

фантом или действующая законодательная конструкция» [9, с. 88–94]; «Системные проблемы российского уголовного процесса „глазами“ Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» [10, с. 63–72]; «„Броуновское движение“ в стадии исполнения приговора: к вопросу об эффективности судебного контроля за применением к осужденным наказания» [11, с. 96–102]. Другие неповторимые названия… Уже начиная с формулировки самой проблемы профессор отчетливо задает понимание будущего содержания публикации, подчеркивая связь с доктриной, законодательством и правоприменением. Разумеется, это не может не вызывать восторга!

Не менее интересно следить и за мастерством изложения Учителем научного материала. В любом его сочинении мы найдем выверенность слов, недопущение многозначности терминов, краткость изложения мысли, исключение повторов. В каждой из работ профессора присутствуют термины, обороты, определения, которые позволяют отличить их принадлежность «перу» Вячеслава Владимировича. Так, несложно предугадать оригинальность следующих выражений: «можно наблюдать кризис уголовно-процессуальной доктрины стадии исполнения приговора как стадии „особого рода, не имеющей четких границ начала и окончания“»; «создается впечатление, что мы сталкиваемся с некой уголовно-процессуальной мистикой»; «институт мер пресечения обслуживает центральное, основное производство в уголовном процессе – расследование и судебное разбирательство уголовного дела, нормальный ход которого во многом зависит от того, насколько эффективно используются меры пресечения»; «заключение под стажу осужденного <…> существенно отличается от ареста, регулируемого статьями 108–109 УПК РФ, в силу чего она не может интерпретироваться как разновидность, „продолжение“ меры пресечения в виде заключение под стажу подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, применяемой по уголовному делу»; «неординарность и самобытность уголовно-процессуальной деятельности, связанной и исполнением приговора, ее автономность по отношению к производству по уголовному делу и пограничный характер с деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, определенная инфляция теоретических представлений об исполнении приговора как одной из стадий уголовного процесса, серьезные расхождения в позициях исследователей феномена „исполнения приговора“, развитие теории особых уголовно-процессуальных производств ставят перед современной наукой уголовного процесса ряд следующих проблем <…>» [12, с. 176–189]. Или следующие суждения: «возникнув в границах уголовного процесса и затем отделившись от него, криминалистика на потеряла „кровных уз“ с уголовным судопроизводством. Напротив, уголовно-процессуальная деятельность, отдельные процессуальные институты оказались наполненными криминалистическим содержанием в результате взаимодействия данных наук»; «по указанным „природным“ причинам криминалистика естественно реагирует (изменяется, трансформируется) на реформы уголовного судопроизводства. Чем сильнее затрагиваются конструктивные, „несущие“ элементы последнего <…> тем ощутимее испытывает на себе влияние предмет криминалистки»; «с учетом состязательного построения уголовного процесса, восприятия суда как эксклюзивного учреждения правосудия, не относящегося к органам борьбы с преступностью, криминалистика в силу действия объективного фактора <…> вынуждено перепрофилируется (можно сказать, возвращается в свое прежнее русло) на ту его часть, которая в УПК определяется как уголовного преследование» [13, с. 14–24].

Также интересно вслед за профессором читать научные монографии, статьи и другие сочинения из его личной библиотеки (такие случаи бывают), в которых он, не стесняясь испачкать книгу, прямо на страницах делает пометки интересующих его выражений с целью почерпнуть глубокие изречения, новые обороты, авторские неологизмы, трансформацию устоявшихся фраз. В дальнейшем Юбиляр (с учетом правил цитирования) может использовать такие выражения в своем тексте, чтобы сделать его

свежее, точнее выразить мысль, которую нельзя передать иначе. Бывают и «негативные» примеры, когда авторы научных сочинений при прочтении материала попадают в «зону критики».

Для многих юристов неподдельный интерес представляют рецензии-отзывы профессора В. В. Николюка, в которых содержится взыскательная критика на монографии, диссертации, очерки, другие научные сочинения. Например, сложно не угадать автора следующих строк: «обсуждаемая статья, судя по ее содержанию, написана автором по методу „научной самоизоляции“»; «точка зрения <…> – результат вольного толкования законодательства»; «представляется, что указанную статью ожидает более детальный анализ на страницах юридической печати. Поводов для этого автор дал достаточно» [14, с. 86–91]. Без сомнения, прав Вячеслав Владимирович и в суждениях-замечаниях о «чистоте используемой научной лексики и терминов»: «исследуя поставленные вопросы, <…> слишком свободен в использовании терминологии. Но такая свобода требует жесткой основы, в качестве которой в научном познании может рассматриваться исключительно научная аргументация. В противном случае любое авторское произведение, использующее данный понятийный ряд, неминуемо тяготеет к беллетристике»; «следует обратить внимание и на использование в рецензируемом произведении терминологии, которая не соответствует ни современному закону, ни правовой традиции нашей страны»; «обычно приходится сталкиваться либо с одним, либо с другим недостатком, и только в особых случаях оба исследовательских изъяна сопутствуют друг другу. Сложилось впечатление, что представленное сочинение – это тот редчайший случай, когда название работы, ее цели и содержание диссонируют не по отдельности, а в комплексе» [15, с. 75–80]. При этом в каждой новой рецензии наш Юбиляр дает возможность автору стать полноправным участником научной полемики, фактически предлагая читателю публикации самому сделать вывод относительно аргументированности позиций сочинителя и его оппонента: «автор рецензируемой статьи демонстрирует больше желания, чем готовность к ведению содержательной научной дискуссии по этой весьма непростой теме, причем, ни по ее сути, ни по форме этой дискуссии»; «с чего весьма молодые и, без сомнения, перспективные исследователи, решили, что они, не понимая предмета, могут вкладывать в уста мыслителей, изобретателей, подвижников прошлого какие-то надуманные, завиральные идеи»; «сама по себе идея судебного права родилась не потому что у кого-то возникла мысль „приплюсовать“ уголовно-процессуальные процедуры к гражданско-процессуальным или административно-процессуальным, что просто наивно. Ее смысл заключается в формировании единого процесса, который должен был быть сконструирован на основе общего фундамента, лежащего в основе всех видов процессуальной деятельности. Вот только, что именно считать таким общим фундаментом адепты этой идеи пока не решили, а без этого концепции быть не может»; «из приведенных уникальных авторских „логических конструкций“ решительно не понятно о каких перспективных направлениях идет речь. Видимо, автор обладает уникальной методикой выявления в „предмете неизвестно чего“ „направления неизвестно чего“»; «автор упрекает научное сообщество в подмене содержательной научной дискуссии по проблемам судебного права „игрой в слова“. Ознакомление с текстом статьи со всей очевидностью указывает на то, что <…> в этой игре сам является не последним „игроком“» [16, с. 34–40].

Критические замечания профессора В. В. Николюка в его научных рецензиях – это не нападки и не критиканство, а непритворное желание ответить автору сочинения после его прочтения. Причем сделать это открыто. Кому-то даже может показаться, что жесткость позиции, острота и беспринципность его оценки – это самолюбование. Но нет, в основе отзыва-рецензии лежит логика аргументации, важность обоснования имеющихся убеждений, нужда отстаивания научных принципов системности, добросовестности, тщательности проработки проблем. Конечно, не всякое научное произведе-

ние подлежит оценке столь взыскательным аналитиком. Но каждый автор после разбора его измышлений всегда может вступить в публичную дискуссию с профессором и при наличии аргументов «против» – отстоять свое собственное мнение.

Любая работа Мэтра, будь то научная монография, статья в журнале или тезисы в сборнике конференции, содержит не только доктринальные суждения, но и, как правило, обращения к позициям Конституционного Суда Российской Федерации или Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) (многие годы В. В. Николюк входил в состав Научно-консультативного совета при ВС РФ, при его участии подготовлено более 50 проектов постановлений Пленума ВС РФ), судов субъектов, районных судов и мировых судей. Научные труды профессора оперируют статистическими сведениями, в них содержится анализ большого пласта следственной и судебной практики, приводятся конкретные правоприменительные примеры. Любой читатель при необходимости окунуться в практическую область за свежими решениями всегда сможет найти новую публикацию В. В. Николюка.

При активной иллюстрации примеров правоприменительной деятельности состоялась презентация монографии «Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения» [17]. Презентация – это не просто анонс, реклама научного продукта! Это, по сути, настоящее научно-представительское мероприятие. Вспоминаю, когда в Омской академии МВД России состоялось такое научное событие, организованное докладчиком В. В. Николюком. Оно было приурочено к работе диссовета, т. е. в нем приняли участие не только ученые из юридических образовательных организаций региона (насколько я помню, собралась вся профессура г. Омска), но и представители других вузов, приехавшие с миссией оппонирования (например, доктор юридических наук О. И. Цоколова, кандидат (на тот момент), а ныне доктор юридических наук Н. В. Азаренок). Обязательными участниками презентации стали практические работники (судьи, работники прокуратуры, сотрудники органов дознания и предварительного следствия). Конечно, на данном научном «празднике» почетное место было отведено друзьям автора, коллегам, ветеранам Омской высшей школы милиции (академии). При этом любовь к науке возбуждает искренний интерес у всех, кто рядом с Вячеславом Владимировичем, и даже у тех, кто напрямую не изучает вопросы уголовного судопроизводства. После интереснейшего содержательного доклада происходит рецензирование работы, обсуждение; автору ставятся вопросы, на которые он в дальнейшем может найти новые ответы. Хочется надеяться, что в Омской академии МВД России традиции научных презентаций сохранятся [18].

Наш Виновник торжества находит время не только для «ваковских» публикаций, но и печатается в сборниках многочисленных международных и российских конференций, на которых, как правило, выступает очно, не жалея времени, здоровья на перелеты. Неиссякаемая научная энергия Вячеслава Владимировича, желание вовлечь в обсуждение проблемных вопросов значительную часть профессионального сообщества, включая практиков, а также дать возможность молодым ученым высказать свои интересные идеи требуют от Юбиляра постоянного квалифицированного публичного общения. Он долгие годы является идейным вдохновителем, организатором, другими словами, «двигателем» уголовно-процессуальных форумов по месту своей научной деятельности в различных регионах страны (помимо Москвы, это города Омск, Хабаровск и Иркутск, Санкт-Петербург, Краснодар и многие другие). Значимым событием для юридической общественности стала международная научно-практическая конференция «Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования», организованная в Орловском юридическом институте МВД России имени В. В. Лукьянова на тот момент начальником института доктором юридических наук С. А. Синенко и его научным консультантом профессором кафедры

данного института В. В. Николюком. Для небольшого вуза системы МВД России, который ранее ассоциировался исключительно с подготовкой высококвалифицированных специалистов ГИБДД (Госавтоинспекции), приезд на конференцию уважаемых ученых из Москвы и многих других регионов (например, докторов юридических наук О. И. Андреевой, А. В. Волеводза, А. Ф. Волынского, Б. Я. Гаврилова, С. И. Гирько, О. В. Гладышевой, В. Н. Григорьева, А. П. Гуляева, О. А. Зайцева, С. М. Колотушкина, В. П. Лаврова, Н. Е. Мерецкого, В. А. Семенцова, А. Д. Прошлякова, С. Б. Россинского, Н. В. Румянцева, О. В. Химичевой, О. И. Цоколовой, Н. Г. Шурухнова) дало импульс развитию уголовно-процессуальной и криминалистической наук на долгие годы. На пленарном и секционном заседаниях осуществляли пробацию своих диссертационных исследований многие будущие доктора юридических наук (С. С. Безруков, В. Ф. Васюков, К. В. Муравьев, О. А. Мядзелец, Л. А. Пупышева и другие). Как образно отметил постоянный участник данного форума доктор юридических наук, профессор О. П. Грибунов: «Орловская конференция повышает научную потенцию!» Вот уже более десяти лет данное мероприятие продолжает собирать уважаемых специалистов для заинтересованного обсуждения актуальных юридических проблем, способствует воспитанию молодых ученых. Организаторы стараются различными способами подчеркнуть роль профессора В. В. Николюка в истории создания конференции[1]. При этом центральным докладчиком на ежегодном Орловском научном празднике был и традиционно остается Вячеслав Владимирович.

Благодаря вхождению в оргкомитеты, многоуважаемому статусу и «научному весу» наш Заслуженный деятель науки представляет на научных мероприятиях титульные доклады, иногда готовит несколько базовых выступлений в рамках одного форума. Обстоятельные, развернутые рассуждения Ученого с использованием для наглядности не только слайдов-презентаций, но и раздаточного материала позволяют отключиться от других вопросов, задуматься о важности поставленных проблем для теории и практики. В своих докладах Мэтр не только показывает знание законодательства, апеллирует к позициям высших судебных органов, иллюстрирует имеющиеся статистические данные. Как правило, он также демонстрирует осведомленность по доктринальным позициям рассматриваемых в докладе или близким вопросам присутствующих на мероприятии коллег, со знанием обращается к идеям и достижениям своих единомышленников. Благодарные слушатели не обращают внимания на превышение лимита времени главного выступающего. Это даже позволяет рассуждать «о культе Николюка!» (в шуточной форме такую обстановку на конференциях отметил профессор С. Б. Россинский). Вместе с тем мы как участники научных форумов развитию этого культа нисколько не возражаем!

Конечно, многие научно-представительские мероприятия объединяются «центральной» темой, не имеющей прямого отношения к творчеству и достижениям заслуженного деятеля науки Российской Федерации. Но и в этом случае участие на форуме Вячеслава Владимировича – всегда значимое событие. О том, что в настоящий момент (онлайн) в зале выступает профессор В. В. Николюк, информация расходится моментально.

Например, так было в ходе пленарного заседания на конференции, посвященной 95-летию образования Академии управления МВД России, когда наш Учитель, не-

[1] Так, в октябре 2015 г. профессор В. В. Николюк выступил на конференции с докладом «Прав ли Верховный Суд РФ, даже если он «Верховный»? (К вопросу о современной трактовке содержания права на защиту в уголовном судопроизводстве)», в котором подчеркнул значение правовых позиций высшей судебной инстанции, являющихся «мощным» регулятором уголовно-процессуальных отношений [19, с. 263–270]. В октябре 2023 г. на юбилейной десятой конференции мы отчасти позаимствовали оригинальное название статьи Юбиляра, напомнив об истории научно-представительского мероприятия [20, с. 8–16].

сколько отойдя от празднования Даты рождения образовательной организации, выступил по теме «Вопросы взаимодействия Закона об ОРД с УПК РФ в фокусе конституционного мировоззрения» [21, с. 56–62]. Весть об интереснейшем выступлении докладчика незамедлительно распространилась далеко за пределы московского часового пояса в другие вузы, которые уже завершили подключение. В частности, будучи заместителем начальника Омской академии МВД России (по научной работе), доктор юридических наук, профессор В. А. Гусев позвонил и попросил ссылку для трансляции – было неудержимое желание услышать интересные подходы своего старшего Товарища по интересующей его проблеме «из первых уст». Была и другая ситуации. Мой друг – коллега (умышленно не называю имя) – не смог присутствовать на Орловской конференции. При этом узнав о содержании «главного» доклада на тему «О научной концепции А. П. Гуляева „Следователь в уголовном процессе и методология исследования оптимальности правового регулирования его деятельности“» [22, с. 47–52], а также проиллюстрированных в ходе выступления Вячеславом Владимировичем точках зрения по вопросу, в том числе связанных с научной добросовестностью исследователей, позвонил и уточнил, насколько серьезными были замечания в отношении его подчиненных.

В этой связи нельзя не упомянуть о том, что одним из базовых научных принципов, «исповедуемых» профессором В. В. Николюком, является научная добросовестность, которая предполагает приверженность следующим фундаментальным ценностям: честности в представлении результатов, объективности, беспристрастности и прозрачности. Стержневой основой добросовестности является уважение прав участников исследований, в том числе корректное признание вклада других ученых в разрешении проблемы. В этом ключе Заслуженный деятель науки Российской Федерации требует от коллег-последователей признания вклада в науку ученых-предшественников. Тем самым он проявляет трепетное уважение к своим Наставникам.

Вячеслав Владимирович с благодарностью вспоминает своих Учителей. На выбор научной карьеры будущего доктора юридических наук повлияла увлеченность уголовным процессом его старшего преподавателя кафедры уголовного процесса Омской высшей школы милиции Виктора Андреевича Дунина. Его научным руководителем по кандидатской диссертации являлся Юрий Николаевич Белозеров, а начальником ведущей кафедры – Александр Александрович Чувилев. Консультировал по докторской диссертации один из известнейших ученых-процессуалистов Анатолий Петрович Гуляев.

Многим из нас посчастливилось наблюдать живое общение руководителей оргкомитета А. П. Гуляева и В. В. Николюка на полях Орловской конференции, которое состоялось в 2014–2016 годах. В памяти сохранилось умение «Заслуженных Учителя и Ученика» вести научный диспут, осуществлять объективный анализ и что не менее важно доброжелательно относиться к выступающим. Позднее, после трагической утраты Анатолия Петровича, в знак памяти и уважения Вячеслав Владимирович опубликовал в Орловском сборнике статью в соавторстве со своим Наставником. Ее предвосхитило следующее суждение: «Работа над статьей и естественное в этой связи человеческое общение с соавтором доставили мне огромное творческое удовлетворение, еще раз показали незаурядность, масштабность и системность научного мышления А. П. Гуляева, его последовательность и настойчивость в отстаивании своих доктринальных представлений» [23, с. 135–145]. Немного позже, в изданиях, посвященных 90-летнему юбилею Анатолия Петровича, также можно прочитать слова Ученика о своем Наставнике, написанные с теплотой и уважением [22, с. 47–52]. При этом в заключение одной из юбилейных статей В. В. Николюк делает вывод: «Дальнейшие исследования феномена „следователь в уголовном процессе“ имеют перспективы при условии, что ученые будут придерживаться хорошо отработанных и проверенных на практике понятий, терминов,

дефиниций, которым не свойственна правовая неопределенность, не отвлекаясь на искусственно придуманные второстепенные вопросы, строго соблюдая правило преемственности научных исследований» [24, с. 189–194], что еще раз подчеркивает приверженность профессора принципу добросовестности.

Ранее уже отмечались острота и даже жесткость позиции В. В. Николюка по отношению к научным сочинениям «состоявшихся» ученых-процессуалистов (докторов, кандидатов наук). При этом его характерной чертой одновременно является доброжелательность и поддержка тех исследователей, которые стремятся в науку, делают в ней первые шаги. Если профессор видит перед собой добросовестного в проведении научного изыскания человека, жаждущего знаний, то он всегда окажет помощь соискателю. Как следствие, замечания оппонента будут продуктивными и корректными. Это касается и выступлений Вячеслава Владимировича в качестве неофициального оппонента (еще один его «конек»!). Весьма редко по завершении защиты он не высказывает свою позицию по проблеме диссертации. Причем его точка зрения – это самостоятельный доклад! Даже несогласие в позициях по многим вопросам с соискателем (и, как правило, с научным руководителем диссертанта) – это не повод, чтобы предложить диссовету отрицательный вывод. Напротив, Учитель всегда найдет аспекты, за которые можно и нужно похвалить молодого ученого!

Защита диссертации – кандидатской, а тем более докторской – это научное событие, торжество не только для диссертанта, но и для научной или образовательной организации, на базе которой функционирует диссертационный совет. Мне удалось защитить обе диссертации в совете на базе Омской академии МВД России при прямом участии и содействии В. В. Николюка. Вспоминаю, как накануне защиты он предложил воспользоваться методическим приемом, который заключается в следующем: «нужно разложить на полу листы доклада и, стоя на коленях, исключить из текста повторяющиеся слова». Теперь можно с уверенностью сказать, что «профессор В. В. Николюк поставил ради защиты докторской соискателя на колени!»

Для ощущения научного праздника в г. Омске (далекого от столичных городов) в качестве официальных оппонентов всегда приглашаются специалисты из других регионов – центров уголовно-правовой, процессуальной науки, присутствуют интересные ораторы, которых увлекательно послушать. На диссовет собираются большие аудитории так, что не хватает обычных мест для работы, приходится ставить дополнительные стулья. В качестве официальных оппонентов к соискателям профессора В. В. Николюка диссовет приглашает ведущих «зубров» (не хочу никого обидеть, оппонентов легко найти в соответствующих диссертациях и авторефератах). При характеристике своего соискателя Вячеслав Владимирович также анонсирует: «Сегодня в г. Омск я привез профессора <…>». Спустя время и мне посчастливилось быть допущенным в качестве официального оппонента по одной из диссертаций ученика Вячеслава Владимировича, за что я весьма благодарен своему Наставнику [25, с. 248–257].

Продолжается научная полемика и на неофициальной части защиты – ужине. В Омской академии МВД России – это не просто «фуршет». В те счастливые моменты, когда В. В. Николюк присутствует на вечере, это «историческая справка», возможность узнать о неизвестных страницах жизни нашего Юбиляра, непознанной летописи Омской высшей школы милиции, особенностях обучения в московской адъюнктуре и докторантуре. Есть возможность для содержательных шуток, анекдотов. А основным докладчиком и здесь остается «дядя Слава».

В заключение хочу отметить, что Вячеслав Владимирович Николюк оказал и продолжает оказывать самое большое влияние на мою профессиональную деятельность. Еще в «слушательские» годы мне во всем хотелось походить на «зам. начальника ОмЮИ» – самого молодого в системе МВД России доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, ма-

стера спорта, чемпиона мира. Прошли годы, и я продолжаю удивляться и восхищаться незаурядным умом, прекрасной памятью, активностью мысли, мудростью, образованностью, физической силой, неиссякаемой работоспособностью своего Наставника. Уверен, что требовательность к себе и другим, постановка всегда самых высоких целей и упорство в их достижении своим «трудом и потом» позволяют Учителю добиваться новых высот в различных жизненных направлениях. Он искренне увлечен наукой и своей увлеченностью «заражает» сподвижников. Его труды отличает глобальность поставленных вопросов и оригинальность обнаруженных решений. Системность, научная добросовестность и тщательность проработки проблем являются принципами работы уважаемого ученого. Вячеслав Владимирович – самый яркий пример мужской дружбы, он открыт к общению, бескорыстен, умеет радоваться успехам учеников и друзей.

Хочу обратиться к дорогому Вячеславу Владимировичу, еще раз поздравить с прекрасным Юбилеем и сказать ему следующие слова: Ваш подход к научной деятельности является поистине народным Достоянием! Вы являетесь примером, олицетворяющим бережное отношение к науке, заботливое отношение к своим Учителям, внимательности к ученикам, взыскательности к коллегам. Благодарим Вас за неравнодушное отношение к науке!

---

1. Муравьев К. В. Модель нормативного регулирования мер пресечения, действующих при производстве по уголовному делу и в уголовно-исполнительном судопроизводстве (в развитие научного подхода заслуженного деятеля науки Российской Федерации доктора юридических наук, профессора В. В. Николюка) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 3(98). С. 145–155.
2. Николюк В. В. Великая процессуальная эволюция (размышления над книгой А. В. Победкина «Основные положения УПК России как система гарантий публичности уголовного судопроизводства») // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 3(75). С. 18–27.
3. Николюк В. В. Судебное право как философская категория и точка пересечения «идеала» (единый процессуальный кодекс) и «реальности» (сохранение процессуального отраслевого многообразия). Часть 1 // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 1(45). С. 135–141.
4. Николюк В. В. «Блеск» идеи судебного контроля за оперативно-розыскной деятельностью и «нищета» ее законодательного воплощения // Теория и практика расследования преступлений: материалы XI Международной научно-практической конференции, Краснодар, 13 апреля 2023 года. Краснодар, 2023. С. 507–512.
5. Николюк В. В. «Письмо двенадцати» о неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы в контексте российской модели уголовно-процессуального доказывания // Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход: материалы Международной науч.-практ. конференции (18–19 июня 2021 года, г. Красноярск). Красноярск, 2021. С. 80–88.
6. Николюк В. В. Последствия частичной уплаты штрафа, назначенного в качестве уголовного наказания: «возвышение» наказания за бедность или благосклонность к малоимущим осужденным // Российское правосудие. 2020. № 2. С. 50–60.
7. Николюк В. В. Феномен «мертвых норм» в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 2 (77). С. 19–25.
8. Николюк В. В. Научная полемика конструктивна, когда она не становится «околонаучной» // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 4(16). С. 176–189.

9. Николюк В. В. Привидение приговора в исполнение: правовой фантом или действующая законодательная конструкция // Преступление, наказание, исправление: сборник тезисов выступлений и докладов участников IV Международного пенитенциарного форума (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России). В 10 т. 2019. С. 88–94.
10. Николюк В. В., Данильян А. С. Системные проблемы российского уголовного процесса «глазами» Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2019. Т. 2. № 1(1). С. 63–72.
11. Николюк В. В. «Броуновское движение» в стадии исполнения приговора: к вопросу об эффективности судебного контроля за применением к осужденным наказания // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: Сборник материалов 20-й международной научно-практической конференции. В 2 томах, Иркутск, 28–29 мая 2015 года. Том 1. Иркутск, 2015. С. 96–102.
12. Николюк В. В. Пупышева Л. А. Исполнение приговора в системе уголовного процесса: процессуальная стадия или особое судебное производство? // Российское правосудие. 2021. № 1. С. 96–106.
13. Николюк В. В. Уголовное судопроизводство и криминалистика: взаимодействие, сближение, отчуждение в условиях реформирования УПК РФ и модернизация научных стандартов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2(77). С. 14–24.
14. Николюк В. В. Задержание осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания. Спорные вопросы // Уголовный процесс. 2020. № 10(190). С. 86–91.
15. Николюк В. В. Рецензия на книгу: Максуров А. А. Актуальные проблемы судебного права // Российская юстиция. 2024. № 9. С. 75–80.
16. Николюк В. В. Игра в слова – прием «научной» дискуссии? (размышления к статье Е. А. Фокина) // Мировой судья. 2026. № 8. С. 34–40.
17. Николюк В. В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения. Орел, 2015. 236 с.
18. Герасименко Е. В., Гусев В. А. Адвокат в сфере оперативно-розыскной деятельности (особое мнение). Омск, 2025. 248 с.
19. Николюк В. В. Прав ли Верховный Суд РФ, даже если он «Верховный»? (К вопросу о современной трактовке содержания права на защиту в уголовном судопроизводстве) // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: Сборник материалов Всероссийской конференции, Орел, 15–16 октября 2015 года. Орел, 2015. С. 263–270.
20. Муравьев К. В., Синенко С. А. Конституционный Суд Российской Федерации всегда прав, поскольку он Конституционный! // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Международной научно-практической конференции. К 30-летию принятия Конституции РФ. В 2-х частях, Орел, 12–13 октября 2023 года. Ч. 2. Орел, 2023. С. 8–16.
21. Николюк В. В. Вопросы взаимодействия Закона об ОРД с УПК РФ в фокусе конституционного мировоззрения // 95 лет Академии управления МВД России: продолжая и приумножая славные традиции: сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции, Москва, 5 июля 2024 года. М., 2024. С. 56–62.
22. Николюк В. В. О научной концепции А. П. Гуляева «Следователь в уголовном процессе и методология исследования оптимальности правового регулирования его деятельности» // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории

и проблемы дальнейшего реформирования: международная научно-практическая конференция: памяти заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора А. П. Гуляева в связи с 90-летием со дня рождения, Орел, 11 октября 2024 года. Орел, 2024. С. 47–52.
23. Гуляев А. П., Николюк В. В. Теоретико-методологические основы формирования организационно-правового механизма возмещения вреда, причиненного гражданам и юридическим лицам ведением уголовного судопроизводства // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Международной научно-практической конференции. К 300-летию российской полиции, Орел, 18–19 октября 2018 года. Орел, 2018. С. 135–145.
24. Николюк В. В. Эволюция процессуального статуса следователя (по мотивам научного наследия профессора А. П. Гуляева) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 3(94). С. 189–194.
25. Муравьев К. В. Отзыв официального оппонента на диссертацию Николаевой Натальи Александровны «Производство о применении к несовершеннолетнему меры уголовно-правового воздействия в виде помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа» // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2022. № 3(92). С. 248–257.

1. Murav`ev K. V. Model` normativnogo regulirovaniya mer presecheniya, dejstvuyushhix pri proizvodstve po ugolovnomu delu i v ugolovno-ispolnitel`nom sudoproizvodstve (v razvitie nauchnogo podxoda Zasluzhennogo deyatelya nauki Rossijskoj Federacii doktora yuridicheskix nauk, professora V. V. Nikolyuka) // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 3(98). S. 145–155.
2. Nikolyuk V. V. Velikaya processual`naya e`volyuciya (razmy`shleniya nad knigoj A. V. Pobedkina «Osnovny`e polozheniya UPK Rossii kak sistema garantij publichnosti ugolovnogo sudoproizvodstva») // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2025. № 3(75). S. 18–27.
3. Nikolyuk V. V. Sudebnoe pravo kak filosofskaya kategoriya i tochka peresecheniya «ideala» (ediny`j processual`ny`j kodeks) i «real`nosti» (soxranenie processual`nogo otraslevogo mnogoobraziya). Chast` 1 // Vestnik Ural`skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2025. № 1(45). S. 135–141.
4. Nikolyuk V. V. «Blesk» idei sudebnogo kontrolya za operativno-rozy`sknoj deyatel`nost`yu i «nishheta» ee zakonodatel`nogo voploshheniya // Teoriya i praktika rassledovaniya prestuplenij: materialy` XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Krasnodar, 13 aprelya 2023 goda. Krasnodar, 2023. S. 507–512.
5. Nikolyuk V. V. «Pis`mo dvenadczati» o nepravomernosti opredeleniya dostovernosti pokazanij putem sudebnoj e`kspertizy` v kontekste rossijskoj modeli ugolovno-processual`nogo dokazy`vaniya // Obespechenie prav uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva s ogranichenny`mi vozmozhnostyami: kompensatorny`j podxod: materialy` Mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konferencii (18–19 iyunya 2021 goda, g. Krasnoyarsk). Krasnoyarsk, 2021. S. 80–88.
6. Nikolyuk V. V. Posledstviya chastichnoj uplaty` shtrafa, naznachennogo v kachestve ugolovnogo nakazaniya: «vozvy`shenie» nakazaniya za bednost` ili blagosklonnost` k maloimushhim osuzhdenny`m // Rossijskoe pravosudie. 2020. № 2. S. 50–60.
7. Nikolyuk V. V. Fenomen «mertvy`x norm» v Ugolovno-processual`nom kodekse Rossijskoj Federacii // Nauchny`j vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2020. № 2 (77). S. 19–25.
8. Nikolyuk V. V. Nauchnaya polemika konstruktivna, kogda ona ne stanovitsya «okolonauchnoj» // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2020. № 4(16). S. 176–189.

9. Nikolyuk V. V. Prividenie prigovora v ispolnenie: pravovoj fantom ili dejstvuyushhaya zakonodatel`naya konstrukciya // Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie: sbornik tezisov vy`stuplenij i dokladov uchastnikov IV Mezhdunarodnogo penitenciarnogo foruma (k 140-letiyu ugolovno-ispolnitel`noj sistemy` Rossii i 85-letiyu Akademii FSIN Rossii). V 10 t. 2019. S. 88–94.
10. Nikolyuk V. V., Danil`yan A. S. Sistemny`e problemy` rossijskogo ugolovnogo processa «glazami» Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii // Sovremennoe ugolovno-processual`noe pravo – uroki istorii i problemy` dal`nejshego reformirovaniya. 2019. T. 2. № 1(1). S. 63–72.
11. Nikolyuk V. V. «Brounovskoe dvizhenie» v stadii ispolneniya prigovora: k voprosu ob e`ffektivnosti sudebnogo kontrolya za primeneniem k osuzhdenny`m nakazaniya // Deyatel`nost` pravooxranitel`ny`x organov v sovremenny`x usloviyax: Sbornik materialov 20-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. V 2 tomax, Irkutsk, 28–29 maya 2015 goda. Tom 1. Irkutsk, 2015. S. 96–102.
12. Nikolyuk V. V. Pupy`sheva L. A. Ispolnenie prigovora v sisteme ugolovnogo processa: processual`naya stadiya ili osoboe sudebnoe proizvodstvo? // Rossijskoe pravosudie. 2021. № 1. S. 96–106.
13. Nikolyuk V. V. Ugolovnoe sudoproizvodstvo i kriminalistika: vzaimodejstvie, sblizhenie, otchuzhdenie v usloviyax reformirovaniya UPK RF i modernizaciya nauchny`x standartov // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2026. № 2(77). S. 14–24.
14. Nikolyuk V. V. Zaderzhanie osuzhdennogo, skry`vshegosya v celyax ukloneniya ot otby`vaniya nakazaniya. Sporny`e voprosy` // Ugolovny`j process. 2020. № 10(190). S. 86–91.
15. Nikolyuk V. V. Recenziya na knigu: Maksurov A. A. Aktual`ny`e problemy` sudebnogo prava // Rossijskaya yusticiya. 2024. № 9. S. 75–80.
16. Nikolyuk V. V. Igra v slova – priem «nauchnoj» diskussii? (razmy`shleniya k stat`e E. A. Fokina) // Mirovoj sud`ya. 2026. № 8. S. 34–40.
17. Nikolyuk V. V. Zaklyuchenie pod strazhu osuzhdennogo, skry`vshegosya v celyax ukloneniya ot otby`vaniya nakazaniya: doktrina, zakonodatel`naya konstrukciya, tolkovanie i problemy` prakticheskogo primeneniya. Orel, 2015. 236 s.
18. Gerasimenko E. V., Gusev V. A. Advokat v sfere operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti (osoboe mnenie). Omsk, 2025. 248 s.
19. Nikolyuk V. V. Prav li Verxovny`j Sud RF, dazhe esli on «Verxovny`j»? (K voprosu o sovremennoj traktovke soderzhaniya prava na zashhitu v ugolovnom sudoproizvodstve) // Sovremennoe ugolovno-processual`noe pravo Rossii – uroki istorii i problemy` dal`nejshego reformirovaniya: Sbornik materialov Vserossijskoj konferencii, Orel, 15–16 oktyabrya 2015 goda. Orel, 2015. S. 263–270.
20. Murav`ev K. V., Sinenko S. A. Konstitucionny`j Sud Rossijskoj Federacii vsegda prav, poskol`ku on Konstitucionny`j! // Sovremennoe ugolovno-processual`noe pravo – uroki istorii i problemy` dal`nejshego reformirovaniya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. K 30-letiyu prinyatiya Konstitucii RF. V 2-x chastyax, Orel, 12–13 oktyabrya 2023 goda. Ch. 2. Orel, 2023. S. 8–16.
21. Nikolyuk V. V. Voprosy` vzaimodejstviya Zakona ob ORD s UPK RF v fokuse konstitucionnogo mirovozzreniya // 95 let Akademii upravleniya MVD Rossii: prodolzhaya i priumnozhaya slavny`e tradicii: sbornik nauchny`x statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 5 iyulya 2024 goda. M., 2024. S. 56–62.
22. Nikolyuk V. V. O nauchnoj koncepcii A. P. Gulyaeva «Sledovatel` v ugolovnom processe i metodologiya issledovaniya optimal`nosti pravovogo regulirovaniya ego deyatel`nosti» // Sovremennoe ugolovno-processual`noe pravo – uroki istorii i problemy` dal`nejshego reformirovaniya: mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya: pamyati zasluzhennogo yurista Rossijskoj Federacii, doktora yuridicheskix nauk, professora

A. P. Gulyaeva v svyazi s 90-letiem so dnya rozhdeniya, Orel, 11 oktyabrya 2024 goda. Oryol, 2024. S. 47–52.
23. Gulyaev A. P., Nikolyuk V. V. Teoretiko-metodologicheskie osnovy` formirovaniya organizacionno-pravovogo mexanizma vozmeshheniya vreda, prichinennogo grazhdanam i yuridicheskim liczam vedeniem ugolovnogo sudoproizvodstva // Sovremennoe ugolovno-processual`noe pravo – uroki istorii i problemy` dal`nejshego reformirovaniya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. K 300-letiyu rossijskoj policii, Oryol, 18–19 oktyabrya 2018 goda. Oryol, 2018. S. 135–145.
24. Nikolyuk V. V. E`volyuciya processual`nogo statusa sledovatelya (po motivam nauchnogo naslediya professora A. P. Gulyaeva) // Nauchny`j vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2024. T. 30, № 3(94). S. 189–194.
25. Murav`ev K. V. Otzy`v oficial`nogo opponenta na dissertaciyu Nikolaevoj Natal`i Aleksandrovny` «Proizvodstvo o primenenii k nesovershennoletnemu mery` ugolovno-pravovogo vozdejstviya v vide pomeshheniya v special`noe uchebno-vospitatel`noe uchrezhdenie zakry`togo tipa» // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2022. № 3(92). S. 248–257.

Информация об авторе

Кирилл Владимирович Муравьев. Начальник научно-исследовательского центра, доктор юридических наук, профессор.
Академия управления МВД России.
125171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

Information about the author

Kirill V. Muraviov. Head of the research center, Doctor of Sciences (Law), professor.
Academy of Management of the MIA of Russia.
125171, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh St., 8.

Статья поступила в редакцию 03.08.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 13.05.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Теоретико-исторические правовые науки

Научная статья
УДК 340.15:347.2(470)

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 1990-Х ГОДОВ

Габдуллина Алия Расилевна
Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

gabdullina_aliya@list.ru

Аннотация. В статье исследуются особенности трансформации института собственности в России 1990-х годов в условиях распада СССР и формирования новой государственности. Анализируются теоретико-правовые подходы к пониманию права собственности, включая дискуссии о соотношении традиционной триады правомочий и управленческого элемента. Рассматриваются конституционные основы закрепления государственной, муниципальной и частной форм собственности, а также проблемы их разграничения. Особое внимание уделено правовому обеспечению приватизации государственного имущества, нормативной базе первого и второго этапов приватизации, противоречиям законодательства и проблемам реализации приватизационных программ. Изучаются особенности становления муниципальной и частной собственности, их влияние на развитие рыночной экономики и гражданского общества. Делается вывод о противоречивом характере реформирования отношений собственности в постсоветской России, недостаточной эффективности правового регулирования приватизационных процессов и значительном влиянии данных преобразований на дальнейшее развитие российской государственно-правовой системы.

Ключевые слова: собственность, право собственности, государственная собственность, муниципальная собственность, частная собственность, приватизация, постсоветская Россия, государственно-правовое обеспечение, трансформация.

Для цитирования: Габдуллина А. Р. Государственно-правовое обеспечение отношений собственности в законодательстве Российской Федерации 1990-х годов // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 29–38.

STATE LEGAL SUPPORT FOR PROPERTY RELATIONS IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE 1990S

Aliya R. Gabdullina
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

gabdullina_aliya@list.ru

Annotation. This article examines the transformation characteristics of the institution of property in Russia in the 1990s amid the collapse of the USSR and the formation of a new state. It analyzes theoretical and legal approaches to understanding property rights, including

discussions about the relationship between the traditional triad of powers and the managerial element. It examines the constitutional foundations for enshrining state, municipal, and private ownership, as well as issues related to their delineation. Particular attention is paid to the legal framework for the privatization of state property, the regulatory framework for the first and second stages of privatization, legislative inconsistencies, and the challenges of implementing privatization programs. The article examines the development of municipal and private property and their impact on the development of a market economy and civil society. It concludes that the reform of property relations in post-Soviet Russia has been controversial, that legal regulation of privatization processes is ineffective, and that these reforms have had a significant impact on the further development of the Russian state and legal system, detention.

Keywords: property, property rights, state property, municipal property, private property, privatization, post-Soviet Russia, state and legal framework, transformation.

For citation: Gabdullina A. R. State legal support for property relations in the legislation of the Russian Federation in the 1990s // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 29–38.

Распад Советского Союза, формирование и функционирование России как суверенного государства поставили перед учеными новые вопросы о регулировании отношений собственности в изменившихся условиях. Новая политическая формация потребовала новых подходов к регулированию и управлению собственностью, поскольку именно собственность как экономическая категория становилась решающим фактором в процессе политического управления. Как раз в указанный период появляется множество научных исследований, посвященных институту собственности и его правовому регулированию. Одним из первых в этом направлении проводил изыскания Ю. Н. Толстой, который полагал, что «в самом первом приближении собственность можно определить как отношение индивида или коллектива к принадлежащей ему вещи, как к своей. Собственность покоится на различии «моего» и «твоего» [1, с. 5].

В условиях формирования новой государственности в России отношения собственности продолжают рассматриваться сквозь призму «триады» правомочий: владения, пользования и распоряжения. Как и ранее, под владением большинство исследователей продолжают понимать возможность лица, исходящую из закона, фактически обладать той или иной вещью. Пользование, в свою очередь, означало возможность получения каких-либо полезных свойств из вещей в процессе потребления. Под распоряжением понималась возможность лица определять правовую судьбу вещи по своему усмотрению.

Вместе с тем в начале 90-х годов XX века в научной среде появляется теория, согласно которой право собственности не может ограничиваться общепринятой системой правомочий по владению, пользованию и распоряжению. В частности, С. А. Зинченко и Э. В. Лисневский разработали теорию, согласно которой выделенные правомочия ограничиваются положениями закона, который по своей сути осуществляет управление и регулирование отношений собственности [2, с. 12].

В связи с этим комплекс правомочий в отношении собственности должен быть дополнен таким элементом, как управление, которое в той или иной степени проявляется во всех формах собственности.

Следует отметить, что данная теория не получила массовой поддержки. Более того, отдельные исследователи (У. Маттей, Е. А. Суханов) подвергли данную концепцию жесткой критике, утверждая, что выделяемое С. В. Зинченко правомочие по управлению может быть раскрыто через общепринятую триаду правомочий [3, с. 311]. В. П. Камышанский полагал, что «управленческие отношение ближе к административному праву, чем к гражданскому» [4, с. 62].

Представляется очевидным, что подобная критика вполне обоснована, поскольку, например, в отношении права частной собственности нормативное управление минимально и не носит определяющего характера. В отношении государственной и муниципальной собственности такое правомочие, как управление, кажется более ярко выраженным. Однако, на наш взгляд, оно может осуществляться посредством пользований и распоряжения.

Стоит отметить, что Гражданским кодексом РФ[1] в отношении собственности установлен ряд ограничений. Под ограничениями в сфере гражданского права принято понимать наличие определенных условий, которые устанавливаются законом или специальными органами, носят запрещающий характер и стесняют правообладателя в осуществлении им своего права, в нашем случае – права собственности.

Одним из подобных ограничителей права собственности является установленный законом запрет на совершение действий, направленных на причинение вреда окружающей среде, посредством осуществления права собственности. Ю. К. Толстой в этом отношении отмечал, что причинение ущерба окружающей среде, с одной стороны, «нарушает пределы осуществления права собственности на экологически вредные производства, а с другой – возникает труднопреодолимое препятствие для нормального осуществления права собственности на природные ресурсы, что создает благоприятную почву для всякого рода социальных конфликтов» [5, с. 4].

Полагаем, подобное утверждение ближе к истине, поскольку по своей сути право собственности одного индивида не должно противоречить правам другого или общества в целом, поскольку если данное противоречие возникает, то это может привести не только к социальным конфликтам, но и к девальвации роли права как регулятора отношений в обществе. При этом стоит подчеркнуть: то или иное ограничение права собственности может быть установлено только федеральным законом и только с целью защиты интересов иных лиц, конституционного строя, обороны страны.

В 1993 году в нашей стране принимается новая Конституция[2], в тексте которой установлено функционирование на территории страны государственной, муниципальной, частной и иных форм собственности. Более того, в законе нет толкования «иных форм собственности». Обратимся к трактовке особенностей регулирования вышеобозначенных форм собственности.

Наибольший интерес в данном контексте представляет государственная собственность, поскольку именно она подверглась наиболее существенным изменениям особенно в ходе реализации процессов приватизации.

При этом мы исходим из того очевидного факта, что государственная собственность состоит из двух составляющих: имущества, принадлежащего государственным унитарным предприятиям и учреждениям, и средств бюджета, а также средств, составляющих государственную казну.

Стоит заметить, что разграничение видов собственности, предусмотренное Конституцией, привело к появлению проблемы разграничения собственности: отделения собственности государства от собственности его субъектов, а также разграничение на муниципальную и государственную собственность.

Большинство правоведов сходятся во мнении, что история приватизации в России насчитывает три этапа:

– первый этап – 1992–1994 годы;

---

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

– второй этап – 1994–1999 годы;
– третий этап – 1999–2003 годы.

Первый этап, или как его еще называют «ваучерная приватизация», начался летом 1992 года, когда принятые ранее нормативные документы стали реализовываться на практике. Необходимо отметить, что приватизация и преобразования отдельных отраслей могли осуществляться только по решению органов исполнительной власти. К числу данных отраслей относились предприятия электроэнергетики, газовой отрасли, нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие предприятия, организации угольной промышленности, предприятия связи.

Через год, в 1993 году, принимается новая государственная программа по приватизации государственных предприятий, которая содержала в себя ряд нововведений, внесение которых было обусловлено возникшими проблемами в ходе реализации предыдущих программ. В частности, вводится такой важный гражданско-правовой институт, как судебная защита частнособственнических интересов (акционеров).

Анализ правового регулирования начальных этапов приватизации показывает, что формализация собственнических отношений, урегулирование перехода государственной собственности в частную, попытки направить приватизационные процессы в формальные юридические рамки – все это происходило спонтанно, с отставанием по времени от таких важных экономических процессов, как первоначальное накопление капитала в России. К тому же среди самих разработчиков программ приватизации отсутствовало единое мнение как по методам ее реализации, так и по регулированию процесса в целом. Поэтому практика приватизации не соответствовала такой провозглашенной доктрине, как повышение функциональной устойчивости предприятий, формирования собственника новой формации, создания рыночных механизмов регулирования экономики, привлечения иностранных инвестиций в новые предприятия.

К наиболее существенным недостаткам нормативного регулирования приватизации в 1992–1994 годах можно отнести:

1. Все приватизационные мероприятия были основаны на относительных расчетных показателях, они не были дифференцированы в зависимости от характеристики отдельных предприятий, не были учтены индивидуальные показатели каждого отдельного предприятия, в частности: прибыльность и эффективность функционирования.

2. Принимаемые нормативные акты фактически противоречили принципам социальной справедливости и не были ориентированы на всестороннее использование возможностей всех слоев населения.

3. На законодательном уровне не были предусмотрены в качестве обязательных такие условия приватизации, как, например, сохранение профиля производства, стабильность технических процессов, противодействие сокращению численности трудовых мест, что в конечном счете привело к перепрофилированию многих предприятий, сокращению отдельных отраслей промышленности, снижению численности трудовых коллективов.

Таким образом, мы видим, что цели первого этапа приватизации не были достигнуты.

Второй этап приватизации в России начался 22 июля 1994 года с принятием Указа Президента РФ «Об основных положениях Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в РФ»[3]. С принятием данного указа осуществляется переход от «ваучерной» приватизации к денежной. Введение данной модели расчетов было связано с решением двух основных задач на тот момент:

[3] Об Основных положениях Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации после 1 июля 1994 года: Указ Президента Рос. Федерации от 22 июля 1994 г. № 1535. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

привлечение инвестиций для реформирования предприятий и пополнение федерального бюджета.

Существенные изменения в правовом регулировании процесса приватизации были внесены принятием в 1997 году Федерального закона «О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в РФ»[4]. Данным законом были предусмотрены новые способы приватизации, изменился порядок проведения конкурсов. В качестве новеллы в законодательстве отметим следующий фактор: теперь право собственности на проданное во время конкурса имущество переходило только после выполнения предполагаемым собственником определенных социальных или инвестиционных условий в отношении того объекта, который подлежал приватизации.

Необходимо отметить, что закон о приватизации от 1997 года содержал в себе также условие о необходимости утверждения вместе с ежегодным бюджетом и государственной программы приватизации. Однако, несмотря на наличие данного пункта, Государственной Думой так и не были приняты государственные программы приватизации, что фактически привело к тому, что анализируемый закон на практике не был реализован. Более того, все приватизационные программы осуществлялись по тем государственным программам, которые были приняты ранее без внесения в них каких-либо изменений и дополнений.

Таким образом, на этом негативном примере можно сделать вывод о необходимости создания благоприятной, стабильной основы в процессе формирования правовых условий данной экономики в стране. В данном случае приходится констатировать, что две ветви власти «расползлись» в разных направлениях. Дума постоянно требовала социальных гарантий в ходе проведения приватизации, а исполнительная власть добивалась полномасштабного перехода значимых объектов в руки нарождающегося слоя российских собственников. В конечном счете это во многом предопределило провал общего направления правительственной политики в конце 90-х годов.

В целом, подводя итог данному этапу приватизации в России, можно отметить, что, несмотря на наличие определенных положительных тенденций в правовом регулировании процесса приватизации, законодательство данного периода имманентно содержало в себе ряд недостатков.

Прежде всего, речь идет об отсутствии в указанный период полноценной и не противоречащей общему содержанию действующего законодательства правовой основы при осуществлении процесса приватизации объектов государственной собственности с учетом ее рыночной стоимости, без ее занижения. Не был предусмотрен механизм ограничения, а в некоторых случаях и запрета на приватизацию отдельных отраслей и объектов российской государственной собственности иностранного капитала либо российскими предприятиями, имеющими в качестве своих учредителей или выгодоприобретателей иностранных юридических или физических лиц. Не был также регламентирован порядок расторжения сделок по приватизации государственного и муниципального имущества, а также возмещения ущерба в случае занижения стоимости, совершения сделки без ее оценки, с нарушением условий приватизации, предполагающих реализацию определенных социальных или инвестиционных условий.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на наличие определенного опыта в попытках разработки и принятия более современного законодательства, приватизационные процессы в нашей стране протекали спонтанно, что неизбежно привело к нарушению законодательства.

---

[4] О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 21 июля 1997 г. № 123-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (утратил силу).

Одним из важных направлений анализа в контексте предпринятого нами исследования является вопрос о правовом регулировании государственной зарубежной собственности. Стоит отметить, что в рассмотренным выше законодательстве отсутствовала регламентация процесса приватизации государственного имущества, находящегося за рубежом. В данном случае речь идет лишь о единичных нормативных актах, регулирующих данный процесс.

В целом можно отметить, что существующие на тот момент нормативно-правовые акты, регулирующие процессы приватизации, не распространялись на объекты собственности, находящейся за рубежом, что во многом послужило одной из причин ее незаконного отчуждения в последующем.

Как видно из вышеизложенного, процессы правового режима государственной собственности в России конца XX века подвергались определенному регулированию, однако подобное регламентирование имело в себе существенные недостатки, не позволявшие эффективно распоряжаться государственной собственностью.

Одной из законодательно установленных форм собственности в России является муниципальная. Выделение данной формы собственности как самостоятельной в значительной степени привело к появлению новой отрасли права – муниципального права, одним из основных элементов которой является право муниципальной собственности. В этой связи А. А. Хореев справедливо полагает, что «право муниципальной собственности представляет собой комплексный (межотраслевой) юридический институт, включающий в себя совокупность норм конституционного, гражданского, административного, финансового и некоторых других отраслей права, закрепляющих общественные отношения по присвоению материальных благ муниципальными образованиями» [6, с. 8].

Исследование муниципальной собственности, ее особенностей предполагает соответствующий анализ с точки зрения разных подходов. Так, сочетание элементов институционального и классического подходов дает возможность объективно раскрыть ее сущность, а реализация ее функций в условиях меняющейся экономической среды неизбежно подводит к выводу о нецелесообразности разграничения собственности на «высшую» и «низшую», «ограниченную» и «полную» формы собственности и признании факта их равенства.

В соответствии с действующим законодательством, в том числе и Конституцией РФ, объектами муниципальной собственности могут быть: бюджетные средства муниципального образования (местная казна); муниципальные унитарные предприятия и учреждения; земельные и природные ресурсы; финансово-кредитные учреждения муниципального уровня; имущество, которое закреплено за органами управления муниципального управления.

А. Н. Суетов отмечает, что на сегодняшний день существует ряд противоречий в рамках таких компонентов, как «субъект-субъект» и «субъект-объект». Наличие данных противоречий А. Н. Суетов объясняет наличием определенных различий в интересах субъектов муниципальной собственности в процессе эксплуатации объектов и значимости полученных от данной эксплуатации результатов [7, с. 9].

Что касается правового регулирования муниципальной собственности, то на законодательном уровне ее формирование началось в 1991 году. Именно в данный период принимается закон «О местном самоуправлении в РСФСР»[5]. Однако само распределение собственности осуществлялось в соответствии с рассмотренным постановлением «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов

[5] О местном самоуправлении в РСФСР: Закон РСФСР от 6 июля 1991 г. № 1550-1. Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1010 (документ утратил силу).

Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность», согласно которому в состав муниципальной собственности входили объекты государственной собственности, которые расположены на территории того муниципального образования, в собственность которого они передавались.

Стоит отметить, что на процесс формирования собственности муниципальных образований достаточно серьезно повлиял процесс приватизации. Однако фактически органы местного самоуправления сами не имели возможности оказать существенное влияние на этот процесс, в связи с чем экономической выгоды от приватизации органы местного самоуправления не получили. К тому же поскольку муниципальные предприятия продавались не по рыночной стоимости, а со значительным ее занижением, то более или менее значимых поступлений в местные бюджеты не происходило.

Таким образом, можно отметить, что формирование собственности на муниципальном уровне началось в начале 1990-х годов и получило свое закрепление как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов федерации.

На наш взгляд, о важности такого института, как муниципальная собственность, свидетельствовало появление законодательных актов на разных уровнях. Так, в Конституции нормы, затрагивающие регулирование отношений собственности, включены в раздел Основы конституционного строя, также в самой Конституции выделена муниципальная собственность как самостоятельная.

Вопрос управления муниципальной собственностью регулируются также Гражданским кодексом РФ, в котором под данным видом понимается имущество, принадлежащее на праве собственности городским и сельским поселениям, а также другим муниципальным образованиям.

Е. Г. Шаломенцева подчеркивает, что муниципальная собственность являлась самостоятельной формой собственности, имеет ряд характерных особенностей, среди которых можно выделить качественно иной уровень связи муниципальной собственности с интересами муниципального образования; непосредственную (более близкую) реализацию в данном виде собственности различного рода отношения экономического характера между властными структурами и отдельным человеком; важную роль муниципальной собственности в процессе осуществления социальной защиты населения территории того муниципального образования, на территории которого находится муниципальная собственность [8, с. 52–55].

Таким образом, очевидно, что в исследуемый период осуществлялось первичное формирование муниципальной собственности, которое в дальнейшем претерпит значительные изменения и дополнения.

Одним из видов собственности, выделенным законодательно в России лишь в 90-х годах XX века, является частная собственность. В своё время Ф. А. Хайек отмечал, что «частная собственность является главной гарантией свободы, причём не только для тех, кто владеет этой собственностью, но и для тех, кто этой собственностью не владеет» [9, с. 83].

Представляется, что с данным мнением следует во многом согласиться. По нашему мнению, существенное отставание России в регулировании отношений собственности относится лишь к правовому регулированию частной собственности, в то время как в регулировании государственной собственности опыт имелся.

Необходимо отметить, что и российские исследователи рассматривали проблему формирования и регламентирования частной собственности в России исключительно с 1990-х годах. В частности, А. М. Егоров отмечает, что «в российском законодательстве институт частной собственности не получил в полной мере своего развития, что связано как с недостаточной степенью развития рыночных отношений в России, так и со слабой разработкой его теоретических проблем» [10, с. 5].

Анализируя в указанный период негативные и позитивные стороны института частной собственности, российские исследователи в конечном счете пришли к выводу, что положительного в данном институте все же больше, чем негативного. Так, В. З. Баликоев отмечал, что «только частный собственник учится, ищет, узнает, изобретает, покупает, финансирует научные исследования. Однозначно развивает производительные силы, а следовательно, общество в целом. В этом глубокое, прогрессивное значение частной собственности» [11, с. 79].

Отмечая важное значение частной собственности для экономики страны, Ю. Б. Кочеврин подчеркивал, что «для России отмена запрета на частную собственность явилась событием огромного исторического и психологического значения. Был снят социальный пресс огромной силы, который искажал не только деятельность, но и сознание людей. О том, насколько этот пресс был силен, можно судить по тому, что до сих пор он до конца не снят, о чем свидетельствует, в частности, мучительное прохождение законодательства о земельной собственности» [12, с. 508].

Несколько иного мнения придерживался В. К. Андреев, который отмечал, что в процессе анализа сущности и назначения института права собственности «игнорируется факт западной политэкономии, что частная собственность лишь при определенных условиях служит источником доходов, а в других она приносит убытки и ведет к разорению своих обладателей. Для того чтобы частная собственность приносила доходы ее владельцу, необходима успешная трудовая и предпринимательская деятельность рабочих, служащих, инженерно-технических работников и организаторов производства. Нужна и определенная рыночная среда, которой у нас пока нет» [13, с. 53].

Исследуя причины столь некультивированного внимания к институту частной собственности, ученые неизбежно обращались к анализу в культурных и ментальных традициях народов России. Так, С. П. Федорченко отмечает, что «в русской традиции сформировалось инфантильное отношение к собственности, и не только чужой, но и своей» [14, с. 92].

А. В. Куликовой же ценность частной собственности просматривалась сквозь призму правовой культуры человека. Она подчеркивала: «Появление нового института в обществе сопряжено с возникновением и новых социальных ролей. Степень освоения социальной роли собственника, осознания себя собственником зависит от степени формирования правовой культуры. Далеко не все понимают смысл и значение приобретенных прав <…>. Собственники с невысоким уровнем правовой культуры еще не воспринимают институт частной собственности как важное экономическое и социальное образование <…>. Люди с более высоким уровнем правовой информированности, грамотности рассматривают частную собственность как институт, необходимый и определяющий жизнь общества» [15, с. 15–16].

Следует отметить, что развитие института частной собственности в 90-е годы прошлого столетия явилось закономерным процессом, который оказал существенное влияние как на экономическое, так и на правовое развитие государства. Следует согласиться с Г. Х. Чукаевой, которая полагала, что «институт права частной собственности тесно переплетается с такими институтами, как демократия, права человека, и распространяет свое влияние на все национальное правовое поле. Отсюда национальная правовая система, воспринимающая институт права частной собственности, радикально отличается от правовой системы страны, игнорирующей частную собственность» [16, с. 11–12].

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно говорить о том, что российское государство после распада СССР столкнулось с целым комплексом проблем политического, экономического, социального и правового характера. В этой связи отношения собственности стали занимать одно из важнейших мест в государственной правовой системе.

1. Толстой Ю. К. Теоретические вопросы собственности: содержание и формы. М. 1994. С. 5.
2. Зинченко С. А., Лисневский Э. В. Собственность, политическая власть и право: генезис, соотношение // Государство и право. 1992. № 3. С. 12.
3. Маттеи У., Суханов Е. А. Основные положения права собственности. М. 1999. С. 311.
4. Камышанский В. П. Право собственности на недвижимость: вопросы ограничений. Элиста. 1999. С. 62.
5. Толстой Ю. К. Собственность и право собственности в условиях перестройки // Правоведение. 1990. № 4. С. 4.
6. Хореев А. А. Проблемы гражданско-правового регулирования муниципальной собственности: автореф. дисс. ... канд. юридич. наук. М. 2002. С. 8.
7. Суетов А. Н. Развитие отношений муниципальной собственности в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 1999. С. 9.
8. Шаломенцева Е. Г. Некоторые аспекты правового регулирования процесса управления муниципальной собственностью // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 10. С. 52–55.
9. Хайек Ф. А. Дорога к рабству. М. 1992.
10. Егоров А. М. Правовые основы частной собственности в России (вопросы теории): дис. … канд. юрид. наук. М. 1997. С. 5.
11. Баликоев В. З. Общая экономическая теория. Новосибирск. 1996. С. 79.
12. Кочеврин Ю. Б. Собственность в переходной экономике: сборник статей. М. 2001. С. 508.
13. Андреев В. К. Право собственности в России. М. 1993. С. 53.
14. Федоренко, С. П. Государственно-правовая институционализация имперского принципа в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Д. 2006. С. 92.
15. Куликова А. В. Проблемы формирования правовой культуры населения России: автореф. … дис. канд. социол. наук. Н. Новгород. 2005. С. 15–16.
16. Чукаева Г. Х. Развитие института права частной собственности и особенности его реализации в российском праве (историко-правовой аспект): дис. … канд. юрид. наук. Челябинск. 2006. С. 11–12.

1. Tolstoj Yu. K. Teoreticheskie voprosy` sobstvennosti: soderzhanie i formy`. M. 1994. S. 5.
2. Zinchenko S. A., Lisnevskij E`. V. Sobstvennost`, politicheskaya vlast` i pravo: genezis, sootnoshenie // Gosudarstvo i pravo. 1992. № 3. S. 12.
3. Mattei U., Suxanov E. A. Osnovny`e polozheniya prava sobstvennosti. M. 1999. S. 311.
4. Kamy`shanskij V. P. Pravo sobstvennosti na nedvizhimost`: voprosy` ogranichenij. E`lista. 1999. S. 62.
5. Tolstoj Yu. K. Sobstvennost` i pravo sobstvennosti v usloviyax perestrojki // Pravovedenie. 1990. № 4. S. 4.
6. Xoreev A. A. Problemy` grazhdansko-pravovogo regulirovaniya municipal`noj sobstvennosti: avtoref. diss. ... kand. yuridich. nauk. M. 2002. S. 8.
7. Suetov A. N. Razvitie otnoshenij municipal`noj sobstvennosti v Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov. 1999. S. 9.
8. Shalomenceva E. G. Nekotory`e aspekty` pravovogo regulirovaniya processa upravleniya municipal`noj sobstvennost`yu // Konstitucionnoe i municipal`noe pravo. 2006. № 10. S. 52–55.
9. Xajek F. A. Doroga k rabstvu. M. 1992.

10. Egorov A. M. Pravovy`e osnovy` chastnoj sobstvennosti v Rossii (voprosy` teorii): dis. … kand. yurid. nauk. M. 1997. S. 5.
11. Balikoev V. Z. Obshhaya e`konomicheskaya teoriya. Novosibirsk. 1996. S. 79.
12. Kochevrin Yu. B. Sobstvennost` v perexodnoj e`konomike: sbornik statej. M. 2001. S. 508.
13. Andreev V. K. Pravo sobstvennosti v Rossii. M. 1993. S. 53.
14. Fedorenko, S. P. Gosudarstvenno-pravovaya institucionalizaciya imperskogo principa v sovremennoj Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov-na-D. 2006. S. 92.
15. Kulikova A. V. Problemy` formirovaniya pravovoj kul`tury` naseleniya Rossii: avtoref. … dis. kand. sociol. nauk. N. Novgorod. 2005. S. 15–16.
16. Chukaeva G. X. Razvitie instituta prava chastnoj sobstvennosti i osobennosti ego realizacii v rossijskom prave (istoriko-pravovoj aspekt): dis. … kand. yurid. nauk. Chelyabinsk. 2006. S. 11–12.

Информация об авторе

Алия Расилевна Габдуллина. Старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин.
Уфимский юридический институт МВД России.
450103, Россия, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.

Information about the author

Aliya R. Gabdullina. Senior Teacher at the Chair of Administrative and Legal Disciplines.
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
450103, Russia, Ufa, Muksinova St., 2.

Статья поступила в редакцию 02.07.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 02.07.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 351.741

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ РЕВОЛЮЦИОННОМУ ДВИЖЕНИЮ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Заседателева Евгения Игоревна
Сибирский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Новосибирск, Россия

e.zasedatel@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются законодательные меры российского правительства во второй половине XIX века, направленные на противодействие революционному движению при Александре II и Александре III. Рассматриваются ключевые инициативы, такие как усиление полицейского надзора (в т. ч. создание Департамента полиции), ужесточение уголовного законодательства, учреждение особых судебных органов (Особое присутствие Сената, Особое совещание при МВД), ужесточение цензуры («Временные правила о печати» 1882 г.), контроль над учебными заведениями и борьба с нелегальной печатью.

Показано, что, хотя эти меры временно ослабили революционное движение, они не устранили глубинных причин социального недовольства, а, напротив, усилили отчуждение между властью и обществом и способствовали дальнейшей радикализации. Исследование подчеркивает неоднозначность последствий политики контрреформ для стабильности самодержавия и развития гражданского общества в России.

Ключевые слова: Российская империя, XIX век, реформы, контрреформы, цензура, противодействие революционному движению.

Для цитирования: Заседателева Е. И. Законодательные меры Российской империи по противодействию революционному движению во второй половине XIX века // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 39–43.

LEGISLATIVE MEASURES OF THE RUSSIAN EMPIRE TO COUNTER THE REVOLUTIONARY MOVEMENT IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Evgeniya I. Zasedateleva
Siberian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Novosibirsk, Russia

e.zasedatel@mail.ru

Annotation. The article analyzes the legislative measures taken by the Russian government in the second half of the 19th century to counter the revolutionary movement during the reigns of Alexander II and Alexander III. Key initiatives are being considered, such as increased police surveillance (including the creation of the Police Department), stricter criminal legislation, the establishment of special judicial bodies (the Special Presence of the Senate, the Special Meeting of the Ministry of Internal Affairs), increased censorship

(the 1882 Temporary Regulations on the Press), control over educational institutions, and the fight against illegal printing.

It is shown that although these measures temporarily weakened the revolutionary movement, they did not eliminate the underlying causes of social discontent, but rather increased the alienation between the government and society and contributed to further radicalization. The study highlights the ambiguous consequences of the counter-reform policy for the stability of the autocracy and the development of civil society in Russia.

Keywords: Russian Empire, 19th century, reforms, counter-reforms, censorship, counteraction to the revolutionary movement.

For citation: Zasedateleva E. I. Legislative measures of the Russian Empire to counter the revolutionary movement in the second half of the 19th century // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 39–43.

Вторая половина XIX века в Российской империи ознаменовалась не только периодом великих реформ, но и ростом революционных настроений, которые ставили под сомнение основы самодержавной власти. В ответ на эти вызовы правительство Александра II, а затем и Александра III приняло ряд законодательных мер, направленных на подавление и нейтрализацию революционного движения. Эти меры, зачастую жесткие и репрессивные, отражали стремление власти сохранить существующий порядок и предотвратить социальные потрясения.

Актуальность исследования состоит в историко-политической значимости – позволяет глубже понять механизмы функционирования самодержавной системы, ее способы реагирования на внутренние вызовы и причины последующей трансформации политического строя России и цикличности социальных процессов: учитывая ошибки прошлого, важно не допустить ошибок в будущем или настоящем.

Объект исследования – противодействие революционному движению во второй половине XIX века в России.

Предмет исследования – комплекс репрессивных и ограничительных мер, принятых при Александре II и Александре III, для подавления революционных настроений и сохранения самодержавия.

К середине XIX века в России накопился целый ряд социально-экономических и политических проблем [1, с. 218]. Крепостное право, несмотря на его отмену в 1861 году, оставило глубокие раны в обществе. Недовольство крестьян землей, социальное неравенство, отсутствие политических свобод – все это подпитывало рост радикальных идей. Появлялись различные революционные группы и организации, такие как «Земля и воля», «Народная воля», которые ставили своей целью свержение самодержавия и установление нового общественного строя.

Реакция правительства на эти вызовы была неоднозначной. С одной стороны, проводились реформы, призванные смягчить социальное напряжение. С другой стороны, усиливался репрессивный аппарат, а законодательство становилось все более направленным на борьбу с инакомыслием [2, с. 52].

Среди законодательных мер по противодействию революционному движению стоит выделить следующие направления:

- усиление полицейского надзора и административных мер;
- ужесточение уголовного законодательства;
- создание судов особой подсудности;
- контроль за учебными заведениями;
- борьба с нелегальной печатью.

В рамках усиления полицейского надзора стоит выделить создание и расширение полномочий Департамента полиции, который был создан в 1880 году и стал центральным органом по борьбе с революционным движением [3]. Департаменту были подчинены все полицейские силы империи, его полномочия значительно расширились [4, с. 74].

Кроме того, в этот период активно развивалась система политического сыска. На протяжении XIX века были созданы Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии (1826 г.), охранные отделения (с 1866 г.), Губернские жандармские управления (1867 г.), Департамент полиции МВД (с 1880 г.), Особый отдел Департамента полиции (с 1898 г.). К методам сбора информации относились агентурная работа, провокация, перлюстрация корреспонденции, наружное наблюдение (филеры).

Цензурная реформа 1865 года частично смягчала цензурный режим. «Временные правила о печати» 1865 года заменяли предварительный контроль над рукописями на систему предупреждений и запретов после выхода издания и позволяли изданиям в столицах выходить без предварительной цензуры при соблюдении определенных условий, но с правом Министерства внутренних дел вмешиваться и закрывать их за «неугодные» материалы. Однако «Временные правила о печати» 1882 года, утвержденные Александром III после убийства отца, усилили цензуру в России, обязав редакции сообщать имена авторов статей и дав цензорам право закрывать издания без суда после трех предупреждений, что привело к закрытию газет («Голос», «Московский телеграф») и запрету книг, и действовали до 1905 года, ужесточив контроль в духе контрреформ [5, с. 106].

Достаточно широко применялась административная ссылка и высылка: лица, подозреваемые в антиправительственной деятельности, могли бы подвергнуты административной ссылке в отдаленные районы империи без решения суда [6, с. 42].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года было дополнено статьями, криминализирующими деяния против монарха и государственного строя. К таким статьям стоит отнести оскорбление величества, статьи о заговорах и насильственных действиях против власти, участие в тайных обществах. Понятие «государственного преступления» расширилось и трактовалось не только как прямые действия против власти, но еще и как распространение «вредных» идей или организаций. Санкции за государственные преступления были значительно ужесточены [7].

В 1872 году было создано Особое присутствие Правительствующего сената. Данный судебный орган рассматривал политические дела, кроме малозначимых случаев. В качестве особо резонансных дел стоит выделить дело об убийстве Александра II, «процесс семнадцати» (1883 год).

Особое совещание при Министерстве внутренних дел (МВД) Российской империи (с 1881 г.) было учреждено Александром III согласно статье 34 Положения о государственной охране. Оно имело право рассматривать дела о политических преступлениях, минуя обычные судебные инстанции. Это позволяло принимать решения быстро и без излишней гласности.

Кроме того, стоит выделить ограничение прав обвиняемых, такие как ограничение право на защиту или возможность ознакомления с материалами дела.

Правительство уделяло особое внимание контролю над университетами и другими учебными заведениями, которые считались очагами распространения радикальных идей. Вводились ограничения на студенческие собрания, усиливался надзор за преподавательским составом.

Законодательно запрещалась деятельность любых организаций, которые могли быть истолкованы как подрывные или революционные. За членство в таких организациях предполагалась уголовная ответственность.

Активно велась борьба с нелегальной печатью, которая распространяла революционную литературу. Полиция конфисковывала типографии, арестовывала издателей и распространителей [4, с. 75].

Законодательные меры, принятые российским правительством во второй половине XIX века, имели неоднозначные последствия. С одной стороны, они позволили на некоторое время подавить наиболее активные проявления революционного движения, ослабить его организационную структуру и предотвратить масштабные социальные потрясения. Жесткость репрессивного аппарата и суровость и неотвратимость наказаний действительно оказывали устрашающее воздействие на многих [8, с. 55].

Однако, с другой стороны, эти меры не решали глубинных причин недовольства в обществе. Напротив, они часто порождали еще большее отчуждение между властью и народом, способствовали радикализации настроений среди тех, кто оставался на свободе, и подпитывали идею о необходимости насильственного свержения самодержавия. Запреты и репрессии лишь загоняли революционное движение в подполье, делая его более конспиративным и, возможно, более опасным в долгосрочной перспективе.

Кроме того, чрезмерное усиление полицейского надзора и ограничение гражданских свобод создавали атмосферу страха и недоверия, что негативно сказывалось на развитии гражданского общества и правовой культуры в России. Многие из этих мер, направленных на сохранение самодержавия, в конечном итоге способствовали его ослаблению и приближению революционных событий начала XX века.

Таким образом, законодательные меры по противодействию революционному движению во второй половине XIX века в России представляли собой комплекс репрессивных и ограничительных мер, которые, несмотря на свою кажущуюся эффективность в краткосрочной перспективе, не смогли устранить коренные причины социального недовольства и в долгосрочной перспективе лишь усугубили противоречия в российском обществе.

1. Грачев Н. И. Происхождение суверенитета: Верховная власть в мировоззрении и практике государственного строительства традиционного общества: монография. М.: ИКД «ЗерцалоМ», 2009. 320 с.
2. Воскобитова Л. А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. М. 2004. 460 с.
3. Колоколов Н. А. Судебная власть как общеправовой феномен: дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир. 2007. 438 с.
4. Герасимова А. А. Функции судебной власти в механизме современного российского государства: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2012. 218 с.
5. Стребкова Е. Г. Принцип транспарентности судебной власти: конституционно-правовые вопросы: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2012. 223 с.
6. Гук П. А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический анализ: дис. ... д-ра. юрид. наук. М. 2012. 409 с.
7. Калинина Н. С. Правовые и организационные основы реализации судебной власти в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М. 2014. 204 с.
8. Гарапон Антуан. Хранитель обещаний: суд и демократия. М.: «NOTA BENE» Медиа Трейд Компания, 2004. 328 с.

1. Grachev N. I. Proisxozhdenie suvereniteta: Verxovnaya vlast` v mirovozzrenii i praktike gosudarstvennogo stroitel`stva tradicionnogo obshhestva: monografiya. M.: IKD «ZerczaloM», 2009. 320 s.
2. Voskobitova L. A. Mexanizm realizacii sudebnoj vlasti posredstvom ugolovnogo sudoproizvodstva: dis. ... d-ra yurid. nauk. M. 2004. 460 s.
3. Kolokolov N. A. Sudebnaya vlast` kak obshhepravovoj fenomen: dis. ... d-ra yurid.

nauk. Vladimir. 2007. 438 s.
4. Gerasimova A. A. Funkcii sudebnoj vlasti v mexanizme sovremennogo rossijskogo gosudarstva: dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov. 2012. 218 s.
5. Strebkova E. G. Princip transparentnosti sudebnoj vlasti: konstitucionno-pravovy`e voprosy`: dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov. 2012. 223 s.
6. Guk P. A. Sudebnaya praktika kak forma sudebnogo normotvorchestva v pravovoj sisteme Rossii: obshheteoreticheskij analiz: dis. ... d-ra. yurid. nauk. M. 2012. 409 s.
7. Kalinina N. S. Pravovy`e i organizacionny`e osnovy` realizacii sudebnoj vlasti v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk. M. 2014. 204 s.
8. Garapon Antuan. Xranitel` obeshhanij: sud i demokratiya. M.: «NOTA BENE» Media Trejd Kompaniya, 2004. 328 s.

Информация об авторе

Евгения Игоревна Заседателева. Старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права.

Сибирский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы.

630102, Россия, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.

Information about the author

Evgeniya Igorevna Zasedateleva. Senior Teacher of the Chair of Theory and History of State and Law.

Siberian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

630102, Russia, Novosibirsk, Nizhegorodskaya St., 6.

Статья поступила в редакцию 09.06.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.

The article was received in the editorial office on 09.06.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 321.011

«НОВОЕ» О СУВЕРЕНИТЕТЕ – ЭТО ХОРОШО ЗАБЫТОЕ «СТАРОЕ»

Левченков Александр Иванович[1], Горбатюк Людмила Николаевна[2], Колундаев Михаил Владимирович[3]
[1-3]Луганский филиал Воронежского института МВД России, Луганск, Россия

[1]levchenkov_alex@mail.ru
[2]rebrunenko799@mail.ru
[3]kolundaev94@mail.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка исследовать понятие суверенитета в исторической ретроспективе. Для достижения этой цели были проанализированы работы известных западных ученых 40–50-х годов прошлого столетия по данной проблематике, большинство из которых являлись авторами теоретических концепций, отвергающих необходимость государствам обладать суверенитетом. Выяснены причины таких взглядов и подходов, направленных на установление безраздельного доминирования западных элит в международных отношениях во главе с США. Обращено внимание на то, что сегодня Украина является классическим примером внешней зависимости государства с предельно усеченным суверенитетом. Подчеркнуто, что идеи западных ученых второй половины XX века нашли свое продолжение в современных теоретических концепциях, которые реализованы на практике. Так, образование и существование Европейского союза является прямым подтверждением этого факта.

Ключевые слова: суверенитет, федерация, государство, политика, международные отношения, ООН, ЕС, принципы, Российская Федерация, США, власть.

Для цитирования: Левченков А. И., Горбатюк Л. Н., Колундаев М. В. «Новое» о суверенитете – это хорошо забытое «старое» // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 44–52.

«SOMETHING NEW» ABOUT SOVEREIGNTY IS THE WELL – FORGOTED «OLD» ONE

Alexander I. Levchenkov[1], Lyudmila N. Gorbatyuk[2], Mikhail V. Kolundaev[3]
[1-3]Lugansk Branch of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Lugansk, Rossiya

[1]kafedra.tigp@bk.ru
[2]rebrunenko799@mail.ru
[3]kolundaev94@mail.ru

Annotation. This article attempts to examine the concept of sovereignty from a historical perspective. To achieve this goal, the works of renowned Western scholars of the 1940s and 1950s on this topic were analyzed, most of whom developed theoretical concepts that rejected the need for states to possess sovereignty. The reasons for these views and approaches, aimed at establishing the undivided dominance of Western elites, led by the United States, in international relations, are clarified. It is noted that Ukraine today

is a classic example of an externally depended state's with extremely limited sovereignty. It is emphasized that the ideas of Western scholars of the second half of the 20th century have found their continuation in modern theoretical concepts that have been implemented in practice. The formation and existence of the European Union, for example, directly confirms this fact.

Keywords: sovereignty, federation, state, politics, international relations, UN, EU, principles, Russian Federation, USA, authority.

For citation: Levchenkov A. I., Gorbatyuk L. N., Kolundaev M. V. «Something new» about sovereignty is the well – forgoted «old» one // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 44–52.

Как известно, государственный суверенитет – это системообразующее и неотъемное качество государства, фиксирующее его верховенство на своей территории и независимость (самостоятельность) в международных отношениях. Впервые это понятие использовал Ж. Боден в своей работе «Шесть книг о республики» (1576 г.), обозначив им абсолютную и неделимую власть монарха и таким образом исключив наличие другой власти выше власти суверена. Суверенитет им рассматривался как обязательный атрибут власти монарха. В противовес теоретическим построениям Ж. Бодена Ж. Ж. Руссо выдвинул и обосновал идею народного суверенитета.

Ж. Ж. Руссо, иронизируя в своей известной работе «Об общественном договоре» (1762 г.) касательно понятия суверенитета и теории разделения властей, писал: «Они делают из суверена какое-то фантастическое существо, сложенное из частей, взятых из разных мест. Это похоже на то, как если бы составили человека из нескольких тел, из которых у одного были бы только глаза, у другого – руки, у третьего – ноги и ничего более» [1, с. 169].

Генезис идей относительно возникновения и понимания государственного и народного суверенитета был непосредственно связан с эволюцией государственного властвования, с конкретными и масштабными изменениями в жизни тогдашнего европейского социума, обусловленными его зарождением и развитием.

«Возникновение целостного понятия суверенитета изначально было обусловлено необходимостью усиления государственных начал, формирования централизованной национальной государственности, т. е. идея суверенитета формировалась как реакция на ослабление государственности, феодальную раздробленность для политического и юридического обоснования абсолютной государственной власти монарха (сюзерена)» [2, с. 23]. Идея государственного суверенитета отображала процесс становления и укрепления абсолютизма, в том числе и в Российской империи, достигший своего апогея в период царствования Екатерины II.

Появление же идеи народного суверенитета свидетельствовало о важнейших трансформационных изменениях, происходящих в западноевропейском социуме того времени. Если идея государственного суверенитета характеризовала государственную власть в целом, то идея народного суверенитета показала, кто является источником и носителем государственной власти конкретно.

«Важным феноменом западной истории было развитие национальных государств в течение XVII–XVIII веков. В результате этого процесса государства стали самоопределяющимися и автономными, а идея равенства и независимости суверенных национальных государств стала общепринятой в XIX веке» [3, с. 158].

Историческое развитие идеи государственного суверенитета базировалось на принципе недопустимости ограничения государственной власти, минуя волю ее носителя. Однако уже тогда суверенитет по существу не считался абсолютным, даже

в феодальном обществе существовало ограничение власти монарха по религиозным, этическим и другим признакам.

А. В. Кузьмин предлагает понятие суверенитета рассматривать как «государство или институт, наделенный государством властными функциями, способный устанавливать правила поведения, обязательные для подвластных им субъектов» [4, с. 40].

Многие западные ученые уже тогда (50–60-е годы прошлого столетия) и сегодня считают, что неограниченный суверенитет объективно не может существовать полноценно, в первую очередь юридически. Ведь государственная власть существует и функционирует в определенном правовом режиме, обусловленном содержательно внутренними и внешними факторами.

Эту точку зрения разделяет и Ю. А. Кудрявцев. Он пишет: «Государства, заключая межгосударственные соглашения, вступая в международные блоки, организации и союзы, отдают часть своего суверенитета, исходя из собственных интересов, уровня развития экономики и веса в системе международных отношений» [5, с. 84].

Абсолютный суверенитет, по мнению исследователей, может заключаться только в том, что никто не может юридически (легально) препятствовать государству в определении направлений осуществления его внутренней и внешней политики. Они подчеркивали, что «неабсолютность» суверенитета особенно хорошо видна в процессе развития международного права, императивные нормы которого практически выработаны и сформулированы международным сообществом (по существу, великими государствами, в первую очередь постоянными членами СБ ООН (Совет Безопасности ООН)), достаточно часто игнорирующими в той или иной мере интересы других (малых) государств. Поэтому некоторые вопросы (часто очень важные), связанные с внутренней жизнью государства (права человека, их защита и гарантирование), по мнению западных политиков и ученых, сегодня уже не должны относиться исключительно к внутренней компетенции государства, а считаться объектом интереса и заботы всего мирового сообщества. Эта идея была успешно реализована коллективным Западом в отношении России после распада СССР и закреплена юридически: Парижская Хартия для Новой Европы (30 мая 1989 г.), Московское совещание по человеческому измерению (30 октября 1991 г.), Хельсинское решение СБСЕ (Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе) (10 июля 1992 г.) и т. д. [6, с. 162–188]. В этих международных актах, по сути, речь шла об ограничении государственного суверенитета Российской Федерации.

Однако суверенитет, а тем более политика существуют только при условии верховенства и независимости государства. Отсутствие хотя бы одной из его составляющих (военно-технической, технологической, сырьевой и т. п.) прямо свидетельствует о наличии усеченного государственного суверенитета, ставит вопрос о возможности такого государства быть в качестве субъекта международного права. Примером этого могут быть как многие государства – члены ООН, обладающие согласно уставу ООН полной международной правоспособностью, но реально ограниченные в силу различных причин в плане их международной дееспособности (ранее это бедные африканские и азиатские государства и др.), так и государства, возникшие после распада СССР на начальном этапе их существования. Так, субъекты федеративного государства (СССР) были практически лишены возможности осуществлять внешнеполитические функции. Дополнительно к этому субъекты федерации не обладали правом выхода из нее. В Конституции СССР было закреплено положение о возможности выхода из его состава, но механизм (законодательной) реализации этой возможности полностью отсутствовал. В последующем такой выход осуществлялся «революционным» путем и начался он с Прибалтийских республик.

Ограничение суверенитета может быть реальным в процессе существования любого государства, однако предполагается его согласие на это, например при вступлении

в международную организацию или союз (часть своего суверенитета государство добровольно передает организации ООН). Однако даже при наличии такого согласия, в частности влияющего на степень независимости его действий в международных отношениях, это не свидетельствует об отсутствии у такого государства суверенитета в целом.

В соответствии с принципом верховенства государственной власти на своей территории власть устанавливается полномочиями всех органов и структур, реализующих ее функции. Главное – исключить возможность существования в переделах одного государства другой политической силы, претендующей и стремящейся к доминированию в стране (параллельной власти). Такое состояние характерно для нестабильных социумов, находящихся в состоянии гражданской войны, революций, интервенций со стороны других государств и т. п. Такое положение было в России (март–октябрь 1917 года). В «ельцинской» России такой движущей силой, претендующей на легализацию своей власти, был консолидированный криминалитет в союзе с коррумпированными чиновниками. Если в государстве существует подобное явление, то о полном или вообще о каком-либо суверенитете речь идти не может. А если добавить еще и внешние ограничения властных структур России в 90-е годы, то ситуация в этом плане была совсем угрожающей.

А. Л. Бредихин, говоря о глобализационных процессах, которые активно продвигались на протяжении последних десятилетий в общественное сознание и международную политику в начале XXI века, утверждал, что «глобальный мир имеет свои преимущества, но по факту он не стал справедливым, а формальное равенство прав и возможностей государств обернулось доминированием отдельных политических центров, фактическим бесправием и беспомощностью других» [7, с. 10].

Независимость государства как составная и определяющая часть его суверенитета также выражается в том, что государство реализует свою внешнюю и внутреннюю функции, исключая властное воздействие со стороны других государств. Хотя всем понятно, что в глобализованном мире на практике такой возможностью обладают ограниченное количество государств. Независимость государства во внутренних делах, прежде всего, означает самостоятельность государства при решении ключевых вопросов своего общественно-политического, социально-политического и культурного развития. Так, в Декларации о принципах международного права, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 24.10.1970, прямо сказано, что «каждое государство обладает неотчуждаемым правом самостоятельно выбирать политический, экономический, социальный и культурный путь своего развития без вмешательства со стороны других государств» (Декларация о принципах международного права от 24.10.1970) [8, с. 65–73].

Выбор и средства разрешения основополагающих вопросов организации жизнедеятельности общества должны принадлежать исключительно государству. Юридическое определение и закрепление компетенции органов государственной власти являются не ограничением ее, а способом реализации государственного суверенитета. Поэтому любое ограничение внутренней независимости государства в таких условиях будет сложно осуществимо на практике, но оно возможно. Несмотря на жесткое давление со стороны США с требованиями прекратить войну и подписать мирное соглашение с РФ, которое невыгодно для политического режима Зеленского, поскольку он, по-прежнему рассчитывая на дальнейшую поддержку со стороны Великобритании, Франции, ФРГ и других западных государств, посылает на смерть тысячи своих граждан. Предоставленные Европой Украине 90 миллиардов евро позволят ей еще несколько лет вести кровопролитную войну.

То есть сегодня это государство находится под полным внешним управлением коллективного Запада. Говорить, что оно является суверенным (частично суверенным) государством, значит выдавать желаемое за действительное.

Ведь независимость государства во внешнеполитических отношениях означает свободу его действий, регламентированных международным правом. При этом выполнение международных обязательств еще не свидетельствует об ограничении его воли. Наоборот, активное участие в международных отношениях, и особенно в международном нормотворчестве, свидетельствует о реальной независимости государства как субъекта международного права, его самостоятельности, самодостаточности и перспективности существования.

Однако в этом плане на научно-теоретическом и практическом уровнях остается ряд вопросов, которые нуждаются в дальнейшем исследовании. В частности, что стоит за такими фразами, как «конкуренция воли суверенных государств», чем конкретно определяется «весомость» (значимость) таких воль и обязательно ли их «конкуренция» приведет в конечном итоге к конфликту и даже столкновению в том числе и в вооруженной форме. Совсем недавно в этом же плане возникла еще одна дискуссионная проблема: как могут и обязаны вести себя государства в условиях деглобализации (стагнации) мирового сообщества в эпоху распада современных «империй» и перехода к национальным государствам и как это все соразмерить с полным или частичным суверенитетом государств.

Дискуссии относительно понятия суверенитета (как мы уже говорили об этом ранее), его сущности и составных частей велись достаточно давно. И тенденция отрицания суверенитета не нова. Уже тогда ведущие государства мира (западные) стремились к мировому господству, формированию единого центра силы (однополярного мира), пытались таким образом теоретически обосновать концепцию «размытого» (частичного) усеченного суверенитета, используя ее для вмешательства во внутренние дела суверенных государств.

В этом плане остановимся только на работах одного из наиболее ярких сторонников, отрицающих необходимость государственного суверенитета, известного французского ученого Жоржа Селля. Обратим внимание, что это было еще только в середине 50-х годов прошлого века.

В соответствии с основными положениями этой концепции Ж. Селль определяет систему права как совокупность норм или правил, которые обязательны для всех индивидов. Государство, по мнению ученого, всего лишь одна из многочисленных социальных общностей, обязывающих людей к их социальной солидарности, при этом ученый считал, что государству действительно принадлежит важнейшая роль в этом процессе.

В соответствии с вышеобозначенным тезисом Ж. Селль считал, что не только государство, но и международное сообщество есть объединение индивидов, принадлежащих уже национальным социумам.

Сущность его концепции заключается в низведении государства до уровня абстрактной «социальной общности» с тем, чтобы затем на этом основании отрицать государственный суверенитет. Ж. Селль утверждал, что «сама идея суверенитета несовместима с идеей правовой международной системы и что любой правопорядок имеет компетенцию лишь в тех областях, которые не могут затронуть солидарность целого, не имея гарантии того, что эти области останутся неприкосновенными. Суверенитет как абсолютный принцип мог бы распространиться лишь на глобальное международное сообщество, поскольку лишь международное право имеет компетенцию, что позволяет не только его принимать, но и признавать его исключительность» [9, с. 6].

Ж. Селль подвергает сомнению необходимость суверенитета с позиции предложенного им понятия государства, утверждая, что государство – это лишь одна из многочисленных организаций социальной солидарности. Он заявляет, что государство не имеет каких-либо принципов, абсолютизирующих его от других подобных организаций, в том числе не имеет и юридического критерия – суверенитета. Доктрина суверенитета, утверждает ученый, «неприемлема как с точки зрения фактов, так и с точки

зрения юридической техники». Он подчеркивал, что «с точки зрения фактов материальное содержание суверенитета выражалось бы в политике государств, а в действительности – делать все, что они хотят» [9, с. 98].

Международное право, заявлял ученый, «будет прогрессировать в той мере, в какой оно будет превращаться в надгосударственное, и будет приходить в упадок постольку, поскольку будет поддерживаться анархия, вызванная существованием государства» [9, с. 22].

Понятно, что все это вместе взятое хорошо вписывалось в теории «мирового правительства» и «всемирной организации» (напоминаем, что ученый писал это в середине XX века).

Аргументы, которые приводились им в пользу создания «мирового государства» во главе с США, сводились главным образом к утверждению того, что существовавшее человеческое сообщество уже не отвечает «новым» потребностям, что ядерную войну и поголовное истребление человечества можно предотвратить лишь в результате замены существующих «анахронизмов» в международных отношениях «всемирным демократическим устройством», которое должно базироваться на «мировом праве», устанавливаемом и поддерживаемом надгосударственной организацией с функцией «мирового правительства» («глубинного государства»).

Что касается непосредственно различий в существующих проектах «мирового государства», то в основном их было два.

Наиболее ярые сторонники «мирового государства» требовали неминуемой коренной реформы существовавших в то время международных отношений, ликвидации суверенных государств и создания «мирового правительства».

Другим примером осуществления этого была идея реформирования ООН в том числе и путем так называемой фактической реформы ее Устава с тем, чтобы придать ООН надгосударственный характер и правотворческую функцию Совету Безопасности ООН и Генеральной Ассамблее ООН.

К первой группе относился проект «Соединенных Штатов мира» французского профессора Ж. Лармеру (1948 г.). Ученый утверждал, что сегодня, как никогда прежде, всех людей объединяет «социальная солидарность», которая не может реализоваться в условиях наличия суверенных государств. Поэтому необходимо ограничение национального суверенитета и создание «всемирного объединения» во главе с Соединенными Штатами Америки.

Другие проекты предполагали создание «мирового правительства» путем реформирования ООН. К ним, например, относится проект ревизии Устава ООН, направленный во все страны мира от имени Всемирной Ассоциации парламентариев в поддержку «мирового правительства» и Всемирного движения за федеральные правительства, или другой подобный и не менее известный проект, получивший широкое распространение, – проект Г. Кларка и Л. Сона [10].

Эти проекты предусматривали полную фактическую ликвидацию Организации Объединенных Наций и замену ее новой организацией с функцией «мирового правительства», что на деле привело бы к ликвидации суверенных государств.

Так, К. Иглтон непосредственно ратовал за преобразование ООН в «мировое правительство», однако при этом он считал, что путь к этой цели «должен быть постепенным. То, чего хотят защитники «мирового правительства», можно достигать легче, наоборот, путем развития и укрепления ООН, чем путем ее разрушения и построения новой организации» [11, с. 553]. Для него «всякое усиление ООН – шаг на пути к «мировому правительству». При этом К. Иглтон подчеркивал, что «Устав ООН можно изменить не только путем его поправки, но и путем его толкования и применения» [11, с. 557].

Дальше всех пошел в этом направлении профессор Ф. Джессеп. Он объявил государственный суверенитет «архаизмом» и резко выступил за превращение ООН в орган

исполнительной, законодательной и судебной власти «мирового государства». Достигнуть эту цель, по его мнению, можно было либо «революционным» путем создания «мирового правительства», либо путем «эволюционирования» в развитии институтов ООН.

Поэтому весь корень зла в международных отношениях он видел в государственном суверенитете. Ученый считал, что суверенитет перестал быть «наиболее ценным владением государства» или хотя бы его «желаемым атрибутом».

Практическим воплощением идей американских и других западных ученных стало создание и функционирование Европейского союза – международного политико-экономического объединения европейских государств (1992 г.), возникшего на основе Европейского объединения угля и стали и Европейского товарищества по атомной энергии. То есть ЕС возник первоначально как экономическое объединение, а не политическое. Его основными задачами были: создание тесного союза народов Европы; содействие сбалансированному и стабильному экономическому прогрессу, особенно путем создания европейского пространства без внутренних границ; усиление экономического и социального взаимодействия, создание экономического и военного союза и единой валюты (евро); утверждение собственной идентичности в международных отношениях путем осуществления единой внешней политики и политики в сфере безопасности; развитие сотрудничества в области юстиции и внутренних дел.

До сих пор среди ученых ведутся споры относительно того, что же собой представляет Европейский союз в политико-юридическом плане: это конфедерация, федеративное или наднациональное объединение государств и что нам надо понимать под последним. Также не ясны и перспективы дальнейшего существования ЕС.

В своей деятельности ЕС первоначально взял на себя обязательство придерживаться основных принципов международного права (по содержанию и юридическому смыслу и силе совпадающих с основными принципами международного права – *jus cogens*): уважение национальной идентичности государств-членов с демократическими институтами правления, уважение прав человека в соответствии с положениями Европейской хартии 1950 г. и основных принципов права Европейского союза в единстве с конституционным правом государств-членов ЕС. Основным органом ЕС является Европейская Комиссия – во главе с Урсулой фон дер Ляйен (по оценке уже западных специалистов, наиболее одиозной и профессионально непригодной на эту должность личности за все годы существования ЕС).

Сегодня очень хорошо видно, что политическая, а точнее военно-политическая составляющая этого образования (ЕС), выходит на первое место в очень агрессивных формах и проявлениях с помощью подавления элементов национального суверенитета у государств-членов (травля руководства Венгрии, Словакии, а также еще и Чехии). Естественно, что в данном случае вести речь о каком-либо суверенитете современных европейских государств вообще не приходится. Но борьба за суверенитет (самодостаточность) государств продолжается в других регионах мира, в Российской Федерации – целенаправленно и качественно, убедительно и содержательно. Сегодня Россия, по словам В. В. Путина, «возвратила себе полный суверенитет», утраченный в 90-е годы прошлого столетия по известным всем причинам.

---

1. Руссо Ж.-Ж. Трактаты / отв. ред. А. З. Манфред. М.: Наука, 1969. 703 с.
2. Клименко О. А. Развитие понятия суверенитета от Марсилия Падуанского до Гегеля / О. А. Клименко, А. К. Мирзоев // Юридическая наука. 2016. № 3. С. 22–29.
3. Речкович С. А. История развития идеи о суверенитете // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Т. 5. № 5А. С. 150–161.
4. Кузьмин А. В. Теоретико-правовые проблемы суверенизации права в современных геополитических условиях // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 2. С. 38–44.

5. Кудрявцев Ю. А. Государственный суверенитет: от иллюзорной независимости к реальной самостоятельности // Теория и практика современной юридической науки: Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 апреля 2025 года. СПб: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина. 2025. С. 83–87.
6. Действующее международное право в трех томах. Том второй. Москва. Издательство Московского независимого института международного права. 1999. 826 с.
7. Бредихин А. Л. Суверенная идеология в аспекте глобализации // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 3(21). С. 9–13.
8. Действующее международное право в трех томах. Том первый. Москва. Издательство Московского независимого института международного права. 1999. 856 с.
9. Manuel de droit international public; Author, Georges Scelle; Publisher, Éd. Domat-Montchrestien, 1948; Length, 1008 p.
10. David Lehman, WORLD PEACE THROUGH WORLD LAW, by G. Clark and LB Sohn. Harvard University Press. Cambridge. 1958 p.
11. Eagleton, Clyde. International government. New York, Ronald press. 1957. 686p.

1. Russo Zh.-Zh. Traktaty` / otv. red. A. Z. Manfred. M.: Nauka, 1969. 703 s.
2. Klimenko O. A. Razvitie ponyatiya suvereniteta ot Marsiliya Paduanskogo do Gegelya / O. A. Klimenko, A. K. Mirzoev // Yuridicheskaya nauka. 2016. № 3. S. 22–29.
3. Rechkovich S. A. Istoriya razvitiya idei o suverenitete // Teorii i problemy` politicheskix issledovanij. 2016. T. 5. № 5A. S. 150–161.
4. Kuz`min A. V. Teoretiko-pravovy`e problemy` suverenizacii prava v sovremenny`x geopoliticheskix usloviyax // Zhurnal pravovy`x i e`konomicheskix issledovanij. 2023. № 2. S. 38–44.
5. Kudryavcev Yu. A. Gosudarstvenny`j suverenitet: ot illyuzornoj nezavisimosti k real`noj samostoyatel`nosti // Teoriya i praktika sovremennoj yuridicheskoj nauki: Materialy` XII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Sankt-Peterburg, 17 aprelya 2025 goda. SPb: Leningradskij gosudarstvenny`j universitet imeni A. S. Pushkina. 2025. S. 83–87.
6. Dejstvuyushhee mezhdunarodnoe pravo v trex tomax. Tom vtoroj. Moskva. Izdatel`stvo Moskovskogo nezavisimogo instituta mezhdunarodnogo prava. 1999. 826 s.
7. Bredixin A. L. Suverennaya ideologiya v aspekte globalizacii // Nauchny`j dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 3(21). S. 9–13.
8. Dejstvuyushhee mezhdunarodnoe pravo v trex tomax. Tom pervy`j. Moskva. Izdatel`stvo Moskovskogo nezavisimogo instituta mezhdunarodnogo prava. 1999. 856 s.
9. Manuel de droit international public; Author, Georges Scelle; Publisher, Éd. Domat-Montchrestien, 1948; Length, 1008 p.
10. David Lehman, WORLD PEACE THROUGH WORLD LAW, by G. Clark and LB Sohn. Harvard University Press. Cambridge. 1958 p.
11. Eagleton, Clyde. International government. New York, Ronald press. 1957. 686p.

Информация об авторах

Александр Иванович Левченков. Профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, доктор юридических наук, профессор.
Луганский филиал Воронежского института МВД России.
291047, Россия, г. Луганск, ул. Краснодонская, 6.

Людмила Николаевна Горбатюк. Старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин.
Луганский филиал Воронежского института МВД России.
291047, Россия, г. Луганск, ул. Краснодонская, 6.

Михаил Владимирович Колундаев. Старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин.
Луганский филиал Воронежского института МВД России.
291047, Россия, г. Луганск, ул. Краснодонская, 6.

Information about the authors

Alexander I. Levchenkov. Professor of the Chair of State and Civil Law Disciplines. Doctor of Sciences (Law), Professor.
Lugansk Branch of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
291047, Russia, Lugansk, Krasnodonskaya St., 6.

Lyudmila N. Gorbatyuk. Senior Teacher of the Chair of State and Civil Law Disciplines.
Lugansk Branch of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
291047, Russia, Lugansk, Krasnodonskaya St., 6.

Mikhail V. Kolundaev. Senior Teacher of the Chair of State and Civil Law Disciplines.
Lugansk Branch of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
291047, Russia, Lugansk, Krasnodonskaya St., 6.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 20.05.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 20.05.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 341, 342

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА

Лысухо Петр Иванович
Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, Брянск, Россия

peterlysuho@yandex.ru

Аннотация. В данной статье проведено исследование таких важнейших правовых категорий, как понятие и содержание национальной безопасности страны, территориальной целостности и государственного суверенитета, а также существующих для них угроз.

Актуальность настоящей темы вызвана, прежде всего, чрезвычайной востребованностью создания эффективных организационно-правовых механизмов защиты национальной безопасности нашей страны на фоне необходимости укрепления региональной и глобальной безопасности.

Правовой основой нашего исследования являются Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ, России), принципы и нормы международного права, нормы национального законодательства и подзаконные нормативно-правовые акты, регулирующие исследуемые правоотношения, включая Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ и другие.

С учетом исследования всей совокупности полученных материалов и документов автором выявлены проблемы, а также внешние и внутренние факторы, оказывающие негативное влияние на состояние национальной безопасности РФ в современных условиях глобальной нестабильности и трансформации окружающего мира. Установлены причины и условия, способствующие возникновению указанных проблем, и предложены возможные, на наш взгляд, пути и способы их решения, нейтрализации или купирования.

Ключевые слова: национальная безопасность, национальные интересы, государственный суверенитет, территориальная целостность, региональная безопасность, международная безопасность.

Для цитирования: Лысухо П. И. Актуальные проблемы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в современных условиях глобальной нестабильности и трансформации окружающего мира // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 53–60.

ACTUAL PROBLEMS OF ENSURING THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN MODERN CONDITIONS OF GLOBAL INSTABILITY AND TRANSFORMATION OF THE SURROUNDING WORLD

Petr I. Lysukho
Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russia named after V. V. Lukyanov

peterlysuho@yandex.ru

Annotation. This article examines such important legal categories as the concept and content of a country's national security, territorial integrity, and state sovereignty, as well as the threats that existing to them.

The relevance of this topic is primarily due to the urgent need to create effective organizational and legal mechanisms to protect our country's national security, given the importance of strengthening regional and global security.

The legal basis of our research is the Constitution of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Constitution of the Russian Federation or Russia), the principles and norms of international law, the norms of national legislation, and the subordinate legal acts that regulate the legal relations under study, including the Federal Law «On Security» dated December 28, 2010, No. 390-FZ, and others.

Taking into account the study of the entire set of materials and documents obtained, the author identified problems, as well as external and internal factors that have a negative impact on the state of national security of the Russian Federation in the current conditions of global instability and transformation of the surrounding world. The author has established the causes and conditions contributing to the occurrence of these problems, and proposed possible, in our opinion, ways and means of their solution, neutralization or relief.

Keywords: national security, national interests, state sovereignty, territorial integrity, regional security, international security.

For citation: Lysukho P. I. Actual Problems of Ensuring the National Security of the Russian Federation in Modern Conditions of Global Instability and Transformation of the Surrounding World // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 53–60.

Понятие национальной безопасности достаточно полно и квалифицированно сформулировано в п. 1 пункта 5 «Стратегии национальной безопасности»[1], в соответствии с которой национальная безопасность РФ (далее – национальная безопасность) выражается в состоянии защищенности национальных интересов РФ от внешних и внутренних угроз, при надлежащем обеспечении конституционных прав и свобод граждан, достойного качества и уровня их жизни, гражданского мира и согласия, охране суверенитета РФ, ее независимости и государственной целостности, устойчивого социально-экономического развития страны.

Следует согласиться ввиду его обоснованности и актуальности с утверждением Л. А. Алексеевой, С. А. Майоровой о том, что сейчас национальная безопасность страны стала важнейшим приоритетом, включающим в себя защиту территориальной целостности и государственного суверенитета [1, с. 39].

В соответствии со статьей 13 Федерального закона «О безопасности»[2], в стране создан и действует Совет Безопасности (далее – СБ), являющийся конституционным совещательным органом, осуществляющим содействие главе государства в реализации его полномочий по вопросам обеспечения национальных интересов и безопасности личности, общества и государства. Компетенции по формированию и руководству СБ закреплены за главой государства, наделенного, кроме того, полномочиями по созданию рабочих органов, аппарата и утверждению Положения о СБ РФ.

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

[2] О безопасности: Федер. закон Рос. Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

Характеризуя сложившуюся в настоящее время ситуацию, глава государства обоснованно отметил, что вокруг нашей страны созданы «<…> угрозы такого масштаба, о которых никто раньше даже и не задумывался, что вызывает необходимость создать систему прочную, надежную, неуязвимую и по внешнему контуру абсолютно стабильную, безусловно гарантирующую России независимость и суверенитет»[3].

Контуры российской политики в сфере безопасности в целом и национальной безопасности в частности определены имеющейся нормативно-правовой базой как государственного, так международно-правового уровня и характеризуются следующими основными параметрами.

В текущий период в различных государствах и региональных объединениях происходит значительная трансформация существующих структур, поскольку возросло число новых центров мирового экономического и политического развития.

Западные страны делают все, чтобы не допустить утраты своей главенствующей роли, сохранить кризисные явления в экономике, в диспропорциональном характере развития государств, в увеличивающемся социальном неравенстве, желании транснациональных компаний снизить роль конкретных государств в решении имеющихся проблем, что влечет за собой возрастание числа внутриполитических вопросов, обострение имеющихся противоречий между государствами, вызывает снижение роли международных институтов и системы глобальной безопасности в целом.

Рост нестабильности в мире, способствующий активизации радикальных и экстремистских элементов, может стать катализатором к реализации планов по разрешению накопившихся межгосударственных противоречий путем поиска внутренних и внешних врагов, по уничтожению экономики, традиционных ценностей и девальвации основных прав и свобод человека.

Вопросам обеспечения национальной безопасности в сфере цифровизации в настоящее время уделяется значительное внимание как экспертами, так и учеными [2].

По мнению М. В. Алексеевой, Е. А. Филимоновой, с которым следует согласиться в связи с его обоснованностью и актуальностью, относительно недавно в качестве приоритетной стала проблема обеспечения кибербезопасности как фундаментального элемента национальной безопасности. В современном мире, в котором информация является одним из важнейших ресурсов, обеспечение информационной безопасности имеет критически важный характер. Угрозы в киберпространстве способны вызвать разрушительные последствия для государств, их экономик, а также для жизни и здоровья людей. Большинство государств понимает, что только через совместные усилия можно достичь устойчивого мира и безопасности, что является общей целью для всех стран мира [3, с. 47].

Правильным в сложившейся ситуации следует признать утверждение К. В. Блохина о необходимости активно пропагандировать российские достижения в науке, культуре и искусстве на глобальной арене, формируя позитивный образ страны и противодействуя дезинформации [4, с. 12].

Страны Запада прилагают значительные усилия по демонизации России, ослаблению ее стремления к активному участию в процессах интеграции [5].

Названный перечень угроз национальной безопасности России не является исчерпывающим, поэтому необходимо вести их постоянный мониторинг с целью выявления новых угроз, их профилактики, купирования и ликвидации.

Особенно необходимо акцентировать внимание на укреплении обороноспособности страны в сложившейся политической ситуации. Так, в своем Послании Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. Президент отметил, что на боевом де-

[3] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. // Рос. газ. 2020. 16 января.

журстве стоят гиперзвуковые блоки межконтинентальной дальности «Авангард» и лазерные комплексы «Пересвет». Завершаются испытания крылатой ракеты неограниченной дальности «Буревестник» и беспилотного подводного аппарата «Посейдон». Эти системы подтвердили свои высокие, можно без преувеличения сказать, уникальные характеристики. В войска поставлены и первые серийные тяжелые баллистические ракеты «Сармат»[4].

С учетом постоянно увеличивающейся геополитической напряженности внешнеполитическая деятельность РФ должна приводить к росту устойчивости системы международных отношений, основанной на нормах международного права, принципах всеобщей, равной и неделимой безопасности, усилению многогранного взаимодействия, не допускающего разделительных линий и блоковых интересов, что будет способствовать возможностям поиска коллективного решения имеющихся как региональных, так и глобальных проблем при центральной координирующей роли в этой деятельности Организации Объединенных Наций и ее Совета Безопасности.

Чтобы успешно обеспечивать национальную безопасность, нашей стране необходимо, прежде всего, рассчитывать на свои силы и резервы [6].

Деятельность РФ по осуществлению государственной политики в области обеспечения национальной безопасности направлена на повышение внутренней стабильности, ориентирована на рост экономического, политического, военного и духовного потенциала, поскольку это необходимо для усиления ее роли как одного из важнейших центров современного мира[5].

Исследование причин современных угроз национальной безопасности Российской Федерации так же, как и глобальной нестабильности и стремительной трансформации окружающего мира, на наш взгляд, следует искать в далеком 1991 году, когда с политической карты мира исчезло одно из крупнейших и влиятельнейших государств XX века.

Этим государством был Союз Советских Социалистических Республик (далее – СССР), который возглавлял также мощный военно-политический блок – Организацию Варшавского договора (ОВД) или Варшавского пакта. Правовой основой для создания ОВД стал Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 14 мая 1955 года. Договор стал ответной мерой социалистических государств на создание в 1949 году НАТО[6].

Организация Варшавского договора (ОВД) закрепила биполярность и безопасность мира на 36 лет.

Договор был подписан Албанией, Болгарией, Венгрией, ГДР, Польшей, Румынией, СССР и Чехословакией. Договор вступил в силу 5 июня 1955 года. В связи с истечением срока действия 26 апреля 1985 года договор был продлен на 20 лет. Численность оснащенных всем необходимым Вооруженных сил стран Варшавского договора на 1 июля 1987 года составила 6 435 900 человек.

После смещения в 1989–1990 годах коммунистических режимов в странах Центральной и Восточной Европы существование Организации Варшавского договора как военно-политического союза стран социализма потеряло смысл. 25 февраля 1991 года государства – участники ОВД упразднили ее военные структуры, а 1 июля 1991 года в Праге подписали Протокол о полном прекращении действия Договора.

---

[4] Ежегодное Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации // Рос. газ. 2024. 29 февраля.

[5] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

[6] Варшавский договор от основания до роспуска. URL: https://www.monetnik.ru/obuchenie/istoriya-rossii/warsaw-pact/?ysclid=mlgv0cqx7v599083719 (дата обращения: 04.02.2026).

26 декабря 1991 года прекратил существование как субъект международного права СССР, а Российская Федерация на международной арене заменила Российскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику, став правопреемником СССР в международных организациях, включая Организацию Объединенных Наций (далее – ООН) в том числе в Совете Безопасности ООН (далее – СБ ООН) в качестве постоянного члена, обладающего правом вето на решения СБ ООН.

Главным источником военных и иных угроз для России стал НАТО, Североатлантический союз, созданный в 1949 году под предлогом сдерживания СССР и предотвращения коммунистической эскалации в Европе, который продолжил деструктивную политику, направленную против России и после роспуска Советского Союза. В современный период НАТО применяет стратегию непрямых действий, ориентированную на нанесение стратегического поражения России.

На что толкает Запад наши бывшие братские постсоветские республики, можно сделать вывод по результатам военного конфликта, развязанного 8 августа 2008 года прозападным марионеточным режимом президента Грузии Михаила Саакашвили, когда на российский ограниченный контингент миротворцев, а также на мирных жителей в Абхазии и Южной Осетии была внезапно обрушена вся огневая мощь регулярной грузинской армии, подготовленной натовскими инструкторами и вооруженной всем необходимым. Проведенная в ответ на эту провокацию операция российских вооруженных сил «По принуждению Грузии к миру» позволила быстро завершить кровопролитный конфликт и установить прочный мир в регионе. Однако на этом страны НАТО не остановились и продолжили свою деструктивную деятельность в отношении России, подготовив почву для нового, более масштабного и затяжного вооруженного конфликта уже Украины с Россией. Специальная военная операция (далее – СВО), которая началась 24 февраля 2022 года и продолжается уже более четырех лет, благодаря всесторонней военной, экономической и политической поддержке Украины Западными государствами и блоком НАТО, которые игнорировали все озабоченности и «красные линии», обозначаемые представителями российского руководства, и пришли от «Берлинской стены», от которой устно обещали не продвигаться ни на дюйм к нашим границам, но вероломно обманули с целью пересмотреть итоги Второй мировой войны и нанести России стратегическое поражение. Ответом нацистскому марионеточному режиму на Украине и НАТО стала наша СВО.

Что же представляет собой в настоящее время агрессивный к нам и самый мощный в мире военно-политический блок НАТО, какова его история и цели как декларируемые, так и истинные?[7]

4 апреля 1949 года был подписан Вашингтонский договор о создании военно-политического союза представителями 12 государств: США, Канады, Бельгии, Великобритании, Дании, Исландии, Италии, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Португалии и Франции. Декларируемая цель создания организации обозначена в Уставе НАТО: «защита свободы и независимости стран-участниц, обеспечение стабильности и благосостояния в Евроатлантическом регионе».

31 марта 1954 года СССР направил западным странам заявление о его возможном участии в НАТО.

7 мая США, Франция и Великобритания ответили отказом на предложение Советского Союза, заявив: «Нереальная природа предложения не заслуживает обсуждения». Получив отказ, Москва сразу же выдвинула требования к США и их союзникам

[7] Костюков И. О. Деятельность НАТО как главный источник военных угроз России. С. 22–35. URL: https://germany.mid.ru/upload/iblock/d6b/ttc424tewrjbz1sd40kdb9b91nktb3ks.pdf (дата обращения: 04.02.2026).

о демилитаризации Германии, деоккупации Австрии, об отказе от военных баз на Дальнем Востоке, подписании соглашения о всеобщем разоружении.

В ответ в октябре 1954 года на парижской сессии Совета альянса было принято решение о включении в НАТО Федеративной Республики Германии. Такая реакция на предложение нашего государства подтвердила окончательно агрессивную антисоветскую и антироссийскую сущность блока.

В настоящее время НАТО является самым крупным и влиятельным в мире военно-политическим блоком, в который входят уже 32 государства Запада. Совокупная численность вооруженных сил – около 4,3 млн человек, военные расходы составляют 1,264 трлн долларов США (по данным на 2023 год)[8].

Во всех доктринальных документах НАТО наша страна указана как вероятный противник, а в «Стратегической концепции НАТО» (2022 г.) РФ названа «самой значительной и прямой угрозой коалиционной безопасности, для сдерживания которой альянс намерен создать мощную систему коллективной обороны»[9].

После начала СВО на Украине страны НАТО пытаются проводить против РФ полномасштабную «гибридную агрессию». Поскольку достижение Москвой целей СВО является для Запада неприемлемым результатом, США и их союзники стремятся достигнуть желаемых целей, но избежать при этом открытого вооруженного противоборства с Россией. Причиной этого стало наличие между РФ и Западом паритета в ракетно-ядерных вооружениях.

В сложившихся условиях главной военной угрозой, исходящей от НАТО, является оказание странами блока разнообразной поддержки ВС Украины (ВСУ) с целью затянуть конфликт, обессилить Россию, нанести ей максимальный ущерб, а при идеальных условиях – создать предпосылки для поражения РФ.

По оценкам специалистов, высказываемым публично, в настоящее время против РФ странами Запада и их союзниками введено более 31 507 различных санкций[10], являющихся по своей сути противоправными, поскольку они противоречат как действующим нормам и принципам международного права, принятым ООН, так и нормам Всемирной торговой организации (ВТО), направленным на развитие межгосударственного и международного сотрудничества. Целью этого беспрецедентного санкционного давления на РФ является желание уничтожить ее экономику, подорвать бюджет, вызвать политическую нестабильность в стране, смену власти и заставить ее подчиниться воле Запада на его условиях.

Для обеспечения общественного порядка и общественной безопасности в настоящий период сотрудникам правоохранительных и других органов власти необходимо активизировать работу по реализации мер административного предупреждения как средства обеспечения национальной безопасности [7].

В сложившейся ситуации в качестве резерва укрепления национальной безопасности и суверенитета РФ, исходя из положений Стратегии национальной безопасности РФ (далее – Стратегии), представляется целесообразным задействовать также институты гражданского общества, что предусмотрено п. 25, 26 и п. 103 Стратегии, для взаимодействия государства и гражданского общества в области обеспечения защиты государственного суверенитета.

Согласно п. 103 Стратегии, взаимодействие органов публичной власти с организациями и институтами гражданского общества осуществляется под руководством Президента и за счет комплексного применения политических, организационных, соци-

[8] Там же. С. 22–35.
[9] Там же.
[10] Председатель ГД: против России объявлено 31 507 санкций. URL: http://duma.gov.ru/news/63293 (дата обращения: 08.04.2026).

ально-экономических, правовых, информационных, военных, специальных и иных мер, разработанных в рамках стратегического планирования в РФ.

По мнению А. М. Воронова, сформированному с учетом анализа вышеприведенных положений Стратегии, представляется правильным, что именно «в развитии негосударственной системы обеспечения безопасности видится тот резерв, которым располагает гражданское общество и который не в полной мере используется в обеспечении защищенности интересов личности, общества и государства в целом» [8, с. 134].

Таким образом, необходимо констатировать, что НАТО может пойти на силовой вариант разрешения накопившихся противоречий с РФ при наличии достаточной убежденности США и других ключевых стран блока в военном успехе и безнаказанности своих действий, чего допустить нельзя.

Подводя итог нашему исследованию, можно сделать обоснованный вывод о наличии в современный период серьезных проблем и факторов как внешнего, так и внутреннего характера, оказывающих негативное влияние на состояние национальной безопасности РФ в современных условиях глобальной нестабильности и трансформации окружающего мира. Автором проведена кропотливая работа на основе всей имеющейся информации по установлению причин и условий, способствующих возникновению указанных проблем в сфере национальной, региональной и глобальной безопасности в современный период, и предложены возможные, на наш взгляд, пути и способы их решения, нормализации или купирования.

---

1. Алексеева Л. А., Майорова С. А. К вопросу о государственном суверенитете в условиях глобализации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 3(59). С. 39–44.
2. Колоткина О. А. Вопросы обеспечения национальной безопасности государства в условиях цифровизации // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 7. С. 7–10.
3. Алексеева М. В., Филимонова Е. А. Актуальные вопросы противодействия угрозам национальной безопасности // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. № 1. С. 47–53.
4. Блохин К. В., Национальные приоритеты России в меняющемся мире // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. № 1. С. 7–18.
5. Зеленков М. Ю., Основы теории национальной безопасности: учебник для студентов вузов М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 978-5-238-02801-9. URL: http://www.iprbookshop.ru/54282.html.
6. Скоробогатый П. Стратегия с опорой на свои силы // Эксперт. 2021. 12 июля.
7. Бондаренко М. В., Строева О. А. Меры административного предупреждения как средство обеспечения национальной безопасности // Российская юстиция. 2020. № 5. С. 5–8.
8. Воронов А. М. Институты гражданского общества в системе обеспечения национальной безопасности современной России // Научный портал МВД России. 2016. № 2(34). С. 132–136.

1. Alekseeva L. A., Majorova S. A. K voprosu o gosudarstvennom suverenitete v usloviyax globalizacii // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2022. № 3(59). S. 39–44.
2. Kolotkina O. A. Voprosy` obespecheniya nacional`noj bezopasnosti gosudarstva v usloviyax cifrovizacii // Gosudarstvennaya vlast` i mestnoe samoupravlenie. 2021. № 7. S. 7–10.

3. Alekseeva M. V., Filimonova E. A. Aktual`ny`e voprosy` protivodejstviya ugrozam nacional`noj bezopasnosti // Pravovoj poryadok i pravovy`e cennosti. 2024. № 1. S. 47–53.
4. Bloxin K. V., Nacional`ny`e prioritety` Rossii v menyayushhemsya mire // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Gosudarstvennoe i municipal`noe upravlenie. 2024. № 1. S. 7–18.
5. Zelenkov M. Yu., Osnovy` teorii nacional`noj bezopasnosti: uchebnik dlya studentov vuzov M.: YuNITI-DANA. 2016. 978-5-238-02801-9. URL: http://www.iprbookshop.ru /54282.html.
6. Skorobogaty`j P. Strategiya s oporoj na svoi sily` // E`kspert. 2021. 12 iyulya.
7. Bondarenko M. V., Stroeva O. A. Mery` administrativnogo preduprezhdeniya kak sredstvo obespecheniya nacional`noj bezopasnosti // Rossijskaya yusticiya. 2020. № 5. S. 5–8.
8. Voronov A. M. Instituty` grazhdanskogo obshhestva v sisteme obespecheniya nacional`noj bezopasnosti sovremennoj Rossii // Nauchny`j portal MVD Rossii. 2016. № 2(34). S. 132–136.

Информация об авторе

Петр Иванович Лысухо. Доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, кандидат юридических наук.

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

24150, Россия, г. Брянск, 2-й Советский пер., 2а.

Information about the author

Petr I. Lysukho. Assistant Professor of the Chair of State and Civil Law Disciplines, Candidate of Sciences (Law).

Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russia named after V. V. Lukyanov.

241050, Russia, Bryansk, per. Vtoroy Sovetsky, 2A.

Статья поступила в редакцию 09.06.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.

The article was received in the editorial office on 09.06.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 321

СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВУ: ИДЕОЛОГЕМЫ ПРОШЛОГО И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Марченко Геннадий Викторович[1], Половинкина Полина Евгеньевна[2]
[1, 2] Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

[1]gen.marchenco@yandex.ru
[2]polina.polovinkina.05@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена комплексному исследованию содержания идеологем державного патриотизма в исторической ретроспективе и анализу современного состояния нормативно-правового обеспечения патриотического воспитания в Российской Федерации. В научной статье прослеживается эволюция понятия патриотизма в отечественной истории – от Древней, впоследствии Московской Руси, имперского и советского периода к современной авторской интегративной модели «державного патриотизма». Выделены его ключевые черты: акцент на сильном суверенном государстве как гаранте преемственности, цивилизационная самостоятельность России и конструирование единого национального информационного нарратива.

В рамках работы осуществлен социологический опрос среди курсантов Санкт-Петербургского университета МВД России и учащихся двух средних школ г. Санкт-Петербурга (n=584), результаты которого подтвердили осмысленное понимание молодежью патриотизма как «любви к Родине» и «работы на благо страны», а также выявили запрос на упорядочение правового регулирования в этой сфере деятельности.

На основе синтеза теоретического, правового и социологического анализа заявленной проблемы авторами обоснована необходимость разработки и принятия базового Федерального закона «О государственной политике в области патриотического воспитания». Сформулированы конкретные рекомендации по его содержанию: закрепление четких дефиниций, разграничение полномочий субъектов, определение правового статуса инфраструктуры и кадрового обеспечения.

Ключевые слова: государственно-патриотическое мировоззрение, государственная политика, патриотическое воспитание, социологический опрос, патриотизм, идеологемы.

Для цитирования: Марченко Г. В., Половинкина П. Е. Служение Отечеству: идеологемы прошлого и современные проблемы патриотического воспитания // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 61–71.

SERVING TO THE FATHERLAND: IDEOLOGEMS OF THE PAST AND MODERN PROBLEMS OF PATRIOTIC EDUCATION

Gennady V. Marchenko[1], Polina E. Polovinkina[2]
[1, 2]St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia

[1]gen.marchenco@yandex.ru
[2]polina.polovinkina.05@mail.ru

Annotation. The work is devoted to a comprehensive study of the content of the ideologems of sovereign patriotism in historical retrospect and the analysis of the current state of the regulatory and legal support of patriotic education in the Russian Federation. The study traces the evolution of the concept of patriotism in Russian history, from the Ancient, later Moscow Rus, imperial and Soviet periods to the modern author's integrative model of «sovereign patriotism». Its key features are highlighted: the emphasis on a strong sovereign state as a guarantor of continuity, Russia's civilizational independence, and the construction of a unified national information narrative.

As part of the work, a sociological survey was conducted among cadets of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia and students of two secondary schools in St. Petersburg (n=584), the results of which confirmed a meaningful understanding of patriotism as «love for the Motherland» and «work for the good of the country» by young people, and also revealed a request for streamlining legal regulation in this area. the field of activity.

Basing on the synthesis of theoretical, legal and sociological analysis of the stated problem, the authors substantiate the need to develop and adopt the basic Federal law «On State Policy in the field of patriotic education». Specific recommendations on its content are formulated: the consolidation of clear definitions, the delimitation of the powers of subjects, the definition of the legal status of infrastructure and staffing.

Keywords: state-patriotic worldview, public policy, patriotic education, sociological survey, patriotism, ideologies.

For citation: Marchenko G. V., Polovinkina P. E. Serving to the Fatherland: Ideologems of the Past and Modern Problems of Patriotic Education // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 61–71.

Геополитические реалии современного многополярного мира, гибридные, информационные и ментальные войны коллективного Запада против Российского государства, определенная недооценка частью гражданского общества значимости исторического наследия и национальных достижений, девальвация традиционных духовно-нравственных ценностей и наличие межконфессиональных и межэтнических проблем требуют пристального внимания к вопросам формирования патриотизма и гражданственности у всех возрастных групп населения страны, и в первую очередь молодого поколения.

Практическая значимость исследования заключается в том, что сформулированные предложения могут быть использованы при разработке проекта Федерального закона «О государственной политике в области патриотического воспитания», а также в деятельности органов государственной власти разных уровней для унификации подходов к патриотической работе. Результаты социологического опроса могут служить эмпирической базой для корректировки региональных программ воспитания. Цель исследования – комплексный анализ современного состояния нормативно-правового обеспечения патриотического воспитания в Российской Федерации, выявление его системных проблем и выработка предложений по совершенствованию государственной политики в данной сфере.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Изучить эволюцию идеологемы патриотизма в отечественной истории для выявления преемственности и особенностей современного «державного» подхода.

2. Провести анализ нормативных правовых актов, регулирующих патриотическое воспитание на федеральном уровне, и выявить их определенную фрагментарность и несогласованность.

3. Исследовать организационные механизмы реализации государственной политики по патриотическому воспитанию на федеральном и региональном уровнях.

4. На основе социологического опроса определить уровень понимания патриотизма молодежью и ее отношение к возможному принятию специализированного закона.

5. Сформулировать конкретные рекомендации по содержанию проекта Федерального закона «О государственной политике в области патриотического воспитания».

В настоящий момент имеется конституционный запрет на закрепление той или иной идеологии в качестве государственной – ч. 2 ст. 13 Конституции Российской Федерации[1]. Однако современная общественно-политическая обстановка заставляет вернуться к обсуждению данного вопроса. Дискуссии теперь ведутся не только среди общественных деятелей и представителей научного сообщества, но и среди руководителей органов государственной власти. Так, например, на международном юридическом форуме в Санкт-Петербурге весной 2023 г. глава Министерства юстиции Российской Федерации К. А. Чуйченко заявил о некорректности положения основного закона нашей страны в части, запрещающей какую-либо идеологию в качестве государственной или обязательной [1]. Аналогичное мнение выражал глава Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин [2]. Президент Российской Федерации В. В. Путин еще в 2020 году говорил о национальной идее нашей страны, которая, по его мнению, заключается в патриотизме [3].

При рассмотрении основных событий отечественной истории просматривается четко выраженная тенденция – укрепление могущества Российского государства происходило в условия сформулированной идеи национального развития через патриотическое служение интересам государства и четко определенных ориентиров внутренней и внешней политики.

Эволюция идеологемы патриотизма в отечественной истории представляет собой сложный процесс трансформации смыслов и ценностных оснований, тесно связанный с генезисом российской государственности и сменой политических режимов. Истоки патриотического сознания у восточных славян уходят корнями в эпоху Древней Руси, где его первоначальной формой выступала этнорелигиозная и локальная привязанность к «родной земле», «родине-матери», освященная языческой, впоследствии православной верой. Это чувство обретало политическое измерение в периоды внешней угрозы, сплачивало княжеские дружины и ополчения для защиты не абстрактного государства, а конкретной земли, веры и образа жизни. Все это ярко отражено в памятниках древнерусской литературы, таких как «Слово о полку Игореве» или «Повесть временных лет», где мотив защиты Русской земли является центральным [4, с. 45–67].

С укреплением Московского княжества, с середины XVI в. царства, возникает идея «Третьего Рима» («Второй Византии»), а патриотическое чувство начинает сакрализовываться через концепцию «Святой Руси», сочетая верность православию и монарху-самодержцу как их земному защитнику. Качественно новое содержание понятие патриотизма приобретает в имперский период отечественной истории (XVIII – начало XX вв.). Имперский патриотизм, сформированный в петровскую эпоху и впоследствии развитый в эпоху просвещенного абсолютизма Екатерины Великой, был прежде всего государственно-династическим. Его ядром стала верность не столько этнической или конфессиональной общности, сколько государству-империи в лице императора, олицетворявшего мощь и славу державы. Патриот в этой системе координат был лояльным подданным, служащим процветанию России как великой мировой державы.

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Приведенные выше идеологемы активно внедрялись через систему образования и воспитания, получали отражение в тексте военной присяги, определяли содержание государственной идеологии, базировавшейся на таких постулатах и девизах, как «За Веру, Царя и Отечество» и «Православие, Самодержавие, Народность» [5, с. 132], где народность понималась как преданность народа самодержавному строю. Духовное (иррациональное) начало всегда лежало в основе уклада жизни русского человека. Православная вера при этом выступала в роли своеобразной скрепы общества [6, с. 11]. Однако в среде творческой интеллигенции (А. Н. Радищев, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов и др.) развивался и критический, гражданский патриотизм, направленный на служение не государственному аппарату, а народу, его просвещению и освобождению от самодержавной власти.

Кардинальный разрыв с имперской традицией произошел после 1917 года, когда была сформулирована идеологема советского патриотизма. Он представлял собой синтетическое и внутренне противоречивое явление, сочетавшее интернационалистскую классовую основу с растущим государственно-национальным пафосом построения нового общества. На раннем этапе патриотизм отождествлялся с преданностью делу мировой революции и социалистическому Отечеству пролетариев всего мира (коммунистический интернациональный лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»). Однако с укреплением Советского государства, утратой иллюзий на «мировую революцию» в предвоенный период и в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. произошла масштабная «национализация» патриотизма: в официальный дискурс вернулись героические образы дореволюционного прошлого (Александр Невский, Суворов, Кутузов), а советский патриотизм стал определяться как преданность социалистической Родине, Советской власти и коммунистической партии. Он базировался на гордости за социальные завоевания, промышленные и научные достижения СССР, а также памяти о победе в войне, ставшей главной консолидирующей идеей [7].

После распада СССР, в 1990-е годы, в России наблюдался идейный вакуум и кризис патриотической идентичности, связанный с деидеологизацией государства, переоценкой основных событий отечественной истории и социально-экономическими трудностями. Формирование современного российского патриотизма, активно институционализируемого с начала 2000-х годов, происходит в условиях поиска новой национальной идеи. Отличительными чертами становятся постсоветский синтез и державная преемственность. Современная государственная идеологема, часто обозначаемая как «державный патриотизм», сознательно апеллирует к символам и героям всех периодов отечественной истории – от Древней Руси через Российскую империю к советской эпохе, выстраивая нарратив непрерывности и величия российской государственности. Акцент делается на суверенитете, внешнеполитической самостоятельности, военной мощи и традиционных ценностях.

При этом, в отличие от советской модели, новый ценностный фундамент сместился с коммунистической идеологии на сочетание традиционных духовно-нравственных ориентиров, сохранение исторической памяти (особенно о Великой Победе 1945 года) и лояльности к действующей власти как гаранту стабильности и суверенитета [8, с. 61]. Очевидно, что эволюция от этнорелигиозной и монархической привязанности через советский этатоцентризм с классовой окраской к современному интегративному державному патриотизму демонстрирует адаптацию этой ключевой идеологемы к вызовам времени. Имперский патриотизм культивировал верность династии и имперскому величию, советский – социалистическому строю и идее социальной справедливости, современный делает акцент на гражданской консолидации вокруг сильного суверенного государства, преемственности исторических традиций и защите национальных интересов в многополярном мире.

В современном российском общественно-политическом дискурсе понятие «державный патриотизм» утвердилось в качестве ключевой идеологемы, синтезирующей традиционные ценности национального самосознания и актуальные задачи государственного строительства в условиях глобальных вызовов. Содержательное ядро данной концепции формируется вокруг нескольких взаимосвязанных и взаимообусловленных принципов, образующих целостную систему взглядов на место России в мире и основы гражданской идентичности ее жителей.

Прежде всего, державный патриотизм акцентирует первенство и безусловную ценность сильного, суверенного государства как главного гаранта безопасности, исторической преемственности и самостоятельного развития нации. В этом аспекте он противопоставляется как этническому национализму, который может игнорировать многонациональный характер страны, так и космополитическим или либеральным моделям гражданственности, девальвирующим значение национального суверенитета в пользу наднациональных структур или индивидуальных прав, абстрагированных от коллективной ответственности перед государством-отечеством [9, с. 205]. Патриот в этой парадигме – это не просто лояльный гражданин, а активный сторонник и защитник государственного суверенитета во всех его проявлениях: политическом, экономическом, культурном и военном.

Важнейшей отличительной чертой державного патриотизма является установка на преемственность исторических эпох, преодолевающая идеологические разрывы XX века. Данный принцип предполагает конструирование единого, непрерывного национального информационного нарратива, в котором Древняя Русь, Московское княжество, Московское царство, Российская империя и Советский Союз предстают различными фазами существования одной и той же цивилизационной общности с ярко выраженной идеей сильной государственности. Герои, символы, архетипы, победы и достижения всех периодов – от Александра Невского и Петра Великого до Юрия Гагарина и подвигов поколения «победителей» в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – объединяются в общий пантеон славы, служащий источником гордости и основой для воспитания. Такой интегративный подход позволяет легитимировать современную государственность через апелляцию к историческому величию, одновременно нейтрализуя потенциал внутреннего раскола на почве противопоставления дореволюционного, советского и постсоветского периодов [10, с. 89]. Эта политика сохранения и защиты исторической памяти направлена на формирование «большого времени» нации, где прошлое работает на консолидацию настоящего и перспективы будущего.

Еще одним фундаментальным компонентом данной идеологемы является утверждение цивилизационной самостоятельности России. Державный патриотизм базируется на идее, что Россия является не просто страной или национальным государством в европейском понимании, а уникальной и самодостаточной цивилизацией со своими ценностными координатами, историческим путем и мессианским призванием. Эта концепция, восходящая к славянофильству и евразийству, в современных условиях подчеркивает несовместимость либерально-индивидуалистической модели Запада с традиционными коллективистскими и духовными основаниями российского общества. Цивилизационная самостоятельность обосновывает право на собственный путь развития («особую цивилизационную модель»), отличный от западных образцов, и предполагает защиту традиционных духовно-нравственных ценностей (семьи, религии, патриотизма) от влияния глобализации и «духовной экспансии» иных культурных проектов [11, с. 115]. На наш взгляд, патриотизм становится не только чувством любви к Родине, но и формой цивилизационной самообороны и утверждения альтернативного ценностного полюса в мире. Державный патриотизм акцентирует первенство и безусловную ценность сильного, суверенного государства как главного гаранта безопасности, исторической преемственности и самостоятельного развития нации [12].

В рамках настоящей статьи авторами осуществлен анализ нормативных правовых документов в сфере патриотического воспитания, определены проблемные вопросы и меры их решения.

Ядро системы нормативных правовых актов образует Конституция Российской Федерации, выполняющая роль не только правового, но и своеобразного идеологического фундамента. Конституционные поправки 2020 года стали ключевым этапом в ее эволюции, напрямую закрепив патриотизм в качестве государственного приоритета. Так, статья 67.1.4. Конституции провозглашает детей важнейшим приоритетом государственной политики и обязывает государство создавать условия для воспитания в них патриотизма и гражданственности.

Следующий уровень системы – это федеральное законодательство, которое детализирует и реализует конституционные установки в конкретных отраслях. Ключевыми актами являются Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», который после внесения изменений в 2020 году дал новое, расширенное определение воспитания, включив в него формирование чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и к традициям многонационального народа России.

Существенную роль играют также законы «О воинской обязанности и военной службе»[2], «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»[3], Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей[4], Указ Президента РФ от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения»[5] и другие нормативные правовые акты, создающие правовые основания для конкретных направлений работы, таких как подготовка к военной службе, историческое просвещение, защита молодого поколения от деструктивной идеологии, популяризация традиционных духовно-нравственных ценностей.

Наиболее гибким и оперативным инструментом государственной политики выступают стратегические и программные документы, которые определяют цели, задачи и механизмы на среднесрочную перспективу. Эволюция этого блока наглядно демонстрирует изменение государственного подхода. Если первая государственная программа (2001–2005 гг.) и утвержденная в 2003 году Концепция патриотического воспитания были нацелены преимущественно на формирование самой системы, восстановление ее инфраструктуры и понятийного аппарата после распада СССР, то к четвертой программе (2016–2020 гг.) акцент сместился на повышение гражданской ответственности и консолидацию общества для обеспечения национальной безопасности. Отметим Распоряжение Правительства РФ от 17 августа 2024 г. № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 го-

[2] О воинской обязанности и военной службе: Федер. закон Рос. Федерации от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Указ Президента Рос. Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения: Указ Президента Рос. Федерации от 8 мая 2024 г. № 314. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

да»[6]. Документ определяет цель, задачи, приоритеты государственной политики в области воспитания, основные направления развития воспитания детей и молодежи.

На наш взгляд, структура, цели и эволюция системы нормативных правовых актов в сфере патриотического воспитания свидетельствуют о его определенной трансформации: от восстановительного концептуального моделирования в начале 2000-х до глубокой интеграции в правовое поле и образовательные стандарты, к стремлению органов государственной власти сформировать комплексный механизм воспроизводства гражданской идентичности, основанной на патриотизме как декларируемой национальной идее.

При всех этих позитивных изменениях представляется, что в Российской Федерации правовое регулирование в сфере патриотического воспитания является все же недостаточно системным и во многом носит фрагментированный характер. Отсутствие системообразующего закона является здесь ключевой проблемой. Регулирование осуществляется множеством разрозненных актов (указов, распоряжений, поправок в законы об образовании), что создает определенную внутреннюю несогласованность. Нечеткость в распределении полномочий между многочисленными ведомствами также ведет к дублированию функций или, наоборот, к правовым пробелам. Терминологическая неопределенность осложняет как правоприменение, так и оценку эффективности политики. Регионы вынуждены самостоятельно «латать» эти пробелы.

В рамках работы авторами настоящей работы был проведен социологический опрос. В нем приняли участие курсанты Санкт-Петербургского университета МВД России, учащиеся старших классов двух школ г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Численность участников опроса составила 584 респондента.

В рамках цифровизации молодежь сегодня подвержена влиянию различных субъектов, навязывающих негативные модели поведения [13]. Вследствие воздействия внутренних и внешних деструктивных сил в начале нынешнего столетия было размыто понимание национально-культурной идентичности и гражданственности [14, с. 32], что в настоящий момент преодолевается с помощью реализации различных государственных программ в сфере патриотического воспитания. Тем не менее по результатам социологического опроса было выявлено, что большинство респондентов понимают дефиницию «патриотизм» как «любовь к Родине» (41 %) и «работу на благо страны» (23 %) (рисунок 1). Из данных опроса необходимо сделать вывод, что молодежь любит свою Родину и правильно понимает значение этой дефиниции (рис. 1).

Авторы также провели опрос по выявлению отношения граждан к возможному принятию специализированного федерального законодательства в сфере патриотизма.

Значительное большинство опрошенных (82 %) однозначно высказалось за то, что новый закон должен устанавливать определенные обязанности для государственных органов в этой сфере деятельности. Однако это мнение сопровождалось важным замечанием о необходимости «разумных рамок», что свидетельствует о запросе общества на сбалансированный и прагматичный подход, исключающий формализацию и принуждение. В частности, респонденты видят роль государства в обеспечении финансирования, координации и методической поддержки патриотических инициатив особенно в ключевых сферах образования и культуры. Ключевая идея заключается в том, чтобы закон создавал условия для искреннего участия граждан в его реализации, а не превращал патриотизм в формальную обязанность.

[6] Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Рис 1. Определение дефиниции «патриотизм»

Обсуждение исследования

Результаты исследования докладывались авторами в ходе научно-представительских мероприятий, публиковались в научных статьях. Предложения разработки базового федерального закона в сфере патриотического воспитания неизменно получали поддержку в научном сообществе. Данные социологического опроса (n=584) показали, что 41 % респондентов определяет патриотизм как «любовь к Родине», а 23 % – как «работу на благо страны». Это эмпирически подтверждает наличие позитивного ценностного фундамента. В то же время 82 % опрошенных высказались за принятие закона о патриотическом воспитании, что указывает на запрос общества на системное правовое регулирование. Сопоставление этих данных с выявленной фрагментарностью нормативных актов (отсутствие единого системообразующего закона, разрозненность ведомственных программ) позволяет утверждать, что предлагаемая разработка Федерального закона «О государственной политике в области патриотического воспитания» является не декларативной, а строго обоснованной мерой. Проведенное исследование, включая правовой анализ и социологический опрос (n=584), подтверждает высокий уровень общественной поддержки (82 % респондентов) принятия базового закона в сфере патриотического воспитания, а также предоставляет содержательный материал для его разработки (например, приоритет финансирования, координации, методической поддержки, а не принуждения).

Выводы

Анализ организационных механизмов на федеральном и региональном уровнях выявил дублирование полномочий, отсутствие единых стандартов эффективности и кадровый дефицит. Без системообразующего закона эти проблемы не разрешимы. Синтез данных правового анализа нормативных правовых документов и социологических данных однозначно приводит к выводу о настоятельной необходимости разработки и принятия базового Федерального закона «О государственной политике в области патриотического воспитания». Безусловно, требуется принятие базового федерального закона. Текущая ситуация характеризуется нормативной хаотичностью,

которая снижает эффективность государственной политики, обозначенной как конституционный приоритет.

Новый закон должен стать рамочным актом, который обеспечит системность, скоординированность действий всех субъектов и создаст основу для устойчивого формирования гражданской идентичности. Ключевым вызовом при его разработке станет нахождение баланса между необходимостью правовой определенности и недопущением излишней идеологизации или использования патриотизма как инструмента для ограничения гражданских свобод и критической мысли. Принятие Федерального закона «О государственной политике в области патриотического воспитания» создаст единые правовые основы для проведения государственной политики, обеспечит систематизацию регулирования и установление четких правовых гарантий.

---

1. Глава Минюста призвал решить вопрос с запретом госидеологии в Конституции. РБК. URL: https://www.rbc.ru (дата обращения: 19.01.2026).
2. Бастрыкин призвал прописать государственную идеологию в Конституции. РБК. URL: https://www.rbc.ru (дата обращения: 19.01.2026).
3. Путин рассказал о национальной идее России. ТАСС. URL: https://tass.ru (дата обращения: 19.01.2026).
4. Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси: Очерки из области русской литературы XI–XVII вв. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1945. С. 45–67.
5. Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. 489 с.
6. Марченко Г. В., Смородина В. А., Чимаров С. Ю., Косолапов А. Д. Идейный концепт патриотизма в воспитательной работе с сотрудниками органов внутренних дел: современные подходы и технологии. Монография. СПб университет МВД России. 2024. 176 с.
7. Семенова А. В. Советский патриотизм в идеологии и пропаганде сталинской эпохи (1930-е – начало 1950-х гг.): монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 298 с.
8. Александров А. А. Державный патриотизм как основа современной российской государственной идеологии: политико-философский анализ // Власть. 2021. № 5. С. 58–63.
9. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. 496 с.
10. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 446 с.
11. Дугин А. Г. Основы геополитики: Геополитическое будущее России. М.: Арктогея, 1999. 928 с.
12. В российскую повестку вернулся закон о государственной политике в области патриотического воспитания. URL: https://rospatriotcentr.ru/news/v-rossiyskuyu-povestku-vernulsya-zakon-o-gosudarstvennoy-politike-v-oblasti-patrioticheskogo-vospita (дата обращения: 15.01.2026).
13. Современные формы девиантного поведения молодежи в условиях цифровизации российского общества. URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 23.02.2026).
14. Шаров А. А. Методика изучения девиантной активности в реальной и виртуальной среде // Известия Саратовского университета. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8. Вып. 1(29). С. 30–37.

1. Glava Minyusta prizval reshit` vopros s zapretom gosideologii v Konstitucii. RBK. URL: https://www.rbc.ru (data obrashheniya: 19.01.2026).
2. Bastry`kin prizval propisat` gosudarstvennuyu ideologiyu v Konstitucii. RBK. URL: https://www.rbc.ru (data obrashheniya: 19.01.2026).
3. Putin rasskazal o nacional`noj idee Rossii. TASS. URL: https://tass.ru (data obrashheniya: 19.01.2026).
4. Lixachev D. S. Nacional`noe samosoznanie Drevnej Rusi: Ocherki iz oblasti russkoj literatury` XI–XVII vv. M., L.: Izd-vo AN SSSR, 1945. S. 45–67.
5. Mironenko S. V. Samoderzhavie i reformy`: Politicheskaya bor`ba v Rossii v nachale XIX v. M.: Nauka, 1989. 489 s.
6. Marchenko G. V., Smorodina V. A., Chimarov S. Yu., Kosolapov A. D. Idejny`j koncept patriotizma v vospitatel`noj rabote s sotrudnikami organov vnutrennix del: sovremenny`e podxody` i texnologii. Monografiya. SPb universitet MVD Rossii. 2024. 176 s.
7. Semyonova A. V. Sovetskij patriotizm v ideologii i propagande stalinskoj e`poxi (1930-e – nachalo 1950-x gg.): monografiya. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2018. 298 s.
8. Aleksandrov A. A. Derzhavny`j patriotizm kak osnova sovremennoj rossijskoj gosudarstvennoj ideologii: politiko-filosofskij analiz // Vlast`. 2021. № 5.
S. 58–63.
9. Panarin A. S. Pravoslavnaya civilizaciya v global`nom mire. M.: Algoritm, 2002. 496 s.
10. Gaman-Golutvina O. V. Politicheskie e`lity` Rossii: Vexi istoricheskoj e`volyucii. M.: ROSSPE`N, 2006. 446 s.
11. Dugin A. G. Osnovy` geopolitiki: Geopoliticheskoe budushhee Rossii. M.: Arktogeya, 1999. 928 s.
12. V rossijskuyu povestku vernulsya zakon o gosudarstvennoj politike v oblasti patrioticheskogo vospitaniya. URL: https://rospatriotcentr.ru/news/v-rossiyskuyu-povestku-vernulsya-zakon-o-gosudarstvennoy-politike-v-oblasti-patrioticheskogo-vospita (data obrashheniya: 15.01.2026).
13. Sovremenny`e formy` deviantnogo povedeniya molodezhi v usloviyax cifrovizacii rossijskogo obshhestva. URL: https://cyberleninka.ru (data obrashheniya: 23.02.2026).
14. Sharov A. A. Metodika izucheniya deviantnoj aktivnosti v real`noj i virtual`noj srede // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psixologiya razvitiya. 2019. T. 8. Vy`p. 1(29). S. 30–37.

Информация об авторах

Геннадий Викторович Марченко. Профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы, доктор исторических наук, доцент.
Санкт-Петербургский университет МВД России.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1.

Полина Евгеньевна Половинкина. Курсант.
Санкт-Петербургский университет МВД России.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1.

Information about the authors

Gennady V. Marchenko. Professor of the Chair of Personnel Management and Educational Work, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor.
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
198206, Russia, St. Petersburg, St. Pilot Pilyutov, 1.

Polina E. Polovinkina. Cadet.
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 198206, Russia, St. Petersburg, St. Pilot Pilyutov, 1.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 10.06.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 10.06.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 340

ЦИФРОВОЙ СУБЪЕКТ ПРАВА КАК ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: ФИКЦИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Римский Алексей Викторович
Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия

alex.rimskiy@yandex.ru

Аннотация. В представленной статье подвергается фундаментальному философско-правовому осмыслению трансформация категории субъекта права, индуцированная экспансией цифровых технологий в нормативную онтологию. Предметом исследования выступают современные теоретические модели легитимации правосубъектности электронных лиц, роботизированных агентов и систем искусственного интеллекта, рассматриваемые сквозь призму отечественной теории государства и права. Автор эксплицирует ключевые антиномии, возникающие при попытке инкорпорирования небиологических сущностей в классическую таксономию субъектов права. В центре анализа – парадокс «безвиновной активности», при котором операциональная способность порождать юридически значимые акты диссоциирована с принципиальной невозможностью вменения и деликтоспособности ввиду отсутствия у цифровых акторов субъективной стороны, интенциональности и моральной архитектуры. Особое внимание уделяется рискам эрозии антропоцентрического фундамента правопорядка: наделение технологических артефактов статусом, эквивалентным человеческой личности, угрожает размыванием границ конституционной субъектности, девальвацией достоинства как основания права и дестабилизацией всей системы правоотношений. Аргументируется недопустимость редукции субъекта права к операциональной функции, способной порождать юридические последствия. В качестве альтернативы предлагается императив сохранения «человеческой природы» субъекта права как ценностного ядра правовой реальности, что, однако, не исключает, а, напротив, предполагает развитие теоретического аппарата квазисубъектов. Последние концептуализируются как переходные субъект-объектные состояния, выполняющие инструментальную роль опосредования интересов подлинных субъектов без наделения их автономной правосубъектностью. Это позволяет праву реагировать на вызовы цифровой эпохи, не поступаясь своей человекомерной сущностью и телеологической направленностью на защиту личности.

Ключевые слова: субъект права, цифровой субъект, правосубъектность, электронное лицо, цифровая личность, искусственный интеллект, квазисубъект права, теория государства и права, цифровое право, фикция.

Для цитирования: Римский А. В. Цифровой субъект права как теоретико-правовая категория: фикция и реальность // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 72–78.

THE DIGITAL SUBJECT OF LAW AS A THEORETICAL AND LEGAL CATEGORY: FICTION AND REALITY

Alexei V. Rimskiy
Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia named after I. D. Putilin, Belgorod, Russia

alex.rimskiy@yandex.ru

Annotation. This article studies a fundamental philosophical and legal reflection on the transformation of the category of the subject of law, induced by the expansion of digital technologies into normative ontology. The subject of the study is contemporary theoretical models of legitimizing the legal personality of electronic persons, robotic agents, and artificial intelligence systems, examined through the prism of the domestic theory of state and law. The author explicates the key antinomies arising from attempts to incorporate non-biological entities into the classical taxonomy of legal subjects. Central to the analysis is the paradox of «guiltless activity», wherein the operational capacity to generate legally significant acts is dissociated from the fundamental impossibility of imputation and delictual capacity due to the absence in digital actors of a subjective side, intentionality, and moral architecture. Special attention is devoted to the risks of erosion of the anthropocentric foundation of the legal order: endowing technological artifacts with a status equivalent to a human personality threatens the blurring of the boundaries of constitutional subjecthood, the devaluation of dignity as the foundation of law, and the destabilization of the entire system of legal relations. The inadmissibility of reducing the legal subject to a mere operational function capable of producing legal consequences is argued. As an alternative, the imperative of preserving the «human nature» of the legal subject as the axiological core of legal reality is proposed, which does not, however, exclude but rather presupposes the development of the theoretical apparatus of quasi-subjects. The latter are conceptualized as transitional subject-object states that fulfill the instrumental role of mediating the interests of genuine subjects without endowing them with autonomous legal personality. This enables the law to respond to the challenges of the digital age without compromising its human-dimensional essence and teleological orientation toward the protection of the individual.

Keywords: subject of law, digital subject, legal personality, electronic person, digital identity, artificial intelligence, quasi-subject of law, theory of state and law, digital law, legal fiction.

For citation: Rimskiy A. V. The digital subject of law as a theoretical and legal category: fiction and reality // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 72–78.

Категория субъекта права принадлежит к числу фундаментальных в теоретическом правоведении. Именно через нее раскрывается связь права с человеком, его свободой и ответственностью. Как отмечается в современной литературе, «с дедуктивной точки зрения субъектность – центральная проблема философии права, и как таковая она должна усматриваться и в частных областях знания». Цифровая эпоха ставит эту проблему с беспрецедентной остротой. Появление систем искусственного интеллекта, способных к автономному принятию решений, «умных» роботов, цифровых профилей и виртуальных личностей заставляет юристов обратиться к вопросу, который еще недавно казался сугубо схоластическим: могут ли небиологические сущности обладать правосубъектностью?

В российском законодательстве правовой статус таких сущностей остается неопределенным, хотя доктрина уже сформулировала несколько альтернативных подходов: искусственный интеллект (далее – ИИ) может рассматриваться как объект права, как субъект права по модели юридического лица, как субъект особого правового статуса – «электронное лицо». Цель настоящей статьи – проанализировать теоретико-правовые основания и возможные последствия признания цифровых субъектов права, выявив внутренние противоречия этого процесса. Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и диалектический методы.

В современной юридической науке сложилось несколько подходов к определению места цифровых сущностей в системе субъектов права. Первый, наиболее радикальный, исходит из необходимости признания «небиологических членов общества» – роботов и систем ИИ – полноценными субъектами права. Второй подход, представленный прежде всего работами С. И. Архипова, отстаивает «человеческую природу» субъекта права и предлагает в качестве альтернативы признать особую группу переходных субъект-объектных состояний, для которых устанавливается специальный правовой режим, не связанный с наделением их правосубъектностью в классическом смысле [1, с. 7]. Третий подход разрабатывает категорию квазисубъектов права, под которыми понимаются «лица, не обладающие всеми признаками субъекта права».

Следует различать несколько типов цифровых сущностей, фигурирующих в научных дискуссиях. Во-первых, это «цифровая личность» – виртуальная модель субъекта права, предназначенная для реализации его правового статуса в цифровой среде. Во-вторых, «электронное лицо» – носитель искусственного интеллекта, способный самостоятельно решать задачи без участия человека. В-третьих, «цифровой гражданин» и «цифровой профиль» как формы идентификации физического лица в информационных системах. Каждая из этих категорий имеет собственную правовую природу и требует дифференцированного подхода.

Вопрос о правосубъектности ИИ является наиболее дискуссионным. С одной стороны, развитие технологий машинного обучения создает ситуацию, когда действия автономных систем уже невозможно напрямую приписать воле их создателя или оператора. Роботы, обладающие возможностью самообучения и автономного принятия решений, ставят перед юриспруденцией задачу рассмотрения их как полноправных субъектов права. С другой стороны, действующее российское законодательство однозначно исходит из того, что автором и субъектом права может быть только физическое лицо: согласно ст. 1257 ГК РФ, «автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано. Искусственный интеллект не обладает правосубъектностью, и результат его деятельности не порождает авторских прав».

Парадокс усугубляется при обращении к зарубежному опыту. Так, в документах Европарламента ставится вопрос о наделении наиболее развитых роботов особым статусом «электронной личности» с выбором определенных прав и обязанностей, включая право на свободу. Однако, как справедливо заметил председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, «личными правами может обладать только личность», и «можем ли мы утверждать, что ИИ подобен человеку и обладает неотъемлемым от состояния субъектности в сфере права соответствующим набором практических навыков и стереотипов поведения? Отрицательный ответ на поставленный вопрос очевиден».

К этому добавляется сугубо практический аргумент: роботы не имеют обособленного имущества, из которого можно было бы возместить ущерб, неспособны самостоятельно отстаивать свои интересы в суде, а наказание, примененное к программе, лишено смысла, поскольку она не переживает негативных эмоций. Таким образом, наделение ИИ правосубъектностью в классическом понимании ведет в теоретический тупик: создание юридической фикции, лишенной реального содержания.

Существенное значение для теории права имеет разграничение категорий «цифровая личность» и «электронное лицо». Цифровая личность понимается в доктрине как «обеспечиваемая программными средствами виртуальная модель субъекта права, которая предназначена для реализации его правового статуса в цифровой среде, основанной на взаимодействии множества информационных систем» [2, с. 48]. Иными словами, это проекция реального человека, а не самостоятельный субъект. Электронное же лицо – это принципиально новый участник правоотношений, носитель искусственного интеллекта, который, в отличие от юридического лица, не связан волей своего создателя.

Различие имеет принципиальное значение для определения правового режима. Цифровая личность не нуждается в признании самостоятельной правосубъектности, поскольку она является лишь инструментом реализации правосубъектности реального физического лица. Электронное лицо, напротив, претендует на автономный правовой статус, что неизбежно влечет вопрос о его месте в системе субъектов права и о гарантиях защиты прав других участников оборота от его действий.

В этом контексте заслуживает внимания концепция «цифровой правосубъектности», разрабатываемая в современной науке. Как отмечает М. А. Егупова, «цифровизация различных сфер жизни общества, расширение возможностей реализации прав граждан в цифровой среде, наличие проблем идентификации личности при определении субъекта правовых отношений требуют специального исследования цифровой правосубъектности как предпосылки реализации прав в цифровом пространстве» [3, с. 33]. Речь идет не о создании нового субъекта права, а о новом способе реализации правосубъектности уже существующих субъектов.

Наиболее взвешенным решением описанных парадоксов представляется развитие теории квазисубъектов права. Как указывает С. Г. Чубукова, «актуальной теоретической проблемой является развитие теории квазисубъектов в праве и определение правового статуса электронного лица как квазисубъекта права. Под квазисубъектом понимается лицо, не обладающее всеми признаками субъекта права» [4, с. 53]. С точки зрения фундаментальной онтологии права, пространство киберреальности порождает уникальные формы квазисубъектности, типологизация которых возможна через призму диалектики правового статуса и модуса ответственности. Философско-правовой анализ позволяет дифференцировать данные феномены на две полярные категории, исходя из объема присущих им юридических предикатов.

К первому типу квазисубъектов следует отнести акторов, чей онтологический статус характеризуется усеченной правосубъектностью, а именно: дихотомией наличествующих правомочий и принципиально отсутствующей деликтоспособности. В этот класс попадают сложные автономные системы – интеллектуальные агенты, киберфизические ансамбли, алгоритмы искусственного интеллекта и роботизированные комплексы. Парадокс их бытия в праве заключается в способности генерировать юридически значимые акты, оставаясь при этом в зоне принципиальной безответственности. Атрибуция ответственности здесь упирается в фундаментальный метафизический барьер: у данных сущностей отсутствует субъективная сторона в ее классическом понимании, они лишены модусов виновности, интенциональности и эмоциональной архитектуры, что исключает саму возможность вменения. Таким образом, мы наблюдаем дефектную субъектность, где деяние существует в отрыве от порицания, а операционная функциональность – вне этико-правовой рефлексии.

Ко второму типу принадлежат инстанции, чья правосубъектность носит сугубо потенциальный или проективный характер. Это образования, лишенные актуальной юридической дееспособности, однако имплицитно присутствующие в нормативной ткани через механизм опосредованной реализации интересов. Квинтэссенцией такого подхода выступают будущие поколения, чей статус можно определить как темпоральный конституционно-правовой императив. Онтологически они пребывают в модусе не-

существования, однако аксиологически их благо становится нормативным принципом, ограничивающим волю ныне живущих субъектов права. Здесь реализуется схема представительства без представителя: интересы несубъекта инкорпорируются в действующее правопорядок через обязанности субъектов актуальных.

Следовательно, таксономия квазисубъектов в цифровую эпоху строится на фундаментальном основании, уходящем корнями в философию вменения. Мы различаем тех, кто действует, но не отвечает (операциональные псевдолица), и тех, кто не существует, но чья воля уже нормирует настоящее (прескриптивные псевдолица). Это свидетельствует о кризисе классической корреляции между действием, субъектностью и ответственностью в пространстве постчеловеческой реальности, ставя перед нами задачу переосмысления самих границ правового субъекта.

Данный подход позволяет решить несколько задач одновременно. Так, он не требует радикального пересмотра классической теории субъекта права, сохраняя «человеческую природу» правосубъектности. Он дает возможность принимать во внимание особенности цифровых сущностей и разрабатывать для них специальные правовые режимы. Такой подход позволяет эффективно решать вопросы, связанные с деликтоспособностью, и распределять ответственность между квазисубъектом, его создателем, оператором и другими участниками правоотношений.

Следует согласиться с С. И. Архиповым, который предлагает «юридически признать (конституировать) особую группу (несколько групп) правовых явлений, для которых характерно совмещение признаков субъекта и объекта права (переходные субъект-объектные состояния). Установить для них особый правовой режим, не связанный с признанием их правосубъектности. Их «миссия» в праве должна заключаться в осуществлении технико-вспомогательных, исполнительских функций» [1, с. 7].

Признание цифровых субъектов права сопряжено с существенными рисками для правовой системы. Главный из них – угроза размывания самого понятия правосубъектности, что может привести к девальвации прав человека. Если правоспособность будет признана за небиологическими сущностями, неизбежно встанет вопрос о соотношении их прав с конституционными правами человека и гражданина. Как подчеркивает Н. В. Володина, «признание правосубъектности „небиологических членов общества“ в виде роботов и систем искусственного интеллекта – вопрос дискуссионный, но требующий скорейшего решения. Будет ли правоспособность „небиологических членов общества“ нарушать конституционные права человека и гражданина в будущем при активном развитии цифровых систем и цифровых технологий?» [5, с. 12].

Не менее важен и другой аспект: трансформация субъектного состава правоотношений требует разработки дополнительных правовых гарантий обеспечения конституционного правопорядка. Как справедливо отмечает П. В. Соловьев, «введение новых элементов в субъектный состав правоотношений не должно влечь понижение уровня правовой защищенности иных субъектов права» [6, с. 45].

Кроме того, существует риск создания правовой гиперреальности – ситуации, при которой юридические фикции, порожденные цифровизацией, начинают восприниматься как реальные субъекты, подменяя собой человека. Как предупреждает Я. А. Третьяков, «односторонняя ориентация на вычислительную эффективность способна спровоцировать эрозию эмпатии, утрату личной автономии и кризис смысловой наполненности самой нормативной системы» [7, с. 165].

Цифровой субъект права – это не единая категория, а спектр явлений различной правовой природы – от проекций реальных субъектов (цифровая личность) до потенциально автономных сущностей (электронное лицо на базе ИИ). Признание правосубъектности за последними на современном этапе является теоретически необоснованным и практически опасным.

Отечественная теория права, опирающаяся на классические представления о человеке как единственном носителе правосубъектности, выработала адекватные инструменты для работы с цифровыми сущностями – категории квазисубъектов и переходных субъект-объектных состояний. Их развитие и законодательное закрепление позволят решить практические проблемы, не разрушая фундамента правовой системы.

Проблема цифрового субъекта права имеет не только юридическое, но и философско-антропологическое измерение. Внедрение цифровых технологий требует философско-правового осмысления новых явлений: «среди наиболее дискуссионных вопросов особое место занимают проблемы сущности права, изменения его формы, содержания и компонентов в условиях цифровизации; особенности цифровой идентичности; возникновения новых цифровых субъектов права» [8, с. 313]. Ответ на эти вопросы определит облик права в наступающую цифровую эпоху, и от его своевременности и обоснованности зависит, сохранит ли право свою главную функцию – защиту человеческого достоинства.

---

1. Архипов С. И. Субъект права в цифровую эпоху // Вестник Гуманитарного университета. 2023. № 4(43). С. 7–16.
2. Шмалий О. В., Ванин В. В. Право на цифровой образ // Юрист. 2025. № 8. С. 48–55.
3. Егупова М. А. Цифровая правосубъектность как категория цифрового права // Современное право. 2025. № 8. С. 33–36.
4. Чубукова С. Г. Квазисубъекты в киберправе // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2(102). С. 53–61.
5. Володина Н. В. Правосубъектность «небиологических членов общества» (роботов и систем искусственного интеллекта) как особая юридическая категория // Современное право. 2026. № 3. С. 12–18.
6. Соловьев П. В. Цифровая трансформация субъектов правоотношений: электронное юридическое лицо, электронный государственный орган, цифровое должностное лицо // Юридическая наука. 2024. № 11. С. 45–54.
7. Третьяков Я. А. Право и мораль в эпоху трансгуманистического перехода // Философия права. 2025. № 6. С. 165–180.
8. Нурмухаметова В. В. Контуры проблем философии права в эпоху цифровизации // Цифровые технологии и право: сб. науч. трудов I Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 23 сентября 2022 г.). Казань: Познание, 2022. С. 313–318.

1. Arxipov S. I. Sub``ekt prava v cifrovuyu e`poxu // Vestnik Gumanitarnogo universiteta. 2023. № 4(43). S. 7–16.
2. Shmalij O. V., Vanin V. V. Pravo na cifrovoj obraz // Yurist. 2025. № 8. S. 48–55.
3. Egupova M. A. Cifrovaya pravosub``ektnost` kak kategoriya cifrovogo prava // Sovremennoe pravo. 2025. № 8. S. 33–36.
4. Chubukova S. G. Kvazisub``ekty` v kiberprave // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA). 2023. № 2(102). S. 53–61.
5. Volodina N. V. Pravosub``ektnost` «nebiologicheskix chlenov obshhestva» (robotov i sistem iskusstvennogo intellekta) kak osobaya yuridicheskaya kategoriya // Sovremennoe pravo. 2026. № 3. S. 12–18.
6. Solov`yov P. V. Cifrovaya transformaciya sub``ektov pravootnoshenij: e`lektronnoe yuridicheskoe liczo, e`lektronny`j gosudarstvenny`j organ, cifrovoe dolzhnostnoe liczo // Yuridicheskaya nauka. 2024. № 11. S. 45–54.
7. Tret`yakov Ya. A. Pravo i moral` v e`poxu transgumanisticheskogo perexoda // Filosofiya prava. 2025. № 6. S. 165–180.

8. Nurmuxametova V. V. Kontury` problem filosofii prava v e`poxu cifrovizacii // Cifrovy`e texnologii i pravo: sb. nauch. trudov I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Kazan`, 23 sentyabrya 2022 g.). Kazan`: Poznanie, 2022. S. 313–318.

Информация об авторе

Алексей Викторович Римский. Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, доктор философских наук.

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина.

308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71.

Information about the author

Alexey V. Rimsky. Professor of the Chair of State and Legal Disciplines, Doctor of Philosophy.

Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia named after I. D. Putilin.

308024, Russia, Belgorod, Gorky St., 71.

Статья поступила в редакцию 18.05.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.

The article was received in the editorial office on 18.05.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 321.011

ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК СИСТЕМНЫЙ ПРИЗНАК СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Черный Антон Игоревич
Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, Брянск, Россия

mig31spn@gmail.com

Аннотация. В статье обосновывается необходимость пересмотра классической системы признаков государства в контексте всеобщей цифровизации. Цифровой суверенитет современного государства, понимаемый как способность государства независимо определять и обеспечивать политику в цифровом пространстве, включая контроль над критической информационной инфраструктурой, информационно-коммуникационными технологиями и их инструментарием, а также информацией, трансформируется из факультативной функции в ключевой признак современного государства. На основе сравнительного анализа подходов Российской Федерации, Китайской Народной Республики и Соединенных Штатов Америки выявляются общие и специфические черты реализации цифрового суверенитета.

Ключевые слова: государство, цифровой суверенитет, признаки государства, информационное общество, киберпространство, технологическая независимость.

Для цитирования: Черный А. И. Цифровой суверенитет как системный признак современного государства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 79–87.

A DIGITAL SOVEREIGNTY AS A SYSTEM FEATURE OF THE MODERN STATE

Anton I. Chernyi
Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russia named after V. V. Lukyanov

mig31spn@gmail.com

Annotation. The article substantiates the need to revise the classical system of attributes of the state in the context of universal digitalization. The digital sovereignty of the modern state, understood as the ability of the state to independently determine and enforce policy in the digital space, including control over critical information infrastructure, information and communication technologies and their tools, as well as information, is transformed from an optional function into a key feature of the modern state. Basing on a comparative analysis of the approaches of the Russian Federation, the People's Republic of China, the United States of America, common and specific features of the implementation of digital sovereignty are identified.

Keywords: state, digital sovereignty, signs of the state, information society, cyberspace, technological independence.

For citation: Chernyi A. I. A digital sovereignty as a system feature of the modern state // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 79–87.

В классической теории государства и права сложилась система универсальных признаков государства, элементами которой традиционно указывают публичную власть и легализованное принуждение, наличие собственной территории и населения, систему налогов и сборов, монополию на правотворческую деятельность, суверенитет. Вышеуказанные признаки, сформулированные еще в середине XVII века и ставшие частью Вестфальской системы международных отношений, органично соотносятся с описанием государства в материальном, физическом мире [1, с. 97].

Вместе с тем четвертая научно-техническая революция, начавшаяся во второй половине XX века и продолжающая набирать темпы в XXI веке, привела к стремительной и всепроникающей цифровизации общественных отношений и созданию принципиально новой среды существования государства – киберпространства или цифрового пространства. Указанная инновационная среда, будучи изначально трансграничной и централизованной, определила новые формы угроз и вызовов классическому государственному суверенитету, к числу которых следует отнести [2, с. 21]:

– зависимость отдельных государств от иностранных информационных технологий и их инструментария, в частности операционных систем, облачных сервисов и инфраструктур хранения данных, каналообразующего оборудования и систем связи и т. д.;

– высокую степень уязвимости объектов критической информационной инфраструктуры к кибератакам;

– экстерриториальный характер сбора, обработки и хранения данных транснациональными корпорациями, способствующий нарушению требований информационной безопасности и приватности граждан;

– использование цифровых каналов для вмешательства во внутренние дела государств в том числе путем реализации операций информационно-психологического характера, направленных на дестабилизацию общественно-политической сферы;

– возникновение государств – «цифровых колоний», в которых экономическая и политическая власть де-факто принадлежит не национальным правительствам, а собственникам экосистем данных и алгоритмов.

В этих условиях способность государства эффективно контролировать процессы киберпространства, эффективно защищать государственные интересы и обеспечивать собственное устойчивое развитие становится важнейшим вопросом выживания.

Классического суверенитета, ограничиваемого физической территорией и населением, оказывается недостаточно. Следовательно, возникает закономерная и объективная потребность в новом качественном аспекте государства – цифровом суверенитете, место, роль и защита которого перешли из технической сферы жизни государства и общества в область основ конституционного строя. Подобный подход требует переосмысления системы традиционных признаков государства и включения в нее нового элемента – цифрового суверенитета.

Цифровой суверенитет в новой реальности жизни и развития государства нельзя рассматривать как продолжение или аналог суверенитета в его традиционном теоретико-правовом понимании. Он представляет собой комплексное и многогранное явление, которое можно определить как независимость государства в реализации публичной власти, контроле критической информационной инфраструктуры, ключевых потоков данных и цифровых активов в киберпространстве в целях обеспечения национальной безопасности [3, с. 23].

Как системный признак современного государства цифровой суверенитет раскрывается посредством ряда взаимосвязанных и взаимодействующих компонентов [4, с. 210]:

1. Технологический суверенитет государства, то есть способность самостоятельно обеспечивать устойчивость и безопасность национального сегмента интернета, критической информационной инфраструктуры, а также развивать собственные или кон-

тролируемые первостепенные информационно-коммуникационные технологии (системное, прикладное и инструментальное программное обеспечение, микроэлектроника, сетевое оборудование и т. д.). Предполагается, что технологический суверенитет государства служит фундаментом всей системы компонентов цифрового суверенитета.

2. Суверенитет данных в цифровом представлении, который представляется правом государства устанавливать юрисдикцию над информацией в цифровом представлении, создаваемой и обрабатываемой гражданами, общественными организациями и объединениями, органами государственной власти в физических границах государства, границах национального сегмента киберпространства, а также в случае трансграничной передачи данных.

3. Нормативно-правовой суверенитет предполагает независимость государства в создании собственной системы правового регулирования киберпространства (обеспечение информационной безопасности, развитие собственных информационно-коммуникационных технологий, признание и закрепление цифровых прав человека и гражданина и т. д.), которая определяет и закрепляет национальные ценности и приоритеты.

4. Суверенитет цифровой экономики, направленный на развитие цифровых платформ государственного значения, защиту цифрового рынка от недобросовестных практики и обеспечение конкурентоспособности национальных цифровых компаний.

5. Социокультурный суверенитет, представленный защитой информационно-психологического пространства, государственного языка, культурного кода и традиционных ценностей от внешнего цифрового деструктивного воздействия.

Цифровой суверенитет как системный признак современного государства нашел свое отражение в моделях современных цифровых государств: Российской Федерации, Китайской Народной Республика, Европейского союза и Соединенных Штатов Америки. Следует отметить, что цифровой суверенитет вышеназванных государств объективно имеет отличия в силу различий в политических системах, экономических укладов и внешнеполитической ситуации государства.

В основе цифрового суверенитета Российской Федерации лежит концепция защитного суверенитета в условиях конфронтации, в частности его ускоренное развитие обусловлено современными геополитическими вызовами и высоким санкционным давлением [5, с. 35]:

– технологический компонент цифрового суверенитета России характеризуется наращиванием импортозамещения в сфере информационно-коммуникационных технологий и формированием полноценной национальной цифровой экосистемы, способной конкурировать с зарубежными аналогами и защищенной от внешних негативных влияний и посягательств. Основой для развития вышеописанной системы стало стремительное развитие сферы информационно-коммуникационных технологий в России в последние годы: создание национальных операционных систем для стационарных и мобильных устройств («AstraLinux» и «Аврора» соответственно), совершенствование микроэлектроники (микропроцессорные устройства линеек «Эльбрус» и «Байкал») и т. д.;

– нормативно-правовой компонент определяется активным формированием системы «цифрового законодательства», основу которой составляет Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации»[1], формирующий благоприятные условия для научно-исследовательской деятельности и содействия российским разработчикам, а также снижение технологической зависимости от зарубежных решений. Следует отметить и ряд документов по стратегическому планированию в рассматриваемой сфере: указы Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «Стратегия научно-технического развития Российской

[1] О технологической политике в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Федерации»[2], являющейся правовой основой формирования способности государства разрабатывать, совершенствовать и внедрять высокотехнологичные решения, имеющие ключевое значения для обеспечения технологической независимости и повышения конкурентоспособности; от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»[3], закрепивший два стратегических вектора развития – обеспечение цифрового суверенитета через создание защищенной информационной среды и продвижение отечественного программного обеспечения на рынке, его активной интеграции в бизнес-процессы. Кроме того, заслуживают внимания Федеральные законы от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической инфраструктуры», от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», предусматривающий возможность работы национального сегмента глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет в автономном режиме;

– компонент суверенитета данных в цифровом представлении выступает одним из системообразующих элементов цифрового суверенитета как признака государства в Российской Федерации, обеспечивая реализацию государственного контроля информационных потоков в национальных интересах. В соответствии с положениями Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 закрепляется защита цифрового суверенитета посредством формирования защищенной информационной среды, устойчивой к негативному воздействию со стороны недружественных стран. В этой связи государство ужесточает порядок обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях, усиливает контроль обработки таких данных в глобальной сети Интернет и обеспечения их защиты в целях недопущения искажения в результате несанкционированного внешнего воздействия. Данные положения нашли свое правовое закрепление в Федеральных законах от 21 июля 2014 г. № 242-ФЗ[4] и от 28 февраля 2025 г. № 23-ФЗ[5] [6, с. 44].

Суверенитет цифровой экономики закрепляется программой «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р[6], и направлен на практическую реализацию технологической независимости Российской Федерации и контроля данных в экономической сфере. Ключевыми индикаторами достижения независимости цифровой экономики следует назвать [7, с. 160]:

– наличие национальных цифровых платформ, охватывающих основные сферы экономической активности, способных функционировать в автономном режиме (маркетплейсы, поисковые системы, социальные сети, госуслуги, контент-платформы и т. д.);

---

[2] Стратегия научно-технического развития Российской Федерации»: Указ Президента Рос. Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Рос. Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях: Федер. закон Рос. Федерации от 21 июля 2014 г. № 242-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 28 февраля 2025 г. № 23-ФЗ Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[6] Цифровая экономика Российской Федерации: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 28 июля 2017 г.№ 1632-р. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

– развитость информационно-телекоммуникационной структуры, включающей производство отечественных базовых станций, гарантирующих оперативность и устойчивость связи;

– наличие обширной научно-исследовательской базы, представленной центрами компетенций Национальной технологической инициативы, обеспечивающих трансфер технологий от науки к промышленности (Центр компетенций НТИ «Новые производственные технологии», Центр при Московском государственном университете геодезии и картографии, Центр «Технологии беспроводной связи и интернета вещей» и т. д.) [8, с. 52];

– развитие искусственного интеллекта как критически важной технологической области и его интеграции в образовательную, научную и производственные сферы.

Социокультурный компонент цифрового суверенитета Российской Федерации предполагает понимание технологии не как ценностно-нейтральных инструментов, а как носителей определенных мировоззренческих установок, требующих независимости для сохранения культурной идентичности. Будучи элементом цифрового суверенитета, он обеспечивает:

– ценностную основу технологического развития;

– инфраструктурное воплощение через национальные цифровые платформы, транслирующее отечественные культурные смыслы;

– нормативное закрепление приоритета традиционных ценностей в правовом регулировании цифровой сферы.

Цифровой суверенитет Китайской Народной Республики представляет собой наиболее целостное жесткое явление, интегрированное в общую концепцию национальной безопасности [9, с. 258]:

– технологический и экономический компоненты регулируются Программой «Сделано в Китае 2025», представляющей собой инновационную стратегию государства в национальной экономике, направленной на привлечение масштабных инвестиции в развитие собственных полупроводниковых производств, развитие стандартов связи 5G/6G, создание и развитие национальных технологических стеков (системное и прикладное программное обеспечение для стационарных и мобильных устройств и т. д.) [10, с. 314];

– нормативно-правовой, социокультурный компонент и компонент суверенитета данных в цифровом представлении находятся в тесном взаимодействии и взаимно обуславливают друг друга в рамках модели «Цифрового всевидящего государства»: четкая правовая регламентация цифрового суверенитета в национальном законодательстве о национальной безопасности и кибербезопасности, регламентирующей контроль государства над ключевыми объектами информационной инфраструктуры, сбор, обработка и анализ данных о поведении граждан в киберпространстве, исключение хранения данных на иностранных ресурсах [11, с. 10].

Таким образом, цифровой суверенитет как системный признак Китайской Народной Республики определяет тотальную независимость государства в киберпространстве, а также независимость национального сегмента киберпространства от внешних влияний.

Соединенные Штаты Америки формально отрицают саму концепцию цифрового суверенитета как противоречащую идеям открытого и доступного интернета и свободного потока данных. В то же время цифровой суверенитет США обеспечивается через глобальное доминирование технологических корпораций (Google, Apple, Amazon, Microsort и т. д.) и контроль над ключевыми инфраструктурными элементами глобальной сети Интернет.

Технологический компонент и компонент цифровой экономики цифрового суверенитета США характеризуются технологическим доминированием в сфере информа-

ционно-коммуникационных технологий и контролем фундаментальных элементов киберпространства. Так, например, компании AWS, Microsoft, Google сегодня контролируют 63 % глобального рынка технологий облачных вычислений и услуг; 9 из 13 корневых DNS-серверов принадлежат или управляются США, что обеспечивает контроль 70 % мирового интернет-трафика; до 90 % орбитальной мощности систем связи и глобальной навигации также находится в ведении северо-американского государства [12, с. 299].

Нормативно-правовой компонент и компонент суверенитета цифровой информации характеризуются экстерриториальностью законов, обеспечивающих правовую и техническую защиту данных и доступ к ним по всему миру. Так, законы о негласном наблюдении в целях внешней разведки за иностранными разведками 1977 года (FISA, Foreign Intelligence Surveillance Act) и о законном использовании данных за рубежом 2018 года (CLOUD Act) создали механизмы легального сбора данных за пределами США, судебного контроля сбора информации о гражданах США, представления американскими провайдерами по ордерам США данных вне зависимости от места их физического хранения и формирования круга «доверенных партнеров» [13, с. 180].

Социокультурный компонент цифрового суверенитета определен законом о продвижении цифровой свободы 2024 года (Advancing Digital Freedom Act of 2024). Данный документ определяет политикой США защиту и продвижение цифровой свободы как основу всей внешней политики; противодействие «цифровому авторитаризму» и поддержку развития технологий, соответствующих демократическим ценностям и правам человека и гражданина [14, с. 6].

Основываясь на результатах проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что, США реализуют «проектную модель» цифрового суверенитета, где контроль над цифровым пространством осуществляется не сколько прямым государственным регулированием, сколько через частные компании, интегрированные в систему национальных интересов. В то же время, если для большинства цифровых государств современности цифровой суверенитет – это независимость в киберпространстве с присущим оборонительным характером, то для США это прежде всего обеспечение независимого лидерства в цифровой среде.

Результаты проведенного анализа позволяют сделать вывод о том, что включение цифрового суверенитета в число признаков современного государства трансформирует их и переосмысливает в цифровом понимании. Так, по отношению к традиционному суверенитету цифровой суверенитет определяет невозможность независимости государства в физическом мире при наличии уязвимостей и зависимостей в киберпространстве. По отношению к территории государства цифровой суверенитет формирует понятие «цифровой территории государства», включающей национальные сегменты компьютерных сетей, данных в цифровом представлении, критическую информационную инфраструктуру, требующую защиты и контроля со стороны государства. В контексте населения государство берет на себя ответственность за защиту «цифровой личности» своих граждан, их данных и прав в киберпространстве. В сфере публичной власти цифровой суверенитет определяет необходимость создания и развития цифровых институтов власти (электронное правительство, оказание государственных услуг в электронной форме и т. д.) и обеспечение их устойчивого функционирования.

Цифровой суверенитет является объективным и необходимым признаком современного государства. В текущих условиях процесс цифровой трансформации не оставляет выбора государствам – либо они развивают способность к самостоятельным действиям и контролю в киберпространстве, либо рискуют утратить реальный суверенитет, попав в технологическую, экономическую и информационную зависимость

от более развитых в цифровом плане государств или крупных транснациональных корпораций.

Модели реализации цифрового суверенитета достаточно разнообразны и вариативны, в их основе лежат внешний и внутренние факторы экономического, политического, правового и социального характера, они могут варьироваться от жесткой независимости, изоляции и защиты до нормативно-правового лидерства и корпоративно-проектной экспансии.

Нельзя не отметить и тот факт, что современный цифровой суверенитет носит диалектический характер. С одной стороны, он требует определенной степени технологической и нормативной автономии для защиты от внешних угроз, с другой – его абсолютная реализация в виде цифровой самостоятельности противоречит глобальной природе информационно-коммуникационных технологий и может привести к стагнации и отставанию. Следовательно, ключевым признаком является нахождение баланса между защитой своего киберпространства и участием в международном технологическом обмене и кооперации.

Таким образом, в современных реалиях цифровой суверенитет следует рассматривать не как временную меру или техническую особенность, а как фундаментальный системный признак государства в XXI веке. Его обретение и поддержание становятся одним из центральных приоритетов государственной политики, а его реализация определяет безопасность и независимость государства в целом.

---

1. Саямов Ю. Н. Вестфальский мир и его принципы вчера и сегодня // Век глобализации. 2018. № 3(27). С. 95–105.
2. Яницкий О. Н. Четвертая научно-техническая революция и глубинные изменения процессов глобализации // Вестник института социологии. 2017. № 2. С. 12–34.
3. Головкин Р. Б. Цифровой суверенитет: понятие и правовые аспекты // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. № 3. С. 15–25.
4. Никонов В. А., Воронов А. С., Сажанин В. А., Володенков С. В., Рыбакова М. В. Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 206–216.
5. Мамателашвили О. В., Байбурин Р. Р. Роль цифрового суверенитета в обеспечении экономической безопасности России в условиях геополитической нестабильности // Экономика. Право. Инновации. 2025. № 13(4). С. 30–40.
6. Полякова Т. А., Троян Н. А. Обеспечение суверенитета в информационном пространстве – стратегическая задача национальной политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 1. С. 41–53.
7. Шуйский В. П. Цифровизация экономики России: достижения и перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 6. С. 158–169.
8. Боровков А. И., Рябов Ю. А., Метревели И. С., Аликина Е. А. Направление «Технет» (передовые производственные технологии) Национальной технологической инициативы // Инновации. 2019. № 11(253). С. 50–72.
9. Михалевич Е. А. Концепция киберсуверенитета Китайской Народной Республики: история развития и сущность // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2021. № 2. С. 254–264.
10. Горобченко М. А. Сравнение программ «MADE IN CHINA-2025» и «INDUSTRIE 4.0» для оценки перспектив сотрудничества Китая и Германии в сфере инноваций // Скиф. 2021. № 6(58). С. 311–317.

11. Четвернин В. А. Современное государство в эпоху цифровой трансформации // Государство и право. 2020. № 5. С. 7–18.
12. Лю Сюаньцзя, Сунь Гуаня Цифровая гегемония США: особенности, цели и последствия // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 297–301.
13. Безрученко М. П., Ткачева Т. В. Цифровой суверенитета в глобальной политике: сравнительный анализ стратегий США, России и Китая // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 5. С. 173–189.
14. Власова О. Ю. Цифровой авторитаризм и электронная демократия: содержание и границы // Studia Humanitatis. 2020. № 3. С. 6–10.

1. Sayamov Yu. N. Vestfal`skij mir i ego principy` vchera i segodnya // Vek globalizacii. 2018. № 3(27). S. 95–105.
2. Yaniczkij O. N. Chetvertaya nauchno-texnicheskaya revolyuciya i glubinny`e izmeneniya processov globalizacii // Vestnik instituta sociologii. 2017. № 2. S. 12–34.
3. Golovkin R. B. Cifrovoj suverenitet: ponyatie i pravovy`e aspekty` // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya. 2022. № 3. S. 15–25.
4. Nikonov V. A., Voronov A. S., Sazhanin V. A., Volodenkov S. V., Ry`bakova M. V. Cifrovoj suverenitet sovremennogo gosudarstva: soderzhanie i strukturny`e komponenty` (po materialam e`kspertnogo issledovaniya) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2021. № 60. S. 206–216.
5. Mamatelashvili O. V., Bajburin R. R. Rol` cifrovogo suvereniteta v obespechenii e`konomicheskoj bezopasnosti Rossii v usloviyax geopoliticheskoj nestabil`nosti // E`konomika. Pravo. Innovacii. 2025. № 13(4). S. 30–40.
6. Polyakova T. A., Troyan N. A. Obespechenie suvereniteta v informacionnom prostranstve – strategicheskaya zadacha nacional`noj politiki // Pravovaya politika i pravovaya zhizn`. 2024. № 1. S. 41–53.
7. Shujskij V. P. Cifrovizaciya e`konomiki Rossii: dostizheniya i perspektivy` // Vestnik Instituta e`konomiki Rossijskoj akademii nauk. 2020. № 6. S. 158–169.
8. Borovkov A. I., Ryabov Yu. A., Metreveli I. S., Alikina E. A. Napravlenie «Texnet» (peredovy`e proizvodstvenny`e texnologii) Nacional`noj texnologicheskoj iniciativy` // Innovacii. 2019. № 11(253). S. 50–72.
9. Mixalevich E. A. Koncepciya kibersuvereniteta Kitajskoj Narodnoj Respubliki: istoriya razvitiya i sushhnost` // Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya. 2021. № 2. S. 254–264.
10. Gorobchenko M. A. Sravnenie programm «MADE IN CHINA-2025» i «INDUSTRIE 4.0» dlya ocenki perspektiv sotrudnichestva Kitaya i Germanii v sfere innovacij // Skif. 2021. № 6(58). S. 311–317.
11. Chetvernin V. A. Sovremennoe gosudarstvo v e`poxu cifrovoj transformacii // Gosudarstvo i pravo. 2020. № 5. S. 7–18.
12. Lyu Syuan`czzya, Sun` Guanya Cifrovaya gegemoniya SShA: osobennosti, celi i posledstviya // Gosudarstvennoe i municipal`noe upravlenie. Ucheny`e zapiski. 2024. № 2. S. 297–301.
13. Bezruchenko M. P., Tkachyova T. V. Cifrovoj suvereniteta v global`noj politike: sravnitel`ny`j analiz strategij SShA, Rossii i Kitaya // Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshheniya. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki. 2025. № 5. S. 173–189.
14. Vlasova O. Yu. Cifrovoj avtoritarizm i e`lektronnaya demokratiya: soderzhanie i granicy // Studia Humanitatis. 2020. № 3. S. 6–10.

Информация об авторе

Антон Игоревич Черный. Старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин.

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

241050, Россия, г. Брянск, пер. 2-ой Советский, 2А.

Information about the author

Anton Ig. Chernyi. Senior Teacher of the Chair of State and Civil Law Disciplines.

Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russia named after V. V. Lukyanov.

241050, Russia, Bryansk, per. Vtoroy Sovetsky, 2A.

Статья поступила в редакцию 07.08.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.

The article was received in the editorial office on 07.08.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 342.9

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МЕРЫ ПОВЫШЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ С ПРАВЫМ РАСПОЛОЖЕНИЕМ РУЛЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ

Андреев Петр Геннадьевич[1], Литвинов Артем Валерьевич[2]
[1]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия
[2]Омская академия МВД России, Омск, Россия

[1]petya.and@yandex.ru
[2]artyom_hawk@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о безопасности эксплуатации транспортных средств с правым расположением рулевого управления. Акцентируется внимание на специфических особенностях подобного автопарка. Перечисляются отдельные способы по усовершенствованию технического состояния таких транспортных средств для повышения степени удобства управления ими. Приводятся некоторые приоритетные мероприятия по повышению безопасности дорожного движения при эксплуатации праворульных автомобилей.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, дорожно-транспортные происшествия, эксплуатация транспортных средств, правое расположение рулевого управления, технические возможности, дорожная обстановка.

Для цитирования: Андреев П. Г., Литвинов А. В. Правовые и организационные меры повышения безопасности эксплуатации транспортных средств с правым расположением рулевого управления // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 88–95.

LEGAL AND ORGANIZATIONAL MEASURES TO IMPROVE THE SAFETY OF VEHICLE OPERATION WITH RIGHT-HAND STEERING

Petr G. Andreev[1], Artyom V. Litvinov[2]
[1]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[2]Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russia

[1]petya.and@yandex.ru
[2]artyom_hawk@mail.ru

Annotation. This article discusses the issue of safety in the operation of vehicles with right-hand steering. Attention is focused on the specific features of such a motor pool. Individual methods are listed to improve the technical condition of such vehicles in order to increase the degree of ease of driving them. The article provides some priority measures to improve road safety in the operation of right-hand drive vehicles.

Keywords: road safety, traffic accidents, vehicle operation, right-hand steering, technical capabilities, traffic situation.

For citation: Andreev P. G., Litvinov A. V. Legal and organizational measures

to improve the safety of vehicle operation with right-hand steering // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 88–95.

По данным информационного интернет-издания ixbt.ru, на конец 2025 года доля праворульного автопарка страны превысила 52 %, что говорит о традиционной популярности подобных автомобилей и сравнительной доступности к приобретению. Географическое положение Восточной части России, ее близость к Японии как к основной стране-поставщику таких транспортных средств обусловили наличие большего количества праворульных автомобилей во Владивостоке (82,8 %)[1]. При этом, учитывая отсутствие официальной статистики в Госавтоинспекции МВД России по вопросу количества аварий с участием транспортных средств с правым расположением рулевого управления, стоит сказать о преобладании числа аварий с такими автомобилями в отдельных регионах (официально зарегистрировано 2 350 дорожно-транспортных происшествий с 3 041 пострадавшим и 238 погибшими за 2025 год в Приморском крае[2]).

Выделим некоторые особенности автомобилей с правым расположением рулевого управления, которые, на наш взгляд, оказывают существенное влияние на безопасность эксплуатации подобных транспортных средств.

1. Особенности настройки внешних световых приборов. Изначально технические характеристики подобных транспортных средств устроены таким образом, чтобы автомобиль был безопасен для левостороннего движения. Соответственно, если у транспортного средства с левым расположением рулевого управления световой блик фар ближнего света направлен на 50 метров вперед и уходит с наклоном вправо, это создает безопасные условия для перемещения остальных участников дорожного движения, особенно движущихся на встречной полосе [1, с. 343]. Праворульные же автомобили с базовыми настройками на правостороннем дорожном движении создают потенциально опасные условия для встречных автомобилей и могут вызвать эффект ослепления водителя.

Современные условия развития экономики предопределили большое количество самозанятых, индивидуальных предпринимателей и организаций, предоставляющих услуги по ремонту и обслуживанию технических средств передвижения с разной ценовой политикой. Следовательно, каждый владелец праворульного автомобиля может обратиться в сервисный центр для перенастройки фар с ближним светом, однако гарантия полноценного и качественного изменения светового потока, соответствующего условиям безопасности, отсутствует. Всегда остается риск, что минимизация света, направленного на полосу встречного направления, сократит и процент освещения прямого направления, повысив угол захвата обзора обочины [2, с. 372; 3, с. 3]. А значит, любое вмешательство в технические характеристики транспортного средства потенциально создает дополнительную опасность управления им.

2. Ограниченный обзор видимости и затрудненность при оценке дорожной обстановки. В Российской Федерации дорожная система устроена таким образом, чтобы безопасное управление осуществлялось на отечественном и европейском автопромах. Таким образом правостороннее транспортное движение создает определенные помехи для комфортной и безопасной езды на праворульных автомобилях. Полосы, дорожная разметка и инженерные разрешения настроены под левый руль транспортного средства. Владельцу автомобиля с правым расположением рулевого управления слож-

[1] ТОП-10 городов РФ по числу автомобилей с правым рулем. URL: https://www.autostat.ru/news/40122 (дата обращения: 26.03.2026).
[2] Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения. URL: http://stat.gibdd.ru (дата обращения: 26.03.2022).

нее ориентироваться в процессе движения. Каждый маневр является затруднительным и несет потенциальную опасность. Слепые зоны дорожной обстановки, узкие однополосные дороги создают препятствия для передвижения. Чтобы улучшить обзор перед выполнением обгона на таком автомобиле, приходится выезжать на полосу встречного движения, что является небезопасным и грозит фронтальным столкновением. Подобные неудобства встречаются и при перестроении из одной полосы движения в другую.

Кроме того, определенные риски создает процесс остановки таких транспортных средств с посадкой или высадкой пассажиров на участок проезжей части, а не на тротуар. По правилам дорожного движения пассажиры должны выходить из полностью остановившегося автомобиля и со стороны пешеходной зоны, т. к., если высадка происходит на проезжую часть, он становится уязвимым участником дорожного движения[3]. Никто не может гарантировать реакцию пассажира на проезжающие автомобили, степень его импульсивности при открывании двери транспортного средства и выходе из него. Кроме потенциальной опасности для самого пассажира, стоит сказать и о том, что такими маневрами создаются помехи для попутных автомобилей.

3. Психофизиологические особенности. Так, например, рычаги указателей поворота и стеклоочистителей находятся в праворульных автомобилях в зеркальном расположении с леворульными. Водитель без выработанной привычки управления таким транспортным средством попадает под вероятность спутать данные механизмы, что повышает риск возникновения аварийной ситуации. Или же невозможность полноценно оценить ширину проезжей части, а именно направляющей полосы, выезд на полосу встречного направления грозит вероятным столкновением (отсутствие четкой разметки усугубляет такие действия). Не каждый водитель, особенно с небольшим стажем управления транспортным средством, способен безопасно совершать подобные маневры [4, с. 116].

Порядок допуска транспортных средств к участию в дорожном движении определен Федеральным законом от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения», постановлением Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2019 г. № 1764 «О государственной регистрации транспортных средств в регистрационных подразделениях Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации» и техническим регламентом Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» (ТР ТС 018/2011), принятым решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 877. При этом в данных документах отсутствует какое-либо разграничение по эксплуатации праворульных и леворульных автомобилей.

В соответствии с планом мероприятий по реализации Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года (далее – Стратегия), утвержденным распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 мая 2026 г. № 1124-р, МВД России, Минпромторгу России, Минтрансу России и научно-исследовательскому автомобильному и автомоторному институту «НАМИ» в 2028 году поручено для доклада Правительству Российской Федерации проведение комплексного исследования рисков участия в дорожном движении транспортных средств с правым расположением рулевого управления. Учитывая тот факт, что положения Стратегии направлены на достижение цели по снижению смертности в результате дорожно-транспортных происшествий в соот-

[3] О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»): постановление Правительства Рос. Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ветствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», вопрос эксплуатации праворульных автомобилей остро задевает уровень определения безопасности дорожного движения.

Согласно решению Коллегии Евразийской экономической комиссии от 25 декабря 2018 г. № 219 с 1 июля 2020 года в России запрещен ввоз праворульных транспортных средств определенных категорий. К ним относятся пассажирские автобусы (М2 и М3), микроавтобусы, строительная спецтехника. Легковые автомобили в данный список включены не были[4].

Изучив судебную практику, касающуюся рассмотрения вопроса дорожно-транспортных происшествий с участием праворульных автомобилей, можно сделать вывод, что основная масса подобных ситуаций происходит ввиду выезда транспортного средства с правым рулевым управлением на встречную полосу движения. Доводы, приводимые виновными лицами, направлены, по нашему мнению, на облегчение степени нанесенного ущерба, что является несостоятельным и не раскрывает истинных причин совершения административного правонарушения [5, с. 93]. Так, в городе Владимире судьей районного суда было рассмотрено административное дело о дорожно-транспортном происшествии, где гражданин N признан виновным в том, что, управляя праворульным автомобилем, в нарушение пп. 9.1.1, 9.2 Правил дорожного движения Российской Федерации (далее – ПДД) на дороге, имеющей четыре полосы для движения, выехал на полосу встречного направления, при этом пересек сплошную линию горизонтальной разметки (п. 1.3 ПДД) и совершил столкновение с другим автомобилем[5].

Современные технические возможности позволяют облегчить процесс управления праворульным автомобилем. Например, среди такого оснащения достаточно распространены камеры обгона. Они устанавливаются по левой стороне транспортного средства и фиксируют дополнительный обзор заднего вида. В данном случае нельзя не согласиться с мнением известного автоэксперта, юриста Д. Славнова, критически относящегося к такого рода гаджетам, отмечающего, что определенную роль в таких случаях играет качество изображения, получаемого с камеры, характеристики монитора, принимающего данное изображение, задержка времени передачи цифрового сигнала, и в конечном счете встает вопрос о непосредственном доверии водителя транспортного средства самой технике[6]. Кроме того, стоит сказать и о том, что далеко не каждый владелец праворульного автомобиля, уже изначально приобретая его в условиях ценовой ограниченности, может себе позволить устанавливать дополнительное оборудование [6, с. 75].

---

[4] О перечне международных и региональных (межгосударственных) стандартов, а в случае их отсутствия – национальных (государственных) стандартов, в результате применения которых на добровольной основе обеспечивается соблюдение требований технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» (ТР ТС 018/2011), и перечне международных и региональных (межгосударственных) стандартов, а в случае их отсутствия – национальных (государственных) стандартов, содержащих правила и методы исследований (испытаний) и измерений, в том числе правила отбора образцов, необходимые для применения и исполнения требований технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» (ТР ТС 018/2011) и осуществления оценки соответствия объектов технического регулирования»: решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 25 декабря 2018 г. № 219. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] Решение № 12-246/2018 от 29 июля 2018 г. по делу № 12246/2018. URL: https://sudact.ru/regular/doc/i0X3V9OoOjVw (дата обращения: 10.04.2022).

[6] Праворульные автомобили в России. Эксперт – о плюсах, минусах и главных рисках. URL: https://mir24.tv/articles/16675471/pravorulnye-avtomobili-v-rossii:-plyusy-minusy-i-glavnye-riski (дата обращения: 10.04.2022).

Проверка степени безопасности эксплуатации транспортных средств с правым расположением рулевого управления не предполагает запрета приобретения российскими гражданами подобных автомобилей. Также не предусматривается внесение изменений в перечисленные выше нормативные акты в части запрета на выпуск в обращение и эксплуатацию транспортных средств с правым расположением рулевого управления. Однако остро стоит необходимость выработки приоритетных мероприятий по повышению безопасности его использования.

Во-первых, полагаем необходимым проведение разъяснительной работы с водителями праворульных автомобилей, в том числе с потенциальными, включающую в себя:

– наглядное объяснение всех возможных рисков, возникающих при управлении данными транспортными средствами. Возможна разработка методических рекомендаций, в которых дается разъяснение о неудобствах расположения правого руля, о нюансах определения габаритов автомобиля, об отдельных особенностях совершения маневров обгона, перестроения, а также посадки и высадки пассажиров. Кроме того, немаловажным будет подробное рассмотрение типичных аварийных ситуаций с пояснениями ошибочных действий и возможными техниками и приемами их предупреждения;

– в рамках инструктажа возможна отработка практических приемов использования и настройки боковых зеркал, световых приборов, техники маневренности и выбора наиболее безопасной скорости движения транспортного средства, включая различные условия для передвижения;

– информирование действующих владельцев праворуких автомобилей о возможности установки дополнительных технических приборов для улучшения качества управления.

Данное направление возможно реализовывать путем не только создания особых методических рекомендаций, но и памяток, наглядных пособий и схем, профилактических рейдов сотрудников Госавтоинспекции, а также путем проведения онлайн-курсов, что является менее затратным для государственного бюджета.

Во-вторых, необходимо на постоянной основе ввести курсы совершенствования мастерства управления праворульным автомобилем:

– в автошколах или образовательных организациях, включая и систему МВД России, ввести целенаправленные курсы по обучению и приобретению навыков управления праворульными автомобилями. На балансе различных подразделений МВД России стоят транспортные средства с левым расположением рулевого управления, но сотрудник полиции должен обладать универсальными навыками, включая, при необходимости, и возможность безопасного управления праворульным автомобилем;

– психологическая подготовка таких водителей является неотъемлемой частью для приобретения в том числе в рамках совместной работы в процессе курсовых программ. Должны быть отработаны уже приобретенные «условные рефлексы» и преобразованы к новым условиях вождения [7, с. 49].

Безусловно, подобные программы обучения не будут востребованы во всех областях Российской Федерации, но стоит сделать акцент на восточных территориях страны.

В-третьих, дорожная инфраструктура страны с учетом восточной предрасположенности должна быть адаптирована под подобного рода автопарк. Здесь возможно заблаговременное строительство более широких трасс, состоящих как минимум из двух полос движения в одном направлении. Интересной представляется идея, высказанная экспертом рабочей группы при Правительстве по законодательству в сфере безопасности дорожного движения Д. Поповым, который предлагает отойти от стандартной разметки в виде сплошной, двойной сплошной или прерывистой разделяющей линии в регионах Приморского края к использованию разметки п. 1.16 ПДД. Так умень-

шится риск образования дорожно-транспортного происшествия за счет дополнительного расстояния между встречными полосами движения[7].

Подводя итог рассмотренному вопросу, стоит сказать, что необходимые плановые мероприятия по проведению мониторинга числа дорожно-транспортных происшествий с участием праворульных транспортных средств являются обязательным условием для установления рисков возникновения причин аварийности, изучения и подготовки комплекса мероприятий, способствующих их дальнейшему снижению [8, с. 18]. Кроме того, предлагается ввести ограничения на право управления праворульными автомобилями с водительским стажем менее 3 лет и при условии отсутствия административных правонарушений, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Данный срок позволит будущему владельцу транспортного средства с правым рулевым управлением получить общие навыки вождения и будет способствовать более быстрой адаптации к такому автомобилю.

Механизм взаимной адаптации дорожной инфраструктуры и праворульного автопарка является острым вопросом для территории Дальнего Востока России. Данное условие выступает немаловажным подспорьем, облегчающим процесс дорожного движения, владельцам транспортных средств с правым рулем.

1. Сивопляс Ю. А. Некоторые правовые вопросы эксплуатации праворульного автомобиля в России // Правовая культура России: современное состояние и тенденции развития. Трибуна молодых ученых: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 342–345.
2. Карманова К. М. Влияние на безопасность движения использования «праворульных» автомобилей в России // Общественная безопасность в сфере дорожного движения: профессиональная подготовка и организационно-правовые инструментарии: материалы межведомственной научно-практической конференции. 2020. С. 374–379.
3. Марков А. С., Калушин М. Д., Шнайдер В. А. Влияние на безопасность движения праворульных автомобилей // Техника и технологии строительства. 2016. № 1(5). С. 3.
4. Крупа Т. А. Региональные аспекты социокультурных проблем автомобилизации городской среды (на материалах Приморского края) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 3–2. С. 111–120.
5. Артамонов А., Ефремов С. Право руля // Современные страховые технологии. 2023. № 5. С. 90–95.
6. Былинин И. А., Шукаева И. Н. Опасное вождение как хулиганство на автомобильных дорогах: проблемы, особенности правового трактования, профилактика правонарушений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 73–82.
7. Васильченко А. С., Шпорт С. В. Клинико-психологические факторы опасного вождения у различных категорий водителей // Социальная и клиническая психиатрия. 2020. Т. 30. № 4. С. 47–54.
8. Севостьянов А. В. Правовая характеристика опасного вождения // Безопасность дорожного движения: сборник научных трудов. Под общей редакцией О. М. Порташникова. Москва. 2017. С. 15–23.

[7] Эксперт объяснил, какие риски несет управление праворульным автомобилем. URL: https://www.pnp.ru/social/ekspert-obyasnil-kakie-riski-neset-upravlenie-pravorulnym-avtomobilem.html (дата обращения: 13.04.2022).

1. Sivoplyas Yu. A. Nekotory`e pravovy`e voprosy` e`kspluatacii pravorul`nogo avtomobilya v Rossii // Pravovaya kul`tura Rossii: sovremennoe sostoyanie i tendencii razvitiya. Tribuna molody`x ucheny`x: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2019. S. 342–345.
2. Karmanova K. M. Vliyanie na bezopasnost` dvizheniya ispol`zovaniya «pravorul`ny`x» avtomobilej v Rossii // Obshhestvennaya bezopasnost` v sfere dorozhnogo dvizheniya: professional`naya podgotovka i organizacionno-pravovy`e instrumentarii: materialy` mezhvedomstvennoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2020. S. 374–379.
3. Markov A. S., Kalushin M. D., Shnajder V. A. Vliyanie na bezopasnost` dvizheniya pravorul`ny`x avtomobilej // Texnika i texnologii stroitel`stva. 2016. № 1(5). S. 3.
4. Krupa T. A. Regional`ny`e aspekty` sociokul`turny`x problem avtomobilizacii gorodskoj sredy` (na materialax Primorskogo kraya) // Istoricheskaya i social`no-obrazovatel`naya my`sl`. 2016. T. 8. № 3–2. S. 111–120.
5. Artamonov A., Efremov S. Pravo rulya // Sovremenny`e straxovy`e texnologii. 2023. № 5. S. 90–95.
6. By`linin I. A., Shukaeva I. N. Opasnoe vozhdenie kak xuliganstvo na avtomobil`ny`x dorogax: problemy`, osobennosti pravovogo traktovaniya, profilaktika pravonarushenij // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2025. № 3(104). S. 73–82.
7. Vasil`chenko A. S., Shport S. V. Kliniko-psixologicheskie faktory` opasnogo vozhdeniya u razlichny`x kategorij voditelej // Social`naya i klinicheskaya psixiatriya. 2020. T. 30. № 4. S. 47–54.
8. Sevost`yanov A. V. Pravovaya xarakteristika opasnogo vozhdeniya // Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya: sbornik nauchny`x trudov. Pod obshhej redakciej O. M. Portashnikova. Moskva. 2017. S. 15–23.

Информация об авторах

Петр Геннадьевич Андреев. Старший преподаватель кафедры организации деятельности Госавтоинспекции.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Артем Валерьевич Литвинов. Заместитель начальника – главный редактор редакционно-издательского отдела, кандидат технических наук, доцент.
Омская академия МВД России.
644092, Россия, г. Омск, пр. Комарова, 7.

Information about the authors

Peter G. Andreev. Senior Teacher of the Chair of Organization of Traffic Police Activities.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova St., 2.

Artyom V. Litvinov. Associate The Deputy Head – the Editor–in – chief of the Editorial and Publishing Department, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor.
Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
644092, Russia, Omsk, Komarova Ave., 7.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 17.07.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 17.07.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 342.5

ЦИФРОВИЗАЦИЯ НАДЗОРА И ПРИНЦИП ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ДОКАЗЫВАНИЯ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Афонин Вадим Вячеславович[1], Набока Алла Александровна[2]
[1]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия
[2]Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия

[1]vadim.afonin@mail.ru
[2]alla_naboka@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу коллизий, возникающих при использовании автоматических комплексов фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения, с фундаментальным принципом презумпции невиновности. Рассматривается юридическая природа цифровых доказательств и проблемы их опровержения стороной защиты. На основе анализа судебной практики и действующего законодательства делается вывод о формировании «цифрового обвинительного уклона», при котором формальная достоверность технического средства подменяет полноту всестороннего исследования обстоятельств дела. Авторы предлагают нормативные и процессуальные механизмы повышения эффективности защиты прав граждан в автоматизированном производстве, направленные на достижение баланса между публичными интересами безопасности дорожного движения и частными правами личности.

Ключевые слова: цифровизация, презумпция невиновности, административное правонарушение, безопасность дорожного движения, фотовидеофиксация, доказывание, объективное вменение, автоматизированные системы, процессуальные гарантии.

Для цитирования: Афонин В. В., Набока А. А. Цифровизация надзора и принцип презумпции невиновности: трансформация доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях в сфере безопасности дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 96–105.

DIGITALIZATION OF SUPERVISION AND THE PRINCIPLE OF THE PRESUMPTION OF INNOCENCE: TRANSFORMATION OF EVIDENCE IN PROCEEDINGS ON ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE FIELD OF ROAD SAFETY

Vadim V. Afonin[1], Alla A. Naboka[2]
[1]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[2]Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia named after I. D. Putilin, Belgorod, Russia

[1]vadim.afonin@mail.ru

[2]alla_naboka@mail.ru

Annotation. The article is devoted to the analysis of collisions arising in using of automatic complexes for photo and video recording of violations of traffic rules, with the fundamental principle of the presumption of innocence. The legal nature of digital evidence and the problems of their refutation by the defense are considered. Basing on the analysis of judicial practice and current legislation, a conclusion is made about the formation of a «digital accusatory bias», in which the formal reliability of a technical tool replaces the completeness of a comprehensive study of the circumstances of the case. The authors propose regulatory and procedural mechanisms to increase the effectiveness of protecting the rights of citizens in automated production, aimed at achieving a balance between public interests in road safety and private individual rights.

Keywords: digitalization, presumption of innocence, administrative offense, road safety, photo and video recording, proof, objective imputation, automated systems, procedural guarantees.

For citation: Afonin V. V., Naboka A. A. Digitalization of supervision and the principle of the presumption of innocence: transformation of evidence in proceedings on administrative offenses in the field of road safety // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 96–105.

В настоящее время проблематика использования доказательств по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения заключается в различных аспектах, основными из которых выступают понимание допустимости доказательств дорожных происшествий, вариативность эталонных величин по параметрам дорожных нарушений, разбросанность законодательных нормативов в сфере дорожного права, а также провоцируемые спецификой области дорожного движений проблемы недостаточной эффективность системы обеспечения безопасности дорожного движения и низкой дисциплины участников дорожного движения [1, с. 123]. Цифровая трансформация государственного управления, развернувшаяся в Российской Федерации в последнее десятилетие, закономерно затронула сферу юрисдикционной деятельности. Одним из наиболее показательных примеров внедрения технологий искусственного интеллекта и автоматизированных систем в правоприменительную практику является производство по делам об административных правонарушениях в области безопасности дорожного движения. Повсеместное использование стационарных и передвижных комплексов фотовидеофиксации, работающих в автоматическом режиме, кардинально изменило механизм доказывания: процедура выявления правонарушения оказалась выведенной за рамки непосредственного человеческого восприятия (инспектора дорожно-патрульной службы) и перенесена в плоскость алгоритмической обработки данных. Как и по делам о правонарушениях в других сферах, в сфере дорожного движения доказательства играют ключевую роль при принятии правильного решения по делу, а именно: соответствие собранных доказательств должно соответствовать нормам законодательства, регулирующего административное и судебное разбирательство [2, с. 145]. Допустимым вариантом является совершенствование самого механизма привлечения к административной ответственности за нарушения Правил дорожного движения (далее – ПДД), зафиксированные в автоматическом режиме, с соблюдением гарантий обеспечения прав субъектов правонарушений, которые определены нормами Конституции РФ и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [3, с. 8].

Главная коллизия в данном случае закреплена прямо в КоАП РФ и заключается в том, что статья 1.5 Кодекса провозглашает презумпцию невиновности, однако приме-

чание к этой же статье делает исключение – при автоматической фиксации нарушений ПДД бремя доказывания своей невиновности перекладывается на собственника транспортного средства[1]. Фактически законодатель создал презумпцию виновности собственника, что требует осмысления с позиций конституционного принципа справедливости. Соблюдение последовательности сбора и оформления сведений – основа юридической чистоты материалов. Применяемые техники включают устные объяснения, составление схем и проведение осмотров, инициирование экспертных исследований, использование цифровых носителей событий. При этом объяснения каждого лица (свидетеля или участника происшествия) сопоставляются с цифровыми материалами и письменными документами, что минимизирует риск субъективных интерпретаций [4, с. 70].

В то же время цифровизация надзора в контексте административного права и юридической науки представляет собой не просто внедрение технологий в работу контролирующих органов, а фундаментальную трансформацию всей модели государственного контроля (надзора). Это переход от реактивных проверок (по факту нарушения) к превентивному, интеллектуальному контролю, основанному на данных, автоматизации и дистанционном взаимодействии.

В юридической доктрине и законодательстве[2] цифровизация надзора проявляется через несколько взаимосвязанных процессов, в рамках данной статьи рассмотрим более подробно каждый из них:

1) переход к дистанционным и автоматизированным формам контроля вместо традиционных выездных проверок. Это взаимодействие, которое минимизирует непосредственный контакт инспектора и проверяемого лица. В качестве основного инструмента в данном случае выступает мобильное приложение «Инспектор» и иные системы, позволяющие получать сведения, документы и объяснения в электронном виде, а также проводить осмотры с использованием видеозаписи и беспилотных аппаратов;

2) создание единого информационного пространства и цифровых экосистем. Это, на наш взгляд, самый важный аспект для юридической науки. Цифровизация надзора переводит его на уровень «цифровой экосистемы» – совокупности взаимодействующих элементов, таких как информационных систем, реестров и баз данных, обменивающихся информацией для достижения целей контроля. Ожидаемым результатом от внедрения данной системы выступают Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий, Единый реестр видов контроля и внедрение системы производства по делам об административных правонарушениях в электронном виде;

3) интеллектуализация управления рисками, ведь цифровизация позволяет не просто собирать данные, но и анализировать их для прогнозирования. На смену проверкам «по плану» приходит «смарт-надзор», который автоматически выявляет аномалии и инициирует мероприятия только при наличии алгоритмически выверенных рисков.

Достаточность доказательства в виде фотоснимка или видеозаписи будет установлена лишь в том случае, когда на них будет полностью отражена объективная сторона административного правонарушения [5, с. 175]. С точки зрения науки административного права для административно-правовой доктрины цифровизация надзора ставит принципиально новые вопросы, которые пока не нашли однозначного решения. Выделим ряд проблем в данной области. Судебная практика Верховного Суда РФ свидетельствует о том, что при рассмотрении дел данной категории допускаются судебные

[1] Материалы интернет-сайта Воронежского областного суда. URL:https://oblsud.sudrf.ru (дата обращения: 16.04.2026).

[2] О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ошибки, связанные с неполнотой исследования и неправильной оценкой доказательств, что влечет отмену состоявшихся судебных актов [6, с. 99].

Так, на первый план выходит проблема правового статуса новых доказательств. Данные, полученные с помощью беспилотников или автоматических систем, становятся важным источником информации. Однако их процессуальное закрепление как допустимых доказательств в административно-деликтном процессе пока не проработано.

Кроме того, большое внимание уделяется трансформации административных процедур. Становится актуальным вопрос, как совместить «скорость» цифрового контроля и фундаментальные гарантии прав проверяемых лиц, например: право на ознакомление с материалами дела, на защиту и т. д. Ведь цифровой процесс не должен упрощаться в ущерб процессуальным правам граждан и бизнеса.

Отдельного внимания требует природа «цифровой экосистемы» контроля. В науке обсуждается, что создание единой цифровой среды – это не просто техническое решение, а новый объект правового регулирования. Это требует выработки специальных правовых подходов к его организации и функционированию.

Таким образом, если переносить этот концепт на сферу безопасности дорожного движения, то «цифровизация надзора» для Госавтоинспекции – это не просто камеры на дорогах, а сложная система, которая должна обрабатывать огромные массивы данных о нарушениях и дорожно-транспортных происшествиях (далее – ДТП), чтобы прогнозировать аварийно опасные участки. Как следствие, происходит и смена философии изучаемого процесса, то есть происходит переход от наказания за уже совершенное нарушение постфактум к предотвращению потенциально опасных ситуаций на основе интеллектуального анализа данных.

Именно в этой точке и возникает главная коллизия, о которой мы вели речь ранее: с одной стороны, цифровизация – это мощный инструмент профилактики и эффективности, а с другой стороны, она порождает правовые риски в виде размывания классических процессуальных гарантий, таких как презумпция невиновности, бремя доказывания и пр., что и составляет ядро рассматриваемой проблемы.

Рассмотрим сущность трансформации доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях в сфере безопасности дорожного движения, которая заключается в отступлении от классического принципа презумпции невиновности (ст. 1.5 КоАП РФ) при автоматической фиксации нарушений. В общем порядке лицо не обязано доказывать свою невиновность, а бремя доказывания лежит на государственном органе. Однако примечание к ст. 1.5 КоАП РФ устанавливает исключение для правонарушений, предусмотренных главой 12 КоАП РФ, зафиксированных работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами. В этих случаях обязанность по доказыванию своей невиновности перекладывается на собственника (владельца) транспортного средства (ст. 2.6.1 КоАП РФ). При этом протокол об административном правонарушении не составляется, а постановление выносится без участия лица, в отношении которого возбуждено дело.

В рамках данной научной статьи есть необходимость рассмотреть основную проблематику в изучаемой сфере. В качестве конституционно-правовой коллизии выступает презумпция виновности собственника, и эта проблема носит фундаментальный характер, поскольку исключение из презумпции невиновности фактически создает презумпцию виновности собственника транспортного средства. Как отмечает М. В. Залоило в исследовании правоприменения, автоматизированная фиксация нарушений порождает риски объективного вменения, при котором лицо привлекается к ответственности без установления субъективной стороны правонарушения, а также недостаточного учета важных обстоятельств субъективного и объективного характера при рассмотрении конкретного случая ввиду неоправданно упрощенного подхода [7, с. 29]. Возможность установления такого исключения из общего принципа презумпции невиновности неоднократно под-

тверждена Конституционным Судом РФ[3]. Однако научная дискуссия о конституционности перераспределения бремени доказывания остается открытой.

Кроме того, рассматривая еще одну проблему допустимости доказательств, следует отметить, что судебная практика выявила серьезную проблему при оценке доказательств, представляемых собственниками для освобождения от ответственности. Согласно ст. 26.7 КоАП РФ, доказательствами признаются документы, а не их копии, поскольку копия документа в силу ГОСТ Р 7.0.8-2025 не имеет самостоятельной юридической силы[4]. Однако анализ решений районных судов г. Воронежа и Воронежской области показал, что судьи зачастую отменяют постановления, вынесенные сотрудниками Госавтоинспекции на основании копий документов (доверенностей, договоров аренды, полисов обязательного страхования автогражданской ответственности (ОСАГО) и пр.), не требуя и не исследуя оригиналы. Это противоречит процессуальным требованиям и создает риск злоупотреблений.

В данном ключе следует рассмотреть еще одну острую проблему злоупотребления с договорами аренды и фиктивными сделками. Наиболее проблемная категория дел связана с представлением собственником транспортного средства договора аренды автомобиля и приемосдаточного акта с указанием иного лица в качестве водителя. Суды, принимая такие документы в качестве доказательств и отменяя постановления, по сути, возлагают ответственность на лицо, указанное арендодателем, без достаточных доказательств фактического владения и пользования транспортным средством этим лицом в момент фиксации правонарушения. При этом договор аренды составляется в простой письменной форме без нотариального удостоверения, что делает невозможным без привлечения арендатора в судебное заседание достоверно установить факт его заключения и реальное время составления. В данном случае договор аренды не прекращает право собственности и не исключает права пользования автомобилем самим арендодателем. Даже наличие подлинников документов без вызова в качестве свидетеля лица, которому передано право управления, не свидетельствует однозначно о том, что в момент фиксации автомобиль находился во владении другого лица.

Помимо человеческого фактора, имеют место и технические уязвимости, и ошибки автоматических систем. Как отмечается в научной литературе, программное обеспечение камер фотовидеофиксации обрабатывает поступившую информацию согласно заложенным алгоритмам, но данные не являются абсолютно точным отображением реальной ситуации [8, с. 62]. Наиболее часто допускаются ошибки при распознавании государственного регистрационного знака.

Пример из практики: в Вологодской области в период с 25 ноября по 9 февраля 2021 года в результате некорректной работы ТВ-датчика АПК «Автоураган-ВС» было необоснованно вынесено 10 110 постановлений за нарушение скоростного режима. При этом уполномоченные должностные лица, имея достоверные сведения о нарушениях в работе специальных технических средств, не имели возможности самостоятельно отменить вынесенные постановления.

В этом ключе назревает еще одна проблема – проблема статуса переносных («треножных») комплексов. Так, Законопроект № 632503-8, внесенный депутатом Я. Е. Ниловым, предлагал сохранить упрощенный порядок только для стационарных камер, а данные с переносных комплексов рассматривать лишь как основание для про-

[3] Определения Конституционного Суда Рос. Федерации от 24 ноября 2006 г., от 7 декабря 2010 г., от 22 марта 2011 г. , от 25 января 2012 г.

[4] ГОСТ Р 7.0.8-2025. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения: утв. Приказом Росстандарта Рос. Федерации от 28 января 2025 г. № 30-ст. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ведения проверки, а не для автоматического привлечения к ответственности[5]. Аргументация авторов: переносные комплексы часто используются там, где можно создать «ловушку», либо устанавливаются так, чтобы зафиксировать правонарушение, которого реально нет, но водителю проще оплатить минимальный штраф со скидкой, чем доказывать свою невиновность. Однако Госдума отклонила законопроект (за – 53, против – 1, не голосовали – 396), сославшись на устойчивую тенденцию снижения ДТП (с 164 тыс. в 2019 году до 116 тыс. в 2024 году), что во многом обусловлено широким применением специальных технических средств. Кроме того, с 1 сентября 2024 года вступил в силу Федеральный закон № 197-ФЗ, предусматривающий дополнительные требования по размещению и использованию камер всех типов[6].

Существенным препятствием при обжаловании постановлений является отсутствие единых обязательных требований к работающим в автоматическом режиме специальным техническим средствам, а также порядка обработки и хранения получаемой с их помощью информации. Хотя существуют ГОСТ Р 57144-2016 (общие технические требования) и ГОСТ Р 57145-2016 (правила применения), но они носят рекомендательный характер.

На основании вышеизложенного есть необходимость предложить ряд путей решения перечисленных проблем. Основным из них, на наш взгляд, является совершенствование процессуального механизма отмены постановлений. Внесенный ранее законопроект № 643917-7 предлагал дополнить главу 30 КоАП РФ нормой, предусматривающей возможность уполномоченных должностных лиц при установлении факта нарушения правил установки и (или) эксплуатации специальных технических средств самостоятельно отменять вынесенные постановления. Критерии нарушения правил установки должны вводиться Правительством РФ, а лицо, принявшее решение об отмене, обязано известить об этом привлекавшееся лицо.

Кроме того, предлагается на законодательном уровне закрепить, что договор аренды или доверенность принимается судом только при условии вызова в судебное заседание лица, указанного в качестве водителя, это позволит достоверно установить факт заключения договора и реальное время его составления, проверить достоверность подписи арендатора и исключить злоупотребления с фиктивными сделками.

Возможен возврат к идее, предложенной в законопроекте № 632503-8, а именно: данные с передвижных и мобильных комплексов рассматривать лишь как основание для проведения проверки сотрудниками Госавтоинспекции с последующим привлечением к ответственности конкретного водителя, а не собственника. При этом стационарные камеры сохраняют упрощенный порядок.

Также, на наш взгляд, необходимо принять подзаконный акт Правительства РФ, устанавливающий обязательные требования к работающим в автоматическом режиме специальным техническим средствам, имеющим функции фото- и киносъемки, видеозаписи, а также порядок обработки и хранения информации, получаемой с их помо-

---

[5] Паспорт проекта Федерального закона № 632503-8 «О внесении изменения в статью 1.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (в части уточнения действия презумпции невиновности в отношении правонарушений, зафиксированных специальными техническими средствами)» (внесен депутатами Государственной Думы ФС РФ Я. Е. Ниловым, А. Н. Диденко, Д. А. Свищевым, В. В. Кулиевой, К. М. Панешем, Б. А. Чернышовым, В. С. Селезневым, В. В. Сипягиным, В. А. Кошелевым, сенатором РФ Е. В. Афанасьевой) (снят с рассмотрения) – отклонен ГД РФ.

[6] О внесении изменений в Федеральный закон «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и статью 3 Федерального закона «О Государственной компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 29 мая 2023 г. № 197-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

щью, поскольку это создаст правовую основу для признания показаний камер недопустимыми доказательствами при нарушении требований.

Предлагается установить обязательную процедуру периодической проверки технического состояния средств фотовидеофиксации с участием независимых аккредитованных организаций и публикацией результатов поверки в открытом доступе, что позволит водителям своевременно получать информацию о возможных сбоях в работе комплексов.

Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать, что трансформация института доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях в сфере безопасности дорожного движения, обусловленная внедрением автоматической фиксации нарушений, породила фундаментальный правовой конфликт между публичным интересом в оперативности и неотвратимости наказания с одной стороны, и конституционным принципом презумпции невиновности и гарантиями права на защиту с другой.

Коллизия заключается в том, что законодатель, установив в ст. 2.6.1 КоАП РФ исключение из общего правила ст. 1.5 КоАП РФ, фактически переложил бремя доказывания на собственника транспортного средства, создав презумпцию его виновности. Такое регулирование, хотя и признается Конституционным Судом РФ допустимым в целях обеспечения безопасности дорожного движения, на практике порождает серьезные риски объективного вменения и ограничения доступа к правосудию. Анализ судебной практики и законопроектной деятельности выявил следующие системные проблемы, требующие безотлагательного разрешения:

– процессуальная уязвимость субъектов ответственности, обусловленная отсутствием четких критериев допустимости доказательств, представляемых для освобождения от ответственности (в частности, фиктивных договоров аренды и копий документов, не имеющих самостоятельной юридической силы);

– техническая уязвимость автоматизированной системы, выражающаяся в отсутствии единых обязательных требований к средствам фиксации, что создает риск массовых необоснованных привлечений к ответственности при сбоях оборудования (как в приведенном примере с 10 110 постановлениями в Вологодской области) и отсутствии эффективного механизма их оперативной отмены;

– правовая неопределенность статуса передвижных комплексов фиксации, использование которых в ряде случаев создает условия для административного произвола и формального подхода к доказыванию.

Представляется, что перспективы совершенствования правового регулирования лежат в плоскости дифференцированного подхода к порядку доказывания в зависимости от типа технического средства, а также в ужесточении процессуальных требований к доказательствам, представляемым собственниками транспортных средств. В частности, обоснованным является законодательное закрепление обязательности вызова лица, указанного в договоре аренды в качестве фактического водителя, для подтверждения достоверности представленных документов. Кроме того, необходима разработка и принятие подзаконного акта, устанавливающего единые обязательные требования к средствам автоматической фиксации и порядку обработки получаемой информации, что позволит создать реальный, а не декларативный механизм признания показаний камер недопустимыми доказательствами при нарушении технических регламентов.

Таким образом, разрешение обозначенной проблематики требует не отказа от цифровизации как таковой, а ее сбалансированной правовой регламентации, обеспечивающей соразмерность между эффективностью государственного контроля и соблюдением фундаментальных прав и свобод личности. Только такой подход позволит превратить автоматическую фиксацию из инструмента объективного вменения в эффек-

тивный механизм превентивного воздействия, соответствующий принципам правового государства.

1. Ралько Д. Д. Некоторые проблемы при использовании доказательств по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения // Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты: сборник статей IX Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 июня 2021 года. Пенза: Наука и Просвещение, 2021. С. 121–123.
2. Кучинская Ю. Ч. Доказательства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения // Молодежь и наука 2025: к вершинам познания: сборник статей Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 10 февраля 2025 года. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И. И.), 2025. С. 144–148.
3. Петрова О. А. Понятие и классификация доказательств по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения // Вестник юридических исследований. 2022. Т. 1. № 3. С. 4–13.
4. Лапин Д. П. Роль доказательств по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения // Наукоград наука производство общество. 2025. Т. 5. № 2. С. 69–73.
5. Зейналов Ф. Н. Фотография и видеозапись как основные виды доказательств по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения / Ф. Н. Зейналов, М. М. Исаев // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. 2020. № 1(3). С. 174–182.
6. Войтович Л. В. Особенности оценки доказательств по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения / Л. В. Войтович, К. А. Анисимова // Проблемы судопроизводства в суде первой инстанции по гражданским, арбитражным и административным делам: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 12 октября 2018 года / Под общей редакцией Л. В. Войтович, В. И. Кайнова. Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью Издательский дом «Петрополис», 2019. С. 97–102.
7. Залоило М. В. Правовая меметика в исследовании правоприменения // Журнал российского права, М., 2024. № 11. С. 29–30.
8. Вдовиченко В. В. Проблемы доказывания административных правонарушений в области дорожного движения с помощью приборов, работающих в автоматическом режиме // Вестник Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. 2015. № 6. С. 62.

1. Ral`ko D. D. Nekotory`e problemy` pri ispol`zovanii dokazatel`stv po delam ob administrativny`x pravonarusheniyax v oblasti dorozhnogo dvizheniya // Yurisprudenciya v teorii i na praktike: aktual`ny`e voprosy` i sovremenny`e aspekty`: sbornik statej IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Penza, 25 iyunya 2021 goda. Penza: Nauka i Prosveshhenie, 2021. S. 121–123.
2. Kuchinskaya Yu. Ch. Dokazatel`stva po delam ob administrativny`x pravonarusheniyax v oblasti dorozhnogo dvizheniya // Molodezh` i nauka 2025: k vershinam poznaniya: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Petrozavodsk, 10 fevralya 2025 goda. Petrozavodsk: Mezhdunarodny`j centr nauchnogo partnerstva «Novaya Nauka» (IP Ivanovskaya I. I.), 2025. S. 144–148.

3. Petrova O. A. Ponyatie i klassifikaciya dokazatel`stv po delam ob administrativny`x pravonarusheniyax v oblasti dorozhnogo dvizheniya // Vestnik yuridicheskix issledovanij. 2022. T. 1. № 3. S. 4–13.
4. Lapin D. P. Rol` dokazatel`stv po delam ob administrativny`x pravonarusheniyax v oblasti dorozhnogo dvizheniya // Naukograd nauka proizvodstvo obshhestvo. 2025. T. 5. № 2. S. 69–73.
5. Zejnalov F. N. Fotografiya i videozapis` kak osnovny`e vidy` dokazatel`stv po delam ob administrativny`x pravonarusheniyax v oblasti dorozhnogo dvizheniya / F. N. Zejnalov, M. M. Isaev // Upravlenie deyatel`nost`yu po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: sostoyanie, problemy`, puti sovershenstvovaniya. 2020. № 1(3). S. 174–182.
6. Vojtovich L. V. Osobennosti ocenki dokazatel`stv po delam ob administrativny`x pravonarusheniyax v oblasti dorozhnogo dvizheniya / L. V. Vojtovich, K. A. Anisimova // Problemy` sudoproizvodstva v sude pervoj instancii po grazhdanskim, arbitrazhny`m i administrativny`m delam: sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Sankt-Peterburg, 12 oktyabrya 2018 goda / Pod obshhej redakciej L. V. Vojtovich, V. I. Kajnova. Sankt-Peterburg: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu Izdatel`skij dom «Petropolis», 2019. S. 97–102.
7. Zaloilo M. V. Pravovaya memetika v issledovanii pravoprimeneniya // Zhurnal rossijskogo prava, M., 2024. № 11. S. 29–30.
8. Vdovichenko V. V. Problemy` dokazy`vaniya administrativny`x pravonarushenij v oblasti dorozhnogo dvizheniya s pomoshh`yu priborov, rabotayushhix v avtomaticheskom rezhime // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotya. 2015. № 6. S. 62.

Информация об авторах

Вадим Вячеславович Афонин. Доцент кафедры организации деятельности Госавтоинспекции, кандидат юридических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Алла Александровна Набока. Доцент кафедры управления и административной деятельности ОВД, кандидат психологических наук.
Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина.
308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71.

Information about the authors

Vadim V. Afonin. Assistant Professor of the Chair of Organization of State Traffic Inspectorate, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova St., 2.

Alla A. Naboka. Assistant Professor of the Chair of Management and Administrative Activities of the Department of Internal Affairs, Candidate of Sciences (Psychologiy).
Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia named after I. D. Putilin
308024, Russia, Belgorod, Gorky St., 71.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 10.07.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 10.07.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 342.56

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА: ЭЛЕМЕНТЫ ЭФФЕКТИВНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Беженцев Александр Анатольевич
Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Санкт-Петербург, Россия

adovd@mail.ru

Аннотация. На базисе принципов теории эффективности судебной системы формулируются предложения по ее повышению, в рамках которых: а) обозначена природа судебной системы, ее признаки, принципы и функции; б) обосновано содержание теоретической конструкции «эффективность судебной системы»; в) сформулирована потребность постоянной модернизации стандартов результативности судебной системы в направлении модели наиболее совершенного суда; г) уточняется видение содержания стандартов действенности судебной системы; д) проработана система критериев, индикаторов и показателей, которые могут быть использованы для оценки эффективности судебной системы; е) осмыслены модели оценки результативности судебной системы, представлена методология измерения, которая может быть применена; ж) реализован системный анализ эффективности судебной системы и предложены пути ее повышения; з) освещены и аргументированы концептуальные основы усовершенствования судебной деятельности.

Ключевые слова: суд, судебная деятельность, судоустройство, судебное устройство, судебная система, эффективность судебной системы, критерии эффективности суда, индикаторы эффективности суда, показатели эффективности суда, оценка эффективности суда.

Для цитирования: Беженцев А. А. Судебная система: элементы эффективного функционирования // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 106–121.

THE JUDICIAL SYSTEM: ELEMENTS OF EFFECTIVE FUNCTIONING

Alexander A. Bezhentsev
Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), Saint Petersburg, Russia

adovd@mail.ru

Annotation. Basing on the principles of the theory of judicial system effectiveness, proposals for its improvement are formulated, within the framework of which: a) the nature of the judicial system, its features, principles and functions are outlined; b) the content of the theoretical construct «effectiveness of the judicial system» is substantiated; c) the need for continuous modernization of the standards of judicial system effectiveness towards the model of the most perfect court is formulated; d) the vision of the content of the standards of judicial system effectiveness is clarified; e) a system of criteria, indicators and parameters

that can be used to assess the effectiveness of the judicial system is developed; f) the models for assessing the effectiveness of the judicial system are considered, a measurement methodology that can be applied is presented; g) a systems analysis of the effectiveness of the judicial system is implemented and the ways to improve it are proposed; h) the conceptual foundations for improving judicial activity are highlighted and substantiated.

Keywords: court, judicial activity, judicial structure, judicial system, judicial system, judicial system effectiveness, court effectiveness criteria, court effectiveness indicators, court effectiveness parameters, court effectiveness assessment.

For citation: Bezhentsev A. A. The judicial system: elements of effective functioning // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 106–121.

Введение. Увеличение *эффективности судебной системы* (здесь и далее в тексте статьи *курсив* автора – Б. А. А.) относится к числу фундаментальных проблем теории судебных систем, решение которых напрямую зависит от осознания условий совершенства суда. Это чрезвычайно важная методологическая проблема, поскольку юридическая наука способна смоделировать идеал судебной системы, который в юридическом оформлении следует пытаться достичь в конкретных социально-политических условиях. В Российской Федерации до конца не доведено фундаментальное исследование, посвященное эффективности функционирования такого государственно-правового института, как судебная система. Однако невозможно получить адекватное представление о ее состоянии и существующих проблемах, которые необходимо решить путем инноватизации, без измерения качества функционирования существующих судебных институций.

С этой точки зрения, возникают достаточно сложные теоретические задачи: осуществить детальный анализ содержания эффективности национальной судебной системы, определить критерии и методологию ее оценки и на основании полученных научно обоснованных выводов, выделить ключевые направления повышения ее качества. Их выполнение позволит повысить результат судебной модернизации. Именно объективная потребность в поисках конструктивных подходов к совершенствованию судебной системы в соответствии с традициями социального, правового и демократического государства и стала предпосылкой для избрания тематики данного исследования.

Теоретические выводы данной публикации основываются на научных работах и исследованиях по философии, социологии, управлению, общей теории систем и теории социальных систем; по праву, в частности: *а)* теории государства и права; *б)* конституционному праву; *в)* уголовному, гражданскому, административному (и материальному и процессуальному) праву; *г)* судоустройству и судопроизводству; *д)* суду Евразийского экономического союза; *е)* информационным системам судопроизводства; *ж)* судебному делопроизводству; *з)* судебно-экспертной деятельности; *и)* судебной медицине; *к)* судебной психиатрии; *л)* судебной риторике; *м)* судебной защите прав; *н)* обеспечению исполнения судебных актов; *о)* судебной статистике.

Научно-теоретическим фундаментом исследования послужили работы

а) таких философов, как В. Ф. Асмус, И. Бентам, Ф. Бэкон, В. Виндельбанд, Е. К. Войшвилло, Г. В. Ф. Гегель, Р. Декарт, Э. Дюркгейм, В. В. Ильин, И. Кант, Т. Кун, Дж. С. Милль, Ш. Л. Монтескье, Г. Тард, С. Л. Франк, Ф. Фукуяма, А. П. Шептулин;

б) таких специалистов *теории систем, как* И. В. Блауберг, Н. Луман, И. В. Прангишвили, В. Н. Садовский, В. М. Сырых, Э. Г. Юдин;

в) таких представителей зарубежной доктрины права, как Ж.-Л. Бержель, Э. Брэдли, А. Гарапон, Р. Давид, Э. Дженкс, Л. Дюги, Л. Зваак, П. Каламандреи, М. Каппеллетти, Ж. Карбонье, Х. Кетц, Г. Кленнер, Р. Кросс Н. Моул, К. Харби, К. Цвайгерт, Р. Шарвен;

г) таких российских правоведов, как П. В. Агапов, Н. В. Азаренок, С. С. Алексеев, С. Н. Бабурин, М. В. Баглай, Л. В. Головко, П. М. Давыдов, В. В. Еремян, В. Д. Зорькин, Д. А. Керимов, Ю. В. Ким, М. И. Клеандров, Н. А. Колоколов, В. М. Лебедев, П. А. Лупинская, Н. С. Манова, М. Н. Марченко, В. С. Нерсесянц, Н. В. Радутная, С. В. Расторопов, П. П. Серков, А. Ю. Сухарев, В. А. Терехин, В. А. Туманов, М. С. Шакарян, В. В. Ярков.

Проблема эффективного функционирования судебной системы в современном обществе является объектом пристального внимания многих современных отечественных исследователей в: *а)* диссертациях на соискание ученой степени доктора [1, с. 433; 2, с. 423; 3, с. 603; 4, с. 420; 5, с. 493], кандидата [6, с. 190; 7, с. 184; 8, с. 214] юридических наук; *б)* монографиях [9, с. 624; 10, с. 128; 11, с. 304]; *в)* научных статьях в ведущих российских журналах [12, с. 5–16; 13, с. 389–390; 14 с. 508–513; 15, с. 34–37; 16, с. 349–351; 17, с. 109–115]; *г)* учебной литературе [18, с. 160; 19, с. 95; 20, с. 114]. Вместе с тем изучение содержания современной парадигмы эффективности судебной системы сопряжено с поиском линий ее дальнейшей инновативации, следовательно, одной из неотложных задач современной юридической науки является разработка теоретико-методологических основ ее усовершенствования, что обуславливает *актуальность представленного научного исследования*.

Методы и материалы. При раскрытии темы публикации применен комплекс общенаучных и специально научных методов познания, которые используются в современной правовой доктрине. При этом опорой была совокупность принципов, проработанных юридической наукой, присущих любому научному исследованию, которые в общей форме именуются принципами индукции и дедукции, анализа и синтеза, единства исторического и логического.

Основной методологической базой данной работы послужили: *а) общий диалектический метод*, который пригодился в процессе научного познания сущности судебной системы, закономерностей ее функционирования и определения условий ее эффективности; *б) системно-структурный*, который дал возможность выяснить и сформулировать общие основы теории эффективности судебной системы, выделить систему критериев, которые могут применяться при комплексном анализе эффективности национальной судебной системы; *в) метод системного анализа*, способствовавший изучению судебной системы как целостного системного образования, уточнению законов эффективности его функционирования; *г) формально-логический*, позволивший выделить систему критериев, индикаторов, показателей и методов оценки качества судебной системы; *д) исторический*, который помог провести анализ генезиса института суда и аргументировать индивидуальный подход при проработке системы мер судебной инновативации; *е) сравнительно-правовой*, задействованный в процессе постижения законодательства по вопросам решения организационных и функциональных проблем по улучшению результативности судебной системы; *ж) статистический*, содействовавший обработке результатов обобщения статистических данных судов, государственных органов и международных организаций в исследуемой сфере.

Оперирование указанными методами обеспечило исследование судебной системы во взаимосвязи и взаимодействии со средой функционирования (внутренней и внешней) в ее целостности и с учетом требований всесторонности.

Обсуждение. Результаты исследования.

I) Теория эффективности судебных систем

Воспринимая институционно-правовое становление судебной системы как организационной формы судебной власти, изучая генезис института суда и трансформацию судебной процедуры – от примиренного посредничества до судебной системы как организационной формы судебной власти, важно провести анализ организационных форм и судебных процедур, действовавших в древней, средневековой, новой и новейшей ис-

тории человечества, что доказывает поэтапность процесса становления этого института. Сделаем вывод о изначально внегосударственной природе суда и его генетической взаимосвязи с правом, возникающим на государственном этапе развития общества. Отправной точкой для отсчета времени формирования судебной системы как самостоятельного социально-правового явления следует считать обособление судебной ветви власти, создание условий для независимого осуществления ее исключительных полномочий через соответственно оформленную систему органов. Судебная система отражает особенности организации судебной власти страны, соответствует уровню ее социально-экономического развития, господствующим в социуме взглядам на место суда в механизме государственной власти, накопленному опыту и определенным традициям. Анализ современных типов судебных систем и их характерных признаков позволяет подчеркнуть эволюцию и сближение стандартов правосудия различных правовых систем, которые служат основой для дальнейшего развития судебных систем.

Выясняя социально-правовую сущность судебной системы, которая определяется природой судебной системы как предмета теории эффективности судебных систем, целесообразно уточнить научные подходы к толкованию понятия «*судебная система*». Акцент при его формулировке должен быть на определении интегральных системных качеств и динамических аспектов судебной системы. Для доказательства признаков системности указанного института опираемся на достижение общей теории систем. Изучение научной литературы в этой области знаний [21, с. 537] позволяет назвать исходные основы познания природы судебной системы, которая: *а)* представляет собой целостный комплекс взаимосвязанных элементов; *б)* образует особое единство со средой; *в)* является элементом системы высшего порядка, а ее элементы выступают системой ниже. Использованный подход позволяет рассмотреть судебную систему как целостный организм, функционирующий в соответствии с определенными законами и обладающий признаками и свойствами, подчеркивающими его особый статус среди других государственных институтов. Исследуя воспроизведение признаков системности в организации и функционировании судебной системы, выделим ее свойства: *а)* социальную ориентированность; *б)* открытость; *в)* целеустремленность; *г)* стабильность; *д)* структурированность; *е)* целостность; *ж)* единство; *з)* самостоятельность; *и)* независимость. В результате проведенного рассмотрения «*судебная система*» истолковывается как разновидность социально-политической системы, заключающейся в стабильном комплексе формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регламентирующих такой сегмент человеческой деятельности, как отправление правосудия, и организующих ее в систему ролей и статусов.

Осмысливая *принципы судебной системы*, ознаменуем, что юристы используют различные категории и подходы к содержанию принципов судебной системы. Между тем именно в них сущность этого института. *С одной стороны*, эти принципы должны отражать объективные свойства, обусловленные закономерностями развития последнего, а *с другой стороны,* в них должно воплощаться субъективное восприятие обществом институтов судебной системы: *а)* социальная ценность; *б)* авторитетность решений; *в)* цель и социальное ожидание.

Предлагается выделять фундаментальные принципы и судебного устройства. Подчеркивается единообразие в мировом масштабе фундаментальных принципов судебной системы и несовпадение принципов судебного устройства в каждом отдельном государстве. Систему фундаментальных принципов судебной системы образуют принципы: *а)* верховенства права; *б)* равенства; *в)* доступности; *г)* справедливости, раскрывающие важнейшие сущностные черты института суда, ими определяются индивидуальные направления дальнейшего развития отдельных судебных систем.

Прорабатывая *функции судебной системы,* ознаменуем, что фундамент теории функций судебной системы должен составлять цель последней – обеспечение устойчи-

вости общества путем устранения отклонений его элементов и групп от формально установленного ценностно-нормативного порядка. По своему характеру функции, возложенные на судебную систему, являются контрольно-восстановительными. Им свойственны следующие признаки: *а)* действенность и системность; *б)* выражение в них сущности и содержания судебной власти в целом; *в)* нормативная определенность их содержания и форм осуществления; *г)* наличие системы гарантий реализации.

Комплексное исследование теории эффективности судебной системы возможно только при восприятии ее функций как целостной системы, в которой можно выделить подсистему внешних и внутренних функций. Внешние выявляют характер ее взаимодействия с наружной средой. К ним причислим функции: *а)* всеобщей устойчивости (правовой определенности) общественных отношений; *б)* гуманистическую; *в)* воспитательную. Внутренние функции выявляют характер взаимодействия между отдельными элементами судебной системы. К ним следует отнести: *а)* социально-ценностную; *б)* культурологическую; *в)* информационно-аналитическую.

Распознавая методологические основы теории эффективности судебных систем, исследуя теорию и практику оперирования термином «эффективность» философией, социологией, экономикой, теорией управления, правоведением и другими науками, заметим, что при формулировании понятия «*эффективность судебной системы*» следует не только наделять его общенаучными чертами об эффективности из специальных научных теорий, поскольку указанные сферы научных знаний глубоко взаимосвязаны с правовой сферой, взаимозависимы от нее. Использование статистического, функционального и социологического методов познания дает возможность определить эффективность как функционально-целевую категорию, характеризующую общественно значимую деятельность социальных институтов, которая всегда связывается с ожиданием определенного (положительного) результата.

Обозревая проблемы оценки эффективности судебной системы на основании изучения научных источников [22, с. 235–253; 23, с. 181–190; 24, с. 147–154], сделаем упор, что при проработке методологии оценки эффективности судебной системы следует продолжать решать появляющиеся проблемы концептуального и технологического характера. *К первым* относятся проблемы разработки допустимого инструментария оценки с учетом особенностей природы судебной системы; *ко вторым* – определение способа получения адекватных данных, процедуры оценки, алгоритма сочетания количественных и качественных методов. Введение механизма измерения эффективности судебной системы возможно при условии, если постоянно уточняются: *а)* стандарты качества судебной системы, в содержании которых выделены критерии эффективности и система их показателей; *б)* методика сбора, анализа и оценки информации; *в)* степень влияния каждого показателя на ее общую эффективность; *д)* методология соотношения количественных и качественных показателей, количественного уяснения оценочных понятий последних.

II) Концептуальный анализ эффективности судебной системы

Разрабатывая стандарты эффективности судебной системы как концептуальную идею «совершенного суда», уточняя пробелы правовой науки относительно системного подхода к определению эффективности деятельности судов, для их устранения предлагаем дополнительно разработать стандарты эффективности функционирования судебной системы, которые должны включать в себя организационную концепцию, аккумулирующие такие измерения, как *а)* условия; *б)* критерии; *в)* индикаторы; *г)* показатели; *д)* способы оценки деятельности. Использование указанной терминологии требует конкретизации. «Условия» – это сферы взаимосвязей, в которых участвует судебная система. Каждое условие характеризуется с помощью «критериев», которые фактически являются операциональной (или технологической) формулировкой стандартов. Критерии эффективности судебной системы конкретизируются «индикаторами», которые делают возможным их оценку и определение и раскрываются через систему «показателей» – реаль-

ных данных, делающих возможным измерение и определение проявлений и проблем организации, и функционирования судебной системы. Через «способы оценки» определяются: *а)* субъекты и область оценивания; *б)* методы получения информации; *в)* пути дальнейшего использования этой оценки. Стандарты эффективности судебной системы имеют форму документов национального значения, поскольку определяют идеальную модель совершенной организации и функционирования судебной системы страны.

Подчеркнем, что *судоустройство должно быть оптимальным*.

Обсуждая *доступность суда* и изучая стандарты обеспечения реализации права на беспрепятственное обращение в суд, заключим, что к ним относятся надлежащие институциональные, финансовые, процессуальные и субъективные условия. Индикаторами институциональной доступности суда являются: *а)* территориальная приближенность к потенциальным клиентам; *б)* приспособленность здания суда к посещению его значительной численностью; *в)* способность предоставить качественную судебную услугу.

За показатели может быть использована информация о: *а)* удобстве расположения суда; *б)* возможности подачи заявления о нарушении любого права в ближайший суд; *в)* приспособленности судебного помещения для комфортного пребывания в нем лиц, особенно с ограниченными возможностями; *г)* достаточности количества судов для обеспечения рассмотрения судебного дела в наиболее разумные сроки; *д)* механизмах разрешения правового спора альтернативным способом. Индикаторами финансовой доступности суда является экономическая обоснованность размера судебного сбора и механизм оценки его реальности и необременительности для клиента. В качестве показателей финансовой доступности суда могут быть использованы следующие данные: *а)* размер судебных расходов не представляет реального препятствия для обращения в суд; *б)* предусмотренность механизма освобождения лица от оплаты судебных услуг, предоставление отсрочки или рассрочки в их уплате; *в)* институт судебного страхования на случай невозможности оплатить услуги суда. Индикаторами процедурной доступности суда назовем: *а)* компетентность суда; *б)* универсальность его юрисдикционных полномочий; *в)* механизм обращения в суд и обжалование его актов. Индикатор субъектной доступности суда определяется по показателям доступности как информации о процедуре судебного производства, так и о профессиональной правовой помощи.

Раскрывая *независимость суда*, оценивая возможность использования ее гарантий как критерия эффективности судебного устройства, выделим индикаторы независимости суда: *а)* институциональный; *б)* экономический; *в)* субъективный. Институциональная независимость суда предполагает оценку соотношения управленческих процессов в судебной системе и принципа независимости судебной власти. По показателям используются: *а)* механизм организационно-правового обеспечения функционирования судов; *б)* порядок их образования и ликвидации; *в)* процедура отбора судейских кадров; *г)* процедура назначения на административные должности в судах; *д)* контроль за качеством судебных решений; *е)* способ принятия решений по устранению проблем управленческого характера в судах. Экономическая независимость состоит в механизме надлежащего финансирования судебной системы, ее показателями являются: *а)* полнота нормативно-правового урегулирования механизма финансирования судебной системы; *б)* материально-техническое оборудование судов; *в)* уровень материального обеспечения потребностей судей и работников судебного аппарата. Субъектная независимость характеризует гарантии правового статуса судей. Ее показателями выступают: *а)* объективность процедур назначения на должность судьи и освобождение от нее; *б)* конкурсность процедуры отбора судейских кадров; *в)* гарантии несменяемости с должности судьи; *г)* особая процедура привлечения судей к ответственности; *д)* система гарантий, исключающих давление на носителей судебной власти.

Освящая *специализацию судебной системы,* закрепим, что судебная система является проявлением общетеоретического принципа распределения функциональных

полномочий и условием, способным влиять на качество судебных услуг, что обосновывает целесообразность ее включения в систему критериев эффективности судебного устройства. Предлагается выделять *два индикатора* указанного критерия: *1)* специализацию судов; *2)* специализацию судей. Углубленное исследование первого института показало, что классической модели построения специализированных судов в мире нет. Главное – это механизмы разделения компетенции между судами специализированной и общей юрисдикции и разрешения между ними конфликтов по подсудности дел. Показатели совершенства модели специализации судов: *а)* восприятие государством института специализированной юрисдикции; *б)* объем нагрузки на суды специализированной юрисдикции; *в)* механизм разрешения конфликтов по подсудности дел; *г)* предоставление высшему суду достаточных полномочий по интегрированию (объединению) функций правоприменения в специализированных судах.

Институт специализации судей направлен на повышение компетентности судьи при рассмотрении дел, что положительно отражается на сокращении сроков и качества разрешения дел. Вот почему оценка успешности его реализации может быть использована в качестве показателя эффективности судебной системы, охватывающей: *а)* максимальное введение в судах института внутренней специализации; *б)* деятельность мобильной формы специализации; *в)* осуществление работы по углублению специализации судей при помощи постоянного повышения квалификации; *г)* организацию подготовки судей в соответствии с предстоящей специализацией.

Постигая такое обязательное условие эффективности функционирования судебной системы, как *стабильность судебной системы,* выявим, что ее социальное содержание заключается: *а)* в сохранении функции судебной системы как центрального механизма разрешения правовых конфликтов в социуме; *б)* в обеспечении ее ресурсами, требуемыми для должного функционирования; *в)* в учреждении эффективной внутренней структуры данной системы. Выделим *три индикатора* стабильности судебной системы: *1)* устойчивость судебной системы; *2)* стабильность судебной практики; *3)* стабильность судебного решения.

Устойчивость судебной системы рассматривается как свойство сохранять динамическое равновесие с внешней средой и способность к изменениям и адаптации. Основные ее показатели: *а)* стабильность правовой определенности (стабильность законодательства о судоустройстве, устоявшаяся организационная структура); *б)* целостность (единство основ и целей судопроизводства, механизм судебного управления); *в)* устойчивость функционирования (должная ресурсообеспеченность и самоуправление).

Стабильность судебной практики – это реализация стандарта предсказуемости решений судов, то есть они должны соответствовать закону и установившейся судебной практике. Значительно усиливает этот индикатор признание судебных решений вышестоящими судами, высшим судом (судебный прецедент). Показателями такой стабильности могут быть как количественные, так и качественные данные, а именно: *а)* количество измененных и отмененных судебных актов вышестоящими и высшей судебными инстанциями; *б)* обеспечение судебного контроля за качеством судебных решений; *в)* механизмы формирования единого правопонимания судьями.

Устойчивость судебного решения включает *два основных аспекта*: *1)* обязательность исполнения судебного решения, вступившего в законную силу; *2)* непозволительность повторного рассмотрения дела, в отношении которого оно уже вынесено. Количественными и качественными показателями постоянства судебного решения зафиксируем: *а)* процент исполненных судебных решений, которые вступили в законную силу; *б)* своевременность их реализации; *в)* эффективный механизм исполнения судебных решений; *г)* эффективный контроль за их реализацией; *д)* надлежащее обеспечение прав и законных интересов сторон и третьих лиц при исполнительном производстве.

Зарегистрируем, что *судебные процедуры должны быть совершенными*.

Рассматривая *справедливость судебного разбирательства*, определим, что соблюдение судом процессуальных норм судебной процедуры только способствует достижению справедливого результата, но отнюдь не гарантирует его. Выделим *два индикатора* измерения справедливости судебного разбирательства: *1)* справедливость судебной процедуры; *2)* справедливость судебного решения. Основными показателями справедливости судебного разбирательства могут выступать: *а)* равенство процессуальных прав граждан в суде (недопущение каких-либо ограничений для лиц, обращающихся в суд, по таким признакам, как имущественное состояние, образование, язык, принадлежность к определенной социальной группе); *б)* гарантия субъективной и объективной беспристрастности состава суда.

Справедливость судебного решения определяется тем, насколько оно законно и обоснованно, соответствует нормам социальной морали, ожиданиям установления справедливости, защиты или возобновления нарушенных прав, ответственности виновных в их нарушении. Предлагается использовать такие показатели качества судебного решения, как *а)* законность; *б)* справедливость; *в)* надлежащая мотивированность; *г)* юридическая грамотность; *д)* пригодность к исполнению.

Описывая такой стандарт организации судебного процесса, как *непредвзятость судебного разбирательства*, подчеркнем, что для его измерения предлагается использовать индикаторы и показатели: *а)* субъективную беспристрастность (институт отвода судьи и требования по несовместимости должности судьи с другими видами деятельности); *б)* объективную беспристрастность (недопущение процессуального совмещения различных функций в одном судебном органе, институт обжалования судебного решения в вышестоящую судебную инстанцию, обеспеченность условий публичности процедуры судебного разбирательства).

Разбирая *своевременность судебного разбирательства*, констатируем значение условия оперативности судебного разбирательства для оценки эффективности функционирования суда. Обозначим следующие ее индикаторы: *а)* оптимальность срока судебного разбирательства, установленного для организации работы суда; *б)* надлежащие организационные меры суда; *в)* оперативность назначения даты начала слушания; *г)* соблюдение сроков судебного разбирательства. Для оценки своевременности предлагаем такие измерения показателей продолжительности: *а)* подготовка дела к слушанию; *б)* слушание дела; *в)* обретение судебного решения законной силы; *г)* исполнение судебных решений.

Утверждаем, что *кадровый состав судебной системы должен быть качественным*.

Оценивая понятие *профессионализма судей*, установим, что он зависит от следующих факторов: *а)* внутренних, детерминированных спецификой судейской профессии; *б)* внешних, вызванных политическими, экономическими, социальными и культурными условиями развития общества. Для его оценки предложим следующие индикаторы: *а)* отбор кандидатов на должность судьи на основании их соответствия профессионально важным качествам; *б)* система профессионального обучения судей; *в)* контроль за их профпригодностью; *г)* механизм самоизбавления судейского корпуса от профессионально непригодных судей. Качественными показателями профессиональной непригодности судьи могут быть: *а)* значительное число упраздненных или измененных вышестоящей инстанцией судебных решений, вынесенных по его председательству; *б)* систематическое нарушение служебной дисциплины; *в)* регулярное поступление жалоб о его ненадлежащем профессиональном поведении или несоблюдении норм судейской этики при общении с участниками процесса; *г)* информация о его аморальном поведении в частной жизни.

Воспринимая *профессионализм работников аппарата суда*, отметим, что содержание обязанностей работника аппарата суда и их влияние на общее качество работы суда требуют выделения стандартов профессионализма этой социальной и профессиональной группы. Выделим следующие индикаторы данного критерия: *а)* квалифи-

кационные требования; *б)* надлежащая специальная подготовка; *в)* контроль за уровнем профессиональной компетентности служащих аппарата суда.

Считаем, что *управление судебной системой должно быть эффективным*.

Анализируя *управление судебной системой*, трактуя принципы эффективного управления, определенные теорией управления, характеризующие степень их отражения в моделях управления судебной системой, укажем, что индикаторами эффективности судебного управления являются механизмы: *а)* финансового; *б)* материально-технического; *в)* кадрового; *г)* информационного обеспечения судебной системы. Показателями эффективности управления последней могут быть следующие данные: *а)* целостность системы судебного управления; *б)* соответствие ее организации и деятельности принципам эффективного управления; *в)* способность системы управления обеспечить судебную систему надлежащими ресурсами; *г)* способность системы судебного управления своими управленческими решениями повышать качество судебных услуг; *д)* достаточность у этой системы полномочий оперативно влиять на организацию и функционирование судебной системы; *е)* механизм контроля за эффективностью деятельности системы судебного управления; *ж)* максимальное внедрение институтов автоматизации процесса в системе судебного управления; *з)* налаживание обратной связи между системой судебного управления и отдельными элементами судебной системы.

Выясняя *управление судом* путем анализа управленческих функций председателя суда, упомянем, что успешность их реализации зависит в первую очередь от того, есть ли у личности качества лидера. Введенная сегодня процедура назначения на административные должности в судах не до конца ориентирована на оценку наличия у кандидатов профессионально важных качеств управленца. Такая ситуация актуализирует вопрос обработки национальной практикой стандартов повышения профессионально важных управленческих качеств лиц, занимающих административные должности в судах (председателя суда, заместителя председателя суда, руководителя судебного аппарата). Для максимальной реализации этой идеи необходимо: *а)* проанализировать функциональные обязанности лиц, занимающих административные должности в судах; *б)* определить перечень профессионально важных качеств, необходимых им для успешного выполнения управленческих функций; *в)* закрепить на общегосударственном уровне указанные стандарты; *г)* определить методику проверки соответствия кандидата административной должности в суде. По показателям исследуемого критерия необходимо: *а)* комплексно внедрять систему критериев профподбора кандидатов на административные должности в судах; *б)* оптимизировать механизм оценки профессионально важных управленческих качеств председателей судов, их заместителей, руководителей аппарата суда; *в)* постоянно обновлять специальные программы переподготовки и повышения квалификации лиц, назначенных на административные должности в судах.

Подчеркнем, что *эффективность суда должна быть социальной*.

Осмысливая *общественный авторитет суда*, прорабатывая статус суда как органа государственной власти, уточним, что в условиях активного становления информационного общества, судебной власти следует профессионально заниматься управлением личным авторитетом: *а)* разрабатывать принципы информационной политики и претворять ее в действительность; *б)* конструировать позитивный имидж суда и судей; *в)* оказывать должное внимание к проявлению публичности и ожиданиям населения. В пределах отдельного суда необходимо не только оформление самостоятельных структурных подразделений пресс-службы, но и *а)* проработка досконального регламента коммуникативной деятельности пресс-служб, устремленной на рост имиджа судебной власти; *б)* трансформация установок судейского сообщества в сегменте информационной деятельности судов; *в)* организация системы качественной профессиональной подготовки пресс-секретарей судебных органов. Для измерения уровня общественного авторитета суда могут быть использованы: *1)* качественные показатели (*а)* уни-

версальность юрисдикции суда; *б)* альтернативность урегулирования правовых споров; *в)* уровень транспарентности судебной власти); *2)* количественные показатели (*а)* статистическая информация о количестве обращений в суд за разрешением правового конфликта; *б)* индикаторы исполнения судебных решений.

Исследуя *доверие к суду* как один из критериев эффективности его деятельности, подчеркнем, что под ним следует понимать веру в главные идеи института суда – принятие справедливого общеобязательного решения относительно рассмотренного спора и гарантии его исполнения, то есть доверие к процедурам и методам деятельности суда. Уровень доверия общества к суду является объективным выражением общественного мнения по эффективности функционирования судебной системы. При его оценке могут быть использованы данные социологических опросов различных срезов социальных групп: *а)* рядовых граждан; *б)* участников судебного процесса; *в)* адвокатов; *г)* прокуроров, поддерживающих государственное обвинение в судах; *д)* должностных лиц аппарата судов; *е)* профессиональных судей.

Распознавая *социальную ответственность суда*, основываясь на анализе источников [25, с. 42–51], ознаменуем, что ее содержание раскрывается через единство объективного и субъективного. Объективная составляющая социальной ответственности суда состоит в том, что последний получает свое конкретное социальное содержание только через взаимоотношения с определенными целями и задачами общественного развития. Субъективная составляющая – это чувство ответственности перед обществом, свойство характера личности судьи отвечать за собственные поступки и действия. Поэтому показатели социальной ответственности суда – это в основном наличие *а)* норм об ответственности суда за неправовое решение; *б)* эффективного механизма привлечения судей к дисциплинарной ответственности; *в)* механизма контроля над соответствием личностных качеств судьи представлениям членов общества о добропорядочности носителей судебной власти.

III) Пути повышения эффективности судебной системы

Формулируя модернизационную трансформацию института суда в обществе, заметим, что современной судебной системе присуща постепенная трансформация из политического института в социальный, что связано с утверждением основ гражданского общества и правового государства, обуславливается потребностями людей в реализации правового и справедливого характера суда. На основании анализа *а)* директивного; *б)* технологического; *в)* коммуникативного; *в)* культурологического подходов зафиксируем назначение судебной системы как социального института: это обусловленная определенными социальными потребностями людей устойчивая организация упорядочения общественных отношений и разрешения судами социальных конфликтов на основании установленных законом правовых норм, принципов и предписаний. Социальный институт является особой формой функционирования судебной системы, что детерминировано необходимостью укрепления демократических принципов общества и социального порядка. Соответствие институтов судебной системы ожиданиям социума определяет уровень легитимности суда.

Исследуя методологические основы судебной модернизации, необходимо оценивать перспективы использования одного из *трех подходов к судебному реформированию*: *1)* заимствование наиболее положительной зарубежной модели; *2)* имплементация типовой прогрессивной модели, соответствующей определенной группе государств; *3)* индивидуальное направление. Сделаем вывод о целесообразности применения последнего подхода к определению идеальной модели национальной судебной системы.

Усовершенствование судоустройства должно строиться на системных закономерностях: *а)* сбалансированного подхода на уровне координации деятельности трех ветвей государственной власти; *б)* адекватности судоустройства характеристикам социума: чем в большей степени развиты социальные институты и чем больше их корреспонденция

концепции гражданского общества, тем более оправдан деятельный социальный контроль судебной власти и участие членов социума в отправлении правосудия; *в)* результативное внутреннее устройство судебных органов как института, целостного механизма, предоставляющего юридические услуги по разрешению правовых конфликтов; *г)* высокое качество профессиональной подготовленности судей, их самостоятельность и обеспеченность требуемыми ресурсами для должного выполнения служебных функций.

Обозревая систему комплексных мер по оптимизации судоустройства, опираясь на понимание природы судебной системы как социальной, открытой, взаимодействующей с другими социальными системами и одновременно выступающей одним из элементов большей системы, заключим, что эффективность ее функционирования зависит от получения достаточных ресурсов для обеспечения стабильности, качественной деятельности и надлежащей организации внутренней системы. Разработка путей совершенствования судебного устройства должна осуществляться в *двух направлениях*, таких как *1)* оптимизация процессов взаимодействия суда с другими элементами метасистемы – государственными органами и обществом (внешний аспект); *2)* улучшение организационных условий для надлежащего выполнения основного назначения суда (внутренний аспект).

Разрабатывая меры по усовершенствованию судебной процедуры, важно уяснить основные ожидания общества по ее оптимизации – сокращение сроков судебного производства и уменьшение расходов на судебные услуги. Исследование судебной практики, эмпирических данных позволило сделать вывод о целесообразности проработки системы оценки превышения разумности сроков судебного разбирательства по разным категориям дел. Имеются такие направления сокращения указанных сроков, как *а)* организационное совершенствование работы судебного механизма; *б)* развитие институтов несудебного и досудебного разрешения конфликтов; *в)* разветвление институтов альтернативной юстиции; *г)* установление «фильтров» пересмотра судебных дел с целью устранения злоупотребления правом и умышленного затягивания исполнения судебного решения; *д)* имплементация научной организации труда судьи, механизмов контроля за систематичностью повышения их квалификации; *е)* введение единой формы подачи заявления в суд.

Обсуждая совершенствование механизма судебного управления, акцентируем внимание на том, что управление работой судов рассматривается *в двух измерениях*: *1)* широком (как управление единым механизмом – судебной системой); *2)* узком (как управление в целях оптимизации работы отдельного суда). Задачей управления судебной системой является результативное аккумулирование соответствующих ресурсов и обеспечение эффективного контроля качества судебных услуг. Признаками совершенной системы управления отдельным судом являются: *а)* четкое распределение полномочий между работниками суда: судьи – осуществление правосудия, аппарат суда – администрирование. Председатель суда координирует деятельность судебного администратора; *б)* обеспечение максимальной доступности суда для пользователей и посетителей; *в)* контроль эффективности работы всех подразделений и служб суда. К направлениям оптимизации управления судом причислим: *а)* создание условий для того, чтобы должность администратора суда стала привлекательной для наиболее квалифицированных управленцев; *б)* улучшение электронной системы дифференцированного управления движением дела; *в)* модернизацию схемы организации работы судьи по системе «офис судьи» (организация деятельности, при которой технические, подготовительные функции максимально делегируются помощникам и секретарю, следовательно, судья освобождается от рутины, фокусируясь исключительно на осуществлении правосудия).

Заключение. В материале осуществлено теоретическое обобщение и предложено решение научной проблемы, заключающейся в разработке концепции эффективности судебной системы. *Среди выводов, сделанных в данном исследовании, существенными являются:*

1. Судебная система – это стабильный комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, упорядочивающих такую область человеческой деятельности, как отправление правосудия, и организующих ее в систему ролей и статусов. Фундаментом и базисной основой данного понятия являются: совокупность материальных средств на осуществление правосудия, выполнение социально легитимированных и нормативно закрепленных санкций; правовой порядок выполнения тех или иных профессиональных действий, совершаемых специальными социально-профессиональными группами – судьями.

2. Социальная природа судебной системы раскрывается через такие основные свойства, как *а)* социальная ориентированность; *б)* открытость; *в)* целеустремленность; *г)* стабильность; *д)* структурированность; *е)* целостность; *ж)* единство; *з)* самостоятельность; *и)* независимость.

3. Функционирование судебной системы как целостного и независимого механизма по разрешению правовых споров возможно только в государстве, в котором должным образом реализован принцип разделения властей. Такое государство обеспечивает контроль за организацией судов как инструмента государственной власти и исполнение их решений на всей своей территории. Основным же назначением суда становится обеспечение устойчивости общества путем устранения отклонений его элементов и групп от формально установленного ценностно-нормативного порядка.

4. Критерием ценности судебной системы для субъектов права служат ее принципы как основные исходные начала, идеи, выражающие ее сущность как специфического (правового) регулятора общественных отношений. Систему таких принципов образуют: *а)* фундаментальные принципы судебной системы (верховенства права, доступности, справедливости, равенства); *б)* принципы судебного устройства.

5. Эффективность судебной системы – это оценочная правовая категория, характеризующая ее свойство и уровень функциональности. Конструкцией «эффективность судебной системы» фиксируется способность судебной системы оказывать реальное благотворное влияние на определенные правоотношения, в результате чего разрешается социальный конфликт и достигается социальная справедливость. Направление оценки эффективности судебной системы определяется функциями судебной системы и соотношением цели ее образования и результата ее функционирования.

6. Эффективность судебной системы зависит от определенных объективных и субъективных условий, определяемых характером ее взаимосвязей в среде функционирования. Поскольку последние очень разнообразны, то и условиями эффективности выступают различные факторы, которые можно разделить на *три блока*. Это условия: *I)* влияющие на государственную деятельность в целом (*а)* экономические; *б)* идеологические; *в)* политические; *г)* культурные); *II)* касающиеся состояния законодательства и его реализации; *III)* связанные с правосознанием граждан и личностными характеристиками судейского корпуса. Каждый из этих блоков представляет собой систему, состоящую из многих условий, относящихся как к самой судебной системе, так и к среде ее функционирования и процессу правоприменения: *а)* рациональная организация судебной системы; *б)* совершенная законодательная база; *в)* соблюдение принципа разделения властей по внешнему позиционированию судебной системы; *г)* высокий уровень правовой культуры общества и субъекта судебного правоотношения; *д)* профессионализм судейского корпуса и компетентность служебного персонала суда; *е)* согласованность функционирования судебной системы с деятельностью других механизмов социального контроля; *ж)* безусловное и своевременное исполнение судебных решений.

7. Установить уровень эффективности судебной системы можно по *пяти группам* критериев и системе соответствующих индикаторов: *I)* оптимальность судебного устройства – доступность и независимость суда, специализация и устойчивость судебной системы; *II)* совершенство судебной процедуры – справедливость, беспристраст-

ность и своевременность рассмотрения и разрешения судебных дел; *III)* качество кадрового состава судебной системы – высокий профессионализм судей и работников судебного аппарата; *IV)* эффективность судебного управления – управление судебной системой и отдельным судом; *V)* социальная эффективность суда – общественный авторитет и социальная ответственность суда, значительное доверие к суду.

Теоретическое и практическое значение результатов исследования. Сформулированные в публикации положения и выводы научно обоснованы и могут использоваться: *а)* в научно-исследовательской сфере как базис для дальнейших научных разработок теории судебных систем и ее эффективности, методики оценивания и самооценки результативности деятельности суда, научного подхода к внедрению мер по судебной оптимизации, а также для совершенствования отраслевых наработок по повышению эффективности функционирования как отдельного суда, так и судебной системы как целостного института; *б)* в законотворческой деятельности – для внедрения системного подхода при продолжении судебной модернизации, усовершенствования материального и процессуального законодательства с целью повышения эффективности судебной системы и определения национальных стандартов ее эффективности; *в)* в правоприменительной области, где используются через толкование такие теоретические конструкции, как принципы, функции судебной системы, эффективность судебной системы, условия, критерии, индикаторы, показатели эффективности судебной системы.

1. Дьяченко Е. Б. Отправление правосудия в судах интеграционных объединений: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Институт государства и права Российской академии наук, 2023. 433 с. URL: https://elibrary.ru/qyebdh.
2. Тресков А. П. Конституционно-правовая теория принципов судебной власти России: дис. ... д-ра юрид. наук. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2022. 423 с. URL: https://elibrary.ru/rkkicc.
3. Вилкова Т. Ю. Система принципов российского уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2022. 603 с. URL: https://elibrary.ru/uzmumd.
4. Чайка К. Л. Суды интеграционных объединений среди иных органов международного правосудия: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Институт государства и права Российской академии наук (ИГП РАН), 2022. 420 с. URL: https://elibrary.ru/gnpmfb.
5. Абдулин Р. С. Формирование и развитие судебного управления в России (февраль 1917 – январь 1998 гг.): дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН), 2015. 493 с.
6. Штефан Д. И. Организация внутрисистемного обеспечения судебной деятельности: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2024. 190 с. URL: https://elibrary.ru/okewvw.
7. Капустин О. А. Организация судебной деятельности в современный период: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российский государственный университет правосудия, 2022. 184 с.
8. Солянко П. Б. Суд как субъект права: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя, 2021. 214 с. URL: https://elibrary.ru/swnwwx.
9. Клеандров М. И. Правосудие и справедливость: монография. 3-е издание, переработанное и дополненное. М.: Норма, ИНФРА-М, 2025. 624 с. URL: https://doi.org/10.12737/2188395.
10. Ланг П. П. Экзистенция правосудия: монография. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2025. 128 с. URL: https://elibrary.ru/vvlnea.

11. Изварина А. Ф. Судебная система России: концептуальные основы организации, развития и совершенствования: монография. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2014. 304 с.
12. Бурдина Е. В. Справедливость в модели организации судебной власти // Российское правосудие. 2025. № 2. С. 5–16. URL: https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2025.2.5-16.
13. Рамазанов Т. Б., Исмаилова З. И. Судебная власть и уголовное судопроизводство в России // Евразийский юридический журнал. 2025. № 8(207). С. 389–390. URL: https://elibrary.ru/adsdgh.
14. Михайлов А. Е. Историко-правовой анализ развития судебной власти в Российской юридической науке // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2(66). С. 508–513. URL: https://elibrary.ru/csilte.
15. Станкин А. Н. Вопросы эффективности судебной системы Российской Федерации // Мировой судья. 2025. № 5. С. 34–37. URL: https://doi.org/10.18572/2072-4152-2025-5-34-37. https://elibrary.ru/mlbogk.
16. Ишмухаметов Я. М., Сабанов А. Ю. Концепция и цель судебной реформы системы судов общей юрисдикции // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 349–351. URL: https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_349. https://elibrary.ru/hqixdx.
17. Бондарева И. О., Сафонов А. А. Электронное правосудие как новый процессуальный феномен // Юристъ-Правоведъ. 2025. № 2(113). С. 109–115. URL: https://elibrary.ru/uzayqi.
18. Глушков А. И., Терентьев А. В. Основы судопроизводства в Российской Федерации: учебное пособие. М.: Московский педагогический государственный университет, 2025. 160 с. URL: https://doi.org/10.31862/9785426315532. https://elibrary.ru/dtcezx.
19. Балакирева Л. М., Волков А. А., Иванченко Е. А., Терещенко Е. А. Теория правосудия: учебное пособие (курс лекций). Направление 40.04.01 «Юриспруденция». Направленность «Правоохранительная и правозащитная деятельность, прокурорский надзор, судебная власть». Квалификация выпускника магистр. Ставрополь: АГРУС, 2025. 95 с. URL: https://elibrary.ru/bblrvf.
20. Потапенко С. В., Даниелян А. С., Гелиева И. Н. Судебная система Российской Федерации: учебное пособие. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2019. 114 с.
21. Бурдина Е. В. Правовая природа, организация и деятельность органов судейского сообщества в судебной системе России: дис… д-ра юрид. наук. М.: Российский государственный университет правосудия, 2016. 537 с. URL: https://elibrary.ru/dasobt.
22. Ульянов А. Ю. Правовые подходы к оценке эффективности судебной власти. Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 4. С. 235-253. URL: https://doi.org/10.17323/2072-8166.2024.4.235.253.
23. Шаманский Д. А. Проблемы эффективности организационно-распорядительных функций и полномочий судебной власти РФ. Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 7(176). С. 181–190. URL: https://doi.org/10.17803/1994-1471.2025.176.7.181-190.
24. Радаева С. В. Судебные реформы в системе средств повышения эффективности правосудия. Образование и право. 2020. № 11. С. 147–154. URL: https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-11122. https://elibrary.ru/jvggot.

25. Адашкин Д. А. Сущность и социальные функции судебной власти в современной России. Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 8(129). С. 42–51. URL: https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.129.8.042-051.

1. D`yachenko E. B. Otpravlenie pravosudiya v sudax integracionny`x ob``edinenij: dis. ... d-ra yurid. nauk. M.: Institut gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk, 2023. 433 s. URL: https://elibrary.ru/qyebdh.
2. Treskov A. P. Konstitucionno-pravovaya teoriya principov sudebnoj vlasti Rossii: dis. ... d-ra yurid. nauk. Belgorod: Belgorodskij gosudarstvenny`j nacional`ny`j issledovatel`skij universitet, 2022. 423 s. URL: https://elibrary.ru/rkkicc.
3. Vilkova T. Yu. Sistema principov rossijskogo ugolovnogo sudoproizvodstva: dis. ... d-ra yurid. nauk. M.: Moskovskij gosudarstvenny`j yuridicheskij universitet imeni O. E. Kutafina (MGYuA), 2022. 603 s. URL: https://elibrary.ru/uzmumd.
4. Chajka K. L. Sudy` integracionny`x ob``edinenij sredi iny`x organov mezhdunarodnogo pravosudiya: dis. ... d-ra yurid. nauk. M.: Institut gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk (IGP RAN), 2022. 420 s. URL: https://elibrary.ru/gnpmfb.
5. Abdulin R. S. Formirovanie i razvitie sudebnogo upravleniya v Rossii (fevral` 1917 – yanvar` 1998 gg.): dis. ... d-ra yurid. nauk. M.: Institut gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk» (IGP RAN), 2015. 493 s.
6. Shtefan D. I. Organizaciya vnutrisistemnogo obespecheniya sudebnoj deyatel`nosti: teoretiko-pravovoj aspekt: dis. ... kand. yurid. nauk. M.: Moskovskij gosudarstvenny`j yuridicheskij universitet imeni O. E. Kutafina (MGYuA), 2024. 190 s. URL: https://elibrary.ru/okewvw.
7. Kapustin O. A. Organizaciya sudebnoj deyatel`nosti v sovremenny`j period: dis. ... kand. yurid. nauk. M.: Rossijskij gosudarstvenny`j universitet pravosudiya, 2022. 184 s.
8. Solyanko P. B. Sud kak sub``ekt prava: dis... kand. yurid. nauk. M.: Moskovskij universitet Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii imeni V. Ya. Kikotya, 2021. 214 s. URL: https://elibrary.ru/swnwwx.
9. Kleandrov M. I. Pravosudie i spravedlivost`: monografiya. 3-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. M.: Norma, INFRA-M, 2025. 624 s. URL: https://doi.org/10.12737/2188395.
10. Lang P. P. E`kzistenciya pravosudiya: monografiya. M.: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu «Prospekt», 2025. 128 s. URL: https://elibrary.ru/vvlnea.
11. Izvarina A. F. Sudebnaya sistema Rossii: konceptual`ny`e osnovy` organizacii, razvitiya i sovershenstvovaniya: monografiya. M.: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu «Prospekt», 2014. 304 s.
12. Burdina E. V. Spravedlivost` v modeli organizacii sudebnoj vlasti // Rossijskoe pravosudie. 2025. № 2. S. 5–16. URL: https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2025.2.5-16.
13. Ramazanov T. B., Ismailova Z. I. Sudebnaya vlast` i ugolovnoe sudoproizvodstvo v Rossii // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2025. № 8(207). S. 389–390. URL: https://elibrary.ru/adsdgh.
14. Mixajlov A. E. Istoriko-pravovoj analiz razvitiya sudebnoj vlasti v Rossijskoj yuridicheskoj nauke // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2024. № 2(66). S. 508–513. URL: https://elibrary.ru/csilte.
15. Stankin A. N. Voprosy` e`ffektivnosti sudebnoj sistemy` Rossijskoj Federacii // Mirovoj sud`ya. 2025. № 5. S. 34–37. URL: https://doi.org/10.18572/2072-4152-2025-5-34-37. https://elibrary.ru/mlbogk.
16. Ishmuxametov Ya. M., Sabanov A. Yu. Koncepciya i cel` sudebnoj reformy` sistemy` sudov obshhej yurisdikcii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. № 5(233). S. 349–351. URL: https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_349. https://elibrary.ru/hqixdx.

17. Bondareva I. O., Safonov A. A. E`lektronnoe pravosudie kak novy`j processual`ny`j fenomen // Yurist``-Pravoved``. 2025. № 2(113). S. 109–115. URL: https://elibrary.ru/uzayqi.
18. Glushkov A. I., Terent`ev A. V. Osnovy` sudoproizvodstva v Rossijskoj Federacii: uchebnoe posobie. M.: Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvenny`j universitet, 2025. 160 s. URL: https://doi.org/10.31862/9785426315532. https://elibrary.ru/dtcezx.
19. Balakireva L. M., Volkov A. A., Ivanchenko E. A., Tereshhenko E. A. Teoriya pravosudiya: uchebnoe posobie (kurs lekcij). Napravlenie 40.04.01 «Yurisprudenciya». Napravlennost` «Pravooxranitel`naya i pravozashhitnaya deyatel`nost`, prokurorskij nadzor, sudebnaya vlast`». Kvalifikaciya vy`pusknika magistr. Stavropol`: AGRUS, 2025. 95 s. URL: https://elibrary.ru/bblrvf.
20. Potapenko S. V., Danielyan A. S., Gelieva I. N. Sudebnaya sistema Rossijskoj Federacii: uchebnoe posobie. Krasnodar: Kubanskij gosudarstvenny`j universitet, 2019. 114 s.
21. Burdina E. V. Pravovaya priroda, organizaciya i deyatel`nost` organov sudejskogo soobshhestva v sudebnoj sisteme Rossii: dis... d-ra yurid. nauk. M.: Rossijskij gosudarstvenny`j universitet pravosudiya, 2016. 537 s. URL: https://elibrary.ru/dasobt.
22. Ul`yanov A. Yu. Pravovy`e podxody` k ocenke e`ffektivnosti sudebnoj vlasti. Pravo. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki. 2024. № 4. S. 235-253. URL: https://doi.org/10.17323/2072-8166.2024.4.235.253.
23. Shamanskij D. A. Problemy` e`ffektivnosti organizacionno-rasporyaditel`ny`x funkcij i polnomochij sudebnoj vlasti RF. Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2025. T. 20. № 7(176). S. 181–190. URL: https://doi.org/10.17803/1994-1471.2025.176.7.181-190.
24. Radaeva S. V. Sudebny`e reformy` v sisteme sredstv povy`sheniya e`ffektivnosti pravosudiya. Obrazovanie i pravo. 2020. № 11. S. 147–154. URL: https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-11122. https://elibrary.ru/jvggot.
25. Adashkin D. A. Sushhnost` i social`ny`e funkcii sudebnoj vlasti v sovremennoj Rossii. Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2021. T. 16. № 8(129). S. 42–51. URL: https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.129.8.042-051.

Информация об авторе

Александр Анатольевич Беженцев. Доцент кафедры уголовного права юридического факультета, кандидат юридических наук, доцент.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний пр. Васильевского Острова, 57/43.

Information about the author

Alexander A. Bezhentsev. Assistant Professor of the Chair of Criminal Law Faculty of Law, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

199178, Russia, St. Petersburg, Sredniy pr. Vasilievsky Ostrov, 57/43.

Статья поступила в редакцию 03.08.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.

The article was received in the editorial office on 03.08.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 342.9

СТРАТЕГИИ ПОВЫШЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Боева Милана Александровна
Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, Брянск, Россия

BMil_120@mail.ru

Аннотация. Статья раскрывает важность и актуальность вопросов функционирования Госавтоинспекции МВД России (далее – Госавтоинспекция) как одного из институтов, который реально влияет на формирование правовой культуры на дорогах, а ее социально-правовая роль давно переросла просто надзор. Нормативная база дает ведомству серьезные рычаги, и используются они не только чтобы наказывать за нарушения, но и для системного предупреждения аварийных ситуаций.

Автор обращает внимание на то, что Госавтоинспекция остается одним из центральных элементов всей системы дорожной безопасности. Ее социально-правовая роль охватывает множество функций, и все они в конечном счете нацелены на то, чтобы уберечь людей от гибели и травм. Постоянное совершенствование работы инспекции и умение адаптироваться к новым вызовам – это как раз те условия, без которых аварийность не снизить, а качество жизни граждан не поднять. Проведенное исследование лишь подтверждает простую мысль: только системный и комплексный взгляд на развитие этой сферы отвечает интересам и общества, и государства.

Ключевые слова: стратегия, профилактика, дорожная безопасность, аварийность, Госавтоинспекция МВД России, контроль, надзор.

Для цитирования: Боева М. А. Стратегии повышения безопасности дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 122–127.

STRATEGIES FOR IMPROVING ROAD SAFETY

Milana A. Boeva
Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russia named after V. V. Lukyanov

BMil_120@mail.ru

Annotation. The article submitted for review reveals the importance and relevance of the functioning of the State Traffic Safety Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia as one of the institutions that truly influences the development of a legal culture on the roads, and its socio-legal role has long since outgrown mere oversight. The regulatory framework provides the agency with significant leverage, which it uses not only to punish violations but also to systematically prevent accidents.

The author draws attention to the fact that the State Traffic Safety Inspectorate remains a central element of the entire road safety system. Its social legal role encompasses numerous functions, all of which are ultimately aimed at protecting people from death

and injury. Continuous improvement of the inspectorate's work and the ability to adapt to new challenges are precisely the conditions without which accident rates cannot be reduced and citizens' quality of life cannot be improved. This study confirms a simple idea: only a systemic and comprehensive approach to the development of this area meets the interests of both society and the state.

Keywords: strategy, prevention, road safety, accident rate, State Traffic Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia, control, supervision.

For citation: Boeva M. A. Strategies for improving road safety // Scientific Bulletin of the V. V. Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 3(108). P. 122–127.

Разработанная до 2030 года стратегия безопасности дорожного движения – это попытка серьезно уменьшить смертность и социальный риск на дорогах. Ее ориентир – так называемая «нулевая смертность» к 2030 году. Координировать и отслеживать ход выполнения поручено МВД России: такой подход позволяет свести контроль в одни руки и выстроить нормальное взаимодействие с другими органами публичной власти [1, с. 7].

При подготовке документа опирались не только на собственный опыт, но и на международные наработки. В стратегии заметен след двух предыдущих федеральных целевых программ (2006–2012 и 2013–2020 годов), которые уже помогли ощутимо сократить и число аварий, и тяжесть последствий. Кроме того, учтены инициативы Организации Объединенных Наций – прежде всего концепция «Безопасной системы». Она интересна комплексным подходом: во главу угла ставятся не только техника и организация, но и человеческий фактор, качество инфраструктуры, информационно-аналитические инструменты. Такая методология помогает вылавливать и нейтрализовывать риски на всех этапах движения, делая профилактику более гибкой и устойчивой [2, с. 46].

Стратегия предполагает постепенно перестроить саму систему управления безопасностью, обновить нормативно-правовую базу и усилить социальную ответственность всех, кто задействован в дорожном движении. Здесь важное место отведено национальным проектам вроде «Безопасных качественных дорог». Они нацелены на улучшение инфраструктуры, внедрение новых технологий управления и диспетчеризации транспорта, что, в свою очередь, заметно снижает аварийность и расширяет мобилизационные возможности дорожной системы страны [3, с. 86].

Одновременно встал вопрос о разработке нового долгосрочного документа – с горизонтом до 2036 года. Толчком послужил указ Президента от 7 мая 2024 г. № 309, зафиксировавший национальные цели развития. Необходимость такого шага продиктована быстрыми изменениями в социально-экономической и транспортной сферах, появлением интеллектуальных транспортных систем, ростом числа участников движения и сближением дорожных стандартов разных стран. Новая стратегия должна расширить меры, снижающие социальный риск, и одновременно улучшить качество жизни за счет все того же комплексного подхода к дорожной безопасности [1, с. 8].

Если сравнивать российские программы с международными, видно, что современные комплексные методы – те, что связывают воедино технологии, право и социальные компоненты и обеспечивают гораздо больший эффект. Действующая стратегия соответствует мировым стандартам, но при этом учитывает особенности отечественного транспортного комплекса. Именно это и закладывает базу для последовательного, устойчивого развития всей системы дорожной безопасности [2, с. 47].

По сути, стратегия до 2030 года (и с перспективой до 2036-го) – это многоуровневый документ, в котором сходятся законодательные инициативы, технические инновации, социальные программы и международный опыт. Он задает рамки для дальнейшего анализа работы Госавтоинспекции – главного института, отвечающего за выполнение поставленных целей, соблюдение норм и правовую защиту участников движе-

ния. Ценность стратегии в том, что она определяет вектор развития дорожной безопасности на ближайшие десятилетия, а это критически важно и для планирования, и для оценки деятельности инспекции в нынешних условиях [4, с. 158].

Чтобы стратегия заработала в полную силу, Госавтоинспекции необходимо выстроить понятную систему взаимодействия с федеральными, региональными и муниципальными органами исполнительной власти, а также с научными, образовательными и общественными организациями. Речь идет о многоуровневой координации, где Госавтоинспекция не просто контролирует и надзирает, но и сама активно включается в разработку и реализацию комплексных программ по повышению дорожной безопасности. Критически важно наладить обмен данными и совместный мониторинг ключевых показателей аварийности – это дает возможность вовремя корректировать мероприятия и оценивать их эффективность [5, с. 42].

Если говорить о конкретных действиях инспекции в рамках стратегии, то сюда входят целевые рейды и профилактические акции, установка интеллектуальных систем видеофиксации нарушений, повышение квалификации сотрудников и улучшение правоприменительной практики. Много внимания уделяется детальному анализу данных о дорожно-транспортных происшествиях: такой разбор помогает выявить наиболее проблемные участки и понять, из-за чего чаще всего происходят аварии. Опираясь на эту аналитику, Госавтоинспекция совместно с дорожными службами и органами местного самоуправления принимает меры: где-то оптимизирует дорожную инфраструктуру, где-то повышает техническую оснащенность контрольных пунктов [6, с. 69].

На постоянной основе выстроено взаимодействие с другими государственными структурами: Министерством транспорта, Росстандартом, органами здравоохранения. Усилия здесь интегрируются ради повышения безопасности всей транспортной системы. Параллельно координация с научными учреждениями и экспертным сообществом облегчает внедрение современных технологий – от искусственного интеллекта для анализа дорожной обстановки до интеллектуальных транспортных систем, способных быстрее реагировать и предупреждать аварии. К этому добавляется активное привлечение общественных организаций и образовательные проекты – они повышают правосознание и мотивацию участников движения вести себя безопасно [7, с. 78].

Несмотря на полученный опыт и определенные успехи, анализ реализации стратегии показывает, что методы контроля и надзора нуждаются в дальнейшем совершенствовании. Трудности связаны, в частности, с тем, что мониторинг пока не всегда комплексный, требуется усилить межведомственную координацию и развивать цифровые решения, делающие диагностику проблемных зон более прозрачной и оперативной. Не менее важно обновлять нормативно-правовую базу, чтобы ответные меры оставались гибкими и адекватными быстро меняющемуся транспортному ландшафту.

Словом, чтобы Госавтоинспекция реально способствовала достижению целей государственной стратегии безопасности дорожного движения, нужно и дальше выстраивать целостные механизмы взаимодействия и непрерывно совершенствовать методы контроля. Только системный подход и применение современных технологий способны привести к снижению аварийности и спасению жизней участников движения в нынешних условиях.

Защита жизни и здоровья участников дорожного движения – та сфера, где правовые механизмы Госавтоинспекции проявляют себя напрямую. Речь идет о властных полномочиях: инспекторы вправе применять меры государственного принуждения, чтобы предотвращать и пресекать административные правонарушения. На практике это означает остановку транспорта, проверку документов, освидетельствование на состояние опьянения и составление административных протоколов. Именно такие шаги дают возможность быстро реагировать на угрозы, которые возникают на дороге.

Правовая основа этого механизма заложена в ведомственных нормативных актах. Ключевой среди них – Приказ МВД России от 02.05.2023 № 264, которым утвержден порядок надзора за соблюдением участниками движения требований законодательства о безопасности дорожного движения. Документ описывает, как инспектор взаимодействует с гражданами, и призван сделать применение административных мер прозрачным и законным. В целом правоприменение Госавтоинспекции разворачивается в рамках административного права, и это как раз гарантирует, что при обеспечении общественной безопасности не нарушаются права и свободы участников движения.

Отдельного внимания заслуживают те, кто наиболее уязвим на дороге: пешеходы и пользователи средств индивидуальной мобильности – велосипедов и электросамокатов. Здесь Госавтоинспекции опирается не только на общие полномочия, но и на специализированные нормы и регламенты, заточенные под защиту этих категорий. Такой подход помогает охватить всех, кто участвует в дорожном движении, и выстроить систему, которая одновременно и защищает, и повышает ответственность [8, с. 10].

Не менее важно и то, что в административном порядке инспекция контролирует техническое состояние транспортных средств и соблюдение правил эксплуатации. Это снижает риск аварий, вызванных неисправностями или слабой подготовкой водителей. Нельзя забывать и о профилактике как о еще одной линии защиты. Планомерная работа с правовой культурой участников движения понемногу наращивает доверие между людьми и правоохранительными органами.

В конечном счете правовые меры, посредством которых Госавтоинспекция осуществляет свою деятельность, никак не ограничиваются поимкой нарушителей. Вся конструкция задумана ради защиты законных интересов каждого участника дорожного движения. И сегодня эти меры все заметнее дополняются новыми технологиями мониторинга, что делает саму систему и современнее, и надежнее.

---

1. Кардашова И. Б. Документы стратегического планирования в сфере безопасности дорожного движения // Журнал «Безопасность дорожного движения». 2024. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dokumenty-strategicheskogo-planirovaniya-v-sfere-bezopasnosti-dorozhnogo-dvizheniya (дата обращения: 08.07.2026).
2. Майорова Е. Н., Полякова С. В. Международные инициативы ООН в области обеспечения безопасности дорожного движения на период до 2030 года // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4(39). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-initsiativy-oon-v-oblasti-obespecheniya-bezopasnosti-dorozhnogo-dvizheniya-na-period-do-2030-goda (дата обращения: 08.07.2026).
3. Полякова С. В. Стратегические приоритеты обеспечения безопасности участников дорожного движения // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 1(4). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskie-prioritety-obespecheniya-bezopasnosti-uchastnikov-dorozhnogo-dvizheniya (дата обращения: 08.07.2026).
4. Петров А. И. Динамика и прогноз обеспечения безопасности дорожного движения в России до 2030 г. // Проблемы прогнозирования. 2024. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-i-prognoz-obespecheniya-bezopasnosti-dorozhnogo-dvizheniya-v-rossii-do-2030-g (дата обращения: 07.07.2026).
5. Зейналов Ф. Н. К вопросу реализации основных направлений Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы // Право и политика. 2019. № 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-realizatsii-osnovnyh-napravleniy-strategii-bezopasnosti-dorozhnogo-dvizheniya-v-rossiyskoy-federatsii-na-2018-2024-gody (дата обращения: 03.07.2026).
8. Сунгатуллина К. А. Государственная политика в области безопасности дорожного движения // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 3(79).

URL: https:// cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-v-oblasti-bezopasnosti-dorozhnogo-dvizheniya (дата обращения: 06.07.2026).
9. Елагин А. Г. Стратегии обеспечения безопасности дорожного движения // Академическая мысль. 2018. № 3(4). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-obespecheniya-bezopasnosti-dorozhnogo-dvizheniya (дата обращения: 05.07.2026).
10. Амеличкин А. В. Некоторые особенности административно-правовой защиты прав и законных интересов пешеходов // Научный портал МВД России. 2022. № 4(60). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-administrativno-pravovoy-zaschity-prav-i-zakonnyh-interesov-peshehodov (дата обращения: 08.05.2026).

1. Kardashova I. B. Dokumenty` strategicheskogo planirovaniya v sfere bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Zhurnal «Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya». 2024. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dokumenty-strategicheskogo-planirovaniya-v-sfere-bezopasnosti-dorozhnogo-dvizheniya (data obrashheniya: 08.07.2026).
2. Majorova E. N., Polyakova S. V. Mezhdunarodny`e iniciativy` OON v oblasti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya na period do 2030 goda // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2023. № 4(39). URL: https://cyberleninka.ru /article/n/mezhdunarodnye-initsiativy-oon-v-oblasti-obespecheniya-bezopasnosti-dorozhnogo-dvizheniya-na-period-do-2030-goda (data obrashheniya: 08.07.2026).
3. Polyakova S. V. Strategicheskie prioritety` obespecheniya bezopasnosti uchastnikov dorozhnogo dvizheniya // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2015. № 1(4). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskie-prioritety-obespecheniya-bezo pasnosti-uchastnikov-dorozhnogo-dvizheniya (data obrashheniya: 08.07.2026).
4. Petrov A. I. Dinamika i prognoz obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossii do 2030 g. // Problemy` prognozirovaniya. 2024. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-i-prognoz-obespecheniya-bezopasnosti-dorozhnogo-dvizheniya-v-rossii-do-2030-g (data obrashheniya: 07.07.2026).
5. Zejnalov F. N. K voprosu realizacii osnovny`x napravlenij Strategii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossijskoj Federacii na 2018–2024 gody` // Pravo i politika. 2019. № 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-realizatsii-osnovnyh-napravleniy-strategii-bezopasnosti-dorozhnogo-dvizheniya-v-rossiyskoy-federatsii-na-2018-2024-gody (data obrashheniya: 03.07.2026).
8. Sungatullina K. A. Gosudarstvennaya politika v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Skif. Voprosy` studencheskoj nauki. 2023. № 3(79). URL: https:// cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-v-oblasti-bezopasnosti-dorozhnogo-dvizheniya (data obrashheniya: 06.07.2026).
9. Elagin A. G. Strategii obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Akademicheskaya my`sl`. 2018. № 3(4). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-obespecheniya-bezopasnosti-dorozhnogo-dvizheniya (data obrashheniya: 05.07.2026).
10. Amelichkin A. V. Nekotory`e osobennosti administrativno-pravovoj zashhity` prav i zakonny`x interesov peshexodov // Nauchny`j portal MVD Rossii. 2022. № 4(60). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-administrativno-pravovoy-zaschity-prav-i-zakonnyh-interesov-peshehodov (data obrashheniya: 08.05.2026).

Информация об авторе

Милана Александровна Боева. Профессор кафедры криминалистики и уголовно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент.

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

241050, Россия, г. Брянск, 2-й Советский переулок, 2А.

Information about the author

Milana A. Boeva. Professor of the Chair of Criminalistics and Criminal Law Disciplines, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russia named after V. V. Lukyanov.

241050, Russia, Bryansk, per. Vtoroy Sovetsky, 2A.

Статья поступила в редакцию 20.07.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.

The article was received in the editorial office on 20.07.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 342.9

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вайсергисер Елена Юрьевна[1], Ахметова Ирина Николаевна[2]
[1]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, России
[2]Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия

[1]ele-kuzminova@yandex.ru
[2]irina_itfk@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль органов внутренних дел в системе правового регулирования миграции в контексте миграционных реформ. Основное внимание уделено институциональным изменениям, включая создание Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан, которые позволили усилить контрольные и надзорные функции органов внутренних дел в сфере регулирования миграционных процессов. Авторы осуществляют анализ основных законодательных мер, направленных на минимизацию незаконного въезда и пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации; рассуждают о роли органов внутренних дел в системе соблюдения правовых основ внешних миграционных процессов. Особое внимание уделяется их цифровизации, межведомственному взаимодействию и интеграции мигрантов в жизнедеятельность общества нашей страны.

Ключевые слова: миграционная политика, российское миграционное законодательство, миграционные процессы, цифровизация, иностранные граждане, органы внутренних дел.

Для цитирования: Вайсергисер Е. Ю., Ахметова И. Н. Совершенствование механизма правового регулирования миграционных процессов в Российской Федерации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 128–136.

IMPROVING THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION OF MIGRATION PROCESSES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Elena Yu. Vajsergiser[1], Irina N. Akhmetova[2]
[1]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[2]East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia

[1]ele-kuzminova@yandex.ru
[2]irina_itfk@mail.ru

Annotation. The article examines the role of law enforcement agencies in the system of legal regulation of migration in the context of migration reforms. The main focus is on institutional changes, including the creation of a Service on issues of citizenship and registration of foreign citizens, which made it possible to strengthen the control and supervisory functions of the internal affairs bodies in the field of regulating migration processes. The authors analyze the main legislative measures aimed at minimizing illegal

entry and the staying of foreign citizens on the territory of the Russian Federation; they discuss the role of internal affairs bodies in the system of observing the legal foundations of external migration processes. Special attention is paid to their digitalization, interdepartmental interaction and integration of migrants into the life of our country's society.

Keywords: migration policy, Russian migration legislation, migration processes, digitalization, foreign citizens, internal affairs bodies.

For citation: Vajsergiser E. Yu., Akhmetova I. N. Improving the mechanism of legal regulation of migration processes in the Russian Federation // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 128–136.

Возрастающие миграционные потоки из государств с нестабильной политической обстановкой, расширение трансграничной мобильности населения и использование миграционных каналов в противоправных целях требуют выработки научно обоснованных и юридически выверенных механизмов административного реагирования. Привлечение квалифицированных специалистов и студентов из-за рубежа является приоритетным направлением. Это оказывает значительное влияние на социальное поведение и стабильность общества в целом.

В исследованиях К. В. Блохина рассматриваются международные аспекты миграционной политики в условиях политических и военных конфликтов [1, с. 27]. Исследование дает всестороннее представление о влиянии географических факторов на развитие туризма в России.

Д. В. Еловский и С. Н. Смирнов анализируют изменения в миграционных потоках на уровне регионов, что дает возможность оценить привлекательность различных территорий Российской Федерации в области миграции населения [2, с. 8].

Состояние российского миграционного законодательства вызывает определенные вопросы, и действующие правовые нормы являются предметом обсуждений и разногласий. Я. И. Солодских и А. В. Тавровский [3, с. 68] акцентируют внимание на необходимости достижения баланса между контролем над миграцией и потребностями национальной безопасности, а также на повышении эффективности правового регулирования в данной сфере.

Военный конфликт на Украине вынудил огромное количество человек покинуть свои дома. Для эффективной поддержки перемещенных лиц и их семей необходимо четкое разграничение понятий «вынужденный мигрант» и «гражданское население, эвакуирующееся из зоны активных боевых действий», а также создание специализированных органов. В настоящее время Министерство внутренних дел Российской Федерации играет ключевую роль в приеме и оказании помощи беженцам, оказавшимся в сложной ситуации [4, с. 9].

В вооруженных конфликтах международное гуманитарное право (далее – МГП) играет важнейшую роль в защите гражданского населения. Основой МГП являются Женевские конвенции 1949 года, регламентирующие обращение с ранеными, больными и военнопленными[1]. Особое внимание в четвертой конвенции уделяется защите гражданских лиц[2]. Дополнительные протоколы 1977 и 2005 годов усилили защиту гражданских лиц в военных конфликтах и уточнили положения Женевских конвенций.

Представляется обоснованным использование Закона РФ «О вынужденных переселенцах», который мог бы способствовать защите гражданского населения

[1] Конвенции и соглашения. Веб-сайт ООН. URL: https://www unorg/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisonersshtml (дата обращения: 20.03.2025).
[2] Там же.

в условиях специальной военной операции. Однако, несмотря на многолетний опыт применения, в настоящее время этот закон не применяется.

Изучение существующей нормативно-правовой базы демонстрирует, что законодательство Российской Федерации, в частности Закон «О вынужденных переселенцах»[3], обладает ресурсом для значительного повышения уровня защищенности гражданского населения в условиях военных конфликтов посредством проведения ряда целевых преобразований. Подобные преобразования способны обеспечить поддержку лицам, вынужденно покинувшим зоны боевых действий, и способствовать их адаптации к новым условиям проживания как на временной, так и на постоянной основе.

В контексте противодействия внешним опасностям приоритетной задачей Российской Федерации в области управления миграционными процессами является укрепление миграционного контроля, что в ряде ситуаций предполагает усиление контрольных мер. Актуальность данных мер существенно возросла в связи с участившимися случаями террористических актов, исполнителями которых выступают иностранные граждане, прибывающие на территорию России.

Примером недавней атаки служит террористический акт, произошедший в концертном зале «Крокус Сити Холл», расположенном в Красногорске, Московской области, 22 марта 2024 года [5]. Ответственность за данное деяние взяла на себя группировка «Вилаят Хорасан» (ИГИЛ-Х), являющаяся российским филиалом террористической организации.

С началом проведения специальной военной операции наблюдался существенный рост числа беженцев с территории Украины, что повлекло за собой ряд сложных проблем. Ограниченность ресурсов затрудняет идентификацию прибывающих лиц. Возрастает риск вовлечения некоторых из них в террористическую деятельность, совершение насильственных действий и присоединение к экстремистским организациям.

В 2022 году Дарья Дугина погибла в результате подрыва автомобиля, а в 2023 году было совершено покушение на Захара Прилепина, повлекшее гибель его водителя. Следствие установило причастность выходцев с Украины к этим преступлениям.

Назрела необходимость пересмотра миграционной политики. В этой связи возникает вопрос – как сейчас происходит оптимизация нормативно-правового воздействия на миграционные явления Российской Федерации?

Государственная Дума и Правительство Российской Федерации последовательно совершенствуют миграционное законодательство, внося коррективы в правила въезда и выезда иностранных граждан, порядок их регистрации и мониторинга их деятельности на территории страны.

С 2025 года вступили в силу значительные корректировки в государственной политике Российской Федерации, касающиеся усиления контроля за пребыванием иностранных граждан. Обновленные правила, начавшие действовать с января, внесли коррективы в различные элементы юридического положения мигрантов.

Наиболее заметным изменением в миграционной политике стало введение ограничений на безвизовый въезд для граждан иностранных государств. До 2025 года действовало положение, позволявшее им находиться на территории России суммарно до 180 суток в течение календарного года. С 1 января 2025 года максимальный период безвизового нахождения был уменьшен вдвое, до 90 дней[4].

---

[3] О вынужденных переселенцах: Закон Рос. Федерации от 19 февраля 1993 г. № 4530-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] О внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 15 января 2007 г. № 9: постановление Правительства Рос. Федерации от 4 декабря 2024 г. № 1715. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Предполагается, что данное ужесточение направлено на снижение объемов нелегальной трудовой миграции. В законодательство введено понятие «режим высылки», применимое к иностранным гражданам и апатридам, не имеющим законных оснований для пребывания в пределах Российской Федерации. Основанием для этого может служить истечение срока действия временного пребывания, завершение действия миграционных документов, на основании которых лицо находилось в стране, или аннулирование разрешения на временное проживание, а также документов, дающих право на осуществление трудовой деятельности на территории России. Упрощенный порядок выдворения из страны может быть использован в случае совершения административного правонарушения.

Постановлением Правительства от 04.12.2024 № 1715 [5], с 5 февраля 2025 года период временной регистрации для иностранцев ограничен одним годом. Кроме того, с 1 января 2025 года заметно возросла стоимость патентов для трудовых мигрантов. В Московской области, к примеру, размер ежемесячного платежа составляет 8 900 рублей.

Кроме того, согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 27.12.2024 № 1927[6], был учрежден общедоступный реестр работодателей, уличенных в незаконном найме работников, включая иностранных граждан. Данное положение вступает в силу с 1 января 2025 года.

В соответствии с Федеральным законом № 248-ФЗ, начиная с 5 февраля 2025 года право принятия решений об административном выдворении иностранных граждан передавать сотрудникам полиции.

С 5 февраля 2025 года в России начали действовать штрафные санкции за оказание услуг иностранцам, включенным в реестр контролируемых лиц [6, с. 141]. В реестр включаются нелегальные мигранты, которым до депортации или легализации их статуса запрещено менять место жительства, управлять транспортными средствами и осуществлять иную деятельность без разрешения МВД России, включая открытие банковских счетов, получение кредитов, заключение браков и регистрацию бизнеса.

За оказание таким иностранцам услуг, указанных в ч. 3 ст. 18.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), гражданам, должностным и юридическим лицам грозят штрафы. Еще в 2024 году в ряде российских регионов введено ограничение на количество рабочих мест, доступных для иностранных граждан.

На коллегии МВД России 4 марта 2026 г. в своем выступлении В. А. Колокольцев сказал: «Усилен контроль за соблюдением миграционного законодательства. В прошедшем году на 85 % возросло число привлеченных к административной ответственности иностранцев за уклонение от выезда. Это 285 тысяч человек. Более чем на четверть увеличилось количество покинувших Россию лиц, которым аннулированы разрешительные документы и сокращен срок временного пребывания, на 15 % – депортированных. На 28 % повысилась выявляемость органами внутренних дел фактов организации незаконной миграции. В связи с расторжением брака или признанием его недействительным в пять раз увеличилось число аннулированных разрешений на временное проживание и в восемнадцать – видов на жительство». Опять обратил внимание на миграционное законодательство, сказав при этом: «В ближайшей перспективе основные направления нормотворчества будут сосредоточены на ужесточении контроля

[5] О внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 15 января 2007 г. № 9: постановление Правительства Рос. Федерации от 4 декабря 2024 г. № 1715. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[6] Об утверждении Правил ведения реестра работодателей, у которых выявлены факты нелегальной занятости: постановление Правительства Рос. Федерации от 27 декабря 2024 г. № 1927. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

за миграционной сферой, противодействии IT-преступности, оптимизации административного и уголовного законодательства» [7].

С целью оптимизации управления миграционными потоками Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин подписал Указ от 02.04.2025 № 205 под названием «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции». Этот правовой акт, разработанный в ответ на выявленные недостатки и возросшую нагрузку, обусловленную в том числе внедрением Реестра контролируемых лиц, имеет целью упрощение процедур, связанных с оформлением гражданства и регистрацией иностранных подданных.

Основные положения Указа предусматривают: создание новой структуры для повышения эффективности работы в сфере миграции; поручение Правительству Российской Федерации в течение трех месяцев разработать предложения по оптимизации штатной численности органов внутренних дел и МВД России, привести нормативные акты в соответствие с положениями настоящего Указа, обеспечить финансовое обеспечение для его реализации; возложение на МВД России обязанности в трехмесячный срок осуществить необходимые организационные мероприятия; внесение изменений в действующие нормативные акты, регламентирующие миграционную политику; отмену отдельных положений предыдущих указов, что свидетельствует о пересмотре стратегий в управлении миграцией и контроле за наркотическими веществами. Указ вступил в силу с момента его подписания, 2 апреля 2025 года, и направлен на обеспечение более оперативного решения вопросов, касающихся получения гражданства и регистрации иностранных граждан, делая эти процессы более открытыми и доступными.

Начиная с 30 июня 2025 года все иностранные граждане, въезжающие в Российскую Федерацию, будут обязаны проходить биометрическую идентификацию. До 30 июня 2026 года вводится экспериментальная программа «цифрового профиля мигранта», реализованная посредством приложения RuID (официальное приложение, созданное для иностранных граждан и лиц без гражданства, планирующих въезд или уже находящихся на территории Российской Федерации), в целях упрощения доступа к различным миграционным сервисам. Введение указанных мер преследует цели повышения уровня адаптации иностранных граждан, усиления контроля за соблюдением норм российского законодательства и привлечения в страну квалифицированных специалистов.

Миграция как социально-правовое явление требует постоянного государственного контроля, поскольку нарушение установленных правил въезда, пребывания, трудовой деятельности иностранных граждан способно повлечь угрозу общественной безопасности, рост теневой экономики и увеличение нагрузки на государственные институты. В этой связи важнейшей задачей правоприменительной практики является обеспечение действенного механизма административной ответственности за миграционные правонарушения, который бы сочетал эффективность, гуманизм и соблюдение принципов законности [8].

Административная ответственность в сфере миграционного законодательства выполняет двойную функцию – карательную и превентивную. С одной стороны, она направлена на пресечение и наказание уже совершенных правонарушений, а с другой – на предупреждение новых случаев нарушений миграционного режима. Однако на современном этапе в системе административной ответственности наблюдаются существенные проблемы, связанные с несовершенством нормативного регулирования, неоднозначностью правоприменительной практики, низким уровнем правовой культуры участников миграционных отношений, а также недостаточной согласованностью деятельности государственных органов, обеспечивающих контроль за миграцией.

Одной из ключевых проблем является несоразмерность мер административного воздействия характеру и тяжести совершенных правонарушений. Наиболее распространенным видом наказания по статьям главы 18 КоАП РФ является штраф, который, как показывает практика, далеко не всегда выполняет превентивную функцию. Нередко

штрафы назначаются иностранным гражданам, не имеющим постоянного источника дохода, что делает их исполнение затруднительным. Более того, в ряде случаев уплата штрафа не сопровождается фактическим устранением нарушения, например при незаконном пребывании на территории России. В подобных ситуациях эффективность административной санкции оказывается минимальной [9, с. 143].

Другим актуальным вопросом остается проблема применения административного выдворения. Эта мера, предусмотренная статьей 3.10 КоАП РФ, является одной из наиболее строгих санкций в сфере миграционного законодательства. Ее сущность заключается в принудительном перемещении иностранного гражданина или лица без гражданства за пределы Российской Федерации, что, безусловно, затрагивает не только интересы государства, но и права самого выдворяемого лица. Несмотря на то что административное выдворение эффективно обеспечивает миграционную дисциплину, оно вызывает множество вопросов, связанных с его правомерностью, гуманностью и исполнением. Часто выдворение невозможно реализовать по объективным причинам: отсутствуют документы, подтверждающие личность нарушителя, нет возможности взаимодействия с государством его гражданства либо иностранное государство отказывается принимать своих граждан обратно. В таких случаях лицо вынуждено содержаться в специальных учреждениях временного пребывания, что увеличивает нагрузку на государственные ресурсы и создает социально-правовые риски.

Серьезной проблемой является и недостаточная дифференциация административных составов правонарушений. КоАП РФ предусматривает одинаковые санкции за нарушения, имеющие различную степень общественной опасности. Так, нарушение правил регистрации и фиктивная постановка на учет нередко караются аналогичным образом, хотя по своей сути данные деяния существенно различаются. Отсутствие гибкой системы административных наказаний приводит к тому, что лица, совершившие малозначительные проступки, подвергаются тем же мерам, что и злостные нарушители миграционного режима. Это снижает доверие к институту административной ответственности и вызывает критику со стороны правозащитного сообщества.

Немаловажной проблемой остается и пробел в законодательстве, касающийся статуса иностранных граждан, находящихся в России в сложной правовой ситуации, например: утерявших документы, истекших сроков виз или разрешений на пребывание. В настоящее время законодательство не содержит достаточного механизма легализации таких лиц, что вынуждает их оставаться в «серой зоне» правового поля. Это способствует росту числа правонарушений, увеличивает нагрузку на правоохранительные органы и способствует развитию нелегальной миграции.

Особое внимание следует уделить административной ответственности работодателей и юридических лиц, незаконно привлекающих иностранных граждан к трудовой деятельности. На практике большое количество предприятий использует труд мигрантов без оформления необходимых документов, что позволяет им снижать издержки, но одновременно способствует развитию теневого рынка труда и снижению уровня социальной защиты работников. Статья 18.15 КоАП РФ устанавливает ответственность за незаконное привлечение иностранной рабочей силы, однако эффективность ее применения зависит от реальности контроля со стороны органов внутренних дел и инспекций труда. Несмотря на высокий уровень выявляемости данных нарушений, повторность их совершения остается значительной, что свидетельствует о недостаточной строгости санкций и слабом механизме их исполнения.

Существенную проблему представляет и несогласованность деятельности различных органов власти, участвующих в контроле за миграционными процессами. МВД России, прокуратура, миграционные подразделения, службы судебных приставов и органы местного самоуправления зачастую действуют несистемно, что приводит к дублированию функций, затягиванию административных процедур и снижению эф-

фективности надзора. Отсутствие единой межведомственной базы данных о нарушителях миграционного режима затрудняет взаимодействие между структурами и препятствует своевременному выявлению повторных правонарушений [10, с. 61].

Кроме того, сохраняется низкий уровень правовой информированности иностранных граждан, прибывающих на территорию России. Многие из них не владеют русским языком, не знают требований российского законодательства, не понимают правил регистрации и получения разрешительных документов. Отсутствие элементарных знаний в области миграционного права становится причиной массовых нарушений, которые совершаются не по злому умыслу, а из-за незнания закона. Следовательно, решение данной проблемы требует активизации профилактической работы и системного правового информирования мигрантов на ранних стадиях их пребывания в стране.

Пути совершенствования административной ответственности за миграционные правонарушения предполагают комплексный подход, сочетающий законодательные, организационные и информационные меры [8, с. 60]. Во-первых, необходимо пересмотреть систему санкций, установленных КоАП РФ, с целью их большей индивидуализации. Для малозначительных правонарушений целесообразно шире применять предупреждение и минимальные штрафы, тогда как для грубых нарушений, сопряженных с угрозой общественной безопасности, следует усиливать ответственность, включая возможность административного ареста или выдворения.

Во-вторых, требуется усовершенствовать механизм исполнения наказаний. Прежде всего, необходимо модернизировать инфраструктуру специальных учреждений для временного содержания выдворяемых лиц, внедрить электронные системы контроля за их пребыванием, а также развивать международное сотрудничество в сфере реадмиссии. Совместная работа с иностранными государствами по ускорению процедур выдворения позволит снизить нагрузку на российские органы власти и повысить эффективность реализации решений судов.

В-третьих, важно развивать правовое просвещение мигрантов. Это может быть достигнуто через создание информационных центров при пунктах въезда, в миграционных подразделениях и на крупных предприятиях, где трудятся иностранные работники. Распространение брошюр, проведение консультаций и правовых семинаров позволят снизить уровень правонарушений, совершенных по неосторожности или незнанию.

Также особое внимание следует уделить цифровизации миграционного контроля. Внедрение единой государственной платформы, объединяющей данные МВД России, Минтруда, ФНС и ФСБ, обеспечит эффективный мониторинг перемещений и статуса иностранных граждан. Использование технологий искусственного интеллекта и автоматизированных систем учета будет способствовать оперативному выявлению нарушений, контролировать сроки пребывания и предотвращать фиктивные регистрации.

Таким образом, административная ответственность за миграционные правонарушения остается важнейшим инструментом обеспечения законности и безопасности государства. Однако существующие проблемы: несоразмерность наказаний, сложности их исполнения, пробелы в законодательстве и низкий уровень правовой культуры – требуют комплексного реформирования. Решение этих вопросов возможно только при условии согласованных действий всех государственных органов, совершенствования правовой базы, развития международного сотрудничества и внедрения инновационных технологий управления миграцией. Реализация указанных мер позволит повысить эффективность правоприменения, укрепить правопорядок и обеспечить баланс между интересами государства и правами человека в сфере миграционных отношений.

Подводя итоги, уместно обратить внимание на недостаточность ресурсов административного фонда, неподготовленность к разного рода сопутствующим «отягчающим» событиям и т. д. Кроме того, подготовка к событиям такого масштаба требует

соразмерного финансирования, что в современных геополитических, экономических и социальных условиях представляется задачей достаточно сложной.

1. Блохин К. В. Россия и Запад. Военно-политический конфликт 2022 года. Меняя правила игры // Свободная мысль. 2022. № 2(1692). С. 25–34.
2. Еловский Д. В. В 2022 году произошли значительные изменения миграционных потоков в ЦФО // Региональные комментарии. 2022. 29 дек. С. 5–18.
3. Солодских Я. И. Совершенствование регулирования миграционной политики России в аспекте обеспечения национальной безопасности // Юридическая наука. 2023. № 7. С. 67–71.
4. Фадеев А. Е., Абасян Р. К. Из опыта работы пункта временного размещения для лиц, вынужденных покинуть территорию Украины, ДНР, ЛНР и экстренно прибывших на территорию РФ в массовом порядке // Globus: гуманитарные науки, 2022. Т. 8. № 2(40). С. 7–13.
5. Теракт в «Крокус Сити Холле». Главное. URL: https://www.rbc.ru /society/28/03/2024/65fdc5279a7947060de78e08 (дата обращения: 20.03.2025).
6. Информационный интернет-портал «МВД МЕДИА». URL: https://mvdmedia.ru/ news/official/vystuplenie-vladimira-kolokoltseva-naasshirennom-zasedanii-kollegii-mvd-rossii-2026.
7. Сытников В. О. Некоторые вопросы административной ответственности иностранного гражданина за нарушение законодательства в миграционной сфере // Экономика и право в России и мире. 2024. С. 139–143.
8. Юшина К. А. Миграционная политика России: этапы становления и современное состояние // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 136–143.
9. Басик В. П. Правовой статус граждан и иностранцев на территории Российской Федерации: социально-правовые основы и сравнительный анализ: диссертация доктора юридических наук. М., 2006. 62 с.
10. Данилец И. В. Административная ответственность за нарушение миграционного законодательства в современной России в контексте обеспечения государственной и общественной безопасности // Интернаука. 2024. № 10-3(327). С. 59–61.

1. Bloxin K. V. Rossiya i Zapad. Voenno-politicheskij konflikt 2022 goda. Menyaya pravila igry` // Svobodnaya my`sl`. 2022. № 2(1692). S. 25–34.
2. Elovskij D. V. V 2022 godu proizoshli znachitel`ny`e izmeneniya migracionny`x potokov v CzFO // Regional`ny`e kommentarii. 2022. 29 dek. S. 5–18.
3. Solodskix Ya. I. Sovershenstvovanie regulirovaniya migracionnoj politiki Rossii v aspekte obespecheniya nacional`noj bezopasnosti // Yuridicheskaya nauka. 2023. № 7. S. 67–71.
4. Fadeev A. E., Abasyan R. K. Iz opy`ta raboty` punkta vremennogo razmeshheniya dlya licz, vy`nuzhdenny`x pokinut` territoriyu Ukrainy`, DNR, LNR i e`kstrenno priby`vshix na territoriyu RF v massovom poryadke // Globus: gumanitarny`e nauki, 2022. T. 8. № 2(40). S. 7–13.
5. Terakt v «Krokus Siti Xolle». Glavnoe. URL: https://www.rbc.ru/society/ 28/03/2024/65fdc5279a7947060de78e08 (data obrashheniya: 20.03.2025).
6. Informacionny`j internet-portal «MVD MEDIA». URL: https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-vladimira-kolokoltseva-naasshirennom-zasedanii-kollegii-mvd-rossii-2026.
7. Sy`tnikov V. O. Nekotory`e voprosy` administrativnoj otvetstvennosti inostrannogo grazhdanina za narushenie zakonodatel`stva v migracionnoj sfere // E`konomika i pravo v Rossii i mire. 2024. S. 139–143.

8. Yushina K. A. Migracionnaya politika Rossii: e`tapy` stanovleniya i sovremennoe sostoyanie // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2025. № 3(104). S. 136–143.
9. Basik V. P. Pravovoj status grazhdan i inostrancev na territorii Rossijskoj Federacii: social`no-pravovy`e osnovy` i sravnitel`ny`j analiz: dissertaciya doktora yuridicheskix nauk. M., 2006. 62 s.
10. Danilecz I. V. Administrativnaya otvetstvennost` za narushenie migracionnogo zakonodatel`stva v sovremennoj Rossii v kontekste obespecheniya gosudarstvennoj i obshhestvennoj bezopasnosti // Internauka. 2024. № 10-3(327). S. 59–61.

Информация об авторах

Елена Юрьевна Вайсергисер. Доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД, кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Ирина Николаевна Ахметова**.** Доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД, кандидат юридических наук, доцент.
Восточно-Сибирский институт МВД России.
664074**,** Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Information about the authors

Elena Yu. Vaisergiser. Assistant Professor of the Chair of Administrative Law and Administrative Activities of the Interior Ministry, Candidate of Sciences (Law).
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova St., 2.

Irina N. Akhmetova. Assistant Professor of the Chair of Administrative Law and Administrative Activities of the Interior Ministry, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
664074, Russia, Irkutsk, Lermontov St., 110.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 02.04.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 02.04.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 342.7

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОПОРЯДКА

Волошина Олеся Павловна
Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, Брянск, Россия

olesay.volosnina32@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема интеграции человеческого фактора в механизм обеспечения публично-правовой безопасности. Автор обосновывает тезис о том, что морально-психологическая устойчивость личности и социальных групп выступает не просто условием, но сущностным элементом правопорядка. На основе междисциплинарного подхода (теория права, административное право, юридическая психология, социология безопасности) анализируются деформации правосознания как источник угроз публичной безопасности. Предлагаются концептуальные направления повышения устойчивости системы через формирование просоциального правового поведения и совершенствование кадровой политики в правоохранительной сфере. Особое внимание уделяется феномену «резильентности» правовой системы.

Ключевые слова: человеческий фактор, публично-правовая безопасность, морально-психологическая устойчивость, правопорядок, правосознание, деформации правосознания, юридическая психология, профилактика правонарушений.

Для цитирования: Волошина О. П. Человеческий фактор в системе публично-правовой безопасности: морально-психологическая устойчивость как элемент правопорядка // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 137–143.

THE HUMAN FACTOR IN THE SYSTEM OF PUBLIC-LEGAL SECURITY: MORAL AND PSYCHOLOGICAL STABILITY AS AN ELEMENT OF LAW AND ORDER

Olesya P. Voloshina
Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russia named after V. V. Lukyanov, Bryansk, Russia

olesay.volosnina32@gmail.com

Annotation. This article examines the pressing issue of integrating the human factor into the mechanism for ensuring public legal security. The author argues that the moral and psychological stability of individuals and social groups is not simply a prerequisite, but an essential element of the rule of law. Drawing on an interdisciplinary approach (legal theory, administrative law, legal psychology, and the sociology of security), the article analyzes distortions in legal consciousness as a source of threats to public security. Conceptual approaches for increasing the system's resilience through the development of prosocial legal behavior and the improvement of personnel policies in law enforcement

are proposed. Particular attention is paid to the phenomenon of «resilience» of the legal system.

Keywords: human factor, public-legal security, moral and psychological stability, law and order, legal consciousness, deformations of legal consciousness, legal psychology, crime prevention.

For citation: Voloshina O. P. The human factor in the system of public-legal security: moral and psychological stability as an element of law and order // Scientific Bulletin of the Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 3(108). P. 137–143.

Проблема обеспечения правопорядка традиционно находится в фокусе внимания юридической науки и практики. На протяжении десятилетий доминирующим оставался институциональный подход, при котором правопорядок понимался преимущественно как система правоотношений, складывающихся под воздействием нормативно-правовых актов и деятельности правоохранительных органов. Современная теория публично-правовой безопасности переживает этап методологической трансформации. Однако эффективность правового регулирования определяется не только количеством принятых законов или строгостью санкций, но и глубиной восприятия правовых предписаний личностью, готовностью добровольно следовать им даже в условиях отсутствия внешнего контроля.

Долгое время доминировавший институционально-нормативный подход, при котором безопасность понималась преимущественно как состояние защищенности, обеспечиваемое системой государственных органов и формальных правовых запретов, обнаруживает свою недостаточность [1, с. 51]. Кризисы правопорядка последних десятилетий, рост субъективных рисков, гибридные угрозы (включая информационно-психологические) демонстрируют, что слабым звеном любой системы безопасности является человек – как в роли носителя правопорядка (например, сотрудник органов внутренних дел), так и в роли его адресата (гражданин).

В последние годы нарастает понимание того, что устойчивость правопорядка имеет глубокий антропологический и психологический фундамент. В условиях социальной нестабильности, информационного давления и трансформации традиционных ценностей особую значимость приобретает морально-психологическая устойчивость (далее – МПУ) граждан. Данная категория, ранее активно разрабатываемая в военной психологии и педагогике, сегодня приобретает общее социально-правовое значение. Она выступает тем внутренним «каркасом», который позволяет личности сохранять приверженность правовым нормам, противостоять соблазнам противоправного поведения и деструктивным внешним воздействиям.

Данное исследование обусловлено тем, что человеческий фактор в системе публично-правовой безопасности долгое время рассматривался либо как источник «помех» (ошибки, нарушения дисциплины), либо сводился к проблеме профессиональной деформации сотрудников. Однако в условиях цифровизации и роста социальной напряженности именно морально-психологическая устойчивость личности становится тем невидимым ресурсом, который определяет эффективность правового регулирования.

Следовательно, целью автора будет обоснование концепции морально-психологической устойчивости как имманентного (внутренне присущего) элемента правопорядка, выявление структурных компонентов МПУ, влияющих на правовое поведение, и предложение путей интеграции данного концепта в теорию права и правоприменительную практику.

Для достижения поставленной цели требуется выход за пределы узкоюридического подхода. Правопорядок в современном понимании – это не статичная система, а динамическое состояние упорядоченности общественных отношений, основанное на праве и законности.

Известный теоретик В. В. Лазарев определяет правопорядок как «состояние упорядоченности общественных отношений, основанных на праве и законности» [2, с. 43].

Реализация гражданами своих юридических обязанностей позволяет не допускать нарушения прав и свобод других граждан, избегать преступлений и таким образом поддерживать правопорядок в обществе. М. О. Мирошниченко и Г. В. Тарасенко утверждают, что «правопорядок является результатом реализации юридических норм. Он означает реальное обеспечение и реализацию субъективных прав, соблюдение юридических обязанностей всеми гражданами, должностными лицами, органами и организациями» [3, с. 198].

По мнению М. Л. Репкина, «правовой порядок представляет собой не столько управляемую государством, сколько самоорганизующую систему» [4, с. 38].

Таким образом, правопорядок – это не просто абстрактное понятие или цель правового регулирования, а фактическое состояние правовой жизни общества, которое характеризуется внутренней согласованностью, упорядоченностью системы правовых отношений. Он складывается из правомерного поведения субъектов, то есть такого поведения, которое урегулировано нормами права и достигло цели правового регулирования.

Однако правомерное поведение личности не может быть сведено исключительно к законопослушанию из страха наказания. Классическая теория права выделяет три типа правомерного поведения: социально активное, конформистское и маргинальное. Социально активное поведение, основанное на глубокой интернализации правовых норм и совпадении личных убеждений с требованиями закона, является наиболее надежным гарантом правопорядка. Именно формирование этого типа поведения напрямую зависит от уровня морально-психологической устойчивости индивида.

Понятие «морально-психологическая устойчивость» имеет междисциплинарный характер. В психологической науке под устойчивостью понимается способность личности сохранять оптимальное функционирование, противостоять фрустрирующим факторам и сохранять направленность деятельности. Добавление морального компонента акцентирует ценностно-нормативный аспект: устойчивость базируется на системе этических принципов, которые выступают внутренним регулятором поведения.

В свою очередь, морально-психологическая устойчивость в широком смысле представляет собой интегративное свойство личности (или социальной группы), обеспечивающее сохранение и реализацию правомерного поведения в условиях внешних и внутренних дестабилизирующих факторов. В структуре морально-психологической устойчивости применительно к правовой сфере можно выделить следующие компоненты:

1. Когнитивный (правосознание), который предполагает знание правовых норм, понимание их социальной ценности, осознание последствий правонарушений. Однако знания сами по себе недостаточны – они должны быть переведены во внутреннюю позицию.

2. Ценностно-мотивационный компонент включает в себя иерархию ценностей, в которой закон и право занимают высокое место; мотивацию правомерного поведения (внутреннюю, внешнюю позитивную или негативную); усвоение правовых и моральных норм, сформированное правосознание. Ключевым здесь является наличие антикриминальных ценностных барьеров – внутренних запретов, сформированных на основе морали.

3. Эмоционально-волевой компонент отражает способность личности к саморегуляции, умению справляться с эмоциональным напряжением (стрессоустойчивость), гневом, страхом, сопротивление манипуляциям, которые могут провоцировать агрессивное или делинквентное поведение. Высокий уровень волевого контроля позволяет воздерживаться от противоправных поступков даже в состоянии аффекта или под влиянием группы.

4. Поведенческий (правовая активность) компонент реализуется в привычке соблюдать закон, в устойчивых паттернах правомерного поведения, в готовности противостоять правонарушениям (активная гражданская позиция в защите правопорядка).

Необходимо также выделить многообразие функций морально-психологической устойчивости в системе правопорядка:

– профилактическая препятствует переходу латентной преступности в реальные деяния, блокирует криминальные намерения;

– интегративная функция объединяет граждан на основе разделяемых правовых и моральных ценностей, формирует доверие к правовой системе;

– регулятивная дополняет государственное принуждение внутренней саморегуляцией, снижая нагрузку на правоохранительные органы;

– адаптивная функция обеспечивает стабильность правопорядка в кризисных условиях, когда институциональные механизмы могут ослабевать.

В контексте публично-правовой безопасности человеческий фактор выступает в двух ипостасях:

– субъектная, когда государственные служащие, сотрудники силовых структур, судьи, чьи морально-психологические качества напрямую влияют на легитимность государственного принуждения;

– объектная, когда население, чье доверие к праву, уровень правового нигилизма или, напротив, правовой активности формируют реальный баланс порядка и хаоса.

Обратной стороной морально-психологической устойчивости выступают ее деформации, которые создают благоприятную почву для правонарушений. Криминология давно установила, что преступность коренится не только в социально-экономических условиях, но и в особенностях личности. Деформации морально-психологической устойчивости могут проявляться в следующих формах:

1. Правовой нигилизм – это крайняя форма деформации правосознания, выражающаяся в отрицании социальной ценности права, неуважении к закону, при этом когнитивный компонент может быть развит (лицо знает закон), но ценностно-мотивационный компонент антагонистичен правовым предписаниям.

2. Моральная дезориентация проявляется в размывании системы этических ориентиров, релятивизация добра и зла. В условиях моральной неопределенности личность становится уязвимой для криминальной субкультуры, где действуют иные «правила игры».

3. Снижение волевой саморегуляции характерно для ситуативной преступности, когда лицо не имеет устойчивой криминальной установки, но оказывается неспособным подавить импульс в конфликтной ситуации. Импульсивность, агрессивность, низкий уровень самоконтроля – психологические предикторы правонарушений.

4. Виктимная деформация или неустойчивость личности делает человека не только потенциальным правонарушителем, но и жертвой преступления. Отсутствие морально-психологической устойчивости проявляется в доверчивости, внушаемости, неспособности распознать противоправные посягательства.

Правовой нигилизм, инфантилизм и идеализм создают ситуацию, при которой формальное существование закона не влечет его фактической реализации. Особую опасность представляет «серая зона» правосознания, где граждане признают легитимность закона лишь постольку, поскольку он соответствует их сиюминутным интересам. В условиях кризиса (экономического, геополитического) эта деформация перерастает в аномию – разрушение нормативной системы ценностей, что напрямую коррелирует с ростом девиантного поведения.

Особую опасность представляют групповые формы деформации. В социальных группах с низким уровнем морально-психологической устойчивости формируется конформное принятие криминальных норм. Феномен «деиндивидуализации» в толпе или организованной группе приводит к совершению деяний, которые индивид никогда бы не совершил в одиночку.

Следовательно, достаточно легко проследить взаимосвязь морально-психологической устойчивости и правопорядка, которые опосредуются рядом социально-психологических механизмов. Рассмотрим ключевые из них.

Механизм интернализации правовых норм. Правопорядок достигает своего высшего уровня развития тогда, когда внешние требования закона становятся внутренними убеждениями личности. Интернализация проходит стадии: ознакомление → принятие → идентификация. На стадии идентификации личность не просто соблюдает закон, но идентифицирует себя как законопослушного гражданина, и нарушение закона вызывает когнитивный диссонанс, противоречие «образу Я».

Механизм социальной фасилитации и ингибиции. Морально-психологическая устойчивость играет роль социального ингибитора противоправного поведения. Лица с высоким уровнем морально-психологической устойчивости способны оказывать позитивное влияние на референтную группу, выступая «нравственным барьером» для распространения криминальных установок. И наоборот, снижение устойчивости в среде способствует эффекту «заражения» противоправными моделями поведения.

Механизм легитимации правовых институтов. Согласно теории институционального доверия, устойчивость правопорядка напрямую зависит от доверия граждан к суду, полиции, правовой системе в целом. Морально-психологическая устойчивость предполагает критическое, но уважительное отношение к институтам власти. Деформация устойчивости ведет к делегитимации – утрате доверия, что провоцирует самоуправство, самосуды, уход в теневые практики разрешения конфликтов.

Нельзя не упомянуть и о профессиональной деформации субъектов обеспечения безопасности, так как многолетние исследования в юридической психологии А. Р. Ратинова и А. М. Столяренко фиксируют феномен профессиональной деформации сотрудников правоохранительных органов. Чаще всего она проявляется:

– в гипертрофии обвинительного уклона (синдром «подозрительности»);

– в эмоциональном выгорании и, как следствие, формализме в работе;

– в принятии «полицейской субкультуры», противостоящей гражданскому обществу.

Такая деформация приводит к нарушению принципа публичности – закрытости ведомств, недоверию населения, что разрушает социальную основу правопорядка [5, с. 178]. Правопорядок, обеспеченный только силой, без морального авторитета власти является неустойчивым.

Изучение профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов указывает на возрастающую роль психологии в исследовании причин, факторов, способствующих девиантному поведению личности и группы. Значительную тревогу у общества вызывают проблемы своевременной диагностики, профилактики и коррекции девиантного поведения сотрудников полиции [6, с. 155].

Следовательно, с учетом двойственной природы человеческого фактора (субъекты обеспечения и население) механизмы укрепления морально-психологической устойчивости должны быть дифференцированными.

Для разрешения выявленных противоречий и превращения человеческого фактора из источника уязвимости в ресурс безопасности представляется целесообразным реализовать следующие направления:

1. Антропологическая экспертиза законодательства [7, с. 31]. Введение обязательной процедуры оценки законопроектов не только с позиции финансовых и экономических последствий, но и с точки зрения их влияния на психологическое состояние граждан, уровень тревожности и правовую мотивацию. Закон, воспринимаемый большинством как несправедливый, подрывает МПУ населения.

2. Внедрение стандартов «человекоцентричности» в административной деятельности [8, с. 102]. Переход от модели «палочной» системы к модели оценки по критериям «удовлетворенность граждан», «уровень доверия», «сохранение морального здоровья

личного состава». Это требует изменения ведомственных нормативных актов, регламентирующих оценку эффективности.

3. Развитие института психологической безопасности в трудовых коллективах правоохранительных органов [9, с. 114]. Закрепление на законодательном уровне права сотрудника на психологическую реабилитацию после участия в стрессовых ситуациях, а также создание системы раннего выявления признаков профессиональной деформации (на уровне медицинских осмотров и психологического тестирования).

4. Формирование консолидированной правовой идеологии. В условиях мировоззренческого плюрализма необходимо определение базовых нравственных ценностей (справедливость, честь, достоинство), разделяемых государством и обществом. Эти ценности должны быть не декларативными, а встроенными в образовательные программы (от школ до ведомственных вузов) и в систему поощрений.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что человеческий фактор в системе публично-правовой безопасности перестает быть периферийной категорией. Морально-психологическая устойчивость является не просто желательным качеством сотрудников правоохранительных органов или сознательных граждан, а системообразующим элементом правопорядка.

Правопорядок, не опирающийся на устойчивое правосознание и моральную волю, оказывается хрупкой конструкцией, которая рушится под давлением внешних манипуляций или внутренних кризисов. Напротив, интеграция антропологического измерения в теорию публичной безопасности позволяет увидеть правопорядок как живой социальный организм, способный к самовосстановлению (резильентности).

---

1. Герасимович Л. И. Теоретико-правовые аспекты национальной безопасности Российской Федерации // Образование и право. 2018. № 5. С. 51–58.
2. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. 520 с.
3. Мирошниченко М. О., Тарасенко Г. В. Правовой порядок: понятие и структура // Наука и современность. 2016. № 44. С. 192–201.
4. Репкин М. Л. Новое понятие местного правопорядка в российской юриспруденции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 2(5). С. 37–47.
5. Татидинова Т. Г., Галкина Н. Ю. Профессиональная деформация личности сотрудника органов внутренних дел: теоретические аспекты // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3(37). С. 175–182.
6. Шарафутдинова Н. В. Проблема диагностики и профилактики девиантного поведения личности // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 4. С. 154–156.
7. Кибак И. А. Психологическая экспертиза законопроектов в законотворческом процессе // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 6. С. 27–31.
8. Соловьев В. А. Человекоцентричность в публичном управлении: научный дискурс и современные российские практики // Вопросы государственного и муниципального управления. 2025. № 4. С. 86–109.
9. Иноземцев С. В. Обеспечение психологической безопасности сотрудников органов внутренних дел // Автономия личности. 2022. № 1(27). С. 113–118.

1. Gerasimovich L. I. Teoretiko-pravovy`e aspekty` nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Obrazovanie i pravo. 2018. № 5. S. 51–58.
2. Obshhaya teoriya prava i gosudarstva: uchebnik / pod red. V. V. Lazareva. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Yurist``, 2001. 520 s.

3. Miroshnichenko M. O., Tarasenko G. V. Pravovoj poryadok: ponyatie i struktura // Nauka i sovremennost`. 2016. № 44. S. 192–201.
4. Repkin M. L. Novoe ponyatie mestnogo pravoporyadka v rossijskoj yurisprudencii // Yuridicheskaya nauka i pravooxranitel`naya praktika. 2008. № 2(5). S. 37–47.
5. Tatidinova T. G., Galkina N. Yu. Professional`naya deformaciya lichnosti sotrudnika organov vnutrennix del: teoreticheskie aspekty` // Yuridicheskaya nauka i pravooxranitel`naya praktika. 2016. № 3(37). S. 175–182.
6. Sharafutdinova N. V. Problema diagnostiki i profilaktiki deviantnogo povedeniya lichnosti // Psixologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel`nosti. 2020. № 4. S. 154–156.
7. Kibak I. A. Psixologicheskaya e`kspertiza zakonoproektov v zakonotvorcheskom processe // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2010. № 6. S. 27–31.
8. Solov`ev V. A. Chelovekocentrichnost` v publichnom upravlenii: nauchny`j diskurs i sovremenny`e rossijskie praktiki // Voprosy` gosudarstvennogo i municipal`nogo upravleniya. 2025. № 4. S. 86–109.
9. Inozemcev S. V. Obespechenie psixologicheskoj bezopasnosti sotrudnikov organov vnutrennix del // Avtonomiya lichnosti. 2022. № 1(27). S. 113–118.

Информация об авторе

Олеся Павловна Волошина. Старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, кандидат юридических наук.

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

241050, Россия, г. Брянск, 2-й Советский пер., 2а.

Information about the author

Olesya P. Voloshina. Senior Teacher, Chair of Social Sciences and Humanities, Candidate of Sciences (Law).

Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russia named after V. V. Lukyanov.

241050, Russia, Bryansk, per. Vtoroy Sovetsky, 2A.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.

The article was received in the editorial office on 22.06.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 342.413

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ЕДИНОГО ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ

Глущенко Сергей Николаевич
Академия управления МВД России, Москва, Россия

gluwenko-900@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются зарождение и развитие понятия «единое правовое пространство» в отечественной юриспруденции; исследуются его роль и значение в конституционно-правовой доктрине Российской Федерации; даны основные характеристики и выявлены сущностные черты единого правового пространства.

Ключевые слова: власть, единство правового пространства, правовые основы единства правового пространства, единое правовое пространство, конституционно-правовая доктрина, Конституция Российской Федерации.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России доктора юридических наук, доцента Киричек Е. В.

Для цитирования: Глущенко С. Н. Понятие и сущность единого правового пространства в конституционно-правовой доктрине // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 144–151.

THE CONCEPT AND ESSENCE OF A UNIFIED LEGAL SPACE IN THE CONSTITUTIONAL LAW DOCTRINE

Sergey N. Glushchenko
Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia

gluwenko-900@mail.ru

Annotation. The article examines the emergence and development of the concept of a unified legal space in Russian jurisprudence, explores its role and significance in the constitutional legal doctrine of the Russian Federation, and provides main characteristics and essential features of the unified legal space.

Keywords: power, unity of the legal space, legal foundations of the unity of the legal space, unified legal space, constitutional and legal doctrine, Constitution of the Russian Federation.

Gratitude: The work was carried out with the support of the scientific supervisor, Head of the Department of State and Legal Disciplines at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor E. V. Kirichek.

For citation: Glushchenko S. N. The concept and essence of a unified legal space in the constitutional legal doctrine // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 144–151.

Термин «доктрина» является многозначным, в зависимости от контекста под ним понимают руководящие теоретические или политические принципы, научные или философские теории, системы, учение. Под правовой доктриной в самом общем смысле слова понимают научную теорию, учение. Также ее признают формой права, источником права в идеальном смысле, который относится к различным правовым учениям, теориям и идеалам. В более широком смысле доктрина – это уникальная комбинация академических положений, совокупность научных взглядов, официально признанных государством, которая выполняет функцию формально-юридически закрепленного руководства для разработки конституции государства, а не просто благочестивого стремления [1, с. 86].

По мнению Т. М. Пряхиной, доктрина признается доктриной только после ее официального утверждения, поэтому доктрина – это научная теория, официально утвержденная путем реализации положений политических концепций, правовых актов, договорных норм и велений государства [2, с. 10]. Цель доктрины – утверждать, распространять и в некоторых случаях внедрять на практике идеи, составляющие ее содержание [3, с. 191]. Доктрина является одним из источников права не только в семье общего права, но даже в континентальной правовой семье (и в правовой системе современной России) [1, с. 86].

Значение правовой доктрины отмечали еще Р. Давид и К. Жоффре-Спинози, утверждая, «<…> именно доктрина создает словарь и правовые понятия, которыми пользуется законодатель. Важна роль доктрины в установлении тех методов, с помощью которых открывают право и толкуют законы. Добавим к этому влияние, которое доктрина может оказывать на самого законодателя; последний часто лишь выражает те тенденции, которые установились в доктрине, и воспринимает подготовленные ею предложения» [4, с. 106].

Наиболее полно развитой признается доктрина конституционного права – из-за концептуального характера положений самого основного закона и его прямой связи с развитием права, концептуальностью положений Конституции, непосредственной связью ее с достижениями юриспруденции. Конституционно-правовая доктрина представляет собой совокупность философских и правовых идеалов, определяющих направление развития государства и общества, а также правовой системы государства, воплощенных в Конституции и других законодательных актах. Кроме того, конституционная доктрина – определяющее направление конституционной политики, а также один из видов источников науки конституционного права [1, с. 85–86]. Теория конституционных исследований показывает четкое направление конституционной политики и является одним из источников конституционных исследований.

При определенных условиях конституционная доктрина как центральная связующая точка может стать конституционно-правовой основой для создания конституционного правопорядка, соответствующего современным политическим и правовым потребностям общества и государства.

Один из базовых принципов конституционной доктрины России – это, безусловно, принцип единства правового пространства. Свое закрепление он нашел в ч. 2 ст. 4 Конституции: «Конституция Российской Федерации (далее – РФ) и федеральные законы имеют верховенство на всей территории РФ». Свое развитие он получил в ч. 5 ст. 76 Конституции РФ, по которой нормативно-правовые акты субъектов РФ не могут противоречить действующим в России федеральным законам, принятым и опубликованным в порядке, установленном Конституцией РФ.

Понятие единства включает «цельность, неразрывность», «общность, солидарность, неделимость». Единство является важной характеристикой правового пространства, гарантирующей целостность государства, безопасность личности, а также гражданского общества [5, с. 68].

В то же время следует отметить, что понятие «единство правового пространства» не закреплено в законодательстве, не используется в Конституции, и поэтому является доктринальным.

Для федеративного государства (в том числе и для России) единство правового пространства имеет особое значение. Поэтому с момента принятия Конституции Российской Федерации сразу началось изучение проблемы единства правового пространства в России.

Хотя в какой-то мере мысли о едином правовом пространстве высказывались выдающимися мыслителями и ранее. Как пример можно привести учение В. И. Ленина о единой социалистической законности. По его мнению, единство законности заложено в самой природе социализма и определяется единой экономической и политической основой общества, едиными целями и задачами. Ленин писал: «<…> законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская и даже единая для всей федерации Советских республик <…>» [6, с. 198]. В этом основатель Советского государства видел гарантию его прочности и устойчивости правопорядка.

Д. Ш. Пирбудагова, С. М. Габиева, Х. В. Рамазанова в своей монографии приходят к выводу, что проблема обеспечения единого правового пространства возникла по объективным причинам, ибо распад прежней формы государственности обусловил реформу правовой системы с ее принципами централизма, целостности и единства [7, с. 6].

По мнению А. В. Малько, после 1993 года два фактора оказали влияние на слабость единства правового пространства в России:

1. Умножение круга субъектов законотворчества, т. к. законы стали принимать не только федеральный парламент, но и парламенты региональные (что к тому же не всегда гарантировало качество законодательства), рост количества нормативно-правовых актов в целом.

2. Признание частью национальной правовой системы принципов и норм международного права, международных договоров РФ [8, с. 13].

В результате зачастую возникали правовые коллизии, накопилось много нерешенных проблем. В Послании парламенту Президент Б. Н. Ельцин отмечал, что страна продолжает «жить в разреженном пространстве». Треть нормативных правовых актов субъектов РФ противоречили федеральному законодательству (по данным Минюста России 1999 г.).

Данные обстоятельства вызвали усилия федеральных властей по решению проблемы. Так, постановлением Конституционного Суда РФ от 12.04.1995 № 2-П в законодательство было введено понятие единого правового пространства: «Единство государства предопределяет единство его правового, в том числе конституционного, пространства» [9, с. 98].

Решающее значение в восстановлении единого правового пространства имело изменение политического курса страны в 2000 году с приходом В. В. Путина. Откровенно заговорили о «правотворческом сепаратизме» [8, с. 16]. Приоритетной задачей стало решение проблем обеспечения единого правового пространства [7, с. 6].

Одновременно шло развитие в отечественной юриспруденции понятия «единого правового пространства», исследовались его характеристики и сущностные черты, выявлялись его роль и значение в конституционно-правовой доктрине. В этой связи следует подчеркнуть большое разнообразие мнений.

Так, В. Г. Анненкова считает, что правовое пространство является социальным явлением [10, с. 5]. И. Н. Барциц определяет его как сферу правового регулирования модели правопорядка государства, его субъектов и граждан в конкретной государственной сфере и историческом времени [11, с. 48]. Е. Г. Зинков также рассматривает правовое пространство как сложное образование, которое, с одной стороны, разграни-

чивает полномочия юридических лиц, а с другой – обеспечивает процесс их координации и гармонизации в единую правовую систему [12, с. 16].

К. А. Ишенков рассматривает правовое пространство как деятельность органов власти, регулирующих общественные отношения путем принятия правовых актов и их реализации [13, с. 43]. А. Н. Филиппов к признакам правового пространства относит внутреннее и внешнее единство, стабильную организационную структуру, высокое качество правовых актов, конституционно-правовые механизмы их реализации [14, с. 3].

А. В. Малько считает единым правовым пространством состояние согласованности нормативно-правовых актов, действующих на территории страны и обеспечивающих реализацию общегосударственных интересов [8, с. 12].

А. Е. Новикова и А. М. Жорник предлагают интерпретацию, согласно которой правовым пространством государства выступает совокупность нормативно-правовых актов, иерархически и структурно согласованных, принятых в соответствии с требованиями конституции, действующих на всей территории государства в заданных временных рамках [5, с. 70].

С. Н. Бабурин определяет единое правовое пространство как один из материально-правовых механизмов обеспечения стабильности правового режима на территории всего государства, не рассматривая его в качестве самостоятельной юридической категории [15, с. 141].

По С. Сомову, единство правового пространства – это обусловленное Конституцией состояние согласованности, соотносимости и соподчиненности правовых норм, исходя из их юридической значимости (верховенства) [16, с. 30].

Н. Ельцов единое правовое пространство предлагает понимать как всю совокупность юридических норм в России [17, с. 54].

А. Д. Керимов считает, что единое правовое пространство – это универсальная правовая категория, позволяющая анализировать вопросы соразмерности нормативных правовых актов, договорных механизмов в федеративных отношениях, в наиболее формализованной и нормативно определенной форме охарактеризовать состояние сопряженности различных правовых явлений, складывающихся, развивающихся и функционирующих в рамках единой государственной территории [18, с. 120–121].

По словам Р. О. Барутенко, правовое пространство представляет собой всю совокупность правовых предписаний правовой системы, действующих в России, которым свойственна непротиворечивость и взаимная согласованность [19, с. 7].

И. В. Санчат-оол предлагает определить правовое пространство как систему взаимосвязанных правовых норм (определенных Конституцией), характеризующуюся иерархической структурой и корректировкой закона в соответствии с его юридической значимостью с учетом структуры федерации [20, с. 338].

В теории государства и права понятие «единого правового пространства» связано с формой государства, в частности с формой государственно-территориального устройства, как пространство, формируемое государством на основе государственно-правовой теории и общих для всех субъектов условий и требований.

Многообразие толкований понятия «правовое пространство», неопределенность и неоднозначность его понимания [7, с. 7], отсутствие четкого, всеобъемлющего, общепринятого и устоявшегося понимания сигнализируют о его важности и одновременно о сложности и затруднении в определении [5, с. 71], требовании дальнейшего научного анализа.

Тем не менее уже можно выделить признаки единого правового пространства. В частности, А. В. Малько предлагает считать ими следующее:

1) правовое пространство является разновидностью социального пространства в границах государства;

2) при упорядочении нормативно-правовыми актами социального пространства оно приобретает статус правового;

3) правовое пространство в результате определенного состояния согласованности нормативно-правовых актов, действующих на территории государства, становится единым;

4) единство правового пространства обусловлено принципом верховенства закона;

5) содержательным признаком единого правового пространства является то, что согласованные нормативно-правовые акты призваны обеспечивать реализацию прежде всего общегосударственных интересов, однако региональные, муниципальные, общественные, личные и иные интересы при этом не игнорируются, а учитываются и обобщаются на уровне общегосударственных [8, с. 12].

Таким образом, можно выделить основные характеристики (принципы) единого правового пространства:

– гармонизация законодательства, что означает унификацию всех нормативных правовых актов и обеспечение их взаимного признания;

– верховенство закона, когда подзаконные правовые акты принимаются в соответствии с законом и не противоречат ему;

– направленность на реализацию общегосударственных интересов. При этом ими учитываются и одновременно интегрируются национальные, региональные, местные, общественные, индивидуальные и иные интересы;

– обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти всех уровней.

Реализация данных принципов должна способствовать минимизации конфликтов государственных, общественных и частных интересов, устранению правовых барьеров для свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы [20, с. 338].

Что касается сущности единого правового пространства, то сначала следует определиться с философским понятием сущности. Что такое сущность? Сущность – то главное, основное, что характеризует исследуемое явление, его сердцевина, костяк, внутреннее содержание, которое должно отвечать на вопрос о главном предназначении этого явления. Сущность – это фундаментальные характеристики явления, его ядро, фундаментальная основа и внутреннее содержание, которые отвечают на вопрос о его первоначальном назначении.

В этой связи возможно выделить некоторые сущностные черты единого правового пространства:

– целостность конституционно-правовой системы. Конституция как основной закон страны является основой для всей правовой системы государства и определяет основные принципы государственного устройства;

– системно-структурный характер. Правовое пространство имеет четкую структуру, включая определенный набор элементов (институты и явления социально-правовой действительности);

– динамичность. Это проявляется во внутренних взаимодействиях элементов системы и во взаимодействиях с другими социальными системами;

– многоуровневая структура. Она включает в себя государственные органы всех уровней и муниципальные органы, которые образуют эффективную систему, в рамках которой они работают сообща;

– наличие конституционно-правового механизма обеспечения. Этот механизм включает в себя развитую правовую культуру населения, соответствующую систему информирования общественности о принятых правовых актах, эффективные механизмы управления и другие меры.

В заключение следует согласиться с мнением А. В. Малько о том, что «<…> единое правовое пространство есть некий идеал. И абсолютным (как и всякий иной идеал) он быть не может» [8, с. 13]. Но это отнюдь не означает, что не надо стремиться к идеалу, даже если он недостижим. В контексте современных задач (укрепления верховенства закона, совершенствования законодательной базы России, обеспечения территориальной целостности и национальной безопасности) все больше возрастает важность правильного понимания термина «правовое пространство». Четкое определение этого понятия будет способствовать укреплению верховенства закона в России. К тому же необходимо отметить, что единство правового пространства не обеспечивается только качественной законотворческой деятельностью, осуществляемой в рамках Конституции. Стабильность единства правового пространства включает в себя развитие правовой культуры населения, особенно государственных и муниципальных служащих, систему адекватного информирования общественности о принимаемых правовых актах, эффективные механизмы отмены правовых актов, нарушающих единство правового пространства, и механизмы унификации правового пространства. Необходимы эффективные меры по обеспечению соблюдения этих принципов, а также усилия правительства и институтов гражданского общества на всех уровнях.

1. Адазиев И. Л. Доктрина как определяющее направление конституционной политики // Молодой ученый. 2019. № 40(278). С. 85–87.
2. Пряхина Т. М. Конституционная доктрина современной России / Под ред. В. Т. Кабышева. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2002. 136 с.
3. Богданова Н. А. Система науки конституционного права. М.: Юрист, 2001. 256 с.
4. Давид Р., Жоффре-Спинози, К. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози; Пер. с франц. В. А. Туманова. М.: Междунар. отношения, 1999. 400 с.
5. Новикова А. Е., Жорник А. М. Единство правового пространства как базовый принцип обеспечения стабильности конституционного строя Российской Федерации // Advances in Law Studies. 2016. Т. 4. № 3. С. 68–75.
6. Ленин В. И. О «двойном» подчинении и законности // Полное собрание сочинений. 5-е издание. Т. 45. С. 197–201.
7. Пирбудагова Д. Ш., Габиева С. М., Рамазанова Х. В. Обеспечение единства правового пространства в условиях федеративной организации Российского государства: монография. М., 2017. 116 с.
8. Правовая жизнь общества и единое правовое пространство в Российской Федерации: монография / кол. авторов; под ред. А. В. Малько. М.: Юстиция, 2025. 446 с.
9. Комарова В. В. Единство правового информационного пространства в России (современные средства достижения) // Информационная безопасность регионов. 2012. № 2(11). С. 98–103.
10. Анненкова В. Г. Конституционные основы единства правового пространства Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2004. № 6. С. 3–6.
11. Барциц И. Н. Правовое пространство России: понятие, ресурсы, признаки // Политическая наука. 2003. № 3. С. 40–62.
12. Зинков Е. Г. Термин «пространство» в теории права // Общество и право. 2011. № 4(36). С. 14–19.
13. Ишеков К. А. Реализация конституций и уставов субъектов Российской Федерации органами государственной власти: конституционно-правовое

исследование // Приложение к журналу «Вопросы правоведения». Защиты диссертаций по юридическим наукам. Январь-февраль. 2015.
14. Филиппов А. Н. Конституционно-правовой механизм обеспечения единства правового пространства Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Казань. 2013. 177 с.
15. Бабурин С. Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. 480 с.
16. Сомов С. Единство правового пространства // Законность. 2001. № 2. С. 30–46.
17. Ельцов Н. Юридическая экспертиза в практике работы органов юстиции // Российская юстиция. 2001. № 7. С. 54–56.
18. Керимов А. Д., Барциц И. Н. Правовое пространство России: вопросы конституционной теории и практики // Государство и право. 2001. № 6. С. 120–121.
19. Барутенко Р. О. Обеспечение единого правового пространства России органами исполнительной власти Российской Федерации: конституционно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р. О. Барутенко. М.: Академия управления МВД России, 2003. 25 с.
20. Санчат-оол И. В. Конституционно-правовой механизм обеспечения единства правового пространства России // Молодой ученый. 2024. № 52(551). С. 338–341.

1. Adaziev I. L. Doktrina kak opredelyayushhee napravlenie konstitucionnoj politiki // Molodoj ucheny`j. 2019. № 40(278). S. 85–87.
2. Pryaxina T. M. Konstitucionnaya doktrina sovremennoj Rossii / Pod red. V. T. Kaby`sheva. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2002. 136 s.
3. Bogdanova N. A. Sistema nauki konstitucionnogo prava. M.: Yurist, 2001. 256 s.
4. David R., Zhoffre-Spinozi, K. Osnovny`e pravovy`e sistemy` sovremennosti / R. David, K. Zhoffre-Spinozi; Per. s francz. V. A. Tumanova. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1999. 400 s.
5. Novikova A. E., Zhornik A. M. Edinstvo pravovogo prostranstva kak bazovy`j princip obespecheniya stabil`nosti konstitucionnogo stroya Rossijskoj Federacii // Advances in Law Studies. 2016. T. 4. № 3. S. 68–75.
6. Lenin V. I. O «dvojnom» podchinenii i zakonnosti // Polnoe sobranie sochinenij. 5-e izdanie. T. 45. S. 197–201.
7. Pirbudagova D. Sh., Gabieva S. M., Ramazanova X. V. Obespechenie edinstva pravovogo prostranstva v usloviyax federativnoj organizacii Rossijskogo gosudarstva: monografiya. M., 2017. 116 s.
8. Pravovaya zhizn` obshhestva i edinoe pravovoe prostranstvo v Rossijskoj Federacii: monografiya / kol. avtorov; pod red. A. V. Mal`ko. M.: Yusticiya, 2025. 446 s.
9. Komarova V. V. Edinstvo pravovogo informacionnogo prostranstva v Rossii (sovremenny`e sredstva dostizheniya) // Informacionnaya bezopasnost` regionov. 2012. № 2(11). S. 98–103.
10. Annenkova V. G. Konstitucionny`e osnovy` edinstva pravovogo prostranstva Rossijskoj Federacii // Gosudarstvennaya vlast` i mestnoe samoupravlenie. 2004. № 6. S. 3–6.
11. Barcicz I. N. Pravovoe prostranstvo Rossii: ponyatie, resursy`, priznaki // Politicheskaya nauka. 2003. № 3. S. 40–62.
12. Zinkov E. G. Termin «prostranstvo» v teorii prava // Obshhestvo i pravo. 2011. № 4(36). S. 14–19.
13. Ishekov K. A. Realizaciya konstitucij i ustavov sub``ektov Rossijskoj Federacii organami gosudarstvennoj vlasti: konstitucionno-pravovoe issledovanie // Prilozhenie k zhurnalu «Voprosy` pravovedeniya». Zashhity` dissertacij po yuridicheskim naukam. Yanvar`-fevral`. 2015.

14. Filippov A. N. Konstitucionno-pravovoj mexanizm obespecheniya edinstva pravovogo prostranstva Rossijskoj Federacii: dis. … kand. yurid. nauk. Kazan`. 2013. 177 s.
15. Baburin S. N. Territoriya gosudarstva: pravovy`e i geopoliticheskie problemy`. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1997. 480 s.
16. Somov S. Edinstvo pravovogo prostranstva // Zakonnost`. 2001. № 2. S. 30–46.
17. El`czov N. Yuridicheskaya e`kspertiza v praktike raboty` organov yusticii // Rossijskaya yusticiya. 2001. № 7. S. 54–56.
18. Kerimov A. D., Barcicz I. N. Pravovoe prostranstvo Rossii: voprosy` konstitucionnoj teorii i praktiki // Gosudarstvo i pravo. 2001. № 6. S. 120–121.
19. Barutenko R. O. Obespechenie edinogo pravovogo prostranstva Rossii organami ispolnitel`noj vlasti Rossijskoj Federacii: konstitucionno-pravovoj aspekt: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / R. O. Barutenko. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2003. 25 s.
20. Sanchat-ool I. V. Konstitucionno-pravovoj mexanizm obespecheniya edinstva pravovogo prostranstva Rossii // Molodoj ucheny`j. 2024. № 52(551). S. 338–341.

Информация об авторе

Сергей Николаевич Глущенко. Адъюнкт.
Академия управления МВД России.
125171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

Information about the author

Sergey N. Glushchenko. A postgraduate student.
Academy of Management of the MIA of Russia.
125171, Russia, Moscow, Zoi and Aleksandra Kosmodemyanskikh St., 8.

Статья поступила в редакцию 09.06.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.

The article was received in the editorial office on 09.06.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 34

НОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К УЧАСТИЮ В ДОРОЖНОМ ДВИЖЕНИИ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ (ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА)

Гордеева Анастасия Дмитриевна[1], Гусева Анастасия Андреевна[2]
[1, 2]Научный центр БДД МВД России, Москва, Россия

[1]agordeeva9@mvd.ru
[2]aguseva50@mvd.ru

Аннотация. С учетом активного роста микромобильности во многих странах мира правовое регулирование деятельности по обеспечению безопасного участия в дорожном движении лиц, передвигающихся на средствах индивидуальной мобильности (далее – СИМ), с каждым годом совершенствуется. Изменяются подходы к установлению требований в отношении возрастного ценза пользователей СИМ, страхования ответственности перед третьими лицами, управления СИМ в состоянии опьянения и прочее. Настоящая статья посвящена рассмотрению последних изменений в отношении участия в дорожном движении средств индивидуальной мобильности.

Ключевые слова: средство индивидуальной мобильности, электросамокат, дорожно-транспортный травматизм, кикшеринг, страхование ответственности.

Для цитирования: Гордеева А. Д., Гусева А. А. Новые требования к участию в дорожном движении средств индивидуальной мобильности (обзор зарубежного опыта) // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 152–157.

NEW REQUIREMENTS FOR THE PARTICIPATION OF INDIVIDUAL MOBILITY VEHICLES IN ROAD TRAFFIC (REVIEW OF INTERNATIONAL EXPERIENCE)

Anastasia D. Gordeeva[1], Anastasia A. Guseva[2]
[1, 2]Scientific State Institution of Road Safety of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

[1]agordeeva9@mvd.ru
[2]aguseva50@mvd.ru

Annotation. Taking into account the active growth of micromobility in many countries of the world, legal regulation of activities to ensure the safe participation in road traffic of persons traveling on personal mobility devices (further – PMD) is being improved every year. Approaches to establishing requirements regarding the age limit of PMD users, insurance of liability to third parties, operating a PMD while intoxicated, etc. are changing. This article examines recent developments regarding the participation of personal mobility devices in road traffic.

Keywords: personal mobility device, e-scooters, road traffic injuries, kick-sharing, liability insurance.

For citation: Gordeeva A. D., Guseva A. A. New requirements for the participation of individual mobility vehicles in road traffic (review of international experience) // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 152–157.

Переход на мобильную социальную среду обеспечил граждан инновационными технологичными продуктами. С появлением сервисов доставки товаров и услуг, а также системы проката транспортных средств и иных средств передвижений жизнь стала более динамичной. Последнее десятилетие отмечается неуклонным ростом новых вариантов мобильности, особенно в мегаполисах и крупных городах.

Средства индивидуальной мобильности, в первую очередь речь идет об электросамокатах, стали полноценным элементом городских транспортных систем и помогают решать транспортные проблемы крупных и малых городов, повышая эффективность транспортных сценариев. Указанные средства передвижения способствуют решению проблемы «последней мили», то есть последнего отрезка пути в пределах города до конечного пункта назначения, который является слишком длинным, чтобы идти пешком после того, как люди припарковали автомобиль, вышли из автобуса или метро.

Согласимся с мнением некоторых авторов о том, что тенденцию к увеличению использования СИМ, безусловно, нельзя оставлять вез внимания, так как эксплуатация данных средств передвижения оказывает существенное влияние на окружающую социальную среду, что свидетельствует о необходимости нормативного правового регулирования определенной деятельности [1].

Законодательное регулирование указанной деятельности в странах Европейского союза (далее – ЕС) и в других европейских странах началось в течение 2018–2019 годов с их легализации сначала в Бельгии и Германии, а затем – во Франции [2].

Особенностью выработки единой политики в ЕС является необходимость построения эффективной наднациональной системы управления государств-участников с учетом их национальных структур управления и особенностей законодательства [3].

Несмотря на это, по мере развития новых технологий и внедрения электросамокатов в городскую транспортную мобильность европейские институты и органы по стандартизации не пришли к единому соглашению о стандартах безопасности микромобильности.

Средства индивидуальной мобильности (далее – СИМ) исключены из сферы действия Регламента (ЕС) № 168/2013 Европейского парламента и Совета от 15 января 2013 года об утверждении и надзоре за рынком двух- или трехколесных транспортных средств и квадрициклов[1], поскольку требования указанного Регламента не распространяются на транспортные средства, не оборудованные хотя бы одним местом для сиденья, или на самобалансирующиеся транспортные средства.

Вместе с тем СИМ подпадают под действие Регламента (ЕС) 2023/1230 Европейского парламента и Совета от 14 июня 2023 года о механических средствах, устанавливающего гармонизированные требования в части, касающейся безопасности при разработке, производстве и размещении их на рынке. Однако указанный Регламент направлен на обеспечение безопасности самого устройства в процессе его эксплуатации, а не на обеспечение безопасности дорожного движения.

На уровне Европейского союза отсутствуют общие требования, предъявляемые к пользователям СИМ. Таким образом, в настоящее время каждая страна ЕС самостоятельно регулирует указанную деятельность.

Несмотря на в целом общие подходы по установлению ограничений к пользователям СИМ, существуют и значительные отличия. Причем интересным представляется закономерность установления более жестких правил и требований, как правило, в странах с более высокими показателями безопасности дорожного движения.

I. Запрет на использование СИМ

Стоит отметить, что к настоящему времени данная мера не получила должного распространения, вместе с тем отдельные города уже стали вводить полный запрет

[1] URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1230/oj/eng (дата обращения: 06.08.2026).

на передвижение на СИМ. Причем интересным представляется тот факт, что некоторые вводят запрет на СИМ, взятые в аренду, некоторые – на личные.

В 2023 году г. Париж (Франция) запретил аренду СИМ, при этом личные СИМ в городе разрешены[2].

В г. Мадриде (Испания) с октября 2024 года принято решение на запрет аренды СИМ после того, как лицензированные операторы (Lime, Dott и Tier Mobility) не смогли устранить системные проблемы, связанные с использованием электросамокатов[3]. При этом на личное устройство, если оно соответствует всем требованиям испанского законодательства, зарегистрировано и застраховано, данный запрет не распространяется.

С 1 апреля 2026 года запрещена аренда СИМ в г. Флоренции (Италия)[4]. Аналогичный запрет введен с 1 января 2026 года в г. Праге (Чехия), указанное решение принято городским советом города после многочисленных обращений местных жителей[5].

II. Возрастные ограничения использования СИМ

Практически во всех европейских странах действуют возрастные ограничения использования средств индивидуальной мобильности. Возраст, по достижении которого разрешено использовать СИМ, в различных странах составляет от 10 до 17 лет[6].

С 17 лет разрешено использовать СИМ на Кипре, с 16 лет – в Бельгии, Болгарии, Ирландии, Румынии, с 15 лет – в Дании, Испании, Словакии, с 14 лет – в Германии, Италии, Латвии, Словении, Хорватии, Франции, Швейцарии, с 13 лет – в Польше, с 12 лет – в Австрии, Норвегии, с 10 лет – в Люксембурге[7].

Указанные возрастные ограничения касаются управления личным электросамокатом. Что касается арендованных электросамокатов, в подавляющем большинстве перечисленных стран операторы кикшеринга ограничивают их аренду только лицами, достигшими возраста 18 лет.

При определенных условиях некоторые страны разрешают управление СИМ лицами более младшего возраста[8]. Например, в Австрии при общем разрешении использовать СИМ с 12 лет ребенок может быть допущен к его управлению с 9 лет при сдаче в добровольном порядке специального экзамена на право управления велосипедом.

В Болгарии с 14 лет к управлению СИМ допускаются дети при передвижении только по велодорожкам. В Дании разрешено управлять СИМ лицам моложе 15 лет только в сопровождении взрослого. В Греции разрешено использовать СИМ с конструктивной скоростью до 25 км/ч – с 15 лет и с конструктивной скоростью до 6 км/ч – с 12 лет.

III. Допустимая скорость передвижения

Что касается максимально допустимой скорости, с которой разрешено передвигаться на СИМ, в большинстве европейских стран максимально допустимой является скорость 25 км/ч (Австрия, Бельгия, Болгария, Греция, Исландия, Латвия, Литва, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Румыния, Словакия, Словения, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Эстония).

Некоторые страны ограничивают скорость передвижения до 20 км/ч (Германия, Дания, Ирландия, Италия, Кипр, Норвегия, Швейцария, Швеция).

---

[2] URL: https://ec.europa.eu (дата обращения: 06.08.2026).
[3] URL: https://www.elfarodelguadarrama.com/imprimir-noticia.asp?noti=54766 (дата обращения: 06.08.2026).
[4] Там же.
[5] URL: https://news.ru/amp/europe/rukovodstvo-pragi-prinyalo-neozhidannoe-reshenie-po-elektrosamokatam (дата обращения: 06.08.2026).
[6] URL: https://road-safety.transport.ec.europa.eu/european-road-safety-observatory/data-and-analysis/country-profiles_en (дата обращения: 06.08.2026).
[7] URL:https://docs.google.com/spreadsheets/d/14oxJ4KOWbrTsRFYeNGQb65GHtTniQ0Ob1d5QqC4SKT8/edit?pli=1&gid=0#gid=0 (дата обращения: 16.07.2026).
[8] URL:https://docs.google.com/spreadsheets/d/14oxJ4KOWbrTsRFYeNGQb65GHtTniQ0Ob1d5QqC4SKT8/edit?pli=1&gid=0#gid=0 (дата обращения: 16.07.2026).

На Кипре и в Италии при общей допустимой скорости передвижения на СИМ 20 км/ч в зоне пешеходных улиц передвигаться разрешено со скоростью не более 10 и 6 км/ч соответственно[9].

IV. Использование шлемов

В европейских странах, как правило, обязательное использование шлемов лицами, передвигающимися на СИМ, обусловлено установленным возрастом пользователя[10].

Например, в Болгарии, Латвии, Словении, Чехии шлем обязаны использовать лица моложе 18 лет, в Австрии, Исландии, Польше, Эстонии – моложе 16 лет, в Норвегии, Словакии и Швеции – моложе 15 лет.

В Греции, Дании, Испании, Италии, Литве, Румынии, Хорватии и на Кипре все лица должны использовать шлем. При этом на Кипре и в Испании при передвижении ночью лица также должны надевать световозвращающий жилет.

Во Франции использование шлема носит обязательный характер при передвижении на средствах индивидуальной мобильности по дорогам общего пользования, на которых установлена максимальная разрешенная скорость передвижения ТС 80 км/ч[11].

В Бельгии, Германии, Ирландии, Люксембурге, Мальте, Нидерландах, Португалии, Швейцарии отсутствуют требования к ношению шлема.

V. Передвижение на СИМ по тротуарам

По мнению Европейской комиссии, для создания безопасной инфраструктуры в рамках развития новых форм микромобильности использование средств индивидуальной мобильности, и в частности электросамокатов, должно быть запрещено на тротуарах[12]. Поэтому в большинстве стран ЕС передвижение на СИМ по тротуарам запрещено (Бельгия, Испания, Кипр, Дания, Финляндия, Италия, Швеция).

В Австрии и Германии использовать тротуары для передвижения на СИМ запрещено, однако по решению местных органов власти в отдельных городах могут быть сделаны исключения.

В большинстве стран при движении на СИМ и велосипедах следует использовать велосипедную инфраструктуру (Австрия, Бельгия, Германия, Ирландия, Испания, Люксембург, Нидерланды, Словакия, Словения, Турция, Франция, Швейцария, Швеция и др.). В отсутствие велоинфрастуктуры некоторые страны допускают возможность передвижения на СИМ по тротуару, пешеходной дорожке (Латвия, Эстония).

В Греции и во Франции разрешено передвигаться по тротуарам с максимальной скоростью 6 км/ч (на Мальте – до 10 км/ч)[13], а в Польше – если общее ограничение скорости на дорогах для транспортных средств превышает 30 км/ч и отсутствует велосипедная дорожка[14]. В Португалии и Чехии разрешено передвигаться по тротуарам детям до 10 лет[15].

В Хорватии разрешено использовать тротуары только в тех случаях, когда отсутствует велосипедная дорожка или велополоса.

В Португалии разрешено передвигаться на СИМ по тротуарам детям до 10 лет.

---

[9] URL:https://docs.google.com/spreadsheets/d/14oxJ4KOWbrTsRFYeNGQb65GHtTniQ0Ob1d5QqC4SKT8/edit?pli=1&gid=0#gid=0 (дата обращения: 16.07.2026). Данные по состоянию на 16 июля 2026 года.

[10] URL:https://docs.google.com/spreadsheets/d/14oxJ4KOWbrTsRFYeNGQb65GHtTniQ0Ob1d5QqC4SKT8/edit?pli=1&gid=0#gid=0 (дата обращения: 16.07.2026). Данные по состоянию на 16 июля 2026 года.

[11] URL: https://commission.europa.eu/index_en (дата обращения: 05.05.26).

[12] Personal Mobility Devices. Road safety thematic report. European Commission. European Road Safety Observatory. Brussels, European Commission, Directorate General for Transport. 2024.

[13] URL: https://road-safety.transport.ec.europa.eu/document/download/3e904fbd-eb07-417f-9166-696204f26a98_en?filename=erso-country-overview-2026-EL.pdf (дата обращения: 08.04.2026).

[14] URL: https://road-safety.transport.ec.europa.eu/document/download/d81a5c65-ae45-4833-a3648c9d5db3ddb1_en?filename=erso-country-overview-2026-PL.pdf (дата обращения: 08.04.2026).

[15] URL: https://docs.google.com/spreadsheets/d/14oxJ4KOWbrTsRFYeNGQ b65GHtTniQ0Ob1d5QqC4SKT8/edit?pli=1&gid=0#gid=0 (дата обращения: 27.07.2026).

Интересным представляется опыт Италии, где с 14 декабря 2024 года в дополнение к запрету на передвижение на СИМ по тротуарам и в пешеходных зонах введен запрет на передвижение на СИМ по велосипедным дорожкам. Таким образом, в настоящее время в стране разрешено передвигаться на СИМ исключительно на дорогах местного значения, где ограничение скорости для транспортных средств составляет 50 км/ч.

VI. Страхование гражданско-правовой ответственности пользователя СИМ

Одной из важных мер, способствующих защите интересов участников дорожного движения, является обязательное страхование ответственности пользователей СИМ перед третьими лицами.

Ряд европейских стран уже применяет данную регуляторную меру (Дания, Германия, Италия, Мальта, Нидерланды, Румыния, Испания, Франция, Чехия).

Хотя стоит отметить, что данная мера находится в стадии своего развития и большинство европейских стран пока не требуют обязательного страхования (Австрия, Бельгия, Болгария, Греция, Ирландия, Латвия, Литва, Норвегия, Кипр, Польша, Португалия, Словения, Словакия, Хорватия, Швеция, Швейцария, Эстония).

В Финляндии обязательному страхованию подлежат транспортные средства свыше 25 кг.

Резюмируя изложенное, согласимся с мнением о том, что тематика безопасности дорожного движения прочно заняла место как в глобальной повестке дня, так и в перечне приоритетов национального развития [4].

Безусловно, технический прогресс заметно опережает способность государств своевременно регулировать его процессами [5]. Однако рассмотренный опыт свидетельствует о том, что с каждым годом совершенствуются процессы нормативного правового регулирования деятельности, связанной с участием в дорожном движении средств индивидуальной мобильности.

В целом во многих случаях наблюдаются тенденции к унификации требований к лицам, передвигающимся на СИМ. Страны активно вводят возрастной ценз пользователей СИМ, запрет на передвижение на СИМ на тротуарах, требования о наличии шлема и др. Безусловно, указанные меры в совокупности оказывают положительный эффект на повышение безопасности дорожного движения.

Стратегией повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 14 ноября 2025 г. № 841, определен приоритет развития общественного транспорта и форм активной мобильности как альтернативы личному транспорту. В этой связи рассмотренные выше меры могут быть полезными для совершенствования отечественных подходов к регулированию рассматриваемой деятельности.

---

1. Быков А. И. Проблемы, возникающие при привлечении к административной ответственности лиц, использующих средства индивидуальной мобильности // Безопасность дорожного движения. 2023. № 2. С. 23–26.
2. Recommendations on Safety of E-scooters. ETSC. 2023. P. 7.
3. Гордеева А. Д. Правовые механизмы выработки единой политики Европейского союза в области обеспечения безопасности дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2023. № 3. С. 57–63.
4. Черников М. Ю. О соответствии государственной политики Российской Федерации в области обеспечения безопасности дорожного движения приоритетам, провозглашенным на международном уровне // Безопасность дорожного движения. 2024. № 2. С. 6–10.
5. Ноговицина Е. Н. К вопросу о проблеме эксплуатации средств индивидуальной мобильности в части соблюдения ПДД РФ // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2022. № 1(90). С. 59–65.

1. By`kov A. I. Problemy`, voznikayushhie pri privlechenii k administrativnoj otvetstvennosti licz, ispol`zuyushhix sredstva individual`noj mobil`nosti // Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya. 2023. № 2. S. 23–26.
2. Recommendations on Safety of E-scooters. ETSC. 2023. P. 7.
3. Gordeeva A. D. Pravovy`e mexanizmy` vy`rabotki edinoj politiki Evropejskogo soyuza v oblasti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya. 2023. № 3. S. 57–63.
4. Chernikov M. Yu. O sootvetstvii gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya prioritetam, provozglashenny`m na mezhdunarodnom urovne // Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya. 2024. № 2. S. 6–10.
5. Nogovicina E. N. K voprosu o probleme e`kspluatacii sredstv individual`noj mobil`nosti v chasti soblyudeniya PDD RF // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2022. № 1(90). S. 59–65.

Информация об авторах

Анастасия Дмитриевна Гордеева. Начальник отдела обеспечения научной и редакционно-издательской деятельности, кандидат юридических наук.
ФКУ «Научный центр БДД МВД России».
121293, Россия, г. Москва, ул. Поклонная, 17.

Анастасия Андреевна Гусева. Научный сотрудник отдела обеспечения научной и редакционно-издательской деятельности.
ФКУ «Научный центр БДД МВД России».
121293, Россия, г. Москва, ул. Поклонная, 17.

Information about the authors

Anastasiya D. Gordeeva. Head of the Department for Support of Scientific, Editorial and Publishing Activities, Candidate of Sciences (Law).
Scientific State Institution of Road Safety of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.
121293, Russia, Moscow, Poklonnaya St., 17.

Anastasiya A. Guseva. Research assistant of the Department for Support of Scientific, Editorial and Publishing Activities.
Scientific State Institution of Road Safety of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.
121293, Russia, Moscow, Poklonnaya St., 17.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 10.08.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 10.08.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 342.951

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЩЕНИЙ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ

Давыдов Максим Вячеславович
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

mdd86.m@yandex.ru

Аннотация. В представленной статье комплексному исследованию подвергается административно-правовой механизм реализации права граждан на обращения в органы государственной власти. В свете изменений в законодательстве по вопросам совершенствования конституционного права граждан на обращения, а также в связи с широким и повсеместным внедрением процессов цифровизации в различные сферы жизнедеятельности автором анализируется правовая природа института обращений граждан, направленных в форме электронного документа, применительно к деятельности МВД России. Результатом проведенного исследования выступают сформулированные в статье нормативно-практические и концептуальные положения организации и совершенствования в системе МВД России работы с электронными обращениями посредством Сервиса электронного документооборота и Единой системы информационно-аналитического обеспечения МВД России.

Ключевые слова: право, обращения, форма электронного документа, электронный документооборот, СЭД, ИСОД МВД России, проблемы.

Для цитирования: Давыдов М. В. Особенности рассмотрения электронных обращений в системе МВД России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 158–165.

FEATURES OF PROCESSING ELECTRONIC APPEALS IN THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Maxim V. Davydov
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

mdd86.m@yandex.ru

Annotation. This article comprehensively examines the administrative and legal mechanisms for implementing citizens' rights to petition government authorities. Taking in to consideration legislative changes improving citizens' constitutional rights to petition, as well as the widespread adoption of digitalization in various spheres of life, the author analyzes the legal nature of the institution of citizen petitions in the form of electronic documents and the regulatory and practical aspects of its implementation within the Russian Ministry of Internal Affairs. It is noted that, in the context of technological progress, the Russian Ministry of Internal Affairs currently processes electronic petitions using the Electronic Document Management Service of the Unified System of Information and Analytical Support of the Russian Ministry of Internal Affairs (ISOD of the Ministry

of Internal Affairs of Russia), significantly simplifying citizen interactions with government agencies.

Keywords: law, appeals, electronic document form, electronic document management, electronic document management system, ISOD of the Ministry of Internal Affairs of Russia, problems.

For citation: Davydov M. V. Features of processing electronic appeals in the Ministry of Internal Affairs of Russia // Scientific Bulletin of the V. V. Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 3(108). P. 158–165.

Право граждан на обращения в органы государственной власти, закрепленное в статье 33 Конституции РФ и подробно регламентированное Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»[1] (далее – Закон об обращениях), является одним из ключевых демократических институтов в правовой системе страны. Указанное право обеспечивает возможность каждого человека напрямую взаимодействовать с органами власти и их должностными лицами, выражать свои мнения, подавать предложения по социально значимым вопросам, получать на них ответы и контролировать ход решения.

В условиях современной информационной действительности граждане могут реализовать свое право на обращение, используя различные формы подачи, не ограничиваясь классическими письменными заявлениями. Сегодня способы направлений обращений достаточно разнообразны и с внедрением инновационных технологий и цифрового документооборота значительно расширились. В настоящее время с учетом доступности и оперативности популярными способами подачи обращений являются электронные формы обращений. Административная и судебная практика также это подтверждает, отмечая постепенное вытеснение традиционных способов подачи обращений электронными. При этом механизм подачи таких обращений достаточно разнообразный. Правоприменительная практика выделяет различные методы направления обращений: через специальные электронные приемные на официальных сайтах ведомств, посредством электронной почты. Учитывая, что все государственные органы располагают подобной инфраструктурой, это значительно упрощает процесс для заявителя быть услышанным [1, с. 29]. Исследования также показывают, что обращение можно отправить через Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций) (далее «Госуслуги»), специализированные сайты ведомств (например, «Ваш контроль», порталы гражданских инициатив и досудебного урегулирования [2, с. 343]) или воспользоваться установленными в госучреждениях электронными терминалами. В некоторых случаях учитываются и нетрадиционные варианты, например: публикация обращения в блоге должностного лица [3, с. 26] или на официальной странице государственного ведомства в социальных сетях, а также с помощью передачи электронных документов на съемных носителях напрямую или по почте [4].

В то же время, несмотря на это многообразие, в юридической науке отмечают несовершенство нормативной правовой основы Закона об обращениях [5, с. 196]. Так, законодательство не всегда поспевает за развитием форм коммуникации, уточнением категориально-понятийного аппарата, что приводит к некоторому разрыву между правовой базой и реальными возможностями общения граждан и властью. Некоторые формы обращений не соответствуют их сущностному наполнению, что не позволяет гарантировать соответствующий процессуальный результат. Более того, анализируя федеральное законодательство, можно утверждать, что не всегда понятен способ подачи обращений, учитывающий технические особенности их передачи. В таких условиях

[1] О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

для эффективной работы института обращений необходимые механизмы требуют существенной модернизации в контексте технологического прогресса.

Судебная практика по вопросам подачи электронных обращений граждан в государственные органы на территории Российской Федерации не раз была предметом судебных споров в части порядка организации и обработки таких обращений, а также способов их передачи. Например, Верховный суд Республики Саха (Якутия) признал, что любые обращения в электронной форме, например путем предъявления электронного документа на съемном носителе информации, должны непременно рассматриваться государственными органами, а необоснованное сужение числа форм подачи таких обращений не допускается[2]. Похожее решение принято Судебной коллегией по административным делам Верховного Суда Российской Федерации, в котором допускается субъектам нормотворческого производства право самостоятельно устанавливать способы подачи обращений в форме электронного документа. По мнению суда, различия технического характера при обращении через официальный сайт или посредством электронной почты не могут служить препятствием для реализации прав граждан на обращения в органы государственной власти[3].

До 2023 года в основном Законе об обращениях отсутствовали единые стандарты к подаче электронных обращений, соответственно, каждый государственный орган самостоятельно устанавливал требования к идентификации и аутентификации граждан, оформлению самих обращений и определению необходимых реквизитов. В результате указанная практика негативно сказывалась на механизме рассмотрения таких обращений, особенно если они носили межведомственный характер. Федеральный закон от 04.08.2023 № 480-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» адаптировал электронную форму обращения к современным реалиям, предусмотрев способ его подачи с использованием Госуслуг, а также обязал государственные органы обеспечить возможность направления ответов гражданам на такие обращения по адресу личного кабинета Госуслуг заявителя. С 1 января 2025 года в соответствии с указанным Федеральным законом все государственные органы были подключены к данной системе.

Между тем представленные изменения предлагали только один канал для подачи электронных обращений, что создавало риски ограничения прав граждан и порождало правовую неопределенность в возможности выбора иных способов отправки обращений, будь то электронная почта, интернет-портал, специализированные сервисы или иные современные средства связи. В связи с этим законодателем с целью унифицирования практики подачи электронных обращений и расширения способов их отправки в конце 2024 года пункт 1 статьи 4 Закона об обращениях был дополнен возможностью использования, помимо портала Госуслуг, иных форм подачи обращений: иной информационной системы государственного органа или органа местного самоуправления либо официального сайта государственного органа или органа местного самоуправления в информаци-

---

[2] О признании недействующими отдельных положений Закона Республики Саха (Якутия) от 16.10.2003 83-З № 155-III «О порядке рассмотрения обращений граждан в Республике Саха (Якутия)»: решение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 28 июля 2015 г. по делу № 3-41/15. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Об оставлении без изменения решения Санкт-Петербургского городского суда от 21.09.2017, которым отказано в удовлетворении административного искового заявления о признании недействующими отдельных положений Регламента правительства г. Санкт-Петербурга, утв. постановлением правительства г. Санкт-Петербурга от 16.12.2003 № 100, и Регламента администрации Невского района г. Санкт-Петербурга, утв. распоряжением администрации Невского района г. Санкт-Петербурга от 04.07.2014 № 1459-р.: апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 21 февраля 2018 г. № 78-АПГ17-26. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

онно-телекоммуникационной сети Интернет, но при условии обеспечения идентификации и (или) аутентификации граждан с помощью Единой системы идентификации и аутентификации (далее – ЕСИА)[4]. Данные изменения позволили избежать ограничения прав граждан на подачу обращений в форме электронного документа и исключить разночтения органов государственной власти в вопросе выбора способов их направления.

Указанные требования в полном объеме учитываются в деятельности всех государственных органов при работе с поступающими обращениями граждан, включая МВД России, которое без преувеличения является одним из основных органов исполнительной власти, обеспечивающих защиту прав граждан посредством института обращений. Ежегодно в подразделения, организации и службы МВД России поступают десятки миллионов обращений по различным вопросам, относящимся к полномочиям ведомства. Так, в 2023 году в подразделения ОВД поступило 34,5 млн обращений о преступлениях, административных правонарушениях, о происшествиях; в 2024 году – 34,7 млн, 2025 году – 36,5 млн. При этом в зависимости от содержания вопросов и вида обращений количество их исчисляется сотнями миллионов[5]. Указанные цифры красноречиво свидетельствуют о роли МВД России в системе государственного управления по реализации административно-правового механизма рассматриваемого права.

В системе МВД России курс на электронный документооборот и использование подобной формы в качестве перспективного инструмента решения повсеместных задач связан с принятием в 2012 году Концепции единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России и последующим введением в эксплуатацию основных и прикладных сервисов организации своей работы, в том числе при рассмотрении обращений граждан [6, с. 100].

Распоряжением МВД России от 9 октября 2015 г. № 1/8172[6] ведомство продолжило курс на совершенствование системы по работе с обращениями граждан и организаций. В этом документе подчеркивается необходимость повсеместного применения современных электронных систем документооборота, включая ИСОД МВД России, для всей процедуры приема и регистрации обращений. Использование любых иных форм учета признается недопустимым, что, в свою очередь, должно повысить надежность хранения и отслеживания всех входящих заявлений и сообщений. Безусловно, все указанные положения нашли отражение в ведомственной нормативной базе. В целях реализации требований Закона об обращениях, в том числе направленных в форме электронного документа, в системе МВД России был принят приказ от 27 ноября 2024 г. № 808 «Об организации работы с обращениями граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации». Указанный документ представлял собой систематизированный свод правил, регламентирующих прием, регистрацию и разрешение обращений в системе МВД России, в том числе с учетом внедрения и расширения цифровых технологий в различных сферах жизнедеятельности в свете актуализации Закона об обращениях.

Между тем 13 мая 2026 г. рассматриваемый нормативный правовой акт был отменен на основании письма Министерства юстиции РФ от 14 апреля 2026 г. № 01/35510-ЕА[7]. Как отмечается, МВД России чрезмерно урегулировало и подробно детализировало этапы работы с обращениями граждан. Вместе с тем указанные вопро-

[4] О внесении изменений в Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 28 декабря 2024 г. № 547-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] Официальный сайт ГИАЦ МВД России. URL: http://www.mvd.ru (дата обращения: 11.06.2026).

[6] О некоторых вопросах работы с обращениями граждан и организаций: распоряжение МВД России от 9 октября 2015 г. № 1/8172. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[7] Об отмене приказов МВД России от 27 ноября 2024 г. № 808 и от 25 июля 2025 г. № 505: приказ МВД России от 13 мая 2026 г. № 295. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сы никакого отношения не имеют к общему порядку рассмотрения обращений граждан в рамках требований Закона об обращениях, а детальная регламентация процедуры рассмотрения обращений граждан на всех этапах касается исключительно внутреннего пользования.

В частности, представленный нормативный правовой акт определял особенности работы с поступившими обращениями при помощи Сервиса электронного документооборота (далее – СЭД) единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности (далее – ИСОД) МВД России, требования к регистрационно-контрольной форме СЭД, работу с электронными образами и копиями, порядок ведения электронных номенклатурных дел посредством внутреннего документооборота. Отмечалось, что, в том случае если обращение поступило на бумажном носителе, оно сканируется и дальнейшая работа с ним осуществляется в электронном виде с использованием СЭД. Аналогично обстоят дела в случае поступлении обращения, содержащего признаки преступления или административного правонарушения, после резолюции руководителя, оно передается в электронном виде с использованием СЭД в дежурную часть территориального органа МВД России для регистрации в установленном законе порядке. Логично предположить, что ведение электронного документооборота значительно упрощает работу с поступающими обращениями, а также минимизирует затраты на обработку и поиск необходимой информации, что, в свою очередь, повышает качество разрешения обращений.

Несмотря на то что в настоящее время в системе МВД России, как и во многих иных государственных органах власти, отсутствует специальный нормативный правовой акт, регламентирующий работу с поступающими обращениями граждан, общие требования основываются на положениях Закона об обращениях. Согласно требованиям законодательства, электронные обращения могут быть направлены исключительно через официальный сайт МВД России (https://мвд.рф) либо через официальные сайты других органов, организаций и подразделений МВД России, список которых также размещен на главном сайте ведомства. Никакие другие способы подачи электронных обращений в рассматриваемые органы не используются. Чтобы направить обращение в электронной форме через эти сайты, отправитель должен иметь подтвержденную учетную запись на портале Госуслуг и пройти идентификацию и аутентификацию с помощью ЕСИА, которая обеспечивает безопасное предоставление государственных и муниципальных услуг онлайн. Также необходимо указать адрес электронной почты, который должен быть зарегистрирован в российской национальной доменной зоне. Все поступающие обращения проходят процедуру регистрации через специальное программное обеспечение раздела «Обращения граждан» прикладного сервиса СЭД ИСОД МВД России, включающую заполнение всех необходимых реквизитов: регистрация и первичная обработка, заполнение необходимых реквизитов, прикрепление электронного образа обращения, формулировка текста резолюции, направление ответа заявителю и т. д.

Ответы на полученные электронные обращения подписываются усиленной квалифицированной электронной подписью, что позволяет удостоверить подлинность документа и подписи руководителя, начальника соответствующего органа либо иного уполномоченного должностного лица. После рассмотрения обращения гражданин получает официальный ответ, который, как правило, направляется на указанный им адрес электронной почты. Точно так же отправляются уведомления, например о продлении сроков рассмотрения обращения или о его направлении в другой государственный орган, в компетенции которого находится решение поставленных вопросов.

В то же время для обеспечения безопасности граждан, если обращение связано с вопросами, требующими особой конфиденциальности, по решению руководителя или уполномоченного лица МВД России ответ может быть отправлен не по электронной почте, а в бумажном виде на обычный почтовый адрес, который был указан граж-

данином в обращении[8]. Указанные требования являются базовыми и используются для формирования информационной безопасности ОВД [7, с. 47].

Как видим, базовые требования к порядку рассмотрения обращений граждан МВД России осуществляются в общем контексте требований Закона об обращениях, подтверждая тем самым нацеленность на совершенствование системного подхода в реализации механизма и защиты права граждан на обращения, используя современные инструменты взаимодействия граждан с органами государственной власти. В этой связи выглядит оправданным стремление законодателя на ужесточение учетно-регистрационной дисциплины к порядку приема, регистрации и разрешения обращений в системе МВД России. Сегодня вопросы соблюдения учетно-регистрационной дисциплины выступают главным критерием оценки деятельности полиции в сфере рассмотрения обращений граждан. При этом установлено, что проблемы, возникающие в практической деятельности сотрудников полиции при рассмотрении обращений граждан, связаны не с низким качеством правовой регламентации данного института, а с упущениями и просчетами в организации работы по приему и регистрации обращений, предпосылками которых является формальный подход отдельных сотрудников по реализации данного вида деятельности.

В этой связи особое внимание стоит уделять подготовке лиц, подразделений делопроизводства и режима, уполномоченных на прием, регистрацию и учет поступающих обращений, поскольку от качества приема и первичной регистрации поступающих обращений напрямую зависит объективное, всестороннее и своевременное их рассмотрение непосредственным исполнителем [8, с. 309]. Так, одна из проблем, возникающих на практике при работе с обращениями, связана с неправильным выбором типа обращения (предложение, заявление или жалоба), что может впоследствии оказать влияние на принятие итогового решения. Нередки случаи, когда сотрудники подразделения делопроизводства вместо того, чтобы передать в дежурную часть сообщение о нарушениях, содержащих признаки преступлений или административных правонарушений со стороны должностных лиц ОВД, регистрируют подобные обращения под видом обычных жалоб. Не всегда правильно отмечаются такие признаки обращений как аналогичное, повторное, неоднократное, типовое, связанное. Распространены ошибки в подготовке ответов гражданам через СЭД, снижающих качество рассматриваемого обращения.

В результате допускаемые ответственными сотрудниками просчеты в работе с обращениями негативно сказываются на уровне доверия граждан к работе ведомства и создают риски нарушения прав граждан на обращения. В этой связи в целях недопущения нарушений при приеме, регистрации и рассмотрении обращений закономерным итогом видится усиление контроля со стороны руководства, а также повышение дисциплинированности ответственных сотрудников на всех этапах работы с поступающими обращениями граждан. Далеко не каждый сотрудник полиции имеет навыки по полному, всестороннему и объективному рассмотрению поступающих к нему на исполнение обращений, что обусловлено недостаточным уровнем знаний законодательства об обращениях, халатным отношением к своим обязанностям, а также низким уровнем контроля со стороны руководства.

Как видим, сегодня в условиях цифровизации и глобального технологического прогресса МВД России выступает одним из основных государственных органов, активно внедряющих в государственное управление и общественную жизнь институты элек-

[8] Об установлении особого порядка направления гражданами обращений в форме электронного документа и направления ответов на обращения, поступившие в форме электронного документа, уведомлений в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 4 апреля 2025 г. № 200. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тронного документооборота. В этой связи работа с обращениями граждан в системе МВД России является одним из приоритетных направлений деятельности, призванных обеспечить защиту конституционных прав, свобод и законных интересов граждан. Неслучайно сегодня одним из основных критериев оценки деятельности полиции выступает общественное доверие и поддержка граждан, которые складываются не только из эффективности выполняемых задач, стоящих перед ведомством, но и из качества работы с поступающими обращениями граждан.

---

1. Бывальцева С. Г. Защита органами прокуратуры права граждан на обращение в форме электронного документа // Законность. 2019. № 12. С. 29–30.
2. Савоськин А. В. Обращения граждан в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование): дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург: УрГЮУ, 2019. 482 с.
3. Дворянский И. Электронный терминал по приему обращений граждан // Законность. 2011. № 4. С. 26–27.
4. Смушкин А. Б. Комментарий к Федеральному закону от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (постатейный). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Калашников С. В. Административно-правовой механизм реализации права граждан на обращение в органы государственной исполнительной власти Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Тюмень. 2024. 302 с.
6. Матросова Л. Д., Борисова О. В., Василенко В. В., Завьялова Н. Ю. Цифровые технологии в реализации конституционного права граждан на информацию // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 98–106.
7. Белевский Р. А. Перспективы развития системы информационной безопасности в органах внутренних дел // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 44–51.
8. Маякова Е. О. К вопросу о рассмотрении электронных обращений граждан в системе МВД России / В сборнике: Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения). Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург. 2025. С. 307–313.

1. By`val`ceva S. G. Zashhita organami prokuratury` prava grazhdan na obrashhenie v forme e`lektronnogo dokumenta // Zakonnost`. 2019. № 12. S. 29–30.
2. Savos`kin A. V. Obrashheniya grazhdan v Rossijskoj Federacii (konstitucionno-pravovoe issledovanie): dis. … d-ra yurid. nauk. Ekaterinburg: UrGYuU, 2019. 482 s.
3. Dvoryanskij I. E`lektronny`j terminal po priemu obrashhenij grazhdan // Zakonnost`. 2011. № 4. S. 26–27.
4. Smushkin A. B. Kommentarij k Federal`nomu zakonu ot 2 maya 2006 g. № 59-FZ «O poryadke rassmotreniya obrashhenij grazhdan Rossijskoj Federacii» (postatejny`j). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».
5. Kalashnikov S. V. Administrativno-pravovoj mexanizm realizacii prava grazhdan na obrashhenie v organy` gosudarstvennoj ispolnitel`noj vlasti Rossijskoj Federacii: dis. … kand. yurid. nauk. Tyumen`. 2024. 302 s.
6. Matrosova L. D., Borisova O. V., Vasilenko V. V., Zav`yalova N. Yu. Cifrovy`e texnologii v realizacii konstitucionnogo prava grazhdan na informaciyu // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2024. № 2(99). S. 98–106.

7. Belevskij R. A. Perspektivy` razvitiya sistemy` informacionnoj bezopasnosti v organax vnutrennix del // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2024. № 4(101). S. 44–51.
8. Mayakova E. O. K voprosu o rassmotrenii e`lektronny`x obrashhenij grazhdan v sisteme MVD Rossii / V sbornike: Aktual`ny`e problemy` administrativnogo i administrativno-processual`nogo prava (Sorokinskie chteniya). Sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Sankt-Peterburg. 2025. S. 307–313.

Информация об авторе

Максим Вячеславович Давыдов. Старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД, кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Maxim V. Davydov. Senior Teacher of the Chair of Administrative Law and Administrative Activities of the Interior Ministry, Candidate of Sciences (Law).
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova St., 2.

Статья поступила в редакцию 17.06.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 17.06.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 342.92

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДОСМОТРОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ КАК МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Денисенко Константин Витальевич
Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, Брянск, Россия

denkos32@mail.ru

Аннотация. В статье обсуждаются особенности осуществления сотрудниками органов внутренних дел различных видов досмотровых мероприятий в рамках административно-юрисдикционной деятельности полиции. Представлены традиционные теоретико-правовые классификации типов досмотров и осмотров как мер административного принуждения, применяемых в правоохранительной практике, и актуальная специфика их реализации. Проведен анализ состояния действующей нормативной правовой базы, рассмотрены особенности правой регламентации досмотровых мероприятий как отельных мер административного принуждения. Обращается внимание на различия в основаниях, целях, содержании, на документирование и порядок проведения каждого досмотрового действия, а также на правоприменительную практику их осуществления. На основании авторского обобщения делается вывод о необходимости актуализации данной тематики в целях правового разграничения вышеуказанных мер в ходе служебной деятельности, исключения случаев нарушения законности осуществления исследуемых правовых процедур, а также совершенствования нормативно-правового регулирования и методического обеспечения данной сферы, обеспечения законности и соблюдения прав и законных интересов граждан.

Ключевые слова: меры административного принуждения, личный досмотр, осмотр, наружный досмотр, меры предупреждения, меры пресечения, меры административно-процессуального обеспечения.

Для цитирования: Денисенко К. В. Правовые аспекты осуществления досмотровых мероприятий как мер административного принуждения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 166–174.

LEGAL ASPECTS OF CONDUCTING SEARCHES AS ADMINISTRATIVE ENFORCEMENT MEASURES

Konstantin V. Denisenko
Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russia named after V. V. Lukyanov, Bryansk, Russia

denkos32@mail.ru

Annotation. This article discusses specific features of how law enforcement officers conduct various types of searches within the administrative-jurisdictional scope of police activities. It examines traditional theoretical and legal classifications of searches and inspections as administrative enforcement measures used in law enforcement, as well

as the current specifics of their implementation. An analysis of the current regulatory framework is provided, and the specifics of legal regulation of searches as separate administrative enforcement measures are considered. Attention is drawn to the differences in the grounds, purposes, content, documentation, and procedures for each search action, as well as the law enforcement practices involved in their implementation. Based on the author's generalization, a conclusion is drawn regarding the need to update this topic in order to legally delineate the measures in question during official activities, eliminate cases of violation of the legality of the implementation of these legal procedures, and improve the legal regulation and methodological support in this area, ensuring the rule of law, and respecting the rights and legitimate interests of citizens.

Keywords: administrative coercion measures, personal search, inspection, external search, warning measures, preventive measures, administrative and procedural support measures.

For citation: Denisenko K. V. Legal aspects of conducting searches as administrative enforcement measures // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 166–174.

Реализация правоохранительной функции государственными органами исполнительной власти зачастую требует применения предусмотренных правовыми актами средств принуждения. Наиболее ярко это проявляется в ходе административно-юрисдикционной деятельности, связанной с пресечением административных правонарушений, что обусловлено значительным их преобладанием в общей массе противоправных действий.

Применение физической силы и специальных средств можно отнести к числу наиболее часто используемых мер принуждения, составляющих содержательную часть деятельности подразделений полиции при охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, защите правопорядка, предотвращении правонарушений. Однако, если применение таких мер не соответствует законодательству и правовым принципам, то это может привести к нарушениям прав и свобод граждан уже со стороны самих правоохранителей [1, с. 123].

Такие действия имеют ярко выраженный внешне властный аспект, символизирующий способность общества и государства защищать установленный порядок даже с применением легального насилия. В связи с чем актуальность изучения проблемных вопросов правоприменения специальных принудительных полномочий сотрудниками полиции продиктована имеющимися случаями нарушения установленного порядка их осуществления и соответствующей необходимостью соблюдения законности при осуществлении служебных обязанностей по защите правопорядка, отвечающих общественным запросам.

Безусловно, что основания и пределы применения таких мер строго регламентированы правовыми актами самого высокого уровня и в ходе нормативного закрепления данные меры в целом получили название мер государственного принуждения. К ним относятся такие виды, как:

– меры административного предупреждения;

– меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях;

– специальные меры пресечения;

– административное наказание [2, с. 75].

Классификация, выделяющая указанные виды мер принуждения, имеет не столько теоретический, сколько практический характер, так как своеобразие всех перечис-

ленных типов определяет их место и применимость в процессе разрешения дел об административных правонарушениях. При этом необходимость четкого разграничения при некотором внешнем сходстве и общих признаках во многом детерминирует применение различных мер в разных правовых ситуациях, несет в себя свой смысл и приоритетные цели в ходе практической реализации [3, с. 19].

Особое место среди рассматриваемых мер занимает, по нашему мнению, группа, объединяющая так называемые досмотровые мероприятия. Отдельные виды досмотров и осмотров, исходя из их оснований, содержания, целей, порядка проведения и документирования, существенно отличаются. Это определяется, во-первых, их принадлежностью к разным классификациям принудительных мер и, соответственно во-вторых, их правовым содержанием и юридическими последствиями их применения.

Применяемые в рамках административно-юрисдикционного процесса меры административного принуждения в целом, а досмотры в частности предусматривают довольно существенные ограничения установленными нормами Конституции прав на личную свободу и личную неприкосновенность к лицам, в отношении которых только рассматривается вопрос об их возможной ответственности, а вина не установлена.

Традиционно выделяют следующие виды досмотровых действий: личный досмотр и досмотр вещей; обыск; осмотр автотранспорта, граждан и ручной клади; а также так называемый наружный досмотр.

Первые два вида относятся к принудительным мерам обеспечения, строго регламентированы законом и являются процессуальными действиями, требующими обязательного составления необходимых протоколов и участия понятых. Произвольность их осуществления практически исключена, а факт их наличия и полученные результаты строго фиксируются, что позволяет объективно оценить качество и законность действий сотрудников правоохранительных органов.

Отметим, что закон четко регламентирует, что объектами и целью проведения данных мер является обнаружение предметов и орудий конкретного правонарушения, в совершении которого обоснованно подозревается гражданин [4, с. 34].

Проведение осмотров относится в основном к мерам предупредительного характера, направленным на недопущение возможных противоправных действий и общественно опасных последствий на охраняемых, критически важных и потенциально опасных объектах, в том числе на объектах транспортной инфраструктуры, а также при проведении общественных массовых мероприятий.

Ключевым отличительным аспектом проведения осмотра является свободное волеизъявление гражданина на его проведение, в отличие от ранее указанных мер обеспечения. Целью является обнаружение, как правило, ограниченных или запрещенных к обороту опасных предметов и веществ. Принудительный же характер заключается в обязательности производства осмотра для прохода на объект или территорию, а в случае отказа от его проведения гражданин просто туда не допускается.

Добровольность и необязательность осуществления осмотра не определяют обязанность составления служебных документов, наличия понятых и других законных требований к нему.

Порядок и основания проведения данного мероприятия обоснованы правовым режимом объекта допуска, а также специальными правовыми режимами и ситуациями, предусмотренными законом (контртеррористическая операция, чрезвычайная ситуация, военное положение).

При этом проведение осмотра, как правило, не связано с ситуациями наличия объективной информации о возможности наличия у гражданина оружия, боеприпасов, взрывных устройств, наркотических средств и психотропных веществ, когда требуется применения мер личного досмотра или обыска.

Наиболее сложным с точки зрения правового содержания является процедура «наружного досмотра», имеющая не законодательную, но определенную нормативную регламентацию.

В содержании перечисленных выше типов мер принуждения нет такой часто осуществляемой на практике процедуры, как наружный досмотр. Между тем данный термин хорошо известен каждому сотруднику полиции, и многие могут описать и продемонстрировать процедуру его проведения.

Данное обстоятельство связано с тем, что эти действия отрабатываются на занятиях по физической подготовке с личным составом как в период обучения в образовательных учреждениях, так и в ходе их практической деятельности в подразделениях. При этом мало кто приведет четкую правовую регламентацию проведения данного действия с точки зрения действующего законодательства и ведомственных нормативных предписаний.

Отправной точкой здесь является поиск нормативного источника, предусматривающего проведение наружного досмотра. Из действующих нормативных актов вы обнаружите его только в ведомственном приказе Министерства внутренних дел России, регламентирующем организацию подготовки кадров в системе ОВД РФ. Данный приказ главным образом определяет содержательную часть занятий по физической подготовке, в том числе и требования по проведению процедуры наружного досмотра (п. 166, 167 Приказа)[1].

Тем временем указанный нормативный акт имеет целевое внутриведомственное использование, устанавливает единые критерии подготовки и проверки сотрудников к действиям, связанным с исполнением служебных полномочий, он не предназначен для правоприменительной практики, поэтому не может рассматриваться как правовое основание проведения на практике такого действия, как наружный досмотр.

Ранее действовал еще один приказ МВД России, предусматривавший рассматриваемую нами процедуру. Так, в п. 266 Устава патрульно-постовой службы полиции говорилось о проведении досмотра как о мере, направленной на обеспечение безопасности сотрудников полиции: «<...> в зависимости от обстоятельств наружный досмотр одежды и вещей, находящихся у задержанных, производится немедленно или в более удобный момент, когда можно получить помощь от других сотрудников полиции или граждан. Обнаруженное оружие и другие предметы, которые могут быть использованы для оказания сопротивления, нападения на наряд или побега, немедленно изымаются»[2].

Однако данный приказ также имел сугубо ведомственную юрисдикцию, а кроме того был отменен другим нормативным актом, в котором комментируемое положение о проведении наружного осмотра сегодня отсутствует[3].

Таким образом, на сегодняшний день в законодательстве Российской Федерации отсутствуют правовые нормы, дающие право сотрудникам полиции проводить наружный досмотр. В нем отсутствует определение самого понятия наружного досмотра и регламентация процедуры его проведения. Такое положение не позволяет, с одной стороны, обеспечивать безопасность сотрудника в процессе служебной дея-

[1] Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[2] Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы милиции общественной безопасности: приказ МВД России от 29 января 2008 г. № 80. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[3] Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России: приказ МВД России от 28 июня 2021 г. № 495. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

тельности, а с другой – обеспечивать соблюдение гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина при его проведении.

По своей сути наружный досмотр сочетает в себе содержание как мер обеспечения, так и мер предупреждения. Поэтому в правоприменительной практике и в сознании сотрудников органов внутренних дел сложилось представление о наружном досмотре как об одном из установленных законом видов досмотровых мероприятий.

Фактически данная процедура рассматривается как мера обеспечения личной безопасности полицейского, а ее цель – обнаружить и изъять опасные предметы, которые могут быть использованы как орудия потенциального нападения. При этом подчеркнем, что, в отличие от личного досмотра, наружный досмотр не имеет целью обнаружить орудия и предметы уже совершенного правонарушения и зафиксировать их как доказательства вины подозреваемого.

Проведение наружного досмотра используется перед осуществлением таких отдельных принудительных мер, как доставление и задержание в рамках как административных процедур (статьи 27.2, 27.3 КоАП РФ), так и уголовно-процессуальных действий (статья 91 УПК РФ). При этом правовая регламентация самих указанных мер принуждения содержится в различных нормативных актах федерального уровня: Конституции Российской Федерации, Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодексе Российской Федерации.

Соблюдение процедурных элементов является важнейшим требованием законности применяемых мер принуждения, и это касается субъектов их проведения, четких оснований, порядка оформления, места и срока их осуществления. Однако ничего подобного относительно процедуры наружного досмотра не содержится в нормах административного или уголовно-процессуального законодательства.

Здесь необходимо подчеркнуть, что применение наружного досмотра может осуществляться не только в отношении подозреваемых в совершении уголовных преступлений с учетом их общественной опасности, но и в отношении лиц, совершивших административное правонарушение. При этом, говоря о последних, мы должны учитывать, во-первых, их сравнительно невысокий уровень общественной опасности (вредности), а во-вторых, их распространенность в общем объеме правовых деликтов и возможность их совершения даже лицом, не имеющим устойчивой криминальной направленности. Кроме того, принципиально важно, что в ходе данных мер происходит ограничение таких конституционных прав человека, как неприкосновенность и достоинство личности [5, с. 61, 63, 65], не говоря уже о морально-этических нюансах этих процедур для гражданина.

Учитывая вышеуказанные аспекты, вместе с тем необходимо подчеркнуть фактическую необходимость проведения процедуры наружного досмотра, а именно ее направленность на обеспечение сохранности жизни и здоровья личного состава органов внутренних дел в потенциально опасных ситуациях служебной деятельности.

В связи с чем представляется целесообразным регламентировать основание и процедуру проведения наружного досмотра как одного их вида мер административного и уголовно-процессуального обеспечения наряду или же в рамках с доставлением и задержанием, внеся соответствующие дополнения в содержание действующих специальных норм права.

Необходимо также регламентировать возможность проведения наружного досмотра в Федеральном законе «О полиции», дополнив раздел «Права полиции» с учетом особенностей и целей его проведения, а также правого статуса и интересов граждан.

Не помешает и правовая регламентация проведения наружного досмотра в действующем Наставлении патрульно-постовой службы как одной из мер обеспечения личной безопасности сотрудника при выполнении служебных обязанностей. При этом

порядок проведения должен корреспондироваться с требованиями приказа по организации подготовки кадров в системе МВД России [6, с. 76].

Однако, как известно, законодательный процесс разработки и принятия необходимых поправок требует четкого обоснования и определенного времени. При этом уже сегодня сотрудникам полиции фактически, а порою и жизненно необходимо ежедневно производить процедуру наружного досмотра. Каким образом в такой ситуации мы можем обосновать законность этого действия? По нашему мнению, выход есть уже в действующем сегодня законодательстве.

Так, Федеральный закон «О полиции» довольно четко определяет правовую базу применения таких специальных полномочий, как доставление, задержание, проникновение в жилые помещения, применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел[4]. Статья 20 закона непосредственно регламентирует случаи применения физической силы сотрудниками полиции, в частности для задержания и доставления. При этом, как известно, законодатель нигде не расшифровывает содержание понятия «физическая сила» в контексте ее рассмотрения в деятельности специально уполномоченных государственных органов.

Между тем в правоприменительной и судебной практике сложилось общепринятое понимание «физической силы» как любого физического (тактильного) контакта сотрудника с гражданином против его воли в рамках решения задач служебной деятельности. В этом смысле диапазон ее применения чрезвычайно широк в соответствии с необходимостью конкретной ситуации. Исходя из данного толкования, проведение наружного досмотра можно рассматривать как вид применения физической силы, основываясь на трактовке содержания положений приказа о «Порядке организации подготовки кадров» (п. 167 Приказа)[5].

Но каким образом должна применяться физическая сила при задержании или доставлении, закон «О полиции» и КоАП РФ не регламентируют. Единственными правовыми установками являются соответствие основаниям (ст. 20 закона «О полиции») и общий порядок применения (ст. 19 закона «О полиции»). Таким образом, основываясь на обозначенных выше аспектах, подчеркнем, что проведение наружного досмотра с нормативной точки зрения можно рассматривать как применение физической силы в рамках процессуальных мер обеспечения задержания и доставления, каковым по сути и исходя из практики он и является [7, с. 65, 66].

Еще одним обязательным условием соблюдения законности в данном случае является обязательное документальное оформление факта наружного досмотра. На этот счет нормативные акты также не содержат никаких предписаний, но необходимо учитывать предлагаемые юридические условия, поскольку составления рапорта о применении здесь недостаточно.

Во-первых, наружный досмотр – это принудительное действие, осуществляемое по инициативе представителя власти.

Во-вторых, в ходе его проведения происходит вторжение в личное пространство и ограничение конституционных прав человека без судебного разрешения.

В-третьих, учитывая указанные аспекты, отметим, что необходима фиксация в официальном публичном документе с указанием необходимости, обстоятельств и результатов проведения.

---

[4] О полиции: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[5] Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Такими документами, по нашему мнению, могут являться протокол доставления, протокол задержания или протокол об административном происшествии. Необходимая запись со ссылкой на основания применения физической силы (п. 2 ч. 1 ст. 20 закона «О полиции») будет являться важной предпосылкой, с одной стороны, законности действий сотрудников полиции, а с другой стороны, гарантией соблюдения прав гражданина.

Без учета законодательной основы правомерность и границы дозволенного поведения сотрудника полиции становятся размытыми, когда возможность нарушить права и свободы гражданина не воспринимается им как фактическое нарушение установленной нормы.

Нарушение даже отдельных положений процедуры и порядка действий по применению физической силы и специальных средств, как мы уже отмечали, способно разрушить весь правовой фундамент и содержательную суть правоохранительной деятельности государства.

Более того, процедура наружного досмотра является одновременно частью обеспечительных мер в отношении правонарушителя и необходимым условием обеспечения личной безопасности сотрудника полиции. При этом по своему содержанию она связана с непосредственным применением физического воздействия на гражданина, что определяет законодательный порядок ее осуществления. Все эти важные аспекты требуют учета и должны включать комплекс профессиональных действий (правовых, вербальных, психологических, тактических и др.), особенно при непосредственном физическом контакте с правонарушителем в сфере фактического ограничения его конституционных прав.

Таким образом, вопросы разграничения типов досмотровых мероприятий, осуществляемых в процессе административно-юрисдикционной деятельности, остаются достаточно актуальными и практически значимыми, что определяется их общими видовыми признаками, такими как характер ограничений, а также форма и способ осуществления. При этом отдельные правовые аспекты некоторых мер законодательно не урегулированы и находятся в поле нормативного правоприменения, порождая особенности их осуществления и конфликтные ситуации между гражданами и сотрудниками силовых ведомств.

В связи с чем теоретический вопрос об относимости конкретного досмотрового мероприятия к определенному виду мер административного принуждения имеет важное правовое и практическое значение. По сути, взаимная обусловленность, последовательность и связь различных видов мер административного принуждения определяют необходимые юридические стандарты их применения, которые должны быть одновременно нацелены на эффективное результативное решение правоохранительных задач и при этом соответствовать строгим требованиям обеспечения законности, соблюдения прав и интересов граждан [8, с. 4, 13].

Представляется, что актуализация данного направления административно-правовых исследований в рамках повышения эффективности публичного права ориентирует субъекты правоохранительной направленности на выработку организационно-тактических рекомендаций по реализации действующих нормативных предписаний осуществления досмотровых мероприятий в целях обеспечения правопорядка и гармонизации социальных отношений между органами государственной власти и гражданами.

---

1. Ковшевацкий В. И., Маркина Э. В. Правовые основания применения личного досмотра, досмотра вещей, находящихся при физическом лице по делу об административном правонарушении // Криминологический журнал. 2024. № 2. С. 122–125.

2. Мусаева Г. М. Административное принуждение: дискуссионные вопросы // Юридический вестник ДГУ. 2023. Т. 46. № 2(66). С. 73–77.
3. Дворяк А. И. Меры административно-процессуального пресечения, применяемые милицией: дис. … канд. юрид. наук. М. 1997. С. 66–76.
4. Трегубов И. С. Правовое регулирование личного досмотра, изъятия вещей и документов, как мер административно-процессуального принуждения // Административное и муниципальное право. 2024. № 1. С. 33–42.
5. Трегубов И. С. Проблемы ограничения конституционных прав личности при применении мер административно-процессуального принуждения // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1(77). С. 59–67.
6. Витютнев Е. Е. Обеспечение личной безопасности сотрудников полиции в ходе несения службы по охране общественного порядка: проблемы и возможные пути решения // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2022. № 2(56). С. 73–76.
7. Куракин А. В. Еще раз о применении физической силы и специальных средств сотрудниками полиции // Полицейская и следственная деятельность. 2024. № 3. С. 60–74.
8. Елисеев А. В. Правовые и организационные основы применения административного задержания в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: монография. Домодедово: ВИПК МВД России, 2019.

1. Kovshevaczkij V. I., Markina E`. V. Pravovy`e osnovaniya primeneniya lichnogo dosmotra, dosmotra veshhej, naxodyashhixsya pri fizicheskom lice po delu ob administrativnom pravonarushenii // Kriminologicheskij zhurnal. 2024. № 2. S. 122–125.
2. Musaeva G. M. Administrativnoe prinuzhdenie: diskussionny`e voprosy` // Yuridicheskij vestnik DGU. 2023. T. 46. № 2(66). S. 73–77.
3. Dvoryak A. I. Mery` administrativno-processual`nogo presecheniya, primenyaemy`e miliciej: dis. … kand. yurid. nauk. M. 1997. S. 66–76.
4. Tregubov I. S. Pravovoe regulirovanie lichnogo dosmotra, iz``yatiya veshhej i dokumentov, kak mer administrativno-processual`nogo prinuzhdeniya // Administrativnoe i municipal`noe pravo. 2024. № 1. S. 33–42.
5. Tregubov I. S. Problemy` ogranicheniya konstitucionny`x prav lichnosti pri primenenii mer administrativno-processual`nogo prinuzhdeniya // Vestnik VIPK MVD Rossii. 2026. № 1(77). S. 59–67.
6. Vityutnev E. E. Obespechenie lichnoj bezopasnosti sotrudnikov policii v xode neseniya sluzhby` po oxrane obshhestvennogo poryadka: problemy` i vozmozhny`e puti resheniya // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2022. № 2(56). S. 73–76.
7. Kurakin A. V. Eshhe raz o primenenii fizicheskoj sily` i special`ny`x sredstv sotrudnikami policii // Policejskaya i sledstvennaya deyatel`nost`. 2024. № 3. S. 60–74.
8. Eliseev A. V. Pravovy`e i organizacionny`e osnovy` primeneniya administrativnogo zaderzhaniya v deyatel`nosti organov vnutrennix del Rossijskoj Federacii: monografiya. Domodedovo: VIPK MVD Rossii, 2019.

Информация об авторе

Константин Витальевич Денисенко. Доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, кандидат юридических наук.

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

241050, Россия, г. Брянск, 2-й Советский пер., 2а.

Information about the author

Konstantin V. Denisenko. Assistant Professor of the Chair of State and Civil Law Disciplines, Candidate of Sciences (Law).

Bryansk Branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov.

241050, Russia, Bryansk, per. Vtoroy Sovetsky, 2A.

Статья поступила в редакцию 27.07.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.

The article was received in the editorial office on 27.07.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 342.7

ОБЯЗАННОСТЬ БЕЗ СРОКА: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ УВЕДОМЛЕНИЯ ОБ УБЫТИИ ИНОСТРАННОГО ГРАЖДАНИНА ПРИНИМАЮЩЕЙ СТОРОНОЙ

Зраева Ирина Михайловна[1], Полякова Наталья Викторовна[2]
[1]Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, Брянск, Россия
[2]Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия

[1]zraeva@mail.ru
[2]n.v.poliakova@list.ru

Аннотация. В настоящей статье анализируется проблемный аспект функционирования института миграционного учета в России, обусловленный отсутствием четкой правовой регламентации временного периода, отведенного принимающей стороне, физическому лицу на направление уведомления о снятии иностранного гражданина с учета по месту временного нахождения. Анализируются изменения, внесенные Федеральным законом № 257-ФЗ, устанавливающие обязанность уведомления, но не определяющие временные рамки ее исполнения для принимающей стороны – физического лица. Авторами обосновывается вывод о том, что данный правовой пробел порождает невозможность привлечения физических лиц к административной ответственности за неисполнение обязанности предоставления уведомления об убытии лица, что снижает эффективность миграционного контроля. В качестве решения предлагается внесение системных изменений в действующее законодательство.

Ключевые слова: миграционный учет, принимающая сторона, уведомление об убытии, снятие с учета, иностранные граждане, правовой пробел, административная ответственность.

Для цитирования: Зраева И. М., Полякова Н. В. Обязанность без срока: проблемы реализации уведомления об убытии иностранного гражданина принимающей стороной // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 175–182.

OBLIGATION WITHOUT A TIME LIMIT: PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE NOTIFICATION OF THE DEPARTURE OF A FOREIGN CITIZEN BY THE ACCEPTING PARTY

Irina M. Zraeva[1], Natalya V. Polyakova[2]
[1]Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russia named after V. V. Lukyanov, Bryansk, Russia
[2]Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia

[1]zraeva@mail.ru
[2]n.v.poliakova@list.ru

Annotation. This article analyzes the problematic aspect of the functioning of the migration registration institution in Russia, which is caused by the lack of clear legal

regulation of the time period allotted to the host party, an individual, to send a notification about the removal of a foreign citizen from registration at the place of temporary residence. The article analyzes the changes introduced by Federal Law No. 257-FZ, which establish the obligation to notify, but do not specify the time frame for its implementation by the host party, an individual. The author substantiates the conclusion that this legal gap creates an impossibility of bringing individuals to administrative responsibility for failure to comply with the obligation to provide a notification of a person's departure, which reduces the effectiveness of migration control. As a solution, it is proposed to introduce systemic changes to the current legislation.

Keywords: migration registration, host country, notification of departure, deregistration, foreign citizens, legal gap, administrative liability.

For citation: Zraeva I. M., Polyakova N. V. Obligation without a time limit: problems of implementing the notification of the departure of a foreign citizen by the accepting party // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 175–182.

В современных условиях глобализации Российская Федерация остается одним из центров притяжения миграционных потоков и транзитных направлений мигрантов, а также одной из крупнейших принимающих стран. Интенсивность краткосрочных и длительных перемещений иностранных граждан усиливается вследствие экономических, туристических, образовательных и трудовых причин, вооруженных конфликтов. Более того, новые мировые потрясения, в том числе и на Ближнем Востоке, могут стать катализатором новой волны миграционного потока.

Интенсивность передвижений иностранных граждан и лиц без гражданства предъявляет повышенные требования к государственной системе контроля за их пребыванием, которая должна совмещать гибкость с жесткостью регулирования. Обладание государством исчерпывающими сведениями о мигрантах и их перемещениях является необходимым условием эффективности такого контроля [1, с. 212]. Институт миграционного учета в данных условиях приобретает значение фундаментального инструмента, обеспечивающего формирование актуальной, достоверной и оперативной информационной базы о передвижениях иностранных лиц.

Аккумулирование подобных данных необходимо не только для статистического анализа и прогнозирования, но и для защиты прав как самих мигрантов, так и принимающего сообщества и в целом приобретает ключевое значение для поддержания государственной безопасности, общественного порядка и эффективности миграционной политики.

Статистические данные ГИАЦ МВД России свидетельствуют о высокой интенсивности миграционных потоков, фиксируемой через процедуру постановки на учет. В допандемийный период (2017–2019 гг.) наблюдался устойчивый рост: с 15,7 млн до 17,7 млн, а затем до 19,5 млн чел. Пандемийный 2020 год привел к снижению показателя до 9,8 млн чел., после чего последовало постепенное восстановление: в 2021 году – 13,3 млн чел., в 2022 году – 16,8 млн чел., в 2023 году – 17,0 млн чел. В 2024 году зафиксировано снижение до 9,9 млн чел.[1]

Значимость института миграционного учета поддерживается в научной среде. Так, Н. В. Полякова отмечает, что «миграционный учет выполняет важную роль. Фиксация в Государственной информационной системе миграционного учета (далее – ГИСМУ) сведений об иностранных гражданах и их перемещениях по территории Российской Федерации способствует накоплению информации, позволяющей проводить

[1] Главный Информационный Центр Министерства Внутренних Дел Российской Федерации. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/ dejatelnost/statistics/migracionnaya (дата обращения: 18.03.2026).

анализ миграционных процессов, их структуры, динамики и на основании этого вырабатывать обоснованные управленческие решения, направленные на противодействие незаконным формам миграции» [2, с. 306].

Е. А. Лебедева также констатирует, что «институт миграционного учета иностранных граждан является одним из действенных механизмов контроля за миграционными потоками на территории Российской Федерации. Отсутствие миграционного учета приведет к беспорядочному перемещению иностранцев по стране, что скажется на увеличении их скопления в местах наибольшей экономической привлекательности, сделает затруднительным или даже невозможным контроль за их нахождением со стороны органов внутренних дел и в конечном счете приведет к росту преступности мигрантов и создаст угрозу национальной безопасности России» [3, с. 243]. Значимость института миграционного учета отмечают и другие исследователи, а именно: А. С. Прудников [4, с. 143], О. М. Пономарева [5, с. 381], А. И. Горбатов [6, с. 94], Д. В. Ушатов [7, с. 137], Е. Г. Капустина [8, с. 149].

Нормативное правовое регулирование института миграционного учета в законодательстве Российской Федерации достаточно широко. Вопросы порядка постановки и снятия с миграционного учета регламентируются федеральными законами от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»[2], от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»[3], от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»[4], а также ведомственными приказами МВД России, содержащими вопросы порядка и процедуры оказания государственной услуги по миграционному учету территориальными подразделениями по вопросам миграции.

В основе действующего порядка миграционного учета в Российской Федерации лежит модель презумпции ответственности принимающего субъекта. Законодательное регулирование конструирует обязанность по взаимодействию с органами учета таким образом, что она всецело замыкается на лице, обеспечивающем иностранного гражданина помещением для фактического проживания. Данное лицо обязано инициировать процедуру постановки на учет при прибытии иностранца, а также в установленных законом случаях снимать его с учета при убытии. Такой подход позволяет государству осуществлять «двойной контроль» – за самим иностранным гражданином и за лицом, обеспечивающим его пребывание.

Согласно статье 2 Федерального закона РФ от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ» (далее – Закон № 109-ФЗ), под принимающей стороной понимается широкий круг лиц, предоставивших иностранному гражданину для фактического проживания жилое или иное помещение. К ним относятся не только юридические лица различных организационно-правовых форм (гостиницы или иные средства размещения, в которых предоставляются услуги средств размещения; организации отдыха детей и их оздоровления; медицинские организации, оказывающие медицинскую помощь в стационарных условиях; организации социального обслуживания, предоставляющие социальные услуги в стационарной форме; учреждения, исполняющие уголовное или административное наказание), но и граждане Российской Федерации, постоянно проживающие в России, ино-

[2] О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: Федер. закон Рос. Федерации от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[3] О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[4] О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ: Федер. закон Рос. Федерации от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

странные граждане, а также лица без гражданства, имеющие жилое помещение в собственности. Именно на данную категорию лиц возлагается обязанность по обеспечению постановки иностранного гостя на учет по месту пребывания.

Логика миграционного учета предполагает не только фиксацию прибытия, но и обязательное уведомление об убытии иностранца.

Следует отметить, что обращение к историческому экскурсу становления законодательства о миграционном учете позволяет выявить этап, в течение которого обязанность принимающей стороны по направлению уведомления об убытии иностранного лица отсутствовала. Вплоть до июля 2018 года действовавший механизм снятия иностранного гражданина с учета ограничивался закрытым перечнем юридических фактов: смерть данного лица, его фактическое покидание территории Российской Федерации, признание постановки на учет фиктивной, а также постановка иностранного гражданина на учет по новому месту пребывания. В ситуации смерти лица, выезда за пределы России вопрос терял актуальность контроля за миграционными перемещениями. В случае же смены места пребывания иностранцем миграционный учет получал заявительный характер и снятие с учета происходило преимущественно в автоматическом режиме при постановке на учет по новому адресу. Однако невыполнение обязанности по постановке на миграционный учет по новому месту пребывания приводило к накоплению «виртуальных» мигрантов в жилых помещениях, которые они фактически покинули. Таким образом, без фиксации факта убытия из конкретного места пребывания информационная база данных (ГИСМУ) теряла свою актуальность, что создавало иллюзию присутствия лица там, где оно фактически не находится.

Существенным этапом в развитии законодательства стало внесение поправок в Закон № 109-ФЗ, предусматривающих изменения в статьи 8 и 23, установившие обязанность принимающей стороны не только уведомлять о постановке на учет, но и об убытии иностранца к новому месту пребывания[5].

Федеральным законодателем в рамках реформирования миграционного учета введен новый юридический факт, влекущий снятие иностранного гражданина с учета по месту пребывания, – его убытие из занимаемого помещения[6]. Соответствующие дополнения внесены в Федеральный закон № 109-ФЗ: ч. 3 ст. 8 дополнена п. 5, а ч. 1 ст. 23 – п. 5, закрепляющим указанное основание. Одновременно п. 5 ч. 2 ст. 23 на принимающую сторону возложена обязанность по направлению в орган миграционного учета уведомления об убытии. Процедурные аспекты реализации данной обязанности (личное обращение, почтовое отправление, электронная форма, подача через многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг (далее – МФЦ) урегулированы в ч. 2.2–2.3 ст. 23, равно как и порядок утверждения формы уведомления и предъявляемых к нему требований. В результате проведенных изменений процедура снятия с учета поставлена в зависимость от поступления соответствующего уведомления от принимающей стороны, а обязанность последней по инициированию данной процедуры приобрела нормативное закрепление.

---

[5] О внесении изменений в статьи 8 и 23 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» в части снятия иностранного гражданина или лица без гражданства с учета по месту пребывания в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 29 июля 2018 г. № 257-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[6] Об утверждении формы уведомления об убытии иностранного гражданина или лица без гражданства из места пребывания, перечня сведений, содержащихся в указанном уведомлении, требований к его оформлению, порядка его направления в орган миграционного учета, в том числе в электронной форме, а также срока хранения копии указанного уведомления в многофункциональном центре предоставления государственных и муниципальных услуг или организации федеральной почтовой связи: приказ МВД России от 14 сентября 2020 г. № 641. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В целом эффективность данного института напрямую зависит от четкости правового регулирования обязанностей всех участников правоотношений, в первую очередь принимающей стороны, на которую возложен основной объем функций по постановке и снятию иностранного гражданина с учета.

Следует согласиться с Е. А. Лебедевой в том, что «процедуры миграционного учета требуют максимальной прозрачности и детализации с тем, чтобы минимизировать возможность применения административного усмотрения при их реализации» [3, с. 246].

Однако при детальном анализе правоприменительной практики выявляется существенный недостаток правового регулирования. В соответствии с подпунктом «д» пункта 37 Постановления Правительства РФ от 15.01.2007 № 9 «О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»[7], снятие с учета оформляется после получения уведомления об убытии.

Если в отношении отдельных категорий юридических лиц (гостиницы, санатории, медицинские организации и др.) срок подачи такого уведомления четко регламентирован – не позднее двенадцати часов рабочего дня, следующего за днем убытия, то для иных категорий принимающих сторон, в первую очередь для физических лиц, такой срок в законе не определен.

П. 5 ч. 1 ст. 23 Закона № 109-ФЗ называет основание для снятия, но не содержит указания на период, в течение которого принимающая сторона обязана совершить это действие. Подзаконные акты также не восполняют данный пробел применительно к гражданам. Это создает правовую ситуацию: обязанность формально существует, но временные рамки ее исполнения не установлены.

Отсутствие императивно установленного срока исполнения принимающей стороной – физическим лицом – обязанности по снятию с учета делает невозможным применение мер административной ответственности. Ч. 4 ст. 18.9 КоАП РФ[8] предусматривает ответственность за неисполнение принимающей стороной обязанностей в связи с осуществлением миграционного учета. Однако для привлечения к ответственности необходимо установить сам факт правонарушения, который в данном случае выражается в пропуске срока. Если срок не определен законом, состав правонарушения отсутствует.

Данная ситуация влечет за собой ряд негативных последствий:

1. Снижение эффективности миграционного учета. Базы данных миграционных органов перестают отражать актуальную информацию о месте нахождения иностранного гражданина, что затрудняет оперативно-разыскную и профилактическую работу.

2. Ухудшение контроля. Отсутствие актуальных данных не позволяет достоверно оценивать миграционную ситуацию и прогнозировать ее развитие, формировать адекватную миграционную политику.

3. Создание условий для нарушений. Пробел в праве может способствовать злоупотреблениям и формированию правового нигилизма, поскольку принимающая сторона не несет никаких санкций за несообщение об убытии гостя, даже если он выехал давно.

Вместе с тем согласно Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 гг. совершенствование миграционного законодательства Российской Федерации предполагает прежде всего «установление простых,

---

[7] О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: постановление Правительства Рос. Федерации от 15 января 2007 г. № 9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[8] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

понятных для иностранных и российских граждан и исполнимых правил, отвечающих цели, основным принципам и задачам миграционной политики, исключающих административные барьеры и обусловленные ими издержки» [9].

В целях устранения выявленного правового пробела, совершенствования миграционного законодательства и повышения эффективности миграционного учета представляется необходимым внесение изменений в действующие нормы закона.

Наиболее рациональным подходом видится установление для принимающей стороны (физического лица) временного лимита на подачу уведомления о выбытии иностранца, единого по своей правовой природе с периодом, отведенным на регистрацию по месту пребывания. В качестве оптимального срока предлагается период в три рабочих дня.

Для реализации этого предложения необходимо:

1. Внести дополнения в статью 23 Федерального закона № 109-ФЗ, снабдив ее частью, устанавливающей, что уведомление об убытии иностранного гражданина подается принимающей стороной в орган миграционного учета не позднее трех рабочих дней со дня убытия иностранного гражданина.

2. Внести соответствующие изменения в Постановление Правительства РФ от 15.01.2007 № 9 «О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», конкретизировав порядок исчисления этого срока.

Срок в три рабочих дня представляется разумным и сбалансированным: он достаточен для того, чтобы гражданин мог посетить МФЦ, орган МВД России или воспользоваться порталом «Госуслуги» и в то же время позволяет государству оперативно актуализировать данные миграционного учета.

Принятие данных изменений позволит устранить правовую неопределенность в вопросе сроков, дисциплинировать принимающую сторону, обеспечит реализацию принципа неотвратимости административной ответственности, актуальность и достоверность баз данных миграционного учета, позволит повысить общий уровень контроля за пребыванием иностранных граждан в Российской Федерации.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о наличии системного пробела в российском миграционном законодательстве в части регулирования сроков уведомления об убытии иностранного гражданина для принимающей стороны – физического лица. Поправки 2018 года (Федеральный закон № 257-ФЗ), закрепив обязанность уведомления, оставили без внимания временные параметры ее реализации, что сделало данную обязанность декларативной. Восполнение этого пробела путем законодательного закрепления трехдневного срока для подачи уведомления является насущной необходимостью, направленной на совершенствование государственного управления в сфере миграции и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации.

---

1. Зраева И. М. К вопросу о постановке на миграционный учет членов семьи временно пребывающего иностранного гражданина, имеющего на территории российской федерации жилое помещение на праве собственности. Вестник экономической безопасности. 2018. № 2. С. 211–214.

2. Полякова Н. В. Миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства: законодательство и практика его реализации // Научный Бюллетень Воронежского института МВД России. 2004. № 2. С. 306–311.

[9] О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы: Указ Президента Рос. Федерации от 15 октября 2025 г. № 738. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Лебедева Е. А. Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (сорокинские чтения) Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Сорокина Валентина Дмитриевича в связи со 100-летием со дня рождения. Санкт-Петербург, 2024. Санкт-Петербургский университет МВД России. С. 243–249.
4. Прудников А. С. О некоторых вопросах повышения эффективности федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции // Криминологический журнал. 2025. С. 142–145.
5. Пономарева О. М. Миграционный учет иностранных граждан: состояние и направления совершенствования административно-правовое регулирование охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: проблемы и пути их решения материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2025. С. 381–384.
6. Горбатов А. И. Административно-процедурная деятельность по предоставлению государственных услуг, реализуемая должностными лицами подразделений по вопросам миграции МВД России. Актуальные вопросы совершенствования деятельности подразделений и служб органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: сборник научных статей по материалам всероссийской научно-практической конференции, посвященной вопросам правового и организационного обеспечения деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. М., 2025. С. 91–96.
7. Ушатов Д. В. Вопросы совершенствования системы контроля в сфере миграционного учета иностранных граждан // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2025. № 2(67). С. 135–139.
8. Капустина Е. Г. Новый уровень миграционной политики в Российской Федерации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 147–155.

1. Zraeva I. M. K voprosu o postanovke na migracionny`j uchet chlenov sem`i vremenno preby`vayushhego inostrannogo grazhdanina, imeyushhego na territorii rossijskoj federacii zhiloe pomeshhenie na prave sobstvennosti. Vestnik e`konomicheskoj bezopasnosti. 2018. № 2. S. 211–214.
2. Polyakova N. V. Migracionny`j uchet inostranny`x grazhdan i licz bez grazhdanstva: zakonodatel`stvo i praktika ego realizacii // Nauchny`j Byulleten` Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2004. № 2. S. 306–311.
3. Lebedeva E. A. Aktual`ny`e problemy` administrativnogo i administrativno-processual`nogo prava (sorokinskie chteniya) Sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashhyonnoj pamyati doktora yuridicheskix nauk, professora, zasluzhennogo deyatelya nauki Rossijskoj Federacii Sorokina Valentina Dmitrievicha v svyazi so 100-letiem so dnya rozhdeniya. Sankt-Peterburg, 2024. Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii. S. 243–249.
4. Prudnikov A. S. O nekotory`x voprosax povy`sheniya e`ffektivnosti federal`nogo gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) v sfere migracii // Kriminologicheskij zhurnal. 2025. S. 142–145.
5. Ponomareva O. M. Migracionny`j uchet inostranny`x grazhdan: sostoyanie i napravleniya sovershenstvovaniya administrativno-pravovoe regulirovanie oxrany` obshhestvennogo poryadka i obespecheniya obshhestvennoj bezopasnosti: problemy` i puti ix resheniya materialy` ezhegodnoj mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Sankt-Peterburg, 2025. S. 381–384.

6. Gorbatov A. I. Administrativno-procedurnaya deyatel`nost` po predostavleniyu gosudarstvenny`x uslug, realizuemaya dolzhnostny`mi liczami podrazdelenij
po voprosam migracii MVD Rossii. Aktual`ny`e voprosy` sovershenstvovaniya deyatel`nosti podrazdelenij i sluzhb organov vnutrennix del v sfere oxrany` obshhestvennogo poryadka i obespecheniya obshhestvennoj bezopasnosti: sbornik nauchny`x statej po materialam vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashhennoj voprosam pravovogo i organizacionnogo obespecheniya deyatel`nosti podrazdelenij po delam nesovershennoletnix organov vnutrennix del. M., 2025. S. 91–96.
7. Ushatov D. V. Voprosy` sovershenstvovaniya sistemy` kontrolya v sfere migracionnogo ucheta inostranny`x grazhdan // Vestnik Sankt-Peterburgskoj yuridicheskoj akademii. 2025. № 2(67). S. 135–139.
8. Kapustina E. G. Novy`j uroven` migracionnoj politiki v Rossijskoj Federacii // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2025. № 4(105). S. 147–155.

Информация об авторах

Зраева Ирина Михайловна. Начальник кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент.

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

241050, Россия, г. Брянск, 2-й Советский пер., 2а.

Полякова Наталья Викторовна. Начальник кафедры административного права, кандидат юридических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

394065, Россия, г. Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Information about the authors

Irina M. Zraeva. Head of the Chair of State and Civil Law Disciplines, Candidate of Sciences (Law), associate professor.

Bryansk Branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov.

241050, Russia, Bryansk, per. Vtoroy Sovetsky, 2A.

Natalia V. Polyakova. Head of the Chair of Administrative Law, Candidate of Sciences (Law), associate professor.

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

394065, Russia, Voronezh, Patriotov Avenue, 53.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 02.07.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.

The article was received in the editorial office on 02.07.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 34

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНТЕГРАЦИИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД НОВЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Нечай Сергей Леонидович[1], Куликова Светлана Геннадьевна[2]
[1]Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, Брянск, Россия
[2]Академия управления МВД России, Москва, Россия

[1]s.l.nechay@gmail.com
[2]cvetlana-1977@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается механизм и особенности интеграции в состав Российской Федерации новых субъектов – ЛНР, ДНР, Херсонской и Запорожской областей. Проанализирована правовая основа как непосредственного вхождения, так и переходного периода. В рамках последнего изучены практические меры, применяемые российскими властями, а также выявлены проблемные вопросы в сфере гражданства и паспортизации населения новых субъектов. Отдельно обозначаются конституционно-правовые меры реализации базовых основ правового статуса личности человека и гражданина в Российской Федерации, которые обеспечили полноценную интеграцию населения новых субъектов в состав России с предоставлением всех прав и свобод, присущих гражданам Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция РФ, новые субъекты России, интеграция, новые субъекты, ДНР, ЛНР, Запорожская область, Херсонская область, включение новых субъектов в состав Российской Федерации.

Для цитирования: Нечай С. Л., Куликова С. Г. Правовое регулирование интеграции и обеспечения конституционных прав и свобод новых субъектов Российской Федерации // Научный вестник орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 183–193.

LEGAL REGULATION OF INTEGRATION AND ENSURING CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS OF NEW SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Sergey L. Nechay[1], Svetlana G. Kulikova[2]
[1]Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russia named after V. V. Lukyanov, Bryansk, Russia
[2]Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia

[1]s.l.nechay@gmail.com
[2]cvetlana-1977@mail.ru

Annotation. This article examines the mechanism and specifics of the integration of new constituent entities into the Russian Federation – the LPR, DPR, and the Kherson and Zaporozhye regions. The legal framework for both the immediate integration and the transition period are analyzed. During the transition period, the practical measures implemented by the Russian authorities are examined, and problematic issues in the area of citizenship and passportization of the population of the new constituent entities

are identified. Specifically, the constitutional and legal measures for implementing the fundamental principles of the legal status of individuals and citizens in the Russian Federation are outlined, ensuring the full integration of the population of the new constituent entities into Russia, with the provision of all the rights and freedoms inherent to citizens of the Russian Federation.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, new subjects of Russia, integration, new subjects, DPR, LPR, Zaporizhzhia Oblast, Kherson Oblast, inclusion of new subjects into the Russian Federation.

For citation: Nechay S. L., Kulikova S. G. Legal regulation of integration and ensuring constitutional rights and freedoms of new subjects of the Russian Federation // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 183–193.

Интеграция Донецкой и Луганской Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей в состав Российской Федерации опирается на четыре федеральных конституционных закона – № 5-ФКЗ, 6-ФКЗ, 7-ФКЗ и 8-ФКЗ [1]. Их приняли 4 октября 2022 года, и с тех пор они стали тем фундаментом, на котором выстроен весь процесс вхождения новых территорий. Это не просто формальные документы – они определяют последовательность действий, условия и границы того, что допустимо, а что нет при включении регионов в состав страны.

В законах детально прописано, какой правовой статус получают новые субъекты с первого дня после присоединения. Когда говорят об интеграции новых регионов, часто сводят все к формальностям: мол, приняли законы, определили границы – и дело сделано. На самом деле за этими законами стоит куда более сложная конструкция. Речь не просто о географических точках на карте и не о названиях, которые сменили вывески на зданиях администраций. Речь о том, как выстраиваются новые отношения – между местными властями и федеральным центром, между судами и правоохранительными органами, между людьми и государством. И законы № 5–8-ФКЗ как раз описывают эту конструкцию в деталях, начиная с того, какие органы управления создаются в регионах и как они взаимодействуют с Москвой, и заканчивая тем, как перестраивается судебная система, чтобы она работала по единым правилам, но с учетом местных реалий [2, с. 42].

Один из самых чувствительных моментов – референдумы. В законах прописана вся цепочка: от того, кто и когда может инициировать голосование, до того, как считаются голоса и объявляются результаты. Но главное – подчеркнуто, что волеизъявление людей должно быть действительно свободным, без давления и манипуляций. Это не просто декларация: в текстах законов закреплены конкретные механизмы наблюдения, прозрачности процедур и учета мнения даже тех, кто голосовал против. Сделано это специально, чтобы потом ни у кого не возникло сомнений в легитимности процесса. Законодатели предусмотрели, что люди могут выражать свое согласие на интеграцию по-разному – не только через бюллетень, но и через общественные слушания, обращения, участие в местных советах. И все эти формы зафиксированы в правовом поле, чтобы исключить двусмысленность: вот так считается «да», вот так «нет», а вот так – воздержался.

Параллельно законы определяют, что могут и чего не могут делать федеральные органы в ходе интеграции. Важно, что это не про тотальный контроль сверху. Это про систему сдержек: федеральный центр имеет право следить за ходом процесса, запрашивать отчеты, проводить проверки, но не вмешиваться в текущее оперативное управление регионами. Такая конструкция позволяет вовремя заметить проблемы, например: если где-то затягивают с выплатой пенсий или возникают сложности с перерегистрацией предприятий – и оперативно предложить решения. Важно, что при всем

этом регионы не превращаются в безропотных исполнителей воли центра. Им оставляют достаточно свободы в повседневных вопросах: в том, как организовать местное самоуправление, как строить отношения с бизнесом, как решать коммунальные проблемы. Это принципиальный момент, потому что каждый из новых субъектов – это не пустой лист, а территория со своей историей, менталитетом, укладом. Где-то люди привыкли к одним формам землепользования, где-то – к другим налоговым льготам, где-то в почете национальные традиции, влияющие на семейные и соседские отношения. И если бы федеральный центр попытался все унифицировать, это вызвало бы отторжение. Поэтому сохраняется пространство для маневра: регионы могут принимать решения, которые учитывают их особенности, но при этом не противоречат общим принципам.

Это каждодневная рутина, где люди сталкиваются с реальными проблемами: кому-то нужно переоформить квартиру, доставшуюся от родителей по старому украинскому свидетельству; кто-то не может получить пенсию, потому что его трудовой стаж записан в архивах, которые не перенесены в электронную базу; кто-то должен устроить ребенка в школу и не знает, какие документы требуются. И для решения именно этих вопросов нужны четкие, однозначные законы, которые дают ответы, не оставляя места для сомнений или произвольных трактовок. Переходный период – это время, когда закладываются основы стабильности на десятилетия вперед. И от того, насколько грамотно, справедливо и с человеческим лицом это сделано, зависит, станут ли новые правила органичной частью жизни или останутся чуждой конструкцией, которую люди будут терпеть, но не принимать.

Одним из центральных направлений правовой интеграции новых субъектов в Российскую Федерацию стало урегулирование вопросов гражданства их населения. Федеральные конституционные законы о принятии Донецкой и Луганской Народных Республик, а также Запорожской и Херсонской областей содержат нормы прямого гражданства, которые определяют правовой статус миллионов людей, проживающих на этих территориях. В соответствии с этими законами все лица, постоянно проживавшие в этих регионах на момент их вхождения в состав России (30 сентября 2022 г.), признаются гражданами Российской Федерации с даты вступления в силу федеральных конституционных законов. Такое правило отражает принцип государственной преемственности и направлено на сохранение преемственности правового статуса населения, предотвращение возникновения правового вакуума и защиту основных прав жителей.

После принятия субъектов в состав федерации начинается период гармонизации их законодательства, в течение которого региональные правовые нормы приводятся в соответствие с федеральными нормами. Этот этап характеризуется комплексом организационных, правовых и процессуальных мер, направленных на устранение противоречий и несоответствий в правовых актах, а также на создание единой системы органов публичной власти [3, с. 63–64] и правовой среды в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством.

Когда новые регионы вошли в состав России, перед властями встала непростая задача: местные законы, по которым люди жили годами, нужно было привести в соответствие с федеральными. Для этого ввели переходный период – по сути, время, в течение которого региональное законодательство «подгоняют» под общероссийские стандарты. Это не разовая акция, а длительный, кропотливый процесс, растянутый на годы.

Главное, что определяет этот период, – жесткие сроки. Для каждого этапа гармонизации установлены свои дедлайны: когда нужно принять те или иные поправки, когда согласовать документы с центром, когда уведомить федеральные органы. Все это расписано, чтобы не возникало хаоса. Параллельно ввели единые правила уведомлений: например, как региональные власти должны отчитываться о принятых решениях и какие бумаги направлять в Москву.

Чтобы справиться с таким объемом работы, создали межведомственные группы из федеральных и региональных экспертов. Они изучают каждый местный закон, сравнивают его с федеральными нормами, ищут противоречия и предлагают, что и как менять. На первых порах таких нестыковок обнаружилось много. Например, в земельном законодательстве, в вопросах регистрации бизнеса, в порядке предоставления льгот – везде были свои особенности, которые теперь нужно пересматривать. Причем корректировки касаются не только самих законов, но и подзаконных актов: указов губернаторов, постановлений местных правительств, ведомственных инструкций.

Один из главных рабочих инструментов в переходный период – это создание специального регионального административного органа. На первый взгляд название звучит сухо, но на деле это целая команда людей, которые занимаются самой что ни на есть практической работой: они пишут проекты новых законов для своих регионов, перекраивают местные нормы так, чтобы они не расходились с федеральными. И тут сразу возникает сложность, с которой сталкиваются все, кто пробовал это делать. Нельзя просто взять и скопировать закон, который работает в Московской области или в Татарстане, и вставить его в правовое поле Донецкой Республики. Потому что в каждом регионе – своя история. Например, на Донбассе десятилетиями складывались особые отношения с землей: там иначе оформляли аренду, по-своему регистрировали права на участки, особенно сельхозугодья. В Запорожской области – свой уклад, связанный с агропромышленными комплексами и портовой инфраструктурой. На Луганщине – традиции шахтерских городов, где многое завязано на социальных гарантиях для горняков. Просто перенести общие нормы – значит сломать эти механизмы, оставить людей без понятных правил. Поэтому задача такого органа – найти золотую середину: сохранить то, что работало десятилетиями, но при этом не нарушить единое конституционное поле страны. Это как перестроить старый дом, не разрушая несущих стен.

Параллельно идет настройка судебной системы. Это, пожалуй, самое тонкое место. Мало переписать процессуальные кодексы – нужно, чтобы люди поверили, что суды теперь будут честными. До этого в регионах действовали свои судебные практики, иногда – отличные от российских. Кто-то привык к упрощенным порядкам подачи исков, кто-то – к тому, что судебные решения долго не исполняются. Теперь все должно работать по-другому. Изменяют процедуры: как подавать заявление, как собирать доказательства, как обжаловать решения. Укрепляют независимость судей – чтобы они не зависели от местных начальников, а руководствовались только законом. Приводят к единому знаменателю статус правоохранителей – их полномочия, ответственность, порядок взаимодействия со следователями и прокуратурой. Все это не просто бюрократические тонкости. На практике каждый день возникают споры: кто-то не может вступить в наследство из-за того, что старые документы признают недействительными; предприятия судятся по поводу контрактов, заключенных еще при украинской власти; люди не могут получить компенсации за разрушенное жилье. И если судебная система даст сбой или будет восприниматься как «свой-чужой», эти конфликты могут тянуться годами. Поэтому настройка судов – это не просто техническая задача, а основа социального мира.

За всем этим процессом следят специальные комитеты и аналитические центры – и на федеральном уровне, и в самих регионах. Они не сидят в кабинетах, не ждут, пока им принесут бумажные отчеты. Их сотрудники выезжают на места, общаются с людьми, собирают статистику: как применяются новые нормы, где происходят задержки, насколько быстро решаются типичные проблемы. Например, в одном городе замечают, что местные жители не могут получить справки для оформления субсидий, потому что старые архивы не оцифрованы. В другом – предприниматели жалуются, что регистрация бизнеса идет дольше положенного срока. Аналитики собирают эту информацию, выделяют проблемные узлы, и на основе их данных вносятся корректи-

вы. Такой механизм позволяет не ждать, пока процесс зайдет в тупик и люди начнут массово не довольствоваться, а вмешиваться уже на этапе первых трудностей. Это как система быстрого реагирования: заметили сбой – тут же подсказали, как его исправить. Благодаря этому правовая система не застывает в мертвой букве, а остается гибкой и предсказуемой. А в условиях, когда люди и бизнес только привыкают к новым правилам, предсказуемость – это самое ценное.

Особое место в переходный период занимает социальное обеспечение. До вхождения в состав России в этих регионах действовала своя система: пенсии платили по одним правилам, пособия – по другим, льготы рассчитывали по-своему. Теперь все перестраивается на российские стандарты. И это огромный массив работы: нужно пересчитать пенсии десяткам тысяч людей, привести в порядок списки получателей, установить единые правила назначения выплат. При этом важно не просто формально перейти на новые нормы, а защитить трудовые права граждан. Человек, который всю жизнь проработал на шахте, не должен оказаться перед фактом, что его стаж теперь не засчитывается или что он не получит положенные надбавки. Люди должны видеть, что пенсии приходят вовремя и в полном объеме, что они могут лечиться по полису, брать больничные, получать страховые выплаты. Для многих это вопрос выживания, особенно в регионах, где многие потеряли работу из-за боевых действий. Поэтому переход по соцобеспечению – это не просто техническая процедура, а главный показатель того, что государство действительно заботится о своих новых гражданах. И каждый сбой здесь болезненно отражается на доверии, поэтому на этих направлениях работают особенно тщательно, с постоянным мониторингом и обратной связью от людей. При этом переход на российские стандарты не должен быть болезненным – поэтому ввели переходные льготы, отсрочки по платежам, временные послабления для бизнеса. Но главное, что меняется, – сам подход: социальные гарантии теперь не воспринимаются как «что-то временное», они становятся частью общей федеральной системы, где каждый гражданин знает свои права и может их отстаивать.

Конечно, все идет не всегда гладко. Встречаются сложности с документами, с идентификацией людей, с перерегистрацией имущества. Но сам переходный период задуман именно как инструмент, позволяющий эти сложности решать поэтапно, а не разовым ударом. Это не про «отрезать и пришить», а про долгую и кропотливую работу по слиянию двух систем в одну, рабочую и жизнеспособную. Укрепление социальных гарантий рассматривается в качестве превентивной меры, способствующей снижению рисков противоправных действий и социальных конфликтов, а также росту доверия населения к государственным институтам. При этом в научной литературе отмечается, что аналогичный опыт как в развитых, так и в развивающихся регионах сопряжен с определенными издержками, что требует выработки универсального алгоритма преодоления возникающих трудностей. Завершение переходного периода связывается с формированием обновленной правовой базы новых территориальных единиц и принятием первых региональных законодательных актов, которые должны заложить фундамент для устойчивого функционирования государственной системы в целом.

Важнейшей составляющей интеграционного процесса выступает защита конституционных прав и свобод [4, с. 92]. На первоначальном этапе реализуются информационно-просветительские кампании, направленные на повышение правовой осведомленности населения, разъяснение новых нормативных положений через СМИ, а также создание специализированных консультационных центров. Одновременно обеспечивается доступ граждан к базовым социальным услугам – образованию, здравоохранению, жилью и социальной помощи, причем ключевым принципом является недопущение дискриминации по национальному, языковому, религиозному или иному признаку.

В сфере гражданских и политических прав внедряются механизмы, гарантирующие свободу выражения мнений, свободу ассоциаций, участие в выборах и иных

формах общественной активности [5, с. 428]. Создаются условия для деятельности негосударственных организаций и средств массовой информации, закрепляется право на мирные собрания в рамках установленных процедур. Поддержка общественного участия рассматривается как фактор укрепления доверия между населением и властными структурами на новой территории. Помимо судебной защиты, формируются альтернативные механизмы быстрого реагирования – службы по рассмотрению жалоб, программы защиты меньшинств и уязвимых групп, что в совокупности снижает риски злоупотребления властью.

Экономическая составляющая интеграции реализуется через программы развития инфраструктуры, содействия занятости и сокращения бедности, при этом учитываются региональные особенности и потребности. Мониторинг эффективности указанных мер осуществляется на основе опросов общественного мнения, анализа социально-экономических индикаторов и правоприменительной практики, результаты которого служат основой для оперативной корректировки политики.

Отдельный блок вопросов связан с гражданством. В соответствии с федеральным законодательством жители новых субъектов наделены правом в месячный срок заявить об отказе от российского гражданства, сохранив при этом вид на жительство и право постоянного проживания [6]. Данная норма соответствует конституционным принципам добровольности и запрета принудительной натурализации. Детализация процедур закреплена в Указе Президента РФ от 26 декабря 2022 г. № 951, который устанавливает требования к подаче заявлений, подтверждению места жительства, порядку регистрации отказов и принесению присяги (с исключениями для детей до 14 лет, недееспособных и лиц с ограничениями по состоянию здоровья). Автоматическое приобретение гражданства несовершеннолетними одновременно с родителями согласуется с международными стандартами защиты прав ребенка.

Важно отметить, что значительная часть жителей ДНР и ЛНР уже имела российское гражданство на момент официального вхождения этих территорий – с 2019 года действовал упрощенный порядок натурализации для жителей Донбасса, а с лета 2022 года аналогичная процедура распространена на всех граждан Украины, изъявивших соответствующее желание. Это существенно облегчило последующие юридические формальности.

Практическая реализация паспортизации стала одной из масштабных правоприменительных кампаний последнего времени. С конца 2022 и до середины 2023 года сотрудники МВД России работали в новых регионах напрямую – выезжали на места, принимали заявления и выдавали паспорта. Срок оформления установили короткий: не больше десяти дней. При этом заявление можно было подать не только по месту жительства, но и в любом отделении МВД России – это особенно выручило тех, кто покинул свои дома из-за боевых действий. К лету 2023 года, по официальным данным, большинство жителей уже получили российские паспорта. Это дало им возможность голосовать, свободно передвигаться по стране, устраиваться на работу и пользоваться социальными услугами. Считается, что именно оперативная выдача документов во многом помогла навести порядок в этих регионах.

Правда, не все захотели брать гражданство. Те, кто от него отказался, могут получить вид на жительство, но с ограничениями: без права участвовать в выборах, без доступа к некоторым должностям и с более сложной процедурой получения льгот. Эксперты пока спорят, как это скажется в дальнейшем, и говорят, что вопрос требует отдельного изучения. Кроме того, самим правоохранительным органам предстоит еще многое настроить: нужно обработать огромный массив документов, проверить данные миллионов людей, наладить регистрацию актов гражданского состояния [7, с. 133].

Отдельная проблема – у многих граждан не оказалось украинских документов либо они были утеряны во время войны. Для таких случаев придумали специальный

порядок: используют сведения из государственных реестров, архивы ДНР и ЛНР, а при необходимости – опрашивают свидетелей. Это важно, потому что именно наличие гражданства открывает доступ к пенсиям, больничным, пособиям и другой государственной поддержке. Без паспорта человек не может полноценно пользоваться социальными гарантиями, поэтому вопросы документов и гражданства здесь тесно переплетаются. Следовательно, паспортизация выступает не только правовым, но и социальным инструментом интеграции населения [8, с. 269].

Тем не менее переходный период выявил ряд трудностей. К ним относятся необходимость быстрой адаптации информационных систем, включение новых территорий в Федеральный реестр актов гражданского состояния, предоставление квалифицированных кадров правоохранительным органам, а также корректировка законодательства с учетом региональных особенностей. Несмотря на возникающие трудности, меры, принимаемые государством, демонстрируют способность правового механизма гибко реагировать на новые вызовы.

В результате практическую реализацию процедур предоставления гражданства резидентам новых субъектов можно охарактеризовать как обширную, систематическую и в целом успешную. Государству удалось обеспечить правовую определенность в одной из наиболее чувствительных областей интеграционного процесса. Дальнейшее развитие правового статуса населения будет зависеть от динамики социально-экономических преобразований, завершения переходного периода и эффективной работы государственных институтов.

При включении новых субъектов в состав Российской Федерации одной из первоочередных задач стало обеспечение для их жителей правового статуса, сопоставимого с положением граждан в остальных регионах страны. Речь шла о распространении на присоединенные территории единых социальных гарантий, правовых режимов и механизмов защиты прав человека на весь переходный период. Российское государство последовательно приняло комплекс мер, призванный обеспечить плавную адаптацию социальной сферы и правового пространства новых регионов.

Одним из важнейших шагов стало обеспечение правопреемственности и признание документов, выдававшихся до момента присоединения. В соответствии с принятыми нормативными актами действительными на территории Российской Федерации признаются документы, выданные органами власти ДНР, ЛНР и Украины – школьные аттестаты, дипломы, трудовые книжки, пенсионные документы, социальные удостоверения и др. Это позволило сохранить уже приобретенные гражданами права (например, на пенсии и пособия) и обеспечить легитимность их образовательных и профессиональных документов.

Параллельно на новые территории были распространены российские стандарты социальной защиты. Федеральный закон от 17.02.2023 № 18-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в сфере социальной защиты <…>» закрепил порядок предоставления жителям новых субъектов мер социальной поддержки в соответствии с российским законодательством. Закон гарантировал право на получение российских пособий, пенсий и социальных услуг, вводя при этом ряд переходных положений. Прожиточный минимум в новых регионах считают по отдельной методике: учитывают и военные разрушения, и местные экономические реалии.

Люди получили доступ к медицине и соцуслугам по общероссийским правилам. С 2023 года пенсии и пособия начал выплачивать Социальный фонд России – перешли на единые стандарты. Но и обязанности появились: например, налоги и страховые взносы. На переходный период власти сделали послабления – приостановили взыскание долгов с жителей ДНР и ЛНР, дали налоговые льготы предприятиям.

Отдельный вопрос – права на имущество. Здесь главное было разобраться с недвижимостью, которую люди приобретали еще по старым документам, чтобы не воз-

никло юридической неразберихи. Поэтому жителям новых территорий разрешили свободно распоряжаться своей собственностью: домами, землей, другим имуществом – и признали прежние права. Вплоть до 1 января 2023 года действовал механизм государственной регистрации прав на основании документов, оформленных как по украинскому законодательству, так и в соответствии с нормативными актами, действовавшими на территории Донбасса. Данная мера позволила сохранить непрерывность гражданского оборота: в указанный период продолжали совершаться сделки с недвижимостью, осуществлялась регистрация земельных участков и объектов капитального строительства, что минимизировало риски правовых коллизий.

С 1 января 2023 года функции по регистрации прав и кадастровому учету были переданы в ведение Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр). Тем самым был осуществлен переход к единой общефедеральной системе учета и регистрации недвижимости, что стало важным шагом в унификации имущественных отношений в рамках российского правового поля.

Интеграция новых субъектов в единую национальную экономическую и финансовую систему рассматривается в качестве фундаментального условия их полноправного включения в хозяйственный комплекс страны. С момента присоединения данные территории были включены в бюджетную систему Российской Федерации, что обеспечило им доступ к межбюджетным трансфертам – субсидиям и дотациям, направленным на выравнивание бюджетной обеспеченности. Когда в новых регионах начали действовать российские налоги, для предпринимателей ввели переходные льготы, в частности налоговые каникулы на 2022–2023 годы. Эксперты сходятся на том, что без настройки бюджетной и налоговой системы полноценная экономическая интеграция вряд ли бы получилась.

Помимо текущих бюджетных механизмов, власти запустили несколько крупных программ по восстановлению и развитию территорий. В декабре 2023 года утвердили государственную программу для ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей. В ней – и жилье, и транспорт, и энергетика, и коммунальное хозяйство, и социальные объекты. Смысл не только в том, чтобы отремонтировать разрушенное, но и создать условия для роста экономики в будущем.

Позже, в ноябре 2024 года, Совет Федерации принял еще один проект – «Жилую инфраструктуру». Он нацелен на модернизацию коммунальных сетей и благоустройство городов. От этого напрямую зависит, как живут люди, и это же создает почву для частных инвестиций.

В совокупности все это: и льготы, и программы – дает системный подход к интеграции. Видно, что государство делает ставку на то, чтобы новые регионы не просто вошли в состав страны, а чтобы люди там чувствовали реальные перемены к лучшему. В целом на сегодняшний день правовой статус населения новых субъектов практически сопоставим со статусом граждан других регионов страны: на них полностью распространяется российское законодательство, они обладают полным комплексом конституционных прав и свобод. В течение переходного периода планируется завершить оставшиеся адаптационные меры: привести региональное законодательство в соответствие с федеральным, окончательно интегрировать банковскую и кредитную системы, восстановить ключевые объекты инфраструктуры. На заседании Президиума Совета законодателей РФ в октябре 2025 года было отмечено, что первые результаты интеграции уже очевидны: в регионах восстановлена работа базовых служб, заработали органы власти, осуществляются выплаты и социальные услуги по российским стандартам[1].

[1] Заседание Президиума Совета законодателей Российской Федерации при Федеральном Собрании РФ «О ходе интеграции воссоединенных субъектов Российской Федерации в правовую, экономическую и социальную систему Российской Федерации».

Проведенный анализ мер по обеспечению правового статуса населения новых субъектов Российской Федерации позволяет сделать вывод о комплексном и поэтапном характере государственной политики в данной сфере. Распространение российского законодательства, признание ранее выданных документов, внедрение стандартов социальной защиты и охраны здоровья создали правовые предпосылки для сохранения и реализации основных прав и свобод жителей присоединенных территорий. Использование переходных механизмов имеет особое значение, поскольку позволяет избежать правовой неопределенности и обеспечивает преемственность социальных, имущественных и трудовых отношений.

Интеграция новых регионов в бюджетную, налоговую и финансовую системы Российской Федерации и реализация специальной национальной программы восстановления отражают системный подход России к интеграции и приоритетность социальных аспектов национальной политики. Хотя последствия вооруженного конфликта и масштабы восстановительных работ по-прежнему создают множество проблем, правовой статус жителей новых регионов в настоящее время в значительной степени эквивалентен статусу граждан в других частях России. Завершение переходного периода означает окончательное объединение законов и нормативных актов и дальнейшее усиление защиты прав жителей новых регионов.

---

1. Органы публичной власти в Российской Федерации: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / Б. С. Эбзеев, Г. А. Гаджиев, К. К. Гасанов [и др.]. Москва: ООО «Издательство «Юнити-Дана», 2025. 367 с.
2. Самаркина И. В., Сазантович А. Б. Интеграция новых субъектов в политическое и социокультурное пространство Российской Федерации: риски и стратегии их преодоления / И. В. Самаркина // Социально-политические исследования. 2025. № 2(27). С. 21–42.
3. Руф В. С., Гончаров М. В. К вопросу о правовой интеграции новых субъектов в составе Российской Федерации // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 1(22). С. 60–65.
4. Нурадинов Ш. М. Гарантии и механизмы защиты конституционных прав человека и гражданина в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2023. № 3. С. 92–95.
5. Васькин Е. С. Особенности миграционной политики Российской Федерации в условиях СВО // Право, общество, государство: проблемы истории, теории и практики: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Старотеряево, 18 апреля 2025 года. Старотеряево: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2025. С. 128–131.
6. Гражданство Российской Федерации / А. С. Прудников, Т. В. Кикоть-Глуходедова, Т. А. Прудникова [и др.]. Второе издание, переработанное и дополненное. Москва: ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА, 2025. 327 с.
7. Правовое регулирование предоставления государственных услуг в сфере миграции: учебное пособие / А. С. Прудников, Т. А. Прудникова, С. О. Харламов [и др.]. Москва: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2023. 270 с.
8. Давыденкова У. А., Богатчикова К. С. К вопросу о государственно-правовой специфике интеграции новых субъектов в состав Российской Федерации // Международный научный журнал «Вестник науки». 2025. № 11(92). Т. 1. С. 268–276.

1. Organy` publichnoj vlasti v Rossijskoj Federacii: uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushhixsya po napravleniyu «Yurisprudenciya» / B. S. E`bzeev, G. A. Gadzhiev, K. K. Gasanov [i dr.]. Moskva: OOO «Izdatel`stvo «Yuniti-Dana», 2025. 367 s.

2. Samarkina I. V., Sazantovich A. B. Integraciya novy`x sub``ektov v politicheskoe i sociokul`turnoe prostranstvo Rossijskoj Federacii: riski i strategii ix preodoleniya / I. V. Samarkina // Social`no-politicheskie issledovaniya. 2025. № 2(27). S. 21–42.
3. Ruf V. S., Goncharov M. V. K voprosu o pravovoj integracii novy`x sub``ektov v sostave Rossijskoj Federacii // Ural`skij zhurnal pravovy`x issledovanij. 2023. № 1(22). S. 60–65.
4. Nuradinov Sh. M. Garantii i mexanizmy` zashhity` konstitucionny`x prav cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii // Vestnik e`konomicheskoj bezopasnosti. 2023. № 3. S. 92–95.
5. Vas`kin E. S. Osobennosti migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii v usloviyax SVO // Pravo, obshhestvo, gosudarstvo: problemy` istorii, teorii i praktiki: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Staroteryaevo, 18 aprelya 2025 goda. Staroteryaevo: Moskovskij universitet MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotya, 2025. S. 128–131.
6. Grazhdanstvo Rossijskoj Federacii / A. S. Prudnikov, T. V. Kikot`-Gluxodedova, T. A. Prudnikova [i dr.]. Vtoroe izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. Moskva: IZDATELЬSTVO YuNITI-DANA, 2025. 327 s.
7. Pravovoe regulirovanie predostavleniya gosudarstvenny`x uslug v sfere migracii: uchebnoe posobie / A. S. Prudnikov, T. A. Prudnikova, S. O. Xarlamov [i dr.]. Moskva: Moskovskij universitet MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotya, 2023. 270 s.
8. Davy`denkova U. A., Bogatchikova K. S. K voprosu o gosudarstvenno-pravovoj specifike integracii novy`x sub``ektov v sostav Rossijskoj Federacii // Mezhdunarodny`j nauchny`j zhurnal «Vestnik nauki». 2025. № 11(92). T. 1. S. 268–276.

Информация об авторах

Сергей Леонидович Нечай. Профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, кандидат исторических наук.

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

241050, Россия, г. Брянск, 2-й Советский пер., 2а.

Светлана Геннадьевна Куликова. Профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, доктор исторических наук, доцент.

Академия управления МВД России.

125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

Information about the authors

Sergey L. Nechay. Professor Chair of State and Civil Law Disciplines, Candidate of Historical Sciences.

Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russia named after V. V. Lukyanov.

241050, Russia, Bryansk, per. Vtoroy Sovetsky, 2A.

Svetlana G. Kulikova. Professor Chair of Psychology, Pedagogy, and Personnel Management, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor.

Academy of Management of the MIA of Russia.

125171, Russia, Moscow, Zoi and Aleksandra Kosmodemyanskikh St., 8.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 15.07.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 15.07.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 342.9

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ И ПРЕДОСТАВЛЕНИИ СТАТУСА БЕЖЕНЦЕВ И ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Павлова Евгения Васильевна
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

pavlova.evgenia.78@yandex.ru

Аннотация. Автором проведен анализ нормативных правовых актов, закрепляющих административный статус беженцев и вынужденных переселенцев. Исследованы основания и порядок предоставления указанным категориям убежища, а также идентификация лица как потенциального беженца или вынужденного переселенца. Выявлен ряд проблемных аспектов, свидетельствующих о наличии системных задач в реализации отдельных прав и обязанностей вынужденных переселенцев. Высказано мнение, свидетельствующее о необходимости совершенствования административных процедур, предусматривающих не только получение рассматриваемых статусов, но и адаптацию беженцев и вынужденных переселенцев к возникающим условиям жизнедеятельности. Автор предлагает унифицировать порядок получения статуса в рамках трех процедур: стандартной, ускоренной и приоритетной.

Ключевые слова: беженцы, вынужденные переселенцы, вынужденные мигранты, правовой статус, убежище, административная процедура.

Для цитирования: Павлова Е. В. Отдельные проблемы в сфере идентификации личности и предоставлении статуса беженцев и вынужденных переселенцев // Научный вестник орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 194–201.

CERTAIN PROBLEMS IN THE FIELD OF IDENTIFICATION PERSONS AND GRANTING REFUGEE STATUS AND INTERNALLY DISPLACED PERSONS

Evgenia V. Pavlova
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

pavlova.evgenia.78@yandex.ru

Annotation. The author analyzes the regulatory legal acts that consolidate the administrative status of refugees and internally displaced persons. The grounds and procedure for granting these categories of asylum, as well as the identification of a person as a potential refugee or internally displaced person, are investigated. A number of problematic aspects have been identified, indicating the presence of systemic problems in the implementation of certain rights and obligations of internally displaced persons. Author expresses the opinion, indicating the need to improve administrative procedures that provide not only for obtaining the considered statuses, but also for the adaptation of refugees and internally displaced persons to the emerging living conditions. The author proposes to unify the procedure for obtaining the status within the framework of three procedures: standard, accelerated and priority.

Keywords: refugees, internally displaced persons, forced migrants, legal status, asylum, administrative procedure.

For citation: Pavlova E. V. Certain problems in the field of identification persons and granting refugee status and internally displaced persons // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 194–201.

Современная социально-политическая реальность отличается крайне высоким уровнем дестабилизации. Вооруженные конфликты, политические репрессии, системные нарушения прав человека, а также природные катастрофы продолжают выступать ключевыми детерминантами вынужденной миграции. В последние годы наблюдается эскалация напряженности в ряде регионов мира (на Ближнем Востоке, в Африке), а также на территориях, прилегающих к границам Российской Федерации, что привело к существенному росту численности лиц, ищущих убежище. Так, только за последние несколько лет Российская Федерация приняла сотни тысяч вынужденных переселенцев, главным образом с территории Украины и Донбасса, что актуализировало для государства задачу оперативной и эффективной инкорпорации указанных лиц в правовое и социальное пространство. Изучение их правового статуса позволяет оценить степень готовности административной системы функционировать в условиях кризисных нагрузок.

В последние годы в России наблюдается активная фаза реформирования миграционного законодательства, которое, с одной стороны, ориентировано на ужесточение контрольных механизмов, а с другой – на обеспечение правового положения мигрантов. Указанное обстоятельство подтверждается принятием в 2025 году Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы, которая в качестве основного вектора определяет приоритет национальных интересов в совокупности с обеспечением прав и свобод как граждан Российской Федерации, так и иных физических лиц, не имеющих правовой связи с нашим государством. Таким образом, следует отметить, что институты убежища и вынужденного переселения занимают центральное место в данных процессах. Исследование указанной проблематики позволяет выявить существующие пробелы и коллизии в нормативно-правовой базе, а также оценить эффективность административных процедур, включая процесс определения статуса, оформление соответствующих удостоверяющих документов и предоставление временного убежища. Следует отметить, что ученые-правоведы разрабатывают теоретические подходы, направленные на повышение эффективности реализации статуса беженцев и вынужденных переселенцев [1, с. 710; 2, с. 25; 3, с. 148; 4, с. 10; 5, с. 91].

Идентификация лица как потенциального беженца или вынужденного переселенца является начальным и наиболее ответственным этапом. Ошибки на этой стадии ведут либо к необоснованному отказу в защите, либо к предоставлению статуса лицам, не соответствующим установленным критериям.

Большинство лиц, вынужденно покинувших страну происхождения, не имеют при себе документов, удостоверяющих личность, либо имеют документы, которые они опасаются предъявлять (например, дипломатические паспорта стран с недружественным режимом). Это создает объективные трудности для идентификации. Сотрудники миграционных органов вынуждены полагаться на устные заявления и результаты интервью, что повышает риск злоупотреблений. В отношении вынужденных переселенцев – граждан РФ – проблема отсутствия паспорта также остра: многие покидают жилье в экстренном порядке, не имея возможности взять документы. Восстановление паспорта требует времени и взаимодействия с органами внутренних дел по прежнему месту жительства, что зачастую невозможно из-за опасности возвращения [6, с. 86].

Ключевой критерий статуса беженца – наличие «вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований». Доказать такие опасения документально крайне сложно,

особенно если преследование исходит от негосударственных факторов или имеет латентный характер. Заявитель часто не может представить подтверждений, кроме собственных свидетельств. Это порождает проблему оценки достоверности показаний. Методики проведения интервью не всегда совершенны, отсутствует единый стандарт оценки доказательств, что ведет к субъективизму и неоднородным решениям по аналогичным делам в разных регионах.

Среди лиц, ищущих убежище, присутствуют уязвимые категории: несопровождаемые несовершеннолетние, жертвы пыток, лица, ставшие жертвами торговли людьми, с посттравматическим стрессовым расстройством, инвалиды. Их идентификация требует специальных знаний и деликатного подхода. Отсутствие на этапе первичного приема механизмов выявления таких лиц приводит к тому, что их особые потребности не учитываются и они не получают необходимую поддержку (медицинскую, психологическую, юридическую), что усугубляет их травматизацию.

Процедура предоставления статуса регламентирована законами «О беженцах» и «О вынужденных переселенцах», а также подзаконными актами. Однако на практике возникает ряд системных проблем.

В первую очередь можно отметить, что установленные законом сроки (до 3 месяцев) нередко затягиваются из-за большой нагрузки на подразделения по вопросам миграции, необходимости направления запросов, проведения дополнительных проверок. В этот период заявители (особенно лица, ищущие убежище) находятся в правовом вакууме. Они не имеют права на трудовую деятельность (до получения статуса или разрешения на временное проживание), что ставит их в зависимость от государственной помощи или благотворительных организаций и порождает риск эксплуатации. Для вынужденных переселенцев ситуация несколько лучше, но и они сталкиваются с задержками в получении свидетельств и направлений в центры временного размещения.

В качестве второй проблемы можно обозначить несовершенство процедуры интервью и оценки доказательств. Так, качество проведения интервью с заявителем напрямую влияет на обоснованность решения. Среди проблем, как отмечают, А. А. Кузнецов и Д. Д. Михайлова, «недостаточная подготовка сотрудников (психологическая, культурная, языковая), формальный подход, отсутствие у заявителя права на адвоката на ранних стадиях, языковые барьеры и проблемы с качеством перевода. Отсутствие четких критериев оценки «вполне обоснованных опасений» и стандартов доказывания ведет к тому, что решение часто основывается на субъективном впечатлении интервьюера, а не на объективном анализе всей совокупности обстоятельств» [7, с. 125].

Отказы в предоставлении статуса беженца или вынужденного переселенца могут быть обжалованы в вышестоящий орган или в суд. Однако процедура обжалования сложна и требует юридических знаний, которыми заявители часто не обладают. Сроки судебного рассмотрения могут быть длительными. В результате лица, которым отказано, но которые не могут быть высланы по соображениям безопасности, остаются в России без легального статуса, переходя в категорию нелегальных мигрантов.

Как мы уже отмечали, в российском законодательстве существуют два самостоятельных закона, регулирующих статус беженцев и вынужденных переселенцев. Однако на практике возникают ситуации, когда лицо формально подпадает под признаки обоих статусов (например, гражданин РФ, вынужденно покинувший страну постоянного проживания, но не имеющий жилья в России). Не всегда ясен порядок взаимодействия этих законов. Кроме того, существует институт временного убежища, предоставляемого в упрощенном порядке, что создает параллельные процедуры и порождает правовую неопределенность.

Закон «О беженцах» предусматривает определенные права для лиц, ходатайство которых рассматривается по существу (проживание, питание, медицинская помощь). Однако отсутствие права на работу на протяжении многих месяцев противоречит рекоменда-

циям Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН) и подталкивает заявителей к нарушению миграционного законодательства (незаконная трудовая деятельность).

Даже после получения статуса беженца или вынужденного переселенца перед лицом встает множество проблем: поиск жилья, трудоустройство, признание документов об образовании, доступ к медицинским услугам. Для беженцев ограничен доступ к программе содействия добровольному переселению соотечественников. Вынужденные переселенцы сталкиваются с проблемой компенсации за утраченное жилье: механизм такой компенсации фактически не работает, а обещанные государством жилищные сертификаты выдаются крайне ограниченно и не покрывают реальной стоимости жилья.

Таким образом, сложности идентификации, длительность процедур, недостаточные гарантии прав на период рассмотрения, проблемы интеграции – все это снижает эффективность институтов защиты и ставит под угрозу реализацию прав уязвимых категорий населения. Решение этих проблем требует системного подхода, включающего совершенствование законодательства, повышение профессионализма сотрудников миграционных органов и развитие механизмов социальной поддержки.

Административно-правовое регулирование статуса беженцев и вынужденных переселенцев в Российской Федерации представляет собой сложный, многоуровневый механизм, призванный обеспечить баланс между защитой прав человека, гуманитарными обязательствами государства и необходимостью поддержания миграционного порядка и национальной безопасности. Проведенный в предшествующих исследованиях анализ выявил ряд системных проблем в данной сфере: коллизии нормативных правовых актов, несовершенство административных процедур, длительность рассмотрения ходатайств, недостаточные гарантии прав лиц, ищущих убежище, а также сложности интеграции лиц, уже получивших статус.

Первым и фундаментальным направлением совершенствования является устранение коллизий и пробелов в законодательстве, а также унификация понятийного аппарата.

Вторым ключевым направлением является совершенствование процедурного механизма, обеспечивающего своевременное и справедливое рассмотрение обращений.

Представляется обоснованным внедрение трех типов процедур [8, с. 75]:

1) стандартная процедура (для большинства заявителей, требующая детальной проверки обстоятельств);

2) ускоренная процедура (для явно необоснованных ходатайств или для случаев, когда заявитель прибыл из безопасной страны происхождения);

3) приоритетная процедура (для лиц с особыми потребностями: несопровождаемых несовершеннолетних, жертв пыток, лиц с инвалидностью), предусматривающая сокращенные сроки рассмотрения и особые условия проведения интервью.

Создание единой цифровой платформы, интегрирующей базы данных МВД России, МИД России, судов и иных органов, позволит:

– ускорить межведомственное взаимодействие и сократить сроки направления запросов;

– внедрить электронную очередь и электронное информирование заявителей о статусе рассмотрения дела;

– создать единый реестр выданных удостоверений беженца и вынужденного переселенца для предотвращения подделок и злоупотреблений;

– необходимо утверждение единого стандарта проведения интервью с лицами, ищущими убежище, включающего: обязательное участие профессионального переводчика (с последующей аудиофиксацией перевода); право заявителя на присутствие адвоката или представителя правозащитной организации; применение методик, учитывающих психологическое состояние и культурные особенности заявителя; разработку

и внедрение формализованных руководств по оценке достоверности показаний и информации о странных, из которых прибывают лица, претендующие на исследуемый статус.

Третье направление связано с созданием эффективных гарантий реализации прав и законных интересов беженцев и вынужденных переселенцев:

1) целесообразно включение дел, связанных с обжалованием решений по вопросам убежища и статуса вынужденного переселенца, в перечень категорий дел, по которым бесплатная юридическая помощь оказывается в обязательном порядке (в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи). Также необходимо стимулировать развитие специализированных негосударственных центров помощи беженцам;

2) введение сокращенных сроков судебного рассмотрения дел данной категории (например, до 1–2 месяцев);

3) создание специализированных судебных составов (коллегий) по миграционным спорам, судьи которых обладают специальными знаниями в области международного и миграционного права;

4) обеспечение обязательного участия переводчика в судебных заседаниях за счет государства.

В целях гуманизации необходимо законодательно урегулировать ситуацию, когда лицо лишается статуса беженца, но не может быть выслано в страну происхождения из-за угрозы преследования или применения пыток. В таких случаях должна быть предусмотрена обязанность компетентного органа рассмотреть вопрос о предоставлении данному лицу временного убежища либо иного статуса, исключающего высылку.

Административно-правовой статус не может считаться реализованным, если лицо не имеет реальной возможности интегрироваться в общество. Целесообразно принятие федеральной или региональных программ, включающих:

– языковые курсы и курсы правовой грамотности;

– содействие в трудоустройстве (включая квотирование рабочих мест и программы профессионального обучения и переквалификации);

– медицинское сопровождение (особенно для лиц, переживших пытки и насилие);

– социально-психологическую поддержку.

Требуется реформирование системы жилищных сертификатов: увеличение их номинальной стоимости до рыночного уровня, сокращение сроков ожидания, а также разработка альтернативных механизмов (предоставление жилья из специализированного фонда, компенсация аренды жилья на длительный срок). Для беженцев актуально создание условий для аренды жилья на общих основаниях после получения статуса (снятие барьеров, связанных с отсутствием кредитной истории и поручителей).

Упрощение процедур нострификации (признания) иностранных дипломов об образовании и профессиональных квалификаций для беженцев, включая создание центров оценки квалификаций, работающих на безвозмездной или льготной основе.

Пятое направление касается деятельности государственных органов и их ответственности. Необходимо усиление ведомственного контроля за деятельностью территориальных органов МВД России при принятии решений по вопросам убежища, включая регулярное обобщение практики и направление обзоров.

Таким образом, проведенный анализ административно-правового регулирования статуса беженцев и вынужденных переселенцев в Российской Федерации позволяет заключить, что действующая система, несмотря на ее формальное соответствие базовым международным стандартам, испытывает ряд системных недостатков, обусловленных коллизиями нормативных актов, несовершенством административных и судебных процедур, а также недостаточным уровнем гарантий прав лиц, ищущих убежище.

Историко-правовой анализ генезиса института убежища демонстрирует движение от религиозного догмата и монаршей милости к признанию убежища субъективным правом человека и корреспондирующей обязанностью государства. Право, регламентирующее институт убежища и вынужденной миграции, прошло путь от обычая к универсальной конвенционной системе, ключевым элементом которой сегодня является защита от преследований независимо от политической ситуации.

Институты признания беженцем и вынужденным переселенцем в Российской Федерации, имея общую цель – защиту лиц, пострадавших от преследований, – различаются по субъектному составу, основаниям и процедурам. Административные процедуры, закрепленные в законодательстве, в целом соответствуют международной практике, однако требуют дальнейшего совершенствования в части сокращения сроков и обеспечения реальных гарантий прав заявителей на всех этапах. Сравнительный анализ показывает, что процедура признания вынужденного переселенца более ориентирована на граждан РФ и предоставляет более широкие возможности на период рассмотрения (право на труд), тогда как процедура предоставления убежища иностранцам строже регламентирована и содержит больше ограничений, что обусловлено необходимостью контроля миграционных потоков.

На основе ранее проведенного анализа можно предложить следующие направления совершенствования системы идентификации и предоставления статуса:

1) внедрение стандартизированных методик интервьюирования, учитывающих культурные особенности и психологическое состояние заявителя; обязательное участие переводчика и при необходимости психолога; создание специализированных подразделений для работы с уязвимыми группами (дети, жертвы насилия);

2) разработка упрощенного порядка восстановления документов для вынужденных переселенцев, признание документов, выданных органами власти фактических мест проживания в зонах конфликтов, на период рассмотрения статуса;

3) законодательное закрепление права на трудовую деятельность для лиц, чье ходатайство рассматривается более определенного срока (например, 3 месяцев), что соответствует международным стандартам. Также предлагается создать реестр вакансий для беженцев и вынужденных переселенцев. Люди будут приходить в центры занятости, и с помощью этого реестра сотрудники подберут конкретному лицу нужную работу;

4) создание эффективных механизмов содействия в трудоустройстве и жилищном обустройстве лиц, получивших статус, включая квотирование рабочих мест, программы профессионального обучения и языковые курсы.

---

1. Уксукбаева К. А. Беженцы и вынужденные переселенцы: сравнительный правовой анализ // Флагман науки. 2026. № 1(36). С. 709–711.
2. Полякова Е. Д. Правовой статус и социальная адаптация вынужденных переселенцев и беженцев в условиях коллизий российского права // Научное знание современности 2026. № 1(95). С. 23–28.
3. Бондаренко А. Ю. Административно-правовые гарантии прав беженцев и вынужденных переселенцев // Вестник науки. 2026. Т. 2. № 1(94). С. 147–157.
4. Демидова А. А., Рыбина Я. В. Современные проблемы предоставления жилых помещений беженцам и вынужденным переселенцам // Моя профессиональная карьера. 2024. Т. 3. № 1(67). С. 7–15.
5. Руденко П. В. Особенности правового статуса беженцев и вынужденных переселенцев: сравнительно-правовой анализ // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. 2023. № 24, С. 84–92.
6. Нинциева Т. М. К вопросу о правовом статусе беженцев и мигрантов // Развитие современной науки и технологий в условиях трансформационных процессов: сборник

материалов XXXII Международной научно-практической конференции. Москва, 12 июня 2025 года. Москва: Издательство «Знание-М», 2025. С. 371.
7. Кузнецов А. А., Д. Д. Михайлова О некоторых проблемах беженцев и вынужденных переселенцах // Тенденции развития науки и образования. 2025. № 117-4. С. 125.
8. Журикова В. В. Актуальные проблемы реализации административно-правового статуса вынужденного переселенца // Инновационный потенциал развития общества: взгляд молодых ученых: сборник научных статей 6-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок. В 4-х томах, Курск. ЗАО «Университетская книга», 2025. С. 75.

1. Uksukbaeva K. A. Bezhency i vy`nuzhdenny`e pereselency: sravnitel`ny`j pravovoj analiz // Flagman nauki. 2026. № 1(36). S. 709–711.
2. Polyakova E. D. Pravovoj status i social`naya adaptaciya vy`nuzhdenny`x pereselencev i bezhencev v usloviyax kollizij rossijskogo prava // Nauchnoe znanie sovremennosti 2026. № 1(95). S. 23–28.
3. Bondarenko A. Yu. Administrativno-pravovy`e garantii prav bezhencev i vy`nuzhdenny`x pereselencev // Vestnik nauki. 2026. T. 2. № 1(94). S. 147–157.
4. Demidova A. A., Ry`bina Ya. V. Sovremenny`e problemy` predostavleniya zhily`x pomeshhenij bezhenczam i vy`nuzhdenny`m pereselenczam // Moya professional`naya kar`era. 2024. T. 3. № 1(67). S. 7–15.
5. Rudenko P. V. Osobennosti pravovogo statusa bezhencev i vy`nuzhdenny`x pereselencev: sravnitel`no-pravovoj analiz // Vestnik Donbasskoj yuridicheskoj akademii. Yuridicheskie nauki. 2023. № 24, S. 84–92.
6. Nincieva T. M. K voprosu o pravovom statuse bezhencev i migrantov // Razvitie sovremennoj nauki i texnologij v usloviyax transformacionny`x processov: sbornik materialov XXXII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Moskva, 12 iyunya 2025 goda. Moskva: Izdatel`stvo «Znanie-M», 2025. S. 371.
7. Kuzneczov A. A., D. D. Mixajlova O nekotory`x problemax bezhencev i vy`nuzhdenny`x pereselenczax // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2025. № 117-4. S. 125.
8. Zhurikova V. V. Aktual`ny`e problemy` realizacii administrativno-pravovogo statusa vy`nuzhdennogo pereselencza // Innovacionny`j potencial razvitiya obshhestva: vzglyad molody`x ucheny`x: sbornik nauchny`x statej 6-j Vserossijskoj nauchnoj konferencii perspektivny`x razrabotok. V 4-x tomax, Kursk. ZAO «Universitetskaya kniga», 2025. S. 75.

Информация об авторе

Евгения Васильевна Павлова. Заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности ОВД, кандидат юридических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Evgenia V. Pavlova. Deputy Head of the Chair of Administrative Law and Administrative Activities of the Department of Internal Affairs, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova St., 2.

Статья поступила в редакцию 07.07.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.

The article was received in the editorial office on 07.07.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 342.5

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) СОТРУДНИКАМИ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЙ К ТРАНСПОРТНО-ЭКСПЛУАТАЦИОННОМУ СОСТОЯНИЮ УЛИЧНО-ДОРОЖНОЙ СЕТИ

Сабинин Андрей Андреевич[1], Пономарева Анастасия Альбертовна[2]
[1]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия
[2]Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия

[1]_saab_@mail.ru
[2]Arazdobudina@ya.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы реализации полномочий сотрудников Госавтоинспекции при осуществлении государственного контроля (надзора) за надлежащим состоянием улично-дорожной сети. Обращается внимание на динамично развивающееся нормативное правовое регулирование указанной области общественных отношений. При этом отмечается наличие правовых норм, допускающих неоднозначное толкование и затрудняющих их восприятие со стороны правоприменителя. Вносятся обоснованные предложения по совершенствованию законодательства, принятие которых может способствовать повышению эффективности контрольной деятельности и снижению уровня аварийности на автомобильных дорогах.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, Госавтоинспекция, государственный надзор, контроль, надзор, местное самоуправление, органы публичной власти.

Для цитирования: Сабинин А. А., Пономарева А. А. Осуществление государственного контроля (надзора) сотрудниками Госавтоинспекции за соблюдением обязательных требований к транспортно-эксплуатационному состоянию улично-дорожной сети // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 202–209.

IMPLEMENTATION STATE CONTROL (SUPERVISION) BY THE STATE AUTOMOBILE INSPECTORATE OFFICERS OVER COMPLIANCE WITH OBLIGATORY REQUIREMENTS FOR THE TRANSPORT AND OPERATIONAL CONDITION OF THE ROAD NETWORK

Andrey A. Sabinin[1], Anastasia A. Ponomareva[2]
[1]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[2]Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Krasnodar, Russia

[1]_saab_@mail.ru
[2]Arazdobudina@ya.ru

Annotation. The article discusses current issues of the implementation of the powers of traffic police officers in the exercise of state control (supervision) over the proper condition of the street and road network. Attention is drawn to the dynamically developing regulatory

legal regulation of this area of public relations. At the same time, it is noted that there are legal norms that allow for ambiguous interpretation and make it difficult for law enforcement agencies to understand them. The article makes reasonable suggestions for improving legislation, which could help to increase the effectiveness of control activities and reduce the number of accidents on roads.

Keywords: Road safety, State Traffic Inspectorate, state supervision, control, and oversight, local self-government, public authorities.

For citation: Sabinin A. A., Ponomareva A. A. Implementation state control (supervision) by the state automobile inspectorate officers over compliance with obligatory requirements for the transport and operational condition of the road network // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 202–209.

Обеспечение безопасности дорожного движения относится к числу приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации. Ежегодно в результате дорожно-транспортных происшествий погибают и получают ранения тысячи людей, а экономический ущерб от аварийности исчисляется миллиардами рублей.

Статистика дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) за 2025 год свидетельствует о том, что каждое четвертое ДТП (24,9 %) совершается при наличии неудовлетворительных дорожных условий [1, с. 8], что, в свою очередь, обуславливает необходимость совершенствования механизмов административного воздействия на лиц, ответственных за эксплуатационное состояние автомобильных дорог. В этих условиях особую значимость приобретает эффективная деятельность уполномоченных органов государственной власти, прежде всего Госавтоинспекции МВД России, на которую законом возложены ключевые контрольные, надзорные и разрешительные функции в исследуемой сфере.

В рамках реализации Указа Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309, установившего национальные цели по увеличению доли нормативных дорог до 85 % к 2030 году и снижению смертности в ДТП в полтора раза, а также в связи с принятием новой Стратегии безопасности дорожного движения до 2036 года, необходимо обратить внимание на вопросы совершенствования организационных и правовых основ контрольно-надзорной деятельности Госавтоинспекции.

Проводимая в настоящее время реформа рассматриваемой сферы обусловила формирование некоторых сложностей и противоречий в реализации полномочий по осуществлению государственного надзора. Так, с принятия в 2020 году Федерального закона (далее – ФЗ) от 31.07.2020 № 248 существенные изменения и уточнения в контрольно-надзорной сфере принимаются ежегодно. Это вносит значительную правовую неопределенность в отношении правоприменителя.

Как правило, реализация контрольных (надзорных) полномочий Госавтоинспекцией затрагивает права граждан и организаций, которые осуществляют свою деятельность в области дорожного движения. Нормативная регламентация указанной сферы формируется рядом федеральных законов и подзаконных нормативных правовых актов, ключевым из которых выступает ФЗ от 10.12.1995 № 196.

Отметим, что в ч. 1 ст. 30 ФЗ № 196 «О безопасности дорожного движения» определен порядок осуществления государственного контроля (надзора) в сфере безопасности дорожного движения:

– федеральный государственный контроль (надзор) в области безопасности дорожного движения;

– надзор за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения.

Положения ч. 2–12 рассматриваемой статьи определяют порядок осуществления указанных видов государственного контроля (надзора). Вместе с тем в ч. 13–15 данной статьи выделяется еще один вид государственного контроля (надзора) (далее – ГКН) – за реализацией исполнительными органами субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, их должностными лицами полномочий, связанных с обеспечением безопасности дорожного движения и соблюдением требований в области обеспечения безопасности дорожного движения.

Считаем, что такое построение статьи 30 ФЗ № 196 допускает неоднозначное толкование со стороны правоприменителя. В научных публикациях отмечается не вполне корректное построение указанной правовой нормы, не в полной мере отражающей соответствие названия и содержания [2, с. 64]. Так, ч. 2 ст. 30 ФЗ № 196 подробно раскрывает предмет федерального государственного контроля (надзора), вместе с тем предмет ГКН в ст. 30 отсутствует и детально прописан только в подзаконном нормативном правовом акте – постановлении Правительства РФ от 16.03.2022 № 384. В практической деятельности сотрудники подразделений Госавтоинспекции зачастую допускают ошибки в определении порядка осуществления контрольно-надзорной деятельности в зависимости от субъекта контроля и предмета контроля. Учитывая, что основное разграничение рассматриваемых видов надзора осуществляется именно по предмету контроля, предлагаем скорректировать нормы Федерального закона «О безопасности дорожного движения».

С целью уточнения контроля (надзора) в сфере безопасности дорожного движения предлагаем внести изменения в ФЗ от 10.12.1995 № 196, дополнив ч. 1 следующим содержанием:

«1. Контроль (надзор) в области безопасности дорожного движения осуществляется посредством:

<…> государственного контроля (надзора) – за реализацией исполнительными органами субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, их должностными лицами полномочий, связанных с обеспечением безопасности дорожного движения и соблюдением требований в области обеспечения безопасности дорожного движения <…>».

Чтобы избежать неоднозначности при разграничении рассматриваемых видов контроля (надзора), из ст. 30 ФЗ от 10.12.1995 № 196 исключить положения ч. 13–15, перенеся их в отдельную ст. 30.1 ФЗ № 196 «Государственный контроль (надзор) за реализацией исполнительными органами субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, их должностными лицами полномочий, связанных с обеспечением безопасности дорожного движения и соблюдением требований в области обеспечения безопасности дорожного движения».

Отметим, что порядок осуществления рассматриваемых видов надзора, несмотря на общую схожесть, имеет существенные различия и не допускает возможности объединения. В настоящее время в практической деятельности сотрудников дорожного надзора Госавтоинспекции некоторую проблематику составляет разграничение рассматриваемых видов надзора и применения соответствующих алгоритмов действий [8, с. 32]. Также может возникнуть ситуация, когда необходимо применить оба вида контроля. Например, при выявлении нарушения обязательных требований при ремонте автомобильной дороги, владельцем которой является орган местного самоуправления, а работы осуществляются подрядной организацией, сотрудниками Госавтоинспекции реализуются оба вида надзора с составлением соответствующей документации.

Порядок осуществления ГКН в настоящее время изменился. Федеральным законом от 28 декабря 2024 г. № 518-ФЗ «О внесении изменений в статьи 12 и 13 Федерального закона «О полиции» и статью 30 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» внесены изменения, устанавливающие новые требования к органи-

зации и осуществлению государственного контроля (надзора) в части проведения оценки соблюдения обязательных требований посредством проведения проверок и мероприятий без взаимодействия с контролируемыми лицами, проведения профилактических мероприятий, что позволяет повысить эффективность деятельности сотрудников Госавтоинспекции в рассматриваемой сфере.

Обратим внимание на проблематику разграничения контролируемых лиц в рамках осуществления ГКН в зависимости от объекта контроля. Так, правовыми актами (ФЗ от 10.12.1995 № 196, ФЗ от 08.11.2007 № 257) определены полномочия органов государственной власти и местного самоуправления (далее – МСУ) по осуществлению дорожной деятельности.

Полномочия органов местного самоуправления в настоящее время регулируются двумя федеральными законами – ФЗ от 06.10.2003 № 131 и ФЗ от 20.03.2025 № 33. При этом ряд правовых норм ФЗ от 20.03.2025 № 33 (ст. 32, 37, 39 и часть 23 ст. 89) вступает в силу только с 1 января 2028 года.

Согласно ст. 32 ФЗ от 20.03.2025 № 33, органы местного самоуправления наделяются полномочиями в области решения задач непосредственного жизнеобеспечения населения. Вместе с тем вопросы обеспечения безопасности дорожного движения на муниципальных дорогах определены законодателем как полномочия, передаваемые органам местного самоуправления (далее – МСУ) в целях жизнеобеспечения населения, лишь в случае принятия соответствующего закона субъекта РФ. В. И. Майоров обращает внимание на то, что данная норма отражает существенное изменение концепции правового регулирования и трансформацию юридической природы полномочий органов МСУ в указанной сфере: начиная с 2028 года их реализация признается обязательной для муниципалитетов только при наличии регионального закона [6, с. 32]. В отсутствие последнего рассматриваемые функции автоматически переходят к исполнению региональными органами власти с финансированием за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации.

Таким образом, до 2028 года ГКН за соблюдением транспортно-эксплуатационного состояния автомобильных дорог местного значения осуществляется в отношении органов местного самоуправления. После 2028 года требуется уточнять разграничение полномочий в рассматриваемой сфере в конкретном субъекте Российской Федерации.

Реализация контрольно-надзорных полномочий сотрудников Госавтоинспекции в рассматриваемой сфере осуществляется посредством проведения профилактических мероприятий и контрольно-надзорных мероприятий (далее – КНМ). При этом меры административного воздействия (выдача предписания, возбуждение дела об административном правонарушении) при выявлении нарушения обязательных требований к транспортно-эксплуатационному состоянию улично-дорожной сети применяются сотрудниками дорожного надзора Госавтоинспекции в рамках проведения КНМ во взаимодействии при обязательном согласовании с органами прокуратуры.

Основания проведения КНМ во взаимодействии ограничены законодательно. Наиболее распространенным из таких оснований выступают факты причинения вреда жизни и тяжкого вреда здоровью граждан или угроза их причинения (ст. 63 п. 9 ФЗ от 21.12.2021 № 414, ст. 41 п. 13 ФЗ от 20.03.2025 № 33-ФЗ, п. 3 постановления Правительства РФ от 10.03.2022 № 336) Действующими нормативно-правовыми актами не установлены четкие критерии, позволяющие однозначно квалифицировать наличие или отсутствие прямой угрозы охраняемым законом ценностям. В связи с этим решение о проведении КНМ во взаимодействии с контролируемым лицом принимается уполномоченным органом исходя из совокупности фактических обстоятельств и при установлении прямой причинно-следственной связи между выявленными нарушениями и потенциальным вредом для жизни и здоровья людей [3].

При этом органами прокуратуры при согласовании проведения контрольного (надзорного) мероприятия дается своя субъективная оценка обоснованности такого решения, которая зачастую не совпадает с позицией контрольного (надзорного) органа, в связи с чем требуется четкое нормативное правовое урегулирование данного вопроса.

Особое значение в механизме административного воздействия на контролируемые лица в рамках осуществления государственного контроля приобретает институт постоянного рейда, расширение возможностей которого способствовало оптимизации контрольно-надзорных процедур и повышению их результативности. Данная форма реализации полномочий позволяет оперативно реагировать на выявляемые нарушения без излишних административных барьеров.

Указанный правовой режим вводится решением уполномоченных должностных лиц органа государственного контроля (надзора) и не требует согласования с органами прокуратуры.

Вместе с тем в настоящее время существует проблематика вынесения решения о проведении постоянного рейда при осуществлении ГКН. Так, в рамках реализации полномочий при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) постоянный рейд может осуществляться на основании решения руководителя подразделения Госавтоинспекции на региональном или районном уровне (п. 6 постановления Правительства РФ от 30.06.2021 № 1101). При осуществлении ГКН у перечисленных руководителей полномочия по вынесению решений о проведении постоянного рейда отсутствуют.

Таким образом, для проведения постоянного рейда сотрудниками дорожного надзора на региональном уровне (например, управления Госавтоинспекции, отдельного батальона дорожно-патрульной службы) необходимы решения за подписью начальника (Г)УМВД России по субъекту Российской Федерации. По мнению А. А. Зыковой, данное положение может способствовать снижению оперативности и эффективности контрольных мероприятий [5, с. 790]. А. И. Горяинов также отмечает, что участие руководителей территориальных органов МВД России при принятии решений о проведении КНМ, постоянного рейда усложняет процедуру их организации и согласования с учетом возложения на указанных руководителей избыточных функций, не соответствующих их компетенции и статусу [3, с. 36].

В целях повышения эффективности деятельности предлагаем рассмотреть вопрос наделения аналогичными полномочиями в рамках осуществления ГКН руководителей подразделений Госавтоинспекции на региональном уровне.

Нарушение законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения влечет за собой в установленном порядке дисциплинарную, административную, уголовную и иную ответственность (статья 31 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ). В части нарушения требований содержания автомобильных дорог административная ответственность установлена ст. 12.34 КоАП РФ.

Порядок возбуждения дела об административном правонарушении по данной статье определяется ст. 28.1 ч. 3.1 КоАП РФ. По нашему мнению, указанная правовая норма распространяется в том числе на случаи выявления нарушений при осуществлении ГКН.

Обосновывая свою позицию, отметим, что указанный вид надзора закреплен в ст. 30 ФЗ № 196. В постановлении Правительства РФ № 384 определяется предмет «государственного надзора», однако не содержится конкретный перечень контрольно-надзорных мероприятий, по результатам проведения которых возможно принять решение о привлечении виновных лиц к административной ответственности. Считаем, что это может вызвать неоднозначное толкование со стороны правоприменителя. Предлагаем внести изменения в п. 42 постановления Правительства РФ № 384, дополнив его следующим содержанием:

«Привлечение лиц, допустивших нарушение при реализации полномочий в области обеспечения безопасности дорожного движения, к административной ответственности осуществляется после проведения контрольного (надзорного) мероприятия во взаимодействии с контролируемым лицом, проверки, совершения контрольного (надзорного) действия в рамках постоянного рейда и оформления их результатов».

На наш взгляд, требует уточнения порядок выдачи контролируемым лицам предписания. Так, при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) предписание выдается в соответствии со ст. 7, ч. 8 ст. 75 ФЗ от 31.07.2020 № 248 и п. 9 ст. 30 ФЗ от 10.12.1995 № 196. При этом не допускается выдача предписания по результатам проведения КНМ без взаимодействия с контролируемым лицом в части дорожного надзора согласно ограничениям, введенным постановлением Правительства РФ от 10.03.2022 № 336.

Указанное постановление содержит разделы, относящиеся к осуществлению государственного контроля (надзора) за деятельностью органов государственной власти субъектов Российской Федерации и должностных лиц органов государственной власти субъектов Российской Федерации и за деятельностью органов местного самоуправления и должностных лиц органов местного самоуправления. Отметим, что принятие постановления Правительства от 10.03.2022 № 336 повлекло существенные изменения в осуществление федерального государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения [7, с. 200].

Вместе с тем в п. 35(5) в постановления Правительства РФ № 384 определена возможность выдачи предписания при проведении КНМ без взаимодействия – выездного обследования. Считаем, что указанная ситуация может вызвать неоднозначное толкование правовых норм.

Для устранения указанных противоречий предлагаем дополнить п. 72 постановления правительства РФ № 336 абзацем следующего содержания: «Если в ходе проведения контрольно-надзорных мероприятий без взаимодействия с контролируемым лицом в рамках государственного контроля (надзора) за реализацией исполнительными органами субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, их должностными лицами полномочий, связанных с обеспечением безопасности дорожного движения и соблюдением требований в области обеспечения безопасности дорожного движения, выявлены нарушения, то составляется акт контрольно-надзорного мероприятия и выдается предписание об устранении выявленных нарушений».

Таким образом, отметим, что, несмотря на динамично меняющееся законодательство в сфере административного регулирования контрольной (надзорной) деятельности подразделений Госавтоинспекции, правовые нормы в данной сфере содержат ряд положений, допускающих неоднозначное толкование и снижающих результативность проведения мероприятий, направленных на обеспечение нормативного состояния улично-дорожной сети. Необходимость совершенствования организационных и правовых основ государственного надзора в рассматриваемой сфере является объективно обусловленной. Предложения, сформулированные в настоящем исследовании, могут способствовать повышению эффективности контрольной деятельности и снижению уровня аварийности на автомобильных дорогах. Реализация данных предложений позволит обеспечить единообразие правоприменительной практики и создаст условия для достижения стратегических целей государственной политики в области безопасности дорожного движения.

---

1. Баканов К. С., Ляхов П. В., Айсанов А. С. и др. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2025 году. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2026. 118 с.

2. Былинин И. А. Федеральный государственный контроль (надзор) в области безопасности дорожного движения в условиях современной административно-правовой реформы / И. А. Былинин, О. В. Шкеля // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 61–70. EDN OKWDKG.
3. Горяинов А. И. Некоторые вопросы совершенствования нормативно-правовой основы федерального государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2023. № 1. С. 33–39. EDN HXUSYA.
4. Закопырин В. Н. Административный процесс: учебное пособие в 2-х частях / В. Н. Закопырин, Ю. И. Панин, О. О. Григорьева. Рязань: ИП Коняхин А. В., 2025. 190 с. ISBN 978-5-907811-94-2. EDN UBSWMY.
5. Зыкова А. А. Реализация федерального государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения // Государство. Политика. Социум: Материалы XXI Всероссийского симпозиума по устойчивому развитию территорий, Екатеринбург, 25–27 ноября 2025 года. Екатеринбург: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2025. С. 788–792. EDN UKYJLI.
6. Майоров В. И. Полномочия органов местного самоуправления в области обеспечения безопасности дорожного движения в контексте муниципальной реформы // Безопасность дорожного движения. 2025. № 4(39). С. 32.
7. Тарасов А. Ю. Особенности осуществления федерального государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения на современном этапе / А. Ю. Тарасов, И. А. Тарасова // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 4. С. 198–201. DOI 10.24412/2073-0454-2023-4-198-201. EDN OFYYPU.
8. Хорьков А. В. Оценка влияния реформирования законодательства в сфере контрольно-надзорной деятельности на уровень реализации органами контроля (надзора) административных полномочий в области безопасности дорожного движения // Научный портал МВД России. 2024. № 2(66). С. 29–34. EDN HUMKWB.

1. Bakanov K. S., Lyaxov P. V., Ajsanov A. S. i dr. Dorozhno-transportnaya avarijnost` v Rossijskoj Federacii v 2025 godu. Informacionno-analiticheskij obzor. M.: FKU «NCz BDD MVD Rossii», 2026. 118 s.
2. By`linin I. A. Federal`ny`j gosudarstvenny`j kontrol` (nadzor) v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v usloviyax sovremennoj administrativno-pravovoj reformy` / I. A. By`linin, O. V. Shkelya // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2024. № 2(99). S. 61–70. EDN OKWDKG.
3. Goryainov A. I. Nekotory`e voprosy` sovershenstvovaniya normativno-pravovoj osnovy` federal`nogo gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya. 2023. № 1. S. 33–39. EDN HXUSYA.
4. Zakopy`rin V. N. Administrativny`j process: uchebnoe posobie v 2-x chastyax / V. N. Zakopy`rin, Yu. I. Panin, O. O. Grigor`eva. Ryazan`: IP Konyaxin A. V., 2025. 190 s. ISBN 978-5-907811-94-2. EDN UBSWMY.
5. Zy`kova A. A. Realizaciya federal`nogo gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Gosudarstvo. Politika. Socium: Materialy` XXI Vserossijskogo simpoziuma po ustojchivomu razvitiyu territorij, Ekaterinburg, 25–27 noyabrya 2025 goda. Ekaterinburg: Rossijskaya akademiya narodnogo xozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby` pri Prezidente RF, 2025. S. 788–792. EDN UKYJLI.

6. Majorov V. I. Polnomochiya organov mestnogo samoupravleniya v oblasti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v kontekste municipal`noj reformy` // Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya. 2025. № 4(39). S. 32.
7. Tarasov A. Yu. Osobennosti osushhestvleniya federal`nogo gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya na sovremennom e`tape / A. Yu. Tarasov, I. A. Tarasova // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 4. S. 198–201. DOI 10.24412/2073-0454-2023-4-198-201. EDN OFYYPU.
8. Xor`kov A. V. Ocenka vliyaniya reformirovaniya zakonodatel`stva v sfere kontrol`no-nadzornoj deyatel`nosti na uroven` realizacii organami kontrolya (nadzora) administrativny`x polnomochij v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Nauchny`j portal MVD Rossii. 2024. № 2(66). S. 29–34. EDN HUMKWB.

Информация об авторах

Андрей Андреевич Сабинин. Старший преподаватель кафедры организации деятельности Госавтоинспекции.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Анастасия Альбертовна Пономарева. Преподаватель кафедры безопасности дорожного движения.
Краснодарский университет МВД России.
350005, Россия, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

Information about the authors

Andrey A. Sabinin. Senior Teacher of the Chair of Traffic Police Organization.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova St., 2.

Anastasia A. Ponomareva. Teacher at the Chair of Road Safety.
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
350005, Russia, Krasnodar, Yaroslavskaya St., 128.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 22.07.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 22.07.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 351

СОЦИАЛЬНЫЙ ПАРАДОКС РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ, РАЗРУШАЮЩИЙ КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Сидорова Маргарита Владимировна
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

margo48057@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется состояние отдельных положений современной системы социального обеспечения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (полиции). Отмечается, что, несмотря на наличие развернутой нормативно-правовой базы, закрепляющей широкий спектр гарантий, на практике наблюдается существенный разрыв между декларируемыми государством обязательствами и их фактической реализацией. Автор вводит понятие «парадокс защитника», описывающее ситуацию, при которой высокие риски службы сочетаются с условностью и хрупкой социальной защищенностью сотрудника. Называются меры для сохранения кадрового состава полиции и обеспечения эффективного функционирования правопорядка в стране.

Ключевые слова: социальная защита, сотрудник полиции, денежное довольствие, кадровый дефицит, жилищные субсидии, социальные гарантии, престиж службы.

Для цитирования: Сидорова М. В. Социальный парадокс российской полиции, разрушающий кадровый потенциал // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 210–216.

THE SOCIAL PARADOX OF THE RUSSIAN POLICE, DESTROYING PERSONNEL POTENTIAL

Margarita V. Sidorova
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

margo48057@yandex.ru

Annotation. The article analyzes the state of certain provisions of the modern system of social security for employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation (police). The author notes that, despite the existence of an extensive regulatory framework that establishes a wide range of guarantees, there is a significant gap between the state's declared obligations and their actual implementation. The author introduces the concept of the «defender's paradox», which describes a situation where high risks of service are combined with the conditional and fragile social security of the employee. The article also discusses measures to preserve the police force and ensure the effective functioning of law enforcement in the country.

Keywords: social protection, police officer, salary, staff shortage, housing subsidies, social guarantees, and service prestige.

For citation: Sidorova M. V. The Social Paradox of the Russian police, Destroying Personnel Potential // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 210–216.

Социальная защита сотрудника полиции в массовом сознании обычно ассоциируется с незыблемыми гарантиями, которые государство предоставляет своим стражам порядка в обмен на их рискованную службу.

Стоит отметить, что современная система социальной защиты сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) формировалась в ходе реформ, начатых еще в 2011 году с принятием Федерального закона «О полиции»[1] и специального закона о социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел[2]. В итоге мы получили пакет законодательных актов, в котором был предусмотрен широкий спектр мер поддержки: в области денежного довольствия сотрудника – ежемесячных дополнительных выплат, материальной помощи, оплаты стоимости проезда к месту проведения основного отпуска на территории Российской Федерации и обратно (одному из членов семьи сотрудника), но только проходящему службу в местностях с неблагоприятными климатическими или экологическими условиями; жилищных субсидий (служебное жилье, денежная компенсация за аренду жилья, единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства, предоставления жилых помещений по договору социального найма; бесплатной медицинской помощи в медицинских организациях системы МВД России, бесплатного обеспечения лекарственными препаратами; санаторно-курортное лечение, в том числе оздоровительный отдых в медицинских организациях системы МВД России, оплата проезда к месту лечения либо медицинского освидетельствования и обратно, а также к месту долечивания (реабилитации) в санаторно-курортном учреждении системы МВД России, а также право на психологическую реабилитацию сотрудников, выполнявших задачи в условиях военного и чрезвычайного положения, вооруженного конфликта, проведения контртеррористической операции; пенсионное обеспечение[3]. На первый взгляд, законодательный фундамент социальной защиты полиции производит впечатление монументальной конструкции. Особый акцент сделан на компенсации вреда жизни и здоровью. Статья 43 Федерального закона «О полиции» устанавливает внушительные цифры: три миллиона рублей семье погибшего и два миллиона сотруднику, получившему увечье, исключающее дальнейшую службу[4]. Казалось бы, что эти суммы призваны символизировать ту высокую цену, которую государство готово заплатить за безопасность своих граждан, обеспечиваемую ценой жизни и здоровья полицейских.

Однако, как отмечает А. А. Ельцин и подтверждают полицейские, осуществляющие свою деятельность непосредственно на «земле» в подразделениях территориальных органах внутренних дел, сегодня образовался значительный разрыв между законодательно установленными гарантиями и их фактической реализацией. При ближайшем рассмотрении становится очевидным, что «реальная действительность» социальной защиты полицейских – это поле постоянного напряжения между законодательными обещаниями и суровой практикой их реализации [1, с. 285].

---

[1] О полиции: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[2] О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[3] Там же.

[4] О полиции: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Эта дихотомия формирует уникальный феномен, который можно назвать «парадоксом защитника»: чем выше риски службы, тем более хрупкой и условной становится социальная безопасность самого сотрудника. Масштаб проблемы подтверждается цифрами. В 2025 году количество уволившихся сотрудников достигло 80 тысяч человек, что почти на 40 % больше числа поступивших на службу, а общее число вакансий превысило, на наш взгляд, астрономическую цифру в 212 тысяч[5]. Получается, что «свободные должности» способствуют тому, что оставшиеся сотрудники органов внутренних дел вынуждены работать с нагрузкой, кратно превышающей допустимую, что неизбежно ведет к профессиональному выгоранию и дальнейшему оттоку. Перегрузки провоцируют увольнения, а увольнения увеличивают нагрузку на оставшихся сотрудников. Создается эффект «вымывания» профессионалов: уходят опытные кадры, а на их место приходит лишь половина от необходимого числа новичков. И дело не только в том, что нужно больше сотрудников, но и в том, чтобы дать возможность тем, кто остался, выполнять свою работу, не рухнув под ее тяжестью.

Не вызывает сомнения, тот факт, что социальная защита сотрудника органов внутренних дел на современном этапе является одной из базовых проблем кадровой неукомплектованности подразделений, которая неоднократно озвучивалась руководством ведомства перед государственными органами, но чаще всего кадровый дефицит разрешался внутри ведомства «своими силами». Теперь проблема вышла за его пределы, став одной из угроз общественной безопасности. Недаром Президент Российской Федерации В. В. Путин в 2025 году обозначил вопрос кадрового голода в системе МВД России не только назвав его комплексной проблемой, но «системной», требующей решения по всем направлениям деятельности[6]. При этом Глава государства отметил, что денежное довольствие сотрудников полиции должно быть конкурентоспособным[7], соответственно, необходимо создание комплекса реальных мер, направленных не только на укрепление действующих социальных гарантий сотрудников ОВД, но и, возможно, расширение с учетом экономического состояния страны.

Полагаем, что в условиях реальной действительности не формально, а более пристально и внимательно отнестись к разработке таких мер, способствующих не только существенному денежному содержанию сотрудников правопорядка, но и других вопросов социального характера. Ведь достойное денежное содержание и эффективная система социальной защиты полицейских должны быть сопоставимы с денежным содержанием сотрудников иных силовых структур (прокуратура, ФСБ, ФСО), судейского корпуса, а реальная социальная защита (жилье, лечение, пенсия) работают как фундамент имиджа. Ведь это не просто «плата за службу», а инвестиции государства в свой авторитет. Сотрудник, которого ценит государство, будет ценить свою работу, а граждане будут уважать такого сотрудника.

Чтобы лучше понять важность этих факторов, достаточно представить ситуацию, когда денежное содержание является конкурентоспособным, а соцзащита отсутствует:

1. Достойное денежное содержание (высокое) рассматривается нами как компенсация за риск и высокие нагрузки. Когда сотрудник получает зарплату, позволяющую жить достойно, снижается риск коррупционного поведения. Сотрудник, который

---

[5] Колокольцев В. А. рассказал о проблеме с комплектованием кадров в МВД России. URL:https://www.pnp.ru/social/kolokolcev-rasskazal-o-probleme-s-komplektovaniem-kadrov-v-mvd.html (дата обращения: 15.03.2026).

[6] Расширенное заседание коллегии МВД России от 5 марта 2025 года. URL:http://www.kremlin.ru /events/president/transcripts (дата обращения: 15.03.2026).

[7] Там же.

не зависит от «левых» доходов, чувствует себя более уверенно и законопослушно, что формирует его внутренний положительный образ как стража закона.

Основной причиной увольнений сами полицейские называют низкий уровень денежного содержания, который зачастую не дотягивает до среднерегиональных показателей. Так, в масштабах страны средняя зарплата полицейского в 2025 году лишь немного превышала 50 тысяч рублей, что составляет около 655 долларов, делая службу неконкурентоспособной на рынке труда по сравнению с более безопасными и менее стрессовыми гражданскими специальностями[8]. При этом доход сильно зависел от региона, должности, звания и количества надбавок. Например, в северных и дальневосточных регионах суммы были выше за счет районных коэффициентов и надбавок. В небольших областных центрах и городах зарплата нередко укладывалась в коридор 30–40 тысяч рублей в месяц[9].

На этом фоне особый цинизм приобретает расхождение официальной статистики и реальности: когда в Министерстве финансов Российской Федерации говорят о средней зарплате в 97 тысяч рублей[10], сами полицейские называют цифру в 60 тысяч, сравнивая свой доход с уборщицей или заработком курьеров.

В связи с такими заявлениями общество удивляется низкой эффективности работы полиции, но редко задумывается о том, что мотивация сотрудника, чей труд оценивается ниже труда доставщика еды, неизбежно стремится к нулю. По мнению К. Кабанова, члена Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, а также члена Общественного совета при Минюсте России, достойная зарплата полицейского должна быть на уровне 150–200 тысяч рублей, плюс жилье с господдержкой по ипотеке, которое переходит в собственность к концу службы (не менее 20 лет стажа служебной деятельности). Пенсия, в свою очередь, не должна составлять «25–35 тысяч», а не менее 100–120 тысяч – как у военнослужащих[11]. Одним из возможных вариантов решения повышения денежного содержания нам видится введения 50 % надбавки для сотрудников, имеющих право на пенсию. Введение данной доплаты к настоящему денежному содержанию полицейского, безусловно, не создаст кадрового застоя, при котором приток молодых сил в руководящие звенья окажется затруднен из-за того, что сотрудники с большим стажем службы в органах внутренних дел предпочтут остаться на оперативных должностях, привлеченные высокой финансовой мотивацией.

Полагаем, что те ежегодные индексации денежного содержания на незначительный процентный показатель (от 4,6 до 7,6 %) не решат исследуемую проблему, поскольку уровень ежегодной инфляции в стране существенно выше. Невозможно не согласиться с мнением исследователей И. М. Городничего [2], А. Д. Суворовой [3, с. 155], А. М. Зариной и Л. И. Ларионовой [4, с. 44] о том, что эффективность служебной деятельности полицейских напрямую зависит от уровня их обеспеченности и степени их социальной защиты. К сожалению, данная сфера остается проблемной, в связи с этим отдельного внимания заслуживает вопрос предоставления социальных льгот, которые в настоящий период в рыночных условиях не соответствует ожиданиям сотрудников ОВД.

Соответственно, если денежное содержание в полиции позволяет содержать семью и брать кредиты (на жилье, машину), профессия перестает быть «местом отсидки»

---

[8] Повышение зарплаты в МВД России и полиции. URL: https://brobank.ru/povysyat-li-zarplatu-sotrudnikam-mvd (дата обращения: 01.05.2026).

[9] Там же.

[10] «Криминалу нужны свои люди в органах». В российской полиции остро не хватает сотрудников. Чем это угрожает стране и гражданам? URL: https://lenta.ru/articles/2025/01/22 (дата обращения: 02.07.2026).

[11] Полицейский за 30 тысяч, уборщица – за 50»: Кирилл Кабанов о кризисе в МВД России и пути его решения. URL://https://argumenti.ru/opinion/2026/03/9 (дата обращения: 02.07.2026).

и становится карьерой. Это повышает самооценку действующих сотрудников и привлекает в ряды ОВД достойных новичков [5].

Нам же видится одним из возможных решений кадрового голода в ведомстве в том числе и высвобождение денежных ресурсов за счет сокращения штатной численности центрального аппарата МВД России и перераспределение финансов в низовые подразделения ведомства.

Безусловно, финансовый аспект – лишь вершина айсберга. Социальная стабильность, тот самый «соцпакет», не создающий чувства защищенности у сотрудника полиции в современных реалиях [6; 7, с. 74].

По сути, это вопрос, именуемый как «хроническая болезнь» современной системы МВД России. Сегодня социальная защищенность влияет не только на психологическое состояние сотрудника. Меньше стресса о завтрашнем дне – меньше грубости и равнодушия на дежурстве. Вежливый и спокойный полицейский – это результат в том числе и социальной стабильности. Кроме того, он понимает, что государство не декларативно заботится о нем и его семье. Это рождает лояльность к системе и гордость за принадлежность к структуре, которая «своих не бросает» [8, с. 56].

2. Жилищный вопрос стал хронической болезнью системы. Очереди на получение жилья «растянулись на десятилетия вперед». Так, например, в Орловской области, данная мера социальной поддержки не реализуется с 2017 года. Для человека, ежедневно рискующего жизнью, ожидание собственной крыши над головой является демотиватором, обесценивающим саму идею государственной защиты защитника. Формально право на жилье существует, но фактически оно превращается в абстрактное обещание, отложенное до бесконечности «планового периода».

Считаем, что предоставление жилья является одним из мощных мотивирующих факторов, запустившим механизм кадровой деградации в органах внутренних дел. Решение данной проблемы, нам видится в тесном взаимодействии МВД России с ипотечными структурами по аналогии с ипотечным механизмом, реализуемым в Вооруженных Силах РФ.

Особого внимания заслуживает вопрос отдельных социальных льгот в рыночных условиях, не соответствующий ожиданиям сотрудников. Так, например, отдых детей сотрудников ОВД в период летних каникул для многих семей сотрудников ОВД остается проблемным. Основной причиной тому является высокая стоимость детского отдыха. Так, например, в Орловской области средняя стоимость путевки в загородные лагеря отдыха и оздоровления детей составляет около 40 тыс. рублей (на одного ребенка)[12]. При том что денежное содержание полицейского в Орловской области, согласно статистическим данным рынка труда в Орле – «Полицейский»[13] составляет от 35 тыс. рублей до 60 тыс. рублей. А если в семье сотрудника органов внутренних дел 2 ребенка?

К сожалению, выплата ежегодного пособия на проведение летнего оздоровительного отдыха детей сотрудников органов внутренних дел[14] положена не всем действующим полицейским, а определенной льготной категории сотрудников. Следовательно, сотрудники ОВД вопрос не только с оздоровительным отдыхом своих детей (а это немало по времени – 3 летних месяца), но и с местом нахождения их детей в каникулярный период

[12] О мерах по организации отдыха и оздоровления детей в Орловской области в 2026 году: постановление Правительства Орловской области от 18 февраля 2026 г. № 91. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document (дата обращения: 20.03.2026).

[13] Статистика рынка труда в Орле – «Полицейский» за январь – май 2026 года. URL: https://orel.gorodrabot.ru/salaries/policeyskiy (дата обращения: 29.06.2026).

[14] О размерах и порядке выплаты пособий, предусмотренных пунктами 2 и 3 части 1 статьи 12 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации»: постановление Правительства Рос. Федерации от 28 июня 2017 г. № 759. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

должны разрешать самостоятельно, вынуждая искать возможные варианты решения в том числе с немалой финансовой нагрузкой. Полагаем, что законодательство должно быть едино для всех сотрудников ОВД независимо от категории льготников. Здесь нам видится решение вопроса в следующем: предусмотреть оплату 50 % стоимости путевки из федерального бюджета; частичная компенсация расходов на путевку, например от 5 000 тыс. рублей независимо от дохода или больше, при соответствии критериям нуждаемости, а детям погибших сотрудников ОВД или участников специальной военной операции предоставлять бесплатные путевки.

Таким образом, социальная защита сотрудников полиции в условиях сегодняшней реальности представляет собой сложный, многослойный феномен. Она существует одновременно в двух плоскостях: нормативной (где все права прописаны и гарантированы) и экзистенциальной (где этих прав приходится годами добиваться через бюрократические процедуры или наблюдать их постепенное обесценивание). Главный вызов современности заключается в преодолении разрыва между этими плоскостями. До тех пор, пока денежное довольствие не станет конкурентным на рынке труда, а социальные льготы будут не формальны, любые разговоры о преодолении кадрового голода, престиже службы и эффективной защите правопорядка будут натыкаться на суровую реальность полицейского, вынужденного думать не о поимке преступника, а о том, как прокормить семью. В этом контексте восстановление социальной справедливости для самих стражей порядка становится не гуманитарным жестом, а базовым условием существования правового государства.

---

1. Ельцин А. А. Анализ реализации социальных гарантий сотрудникам МВД России и их влияние на уровень некомплекта личного состава // Проблемы экономики и юридической практики. 2025. Т. 21. № 2. С. 284–287.
2. Городничев И. М. О совершенствовании предоставления сотрудникам органов внутренних дел социальных гарантий // Государственная служба и кадры. 2022. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovershenstvovanii-predostavleniya-sotrudnikam-organov-vnutrennih-del-sotsialnyh-garantiy (дата обращения: 29.06.2026).
3. Суворова А. Д. Социальная защита сотрудников органов внутренних дел // Инновационная наука. 2021. № 6. С. 154–156.
4. Зарина А. М., Ларионова Л. И. Достойное социальное обеспечение сотрудника ОВД – показатель эффективности деятельности полиции // Государственная служба и кадры. 2024. № 3. С. 42–46.
5. Харрасова Г. В., Халилуллин Ф. Ф, Старостин В. Г. Особенности самооценки сотрудников органов внутренних дел в системе первоначального обучения // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 80–3. URL: https: //cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-samootsenki-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-v-sisteme-pervonachalnogo-obucheniya (дата обращения: 27.06.2026).
6. Еремеева Т. С., Безбородова С. А. Проблемы обеспечения социальной защищенности сотрудников органов внутренних дел в условиях реформирования // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 54. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-obespecheniya-sotsialnoy-zaschischennosti-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-v-usloviyah-reformirovaniya (дата обращения: 29.06.2026).
7. Мадатов О. Я. Реформирование системы оплаты труда в полиции: путь к укомплектованию подразделений МВД России // Политика и Общество. 2025. № 1. С. 73–98.
8. Набока А. А. Особенности социальной защиты сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник БелЮИ МВД России. 2020. № 4. С. 54–58.

1. El`cin A. A. Analiz realizacii social`ny`x garantij sotrudnikam MVD Rossii i ix vliyanie na uroven` nekomplekta lichnogo sostava // Problemy` e`konomiki i yuridicheskoj praktiki. 2025. T. 21. № 2. S. 284–287.
2. Gorodnichev I. M. O sovershenstvovanii predostavleniya sotrudnikam organov vnutrennix del social`ny`x garantij // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry`. 2022. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovershenstvovanii-predostavleniya-sotrudnikam-organov-vnutrennih-del-sotsialnyh-garantiy (data obrashheniya: 29.06.2026).
3. Suvorova A. D. Social`naya zashhita sotrudnikov organov vnutrennix del // Innovacionnaya nauka. 2021. № 6. S. 154–156.
4. Zarina A. M., Larionova L. I. Dostojnoe social`noe obespechenie sotrudnika OVD – pokazatel` e`ffektivnosti deyatel`nosti policii // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry`. 2024. № 3. S. 42–46.
5. Xarrasova G. V., Xalilullin F. F, Starostin V. G. Osobennosti samoocenki sotrudnikov organov vnutrennix del v sisteme pervonachal`nogo obucheniya // Problemy` sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2023. № 80–3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-samootsenki-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-v-sisteme-pervonachalnogo-obucheniya (data obrashheniya: 27.06.2026).
6. Eremeeva T. S., Bezborodova S. A. Problemy` obespecheniya social`noj zashhishhennosti sotrudnikov organov vnutrennix del v usloviyax reformirovaniya // Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarny`e nauki. 2011. № 54. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-obespecheniya-sotsialnoy-zaschischennosti-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-v-usloviyah-reformirovaniya (data obrashheniya: 29.06.2026).
7. Madatov O. Ya. Reformirovanie sistemy` oplaty` truda v policii: put` k ukomplektovaniyu podrazdelenij MVD Rossii // Politika i Obshhestvo. 2025. № 1. S. 73–98.
8. Naboka A. A. Osobennosti social`noj zashhity` sotrudnikov organov vnutrennix del Rossijskoj Federacii // Vestnik BelYuI MVD Rossii. 2020. № 4. S. 54–58.

Информация об авторе

Маргарита Владимировна Сидорова. Доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД, кандидат педагогических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Margarita V. Sidorova. Associate Professor of the Chair of Administrative Law and Administrative Activities of the Interior Ministry, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatov St., 2.

Статья поступила в редакцию 01.07.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 01.07.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 342

О ПРОБЛЕМАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Строева Оксана Александровна
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

oxana25121989@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу института административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Автором обосновывается наличие системных проблем, препятствующих постпенитенциарной профилактике. Установлено, что соблюдение поднадзорными лицами административных ограничений не сопровождается снижением рецидивного компонента в структуре преступности, что свидетельствует о недостаточной эффективности внешнего сдерживания. На основе проведенного анализа обосновывается необходимость дополнения действующей системы административных ограничений запретом на употребление алкогольной продукции, наркотических средств и психотропных веществ, а также запретом на общение с несовершеннолетними для поднадзорных лиц, осужденных за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Ключевые слова: административный надзор, административные ограничения, поднадзорное лицо, рецидивная преступность, постпенитенциарная профилактика, электронные средства контроля, профилактика правонарушений.

Для цитирования: Строева О. А. О проблемах, возникающих при осуществлении административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 217–226.

ON THE PROBLEMS ARISING FROM ADMINISTRATIVE SUPERVISION OF INDIVIDUALS RELEASED FROM INCARCERATION

Oksana A. Stroeva
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

oxana25121989@gmail.com

Annotation. This article is dedicated to a comprehensive analysis of the institution of administrative supervision over individuals released from incarceration. The author touches upon systemic problems hindering post-penitentiary prevention. It has been established that compliance with administrative restrictions by supervised individuals does not result in a reduction of the recidivism component in the structure of crime, indicating insufficient effectiveness of external deterrence. Based on the conducted analysis, the necessity of supplementing the existing system of administrative restrictions with a ban on the consump-tion of alcoholic beverages, narcotic drugs, and psychotropic substances,

as well as a prohibition on communication with minors for supervised individuals convicted of crimes against the sexual freedom and integrity of minors, is justified.

Keywords: administrative supervision, administrative restrictions, supervised individual, recidivist crime, post-penitentiary prevention, electronic monitoring tools, crime prevention.

For citation: Stroeva O. A. On the problems arising from administrative supervision of individuals released from incarceration // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 217–226.

Институт административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, закрепленный Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее – Закон № 64-ФЗ)[1], представляет собой важнейший инструмент постпенитенциарной профилактики. Его эффективность напрямую зависит от способности правового механизма государственного воздействия оперативно реагировать на любые проявления противоправного поведения, выступающие своеобразными индикаторами устойчивой антисоциальной направленности личности. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности института административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, как одного из ключевых механизмов предупреждения рецидивной преступности и обеспечения общественной безопасности. Несмотря на последовательную реализацию государственной политики, направленную на ресоциализацию осужденных, правоприменительная практика регистрирует неизменно высокий уровень нарушений ограничений и запретов со стороны поднадзорных лиц, что свидетельствует о существовании системных проблем нормативного, организационного и правоприменительного характера.

О масштабе указанных проблем свидетельствуют данные судебной статистики. Только в 2024 году судами по первой инстанции рассмотрено 169 264 дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 19.24 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)[2], что составляет более 35 % от общего числа рассмотренных дел против порядка управления по гл. 19 КоАП РФ (477 987 дел). В ретроспективном периоде 2017–2024 гг. ежегодное количество рассматриваемых дел по ст. 19.24 КоАП РФ варьировалось в интервале от 170 673 до 211 114 (см. таблицу 1), а их доля в структуре правонарушений против порядка управления достигала 42,2 % (максимальный показатель отмечен в 2023 году)[3]. Таким образом, в среднем каждое третье дело указанной категории связано с нарушением режима административного надзора, что позволяет констатировать массовый и системный характер рассматриваемого феномена.

[1] Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: Федер. закон Рос. Федерации от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (Форма № 1-АП). URL: https://https://stat.апи-пресс.рф/stats/adm/t/31/s/1 (дата обращения: 19.05.2026).

Таблица 1

Работа судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях

Год	Всего правонарушений гл. 19 КоАП РФ	Рассмотрено дел по I-й инстанции по ст. 19.24 КоАП РФ	Удельный вес ст. 19.24 КоАП РФ в общем числе гл. 19 КоАП РФ, в %
2024	477 987	169 264	35,4
2023	481 130	203 112	42,2
2022	516 121	211 114	40,9
2021	617 148	202 471	32,8
2020	560 711	188 201	33,6
2019	649 885	186 514	28,7
2018	641 557	179 994	28,1
2017	647 667	170 673	26,4

Дополнительную значимость проблеме придает устойчивый характер рецидивной преступности. Согласно официальным статистическим данным, в период 2022–2025 гг. наметилась тенденция к снижению удельного веса лиц, ранее совершавших преступления, в общем числе выявленных лиц: с 59,1 % (2022 год) до 53,2 % (2025 год) при одновременном сокращении абсолютного числа выявленных лиц, совершивших преступления с 818 986 до 594 917 человек[4]. Вместе с тем стоит отметить, что доля данной категории стабильно превышает 50 % от общего числа лиц, совершивших преступления, при этом более половины указанных лиц – ранее судимые (от 157 143 в 2025 году до 252 165 в 2022 году). Следовательно, рецидивный компонент сохраняет доминирующее положение в структуре преступности, что актуализирует вопрос о профилактическом потенциале административного надзора.

Научного разрешения требует следующее противоречие: при снижении абсолютных показателей (Рис. 1) рассмотренных дел по ст. 19.24 КоАП РФ (с 211 114 в 2022 году до 169 264 в 2024 году) и уменьшении на 37 % с 2022 по 2025 год судимых лиц (Рис. 2) удельный вес лиц, ранее совершавших преступления, в массиве выявленных преступлений сохраняется на уровне, превышающем 53 %. Указанное обстоятельство порождает фундаментальный вопрос научного и практического характера: почему при формальном улучшении статистических показателей по линии административной юрисдикции рецидивный компонент преступности не только не утрачивает своего доминирующего положения, но и продолжает определять «ядро» современной криминальной среды?

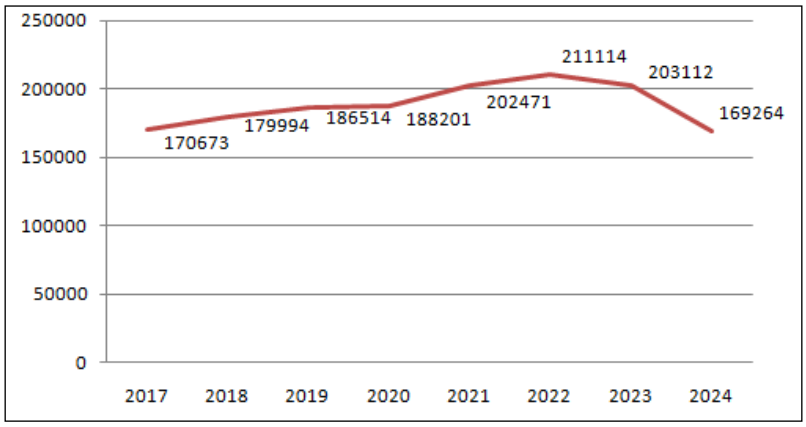

Рис. 1. Динамика количества дел, рассмотренных по ст. 19.25 КоАП РФ в I-й инстанции

[4] Отчеты ГИАЦ МВД России. URL: https://мвд.рф/reports/item/84420054 (дата обращения: 12.05.2026).

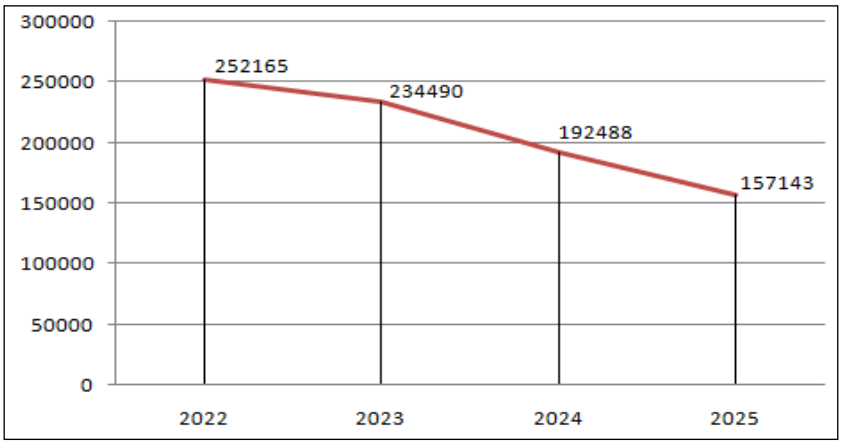

Рис. 2. Динамика ранее судимых лиц в числе ранее совершавших преступления

Изложенные статистические закономерности, демонстрирующие диссонанс между динамикой регистрируемых нарушений и структурными показателями рецидивной преступности, не позволяют ограничиться количественной интерпретацией. Таким образом, объективно существует научная и практическая потребность в комплексном анализе проблем, возникающих при осуществлении административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

В современной юридической доктрине административный надзор за поднадзорными лицами рассматривается как самостоятельная форма профилактической деятельности [1, с. 54]. При этом сама профилактическая составляющая является неотъемлемым системообразующим элементом рассматриваемого института, чем обусловлено его отличие от иных форм надзора. Законодатель концептуально связывает цели административного надзора с двумя взаимосвязанными задачами, образующими внутреннее единство:

1. Предупреждение совершения преступлений и иных правонарушений со стороны поднадзорных лиц – задача, ориентированная на общую и специальную превенцию.

2. Осуществление индивидуального профилактического воздействия, направленного на коррекцию поведения поднадзорного и минимизацию связанного с ним криминогенного риска, – задача, предполагающая персонализированный подход с учетом особенностей личности, характера совершенного преступления и поведения после освобождения из мест лишения свободы [2, с. 169].

Функциональное назначение административных ограничений, устанавливаемых в порядке, предусмотренном Законом № 64-ФЗ, заключается не только и не столько в обеспечении формального контроля за поведением поднадзорного лица, сколько в создании превентивных барьеров, затрудняющих либо исключающих возможность совершения новых правонарушений. К числу таких барьеров традиционно относятся: запрет пребывания в определенных местах (например, в местах реализации алкогольной продукции, образовательных учреждениях – при совершении преступлений против несовершеннолетних); запрет выезда за установленные территории; обязательная явка в орган внутренних дел; запрет пребывания вне жилого помещения в определенное время суток [3, с. 19].

С теоретической точки зрения указанные ограничения выполняют как внешнюю (поведенческую), так и внутреннюю (психологическую) функцию: первые препятствуют доступу поднадзорного лица к криминогенным объектам и ситуациям; вторые – формируют у него осознание постоянного контроля со стороны уполномоченных государственных органов и должностных лиц, что при определенных условиях может способствовать отказу от противоправного поведения. Вместе с тем эффективность данных превентивных барьеров (административных ограничений) не является абсолютной

и существенно зависит как от индивидуальных характеристик поднадзорного, так и от качества организации надзорной деятельности. Данное обстоятельство объясняется тем, что устанавливаемые судом ограничения воздействуют преимущественно на поведенческий элемент, оставляя без изменения внутренние криминогенные детерминанты. В связи с этим указанные ограничения выполняют функцию внешнего сдерживания, однако не затрагивают устойчивых антисоциальных установок, алкогольной или наркотической зависимости, дефицита трудовых навыков, утраты социально полезных связей. Как следствие, формальное соблюдение административных ограничений (либо их нарушение по ст. 19.24 КоАП РФ) коррелирует с вероятностью допущения нового противоправного поведения. Поднадзорное лицо может добросовестно отмечаться в органах внутренних дел, но при этом сохранять высокую криминальную активность, переведя в определенный момент административный деликт в плоскость уголовно наказуемого деяния.

Система административных ограничений, предусмотренная действующим законодательством, образует многоуровневый превентивный механизм. Однако анализ современной правоприменительной практики позволяет говорить о наличии ряда проблем, требующих доктринального осмысления и выработки научно обоснованных путей их решения.

Проведенный в рамках настоящего исследования сравнительно-правовой анализ реализации института административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, в Российской Федерации и государствах – участниках СНГ (Содружество Независимых Государств) формирует основу для выработки предложений по заимствованию отдельных институциональных решений с целью совершенствования законодательства.

Так, представляет интерес опыт правового регулирования административного надзора в Республике Казахстан. В соответствии с ч. 2 ст. 65 Закона от 30 декабря 2025 г. № 245-VIII ЗРК «О профилактике правонарушений» (далее – Закон № 245-VIII ЗРК)[5], к административным ограничениям, которые вправе установить суд, относятся: запрет покидать жилище в определенное время; запрет пребывать в определенных местах района (города); запрет выезжать за установленные пределы; запрет разыскивать, посещать, вести телефонные переговоры и общаться иным способом с несовершеннолетними без согласия их родителей либо законных представителей; запрет употреблять алкогольные напитки, наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги. В приведенном перечне отдельно следует выделить запрет на употребление алкоголя и наркотических средств. Как нам представляется, указанный запрет является ключевым с точки зрения профилактики, он применяется не автоматически, а лишь при наличии причинно-следственной связи между ранее совершенным преступлением и употреблением указанных продуктов (веществ). Кроме того, данный запрет подкреплен системой контроля: регулярные медицинские освидетельствования, проверки по месту жительства и мониторинг социальных контактов. Аналогичный подход закреплен и в законодательстве других государств. Например, ст. 7 Закона Республики Узбекистан от 2 апреля 2019 г. № ЗРУ-532 «Об административном надзоре за отдельной категорией лиц, освобожденных из учреждений по исполнению наказания» (далее – Закон № ЗРУ-532)[6] также содержит прямой запрет на употребление алкоголя для поднадзорных лиц. Данный механизм позволяет усилить профилактическое воздействие админи-

[5] О профилактике правонарушений: закон Республики Казахстан от 30 декабря 2025 г. № 245-VIII ЗРК. URL: https://zakon.uchet.kz/rus/history/z2500000245 (дата обращения: 19.05.2026).

[6] Об административном надзоре органов внутренних дел за отдельной категорией лиц, освобожденных из учреждений по исполнению наказаний: закон Республики Узбекистан от 2 апреля 2019 г. № ЗРУ-532. URL: https://president.uz/ru/lists/view/3044 (дата обращения: 19.05.2026).

стративного надзора, снизить вероятность совершения правонарушений в состоянии опьянения и предоставить органам, осуществляющим надзор, четкие правовые основания для реагирования на подобные нарушения.

В настоящее время в правоприменительной практике возникают определенные трудности, связанные с отсутствием прямых запретов на нахождение поднадзорного лица в состоянии опьянения в жилом помещении, избранного в качестве места жительства (пребывания) или на приглашение поднадзорным в указанное помещение третьих лиц, в том числе лиц с криминальным прошлым либо склонных к противоправному поведению [4, с. 110]. Указанные сложности проявляются в следующем. Поднадзорное лицо, употребляющее алкогольную продукцию (наркотические средства, психотропные вещества) и пребывающее в состоянии опьянения по месту жительства, формально не нарушает установленных судом ограничений (например, запрета на пребывание вне жилого помещения в определенное время суток). Соответственно, при проведении проверок сотрудники органов внутренних дел не могут привлечь такое лицо к ответственности по ч. 1 ст. 19.24 КоАП РФ («Несоблюдение административных ограничений и невыполнение обязанностей, устанавливаемых при административном надзоре»), поскольку фактические основания для этого отсутствуют. Статистические данные подтверждают высокую корреляцию между состоянием опьянения и совершением преступлений. Согласно официальной информации, каждое пятое преступление совершается лицом, находящимся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения[7]. Выявленный правовой вакуум формирует криминогенные условия, повышающие вероятность совершения преступлений и правонарушений, а также снижает профилактический потенциал административного надзора, препятствуя достижению его основной цели – предупреждению рецидивной преступности.

Устранение данного пробела посредством внесения соответствующих изменений в законодательство (дополнение ст. 4 Закона № 64-ФЗ прямым запретом на употребление алкоголя, наркотических и психотропных веществ, а также наделение органов внутренних дел полномочиями по контролю за соблюдением данного запрета) позволит повысить эффективность надзора и минимизировать риски совершения противоправных действий в жилых помещениях поднадзорных лиц.

Помимо запрета, связанного с употреблением алкоголя и наркотических средств, не меньший интерес представляет ограничение, содержащееся в Законе № 245-VIII ЗРК, связанное с общением поднадзорных с несовершеннолетними. И здесь особенно важен принцип соразмерности (пропорциональности), закрепленный, в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ)[8]. Этот принцип требует, чтобы любые ограничения конституционных прав и свобод граждан были абсолютно необходимыми, применительно к административному надзору – ограничение прав поднадзорных лиц допускается исходя из характера и степени опасности ранее совершенного деяния, а также рисков повторного противоправного поведения. Следовательно, запрет на общение с несовершеннолетними не должен применяться ко всем поднадзорным лицам. Он оправдан лишь для той категории, чей криминальный профиль объективно связан с риском вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность либо с угрозой их физической, психической или половой неприкосновенности. К таким категориям поднадзорных можно отнести лиц, осужденных за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних

[7] Отчеты ГИАЦ МВД России. URL: https://мвд.рф/reports/item/84420054 (дата обращения: 19.05.2026).

[8] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

(ст. 131–135, 134, 135 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)[9], а также иные составы, потерпевшими по которым являются несовершеннолетние), осужденных за вовлечение несовершеннолетних (ст. 150, 151 УК РФ), а также за преступления, совершенные в соучастии с несовершеннолетними.

Очевидно, что для рассматриваемой категории поднадзорных требуются дополнительные, более жесткие меры контроля, способные оперативно фиксировать возможные нарушения и предотвращать контакты в реальном времени, в частности с использованием электронных браслетов. Применение таких электронных средств, работающих с системамм ГЛОНАСС/GPS (спутниковые системы навигации), позволит повысить уровень контроля за исполнением запрета на посещение и нахождение на территориях и в помещениях организаций, предназначенных для пребывания детей: образовательных и медицинских учреждений, санаториев, детских спортивных и культурных объектов (театров, музеев, домов культуры), лагерей отдыха и оздоровления, а также на открытых детских игровых и спортивных площадках.

Применение электронных браслетов к лицам, осужденным за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности детей, – это вынужденная и строго обоснованная мера безопасности, продиктованная некорректируемым характером расстройств поведения, высочайшим риском рецидива и неспособностью традиционных методов надзора обеспечить реальную защиту несовершеннолетних от латентного посягательства. Это технический инструмент исполнения установленных судом запретов, направленный на физическое недопущение контакта потенциального правонарушителя с жертвой [5, с. 211].

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее – УИК РФ)[10] закрепляет применение электронных и иных технических средств контроля в рамках исполнения наказания в виде ограничения свободы. Статья 60 УИК РФ закрепляет: при осуществлении надзора могут использоваться аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля. С правовой точки зрения нет препятствий для имплементации этого подхода на постпенитенциарное сопровождение осужденных за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних в рамках административного надзора, осуществляемого сотрудниками органов внутренних дел. В этой связи считаем необходимым императивно закрепить электронный мониторинг (браслеты) в действующее законодательство, регулирующее порядок осуществления административного надзора. Для этого предлагаем внести в Закон № 64-ФЗ следующие изменения: в пункте 2 части 2 статьи 4 предусмотреть возможность использования электронных средств контроля (браслетов) для поднадзорных лиц, которым судом установлен запрет доступа в зоны пребывания детей и нахождение в детской инфраструктуре; дополнить часть 2 статьи 12 правом уполномоченных органов и должностных лиц «применять технические средства контроля непрерывно в течение всего срока административного надзора». Одновременно в статью 11 Закона № 64-ФЗ следует включить корреспондирующую обязанность поднадзорного лица носить электронный браслет, обеспечивать его сохранность и функционирование.

Действующая редакция Закона № 64-ФЗ содержит еще один существенный пробел: основаниями для установления, продления надзора и введения дополнительных административных ограничений служит узкий круг правонарушений, из которого исключены административные правонарушения, предусмотренные ст. 7.27 КоАП РФ. Подобная дифференциация лишена разумных оснований. Как точно отмечает

[9] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[10] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1999 г. № 1-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В. В. Лунеев, статистическая картина преступности, изолированная от данных об административной практике в отношении тех же лиц, дает искаженное представление о реальной криминогенной активности ранее судимых. Административные правонарушения корыстной направленности (в частности, мелкое хищение) в структуре постпенитенциарного поведения фактически являются латентной формой рецидива, сменившей лишь правовую оболочку [6, с. 234].

Характерным примером является решение Н-ского районного суда по делу от 15 марта 2023 г. № 2а-345/2023. Гражданин К., освободившийся из мест лишения свободы за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), в течение первого года после освобождения дважды привлекался к административной ответственности по ст. 7.27 КоАП РФ за мелкие хищения из сетевых магазинов. Орган внутренних дел обратился в суд с ходатайством об установлении административного надзора, ссылаясь на систематичность правонарушений и необходимость профилактического воздействия. Суд отказал в удовлетворении заявления, мотивировав отказ тем, что правонарушения, предусмотренные ст. 7.27 КоАП РФ, не входят в перечень, установленный статьей 3 Закона № 64-ФЗ. Таким образом, лицо, проявляющее устойчивую девиантность, осталось вне административного надзора, несмотря на очевидные риски дальнейшей криминализации поведения.

Криминологической наукой давно отмечено отсутствие жесткой детерминации между характером ранее совершенного преступления и формами последующей противоправной активности [7, с. 65]. Я. И. Гилинский сформулировал принципиальный тезис: рецидивная преступность (и шире – повторная девиантность) – продолжение предшествующей социальной неустроенности. Между «специализацией» преступника и характером его постпенитенциарного поведения не существует жесткой детерминации. Лица, отбывшие наказание за насильственные преступления, легко переключаются на корыстные правонарушения, если социальная среда не предоставляет им законных средств к существованию [8, с. 267]. В рамках этого явления систематическое совершение мелких хищений выступает одним из наиболее распространенных сценариев независимо от того, было ли исходное преступление корыстным, насильственным, связанным с незаконным оборотом наркотиков или иным.

В этой связи считаем необходимым включение ст. 7.27 КоАП РФ в общий перечень правонарушений, перечисленных в пункте 2 части 3 статьи 3 и пункте 4 статьи 7 Закона № 64-ФЗ, без каких-либо дополнительных условий, касающихся квалификации первоначального преступления.

На основании проведенного анализа предлагаем внести в отдельные нормы Федерального закона № 64-ФЗ следующие изменения:

1. Дополнить статью 4 перечнем административных ограничений, включив:

– запрет на употребление алкогольных и спиртосодержащих напитков, наркотических средств, психотропных веществ либо их аналогов;

– запрет на осуществление любых форм общения с несовершеннолетними лицами (личные встречи, телефонные переговоры, обмен сообщениями в мессенджерах и социальных сетях) без предварительного письменного согласия родителей либо иных законных представителей. При этом в тексте должно быть прямо указано, что данное ограничение устанавливается судом только в отношении лиц, осужденных за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, а также лиц, осужденных за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий (ст. 150, 151 УК РФ) либо совершенных в соучастии с несовершеннолетним.

2. Внести изменения в статью 12 Федерального закона № 64-ФЗ, закрепив полномочия органов внутренних дел по осуществлению контроля за соблюдением установленных ограничений:

– право направлять поднадзорных лиц на медицинское освидетельствование в целях выявления факта употребления алкоголя, наркотических или психотропных веществ;

– возможность мониторинга электронных коммуникаций поднадзорного лица при установленном запрете на общение с несовершеннолетними – только на основании судебного решения;

– право применять технические средства контроля (браслеты) непрерывно в течение всего срока административного надзора.

3. Пункт 2 части 3 статьи 3 после слов «против порядка управления» дополнить словами «против собственности (статья 7.27 КоАП РФ)».

4. Пункт 4 статьи 7 дополнить положением, позволяющим учитывать совершение мелкого хищения в качестве основания для продления административного надзора и дополнения ранее установленных административных ограничений.

Реализация указанных предложений позволит повысить эффективность механизмов административного надзора и обеспечит надлежащий уровень превентивного воздействия на лиц, склонных к совершению повторных правонарушений.

---

1. Бициев З. В. Общественная опасность уклонения от административного надзора (ст. 314.1 УК РФ) // Криминалистика наука без границ: традиции и новации: материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 30 ноября 2023 г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 53–57. EDN: CJFHTV.

2. Лагута А. А. Индивидуальная профилактическая работа участкового уполномоченного полиции с лицами, в отношении которых установлен административный надзор // Право и государство: теория и практика. 2024. № 4. С. 168–171. EDN OGDJRG.

3. Достовалов С. А. Административный надзор как межотраслевой институт и как мера постпенитенциарного воздействия в законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан // Вестник Кузбасского института. 2025. № 3(64). С. 18–29. EDN SDEYIO.

4. Холманский В. И., Стульнова Т. В. Правовые аспекты нормативного регулирования индивидуальной профилактической и контрольно-надзорной деятельности полиции в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы, на современном этапе // Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: этапы становления в России, перспективы совершенствования и развития. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. С. 108–254. EDN YNTKHJ.

5. Маилян С. С. Сущность и особенности административного надзора в России и зарубежных странах: ретроспективный анализ // Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 210–213. DOI 10.24411/2414-3995-2020-10385. EDN ZKTCXT.

6. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции: монография / В. В. Лунеев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2021. 912 с.

7. Филиппова О. В. К вопросу об уголовно-правовом и криминологическом понятии рецидива преступлений // Сибирский юридический вестник. 2021. № 1(92). С. 63–67. EDN: DHYSNK.

8. Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Авторский курс. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2018. 517 с.

1. Biciev Z. V. Obshhestvennaya opasnost` ukloneniya ot administrativnogo nadzora (st. 314.1 UK RF) // Kriminalistika nauka bez granicz: tradicii i novacii: materialy` mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Sankt-Peterburg, 30 noyabrya 2023 g. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2024. S. 53–57. EDN: CJFHTV.
2. Laguta A. A. Individual`naya profilakticheskaya rabota uchastkovogo upolnomochennogo policii s liczami, v otnoshenii kotory`x ustanovlen administrativny`j nadzor // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. № 4. S. 168–171. EDN OGDJRG.
3. Dostovalov S. A. Administrativny`j nadzor kak mezhotraslevoj institut i kak mera postpenitenciarnogo vozdejstviya v zakonodatel`stve Rossijskoj Federacii i Respubliki Kazaxstan // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2025. № 3(64). S. 18–29. EDN SDEYIO.
4. Xolmanskij V. I., Stul`nova T. V. Pravovy`e aspekty` normativnogo regulirovaniya individual`noj profilakticheskoj i kontrol`no-nadzornoj deyatel`nosti policii v otnoshenii licz, osvobozhdenny`x iz mest lisheniya svobody`, na sovremennom e`tape // Administrativny`j nadzor za liczami, osvobozhdenny`mi iz mest lisheniya svobody`: e`tapy` stanovleniya v Rossii, perspektivy` sovershenstvovaniya i razvitiya. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2017. S. 108–254. EDN YNTKHJ.
5. Mailyan S. S. Sushhnost` i osobennosti administrativnogo nadzora v Rossii i zarubezhny`x stranax: retrospektivny`j analiz // Vestnik e`konomicheskoj bezopasnosti. 2020. № 6. S. 210–213. DOI 10.24411/2414-3995-2020-10385. EDN ZKTCXT.
6. Luneev V. V. Prestupnost` XX veka: mirovy`e, regional`ny`e i rossijskie tendencii: monografiya / V. V. Luneev. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, 2021. 912 s.
7. Filippova O. V. K voprosu ob ugolovno-pravovom i kriminologicheskom ponyatii recidiva prestuplenij // Sibirskij yuridicheskij vestnik. 2021. № 1(92). S. 63–67. EDN: DHYSNK.
8. Gilinskij Ya. I. Kriminologiya: teoriya, istoriya, e`mpiricheskaya baza, social`ny`j kontrol`. Avtorskij kurs. 4-e izd., pererab. i dop. SPb.: OOO Izdatel`skij Dom «Alef-Press», 2018. 517 s.

Информация об авторе

Оксана Александровна Строева. Старший преподаватель кафедры специальной подготовки, кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Oksana A. Stroeva. Senior Teacher at the Chair of Special Training, Candidate of Sciences (Law).
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatov St., 2.

Статья поступила в редакцию 07.07.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 07.07.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 342.9

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ: ПРАВОВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Флоря Денис Федорович[1], Малик Елена Николаевна[2], Малик Владислав Игоревич[3]
[1, 3]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия
[2]Академия ФСО России, Орел, Россия

[1]aav28010208@yandex.ru
[2]malik57-elena@mail.ru
[3]maalya04@mail.ru

Аннотация. В статье обосновывается, что современная молодежь выступает главным драйвером социально-экономического и политического развития страны. Молодежная политика остается ключевым направлением внутренней политики Российской Федерации. Цель исследования состоит в выявлении приоритетов реализации политики государства для молодых граждан, которые способны обеспечить устойчивое развитие страны, повысить качество жизни и укрепить национальную безопасность. Аргументировано, что в России реализуется последовательная государственная политика для раскрытия потенциала молодого поколения и создаются политико-правовые условия для профессиональной самореализации. От процесса эффективной интеграции молодых граждан в общественно-политическое пространство зависит стратегия укрепления российской государственности.

Ключевые слова: молодежь, государственная молодежная политика, потенциал молодежи, государство, российская политика, стратегия России.

Для цитирования: Флоря Д. Ф., Малик Е. Н., Малик В. И. Молодежная политика в государственной стратегии России: правовой и политический аспекты // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 227–238.

YOUTH POLICY IN THE STATE STRATEGY OF RUSSIA: LEGAL AND POLITICAL ASPECTS

Denis F. Florya[1], Elena N. Malik[2], Vladislav I. Malik[3]
[1, 3]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[2]Academy of the Federal Security Service of Russia, Orel, Russia

[1]aav28010208@yandex.ru
[2]malik57-elena@mail.ru
[3]maalya04@mail.ru

Annotation. The article substantiates that modern youth is the main driver of the social and economic and political development of the country. Youth policy remains a key area of the Russian Federation's domestic policy. The purpose of the study is to identify priorities for the implementation of state policy for young citizens who are able to ensure the sustainable development of the country, improve the quality of life and strengthen national

security. It is argued that a consistent state policy is being implemented in Russia to unlock the potential of the younger generation and create political and legal conditions for professional self–realization. The strategy of strengthening Russian statehood depends on the process of effective integration of young citizens into the socio–political space.

Keywords: youth, state youth policy, youth potential, state, Russian politics, Russia's strategy.

For citation: Florya D. F., Malik E. N., Malik V. I. Youth policy in the state strategy of Russia: legal and political aspects // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 227–238.

Молодое поколение всегда воспринималось как ключевая движущая сила развития государства, но сегодня этот тезис наполняется не только символическим, но и стратегически важным смыслом. Такие качества, как высокий уровень образования, амбициозность, ориентация на проектный подход, умение самоорганизовываться и выстраивать коммуникации, становятся фундаментом для создания устойчивой социальной структуры российского общества. В этой структуре молодежь занимает не второстепенное, а центральное место. Сегодня молодежь – это главный фундамент будущего России. Именно от нее зависит, какое место страна будет занимать в мире, какой курс своего развития выберет и какие ценности будет транслировать. «По последним статистическим данным в настоящее время в России живет около 25 млн человек в возрасте от 15 до 30 лет, что составляет 16,5 % всего населения страны. Данная цифра не высока, так как современная молодежь сейчас – это малочисленное поколение рожденных в 1989–2003 годах» [1, с. 654].

Во время инаугурации 7 мая 2024 г. Владимир Владимирович Путин четко обозначил стратегические ориентиры, которые станут ключевыми в новом политическом цикле: «Мы должны обеспечить надежную преемственность в развитии страны на десятилетия вперед, вырастить и воспитать молодые поколения, которые будут укреплять могущество России, развивать нашу государственность, в основе которой – межнациональное согласие, сбережение традиций всех народов, живущих в России, стране-цивилизации, объединенной русским языком и нашей многонациональной культурой»[1].

Молодежная политика представляет собой ключевой элемент государственной стратегии, направленный на создание условий для всестороннего развития молодежи, ее самореализации, профессионального становления и активного гражданского участия. Государственная молодежная политика (далее – ГМП) представляет собой систему стратегических приоритетов и социально-правовых механизмов, направленных на формирование благоприятной институциональной среды для социокультурной интеграции и самодетерминации молодого поколения. В основе политики лежат четыре направления.

Первое – социализация и преемственность. Здесь важно поддерживать воспроизводство человеческого капитала и передавать молодежи актуальные общественные ценности.

Второе – профориентация. Нужно дать молодым людям возможность учиться в разных учебных заведениях (академическая мобильность), получать востребованные навыки и в итоге успешно найти работу.

[1] Президент призвал воспитать молодежь, укрепляющую могущество Родины. Национальный совет молодежных и детских инициатив. URL: https://youthrussia.ru/novosti–chlenskikh–organizatsij–i–partnerov/prezident–prizval–vospitat (дата обращения: 26.03.2026).

Третье – гражданская позиция. Чтобы молодежь активнее участвовала в жизни общества, ее нужно вовлекать в волонтерство, поддерживать через гранты и развивать молодежное самоуправление.

Четвертое – правовая защита. Необходимо создать четкие нормативные правила, которые гарантируют соблюдение прав молодых людей и помогают избежать ситуаций, когда они оказываются в уязвимом положении или теряют связь с обществом [2].

Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 489–ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» определены приоритеты проведения государственной молодежной политики в России на нескольких уровнях. «Федеральные органы власти определяют приоритеты в государственной молодежной политике, разрабатывают механизмы ее реализации, формируют нормативно-правовую базу в области молодежной политики, разрабатывают технологии взаимодействия органов власти со всеми заинтересованными лицами и организациями» [3, с. 84]. Ключевыми акторами федерального уровня являются государственные органы власти: 1) Правительство Российской Федерации (определяет стратегические направления ГМП); 2) Министерство науки и высшего образования РФ (Минобрнауки) – ведущее министерство, ответственное за разработку и реализацию ГМП. В его структуре есть профильный департамент Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь) – ключевой исполнительный орган, который занимается непосредственной реализацией программ, распределением грантов, организацией форумов («Таврида», «Территория смыслов» и др.), патриотических и добровольческих проектов и т. д.); 3) другие министерства и ведомства (Минпросвещения, Минспорта, Минкультуры, Минцифры и т. д.) – реализуют молодежную политику в своей сфере (образование, спорт, культура, IT). На региональном уровне субъектами разработки и реализации молодежной политики выступают органы исполнительной власти субъектов РФ (министерства, департаменты, управления по делам молодежи) – адаптируют и реализуют федеральную политику «на местах», разрабатывают региональные программы. Муниципальный уровень представлен Управлениями/отделами по делам молодежи в местных администрациях. Данные институты молодежной политики работают непосредственно с молодым поколением по месту жительства, поддерживают местные клубы, центры, мероприятия.

Важное сказать, что актуальность вовлечения молодого поколения в процессы устойчивого социального и экономического развития, а также укрепление национальной безопасности обусловливают необходимость углубленного изучения механизмов функционирования институтов гражданского общества. Так, важнейшими институтами гражданского общества в сфере ГМП выступают общероссийские общественно-государственные организации:

1) российское движение детей и молодежи «Движение Первых» – ключевая организация, созданная в 2022 году для консолидации молодежи, воспитания и развития;

2) «Российские студенческие отряды» (РСО) – крупнейшая организация в сфере временной занятости молодежи;

3) «Юнармия» (входит в структуру «Движения Первых») – военно-патриотическое направление;

4) Ассоциация волонтерских центров – координирует добровольческое движение;

5) молодежные советы и парламенты – при органах власти разного уровня, выполняют совещательную и представительскую функцию;

6) некоммерческие организации (НКО), получившие грантовую поддержку от Росмолодежи, Фонда президентских грантов и т. д.;

7) молодежные крылья политических партий (например, «Молодая Гвардия Единой России») – вовлекают молодежь в политическую жизнь, продвигают партийные ценности.

В России практически четверть жителей – это граждане от 14 до 35 лет, и государство совместно с институтами гражданского общества формирует условия для их всестороннего развития. «В рамках организации молодежного движения государству необходимо придерживаться принципа солидарности, сотрудничества, поощрения инициативности и самостоятельности молодежи, предоставления свободы выбора и реализации личностной ориентации ее участников» [4, с. 40–41]. Современная модель государственной молодежной политики в России строится на принципе трипартизма: «государство – общественные организации – молодежь». Государство (в лице Росмолодежи и региональных органов) задает нормативные и финансовые рамки, осуществляет координацию, тогда как общественные организации выступают ключевыми операторами: они непосредственно работают с молодежью и формируют экосистему реализации молодежной политики. Данные институты обеспечивают самоидентификацию молодежи и реализацию ее потенциала, способствуют проявлению активной гражданской позиции. Таким образом, взаимодействие государственных структур и институтов гражданского общества становится надежным механизмом реализации молодежной политики, который позволяет эффективно интегрировать молодых граждан в общественно-политическое пространство и стимулировать развитие инициативных форм социальной активности.

За последнее десятилетие российская государственная молодежная политика вышла на абсолютно новый уровень: сформировалась целая система конкурсов, проектов, организаций, грантовых программ, позволяющих молодым людям реализовать свой потенциал, повысить уровень профессиональных и личных навыков. Россия стала настоящей страной возможностей для молодежи. Как отметил Заместитель Председателя Правительства России Дмитрий Чернышенко на ежегодном заседании итоговой коллегии Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь), «сегодня более 86 % ребят верят в возможность самореализации в нашем государстве, а 94 % молодых людей гордятся, что они являются его гражданами»[2].

Правительство России в июне 2025 года утвердило план мероприятий по реализации Стратегии молодежной политики до 2030 года[3]. План включает семь направлений (разделов): Первое посвящено развитию традиционных ценностно-смысловых и нравственных ориентиров, гражданственности и патриотизма в молодежной среде. Второе предполагает создание для молодых семей благоприятных условий для повышения рождаемости, формирования ценностей семейной культуры. В третий раздел вошли мероприятия, нацеленные на формирование системы ценностей здорового образа жизни в молодежной среде и обеспечение социальных гарантий молодежи. Четвертый блок посвящен вопросам профессионального развития молодежи, содействию занятости и предпринимательской деятельности молодых людей. В рамках пятого тематического блока планируется реализовать мероприятия, направленные на правовое просвещение и информационную защиту молодежи. Шестой раздел предполагает создание условий для развития молодежного добровольчества. Седьмое направление посвящено вопросам совершенствования системы управления и инфраструктуры в сфере молодежной политики.

В 2026 году в рамках приоритетов государственной молодежной политики прошло несколько крупных федеральных событий. Одно из ключевых – старт заявочной кампании на Всероссийскую премию молодежных достижений «Время молодых». Она

---

[2] Дмитрий Чернышенко: 94 % молодых людей гордятся, что они являются гражданами России. Официальный сайт Правительства России. URL: http://government.ru/news/55458/ (дата обращения: 26.03.2026).

[3] Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

приурочена к выбору «Молодежной столицы России – 2026» и призвана поддержать активную молодежь, организаторов социальных инициатив и молодых специалистов, которые работают в сфере молодежной политики.

Конкурс включает индивидуальные и коллективные номинации по самым разным направлениям. Отдельная важная часть премии – определение «Молодежной столицы России». Здесь выбирают города, где лучше всего развита молодежная инфраструктура и внедрены инновационные подходы к поддержке молодежных инициатив.

Еще одно значимое событие – запуск нового бюджета, направленного на поддержку молодежной политики.

Согласно официальным данным, в 2026 году на мероприятия в сфере молодежной политики запланировано выделение около 78 миллиардов рублей, а также дополнительные средства для реализации национальных проектов «Молодежь и дети» и «Семья». В рамках концепции нацпроекта «Молодежь и дети» запланирована реализация 6 федеральных проектов: «Россия – страна возможностей», нацеленного на создание условий для самореализации детей и молодежи; «Мы – вместе», направленного на продвижение традиционных духовно-нравственных ценностей среди детей и молодежи; «Россия в мире», цель которого – развитие международного молодежного сотрудничества; «Все лучшее детям» для формирования современной образовательной среды; «Педагоги и наставники», перед которым стоит повышение квалификации и благосостояния педагогов и наставников; «Ведущие школы», нацеленного на строительство и оснащение ведущих общеобразовательных организаций.

Для сферы молодежной политики национальный проект «Молодежь и дети» станет первым профильным нацпроектом и окончательно институционально зафиксирует молодежную политику в качестве одного из государственных приоритетов. В основе нацпроекта лежит межведомственный принцип: предложения по дополнению и корректировке проекта подали более 30 федеральных органов исполнительной власти, 15 общественных и некоммерческих организаций. Благодаря этому нацпроект становится сквозным. Он будет определять порядок работы с молодежью на уровне всех органов власти и сфер жизни граждан. Ключевая цель проекта будет связана с воспитанием патриотически настроенных, высоконравственных и ответственных молодых людей, способных обеспечить суверенитет, конкурентоспособность и дальнейшее развитие России. Для этого проект охватывает абсолютно все возрастные категории молодежи – от 3 до 35 лет. Комплексный подход с учетом интересов всех целевых аудиторий позволит создать бесшовную систему работы с молодежью, которая даст ей максимум возможностей для развития. Как заявил глава Росмолодежи Григорий Гуров, «Молодежь и дети» – это не просто национальный проект, это важнейший национальный приоритет. Он охватывает более 50 миллионов человек – треть населения страны. Для этого по нацпроекту будет капитально отремонтировано и оснащено более 8 тысяч школ, ведется строительство 17 современных кампусов, к 2030 году их будет 25, развиваются центры дополнительного образования – IT–кубы, кванториумы, мини-сириусы. В рамках нацпроекта к 2030 году планируется создать 489 образовательных кластеров, повысить квалификацию более 55 тысяч преподавателей»[4]. Эти усилия государственных органов власти отражают понимание важности молодежной политики как инструмента формирования будущего страны и повышения конкурентоспособности нации в глобальном масштабе.

Также стоит обратить внимание на поддержку молодых семей в России. Сегодня тренд «семейноцентричности» активно входит во все слои общества. И это неслучайно, ведь семья в России всегда была одним из основных традиционных институтов социа-

[4] В Москве презентовали национальный проект «Молодежь и дети». РИА НОВОСТИ. URL: https://ria.ru/20250412/gurov-2010905677.html (дата обращения: 26.01.2026).

лизации и духовного развития личности. А студенчество выступает ключевым социальным агентом формирования просемейных установок и демографического тренда. «Сегодня количество студенческих семей в России продолжает расти: только за 2024 год их стало больше на 17 %»[5], – об этом заявила Председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко на пленарном заседании I Всероссийского фестиваля студенческих семей.

В контексте решения актуальных демографических вызовов, связанных с тенденцией к поздним бракам и откладыванию рождения первого ребенка, именно студенческая среда обладает значительным потенциалом для формирования новой социальной нормы. За последнее время в России происходит заметная трансформация ценностных ориентиров: на смену доминировавшей ранее парадигме, где мерилом успеха выступало исключительно материальное благосостояние, приходит запрос на осознанное создание семьи на более ранних жизненных этапах. Государственная политика в данной сфере приобретает комплексный и проактивный характер, направленный на минимизацию институциональных барьеров. Сейчас ключевой задачей является создание условий, в которых молодые люди могут совмещать учебу и работу с семейными обязанностями. Для этого предусмотрен целый ряд мер.

Во-первых, инфраструктурная поддержка: на базе университетов организуют комнаты матери и ребенка, а также группы временного пребывания детей.

Во-вторых, финансовые стимулы: молодые семьи получают целевые единовременные выплаты при вступлении в брак и при рождении ребенка.

В-третьих, работа с социальной средой: важно продвигать модель успешности, где личностная реализация не противопоставляется крепким семейным узам, а органично их дополняет.

Такое системное внимание к студенческим семьям представляет собой стратегическую инвестицию в человеческий капитал и демографическую устойчивость государства. Обеспечивая молодежи социальные гарантии и уверенность в завтрашнем дне, государство способствует возрождению и укреплению традиционных семейных ценностей, которые исторически составляют основу социальной консолидации и национального развития.

В данном контексте представляет интерес трансформация российского общества с постепенным взрослением миллионов молодых людей. Важно выявить, какие компетенции и ценности определяют поколения «зет» и «альфа»? По данным ВЦИОМ, «подавляющее большинство молодых людей либо уже добились успехов, либо уверены в возможности получить в России качественное образование (81 %), продвинуться по карьерной лестнице (76 %) и найти хорошую работу (74 %)»[6], что свидетельствует о значительных позитивных изменениях. Согласно исследованию, подавляющее большинство молодежи – 82 % – считают, что в России существуют возможности для самореализации. При этом фундаментальный сдвиг в обществе отражает растущая популярность профессий служения: 36 % молодежи хотят стать врачами, 16 % – военными, а 12 % – педагогами. Данные показатели указывают на тот факт, что молодежная политика доказывает свою эффективность. Порядка 22 % респондентов заявили о том, что они принимали за последний год участие в молодежных проектах и программах. И что важно – среди тех, кто принимал участие в таких проектах, 73 % удовлетворены

[5] Матвиенко рассказала о росте числа студенческих семей на 17 %. Ведомости. 17 июля 2025 г. URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2025/07/17/1124993–matvienko–rasskazala (дата обращения: 26.01.2026).

[6] Источник: Всероссийский репрезентативный опрос ВЦИОМ. Объем выборки 1615 респондентов. Репрезентативная выборка: взрослое население РФ, от 18 лет и старше, по полу, возрасту, уровню образования и типу населенного пункта. Опрос проводился в мае–июне 2025 года. Официальный сайт ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru (дата обращения: 26.01.2026).

опытом своего участия. 43 % представителей молодежи принимали участие в волонтерских программах за последние два года, а 49 % выражают желание заниматься волонтерской деятельностью. Неуклонно снижается процент молодежи, которая рассматривает возможность покинуть страну – сегодня их всего 8 %. Это свидетельствует о том, что идея соучастия и помощи находит отклик в молодой среде. Ключевой вывод заключается в том, что молодому поколению в целом свойственны очень высокие показатели оптимизма и способности адаптироваться к текущим условиям.

За последние годы молодые граждане получили возможности не только в сфере образования и многочисленные меры социальной поддержки, но и серьезно проработанную систему карьерных лестниц и лифтов. Президентская платформа «Россия – страна возможностей», не имеющая в мире аналогов, стала главным агрегатором возможностей для россиян. Многочисленные конкурсы, акселераторы, образовательные программы и стажировки стали той реальностью, в которой живет наша молодежь. Сегодня, когда появляются новые профессии и стремительно развиваются технологии искусственного интеллекта, молодежи необходимо делать первые карьерные шаги как можно раньше. Поэтому с юного возраста россиян сопровождают мероприятия Движения Первых и Росмолодежи. Они помогают молодому поколению реализовать свой потенциал уже со школьной, а не студенческой скамьи, чтобы идти в ногу со временем и получать карьерные перспективы параллельно с процессом обучения. Молодежи необходимо давать возможности успешно строить карьеру, получать новые компетенции и увеличивать свой доход, а для этого необходимо создавать условия. Поэтому наравне с уже созданными карьерными платформами ожидаем в ближайшем будущем новые проекты, усиливающие возможности для молодежи.

В контексте российского общества будущего особое значение приобретает образовательный аспект. Нельзя не согласиться, что «благополучное будущее каждого из нас прежде всего зависит от правильного выбора молодежи, но не стоит пренебрегать качественным образованием, действенной молодежной политикой, которую проводит правительство, и степенью заинтересованности отдельных лиц в молодежной сфере к одаренным молодым людям, поскольку данные факторы непосредственно сказываются на их выборе» [5, с. 122]. Интеллектуальный уровень общества будет определять потенциал развития страны и задавать вектор ее прогресса. Поэтому важно предпринимать все усилия, чтобы сохранить будущее России в лице молодого поколения. Для этого в национальных целях развития Президентом поставлены новые амбициозные и достижимые задачи, направленные на реализацию потенциала молодого человека: войти в десятку мировых лидеров по объему научных исследований и обеспечить возможность для каждого третьего выпускника вуза иметь несколько профильных компетенций. Достижение национальных целей развития, обеспечение суверенитета и конкурентоспособности невозможны без высокого образовательного уровня молодежи.

Россия занимает лидирующие позиции в области науки и образования, сочетая традиции прошлого с современными технологическими достижениями и инновационными решениями. Наше государство входит в десятку стран по качеству общего образования и в пятерку по результатам участия школьников в олимпиадах. Кроме того, Россия лидирует по доступности образования, предоставляя бесплатное школьное образование, более 60 % бесплатного среднего профессионального образования и 50 % бесплатного высшего образования. Более половины студентов гордятся вузами, в которых обучаются. Аналитики ВЦИОМ определили, что большинство студентов, участвовавших в исследовании, чувствуют себя в вузе эмоционально комфортно: более восьми баллов из десяти этому параметру поставили 64 %. 80 % студентов отметили, что они

удовлетворены обучением, а 58 % гордятся своим вузом[7]. Положительными факторами они назвали: инфраструктуру учебного заведения – 77 % опрошенных; внешний вид, дизайн, ремонт вуза – 74 %; техническую оснащенность – 72 %. Говоря о факторах, которые повысили бы удовлетворенность обучением, студенты назвали: возможность самостоятельно выбирать дисциплины для обучения – 33 % опрошенных; возможность сбалансировать аудиторную нагрузку, самостоятельную работу и практику студентов – 30%; расширение сети партнеров для прохождения практик и стажировок – 36 %.

Национальные цели развития ставят перед страной амбициозные задачи, направленные на реализацию потенциала молодого поколения: войти в десятку стран по объему научных исследований и обеспечить возможность для каждого третьего выпускника вуза обладать несколькими профессиональными компетенциями, позволяющими успешно интегрироваться на рынок труда. Молодежи крайне важно понимать, что их деятельность здесь и сейчас влияет на будущее страны. Каждое маленькое дело, направленное на улучшение жизни окружающих, способствует развитию общества и государства в целом. В процессе формирования социально-политических ориентиров молодые граждане сталкиваются с двумя субъективными факторами. Первый обозначен личностным достижением молодым поколением поставленных целей и задач. Здесь мы говорим о таких компонентах, как самоопределение, саморазвитие и самопознание. Круг второй проблемы обозначен устремлениями молодых граждан к решению общественно важных задач. Здесь, бесспорно, имеет значение желание освоить новые социальные роли, целевые ориентиры, достигнуть высокого общественного статуса, реализовать свои гражданские интересы.

Наставники и эксперты должны быть проводниками этих идей, помогая молодым людям осознать свою роль в формировании будущего страны. Новый технологический уклад требует баланса технических и гуманитарных специалистов в стране, поэтому пристальное внимание государство уделяет подготовке управленцев с гуманитарным образованием. Современные кадровые проекты, такие как «Лидеры России. Политика» или «Конкурс социальных архитекторов», ориентированы на реальные социальные изменения, на работу с людьми, реализацию общественно значимых проектов.

Президент России Владимир Владимирович Путин неоднократно подчеркивал, что для достижения технологического суверенитета России недостаточно заниматься импортозамещением – стране необходимы собственные разработки и организация производства на высокотехнологичных платформах. Определить вектор научного движения страны, создать собственные прорывные технологии сможет молодое поколение российских ученых.

Российская молодежь верит в науку и гордится ее достижениями в сфере научно-технологического прогресса[8]. Молодые ученые – главная движущая сила технологического суверенитета России. Именно они создают инновационные проекты, способные вывести страну в число мировых лидеров. Престиж профессии ученого заметно вырос. «Перспективным направлением становится создание условий для lifelong learning (обучение на протяжении всей жизни), чтобы граждане оставались как можно дольше востребованными на рынке труда. Все это вызывает необходимость развития навыков критического мышления, цифровой грамотности, инновационных компетенций» [6, с. 18].

---

[7] Высшее образование в России: мониторинг ВЦИОМ. Москва, 26 ноября 2024 г. Официальный сайт ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru (дата обращения 26.03.2026).

[8] Круглый стол ЭИСИ «Молодежь в науке: каким станет будущее поколение ученых». Международный мультимедийный пресс-центр Медиагруппы «Россия сегодня». URL: https://pressria.ru /20251127/958493389.html?clckid=74c94d4c (дата обращения: 27.03.2026).

Число россиян, считающих профессию ученого престижной, за год выросло на 10 процентных пунктов. Для 83 % респондентов наука – это эффективный социальный лифт. Современная молодежь стремится к самореализации в науке. Будущим ученым важно работать на благо общества, а свобода научного мышления должна сочетаться с ответственностью.

Следует особо отметить, что студенты инженерных специальностей обеспечивают лидерство России в ключевых отраслях на годы вперед. Молодежь активно применяет свои инженерные навыки для создания техники, которая уже сейчас напрямую используется в ходе СВО. Молодые ученые и студенты технических специальностей находят практическое применение своим знаниям, решая конкретные задачи, их работа обеспечивает реальное технологическое преимущество в критически важных отраслях. Это было бы невозможно без системной поддержки со стороны государства – в регионах создаются ИТ-парки и специальные площадки при университетах для реализации студенческих проектов. Такие центры позволяют студентам воплощать идеи в жизнь и тестировать прототипы. Примером успешной разработки может служить дрон-разведчик «Аватар» от изобретателей из Татарстана, созданный при поддержке Кулибин-клуба. Это беспилотник-разведчик с размахом крыльев 1,8 метра. Он оснащен тепловизором и камерой с 30-кратным зумом, обеспечивающей устойчивую связь на расстоянии 40 километров. Данный проект был полностью разработан и производится студентами авиационного направления. СВО открыла возможности для талантливых студентов технических специальностей проявить деятельный патриотизм, обеспечив технологическое развитие и лидерство России в критически важных для фронта отраслях. Заложить основу для дальнейшего развития инновационных отраслей, которые необходимы для обеспечения технологического суверенитета страны и стратегической безопасности в эпоху постоянного развития беспилотных систем.

Образованная, патриотичная и воспитанная в духе времени молодежь как залог будущего страны. Как справедливо отметить А. А. Немерюк, «одним из основных условий становления ответственности молодежи за будущее страны является ее патриотическое воспитание, расширение участия молодежи в демократическом развитии общества» [7, с. 105]. Комитет Госдумы по молодежной политике предложил закрепить в законе «О молодежной политике в Российской Федерации» норму о воспитании патриотизма. Согласно пояснительной записке к законопроекту, органы власти будут разрабатывать комплекс мер «по воспитанию в молодежной среде гражданственности, патриотизма, преемственности традиций, уважения к отечественной истории, историческим, национальным и иным традициям народов РФ. Кроме того, речь идет о формировании у молодежи чувства готовности исполнять конституционный долг по защите Отечества. «В России живет 37 миллионов молодых людей. Поэтому воспитание нового поколения – одна из приоритетных национальных задач, реализацию которой обеспечит новый законопроект», – подчеркнула депутат Госдумы Елена Вторыгина (фракция «Единая Россия»)[9]. Предполагается, что органы власти окажут содействие работе центров патриотического воспитания, военно-патриотических клубов, а также проведению мониторинга эффективности патриотического воспитания молодежи в стране. «Одним из направлений в предупреждении противоправного поведения учащихся является своевременное получение упреждающей информации о противоправном поведении несовершеннолетних» [8, с. 62]. Такие меры, безусловно, будут способствовать снижению деструктивного и асоциального поведения в молодежной среде, а также повысят цифровую культуру поведения и цифровую гигиену молодого поколения.

[9] В России утвердили комплекс мер по патриотическому воспитанию молодежи. РИА НОВОСТИ. URL: https://ria.ru/20251024/pravitelstvo-2050506573.html (дата обращения: 27.03.2026).

Наш анализ показал, что в современном мире молодежь все чаще рассматривается как ключевой фактор прогресса государства. Этот подход не просто символичен, но и архиважен. Молодежная политика занимает центральное место в стратегии развития современной России. Государство осознает важность инвестиций в молодое поколение, поскольку именно молодые граждане формируют будущее страны, определяют ее экономический рост, социальную стабильность и международную конкурентоспособность.

Будущее нашей страны уже сегодня определяется проектами, идеями и ценностями, которые молодое поколение активно вносит в общественную повестку. Ключевая задача государства состоит в том, чтобы обеспечить такие условия, при которых энергия, целеустремленность и чувство ответственности молодежи смогут стать надежной основой для устойчивого и долгосрочного развития России.

Сегодня государством принимаются комплексные политико-правовые меры для раскрытия потенциала молодого поколения. Национальный проект «Молодежь и дети», стартовавший в 2025 году, охватывает более 50 миллионов человек, что составляет треть населения страны. Молодые ученые становятся главной движущей силой в достижении технологического суверенитета – основы для будущего лидерства России на мировой арене. В целом благодаря целенаправленной молодежной политике Россия достигла значительных успехов в развитии человеческого капитала. Молодое поколение получает качественные знания, находит достойную работу, реализует творческие способности и принимает активное участие в общественной жизни. Однако предстоит еще много сделать для улучшения ситуации в отдельных сферах, особенно в удаленных регионах и небольших городах.

---

1. Нор К. Е. Современное состояние молодежной политики в Российской Федерации // Инновационные тенденции развития российской науки: Материалы XVI Международной научно-практической конференции молодых ученых, Красноярск, 29–31 марта 2023 года. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет. 2023. С. 653–656.
2. Кочетков А. В. Государственная молодежная политика Российской Федерации: от Указа до Закона // 30 лет государственной молодежной политике Российской Федерации. Москва: РТУ МИРЭА, 2022. С. 7–48.
3. Титкова М. В. Стратегические ориентиры современной молодежной политики // Правовая реформа. 2023. № 4. С. 83–85.
4. Магомедов М. М. Государственная молодежная политика в России: гражданский и политический аспект // Плехановский барометр. 2017. № 10. С. 38–42.
5. Акимова Е. С. Молодежная политика в современной России // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2023. № 1–1. С. 120–123.
6. Алексеева Л. А. Перспективные функции государства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 13–20.
7. Немерюк А. А. О молодежной политике в современной России // Власть. 2009. № 4. С. 103–105.
8. Жуков В. Г. К вопросу о совершенствовании деятельности полиции по противодействию деструктивным молодежным субкультурам в цифровой среде // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 3(100). С. 57–64.

1. Nor K. E. Sovremennoe sostoyanie molodezhnoj politiki v Rossijskoj Federacii // Innovacionny`e tendencii razvitiya rossijskoj nauki: Materialy` XVI Mezhdunarodnoj

nauchno-prakticheskoj konferencii molody`x ucheny`x, Krasnoyarsk, 29–31 marta 2023 goda. Krasnoyarsk: Krasnoyarskij gosudarstvenny`j agrarny`j universitet. 2023. S. 653–656.
2. Kochetkov A. V. Gosudarstvennaya molodezhnaya politika Rossijskoj Federacii: ot Ukaza do Zakona // 30 let gosudarstvennoj molodyozhnoj politike Rossijskoj Federacii. Moskva: RTU MIRE`A, 2022. S. 7–48.
3. Titkova M. V. Strategicheskie orientiry` sovremennoj molodezhnoj politiki // Pravovaya reforma. 2023. № 4. S. 83–85.
4. Magomedov M. M. Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v Rossii: grazhdanskij i politicheskij aspekt // Plexanovskij barometr. 2017. № 10. S. 38–42.
5. Akimova E. S. Molodezhnaya politika v sovremennoj Rossii // Nauka XXI veka: aktual`ny`e napravleniya razvitiya. 2023. № 1–1. S. 120–123.
6. Alekseeva L. A. Perspektivny`e funkcii gosudarstva // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2025. № 2(103). S. 13–20.
7. Nemeryuk A. A. O molodyozhnoj politike v sovremennoj Rossii // Vlast`. 2009. № 4. S. 103–105.
8. Zhukov V. G. K voprosu o sovershenstvovanii deyatel`nosti policii po protivodejstviyu destruktivny`m molodyozhny`m subkul`turam v cifrovoj srede // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2024. № 3(100). S. 57–64.

Информация об авторах

Денис Федорович Флоря. Заместитель начальника института по научной работе, кандидат юридических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Елена Николаевна Малик. Сотрудник Академии ФСО России, кандидат политических наук, доцент.
Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации.
302015, Россия, г. Орел, ул. Приборостроительная, 35.

Владислав Игоревич Малик. Преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности ОВД, кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the authors

Denis F. Florya. Deputy Head of the Institute for scientific work, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatov St., 2.

Elena N. Malik. Employee of the Academy of the Federal Security Service of Russia, Candidate of Political Sciences, Associate Professor.
Academy of the Federal Security Service of the Russian Federation.
302015, Russia, Orel, Priborostroitelnaya St., 35.

Vladislav I. Malik. Teacher of the Chair of Operational Search Activity of the Internal Affairs Bodies, Candidate of Sciences (Law).
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatov St., 2.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 05.06.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 05.06.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 342.9

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Шаклеин Сергей Николаевич
Управление Государственной инспекции безопасности дорожного движения по Магаданской области, Магадан, Россия

shaklein83@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемных вопросов назначения административных наказаний в области дорожного движения. Обосновано, что административно-деликтные санкции не соответствуют степени общественной опасности административных правонарушений в области дорожного движения и не позволяют должностному лицу административно-юрисдикционного органа выбирать и назначать индивидуальные, соразмерные и справедливые административные наказания, которые были бы направлены на повышение уровня правосознания и правовой культуры участников дорожного движения. Выявлены наиболее существенные проблемы достижения цели административного наказания за правонарушения в области дорожного движения; затронуты проблемы их квалификации, требующие разрешения на федеральном уровне; и внесены соответствующие предложения в законодательство об административных правонарушениях.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, правонарушения в области дорожного движения, административное наказание, санкция, эффективность административного наказания, индивидуализация наказания.

Для цитирования: Шаклеин С. Н. Проблемные вопросы назначения административных наказаний за правонарушения в области дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3 (108). С. 239–247.

PROBLEMATIC ISSUES OF ASSIGNING ADMINISTRATIVE PENALTIES FOR TRAFFIC OFFENSES

Sergey N. Shaklein
Office of the State Road Safety Inspectorate Magadan Region, Magadan, Russia

shaklein83@mail.ru

Annotation. The article is devoted to the study of problematic issues of the assigning of administrative penalties in the field of traffic. It is proved that administrative and tort sanctions do not correspond to the degree of public danger of administrative offenses in the field of traffic and do not allow an official of an administrative and jurisdictional body to choose and impose individual, proportionate and fair administrative penalties that would be aimed at increasing the level of legal awareness and legal culture of road users. The most significant problems of achieving the goal of administrative punishment for traffic offenses have been identified, the problems

of their qualification that require resolution at the federal level have been raised, and appropriate proposals have been made to the legislation on administrative offenses.

Keywords: traffic safety, traffic offenses, administrative punishment, effectiveness of administrative punishment, individualization of punishment.

For citation: Shaklein S. N. Problematic issues of assigning administrative penalties for traffic offenses // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 239–247.

Один из векторов государственной политики в области обеспечения безопасности дорожного движения направлен на повышение уровня правосознания участников дорожного движения, их правовой культуры.

В. И. Майоров отмечает, что главной причиной дорожно-транспортных происшествий остаются нарушения правил дорожного движения. Рост административных правонарушений в первую очередь объясняется увеличением количества технических средств автоматической фото- и видеофиксации, но не меньшее значение имеет «сложившаяся привычка» к нарушению правил дорожного движения у значительной части населения страны, несмотря на финансовое бремя ответственности [1, с. 42].

На это уже давно указывают Б. В. Россинский и С. Н. Антонов. Массовость нарушений правил дорожного движения, по их справедливому мнению, свидетельствует о недостаточном уровне подготовки водителей транспортных средств, невысоком правосознании и общей низкой дорожно-транспортной культуре участников дорожного движения, малой эффективности существующей системы государственного и общественного воздействия на них [2, с. 57].

Стратегией повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года (далее – Стратегия повышения безопасности дорожного движения)[1] предусмотрено, что отдельные участники дорожного движения имеют устойчивую модель противоправного поведения, и необходимо повышать культуру участников дорожного движения в целях формирования устойчивого стереотипа безопасного поведения в условиях дорожного движения.

Большинство нарушений совершается водителями, пренебрегающими правилами дорожного движения, осознанно, поэтому именно воспитанию должно быть уделено особое внимание при применении к правонарушителям административных наказаний. Воспитание, не упоминаемое в положениях действующего законодательства об административных правонарушениях наряду с предупреждением совершения новых деликтов как самим правонарушителем, так и другими лицами, тем не менее служит главным средством реализации этой цели и предполагает, как отмечается в научной литературе, нравственно-психологическое преобразование сознания правонарушителя [3, с. 174]. Наличие возможности реализации административного наказания (от выбора и назначения административного наказания правоприменителем до окончания исполнения административного наказания), соответствующего его целям, повышает профилактический эффект административной ответственности, частную и общую превенцию, уровень правовой культуры и правосознания, что окажет в конечном итоге воспитательное воздействие на административного делинквента, отразится на повышении безопасности дорожного движения и снизит дорожно-транспортную аварийность и дорожно-транспортный травматизм.

Ежедневно сотрудники Госавтоинспекции осуществляют надзор за участниками дорожного движения и сталкиваются с вопросами правильной квалификации при выяв-

[1] Об утверждении Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Рос. Федерации от 14 ноября 2025 г. № 841. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс.

лении совершения административным делинквентом однородного правонарушения, а именно с вопросами установления повторности административного правонарушения и(или) наличия преюдиции.

Процесс осуществления административно-юрисдикционной деятельности регламентирован Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), и должностному лицу остается строго следовать установленному процессуальному порядку, однако имеющиеся правила исполнения административного наказания и контроль за его исполнением, установленные ч. 1 ст. 31.3 и ч. 1 ст. 31.10 КоАП РФ, не позволяют сотрудникам Госавтоинспекции произвести в оперативном порядке (данные сведения дополнительно запрашиваются из суда) правильную квалификацию административного правонарушения (установить наличие повторности), а по некоторым составам определить наличие преюдиции в связи с тем, что вступившее в силу постановление по делу об административном правонарушении, которым назначено административное наказание, и постановление с отметкой об его исполнении, по которому Госавтоинспекция не является уполномоченным органом исполнения, не направляются в Госавтоинспекцию.

На этом основании в указанные статьи считаем целесообразным внести предложения:

– добавить в ст. 31.3 КоАП РФ ч. 6 следующего содержания: «Постановление по делу об административном правонарушении, решение по результатам рассмотрения жалобы, протеста направляется в орган, должностному лицу, возбудившему дело об административном правонарушении»;

– добавить в ст. 31.10 КоАП РФ ч. 2.1 следующего содержания: «Постановление о назначении административного наказания, по которому исполнение произведено полностью, с отметкой об исполненном административном наказании направляется в орган, должностному лицу, возбудившему дело об административном правонарушении».

Должностное лицо административно-юрисдикционного органа не всегда имеет возможность выбора административного наказания, которое бы в полной мере соответствовало целям его применения. Одна из причин кроится в том, что разработанные административно-деликтные санкции не соответствуют степени общественной опасности административных правонарушений в области дорожного движения, а кроме того – санкции статьи зачастую содержат только один вид административного наказания.

Содержание санкции статьи должно включать такой перечень административных наказаний, который позволял бы правоприменителю назначить индивидуальное, соразмерное и справедливое наказание, служащее правильной мотивацией к будущему законопослушному и безопасному поведению в условиях дорожного движения.

О. С. Рогачева в связи с этим предлагает разработать административно-правовые санкции таким образом, чтобы административному делинквенту стало невыгодно совершать административное правонарушение. Для этих целей, по ее мнению, необходимо иметь модель административно наказуемого поведения [4, с. 341–342].

Обращают внимание по результатам анализа административно-деликтных санкций, содержащихся в главе 12 КоАП РФ, санкции статей, имеющие только один вид административного наказания, такой как лишение специального права (ч. 2.1, 4, 5 ст. 12.2, ч. 3, 4, 5, 6 ст. 12.5, ч. 7 ст. 12.9, ч. 3 ст. 12.10, ч. 5 ст. 12.15, ч. 3.1 ст. 12.16 КоАП РФ). В санкции данных статей не вносились изменения со дня образования этих составов, некоторые из них действуют с 2005 года. Лишение специального права, являющееся как основным, так и дополнительным видом административного наказания, в отношении лиц, которым не предоставлено специальное право на управление транспортным средством, применяться не может.

При этом следует отметить, что согласно Стратегии повышения безопасности дорожного движения нарушения, за совершение которых предусматривается административное наказание в виде лишения права управления транспортными средствами, признаются грубыми[2].

Особенности привлечения такой категории граждан к административной ответственности уточнены в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 КоАП РФ»[3] – квалификация административного правонарушения происходит по ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ.

Однако практика назначения административного наказания в таком случае разнообразна, при этом нередки факты прекращения производства по делу об административном правонарушении на стадии подготовки к рассмотрению административного дела за отсутствием состава. Кроме того, при совершении административных правонарушений, предусмотренных ч. 7 ст. 12.9 и ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ, лицо, не имеющее право управления, избегает уголовного преследования по ст. 264.2 УК РФ в связи с тем, что оно не может быть подвергнуто административному наказанию по ч. 7 ст. 12.9, ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ и лишенным права управления транспортными средствами.

В Стратегии повышения безопасности дорожного движения отмечено, что наблюдается тенденция к увеличению доли дорожно-транспортных происшествий с участием водителей, не имеющих права управления транспортными средствами. В 2024 году эта доля составила более одной десятой части в общей структуре аварийности. Остается актуальной проблема управления транспортными средствами водителями, которые лишены соответствующего права (п. 36, 37 Стратегии повышения безопасности дорожного движения).

Однако санкции статей составов ч. 1 и ч. 2 ст. 12.7 КоАП РФ абсолютно разные, при этом большую угрозу безопасности дорожного движения создает водитель, не имеющий навыков и опыта управления транспортными средствами, не прошедший проверку знаний правил дорожного движения, а значит степень общественной опасности в области безопасности дорожного движения выше, а административная ответственность за управление транспортными средствами при отсутствии права управления ими значительно мягче, чем за управление транспортными средствами лицом, лишенным права управления.

С учетом вызовов и угроз безопасности дорожного движения, связанных с ростом дорожно-транспортных происшествий с участием лиц, не имеющих права управления, предлагается усилить ответственность за управление транспортными средствами водителями, не имеющими права управления:

– предусмотреть в санкциях ст. 12.7 КоАП РФ дифференцированное административное наказание: административный штраф или обязательные работы либо административный арест;

– предусмотреть административную ответственность за повторность совершения однородного административного правонарушения;

– рассмотреть возможность установления уголовной ответственности за управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления транспортными средствами и подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость.

---

[2] Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 02.04.2026).

[3] О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 КоАП РФ: постановлении Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 25 июня 2019 г. № 20. Рос. газ. 2019. 3 июля.

Усилить профилактическое воздействие позволяют меры уголовного принуждения так же, как в примере с ответственностью за управление транспортными средствами в состоянии опьянения [5, с. 41].

В целях установления соразмерности административного наказания общественной опасности правонарушения за управление транспортными средствами при отсутствии права управления ими в нескольких регионах применяется практика вынесения требования о прекращении противоправных действий и недопущения совершения административного правонарушения по ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ, действие которого распространяется на период, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию по указанному составу, за невыполнение которого наступает административная ответственность по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ.

Вопросы о правоприменительных проблемах учета характера и степени общественной опасности административных правонарушений в области дорожного движения при назначении административных наказаний можно применить и рассмотреть в отдельности к каждому составу административного правонарушения. Это связано прежде всего со структурой административно-деликтной санкции и имеющейся возможностью у правоприменителя выбрать и применить такое индивидуальное и соразмерное административное наказание, чтобы оно соответствовало цели его применения и воспринималось административным делинквентом и обществом справедливым.

Для примера можно рассмотреть категорию участников дорожного движения, считающуюся наиболее уязвимой, – это несовершеннолетние, заслуживающие отдельного внимания в связи с ежегодным ростом детского дорожно-транспортного травматизма (в 2022 году произошло 19 721 дорожно-транспортных происшествий, погибло – 749, ранено – 21 872; в 2023 году соответственно 21 531, 788, 23 889; в 2024 году – 23 077, 805, 25 653; в 2025 году – 23 098, 847, 25 820)[4].

При выявлении нарушений, допущенных несовершеннолетними в возрасте до 16 лет, должностные лица ограничиваются применением мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и вынесением постановлений о прекращении производства по делам об административных правонарушениях. К сожалению, институт ответственности родителей не развит, а личная ответственность за нарушения правил дорожного движения и вовсе отсутствует, что не соответствует целям административного наказания.

Подпунктами 26, 28 пункта 91 Стратегии повышения безопасности дорожного движения определено, что одним из основных направлений повышения безопасности участников дорожного движения является повышение ответственности родителей (законных представителей) за ненадлежащее исполнение соответствующих обязанностей, принятие мер нормативно-правового и организационного характера в целях повышения безопасного участия детей в дорожном движении, в том числе при их перевозке в транспортном средстве, и предотвращения их участия в дорожном движении в качестве водителей механических транспортных средств.

В целях повышения ответственности родителей и водителей транспортных средств, перевозящих несовершеннолетних, предлагается рассмотреть возможность внесения изменений в ст. 5.35 КоАП РФ и дополнения ее новой ч. 3 следующего содержания: «Неисполнение или ненадлежащее исполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по обеспечению безопасного участия несовершеннолетних в дорожном движение и соблюдения ими правил дорожного движения <…>». Санкция данного административного состава должна предусматривать административный штраф в размере от пяти тысяч до тридцати тысяч

[4] Сведения о показателях состоянии безопасности дорожного движения. URL: http://stat.gibdd.ru (дата обращения: 02.04.2026).

рублей, либо административный арест на срок до пятнадцати суток, либо обязательные работы на срок от сорока до ста двадцати часов[5].

Также представляется целесообразным дополнение новой ч. 3.1 ст. 12.23 КоАП РФ следующим содержанием: «Повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 настоящей статьи <…>», в которой предусмотреть административное наказание в виде административного штрафа в размере от пяти тысяч до тридцати тысяч рублей, либо лишение права управления транспортными средствами на срок от трех месяцев до одного года, либо административный арест на срок до пятнадцати суток, либо обязательные работы на срок от сорока до ста двадцати часов[6].

Способствует цели повышения безопасности дорожного движения в рассматриваемом контексте, на наш взгляд, и внесение изменения в ст. 4.3 КоАП РФ и дополнение ее первой части новым подпунктом 7 следующего содержания: «Совершение административного правонарушения при осуществлении перевозки в транспортном средстве несовершеннолетних».

Законодательное принятие указанных предложений повысит профилактический потенциал административной ответственности, мотивацию граждан к законопослушному и безопасному поведению в условиях дорожного движения.

Водитель транспортного средства управляет источником повышенной опасности, а Правила дорожного движения (далее – ПДД), в свою очередь, устанавливают единый порядок дорожного движения, однако не все запретные либо регулирующие нормы обеспечены санкциями, и таким образом нормы запрета или регулирующие нормы при их нарушении не обеспечены неотвратимостью наказания за их нарушение или неисполнение. Такой подход не укрепляет водительскую дисциплину, не повышает личную ответственность и теряет профилактический потенциал административной ответственности.

Еще в 2008 году В. В. Головко, а позднее в 2010 году И. А. Быков справедливо говорили о необходимости введения административной ответственности за нарушения иных правил дорожного движения водителем, не предусмотренных статьями 12 главы КоАП РФ[7] (нарушение п. 8.12 ПДД (движение задним ходом); п. 10.1 ПДД (несоответствие скорости безопасности дорожного движения) и др.)[8, 9] [6, с. 12; 7, с. 108].

Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» для достижения национальной цели «Комфортная и безопасная сре-

---

[5] Согласно п. 40 Стратегии повышения безопасности дорожного движения, число детей, управлявших механическими транспортными средствами и погибших в дорожно-транспортных происшествиях, с 2017 по 2024 год увеличилось в два с половиной раза (с 26 до 65), раненых – почти в пять раз (с 542 до 2501). В восьми из десяти таких случаев дети управляли мототранспортными средствами. Обостряется проблема распространения средств передвижения, не предназначенных для эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования (в том числе спортивный инвентарь, питбайки, квадроциклы).

[6] Согласно п. 39 Стратегии повышения безопасности дорожного движения, почти две трети (в 2024 году - 61,4 процента) погибших в дорожно-транспортных происшествиях детей участвовали в дорожном движении в качестве пассажиров транспортных средств.

[7] Согласно п. 29 Стратегии повышения безопасности дорожного движения, по-прежнему девять из десяти дорожно-транспортных происшествий происходят из-за нарушения правил дорожного движения водителями транспортных средств.

[8] Согласно п. 30 Стратегии повышения безопасности дорожного движения, основным фактором, способствующим совершению дорожно-транспортного происшествия, является выбор небезопасной скорости движения транспортного средства. На дорожно-транспортные происшествия, связанные с нарушением скоростного режима, в 2024 году пришлось более одной четверти (27,1 процента) смертельных случаев.

[9] Нарушение скоростного режима влечет не только риски и угрозу безопасности дорожного движения, но и приводит к более тяжелым последствия при дорожно-транспортных происшествиях.

да для жизни» в качестве одного из целевых показателей определено «снижение смертности в результате дорожно-транспортных происшествий в полтора раза к 2023 году и в два раза к 2026 году по сравнению с показателем 2023 года». А значит с каждым годом установленные целевые показатели достигать становится все труднее и труднее, поэтому одной из задач в кратчайшей перспективе должна стать дисциплинированность участников дорожного движения и повышение уровня их правосознания. Таким образом, поддерживая позицию В. В. Головко и И. А. Быкова, предлагаем добавить в 12 главу КоАП РФ ст. 12.38 следующего содержания:

«Нарушение водителем транспортного средства Правил дорожного движения, за нарушения которых в 12 главе настоящего Кодекса отсутствует административная ответственность, влечет наложение административного штрафа на водителя в размере от одной тысячи до пятнадцати тысяч рублей; на должностных лиц – от пяти тысяч до двадцати пяти тысяч рублей; на юридических лиц – от пятидесяти тысяч до ста пятидесяти тысяч рублей».

Увеличение количества административных составов способствует результативности публичного преследования лиц, причастных к правонарушению, и способно повысить в целом профилактический эффект от этого вида ответственности [8, с. 243].

М. В. Анисифорова подчеркивает, что к предложениям об установлении административной ответственности необходимо подойти системно, начав с анализа материалов правоприменительной практики, проблем, с которыми сталкиваются субъекты административно-юрисдикционной деятельности, статистической и экспертной информации, и только после этого – при условии подтверждения обоснованности правовой инициативы – установить соответствующий запрет, несоблюдение которого впоследствии должно быть обеспечено мерой административной ответственности [9, с. 122].

Вышеуказанные предложения, коснувшиеся процессуального порядка рассмотрения дел об административных правонарушений, порядка выбора и назначения административных правонарушений, усиления административной ответственности, установления повторности и административной преюдиции, затронули лишь отдельные элементы административно-процессуального порядка, указывающие на необходимость комплексного, детального исследования вопросов повышения эффективности применения административного наказания, начиная с возбуждения дела об административном правонарушении и оканчивая исполнением административного наказания.

На сегодняшний день с учетом задач, поставленных Президентом Российской Федерации, требуются оперативные и решительные изменения в административном законодательстве, направленные на повышение профилактического потенциала применения административных наказаний за правонарушения в области дорожного движения.

---

1. Майоров В. И. «Foresight» – инновационная технология совершенствования в сфере безопасности дорожного движения на основе взаимодействия государства и общества // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 3(63). С. 41–51.
2. Антонов С. Н., Россинский Б. В. Некоторые проблемы совершенствования надзорной деятельности дорожно-патрульной службы ГИБДД // Полицейское право. 2005. № 1(1). С. 56–60.
3. Головко В. В., Майоров В. И. Основы безопасности дорожного движения: учебное пособие. Москва: Эксмо, 2008. 176 с.
4. Рогачева О. С. Эффективность норм административно-деликтного законодательства: монография. Воронеж, 2011. 356 с.
5. Зырянов С. М., Калмыкова А. В. В поисках критериев обоснованности размеров административных наказаний // Безопасность дорожного движения. 2025. № 2. С. 37– 43.

6. Головко В. В. Административно-юрисдикционная деятельность органов внутренних дел в области дорожного движения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: Омск, 2008. 38 с.
7. Быков А. И. Проблемы применениями органами внутренних дел административных наказаний в области безопасности дорожного движения: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.14. М., 2010. 197 с.
8. Анисифорова М. В. Дефекты правового регулирования административной ответственности за правонарушения, связанные с наркотиками // Административное право и административный процесс: ученый и эпохи (к 120-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора С. С. Студеникина). Сборник статей по материалам круглого стола с международным участие. Воронеж, 2025. С. 241–246.
9. Анисифорова М. В., Горячев А. С. Проблемы разграничения законодательного регулирования административной ответственности за нарушение требований в области тишины покоя граждан // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2025. № 11-1. С. 120–124.

1. Majorov V. I. «Foresight» – innovacionnaya texnologiya sovershenstvovaniya v sfere bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya na osnove vzaimodejstviya gosudarstva i obshhestva // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2022. № 3(63). S. 41–51.
2. Antonov S. N., Rossinskij B. V. Nekotory`e problemy` sovershenstvovaniya nadzornoj deyatel`nosti dorozhno-patrul`noj sluzhby` GIBDD // Policejskoe pravo. 2005. № 1(1). S. 56–60.
3. Golovko V. V., Majorov V. I. Osnovy` bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: uchebnoe posobie. Moskva: E`ksmo, 2008. 176 s.
4. Rogacheva O. S. E`ffektivnost` norm administrativno-deliktnogo zakonodatel`stva: monografiya. Voronezh, 2011. 356 s.
5. Zy`ryanov S. M., Kalmy`kova A. V. V poiskax kriteriev obosnovannosti razmerov administrativny`x nakazanij // Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya. 2025. № 2. S. 37– 43.
6. Golovko V. V. Administrativno-yurisdikcionnaya deyatel`nost` organov vnutrennix del v oblasti dorozhnogo dvizheniya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: Omsk, 2008. 38 s.
7. By`kov A. I. Problemy` primeneniyami organami vnutrennix del administrativny`x nakazanij v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: dis. … kand. yurid. nauk: 12.00.14. M., 2010. 197 s.
8. Anisiforova M. V. Defekty` pravovogo regulirovaniya administrativnoj otvetstvennosti za pravonarusheniya, svyazanny`e s narkotikami // Administrativnoe pravo i administrativny`j process: ucheny`j i e`poxi (k 120-letiyu so dnya rozhdeniya doktora yuridicheskix nauk, professora S. S. Studenikina). Sbornik statej po materialam kruglogo stola s mezhdunarodny`m uchastie. Voronezh, 2025. S. 241–246.
9. Anisiforova M. V., Goryachev A. S. Problemy` razgranicheniya zakonodatel`nogo regulirovaniya administrativnoj otvetstvennosti za narushenie trebovanij v oblasti tishiny` pokoya grazhdan // Obshhestvennaya bezopasnost`, zakonnost` i pravoporyadok v III ty`syacheletii. 2025. № 11-1. S. 120–124.

Информация об авторе

Сергей Николаевич Шаклеин. Начальник управления Госавтоинспекции по Магаданской области.

Управление Государственной инспекции безопасности дорожного движения по Магаданской области.

685000, Россия, г. Магадан, ул. Гагарина, 39/21.

Information about the author

Sergey N. Shaklein. Head of the Traffic Police Department in the Magadan region. Office of the State Road Safety Inspectorate Magadan Region.
685000, Russia, Magadan, Gagarin St., 39/21.

Статья поступила в редакцию 07.07.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 07.07.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 342.5

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ С ДОРОЖНЫМИ СЛУЖБАМИ И ЗАКАЗЧИКАМИ ДОРОЖНЫХ РАБОТ

Шукаева Ирина Николаевна
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

arinka-vitaminka@mail.ru

Аннотация. В данной публикации представлен анализ проблемных аспектов, возникающих в процессе взаимодействия подразделений Госавтоинспекции с дорожными службами и организациями-заказчиками, ответственными за эксплуатацию и ремонт автомобильных дорог. В центре внимания автора находится рассогласованность действий, информационный дефицит и отсутствие унифицированной методологии координации между ключевыми участниками процесса. Указанные факторы, как показывает исследование, приводят к снижению результативности реализуемых мероприятий и создают прямые угрозы для безопасности всех участников дорожного движения.

В работе проводится детальный анализ действующих механизмов межведомственного сотрудничества, в ходе которого идентифицируются основные барьеры, препятствующие эффективному взаимодействию. На основе проведенного исследования автор формулирует перспективные направления по совершенствованию координации между всеми вовлеченными сторонами.

Ключевые слова: взаимодействие, дорожные службы, Госавтоинспекция, проблемы, эффективность, дорожное движение.

Для цитирования: Шукаева И. Н. Проблемы взаимодействия Госавтоинспекции с дорожными службами и заказчиками дорожных работ // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 248–256.

PROBLEMS OF INTERACTION BETWEEN THE STATE TRAFFIC INSPECTORATE AND ROAD SERVICES AND ROAD WORK CUSTOMERS

Irina N. Shukaeva
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

arinka-vitaminka@mail.ru

Annotation. This publication presents an analysis of the challenges arising in the interactions between State Traffic Safety Inspectorate units, road services, and customer organizations responsible for the operation and maintenance of highways. The author focuses on the lack of coordination, information gaps, and the lack of a unified methodology for coordination among key participants. These factors, as the study shows, reduce the effectiveness of implemented measures and pose direct threats to the safety of all road users. The paper provides a detailed analysis of existing interagency cooperation mechanisms, identifying the main barriers to effective interaction. Based on the research, the author formulates promising areas for improving coordination among all parties involved.

Keywords: interaction, road services, State Traffic Inspectorate, problems, efficiency, road traffic.

For citation: Shukaeva I. N. Problems of interaction between the state traffic inspectorate and road services and road work customers // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 248–256.

В связи с объективно прогрессирующим ростом интенсивности транспортных потоков, увеличения числа транспортных средств проблема обеспечения безопасности дорожного движения выходит на главные позиции в ряду приоритетных задач государства. В этом ракурсе результативность межведомственного взаимодействия между надзорными инстанциями, исполнителями работ и заказчиками становится определяющим звеном в системе предупреждения аварийности. Вместе с тем фактические данные фиксируют наличие системных сбоев в координационных механизмах. Подобные упущения зачастую порождают конфликтные ситуации и закономерно снижают общий уровень защищенности дорожного трафика.

Как отмечает А. К. Глухов [1, с. 21], ключевым субъектом в обеспечении правопорядка на дорогах является Госавтоинспекция, которая реализует как надзорные, так и превентивные функции. Деятельность ведомства фокусируется на мониторинге трафика, оперативном выявлении правонарушений и ликвидации последствий нештатных ситуаций, что в совокупности минимизирует риски для населения.

Наряду с этим инспекторский состав контролирует состояние дорожного полотна. Выявленные дефекты вносятся в акты обследования и направляются профильным службам для последующего устранения. При проведении ремонтных или строительных работ разрабатываются временные схемы организации движения, устанавливаются соответствующие сигнальные элементы (знаки, ограждения), затем возможно и осуществление ручного регулирования для предотвращения заторов и аварийных инцидентов. В качестве иллюстративного примера можно привести следующую ситуацию: в период сезонного ремонта ям наряды дорожной полиции несут дежурство на проблемных участках, ограничивая скорость движения и информируя водителей о потенциальных угрозах – локальных неровностях или зонах с нестабильным покрытием.

Помимо этого, подразделения Госавтоинспекции аккумулируют статистику дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП), исследуют корреляцию между частотой аварий и техническим состоянием дорожной инфраструктуры, а также формируют аналитические доклады для руководящего звена и уполномоченных структур.

Конструктивное взаимодействие с региональными органами власти позволяет Госавтоинспекции интегрироваться в долгосрочное планирование антиаварийных мероприятий, включая определение оптимальных локаций для размещения автоматизированных систем фиксации нарушений. Параллельно ведомство реализует просветительскую повестку: проводит инструктажи для водительского сообщества и обучающие семинары для строительных организаций, посвященные соблюдению нормативов безопасности при производстве дорожных работ.

Ключевым фактором, определяющим безопасность участников дорожного движения, выступает качественное состояние покрытия проезжей части, за которое несут прямую ответственность профильные эксплуатационные организации. Своевременное устранение таких дефектов, как выбоины и трещины, напрямую коррелирует со снижением вероятности аварий. С этой целью сотрудниками дорожных служб проводятся регулярные визуальные и инструментальные обследования трасс, позволяющие идентифицировать сегменты с повышенной аварийной опасностью. В качестве временной меры на подобных участках применяется, в частности, ямочный ремонт. При этом любое вмешательство в дорожную инфраструктуру требует обязательного согласования

с Госавтоинспекцией схем организации движения. Данное требование продиктовано необходимостью обеспечения безопасности как рядовых водителей, так и самих ремонтных бригад. Используются световозвращающие элементы, временные барьеры, а также сохраняется беспрепятственный проезд для автомобилей экстренных служб.

Однако, как обоснованно замечают К. С. Баканов, П. В. Ляхов и М. М. Исаев, на практике нередко доминирует формальный подход к проектированию дорожного движения. В большинстве случаев в основу проектных решений закладываются стандартизированные шаблоны, игнорирующие локальную специфику: интенсивность трафика, человеческий фактор, рельеф местности и климатические особенности [2, с. 120]. Вследствие этого дорожные службы зачастую монтируют средства регулирования по инерции, ориентируясь лишь на типовые нормативы, что вступает в противоречие с реальными условиями эксплуатации. Подобная практика ставит сотрудников Госавтоинспекции перед сложной дилеммой: либо санкционировать ввод объекта с имеющимися нарушениями (чтобы избежать срыва контрактных сроков, но с повышением аварийных рисков), либо приостановить работы, спровоцировав заторовые явления и десинхронизацию производственных графиков.

Полномочия по финансированию и контролю за качеством применяемых материалов закреплены за органами власти муниципального и регионального уровней. В их обязанности входит заблаговременное (не менее чем за 10–15 суток) информирование Госавтоинспекции о планируемых ограничениях. Характерный пример – инцидент на магистрали М-4, где асфальтоукладочные мероприятия велись без предварительного уведомления надзорных структур. Данные о деятельности дорожных служб поступили в Госавтоинспекцию лишь на этапе реагирования на жалобы граждан, когда уже произошла серия аварийных ситуаций. Уведомление должно содержать сведения о пространственных границах производства работ, временных рамках их проведения и перечне альтернативных маршрутов для перераспределения транспортных потоков.

Показательным примером эффективного взаимодействия служит также реконструкция федеральной трассы М-4: заказчик обеспечил поставку модульных ограждений, а подрядная организация оперативно нивелировала претензии, касавшиеся недостаточного коэффициента сцепления покрытия в условиях повышенной влажности. Совместный контроль распространяется также на своевременную очистку обочин от мусора и снежных масс, для чего применяются современные снегоуборочные комплексы, оснащенные электронными устройствами, которые используют спутниковую навигацию системы GPS, ГЛОНАСС или другие (GPS-трекеры) для мониторинга обработанных участков. Нарушение согласованных процедур ведет к конфликтным ситуациям, вынуждая инспекторов вручную регулировать движение, а дорожные службы – отвлекаться от выполнения своих основных функций.

Правовое основание указанного взаимодействия зафиксировано в Федеральном законе от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения»[1]. Статья 21 данного нормативного акта прямо обязывает организаторов работ в установленном порядке уведомлять Госавтоинспекцию о начале ремонта или строительства, а также согласовывать схемы организации движения. Это позволяет оперативно корректировать трафик и устанавливать временные знаки в соответствии с Приложением 2 к Правилам дорожного движения[2]. Дополнительные требования содержатся в региональных правилах благоустройства, где минимальный срок уведомления для федеральных трасс определен в 10 суток. Процедуры взаимодействия сторон регламентируются также Прика-

[1] О безопасности дорожного движения: Федер. закон Рос. Федерации от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
[2] О Правилах дорожного движения: постановление Правительства Рос. Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

зом МВД России от 02.05.2023 № 264[3], которым установлен порядок контроля за организацией дорожного движения на объектах. Анализ практики реализации проектов (в частности, реконструкции трассы М-4 в Ростовской области) выявил риски несогласованных действий, что привело к аварийным ситуациям и послужило стимулом для внедрения обязательного электронного документооборота через портал геоинформационных систем (далее – ГИС) обеспечения градостроительной деятельности (ОГД).

Единообразие технологических подходов обеспечивается внедрением стандартов ГОСТ Р 52289-2019, регламентирующих порядок установки защитных конструкций и сигнальных устройств. Следовательно, текущая модель функционирования базируется на принципе предварительного уведомления и взаимного контроля, хотя на практике все еще фиксируются недостатки в выполнении нормативных требований.

Эффективная коммуникация между структурами Госавтоинспекции и предприятиями дорожного хозяйства зачастую затруднена из-за недостатка унифицированных и синхронизированных административных процедур. Подрядные организации, подчиняющиеся местным или региональным органам власти, должны в установленном порядке координировать временные рамки проведения работ. Сотрудники, ответственные за организацию движения, устанавливают временные устройства для управления – знаки, ограждения и светофоры, призванные предотвращать дорожно-транспортные происшествия. Они также отвечают за соблюдение норм безопасности и своевременное оповещение контролирующих органов о старте и финале работ. В свою очередь, сотрудники Госавтоинспекции осуществляют контроль за потоком транспорта, устанавливают допустимые скоростные ограничения и организуют патрулирование на опасных участках.

Избыточная детализация и иерархичность административных процедур, приводящие к возникновению разночтений, усугубляют и без того сложную обстановку. Многоэтапность согласования документации, охватывающая как муниципальный, так и региональный уровни власти, неизбежно трансформируется в значительные временные затраты. Принимая во внимание постоянное изменение дорожного покрытия, требующее оперативного вмешательства, подобные бюрократические барьеры нивелируют возможность своевременного реагирования и неоправданно откладывают начало восстановительных мероприятий.

Существенным препятствием для налаживания продуктивной кооперации является также фрагментарное распределение функций между различными организациями и отсутствие у соответствующего надзорного органа действенных механизмов воздействия, позволяющих административно мотивировать подрядные структуры. Сотрудники инспекции не обладают инструментарием, обязывающим исполнителей соблюдать предписанные стандарты, в то время как подрядчики, будучи ограниченными жесткими контрактными сроками, зачастую игнорируют нормы безопасности ради своевременного завершения проектов.

Это противоречие закономерно ведет к эскалации взаимных претензий: надзорный орган вынужден фиксировать нарушения в отчетной документации, в то время как представители дорожной сферы рассматривают действия инспекции как чрезмерное регуляторное давление, препятствующее выполнению договорных условий.

В малых муниципалитетах данная проблема приобретает критический характер, усугубляясь острым дефицитом квалифицированных кадров.

Дорожные службы зачастую имеют крайне ограниченный штат специалистов (иногда всего несколько инженеров на большую сеть объектов), а в подразделениях Госавтоинспекции наблюдается нехватка сотрудников для непрерывного мониторинга

[3] Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 2 мая 2023 г. № 264. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дорожной обстановки. Такие структурные диспропорции приводят к существенному снижению качества работ: временные ограждения теряют устойчивость под воздействием погодных условий, а дорожные знаки оказываются закрыты растительностью. В результате водители не получают своевременного предупреждения о наличии выбоин или участков со свежим асфальтовым покрытием.

Одним из главных барьеров на пути к слаженной работе участников дорожной деятельности остается разрозненность в передаче информации. Как справедливо замечает Ю. Н. Калюжный, на сегодняшний день отсутствует какая-либо унифицированная цифровая среда, способная объединить всех вовлеченных субъектов [3, с. 87]. Суть сложности в том, что подразделения Госавтоинспекции нередко узнают о старте ремонтов или появлении опасных разрушений покрытия уже по факту – либо из жалоб граждан, либо после того, как произошло ДТП. Поскольку автоматизированного канала, через который заказчик мог бы заранее передавать данные, не существует, это исключает возможность предупредительного надзора и заблаговременного перенаправления потоков машин.

По мнению О. В. Костиной, Е. И. Кузнецовой [4, с. 167], координация осложняется еще и тем, что участники процесса пользуются несовместимыми каналами связи. У каждого – свои наработки: одни держат информацию в собственных базах, другие – на ведомственных цифровых платформах, третьи до сих пор работают с бумагой. Госавтоинспекция же опирается на закрытые специализированные системы мониторинга. Из-за отсутствия единого цифрового пространства, куда можно было бы оперативно стекаться данным о планах, объемах работ и возможных угрозах, начинаются повторные запросы и регулярные задержки при проверке сведений.

Ведомства часто отвечают на запросы контролеров с опозданием, ссылаясь на необходимость внутренних виз и согласований. Особенно остро это проявляется в сезон, когда повсеместно латают ямы и поток информации резко возрастает.

Еще одним тормозящим фактором, по мнению В. И. Майорова [5, с. 196], выступает отсутствие привязки графиков дорожных служб к анализу пиковых нагрузок на сеть, который ведет Госавтоинспекция. Дорожники исходят из сроков контрактов и необходимости осваивать бюджет; для инспекторов же приоритет – минимизировать риски в часы наибольшей загрузки магистралей. Когда совместного стратегического планирования нет, ремонт на ключевых артериях неизбежно порождает тяжелые заторы. Патрульным тогда приходится тратить силы не на профилактику, а на расчистку последствий пробок и аварий. В регионах проблема выглядит еще острее: временные схемы меняются бессистемно, навигационные системы и электронные табло не обновляются, водители теряют ориентацию – и аварийность растет.

Внедрение современных ГИС способно кардинально улучшить процессы информационного обмена между заинтересованными структурами. Специализированные цифровые платформы, в частности ресурс «Безопасные дороги», позволяют в реальном времени собирать и визуализировать данные: локацию ремонтируемых участков, предлагаемые пути объезда, статус выполнения каждого этапа. Механизм автоматического оповещения инспекторов через мобильные терминалы дает возможность заблаговременно выстраивать маршруты патрулирования, а также через интеллектуальные информационные табло оперативно информировать водителей о возникающих изменениях.

Цифровизация открывает существенные возможности для оптимизации сотрудничества между структурами Госавтоинспекции и компаниями, ответственными за обслуживание дорожной инфраструктуры. Автоматизированный обмен данными касательно планов выполнения работ через программные интерфейсы (API) обеспечивает полную прозрачность всего производственного процесса. Загрузив проектную документацию, заказчик инициирует процесс, в ходе которого ведомственные информаци-

онные системы проводят оперативный анализ на предмет соблюдения норм безопасности и вносят коррективы в интерактивном режиме.

В некоторых субъектах Российской Федерации уже проходят испытания передовые технологии, предусматривающие внедрение устройств Интернета вещей (IoT) непосредственно в элементы временных дорожных заграждений. Сенсоры, интегрированные в эти системы, передают актуальные сведения с мест проведения работ на централизованные облачные платформы. Такая методология предоставляет контрольным органам возможность удаленно и непрерывно оценивать оперативную ситуацию на объектах.

Интеграция мобильных приложений с функционалом современных виртуальных помощников существенно ускоряет процедуру получения разрешительной документации. Согласование временных ограничений движения теперь сводится к формальной краткой процедуре, а проверка данных с точной геолокацией осуществляется почти мгновенно. Опыт применения подобных передовых решений в Московской области свидетельствует о значительном сокращении числа дорожно-транспортных происшествий. Важную роль играют и беспилотные летательные аппараты (БПЛА). Они используются для предварительного обследования территорий, позволяя дистанционно выявлять потенциальные угрозы и риски до начала строительно-ремонтных работ.

Освещенные технологические достижения сигнализируют о фундаментальных переменах в управленческих парадигмах: единое цифровое пространство постепенно вытесняет устаревший фрагментарный обмен информацией посредством электронной почты. Этот переход не только повышает качество принимаемых решений, но и заметно уменьшает административную нагрузку на всех участников процесса.

На региональном уровне передовые практики находят широкое распространение. Так, в Нижегородской области в рамках программы «Безопасные дороги» графики ремонтных работ объединяются в общую базу данных. Такая открытость способствует оптимальному размещению дорожных патрулей, а также своевременной установке светофоров и других средств организации дорожного движения, что, как показывает практика, ведет к снижению аварийности.

В Краснодарском крае реализована комплексная система: мобильные средства для диагностики дефектов дорожного покрытия сочетаются с регулярными совместными проверками представителей различных органов. Такая организация обеспечивает заказчикам оперативную экспертную поддержку по вопросам монтажа ограждений, а инспекторам – доступ к актуальной информации о состоянии дорог и ходе проведения работ. Параллельно в Республике Татарстан тестируются подходы, основанные на использовании геоинформационных систем для прогнозирования заторов и упреждающего перенаправления транспортных потоков по альтернативным маршрутам.

Основным достоинством упомянутых моделей является их высокая приспособляемость к специфике регионального трафика и природным условиям, что гарантирует гибкость и измеримую эффективность взаимодействия между ведомствами. Распространение этих инновационных решений осуществляется через федеральные образовательные программы и научные конференции, где проводится адаптация методик к уникальным условиям каждого субъекта Российской Федерации.

Конструктивное партнерство между подразделениями Госавтоинспекции, дорожно-эксплуатационными организациями и заказчиками представляет собой фундаментальный фактор, детерминирующий безопасность движения и качество содержания транспортной инфраструктуры. В целях оптимизации координационных процессов и нивелирования существующих барьеров представляется необходимым проведение комплекса мер системного характера.

Первоочередная рекомендация – переход к тотальной цифровизации процедур и формирование унифицированной государственной информационной системы по аналогии с Единой государственной информационной системой обеспечения транс-

портной безопасности (ЕГИС ОТБ). На законодательном уровне следует закрепить обязанность всех заказчиков дорожных работ, включая муниципальные образования и Росавтодор, вносить в эту систему все утвержденные схемы организации движения. Это предоставит сотрудникам Госавтоинспекции оперативный круглосуточный доступ к актуальной проектной документации. В результате инспектор, находясь непосредственно на объекте, с помощью планшетного компьютера сможет в реальном масштабе времени сверить фактическую расстановку технических средств (конусов, знаков, ограждений) с утвержденным цифровым проектом, что полностью исключает бумажный документооборот и снижает вероятность ошибок.

Второе значимое направление – реформа правового поля, а именно внесение корректировок в статью 12.34 КоАП РФ с целью внедрения принципа так называемой «сквозной» ответственности. Нормативная база должна содержать четкое разграничение зон ответственности между заказчиком (владельцем дороги) и подрядчиком (непосредственным исполнителем работ). На заказчика следует возложить прямую ответственность за разработку и утверждение безопасной схемы организации движения, тогда как подрядчик отвечает за ее безупречную реализацию на объекте. Б. В. Россинский, Ю. А. Старилов [6, с. 21] считают, что подобный подход исключает практику взаимного перекладывания вины в случае ДТП, произошедшего в зоне ремонтных работ. Госавтоинспекция получает ясные юридические основания для привлечения к административной ответственности именно той стороны, на чьем этапе допущено нарушение.

Как обоснованно указывает правовед В. В. Головко, действующая юридическая конструкция создает существенные затруднения при доказывании вины [7, с. 21]. Сложность заключается в том, что при аварии, спровоцированной неудовлетворительными дорожными условиями, заказчик и подрядчик нередко вступают в процессуальную полемику, пытаясь переложить ответственность друг на друга. Анализ судебной практики показывает: органам Госавтоинспекции крайне сложно установить прямую причинно-следственную связь между дефектом покрытия и наступившими последствиями, если документация по организации работ оформлялась формально либо с нарушениями. Внедрение предложенных мер позволит сформировать прозрачный и действенный механизм взаимодействия, базирующийся на принципах неотвратимости ответственности и превентивного надзора.

Третьим направлением модернизации является автоматизация контроля за эксплуатационным состоянием дорожного покрытия. Целесообразно расширить полномочия Госавтоинспекции, предоставив ей право использовать данные, получаемые с действующих сетей дорожных камер и комплексов фотовидеофиксации, для автоматизированного выявления дефектов (таких как выбоины, разрушение кромки проезжей части, отсутствие или износ разметки). На основе анализа поступающей информации интеллектуальная система сможет в автономном режиме формировать и направлять заказчикам работ официальные предостережения о необходимости устранения выявленных недостатков. Внедрение данного механизма позволит реализовать на практике принципы риск-ориентированного подхода, поскольку инспектору не потребуется физически выезжать на место для констатации факта нарушения – все доказательства будут формироваться и фиксироваться техническими средствами в цифровом виде.

Четвертая рекомендация касается создания гибких и эффективных инструментов оперативного управления. Необходимо на законодательном уровне закрепить обязательное формирование мобильных межведомственных комиссий (штабов) при реализации масштабных инфраструктурных проектов, в том числе в рамках национального проекта «Безопасные качественные дороги». В состав таких комиссий должны входить представители Госавтоинспекции, заказчика и подрядной организации. Ключевой функцией таких структур должны стать регулярные выездные совещания непосредственно на объекте еще до начала основных этапов работ, например асфальтирования. Это позволит пред-

ставителям надзорного органа вносить коррективы в схемы организации движения «на месте», в превентивном режиме, а не применять меры административного воздействия постфактум, когда нарушение уже привело к транспортному коллапсу.

Ключевым фактором, как считает И. А. Антропенко [8, с. 56], требующим особого внимания, является совершенствование профессиональной подготовки специалистов, принимающих дорожные работы от лица заказчика. Предлагается внедрение обязательной аттестации или прохождения курсов повышения квалификации, направленных на улучшение навыков обеспечения безопасности транспортных потоков. Целевой аудиторией являются сотрудники муниципальных и государственных ведомств, а также руководители казенных учреждений, ответственных за данное направление. Внедрение подобных мер призвано сократить число проектных недоработок и технических погрешностей, возникающих на этапе составления технических спецификаций. Часто заказчики упускают из виду такие неотъемлемые компоненты дорожной инфраструктуры, как уличное освещение или пешеходные зоны, что впоследствии приводит к затяжным судебным разбирательствам, инициированным органами Госавтоинспекции с целью принудительного их обустройства.

Комплексная реализация предложенных мер позволит создать прозрачную и эффективную систему взаимодействия, что, в свою очередь, будет способствовать укреплению дорожной дисциплины, минимизации аварийности в зонах проведения работ и повышению общего уровня транспортной безопасности.

---

1. Глухов А. К. Психологические аспекты безопасности дорожного движения в России. М.: Логос, 2013. 64 с.
2. Баканов К. С., Ляхов П. В., Исаев М. М. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2023 году: информ.-аналит. обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2024. 120 с.
3. Калюжный Ю. Н. Взаимодействие Госавтоинспекции МВД России с институтами гражданского общества и гражданами в сфере обеспечения безопасности дорожного движения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1(89). С. 84–91.
4. Костина О. В., Кузнецова Е. И. Взаимодействие органов внутренних дел с органами исполнительной власти по вопросам обеспечения безопасности дорожного движения // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 165–168.
5. Майоров В. И. Административно-правовое регулирование обеспечения безопасности дорожного движения в Российской Федерации // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1(57). С. 195–197.
6. Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право: учебник для вузов. 6-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 640 с.
7. Головко В. В. Совершенствование государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения // Полицейская деятельность. 2023. № 2. С. 13–24.
8. Антропенко И. А. Проблемы привлечения к административной ответственности за несоблюдение требований по обеспечению безопасности дорожного движения при ремонте и содержании дорог // Юридическая наука. 2021. № 12. С. 54–57.

1. Gluxov A. K. Psixologicheskie aspekty` bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossii. M.: Logos, 2013. 64 s.
2. Bakanov K. S., Lyaxov P. V., Isaev M. M. Pravoprimenitel`naya deyatel`nost` v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v 2023 godu: inform.-analit. obzor. M.: FKU «NCz BDD MVD Rossii», 2024. 120 s.

3. Kalyuzhny`j Yu. N. Vzaimodejstvie Gosavtoinspekcii MVD Rossii s institutami grazhdanskogo obshhestva i grazhdanami v sfere obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 1(89). S. 84–91.
4. Kostina O. V., Kuzneczova E. I. Vzaimodejstvie organov vnutrennix del s organami ispolnitel`noj vlasti po voprosam obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 4. S. 165–168.
5. Majorov V. I. Administrativno-pravovoe regulirovanie obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossijskoj Federacii // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2022. № 1(57). S. 195–197.
6. Rossinskij B. V., Starilov Yu. N. Administrativnoe pravo: uchebnik dlya vuzov. 6-e izd., peresmotr. M.: Norma: INFRA-M, 2020. 640 s.
7. Golovko V. V. Sovershenstvovanie gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Policejskaya deyatel`nost`. 2023. № 2. S. 13–24.
8. Antropenko I. A. Problemy` privlecheniya k administrativnoj otvetstvennosti za nesoblyudenie trebovanij po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya pri remonte i soderzhanii dorog // Yuridicheskaya nauka. 2021. № 12. S. 54–57.

Информация об авторе

Ирина Николаевна Шукаева. Преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Irina N. Shukaeva. Teacher in the Chair of Administrative Law and Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova St., 2.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 22.06.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ПОДСУДИМОГО ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Азанова Анастасия Александровна
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

anastasiavolckova01@xmail.ru

Аннотация. В данной статье раскрываются особенности, связанные с изучением личности подсудимого при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции с участием присяжных заседателей. Актуальность работы обусловлена наличием ограничений и запретов, связанных с исследованием сведений о персоне в присутствии присяжных заседателей и необходимостью «судьям факта» ответить на вопрос о том, заслуживает ли обвиняемый снисхождения. Автор обозначает, что действующие ограничения целесообразны на этапе решения вопроса о виновности или невиновности подсудимого. Однако для того чтобы рассмотреть вопрос о снисхождении, присяжные заседатели должны обладать минимальными достаточными знаниями для вынесения обоснованного и справедливого решения. В связи с чем предлагается внесение изменений в ст. 335 и 339 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Ключевые слова: подсудимый, личность, присяжные заседатели, производство по делу, уголовное судопроизводство, суд, снисхождение.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – профессора кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова доктора юридических наук, профессора Муравьева К. В.

Для цитирования: Азанова А. А. Особенности исследования личности подсудимого при производстве в суде с участием присяжных заседателей // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 257–264.

SPECIAL FEATURES OF THE RESEARCH OF THE DEFENDANT'S PERSONALITY IN COURT PROCEEDINGS WITH THE PARTICIPATION OF A JURY

Anastasia A. Azanova.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

anastasiavolckova01@xmail.ru

Annotation. This article explores the specifics of examining a defendant's personality during a criminal trial in a trial court with a jury. The relevance of this work stems from the limitations and prohibitions associated with examining a defendant's personal information in the presence of jurors and the need for «judges of fact» to determine whether

the defendant deserves leniency. The author notes that the current limitations are appropriate during the determination of the defendant's guilt or innocence. However, to consider the issue of leniency, jurors must possess a minimum level of knowledge sufficient to render a reasoned and fair decision. Therefore, amendments to Articles 335 and 339 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the CPC RF) are proposed.

Keywords: accused, personality, evidence, juror, proceedings, criminal proceedings, court, leniency.

Gratitude: the work was made with the support of the scientific supervisor, professor of the Department of Criminal Procedure of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, Doctor of Sciences (Law), Professor K. V. Muravyov.

For citation: Azanova A. A. Special features of the research of the defendant's personality in court proceedings with the participation of a jury // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 257–264.

Рассмотрение уголовного дела в суде первой инстанции имеет особое значение в уголовном судопроизводстве в силу того, что в этой стадии решается вопрос о невиновности или виновности подсудимого и может быть постановлен оправдательный или обвинительный приговор[1]. После того, как органы, ведущие производство, направили уголовное дело в суд, начинается один из самых ключевых судебных этапов – проверка и оценка собранных по делу доказательств, которые должны отвечать критериям относимости, допустимости, достоверности и достаточности (ч. 1 ст. 88 УПК РФ).

В рамках данного процесса изучение обстоятельств, характеризующих личность, находящуюся на скамье подсудимых, занимает особое место, поскольку именно эти факты ложатся в основу справедливой индивидуализации уголовной ответственности и наказания. Отметим, что содержание и границы исследования таких сведений напрямую зависят от того, в какой форме происходит судебный процесс.

Согласно ч. 1 ст. 19 Конституции РФ все граждане равны перед законом и судом. По общему правилу в основе законного, обоснованного и справедливого итогового решения по уголовному делу лежит принцип непосредственности исследования доказательств. Из сказанного следует, что суд обязан строить свои выводы исключительно на тех фактах, которые были подвергнуты всестороннему, полному и объективному изучению непосредственно в ходе судебного разбирательства. Содержание рассматриваемого принципа с максимальной полнотой и наглядностью раскрывается в рамках судебного разбирательства по уголовному делу в суде первой инстанции, осуществляемого в общем порядке. Вместе с тем при отправлении правосудия с участием присяжных заседателей процедура осуществления судопроизводства существенно отличается.

Главное предназначение суда присяжных связано с обеспечением участия общества в отправлении правосудия, вынесением вердикта, основанного на здравом смысле, жизненном опыте и справедливости. Однако сама процедура осуществления полномочий «судьями факта» связана с рядом ограничений и запретов. Одни из них напрямую связаны с исследованием личности подсудимого.

Так, присяжным заседателям запрещается исследовать сведения о прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иные данные, способные вызвать их предубеждение в отношении субъекта (ч. 8 ст. 335

[1] О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». П. 1.

УПК РФ). К «иным данным» Верховный Суд РФ относит характеристики, сведения о состоянии здоровья, семейном положении[2]. Все остальные данные о личности могут быть изучены лишь в той мере, в которой они необходимы для установления отдельных признаков состава совершенного преступления. Объем личностной информации, которая может быть доступна присяжным заседателям о подсудимом, – это исключительно внешние проявления виновного. К таким следует отнести: его внешний вид, поведение в зале суда, эмоциональные реакции на происходящие при ведении судебного разбирательства.

В связи с таким подходом законодателя в доктрине уголовного процесса сложились различные мнения. Ряд исследователей поддерживает нормы, прописанные в ч. 8 ст. 335 УПК РФ, указывая на их обоснованность и направленность на обеспечение беспристрастности присяжных [1, с. 59]. Однако, по справедливому замечанию других процессуалистов, действующие ограничения существенно затрудняют возможность присяжных получить полноценное представление о личности подсудимого, что может поставить под сомнение их объективность и беспристрастность при решении вопроса о виновности [2, с. 128].

Ключевая особенность законодательных ограничений, установленных для присяжных заседателей, определяется содержанием ч. 1 ст. 339 УПК РФ. Данная норма предусматривает наделение «судей факта» компетенцией по рассмотрению лишь трех основных вопросов: 1) доказан ли факт совершения самого преступления; 2) является ли подсудимый субъектом преступления; 3) доказана ли его виновность. При этом возможность выхода за пределы указанных вопросов исключена.

Анализируя нормативные правовые акты, регламентировавшие уголовное судопроизводство в дореволюционной России, отметим, что в них вопрос предубеждения присяжных заседателей не находился в фокусе такого пристального внимания со стороны законодателя, как в действующем УПК РФ. Напротив, какие-либо запреты в исследовании отсутствовали. Так, в соответствии со ст. 687 и ст. 737 Устава уголовного судопроизводства 1864 г., в ходе судебного следствия допускалось оглашение прошлых судимостей стороной обвинения, при этом подсудимый и его защитник имели право давать свои объяснения по данному вопросу[3].

Ряд авторов обращает внимание на тот факт, что в указанный период наиболее высокие показатели в изучении личности субъекта, находящегося на скамье подсудимых, достигались благодаря умению адвокатов-защитников использовать в своей деятельности так называемую «психологическую защиту»: они, детально описывая особенности взаимоотношений, сложившиеся между подсудимым и потерпевшим, грамотно доводили до «судей факта» информацию о привычках, бытовых условиях жизни, психологических и индивидуальных особенностях обвиняемого [3, с. 105]. Ярким примером эффективности указанной тактики служит дело князя Г. И. Грузинского, обвиняемого в убийстве бывшего гувернера своих детей, которого защищал Ф. Н. Плевако. Адвокату удалось добиться оправдания князя, построив свою речь на указании о глубокой любви подзащитного к детям, о беспардонном поведении его бывшей супруги и провокационном поведении погибшего[4]. Указанный пример демонстрирует важнейшее предназначение отправления правосудия присяжными заседателями – вынесение вердикта, основанного не на формальном законе, а на совести и справедливом внутреннем убеждении.

---

[2] О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». П. 22.

[3] Устав уголовного судопроизводства от 20.11.1864 г. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137 (дата обращения: 15.01.2026).

[4] Выступление Ф. Н. Плевако по делу Г. И. Грузинского. URL: https://www.garant.ru/article/526075 (дата обращения: 15.01.2026).

В рамках действующего УПК РФ вряд ли можно было бы добиться оправдания князя. На данный момент принято считать, что существующие ограничения в исследовании личности благоприятно сказываются на стороне защиты и сообщение присяжным прежних «заслуг» подсудимого – нецелесообразно [4, с. 21].

Тем не менее в судебной практике установленные запреты о недопустимости оглашения определенных обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, чаще всего становятся известны присяжным путем оглашения указанных фактов государственным обвинителем или же в ходе допроса свидетелей, потерпевших. В такой ситуации председательствующий обязан остановить участника и разъяснить «судьям факта», что указанные сведения не должны быть приняты во внимание при вынесении вердикта (ч. 2 ст. 336 УПК РФ).

Так, Первым Кассационным судом общей юрисдикции был отменен приговор Солнечногорского городского суда с участием присяжных заседателей и апелляционное определение Московского областного суда, а уголовное дело было передано на новое рассмотрение в связи с тем, что государственный обвинитель довел до присяжных заседателей, что проживание подсудимого вдвоем с погибшей и ведение совместного с ней хозяйства «никак не может характеризовать обвиняемого по отношению к совершенному преступлению. К примеру, Чикатило также был примерным отцом и у него были дети, но это не мешало ему совершать убийства на протяжении длительного времени». При этом председательствующий не остановил сторону обвинения и не разъяснил присяжным, что они не должны учитывать данные обстоятельства при вынесении вердикта, что является существенным нарушением уголовно-процессуального закона[5].

На самом деле трудно себе представить, что вмешательство председательствующего сможет компенсировать вред, причиненный стороне защите. Представляется, что искоренить из памяти суда присяжных такую информацию крайне сложно.

Отметим, что фамилия, имя, отчество подсудимого подлежат обязательному исследованию с участием присяжных заседателей. Они оглашаются в самом начале судебного разбирательства, анонимность таких сведений не допускается. Все остальные вопросы, связанные с характеризующими данными, рассматриваются в зависимости от того, имеют ли они значение для разрешения трех главных вопросов, входящих в компетенцию присяжных.

В одном из интервью российский журналист и политолог К. Катанян, которому довелось принять участие в рассмотрении уголовного дела в качестве присяжного заседателя, говорил, что присяжные не должны присутствовать при обсуждении личности подсудимого. Возраст, семейное положение, место жительства, место работы не доводятся до сведений участвующих. Тем не менее такая информация часто «просачивалась» в ходе допросов свидетелей и потерпевших. В одном деле несколько раз упоминалось о беременности подсудимой, в другом – что жена обвиняемого в определенное время сидела дома с дочкой. Со стороны государственного обвинителя бывают случаи раскрытия возраста субъекта преступления[6].

Одним из дискуссионных вопросов, связанных с запретом оглашения обстоятельств, характеризующих персону, является факт наличия прежних судимостей. Несомненно, установив такое ограничение в исследовании, законодатель таким обра-

---

[5] Определение суда кассационной инстанции от 10.11.2021 г. № 77-4235/2021. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=14945365&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 01.05.2026).

[6] О современном процессе в суде с участием присяжных заседателей. Адвокатская газета. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/o-sovremennom-protsesse-v-sude-s-uchastiem-prisyazhnykh-zasedateley (дата обращения: 15.05.2026).

зом решил оградить «судей факта» от негативного воздействия на вынесение ими справедливого вердикта. Между тем среди ученых по данному поводу единое мнение отсутствует. Еще в конце XIX – начале XX века российские процессуалисты критично относились к изучению сведений о прошлой жизни подсудимого. Так, К. К. Арсеньев высказывался о том, что положение обвиняемого уже и без того сложное, поэтому справедливо ли усложнять его отыскивая всю грязь в прошлом [5, с. 75]. Разделяя данную точку зрения, В. К. Случевский утверждал, что «<…> свойства характера подсудимого подлежат исследованию лишь настолько, насколько они проявились в совершенном преступлении» [6, с. 404]. Полагаем, что позиция данных ученых легла в основу ч. 8 ст. 335 УПК РФ. Однако данные нормы не следует толковать как императивно запрещающие.

Помимо позиций о том, что изучать прошлую негативную жизнь подсудимого нецелесообразно, существуют авторы, по мнению которых присяжные должны быть осведомлены как о положительных, так и об отрицательных качествах личности [7, с. 19].

Адвокат А. В. Васильев, обобщая свой практический опыт, пришел к выводу о том, что установленные законодателем ограничения, связанные с исследованием присяжными личности подсудимого, нередко лишают их значимой информации. Как отмечает защитник, расширение доступа к персональным сведениям о виновном (в том числе и судимостей) могло бы способствовать вынесению более объективного и обоснованного вердикта, а также помочь «судьям факта» правильно оценить непосредственные обстоятельства преступления и степень виновности. Особого внимания заслуживает информация о том, что при определенных условиях сведения о прежних судимостях могут выступать в качестве алиби[7].

А. А. Гавриленко отмечает, что в случаях, когда стороной защиты приводится положительная характеристика о подсудимом, не соответствующая действительности, председательствующий обязан прервать такое выступление [8, с. 105]. По мнению Т. В. Моисеевой, возможность стороны обвинения опровергнуть заявление стороны защиты о данных, положительно характеризующих личность, будет способствовать соблюдению принципа состязательности сторон, и присяжные получат полную и всестороннюю информацию по делу, необходимую для принятия решения [9, с. 37–39]. На наш взгляд, оба мнения ученых имеют право на существование, но нуждаются в некотором дополнении.

Согласно ч. 1 ст. 46 Конституции РФ и ч. 3 ст. 47 УПК РФ обвиняемому гарантируется судебная защита своих прав и свобод. Заявление ходатайств и представление доказательств в суде – способы такой защиты (п. 4 и п. 5 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). Однако, как правильно подчеркивает А. А. Гавриленко, сторона защиты может злоупотреблять этим правом, сообщая суду и присяжным заседателям сведения, не соответствующие действительности [8, с. 106]. Для того чтобы не допустить искажения реальности и представить субъектам отправления правосудия полную картину произошедшего, Т. В. Моисеева предлагает наделить сторону обвинения возможностью на опровержение таких сведений [9, с. 37–38].

Первостепенная задача присяжных заседателей состоит в том, чтобы решить вопросы о том, имело ли место событие преступления и подсудимый ли его совершил. Сведения о том, какой «хороший» или «плохой» человек, находится на скамье подсудимых, не могут быть положены в основу ответов на вышеуказанные вопросы. В таких

[7] Конституционный Суд РФ посчитал, что присяжные могут быть проинформированы о том, что подсудимый является осужденным. Адвокатская газета. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-poschital-chto-prisyazhnye-mogut-byt-proinformirovany-o-tom-chto-podsudimyy-yavlyaetsya-osuzhdennym (дата обращения: 15.04.2026).

случаях необходимо руководствоваться наличием достоверных доказательств, подтверждающих виновность/невиновность субъекта в совершении конкретного преступления.

После того, как «судьями факта» подсудимый признан виновным, ставится вопрос о том, заслуживает ли он снисхождения (ч. 4 ст. 339 УПК РФ). В случае положительного ответа такое признание обязательно для председательствующего при назначении наказания (ч. 1 ст. 349 УПК РФ, ч. 1 ст. 65 УК РФ). Ф. Н. Багаутдинов и М. Ф. Мингалимова верно отмечают, что это единственная возможность, когда коллегия присяжных заседателей может повлиять на вид и размер назначаемого судом наказания. В случаях, когда совершено несколько преступлений, вопрос о снисхождении ставится применительно к каждому деянию [10, с. 7]. Для решения указанного вопроса необходимо располагать сведениями о личности обвиняемого, так как здесь это основной фактор. Без исследования характеризующих материалов невозможно дать ответ на поставленный вопрос (ч. 3 ст. 60 УК РФ). Кроме того, к моменту рассмотрения «судьями факта» вопроса о снисхождении вердикт о виновности подсудимого уже вынесен. Из этого следует, что любые личностные характеристики субъекта преступления, представленные на данном этапе, объективно утрачивают свою способность повлиять на формирование у коллегии присяжных предубеждения о его виновности.

Также считаем важным отметить, что присяжные заседатели, в отличие от профессионального судьи, не обладают специальными юридическими знаниями и не имеют практического опыта в данной сфере. Их решение о снисхождении формируется исходя из нравственной оценки происходящего. Однако отсутствие минимального объема информации о личности подсудимого может привести к тому, что мнение «судей факта» о смягчении наказания будет основываться на внешних впечатлениях либо на стереотипах, существующих в общественном сознании. Именно поэтому считаем, что предоставление минимального, но достаточного объема информации о виновном позволит принять решение, соответствующее идее справедливого правосудия.

На основании изложенного предлагаем закрепить путем включения в ст. 335 УПК РФ ч. 9 следующего содержания: «Исследование обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, допускается по ходатайству стороны защиты, если они имеют значение для разрешения вопроса о снисхождении. В случае представления сведений, не соответствующих действительности, суд обязан предоставить стороне обвинения право на опровержение таких данных».

В соответствии с вышеуказанным предложением полагаем, что в редакции нуждается и само положение ч. 4 ст. 339 УПК РФ. Поскольку необходимо указать, какие конкретно личностные обстоятельства могут быть учтены при разрешении вопроса о снисхождении. Как отмечает почетный адвокат России Н. П. Ведищев: «В совещательной комнате присяжные заседатели при решении вопроса о возможности признания виновного заслуживающим снисхождения принимают во внимание явку с повинной, протоколы каких-либо следственных действий, свидетельствующих об активном способствовании раскрытию преступлений и др.» [11, с. 56]. Некоторые юристы-правоведы верно отмечают, что возрастной признак, наличие тяжелой неизлечимой болезни, нахождение на иждивении несовершеннолетних детей также могут повлиять на решение вопроса о том, заслуживает ли личность снисхождения [12, с. 58].

В одном из определений Верховного Суда РФ указано, что при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей один из подсудимых был признан заслуживающим снисхождения. Основаниями послужили: наличие инвалидности, участие в боевых действиях, наличие боевых наград[8]. Из приведенного примера видно,

[8] Определение Верховного Суда Рос. Федерации от 12 ноября 2009 г. № 86-009-23СП. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/7r92ewIfU3b4 (дата обращения: 31.03.2026).

что данные сведения относятся как к самой личности, так и к обстоятельствам, смягчающим наказание.

Полагаем, что такие факты следует отнести к обстоятельствам для применения ч. 4 ст. 339 УПК РФ. В связи с чем предлагаем внести в указанную норму следующие изменения: «В случае признания подсудимого виновным ставится вопрос о том, заслуживает ли он снисхождения. При решении вопроса о снисхождении присяжные заседатели вправе исследовать обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, такие как возраст, состояние здоровья, семейное положение, наличие иждивенцев, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, обстоятельства, смягчающие наказание, а также иные данные, которые, по мнению присяжных заседателей, заслуживают внимания».

Резюмируя вышесказанное, отметим, что изучение личности подсудимого в суде первой инстанции с участием присяжных заседателей происходит лишь в той части, в которой это необходимо для установления отдельных признаков состава совершенного преступления. Однако при рассмотрении «судьями факта» вопроса о снисхождении виновного следует внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство – расширить их полномочия по исследованию персоны. Объем такой информации может быть минимальным, но достаточным для того, чтобы присяжные заседатели смогли принять справедливое решение, основанное не на внешнем впечатлении, а на объективных данных о личности подсудимого.

1. Рябцева Е. В. Суд присяжных в России: дискуссионные вопросы // Российская юстиция. 2008. № 1. С. 57–60.
2. Корнеева И. В. Функционирование суда с участием присяжных заседателей в РФ: дис. … канд. юр. наук. Н. Новгород, 2002. 216 с.
3. Борохова Н. Е., Барыгина А. А. О расширении возможностей суда присяжных в исследовании данных, характеризующих личность подсудимого // Российский юридический журнал. 2016. № 1(106). С. 103–108.
4. Гладышева О. В. Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2009. 45 с.
5. Арсеньев К. К. Предание суду и дальнейший ход уголовного дела до начала судебного следствия. СПб. 1870. 68 с.
6. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство – судопроизводство. 4-е изд., испр. и доп. СПб. 1913. 670 с.
7. Осипова Н. В. Организационно-правовые основы становления и развития института суда присяжных. Проблемы его деятельности в России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 21 с.
8. Гавриленко А. А. Проблемы изучения личности подсудимого в судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей // Вестник Томского государственного университета. 2011. С. 104–107.
9. Моисеева Т. В. Исследование присяжными заседателями данных о личности подсудимого, потерпевшего и свидетеля // Российская юстиция. 2010. № 1. С. 35–39.
10. Багаутдинов Ф. Н., Мингалимова М. Ф. Вопросы назначения наказания при вердикте присяжных заседателей о снисхождении // Журнал «Уголовное право». № 3. 2024. С. 4–8.
11. Ведищев Н. П. Содержание вопросов присяжным заседателям: анализ судебной практики // Журнал «Уголовный процесс». № 3. 2012. С. 49–56.
12. Маркова Т. Ю. Решение вопроса о снисхождении присяжными заседателями // Уголовный процесс. 2007. № 4. С. 55–58.

1. Ryabceva E. V. Sud prisyazhny`x v Rossii: diskussionny`e voprosy` // Rossijskaya yusticiya. 2008. № 1. S. 57–60.
2. Korneeva I. V. Funkcionirovanie suda s uchastiem prisyazhny`x zasedatelej v RF: dis. … kand. yur. nauk. N. Novgorod, 2002. 216 s.
3. Boroxova N. E., Bary`gina A. A. O rasshirenii vozmozhnostej suda prisyazhny`x v issledovanii danny`x, xarakterizuyushhix lichnost` podsudimogo // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2016. № 1(106). S. 103–108.
4. Glady`sheva O. V. Spravedlivost` i zakonnost` v ugolovnom sudoproizvodstve Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. … d-ra yurid. nauk. Krasnodar, 2009. 45 s.
5. Arsen`ev K. K. Predanie sudu i dal`nejshij xod ugolovnogo dela do nachala sudebnogo sledstviya. SPb. 1870. 68 s.
6. Sluchevskij V. K. Uchebnik russkogo ugolovnogo processa. Sudoustrojstvo – sudoproizvodstvo. 4-e izd., ispr. i dop. SPb. 1913. 670 s.
7. Osipova N. V. Organizacionno-pravovy`e osnovy` stanovleniya i razvitiya instituta suda prisyazhny`x. Problemy` ego deyatel`nosti v Rossii: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2003. 21 s.
8. Gavrilenko A. A. Problemy` izucheniya lichnosti podsudimogo v sudebnom razbiratel`stve s uchastiem prisyazhny`x zasedatelej // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. S. 104–107.
9. Moiseeva T. V. Issledovanie prisyazhny`mi zasedatelyami danny`x o lichnosti podsudimogo, poterpevshego i svidetelya // Rossijskaya yusticiya. 2010. № 1. S. 35–39.
10. Bagautdinov F. N., Mingalimova M. F. Voprosy` naznacheniya nakazaniya pri verdikte prisyazhny`x zasedatelej o snisxozhdenii // Zhurnal «Ugolovnoe pravo». № 3. 2024. S. 4–8.
11. Vedishhev N. P. Soderzhanie voprosov prisyazhny`m zasedatelyam: analiz sudebnoj praktiki // Zhurnal «Ugolovny`j process». № 3. 2012. S. 49–56.
12. Markova T. Yu. Reshenie voprosa o snisxozhdenii prisyazhny`mi zasedatelyami // Ugolovny`j process. 2007. № 4. S. 55–58.

Информация об авторе

Анастасия Александровна Азанова. Адъюнкт.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Anastasia A. Azanova. A postgraduate student.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova St., 2.

Статья поступила в редакцию 18.06.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 18.06.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 343.98

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ РОССИИ

Афанасьев Алексей Юрьевич
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

afanasev_alexey@bk.ru

Аннотация. В статье разрабатывается понимание судебно-экспертного обеспечения функциональной безопасности конституционного строя как аналитического критерия законности уголовно-правового и процессуального реагирования, а не нового объекта преступления или самостоятельного признака состава. Авторская позиция состоит в том, что значение судебной экспертизы определяется не числом назначенных исследований и не расширением полномочий эксперта, а сохранением законного перехода от объекта экспертного исследования к исследуемому свойству, от него – к проверяемому фактическому признаку состава и далее к самостоятельной юридической оценке. Предложена связка звеньев этого перехода и построенная на ней типология судебно-экспертных сбоев, различаемых по нарушенному звену, а не по видам экспертиз. На материале законодательства о судебно-экспертной деятельности, разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и кассационной практики показаны границы компетенции эксперта, недопустимость постановки правовых вопросов перед экспертом и требование проверяемости заключения в том числе при исследованиях, опосредованных алгоритмическими средствами.

Ключевые слова: судебно-экспертное обеспечение, функциональная безопасность конституционного строя, специальные знания, границы компетенции эксперта, проверяемость заключения, разграничение специального и правового вопроса.

Для цитирования: Афанасьев А. Ю. Судебно-экспертное обеспечение функциональной безопасности конституционного строя России // Научный вестник Орловского института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 265–273.

FORENSIC EXPERT SUPPORT OF FUNCTIONAL SECURITY OF THE CONSTITUTIONAL SYSTEM OF RUSSIA

Alexey Yu. Afanasyev
Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhny Novgorod, Russia

afanasev_alexey@bk.ru

Annotation. The article develops an understanding of forensic expert support for the functional security of the constitutional system as an analytical criterion for the legality of criminal law and procedural response, rather than a new object of crime or an independent feature of the composition. The author's position is that the value of a forensic examination is determined not by the number of studies assigned and not by the extension of the expert's powers, but by maintaining the legal transition from the object

of expert research to the property under investigation, from it to the actual checked feature of the composition and further to an independent legal assessment. A combination of links in this transition and a typology of forensic failures based on it are proposed, which are distinguished by the broken link rather than by the types of examinations. Basing on the legislation regulating forensic expertise, explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and cassation practice, the limits of an expert's competence, the inadmissibility of raising legal issues before an expert and the requirement for verifiability of the conclusion, including in research mediated by algorithmic means, are shown.

Keywords: forensic expert support, functional security of the constitutional system, special knowledge, boundaries of the expert's competence, verifiability of the conclusion, differentiation of a special and legal issue.

For citation: Afanasyev A. Yu. Forensic expert support of functional security of the constitutional system of Russia // Scientific Bulletin of the Orel Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 265–273.

Конституционный строй в уголовно-правовом исследовании не сводится к перечню конституционных положений: он выражает такую организацию публичной власти, правового государства, судебной защиты и основных прав личности, при которой реакция государства на преступное воздействие обязана не только пресечь общественно опасное деяние, но и сохранить собственную законность[1]. Угроза исходит здесь не только от посягательства, но и от такого способа реагирования, при котором установление преступного теряет правовую форму, – и именно эта вторая угроза образует предмет настоящей статьи. Функциональную безопасность конституционного строя мы понимаем не как новый вид юридической безопасности, не как объект преступления и не как самостоятельный признак состава, а как аналитический критерий законности уголовно-правового и процессуального реагирования; преступность деяния, его наказуемость и иные последствия по-прежнему определяются только уголовным законом, и через названный критерий запрет не расширяется[2]. Эту категорию следует отличать от конституционной безопасности, которая в доктрине разрабатывается как охраняемое состояние и по обоснованному замечанию не должна оставаться оценочной формулой, ибо для квалификации требуется точное понимание охраняемого блага и моделируемого законом вреда [1, с. 44–45]. Конституционную безопасность мы используем в этом заимствованном значении и ограниченно не для доказывания факта, а для ориентации в том, какой конституционно значимый порядок затронут; функциональная же безопасность характеризует не охраняемое состояние, а качество правовой реакции на посягательство против него.

Судебно-экспертный аспект возникает там, где посягательство на конституционно значимые отношения проявляется через объект, смысл и свойства которого недоступны обычному юридическому анализу. Текст, медиаматериалы, цифровой файл, изображение, символика, переписка, аудио- или видеозапись, техническое устройство, измененный документ, следы взрыва, оружие, финансовая операция либо психическое состояние лица требуют специальных знаний не из-за «политической чувствительности» дела, а потому что отдельный фактический признак неочевиден без специальной методики; при этом содержательный слой объекта не исчерпывает его доказательственного значения, ибо файл или фонограмма несут одновременно речевую, визуаль-

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1999 г. № 1-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ную, экономическую информацию и технические сведения о создании, хранении и передаче материала [2, с. 116, 118]. Практический фон такой потребности задает цифровизация преступности: по данным МВД России, в 2024 году 40 % зарегистрированных преступлений совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий[3]. Отсюда конфликт – специальные знания необходимы, но их результат должен войти в доказывание через фактический признак, не превращая эксперта в субъекта квалификации. Здесь возникает методологическое возражение: требования относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств, свободной оценки заключения эксперта и недопустимости постановки перед ним правовых вопросов уже закреплены в уголовно-процессуальном законе[4], следовательно, может показаться, что особая категория над ними избыточна. Вместе с тем такое замечание справедливо лишь в нормативной части, поскольку функциональная безопасность не вводит нового процессуального требования, не становится объектом преступления и не образует самостоятельного признака состава. Ее значение иное – она позволяет оценивать не отдельное заключение эксперта само по себе, а весь переход от сложного объекта к экспертному выводу, от вывода – к фактическому признаку, от признака – к квалификации. Поэтому при сохранении всех общих правил доказывания эта категория показывает, на каком именно этапе правовая реакция утрачивает законность: при определении объекта исследования, постановке вопроса эксперту, проверке методики, интерпретации вывода или его использовании в уголовно-правовой оценке.

Из такого понимания вытекает и то, что судебно-экспертное обеспечение нельзя оценивать по числу назначенных экспертиз и нельзя сводить к техническому приложению расследования. Как правило, об объеме данной деятельности косвенно судят по ведомственным данным – в 2025 году в судебно-экспертных учреждениях Минюста России выполнено свыше 160 тыс. экспертиз и исследований, на 14 % больше, чем годом ранее[5]; однако объем нагрузки сам по себе ничего не говорит о законности перехода от объекта к решению. Эту законность мы предлагаем проверять по связке звеньев: специальное знание – объект экспертного исследования – экспертная задача – фактический признак – границы компетенции эксперта – проверяемость заключения – юридическая оценка правоприменителем[6]. Связка работает не как итоговое описание, а как рабочий порядок разбора – сбой на любом звене разрывает переход, и далее мы движемся именно по ним. Конституционная безопасность участвует здесь не как доказываемый факт, а как ориентир отбора обстоятельств – способа посягательства, адресата воздействия и направленности вреда на конституционно значимый порядок [3, с. 166–169].

Прежде чем идти по обозначенным звеньям, разведем смешиваемые на практике уровни: уголовное право задает признаки состава, преступность деяния и границы ответственности; доказательственный уровень отвечает за относимость, допустимость, достоверность и достаточность данных, включая заключение эксперта как один из видов доказательств; уголовный процесс задает форму получения и проверки заключения, криминалистика – подготовку объектов, а оперативно-розыскная деятельность дает

---

[3] МВД России публикует статистическую информацию о состоянии преступности в Российской Федерации за 2024 год: сообщение от 20 января 2025 г. МВД Медиа. URL: https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-publikuet-statisticheskuyu-informatsiyu-o-sostoyanii-prestupnosti-v-rossiyskoy-federatsii 2024 (дата обращения: 13.06.2026).

[4] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] Подведены итоги работы судебно-экспертных учреждений Минюста России за 2025 год: сообщение от 8 апреля 2026 г. Министерство юстиции Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://minjust.gov.ru/ru/events/51209/ (дата обращения: 13.06.2026).

[6] О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 23. Ст. 2291.

лишь сведения поискового характера, которые используются в доказывании только при соответствии процессуальным требованиям и не заменяют объект экспертного исследования[7]. Первое содержательное звено (объект) определяется не общей тяжестью преступления, а связью с конкретным фактическим признаком: для посягательств на конституционно значимые отношения вред не исчерпывается абстрактной угрозой общественной безопасности или формальной ссылкой на основы конституционного строя и проявляется в воздействии на конкретные институциональные механизмы [4, с. 187–188]. Эксперт исследует не «конституционную безопасность», а материальный, цифровой, речевой или иной объект и его наблюдаемые свойства, поэтому недостаточно назвать материал «текстом», «публикацией» или «видеозаписью» – нужно определить его границы, форму закрепления и исследуемые свойства, задающие объем исследования и проверки [5, с. 118, 122]. Юридическое значение все это приобретает лишь тогда, когда соотнесено с элементом состава или доказываемым обстоятельством – деянием, способом, адресатом, предметом, орудием, свойствами следа, целью или ролью лица; это соотнесение и есть условие вхождения экспертного результата в доказывание.

На том же звене лежит и типовая ошибка, возникающая раньше квалификации, а именно неполнота объекта. Если эксперту не представлены переводы, расшифровки аббревиатур, технические сведения, контекстные данные или полная последовательность цифрового взаимодействия, дефект появляется сначала на экспертном уровне, затем переходит в оценку достоверности доказательства и лишь после этого искажает правовое решение, причем первоисточник ошибки скрыт за внешне завершенным заключением. Риск усиливается ложной научностью, когда статус экспертного учреждения, сложность терминологии и процессуальная форма заключения начинают восприниматься как замена проверке объекта, методики и границ вывода. Тот факт, что объектная сложность нарастает, видно из практики: судебно-экспертная деятельность охватывает 52 вида экспертиз, а развитие компьютерной, фоноскопической, видеотехнической и автороведческой экспертиз связано с цифровыми следами, программным кодом, транзакциями виртуальных активов, дипфейками и перепиской в мессенджерах[8]. Чем сложнее объект, тем выше цена его неполноты и строже требование заранее очертить его границы и состав переданных эксперту данных.

Экспертная задача, образующая следующее звено, должна быть сформулирована как специальная, а не правовая; именно здесь следователь, ставящий вопрос, удерживает или нарушает границу. Эксперт вправе исследовать смысловые, лингвистические, психологические, технические, трасологические, баллистические, взрывотехнические, компьютерно-технические, почерковедческие, автороведческие, финансово-экономические и иные свойства объекта. Вопрос становится неправильным тогда, когда ожидаемый ответ уже содержит вывод о составе преступления, виновности, публичности как юридическом признаке, цели, призыве, оправдании терроризма, экстремистской направленности либо форме соучастия как юридической категории, ибо такой вопрос правовой, а не специальный, и его постановка перекладывает квалификацию на лицо, к ней не уполномоченное. Рабочее правило поэтому вполне закономерно, если для ответа довольно правовой оценки уже установленных свойств, вопрос эксперту не ставится; если же ответ требует исследования самого свойства, вопрос допустим. Обозначенная граница подтверждена судебным стандартом по делам экстремистской направленности – эксперт исследует целевую направленность материала, но перед ним не ста-

[7] Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон Рос. Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[8] Казьмин В. Готовы противостоять любым вызовам. МВД Медиа. 2024. 11 апреля. URL: https://mvdmedia.ru/publications/police-of-russia/Competently/gotovy-protivostoyat-lyubym-vyzovam (дата обращения: 13.06.2026).

вятся вопросы о наличии призывов к экстремистской деятельности или о направленности материалов на возбуждение ненависти либо вражды[9].

Наряду с этим нельзя не обратить внимание, что самая чувствительная проверка границ компетенции – информационные материалы, и именно здесь посягательство прямо обращено на гражданский мир и устойчивость власти, то есть на конституционно значимый порядок. Одно сообщение способно обладать речевыми, визуальными, техническими и контекстуальными свойствами, и потому установление его смысла или адресованности еще не решает вопроса о публичности, цели и уголовно-правовой направленности деяния. При этот стоит подчеркнуть, что дела этой группы далеко не единичны. Так, например, за 2024 год по основной статье осуждены, в частности: 410 человек по ст. 205[2] УК РФ, 215 – по ст. 280 УК РФ и 42 – по ст. 282 УК РФ[10]; хотя эти данные и не отражают ни числа экспертиз, ни доказательственной роли заключений, но показывают практическую значимость дел, где граница между смысловым анализом и уголовно-правовой оценкой особенно тонка. В свою очередь, сам признак публичности по делам террористической направленности определяется в судебном стандарте не фактом размещения материала в цифровой среде, а местом, способом, обстановкой и другими обстоятельствами распространения; в правоприменительной практике, как правило, учитываются размещение комментариев в мессенджере, многочисленность просмотров, численность чат-группы, осознание автором значения материалов и намерение довести их до аудитории[11, 12].

В то же время лингвистическая или психолого-лингвистическая экспертиза способна выявить смысловую структуру высказывания, форму побуждения, адресованность, способы выражения оценки, скрытые смыслы, завуалированные обозначения, аббревиатуры, иностранные включения и контекстуальные признаки воздействия; при материалах, предположительно связанных с пропагандистским воздействием, значимы субъект сообщения, адресат, повторяемость тезисов, противопоставление позитивно и негативно оцениваемых состояний, множественность текстов и реальная возможность распространения [6, с. 62]. Все эти характеристики остаются фактическими, пока правоприменитель не соединит их с признаками конкретного состава, и потому экспертное описание идеологической, оценочной или побудительной структуры текста не должно превращаться в вывод о том, относится ли материал к экстремистской идеологической плоскости или к террористической стратегии устрашения и давления на власть, поскольку это разграничение зависит от юридической конструкции состава, цели, адресата и направленности умысла [7, с. 77–79]. С учетом этого назначение такой экспертизы оправдано не всякий раз, когда материал имеет общественную остроту, а лишь тогда, когда смысловая или прагматическая направленность речевого продукта неоднозначна и требует специальных критериев; иначе правоприменитель переклады-

---

[9] О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2011. № 8.

[10] Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2024 г. Форма № 10-а: свод по всем судам. Судебный департамент при Верховном Суде Рос. Федерации: официальный сайт. URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2024/k3-svod_vse_sudy-2024.xls (дата обращения: 13.06.2026).

[11] О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2012. № 4.

[12] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2025 г. по делу № 222-УД25-42-А6. Банк судебных документов Верховного Суда Рос. Федерации. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2503968 (дата обращения: 14.06.2026).

вает на эксперта собственную задачу [8, с. 147, 159]. То же ограничение действует и вне речевых объектов – технические свойства файла, следы доступа, признаки изменения документа, характеристики оружия или особенности финансовой операции приобретают уголовно-правовое значение лишь по тому же правилу соотнесения свойства с признаком состава.

Следующим аспектом выступает проверяемость заключения[13], которая не сводится лишь к итоговому ответу; контролю подлежит весь путь от объекта к выводу: исходные данные, пригодность методики для данного типа объекта и корректность ее применения, последовательность операций, границы категоричности или вероятности и связь вывода с поставленным вопросом. Казуальное толкование исходит из того, что заключение не имеет заранее установленной силы и не превосходит другие доказательства, а при оценке учитываются квалификация эксперта, достаточность материалов и надлежащий характер объектов[14]; в доктрине обоснованно требуется сопоставить выводы с иными доказательствами и удостовериться в научных положениях, методике, ходе исследования и логичности перехода к ответу [9, с. 28–29]. В одной из кассационных проверок допустимость психолого-лингвистического заключения связали с компетенцией эксперта, описанием хода исследования, указанием методик, научной обоснованностью выводов и отсутствием правового характера вопросов[15]. В этом ключе особый случай образуют исследования, опосредованные алгоритмическими средствами, где проверяемым должен быть не только результат, но и источник обучающих данных, возможность верификации модели и границы объяснимости вывода [10, с. 31]; правоприменитель проверяет способ получения, сохранность и аутентичность результата и устанавливает, есть ли субъект, способный раскрыть его доказательственное значение [11, с. 67–68].

Замыкающее звено – юридическая оценка – удерживается распределением функций, при котором эксперт не высказывается о квалификации, прокурор проверяет, не вынесена ли правовая оценка в заключение, а суд оценивает заключение в совокупности доказательств; ни один из них не передает свою функцию другому. На этом же звене проверяется комплексная экспертиза: она оправдана не внешней убедительностью и не числом привлеченных экспертов, а необходимостью соединить разные специальные знания для установления конкретного признака, и ее назначение проходит две проверки – *какие свойства объекта нельзя исследовать в границах одной специальности* и *какой признак устанавливается через соединение знаний*. При этом на практике по информационным материалам подобный подход не презюмируется: в той же кассационной проверке[16] был отклонен довод об обязательном исследовании публикаций экспертами разных специальностей, поскольку необходимость такого исследования не установлена, а компетенция эксперта и проверяемость заключения подтверждены. С учетом этого представляется возможным судить, что междисциплинарное исследование допустимо как способ установления фактических свойств сложного объекта,

---

[13] О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 23, ст. 2291.

[14] О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2011. № 2.

[15] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 1 апреля 2026 г. по делу № 221-УД26-2-А6. Банк судебных документов Верховного Суда Рос. Федерации. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2531294 (дата обращения: 14.06.2026).

[16] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 1 апреля 2026 г. по делу № 221-УД26-2-А6. Банк судебных документов Верховного Суда Рос. Федерации. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2531294 (дата обращения: 14.06.2026).

но итоговое комплексное заключение не должно перерастать в общий вывод о направленности деяния, цели, составе или роли лица, иначе соединение знаний оборачивается коллективной подменой квалификации.

Теперь представляется методологически оправданным прочитать рассматриваемую связку негативно: каждый типовой сбой – разрыв на определенном ее звене, и потому сбои продуктивнее различать по нарушенному звену, а не по видам экспертиз, ибо вид экспертизы говорит о методике, тогда как соответствующее звено – о месте, где реакция отступила от законности, в рамках чего представляется возможным проследить следующую типологию сбоев:

– объектный – передача неполного, искаженного или неверно определенного объекта;

– вопросный – постановка правового вопроса вместо специального;

– интерпретационный – перенос фактического вывода в квалификацию или подача вероятностного суждения как категорического, то есть выход за границы компетенции;

– методический – невозможность проверить последовательность операций и связь свойств объекта с выводом;

– оценочный – восприятие заключения как заранее решающего без сопоставления с иными доказательствами и границами вопроса.

Звенья «специальное знание» и «фактический признак» отдельных типов не образуют: первое есть средство, второй – цель, а отступление от законности локализуется на переходах между ними. Пяти типов поэтому достаточно, и каждый из них – проверяемый критерий, а не ярлык.

При этом отдельные акты Верховного Суда, хотя и не доказывают распространенности этой типологии, но показывают, что выведенные из нее риски в практике возникают. Так, например, в одном деле отмена приговора связана с тем, что заключение положено в основу обвинения при неустраненных сомнениях в компетентности эксперта[17] – оценочный сбой в чистом виде; в другом доводы о дефектности экспертиз отклонены со ссылкой на компетентность экспертов, описание хода исследования, обоснованность методик и отсутствие правового характера вопросов[18] – случай, где ни одно звено не разорвано; в третьем подчеркнуто, что смысловой или экспертный анализ не освобождает суд от самостоятельного установления признаков состава, включая способ распространения сведений, их заведомую ложность, цель и форму вины[19] – граница, отделяющая проверяемое заключение от юридической оценки.

Судебно-экспертное обеспечение функциональной безопасности конституционного строя, таким образом, состоит не в количестве экспертиз, не во власти эксперта и не в технической обслуживающей роли заключения. Отвергаются обе крайности: и сведение экспертизы к подчиненному приложению расследования, и превращение ее в источник готовой квалификации; первая разорвала бы связку недогрузкой звена «спе-

[17] Определение суда кассационной инстанции Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2026 г. по уголовному делу № 51-УД25-20-К8. Банк судебных документов Верховного Суда Рос. Федерации. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2517824 (дата обращения: 14.06.2026).

[18] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 6 мая 2026 г. по делу № 222-УД26-13-А6. Банк судебных документов Верховного Суда Рос. Федерации. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2539864 (дата обращения: 14.06.2026).

[19] Определение суда кассационной инстанции Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2026 г. по делу № 4-УД26-3-К1. Банк судебных документов Верховного Суда Рос. Федерации. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2528894 (дата обращения: 14.06.2026).

циальное знание», вторая – перегрузкой звена «юридическая оценка». *Функциональное значение экспертизы определяется не ее формой, видом или числом, а ролью в сохранении законного перехода по рассмотренной связке, то есть заключение обретает обеспечительное значение лишь тогда, когда сохранен переход от объекта к исследуемому свойству, от свойства к проверяемому фактическому признаку и далее к самостоятельной юридической оценке*. Где этот переход разорван, заключение остается доказательством по форме, но перестает быть средством обеспечения функциональной безопасности конституционного строя не потому, что появился новый объект охраны или признак, а потому, что нарушена законность реакции на посягательство против конституционно значимого порядка.

---

1. Пшеничнов И. М. Конституционная безопасность как объект террористических и экстремистских преступлений // Законность и правопорядок. 2025. № 4(48). С. 44–49.
2. Семикаленова А. И. Цифровые следы: назначение и производство // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2019. № 5(57). С. 115–120.
3. Пшеничнов И. М. Конституционная безопасность как объект уголовно-правовой охраны: сравнительно-правовые ориентиры противодействия преступности в государствах СНГ // Актуальные проблемы теории, законодательства и практики противодействия преступности в современный период: материалы 1-й международной научно-практической конференции. Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2026. С. 165–170.
4. Пшеничнов И. М. Конституционная безопасность как объект экстремистских и террористических преступлений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России, 2025. № 4(72). С. 186–190.
5. Новожилова Е. В. Объекты судебного речеведения // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского, 2024. № 1. С. 118–124.
6. Баранов А. Н. Категория пропаганды в лингвистической экспертизе текста / А. Н. Баранов, П. Б. Паршин // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 2. С. 53–65.
7. Пшеничнов И. М. Категориально-правовые границы экстремизма и терроризма в системе конституционной безопасности // Альманахъ молодых ученых. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2025. Вып. 11. С. 75–80.
8. Nikishin V. D. Criteria of Extremist Speech Acts: Forensic Linguistic Diagnostic Complexes // The European Journal of Social and Behavioural Sciences. 2021. Vol. 30, Issue 2. P. 146–160.
9. Гиверц П. В. О критериях оценки заключения эксперта и экспертных методик участниками судопроизводства / П. В. Гиверц, А. Грибер, А. В. Кокин // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17. № 1. С. 27–37.
10. Россинская Е. Р. Нейросети в судебной экспертологии и экспертной практике: проблемы и перспективы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2024. № 3(115). С. 21–33.
11. Большакова К. Б. Цифровые следы и искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве: проблемы трансформации доказательственного права / К. Б. Большакова, А. И. Грачева // Научно-практический журнал «Диалог». 2025. № 22. С. 67–68.

1. Pshenichnov I. M. Konstitucionnaya bezopasnost` kak ob``ekt terroristicheskix i e`kstremistskix prestuplenij // Zakonnost` i pravoporyadok. 2025. № 4(48). S. 44–49.
2. Semikalenova A. I. Cifrovy`e sledy`: naznachenie i proizvodstvo // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA), 2019. № 5(57). S. 115–120.

3. Pshenichnov I. M. Konstitucionnaya bezopasnost` kak ob``ekt ugolovno-pravovoj oxrany`: sravnitel`no-pravovy`e orientiry` protivodejstviya prestupnosti v gosudarstvax SNG // Aktual`ny`e problemy` teorii, zakonodatel`stva i praktiki protivodejstviya prestupnosti v sovremenny`j period: materialy` 1-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Dushanbe: Tipografiya MVD Respubliki Tadzhikistan, 2026. S. 165–170.
4. Pshenichnov I. M. Konstitucionnaya bezopasnost` kak ob``ekt e`kstremistskix i terroristicheskix prestuplenij // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii, 2025. № 4(72). S. 186–190.
5. Novozhilova E. V. Ob``ekty` sudebnogo rechevedeniya // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo, 2024. № 1. S. 118–124.
6. Baranov A. N. Kategoriya propagandy` v lingvisticheskoj e`kspertize teksta / A. N. Baranov, P. B. Parshin // Teoriya i praktika sudebnoj e`kspertizy`. 2017. T. 12. № 2. S. 53–65.
7. Pshenichnov I. M. Kategorial`no-pravovy`e granicy e`kstremizma i terrorizma v sisteme konstitucionnoj bezopasnosti // Al`manax`` molody`x ucheny`x. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2025. Vy`p. 11. S. 75–80.
8. Nikishin V. D. Criteria of Extremist Speech Acts: Forensic Linguistic Diagnostic Complexes // The European Journal of Social and Behavioural Sciences. 2021. Vol. 30, Issue 2. P. 146–160.
9. Givercz P. V. O kriteriyax ocenki zaklyucheniya e`ksperta i e`kspertny`x metodik uchastnikami sudoproizvodstva / P. V. Givercz, A. Griber, A. V. Kokin // Teoriya i praktika sudebnoj e`kspertizy`. 2022. T. 17. № 1. S. 27–37.
10. Rossinskaya E. R. Nejroseti v sudebnoj e`kspertologii i e`kspertnoj praktike: problemy` i perspektivy` // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA), 2024. № 3(115). S. 21–33.
11. Bol`shakova K. B. Cifrovy`e sledy` i iskusstvenny`j intellekt v ugolovnom sudoproizvodstve: problemy` transformacii dokazatel`stvennogo prava / K. B. Bol`shakova, A. I. Gracheva // Nauchno-prakticheskij zhurnal «Dialog». 2025. № 22. S. 67–68.

Информация об авторе

Алексей Юрьевич Афанасьев. Начальник кафедры криминалистики, доктор юридических наук, доцент.
Нижегородская академия МВД России.
603950, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

Information about the author

Alexey Yu. Afanasyev. Head of the Chair of Criminalistics, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor.
Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia.
603950, Russia, Nizhniy Novgorod, Ankudinovskoe highway, 3.

Статья поступила в редакцию 31.07.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 31.07.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 343.13

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА РАССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С НЕЗАКОННЫМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВОМ

Бадиков Дмитрий Алексеевич[1], Вецкая Светлана Анатольевна[2]
[1]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия
[2]Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия

[1]dibad008@yandex.ru
[2]Lisizai@mail.ru

Аннотация. Развитое гражданское общество неизбежно сталкивается с разнообразными экономическими ситуациями, которые формулируют условия для деятельности как легального, так и незаконного предпринимательства. Определение предпринимательства отражает ряд признаков, позволяющих выделить его из ряда разнообразной деятельности граждан и юридических лиц. Такое отграничение имеет большое практическое значение, поскольку с наличием или отсутствием в конкретной деятельности признаков предпринимательства связано возникновение или прекращение определенных правовых отношений, регулируемых различными отраслями законодательства. Относительно деятельности, имеющей признаки незаконного предпринимательства также целесообразно уточнить и конкретизировать признаки, добавить четкое определение способов обмана, учитывающее современное технологии, в том числе цифровой направленности. Бесспорно, что взаимодействие гражданского общества и экономики требует прозрачности, ответственности и эффективного контроля, что влияет на борьбу с незаконным предпринимательством и способствует укреплению экономической безопасности страны целом.

Ключевые слова: производство расследования, незаконное предпринимательство, производство следственных действий, допрос, осмотр, судебно-экспертная деятельность.

Для цитирования: Бадиков Д. А., Вецкая С. А. Особенности производства расследования по преступлениям, связанным с незаконным предпринимательством // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 274–282.

INVESTIGATION SPECIFICS FOR OFFENCES RELATING TO ILLEGAL ENTREPRENEURSHIP

Dmitry A. Badikov[1], Svetlana A. Vetskaya[2]
[1]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[2]Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Krasnodar, Russia

[1]dibad008@yandex.ru
[2]Lisizai@mail.ru

Annotation. A developed civil society inevitably faces a variety of economic situations that formulate conditions for the activities of both legal and illegal businesses. There is no doubt that the interaction of such a society and the economy requires transparency, responsibility and effective control, which affects the fight against illegal entrepreneurship and contributes to strengthening the economic security of the country as a whole. Such differentiation is of great practical importance, since the presence or absence of entrepreneurial characteristics in a particular activity is linked to the emergence or termination of certain legal relations regulated by various branches of legislation. Regarding activities that exhibit signs of illegal entrepreneurship, it is also advisable to clarify and specify the indicators, and to add a clear definition of deceptive methods that takes into account modern technologies, including digital ones. It is undeniable that the interaction between civil society and the economy requires transparency, accountability, and effective oversight, which affects the fight against illegal entrepreneurship and contributes to strengthening the country's overall economic security.

Keywords: investigation, illegal entrepreneurship, investigative actions, interrogation, inspection, forensic expert activity.

For citation: Badikov D. A., Vetskaya S. A. Investigation specifics for offences relating to illegal entrepreneurship // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. 3(108). P. 274–282.

Современная судебная и правоохранительная практика акцентирует внимание на комплексном подходе к расследованию экономических преступлений, включая коррупцию, мошенничество, уклонение от налогов и легализацию доходов.

Органы, расследующие преступления в сфере незаконного предпринимательства, в своей правоприменительной практике уделяют внимание не только наказанию, но и предупреждению преступлений, что отражается в изменениях правового регулирования (повышение ответственности по ряду статей ст. 146, 159, 165, 171, 171.1, 171.5, 172, 175, 176, 177, 186, 194, 195, 199, 200.4 УК РФ)[1], а именно: внесены поправки, ужесточающие ответственность за экономические преступления и, соответственно, увеличение сроков лишения свободы и повышение штрафов, введение новых составов преступлений в сфере экономики.

На основе новых правовых норм разрабатываются или корректируются методики расследования, включая финансовый мониторинг, анализ схем сбора доказательств, порядок проведения экспертиз, аудитов и расследований финансовых операций, взаимодействие с банковскими и налоговыми органами.

Отправной точкой или началом для проверки факта осуществления незаконной деятельности и дальнейшего расследования могут послужить данные о безлицензионной деятельности предпринимателей или иные сведения, свидетельствующие о том, что данной организацией причинен крупный ущерб разным субъектам, и будут являться основанием для того, что дело было возбуждено. Как отмечают отдельные авторы, сложное организационное регулирование предпринимательской деятельности способствует развитию незаконного предпринимательства [1, с. 163–164].

Для того чтобы понять истинную картину произошедшего события, требуется владеть первоначальной информацией или иными фактами, имеющеми доказательственное значение по конкретному рассматриваемому делу. Именно по этой причине следователь должен квалифицировать первоначальную информацию содеянному дея-

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нию и сопоставить признаки незаконного предпринимательства конкретно с определенной статьей в уголовном законе.

При обнаружении признаков преступлений на первоначальном этапе расследования, как правило, возникает ряд типичных следственных ситуаций. Каждая такая ситуация характеризуется и классифицируется в зависимости от источника, объема, характера и вида полученной информации [2, с. 163].

Рассмотрим конкретные действия органов, расследующих преступления, связанные с незаконной предпринимательской деятельностью.

Учитывая особенности следственных ситуаций, отметим, что требуется составить план расследования, который должен быть нацелен на выяснение обстоятельств произошедшего преступного события. В том числе необходимо установить виновных лиц, отработать возможные пути поиска и способы закрепления обнаруженных доказательств путем применения тактических и психологических приемов при производстве оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий.

Если в первоначальном заявлении не содержится достаточных данных для принятия решения о возбуждении уголовного дела либо в отказе в возбуждении, то необходимо действовать следующим образом:

– ознакомительное рассмотрение материалов; регистрационных (учредительных) документов хозяйствующего субъекта; проводимых финансовых операций;

– получение необходимых для дела сведений из регистрирующих, лицензирующих и других органов (например, налоговой службы, Росфинмониторинга, Банка России);

– принятие объяснений от конкретных лиц, прямо или косвенно имеющих отношение к предпринимательской деятельности того субъекта, где непосредственно были выявлены нарушения действующего законодательства;

– консультирование с экспертами (специалистами) в области финансового законодательства;

– назначение ревизий и аудиторских проверок [3, с. 251–253].

Самыми распространенными фактами, подтверждающими совершение рассматриваемого преступления, служат незаконная продажа готовой продукции; отпуск изделий без необходимых для оформления документов; реализация продукции не через кассу, а из подсобных помещений. Реже бывают случаи заблаговременного уничтожения документации, если при этом их срок хранения не истек и иная фальсификация показателей работы на соответствующем производстве [4, с. 222–229]. У органов, расследующих преступления, связанные с незаконной предпринимательской деятельностью, выработан алгоритм по выполнению первоначальных мероприятий, позволяющих выявить истинную картину по рассматриваемому уголовному делу.

В уголовном процессе по делам, где оперативными сотрудниками выявлены признаки преступления, важно применять фактор внезапности при проведении первоначальных оперативно-розыскных мероприятиях и следственных действий, проводимых по поручению следователя[2], что позволит быстро изъять имеющее значение для дела документацию, предметы и т. д.

Наиболее распространенными мероприятиями, применяемыми в отношении лиц, осуществляющих незаконное предпринимательство, являются рейды, назначение ревизий, проверки оперативными и контролирующими подразделениями.

Практика расследования уголовных дел данной категории свидетельствует, что зачастую в зависимости от конкретных обстоятельств при обнаружении признаков

[2] Согласно нормам УПК РФ (ст. 162, 164), первичные следственные действия (обыск, выемка, осмотр) обязательно должны проводиться на законных основаниях, с использованием фактора внезапности, что значительно повышает шансы успешного и объективного расследования.

незаконной предпринимательской деятельности предполагает проведение следующих действий: обнаружение факта ведения хозяйственной деятельности без регистрации или без лицензии; проверка наличия кассового аппарата, документов и разрешительной документации; оценка деятельности на наличие нарушения налогового законодательства (отсутствие отчетности, уплаты налогов). Можно предположить типичные ситуации действий сотрудников органа дознания при выявлении признаков незаконной предпринимательской деятельности в виде составления акта проверки с подробным описанием выявленных фактов и нарушений, изъятие товарно-сопроводительных документов, чеков, иного имущества, составление протоколов осмотра, объяснений, опроса свидетелей и потерпевших для установления обстоятельств дела.

Так, в ходе предварительного расследования в случаях, когда следователь располагает определенной информацией о точном местонахождении документации, имеющей значение для уголовного дела, возникает необходимость проведения выемки документации. Вышеуказанное следственное действие, как правило, проводится незамедлительно по причине того, что лица, хранящие данную документацию, могут принять меры по ее уничтожению или сокрытию.

На основе проведенного анализа процессуальных решений следует определить, что выемке подлежит документация оперативно-производственного учета, планово-финансовой отчетности предприятия, товарно-транспортные накладные:

«1) документы, подтверждающие факт осуществления предпринимательской деятельности (накладные на отпуск готового товара, договоры о выполнении работ, приходные/расходные кассовые ордера, платежные поручения);

2) документы, указывающие на незаконный характер ведения такой деятельности (справки из налоговых органов, свидетельствующие об отсутствии регистрации физического/юридического лица в базе ЕГРЮЛ/ЕГРИП);

3) документы, указывающие на осуществление предпринимательской деятельности физическим или юридическим лицом без соответствующей лицензии (отсутствие документации лицензирующего органа или же, напротив, наличие документации, свидетельствующей о нарушении условий лицензирования.

4) документы, свидетельствующие о причинении ущерба государству, организациям, гражданам (акт аудиторской проверки организации (предприятия), получившей ущерб в результате осуществления незаконной предпринимательской деятельности, а также организации (предприятия), причинившей такой ущерб вышеуказанным субъектам)» [3, с. 250; 5, с. 62; 6, с. 79].

В случае, если лицу, в отношении которого производится выемка, стало известно о факте ее запланированного проведения и он принял меры к сокрытию вышеуказанной документации, возникает острая необходимость в изъятии документации путем проведения обыска. Именно в ходе проведения обыска может быть добыта документация, которая позволит получить наиболее полную информацию о ведении хозяйственной и управленческой деятельности данной организации (предприятия), ведь чем больше будет изъято документации, тем больше информации следователь сможет проанализировать и использовать в качестве доказательственной базы по уголовному делу.

Помимо документации, в ходе обыска может быть обнаружено и изъято незаконное сырье, оборудование, денежные средства, полученные в качестве дохода вследствие осуществления незаконного предпринимательства. Наибольшее значение имеет документация, не прошедшая официальный учет и хранящаяся у материально ответственных лиц. Более тщательной проверке подлежат помещения, в которых содержатся хранилища, сейфы и иные объекты, представляющие интерес у органов предварительного расследования, в том числе и служебные помещения, где располагаются работники, ведущие бухгалтерский учет.

В процессе производства обыска могут быть изъяты персональные компьютеры сотрудников, в которых с наибольшей вероятностью возможно содержание информации, имеющей непосредственное к уголовному делу. Данная информация может содержать в себе номера телефонов соучастников преступления, фотографии, видеоматериалы, фиктивные договоры, адреса складских помещений.

В целях более результативного проведения рассматриваемого следственного действия его необходимо производить в нескольких местах одновременно (к примеру, в квартире, на складе, в офисе, применяя при этом фактор внезапности). Это позволит достичь более точных результатов, ведь виновные лица не смогут в таких условиях уничтожить следовую информацию.

Подготовку к этим следственным действиям рекомендуется начинать с изучения личности гражданина, у которого планируется произвести обыск или выемку. Об актуальности изучения личности преступника в сфере незаконного предпринимательства говорят многие исследователи [7, с. 948; 8, с. 69].

Все предметы и документы, изъятые в ходе проведения вышеперечисленных следственных действий, подлежат обязательному осмотру. Данный осмотр подразумевает непосредственное исследование объектов, относящихся к уголовному делу. Несмотря на схожесть с другими следственными действиями, одновременно он имеет ряд принципиальных отличительных особенностей как по правовой природе, так и по тактике проведения. Следователь при ознакомлении с изъятыми объектами должен убедиться в том, что они имеют доказательственное значение.

По делам о незаконном предпринимательстве с помощью следственного осмотра представляется возможным отследить механизм совершения преступления и иные важные обстоятельства. Прежде чем приступить к непосредственному детальному осмотру, требуется уяснить смысл исследуемого документа и определить его деловое назначение. После чего требуется изучить логическое соответствие всех элементов между собой, возможно, такие события не происходили в действительности. В обязательном порядке осмотру подлежит и почерк. Так, если в документах имеется несколько подписей, оставленных различными лицами, они будут осмотрены.

В случаях, когда документы изготовлены в нескольких экземплярах, будет проведена встречная проверка данных всех экземпляров одного документа. При возникновении малейших сомнений в подлинности хотя бы одного из документов следователь принимает решение о направлении их на экспертизу. Результаты, полученные в результате экспертного исследования, могут лечь в основу доказательственной базы по уголовному делу о незаконном предпринимательстве.

В большинстве случаев при производстве следственных действий на последующем этапе расследования выявляются документы, которые на первоначальном этапе не поддались обнаружению по различным причинам (например, при сокрытии их виновными лицами). Очень часто такими документами являются договоры (об оказании услуг, выполнении работ, реализации товаров и другие), осмотр которых позволит определить, какой характер носит осуществляемая деятельность.

Так, следователь в ходе осмотра договора, помимо основных реквизитов, может выявить и другую значимую информацию. К таковым могут быть отнесены: наименование организаций; род выполняемых работ, оказываемых услуг; стороны договора; стоимость услуг; дата и время проведенных работ; автотранспортные и иные средства, используемые в ходе деятельности; общее количество времени, в течение которого выполнялись работы. После чего по результатам проведенного следственного действия следователь составляет протокол осмотра предметов, куда и вносит всю информацию, обнаруженную в тексте документа.

Как уже отмечалось ранее, возникают ситуации, в которых своевременное обнаружение и изъятие каких-либо объектов являются невозможными в связи с объектив-

ными факторами. По этой причине назначение и проведение экспертиз находят свое отражение именно на рассматриваемом этапе.

Несомненно, наиболее часто фигурирующей по делам о незаконном предпринимательстве считается судебно-бухгалтерская экспертиза. Цель ее назначения – определение суммы дохода, которое лицо получило за весь период осуществления незаконной деятельности. В каждом случае используются совершенно разные объекты исследования и подходы к решению экспертных задач [5, с. 36–38].

Все вопросы должны быть конкретизированы в отношении объектов и времени. В качестве объектов рассматриваемой экспертизы могут служить: банковские документы, книга учета доходов и расходов, кассовые документы и другие материалы по делу.

При расследовании преступлений, связанных с незаконной предпринимательской деятельностью, целесообразно назначение судебно-почерковедческой экспертизы, с помощью которой представляется возможным выявить, кем выполнен текст определенного документа, кто подписывал документы от имени иного лица, разными ли лицами сделаны записи или одним и тем же лицом.

Имеет место назначение и производство судебно-технической экспертизы, которая разрешает вопросы о способах изготовления бланков, нанесения оттисков печати, о наличии или отсутствии признаков подделки, о том, какие реквизиты первичны (текст или подпись).

Рассмотрев некоторый перечень экспертиз, играющих важную роль в расследовании и принятии правильного процессуального решения, стоит привести и ряд других, которые в том числе находят свое отражение в материалах. Так, по уголовным делам о незаконном предпринимательстве могут быть проведены: финансово-экономические, финансово-аналитические, товароведческие, технико-криминалистические экспертизы. Очень важно соблюдать требования при составлении процессуального документа, вносить все необходимые пункты и реквизиты, ставить корректные вопросы и полно предоставлять материалы для исследования.

Таким образом, грамотное и своевременное производство по уголовном уделу по фактам незаконного предпринимательства играет ключевую роль в эффективной борьбе с этим видом преступлений. Рассмотренные выше организационные мероприятия следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий позволят выявить все обстоятельства дела, собрать необходимые доказательства и документально зафиксировать нарушения и привлечь к ответственности лиц, причастных к преступности экономической направленности.

Бесспорно, грамотное и своевременное производство по уголовном уделу по фактам незаконного предпринимательства играет ключевую роль в эффективной борьбе с этим видом преступлений. Рассмотренные выше организационные мероприятия следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, безусловно, направлены на выявление всех обстоятельств по делам экономической направленности. Несмотря на достаточно развернутое законодательное регулирование уголовной ответственности за незаконное предпринимательство в России, проблема остается комплексной и многогранной.

Предпримем попытку предложить следующие рекомендации по изменениям, а именно: уточнить и конкретизировать признаки незаконного предпринимательства, добавить четкое определение способов обмана, учитывающее современное технологии (например, использование интернет-ресурсов, соцсетей, цифровых технологий), включая виды деятельности без регистрации, использование фиктивных юридических лиц, создаваемое с целью сокрытия противоправных схем, которые квалифицируется как средство совершения экономических преступлений (неофициально используемое

в практике выражение «однодневка»)[3]; ввести отдельные квалифицирующие признаки для предпринимательства (с использованием IT-инструментов, фишинга, подделки электронных документов) с участием коррупции и организованных преступных групп; добавить ответственность за систематическое уклонение от налогов четкими критериями объема ущерба и сроков. Применение данных положений, направленных на улучшение расследования незаконного предпринимательства, безусловно, может приблизить практических сотрудников не только к выявлению, но и к раскрытию связанных с ним мошеннических схем благодаря комплексному подходу и качественной фиксации доказательств, что существенно улучшит работу правоохранительных органов, ведущих борьбу с экономическими преступлениями.

1. Аксенова Л. Ю. Обстоятельства, подлежащие установлению по делам о незаконном предпринимательстве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2022. № 3(92). С. 162–171.
2. Криминалистическая методика для дознавателей: учебник / А. Г. Филиппов, В. В. Агафонов, А. А. Беляков [и др.]. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство ЮРАЙТ», 2016. 414 с.
3. Данилова Н. А. О некоторых аспектах анализа прокурором материалов уголовного дела о незаконном предпринимательстве / Н. А. Данилова, М. А. Григорьева // Военное право. 2019. № 1(53). С. 245–254.
4. Фисенко В. М. О методике расследования незаконного предпринимательства / В. М. Фисенко, Э. П. Ким // Вестник науки Южного Казахстана, 2021. № 2(14). С. 222–229.
5. Теоретические и прикладные аспекты производства судебно-бухгалтерской экспертизы по уголовным делам экономической направленности: учебно-практическое пособие / А. В. Гришин, С. А. Лукьянчикова. Орел: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2019. 118 с.
6. Решетникова Т. В. Тактика проведения следственных действий на первоначальном этапе при расследовании незаконного предпринимательства // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 1(15). С. 78–87.
7. Вальтер П. Д. Криминологическая характеристика личности преступника в сфере предпринимательства // Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты: сборник научных статей XVII международной научной конференции обучающихся образовательных организаций высшего образования, проводимой в рамках IV Санкт-Петербургского международного молодежного научного форума «Северная Пальмира: территория возможностей», Санкт-Петербург, 30 мая 2024 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 947–953.
8. Назмеева Л. Р. Незаконное предпринимательство: криминологические аспекты личности преступника // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 67–73.

[3] Термин «однодневка» – это устойчивое разговорное выражение, которым обозначают юридические лица (чаще ООО) созданные формально и существующие очень короткий срок, без реальной хозяйственной деятельности. В официальных документах и судебной практике употребляются понятия фиктивное юридическое лицо, подставное лицо и т.п. Например, в судебных решениях и документах налоговых органов «однодневки» рассматриваются как организации, созданные с целью уклонения от налогов или мошенничества.

1. Aksenova L. Yu. Obstoyatel`stva, podlezhashhie ustanovleniyu po delam o nezakonnom predprinimatel`stve // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2022. № 3(92). S. 162–171.
2. Kriminalisticheskaya metodika dlya doznavatelej: uchebnik / A. G. Filippov, V. V. Agafonov, A. A. Belyakov [i dr.]. Moskva: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu «Izdatel`stvo YuRAJT», 2016. 414 s.
3. Danilova N. A. O nekotory`x aspektax analiza prokurorom materialov ugolovnogo dela o nezakonnom predprinimatel`stve / N. A. Danilova, M. A. Grigor`eva // Voennoe pravo. 2019. № 1(53). S. 245–254.
4. Fisenko V. M. O metodike rassledovaniya nezakonnogo predprinimatel`stva / V. M. Fisenko, E`. P. Kim // Vestnik nauki Yuzhnogo Kazaxstana, 2021. № 2(14). S. 222–229.
5. Teoreticheskie i prikladny`e aspekty` proizvodstva sudebno-buxgalterskoj e`kspertizy` po ugolovny`m delam e`konomicheskoj napravlennosti: uchebno-prakticheskoe posobie / A. V. Grishin, S. A. Luk`yanchikova. Orel: OrYuI MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova, 2019. 118 s.
6. Reshetnikova T. V. Taktika provedeniya sledstvenny`x dejstvij na pervonachal`nom e`tape pri rassledovanii nezakonnogo predprinimatel`stva // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2012. № 1(15). S. 78–87.
7. Val`ter P. D. Kriminologicheskaya xarakteristika lichnosti prestupnika v sfere predprinimatel`stva // Bezopasnost` lichnosti, obshhestva i gosudarstva: teoretiko-pravovy`e aspekty`: sbornik nauchny`x statej XVII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii obuchayushhixsya obrazovatel`ny`x organizacij vy`sshego obrazovaniya, provodimoj v ramkax IV Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «Severnaya Pal`mira: territoriya vozmozhnostej», Sankt-Peterburg, 30 maya 2024 goda. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2024. S. 947–953.
8. Nazmeeva L. R. Nezakonnoe predprinimatel`stvo: kriminologicheskie aspekty` lichnosti prestupnika // Vestnik Dal`nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 2(63). S. 67–73.

Информация об авторах

Дмитрий Алексеевич Бадиков. Доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Светлана Анатольевна Вецкая. Доцент кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент.
Краснодарский университет МВД России.
350005, Россия, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

Information about the authors

Dmitry A. Badikov. Assistant Professor of the Chair of Criminology and Preliminary Investigation at the Department of Internal Affairs, Candidate of Sciences (Law). Associate Professor.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova St., 2.

Svetlana A. Vetskaya. Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedure, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.
Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia.
350005, Russia, Krasnodar, Yaroslavskaya St. 128.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 02.05.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 02.07.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 343.34

О ПРОСТРАНСТВЕННОМ И ФУНКЦИОНАЛЬНОМ КРИТЕРИЯХ ОТНЕСЕНИЯ ТРАНСПОРТА ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ К МЕСТУ СОВЕРШЕНИЯ ХУЛИГАНСТВА

Баранчикова Марина Вячеславовна
Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

marina-baranchikova@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется специфика квалификации хулиганства, совершенного на транспорте общего пользования по п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ. Исследуется понятие такого транспорта как специфического общественного места, его особый публично-правовой режим, обосновывается повышенная опасность его закрытого пространства по сравнению с иными общественными местами. Показано, что не только сам транспорт, но и объекты транспортной инфраструктуры обладают повышенной опасностью, поскольку на них наблюдается массовое скопление людей рядом с источниками повышенной опасности. Раскрываются особенности пространства, признаваемого транспортом общего пользования, для целей квалификации транспортного хулиганства, а также функциональные критерии, ориентированные на социальное назначение объекта и характер реализуемых в нем публично значимых функций, их влияние на его правовую оценку как места совершения преступления.

Ключевые слова: общественный порядок, хулиганство, транспорт общего пользования, грубое нарушение, явное неуважение к обществу, участники транспортного движения, угроза безопасной эксплуатации, источник повышенной опасности.

Для цитирования: Баранчикова М. В. О пространственном и функциональном критериях отнесения транспорта общего пользования к месту совершения хулиганства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 283–290.

ON THE SPATIAL AND FUNCTIONAL CRITERIA FOR CLASSIFYING PUBLIC TRANSPORT AS A PLACE WHERE HOOLIGANISM IS COMMITTED

Marina V. Baranchikova
Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, St. Petersburg, Russia

marina-baranchikova@yandex.ru

Annotation. The article analyzes the specific features of classifying hooliganism committed on public transport under clause «c» of Part 1 of Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation. The concept of such transport as a specific public place, its special public legal regime is examined, and the increased danger of its enclosed space compared to other public places is substantiated. It is shown that not only the transport itself but also transport infrastructure facilities pose an increased danger, since they are characterized by a large concentration of people near sources of increased danger. The article reveals

the features of the space recognized as public transport for the purposes of classifying transport related hooliganism, as well as the functional criteria focused on the social purpose of the facility and the nature of the publicly significant functions carried out there, and their impact on its legal assessment as a place where a crime is committed.

Keywords: public order, hooliganism, public transport, gross violation, obvious disrespect for society, participants in traffic, threat to safe operation, source of increased danger.

For citation: Baranchikova M. V. On the spatial and functional criteria for classifying public transport as a place where hooliganism is committed // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. 3(108). P. 283–290.

Вопросы уголовно-правовой охраны общественного порядка традиционно являются важной составляющей политики государства по обеспечению его безопасности. Приоритетность обеспечения его защиты не только констатируется, но и реально обеспечивается на законодательном уровне. Она вытекает из динамичности изменений уголовно-правовой нормы, регламентирующей ответственность за хулиганство, – одного из самых распространенных посягательств на общественный порядок.

Особую важность усиления защиты общественного порядка и безопасности в транспортной сфере подчеркивают значимые законодательные трансформации, которые претерпела диспозиция статьи о хулиганстве, затронувшая способ и место его совершения. Признание транспорта общего пользования местом совершения хулиганства одним из его криминализирующих признаков акцентировало внимание на его специфике как особого общественного места. Это стало дополнительным критерием отграничения криминального от мелкого хулиганства, основанием его дифференциации.

Высокая «потенциальная и реальная опасность для жизненно важных интересов личности, общества и государства от хулиганских действий»[1] заключается, по мнению законодателя, в замкнутости пространства такого транспорта, повышающей риски неблагоприятных последствий для жизни и здоровья пассажиров и лиц, управляющих транспортными средствами. Этим обосновано закрепление транспорта общего пользования как одного из конструктивных признаков хулиганства в п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ.

Особая общественная опасность хулиганских действий такого рода обусловлена нахождением людей на источнике повышенной опасности либо вблизи него в замкнутом пространства транспортного средства [1].

Транспорт общего пользования обладает особым публично-правовым режимом, является пространством, где сочетается открытый доступ и социально значимое назначение. Его функционирование нормативно урегулировано, подвержено определенным закономерностям, постоянному контролю, управлению, комплексному обеспечению его безопасности.

Как общественное место его характеризует территориальный, временный характер, общедоступность, всеобщность и целенаправленность [2]. При этом такой транспорт относится к местам временного пребывания со специальным административно-правовым режимом.

Характер использования транспорта опосредован внутренним распорядком работы. Общедоступность его территории ограничивается требованиями транспортной безопасности и графиком пассажирских перевозок. Массовое скопление людей рядом

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: пояснительная записка к проекту федерального закона № 572517-5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

с ним как источником повышенной опасности обосновывает необходимость соблюдения дополнительных правил, предусмотренных нормами публичного права.

Специальный публично-правовой режим поведения распространяется на неопределенный круг лиц, для которых организуются регулярные пассажирские перевозки по заранее определенному маршруту. Они имеют публичный характер, поскольку согласно ч. 2 ст. 789 ГК РФ договор перевозки транспортом общего пользования является публичным договором. Их осуществление по обращению любого гражданина, регулярность постоянного приема и обслуживания пассажиров приводят к большой концентрации людей на их территории.

Содержание общественного порядка в таких условиях включает не только обеспечение обстановки общественного спокойствия, но и нормальной работы такого транспорта, правомерного и достойного поведения граждан в процессе его функционирования.

К сожалению, транспорт общего пользования не только удовлетворяет массовую потребность в передвижении граждан, но и выступает местом совершения ими нарушений общественного порядка, в том числе хулиганства.

И. С. Крылов, рассуждая о сущности непосредственного объекта хулиганства на транспорте, справедливо считает целесообразным «исследовать общественный порядок, сужая его до границ правоотношений, связанных с оказанием гражданами услуг пассажирских перевозок» [3]. Оказание таких услуг накладывает определенные обязательства на субъектов правоотношений, где гарантиям комфорта, надежности и защищенности коррелирует обязанность пассажиров соблюдать как общепринятые, так и транспортные требования безопасности.

Несмотря на дополнительное урегулирование поведения пассажиров в едином транспортном пространстве и повышенный контроль, ряд из них совершает грубые нарушения общественного порядка как в салонах транспортных средств, так и на территории инфраструктуры транспорта, выражая явное неуважение к окружающим.

В механизме хулиганства транспорт общего пользования обладает специфическими характеристиками, которые имеют свою техническую, правовую и социальную природу. Дифференцировать и отграничить его от иных общественных мест позволяют пространственный и функциональный критерии.

Интерпретация транспорта как общественного места «осуществляется на основе системного и функционального подходов: анализируется назначение пространства, режим доступа к нему, круг лиц, которые фактически им пользуются, а также наличие специальных публично-правовых требований к поведению граждан» [4, с. 107]. Важным в таком понимании являются еще и особенности его территории.

Транспорт общего пользования (далее – ТОП) должен отвечать пространственному критерию. Он, сохраняя общие черты общественного места, обладает своей уникальностью, динамичностью, является источником повышенной опасности.

Такой транспорт в контексте п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ имеет расширительное толкование, где к нему относится железнодорожный, морской, внутренний водный или воздушный транспорт, а также любой иной транспорт общего пользования.

Практика квалификации «транспортного» хулиганства идет по пути отнесения к нему не только транспортных средств, но и объектов транспортной инфраструктуры. В обоих случаях не только нарушается общественный порядок, но и создается угроза транспортной безопасности [5]. Важным является определение как территориальной, так и функциональной специфики таких мест.

Не подлежит квалификации по п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ совершение хулиганских действий на транспорте необщего пользования, а также за пределами транспорта общего пользования и его инфраструктуры [6, с. 74].

Целостная структура рассматриваемого транспортного пространства включает только такие объекты инфраструктуры, которые напрямую связаны с транспортным движением, расположены вблизи мест ожидания пассажирами прибытия и отправления транспортных средств.

В юридической литературе со ссылками на практику судов отмечается, что «в качестве места совершения «транспортного» хулиганства может рассматриваться помещение телетрапа, примыкающего к борту воздушного судна, платформа станции метро, остановка автомобильного транспорта, железнодорожная платформа (перрон)», территория аэропорта [1, с. 7].

Если же общественный порядок нарушен в местах, функции которых не связаны с собственно процессом обеспечения движения транспорта, например: в ремонтных мастерских, диспетчерских, административных зданиях, то такие действия не могут создать угрозу пассажирам, вызвать их панику и падение на транспортные пути [7]. В рамках подобных служебно-технических зон совершение хулиганства всегда квалифицируется без применения пункта «в» части 1 ст. 213 УК РФ.

В то же время хулиганство, совершенное в пассажирской зоне (вестибюле, залах ожидания, возле касс, кафе), в отдельных случаях в судебной практике получает оценку как совершенное на транспорте общего пользования. Такой подход является неоднозначным, противоречит смыслу особой охраны безопасности пассажиров именно в связи с их транспортной перевозкой.

Так, например, по п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ были квалифицированы «действия М., который нарушал спокойствие посетителей железнодорожного вокзала в кафе, расположенном в его здании, не реагировал на замечания окружающих о прекращении хулиганских действий, повредил стекло оконного проема кафе, то есть нарушил общепризнанные правила поведения, установленные моралью, совершил без повода действия, направленные на нарушение целостности собственности. Он совершал хулиганство в присутствии работников вокзала и продавца-кассира кафе, нарушал спокойствие посетителей вокзала, кафе, расположенного в его здании»[2]. В данном апелляционном постановлении было отмечено, что «железнодорожный вокзал является частью транспортной инфраструктуры и относится к железнодорожному транспорту общего пользования, может включать в себя рестораны и буфеты» (ст. 80)[3].

Однако такое обоснование выглядит сомнительно, и для целей уголовно-правовой квалификации транспортного хулиганства оно не подходит. Если хулиганство происходит в торговых зонах, комнатах отдыха пассажиров, ресторанах и буфетах, помещениях для культурно-бытового, санитарно-гигиенического обслуживания пассажиров вокзалов, аэропортов, то есть вне перевозочного процесса, если оно буквально не создает угрозы его нормальной работе, то такие места не должны признаваться транспортом общего пользования. Посягательства на общественный порядок в помещениях, напрямую не связанных с процессом взаимодействия пассажиров и транспорта, подрывают только такой порядок, но не дестабилизируют пассажироперевозки.

Квалификация хулиганства как транспортного должна быть опосредована созданием угрозы нарушения или дестабилизации графика движения транспорта. При этом возникшая в результате совершения хулиганства угроза транспортной безопасности не зависит от того, приведено транспортное средство в движение или нет. Виновный может совершать преступление не только при поездке, но и перед отправлением поезда, водного транспорта, взлетом самолета, на территории их транспортной инфраструк-

[2] Апелляционное постановление Ленинградского областного суда от 7 сентября 2023 года по делу № 22-1515/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[3] Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

туры. Хулиганство будет квалифицироваться по п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ при установлении связи места совершения хулиганства с транспортной функцией.

Примечательно, что восприятие людьми транспорта как общественного пространства является иным, чем других общественных мест. Его пространственные границы и строгий график движения ограничивают возможность свободного перемещения. Зависимость от времени пребывания в нем и постоянное нахождение в окружении других пассажиров обосновывают более высокий потенциальный уровень напряженности и стресса у людей, в отличие от пребывания, например, в парках, скверах, на площадях.

При грубом нарушении общественного порядка создается напряженная и нервозная обстановка в салоне, вагоне, может подвергаться опасности жизнь и здоровье пассажиров и лиц, управляющих транспортом [5]. Поводом для совершения хулиганства часто выступает недовольство граждан обстановкой их поездки, необходимостью соблюдения ограничений, связанных с исполнением обязанностей пассажира.

Наряду с пространственным критерием, фиксирующим доступность и границы определенной территории или помещения, в судебной практике устойчиво применяется функциональный критерий, ориентированный на социальное назначение объекта и характер реализуемых в нем публично значимых функций. При таком подходе решающее значение приобретает не только возможность доступа неопределенного круга лиц, но и то, что соответствующее пространство специально предназначено для обслуживания населения, удовлетворения повседневных потребностей граждан в их передвижении, отдыха, получении транспортных услуг.

Транспорт, указанный в статье 213 УК РФ, всегда следует понимать не формально (как любую территорию транспортного узла), а функционально – как пространство, где осуществляется или обеспечивается перевозка людей и работа транспортной системы.

Как транспортное средство он «технически должен был предназначен для перевозки физических лиц, грузов, багажа, ручной клади, личных вещей граждан и в момент преступного посягательства должен использоваться для осуществления пассажирской перевозки, осуществляемой при условии удовлетворения обращений неопределенного круга лиц [8].

Справедливо мнение, что «основанием разграничения уголовной и административной ответственности за совершение одних и тех же хулиганских действий не может выступать исключительно вид общественного места» [9, с. 65]. Одного лишь факта совершения хулиганства на рассматриваемом виде транспорта недостаточно, необходимы дополнительные условия.

Другим важным моментом квалификации транспортного хулиганства является его публичность, связанная с наличием лиц, обеспечивающих и осуществляющих перевозку. Характер места определяется не только видом транспорта, но и его фактическим использованием в присутствии пассажиров, кондукторов, водителей, проводников, экипажа, обслуживающего персонала.

Характерными чертами проявления хулиганских побуждений во время движения транспортных средств являются «замкнутое пространство, ограниченный контингент «слушателей и зрителей», желание продемонстрировать себя и свои возможности, отсутствие интеллектуальных способностей для избрания другого способа» [10].

Хулиганские действия как проявление явного неуважения к обществу характеризуются «открытым, демонстративным пренебрежением к общепринятым нормам морали и поведения, желании противопоставить себя обществу, продемонстрировать вседозволенность. Эти действия часто сопровождаются цинизмом, дерзостью, стремлением оскорбить и унизить других лиц» [11, с. 77], совершаются в присутствии или в отношении пассажиров, работников транспорта, создают угрозу нормальной его работе, спокойствию граждан. Они часто посягают не только на общественный порядок, но и на собственность

транспортных организаций, здоровье его пассажиров, кондукторов, водителей. Конфликты на транспорте чаще других перерастают в применение физической силы.

Специфика субъектов и потерпевших от хулиганства состоит в их принадлежности к определенному виду участников транспортного движения. Все они имеют дополнительные обязанности, в отличие от граждан, находящихся в иных общественных местах. Поведение пассажиров регламентировано правилами нахождения на транспорте: с момента доступа в него по билету до прекращения выполнения специальных норм пребывания их в салонах и на объектах инфраструктуры. Способы регулирования общественного порядка на транспорте включают, наряду с моральными общепринятыми правовыми нормами, специальные ограничения, опосредованные транспортным режимом.

Таким образом, можно сделать ряд выводов:

1. К транспорту общего пользования необходимо относить, наряду с транспортными средствами, только те объекты, где в момент совершения хулиганства происходило или обеспечивалось движение транспортных средств, посадка и высадка пассажиров, безопасность их перевозок, обслуживание рейсов. Если же хулиганские действия совершались вне перевозочного процесса, например на привокзальной площади, в торговых зонах вокзалов, служебных и других подобных помещениях, то такие места не должны признаваться транспортом общего пользования в смысле признака, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ.

2. Будучи местом постоянной концентрации большого количества людей на относительно небольшой территории, в ограниченном пространстве, транспорт обладает своеобразием как источник повышенной опасности, имеет свои пространственные особенности и публично-правовой режим. Хулиганство на транспорте общего пользования может совершаться как в процесс его движения, так вне его, а также в местах, обслуживающих транспорт, если в них осуществляется деятельность, связанная с перевозками.

3. Указанный в статье 213 УК РФ транспорт всегда следует понимать не только формально, но и функционально – как пространство, где осуществляется перевозка людей и работа транспортной системы. Социальное назначение пространства транспорта, состоящее в обеспечении пассажирских перевозок, предъявляет дополнительные публично-правовые требования к гражданам. Поведение участников транспортных правоотношений строго регламентировано правилами перевозок, связанными с эксплуатацией объектов повышенной опасности, что диктует особые меры безопасности их работы и обеспечения общественного порядка.

4. При совершении хулиганства в сфере пассажирских перевозок в условиях сочетания локальности и публичности должна существовать реальность угрозы вовлеченности участников транспортного движения в нарушение общественного порядка. Посягательства на него обычно сопряжены с нарушением графика перевозок пассажиров, приводят к дестабилизации движения транспорта, сбою работы его сети.

В современных условиях именно нарушение общественного порядка в ходе функционирования транспорта общего пользования, создающее угрозу безопасности движения и спокойствию пассажиров, придает хулиганству повышенную общественную опасность и обосновывает применение п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ. Правильный учет взаимосвязи пространственного и функционального критериев позволяет осуществить оптимальную уголовно-правовую оценку транспортного хулиганства.

---

1. Кунашев А. А. Хулиганские действия на транспорте: актуальные проблемы уголовно-правовой квалификации // Законность. 2025. № 4. С. 38–44.
2. Трунцевский Ю. В., Полтарыгин Р. В. Нормативно-правовое определение общественного места объектов транспортной инфраструктуры как места совершения преступления // Журнал российского права. 2017. № 9. С. 76–85.

3. Крылов И. С. Общественный порядок на транспорте как объект уголовно-правовой охраны // Академическая мысль. 2022. № 4. С. 190–194.
4. Ковалева Н. В. Понятие «общественное место» по законодательству Российской Федерации // Актуальные проблемы государства и права. Том 10. № 1(37). 2026. С. 106–117.
5. Степанова И. Б., Соколова О. В. Проблемные вопросы квалификации хулиганства // Российская юстиция. 2024. № 11. С. 16–25.
6. Баранчикова М. В. Уголовная ответственность за хулиганство на транспорте и его отграничение от смежных составов правонарушений // Сибирский юридический вестник. 2019. № 2(85). С. 71–76.
7. Курсаев А. В. Хулиганство, совершенное на транспорте общего пользования // Уголовное право. 2025. № 8. С. 42–62.
8. Крылов И. С. О подходах к квалификации нарушений общественного порядка, совершенных на транспорте // Транспортное право и безопасность. 2023. № 1(45). С. 70–78.
9. Ивашнева А. А., Гришин А. В. Некоторые проблемные аспекты квалификации хулиганства и его разграничение со смежными составами // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: сборник статей всероссийских научно-практических конференций. Орел, 28 марта 2025 г. Орел: Орловский юридический институт МВД Росии имени В. В. Лукьянова, 2025. С. 60–66.
10. Голик Ю. В. Ответственность за хулиганство: изменение законодательства // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 8(129). С. 162–166.
11. Былинин И. А., Шукаева И. Н. Опасное вождение как хулиганство на автомобильных дорогах: проблемы, особенности правового трактования, профилактика правонарушений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 73–82.

1. Kunashev A. A. Xuliganskie dejstviya na transporte: aktual`ny`e problemy` ugolovno-pravovoj kvalifikacii // Zakonnost`. 2025. № 4. S. 38–44.
2. Truncevskij Yu. V., Poltary`gin R. V. Normativno-pravovoe opredelenie obshhestvennogo mesta ob``ektov transportnoj infrastruktury` kak mesta soversheniya prestupleniya // Zhurnal rossijskogo prava. 2017. № 9. S. 76–85.
3. Kry`lov I. S. Obshhestvenny`j poryadok na transporte kak ob``ekt ugolovno-pravovoj oxrany` // Akademicheskaya my`sl`. 2022. № 4. S. 190–194.
4. Kovaleva N. V. Ponyatie «obshhestvennoe mesto» po zakonodatel`stvu Rossijskoj Federacii // Aktual`ny`e problemy` gosudarstva i prava. Tom 10. № 1(37). 2026. S. 106–117.
5. Stepanova I. B., Sokolova O. V. Problemny`e voprosy` kvalifikacii xuliganstva // Rossijskaya yusticiya. 2024. № 11. S. 16–25.
6. Baranchikova M. V. Ugolovnaya otvetstvennost` za xuliganstvo na transporte i ego otgranichenie ot smezhny`x sostavov pravonarushenij // Sibirskij yuridicheskij vestnik. 2019. № 2(85). S. 71–76.
7. Kursaev A. V. Xuliganstvo, sovershennoe na transporte obshhego pol`zovaniya // Ugolovnoe pravo. 2025. № 8. S. 42–62.
8. Kry`lov I. S. O podxodax k kvalifikacii narushenij obshhestvennogo poryadka, sovershenny`x na transporte // Transportnoe pravo i bezopasnost`. 2023. № 1(45). S. 70–78.
9. Ivashneva A. A., Grishin A. V. Nekotory`e problemny`e aspekty` kvalifikacii xuliganstva i ego razgranichenie so smezhny`mi sostavami // Ugolovno-processual`ny`e i kriminalisticheskie problemy` bor`by` s prestupnost`yu: sbornik statej vserossijskix nauchno-prakticheskix konferencij. Oryol, 28 marta 2025 g. Oryol: Orlovskij yuridicheskij institut MVD Rosii imeni V. V. Luk`yanova, 2025. S. 60–66.

10. Golik Yu. V. Otvetstvennost` za xuliganstvo: izmenenie zakonodatel`stva // Lex Russica (Russkij zakon). 2017. № 8(129). S. 162–166.
11. By`linin I. A., Shukaeva I. N. Opasnoe vozhdenie kak xuliganstvo na avtomobil`ny`x dorogax: problemy`, osobennosti pravovogo traktovaniya, profilaktika pravonarushenij // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2025. № 3(104). S. 73–82.

Информация об авторе

Марина Вячеславовна Баранчикова. Заместитель начальника кафедры уголовного права, кандидат юридических наук, доцент.
Санкт-Петербургский университет МВД России.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1.

Information about the author

Marina V. Baranchikova. Deputy Head of the Chair of Criminal Law, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.
Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia.
198206, Russia, St. Petersburg, St. Pilot Pilyutov, 1.

Статья поступила в редакцию 06.08.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 06.08.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 343.10

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Быстрова Юлия Викторовна
Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, Орел, Россия

zukova57@mail.ru

Аннотация. С использованием проблемного подхода в статье анализируется институт присяжных заседателей. Предлагаются основные направления совершенствования института присяжных заседателей в целях наиболее эффективного его функционирования. Автор приходит к выводу, что модернизация института присяжных заседателей необходима с позиций нормативно-правовых и организационных подходов. Каждое предложенное нововведение обосновывается правоприменительной практикой.

Среди основных направлений модернизации института присяжных заседателей предлагается: усовершенствование порядка составления списков кандидатов в присяжные заседатели как в автоматизированной системе «Выборы», так и путем создания во всех регионах отдельной системы, занимающейся исключительно вопросом формирования коллегии присяжных заседателей; необходимость указания в базах данных всей информации о кандидате, а именно: возраст, наличие судимости, а также контактные данные (номер телефона, адрес электронной почты), что позволит обеспечить контроль над соблюдением уголовно-процессуальных норм, открытость судебного процесса и доверие граждан к судебной ветви власти.

Ключевые слова: уголовный процесс, правосудие, состав суда, институт присяжных заседателей, коллегия присяжных заседателей, кандидаты в присяжные заседатели, вердикт.

Для цитирования: Быстрова Ю. В. Приоритетные направления совершенствования института присяжных заседателей в российском уголовном судопроизводстве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 291–297.

PRIORITY AREAS FOR IMPROVING THE INSTITUTE OF JURY MEMBERS IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Yulia V. Bystrova
Oryol State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russia

zukova57@mail.ru

Annotation. Using a problem-based approach, the article analyzes the institution of jurors. The main directions for improving the institution of jurors are proposed in order to ensure its most effective functioning. The authors conclude that the modernization of the institution of jurors is necessary from the standpoint of regulatory and organizational approaches. Each proposed innovation is justified by law enforcement practice.

Among the main directions of modernization of the institute of jurors, it is proposed to improve the procedure for compiling lists of candidates for jurors both in the automated «Elections» system and by creating a separate system in all regions dealing exclusively with the issue of forming a panel of jurors. The need to indicate in databases all information about the candidate, namely: age, criminal record, as well as contact information (phone number, email address) for subsequent summons to the court session. The requirements for jurors, namely, the inclusion of a requirement for secondary (higher) professional education are added. Legal education of citizens and their legal training through special courses and trainings. The use of modern technologies in this form of criminal proceedings, which will ensure control over compliance with criminal procedural norms, openness of the judicial process.

Keywords: criminal proceedings, justice, court composition, jury system, jury panel, jury candidates, verdict.

For citation: Bystrova Y. V. Priority areas for improving the institute of jury members in russian criminal proceedings // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 291–297.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что суд присяжных заседателей занимает особое место в судебной системе российского государства. Он предоставляет гражданам уникальную возможность участвовать в отправлении правосудия, что обеспечивает доступность и открытость судебного разбирательства.

Провозглашение Российской Федерации демократическим правовым государством в Конституции в 1993 года[1] обусловило реформирование судебной системы, в том числе возрождение суда присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве. Данное обстоятельство потребовало от законодателя принятия мер, направленных на укрепление позиций рассматриваемого уголовно-процессуального института.

Наряду с этим необходимо отметить, что институт присяжных заседателей является одним из самых противоречивых и дискуссионных. В научных кругах с момента его появления и до сих пор наблюдаются споры, касающиеся его необходимости и эффективности. Одни ученые отмечают его передовой характер, позволяющий усилить доверие населения к судебной системе, обеспечить объективность судебного процесса. Другие считают его пережитком прошлого и высказывают мнения о том, что вершить судьбу подсудимого может только профессиональный судья [1, с. 101].

Глобальность судебной реформы, направленной на совершенствование института присяжных заседателей в России, его противоречивый и дискуссионный характер, а также существующие проблемы, связанные с его функционированием, подчеркивают актуальность, теоретическую и практическую значимость затронутых в исследовании вопросов.

Статистические данные Судебного департамента при Верховном суде РФ позволяют говорить о том, что количество уголовных дел, рассматриваемых с участием присяжных заседателей, с момента проведения реформы в 2016 году с каждым годом возрастало до 2022 года. С января 2023 года стала наблюдаться противоположная тенденция. Согласно статистическим данным, «в 2022 году было окончено производство по 1 092 делам, которые рассматривались с участием присяжных, в 2023 году – по 1 081 делу, в 2024 году присяжные рассмотрели 832 дела» [2]. Несмотря на проведение государством комплексной реформы, направленной на закрепление института суда присяжных заседателей, его порядка функционирования, расширения подсудности, увели-

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

чения территории его распространения, до сих пор не решенными остаются определенные проблемы, которые влияют на эффективность применения данного института.

Проблемы реализации института присяжных заседателей дают основание полагать, что он нуждается в совершенствовании. Это является необходимым, поскольку судебный процесс при участии присяжных заседателей способствует укреплению доверия общества к государству. При непосредственном участии граждан в осуществлении правосудия в роли присяжных заседателей они могут убедиться в законности и справедливости вынесенного решения, а также повысить уровень своего правосознания [3 с. 25].

Как верно отмечает Н. С. Грудинин: «Хочется верить, что реформирование суда присяжных в России, которое активно проводится в настоящее время, только укрепит позиции данного института в глазах россиян и усилит авторитет судебной власти в стране» [4, с. 122].

Считаем, что преодоление существующих на данный момент проблем возможно при помощи комплексного подхода с применением мер организационного и правового характера.

Необходимо начать с процедуры формирования коллегии присяжных заседателей. Ст. 5 ФЗ от 20.08.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации»[2] закрепляет, что на данный момент кандидаты в присяжные заседатели муниципального образования определяются путем случайной выборки с использованием Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» (далее – ГАС «Выборы») на основе содержащихся в ее информационном ресурсе персональных данных об избирателях. Однако данная система имеет определенные недостатки. Во-первых, сведения, содержащиеся в ней, со временем устаревают, поскольку база данных обновляется в основном в период проведения выборов и референдума («умер», «убыл» и т. д.). Во-вторых, в данной системе целесообразно было бы указать характеристики, которые бы показывали, соответствует ли кандидат требованиям, необходимым для присяжного заседателя (возраст, дееспособность, судимость). Это бы позволило существенно сократить судам время при формировании списков. В-третьих, ГАС «Выборы» недостаточно взаимодействует с базами данных других органов. Например, возникают ситуации, когда в списки попадают уже умершие люди. «Происходит это оттого, что между компьютерными программами органов записи актов регистрации гражданского состояния и государственной автоматизированной системой «Выборы» нет никакого взаимодействия» [5, с. 81].

Положительным практическим опытом в функционировании института присяжных заседателей выступает созданная в отдельных регионах автоматизированная автономная система для формирования общего и запасного списков кандидатов в присяжные заседатели. В настоящее время в качестве пилотного проекта «Автоматизированная система «Формирование списков кандидатов в присяжные заседатели» Территориальной отраслевой региональной информационной системы (АС, ТОРИС)» апробирована в Санкт-Петербурге.

Требуют критического переосмысления и вопросы, связанные с неявкой кандидатов в присяжные заседатели в суд. В настоящий момент ответственность за данную неявку законодательством не предусмотрена, кроме случая, когда гражданин уже принес присягу присяжного заседателя и стал полноправным участником уголовного процесса. В этом случае налагается денежное взыскание в размере до двух тысяч пятисот рублей. Считаем необходимым установить ответственность для кандидатов в присяжные заседатели за неявку в суд, которая может выражаться в вынесении предупрежде-

[2] О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ния в адрес кандидата либо наложении штрафа. Данные меры могут финансово стимулировать явку присяжных заседателей в судебный процесс. Необходимо подчеркнуть, что ФЗ от 20.08.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» гарантировано возмещение расходов, связанных с деятельностью присяжного (компенсационное вознаграждение, командировочные расходы, а также транспортные расходы на проезд к месту нахождения суда). В то время как в других странах, например в Великобритании, услуги присяжного заседателя не оплачиваются.

В качестве предложения по совершенствованию может выступать доработка способов извещения присяжных заседателей. Почтовые извещения давно являются неактуальными, поскольку база данных может содержать устаревшую информацию о месте жительства, также не исключается задержка в работе почтовых служб. Почтовые ящики все реже используются людьми, а актуальность приобретает портал «Госуслуги», который постепенно используется судами для оповещения граждан. В уведомлениях содержатся сведения о включении лица в список от соответствующих муниципальных органов или о приглашении на отбор в коллегию присяжных заседателей. Практика показывает, что большинство граждан – претендентов в присяжные заседатели – не имеют представления об уголовном процессе, в связи с чем считаем необходимым указывать в уведомлениях информационно-разъяснительный материал о статусе присяжного заседателя и важности исполнении гражданского долга. Также необходимо дублировать информацию посредством SMS-сообщений или электронной почты, что позволит оптимизировать работу суда и сэкономить бюджетные средства.

Еще одно направление совершенствования института присяжных заседателей – повышение уровня подготовки, грамотности присяжных заседателей. Существующий на данный момент низкий уровень просвещенности населения о данном уголовно-процессуальном институте представляет собой существенную проблему, снижающую его эффективность. Ввиду того что у многих граждан отсутствуют знания о процессуальной роли присяжных заседателей, правилах оценки доказательств, принятое ими решение может быть вынесено исключительно на основе эмоционального фактора, а не объективного исследования доказательств. Для того чтобы решить данную проблему, необходимо разработать специализированную программу, включающую в себя проведение различных тренингов, лекций и семинаров. В рамках этих занятий кандидаты в присяжные заседатели должны получить базовые знания о судебной системе, принципах уголовного процесса и доказательственного права. Следует также акцентировать внимание на роли и значимости присяжных заседателей в судебном процессе. Благодаря просветительской работе с ними решится и проблема возможных сложных формулировок в вопросном листе. Обилие юридических терминов делает вопросный лист непонятным и сложным для восприятия присяжных заседателей.

Кроме этого, в ходе судебного заседания присяжные заседатели могут столкнуться с психологической нагрузкой. Уголовное судопроизводство с участием присяжных заседателей производится по наиболее тяжким составам преступлений[3], в связи с чем в зале суда исследуются доказательства, вызывающие негативные эмоции и стресс, например: фотографии потерпевшего с места совершения преступления, на которых изображено изуродованное тело и обилие крови; видеозаписи, описывающие детальное описание насилия над жертвой; показания потерпевшей от сексуального насилия и многое другое. Эти доказательства способны вызвать у присяжных заседателей тревожность, гнев и эмоциональное потрясение. В связи с этим целесообразно будет предоставить коллегии присяжных заседателей право на бесплатные консультации

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

у психолога на всех этапах судебного разбирательства. Это поможет уменьшить уровень стресса и более взвешенно подойти к принятию решения.

Считаем целесообразным добавить к уже существующим новые требования, позволяющие гражданину быть присяжным заседателем, а именно включить в перечень требование о наличии среднего (высшего) профессионального образования. «Образование включает в себя большой опыт, который оказывает обучающее воздействие на характер, сознание и умственные способности человека» [6, с. 486]. Оно отражает способность человека к аналитическому мышлению и показывает уровень его грамотности. Поскольку в ходе судебного разбирательства присяжным заседателям необходимо оценивать достоверность доказательств, работать со сложными и объемными текстами, а в конечном итоге решать судьбу подсудимого, руководствуясь внутренними убеждениями и жизненным опытом, образование является необходимым.

Еще одной проблемой, возникающей при формировании коллегии присяжных заседателей, выступает большая территория нашего государства с различной степенью заселения. Практика показывает, что в удаленных районах, селах, деревнях проживает небольшое количество человек. Однако действующее уголовно-процессуальное законодательство данный факт не учитывает. Коллегия присяжных заседателей комплектуется одинаково во всех регионах независимо от количества населения, что, на наш взгляд, является неразумным. Наиболее верным решением будет учет административно-территориальных особенностей отдельных регионов, как это сделано во многих зарубежных странах. Так, «в США в 33 штатах из 50 вполне допустимо рассматривать уголовные дела коллегией присяжных численностью меньше 12 человек» [7, с. 225]. В РФ можно предусмотреть неординарный состав присяжных заседателей для территорий с малым количеством человек. Так, для районных судов – 1 судья-профессионал и коллегия из 4 присяжных заседателей, для уровня субъектов – 1 судья-профессионал и 6 присяжных заседателей.

На этапе формирования коллегии присяжных заседателей необходимо усилить проверку граждан на судимость и совершение административных правонарушений. Осуществление данной меры возможно посредством направления соответствующих запросов в МВД России, ФСИН России, ФСБ России. Получение соответствующей информации позволит узнать о возможной связи лица с криминальными структурами. Выявление совершения административных правонарушений против общественного порядка может указывать на импульсивность, несдержанность лица, его неуважение к установленным в обществе нормам и закону. Поэтому такое лицо ни в коем случае не может выступать в роли присяжного заседателя и вершить судьбу другого человека.

В качестве перспективы совершенствования института присяжных заседателей можно предусмотреть обязательную аудио- и видеофиксацию судебного процесса с их участием. Исключением будет являться совещательная комната, в которой происходит обсуждение вердикта. Аудио- и видеозапись позволит фиксировать весь ход судебного разбирательства, выступление сторон защиты и обвинения. Также усилится возможность контроля над соблюдением участниками процесса норм уголовно-процессуального законодательства. Кроме того, поскольку в суде с участием присяжных заседателей рассматриваются наиболее резонансные уголовные дела, аудио- и видеофиксация позволит СМИ освещать ход судебного заседания. Практику использования видеозаписи в судебном процессе уже используют многие зарубежные государства. Так, «лидерами в данной области являются Сингапур, Великобритания и США, в которых «электронное правосудие» является полноценным аналогом очного рассмотрения дел, а по некоторым категориям дел так и вообще единственно возможным способом организации взаимодействия участников процессуальных отношений» [8, с. 13].

В результате проведенного теоретического анализа удалось выявить приоритетные направления совершенствования института присяжных заседателей – организаци-

онное и нормативно-правовое. Данные направления необходимо реализовывать в комплексе. Модернизация системы присяжных заседателей требует нескольких ключевых изменений. Прежде всего, необходимо правовое просвещение граждан через специализированные тренинги и курсы для укрепления значимости этого института в обществе. Следует также пересмотреть квалификационные требования к кандидатам, включив обязательное наличие среднего или высшего профессионального образования. Важным шагом станет либо совершенствование существующей автоматизированной системы «Выборы», либо разработка отдельной системы для формирования коллегий присяжных во всех регионах страны. Информационные базы должны содержать исчерпывающие сведения о каждом потенциальном присяжном: возрастные данные, сведения о судимости, а также актуальные контактные данные, включая телефон и электронную почту, что обеспечит эффективную коммуникацию при вызове в суд.

1. Гриб В. Г., Быстрова Ю. В. Институт присяжных заседателей в российском уголовном судопроизводстве: за и против // Право и государство: теория и практика. 2022. № 9(213). С. 101–104.
2. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/index.php?id=5 (дата обращения: 01.11.2025).
3. Купряшина Е. А., Черкасова Е. А. Участие граждан в отправлении правосудия в России и зарубежных государствах // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 1. С. 25–28.
4. Грудинин Н. С. Перспективы реформирования суда присяжных заседателей в российском уголовном процессе // Юридический вестник ДГУ. 2018. № 3. С. 122–126.
5. Петрикина А. А., Бородинова Т. Г., Губко И. В. Информационные и цифровые технологии при рассмотрении уголовных дел судом с участием присяжных заседателей в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки, 2023. Т. 27. № 3. С. 81–86.
6. Балабанова Я. Е. Вопросы совершенствования требований, предъявляемых к присяжным заседателям // Молодой ученый. 2023. № 20(467). С. 486–489.
7. Кулмаханова Л. Ш., Култасов А. А. Правовые основы деятельности суда присяжных в зарубежных странах // Наука и современность. 2013. № 23. С. 225–233.
8. Юркевич М. А. Выбирать ли в уголовном судопроизводстве участие в судебном заседании посредством видеоконференц-связи взамен личного участия? // Право и политика. 2021. № 1. С. 13–17.

1. Grib V. G., By`strova Yu. V. Institut prisyazhny`x zasedatelej v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve: za i protiv // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2022. № 9(213). S. 101–104.
2. Oficial`ny`j sajt Sudebnogo departamenta pri Verxovnom Sude Rossijskoj Federacii. URL: https://cdep.ru/index.php?id=5 (data obrashheniya: 01.11.2025).
3. Kupryashina E. A., Cherkasova E. A. Uchastie grazhdan v otpravlenii pravosudiya v Rossii i zarubezhny`x gosudarstvax // Problemy` pravooxranitel`noj deyatel`nosti. 2018. № 1. S. 25–28.
4. Grudinin N. S. Perspektivy` reformirovaniya suda prisyazhny`x zasedatelej v rossijskom ugolovnom processe // Yuridicheskij vestnik DGU. 2018. № 3. S. 122–126.
5. Petrikina A. A., Borodinova T. G., Gubko I. V. Informacionny`e i cifrovy`e texnologii pri rassmotrenii ugolovny`x del sudom s uchastiem prisyazhny`x zasedatelej v Rossii // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Ser.: Yuridicheskie nauki, 2023. T. 27. № 3. C. 81–86.
6. Balabanova Ya. E. Voprosy` sovershenstvovaniya trebovanij, pred``yavlyaemy`x k prisyazhny`m zasedatelyam // Molodoj ucheny`j. 2023. № 20(467). S. 486–489.

7. Kulmaxanova L. Sh., Kultasov A. A. Pravovy`e osnovy` deyatel`nosti suda prisyazhny`x v zarubezhny`x stranax // Nauka i sovremennost`. 2013. № 23. S. 225–233.
8. Yurkevich M. A. Vy`birat` li v ugolovnom sudoproizvodstve uchastie v sudebnom zasedanii posredstvom videokonferencz-svyazi vzamen lichnogo uchastiya? // Pravo i politika. 2021. № 1. S. 13–17.

Информация об авторе

Юлия Викторовна Быстрова. Заведующий кафедрой уголовно-правовых и комплексных правовых дисциплин, доктор юридических наук, доцент.
Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева.
302026, Россия, г. Орел, ул. Комсомольская, 95.

Information about the author

Yulia V. Bystrova. Head of the Chair of Criminal Law and Complex Legal Disciplines, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor.
Oryol State University named after I. S. Turgenev.
302026, Russia, Oryol, Komsomolskaya St., 95.

Статья поступила в редакцию 02.07.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 02.07.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 343.102

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ «ПОЛУЧЕНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ»: ОТДЕЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Васюков Виталий Федорович[1], Муравьева Марина Александровна[2]
[1]Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева, Москва, Россия
[2]ФГКУ «ВНИИ МВД России», Москва, Россия

[1]vvf0109@yandex.ru
[2]Liza1309@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена отдельным теоретическим и практическим вопросам оперативно-розыскного мероприятия «получение компьютерной информации». Акцентируется внимание на истории его появления в составе «пакета Яровой» и цели законодателя. Раскрыто содержание мероприятия, его субъекты, способы проведения и отграничение от смежных оперативно-розыскных мероприятий; рассмотрены основания и вопрос о судебном решении, а также практические трудности, связанные с шифрованием и правовыми рисками. Отмечена незавершенность правового регулирования и сформулированы предложения по достройке процедуры мероприятия.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, получение компьютерной информации, «пакет Яровой», дистанционные преступления, электронные доказательства, удаленный доступ, судебное решение.

Для цитирования: Васюков В. Ф. Оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации»: отдельные теоретические и практические вопросы // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 298–305.

THE OPERATIONAL-SEARCH MEASURE «OBTAINING COMPUTER INFORMATION»: CERTAIN THE ORETICAL AND PRACTICAL ISSUES

Vitaly F. Vasyukov[1], Marina Al. Muravyeva[2]
[1]Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia
[2]«NRI of the Ministry of Interior of Russia», Moscow, Russia

[1]vvf0109@yandex.ru
[2]Liza1309@mail.ru

Annotation. The article examines certain theoretical and practical issues of the operational-search measure of «obtaining computer information». It traces the history of its emergence as part of the «Yarovaya package» and the aims of the legislator. The content of the measure, its subjects, the methods of its conduct and its distinction from related operational-search measures are revealed, and the grounds, the question of judicial authorisation and the practical difficulties connected with encryption and legal risks

are considered. The incompleteness of the legal regulation is noted, and proposals for completing the procedure of the measure are formulated.

Keywords: operational-search activity, obtaining computer information, «Yarovaya package», remote crimes, electronic evidence, remote access, judicial authorisation.

For citation: Vasyukov V. F. The operational-search measure «obtaining computer information»: certain the oretical and practical issues // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanova. 2026. № 3(108). P. 298–305.

Преступность все заметнее смещается в цифровую среду, и значительная ее часть приобретает дистанционный характер – деяние совершается удаленно, через информационно-телекоммуникационные сети, без физического контакта преступника с потерпевшим и местом совершения. Следы при этом остаются не на материальных объектах, а в памяти компьютеров, на серверах и в «облачных» хранилищах. Это ставит перед органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД), задачу, прежде не стоявшую так остро, – научиться законно и технически корректно извлекать сведения, существующие лишь в форме электрических сигналов.

Особую сложность создают деяния, совершаемые дистанционно, с использованием электронных средств платежа, при которых материальные следы отсутствуют, а доказательственное значение имеют практически одни электронно-цифровые следы [1, с. 263].

Российский законодатель отреагировал на этот вызов в 2016 году. Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ[1] перечень оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»[2] был дополнен новым самостоятельным мероприятием – получением компьютерной информации. Само понятие компьютерной информации к тому моменту уже было закреплено в уголовном законе – согласно примечанию 1 к статье 272 УК РФ под ней понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи[3].

Однако нормативное нововведение носит лишь общий характер. Подзаконные акты, раскрывающие содержание мероприятия, его субъектов, объекты и процедуру, приняты не были, а законодательное определение самого мероприятия отсутствует, отчего основная нагрузка по уяснению его природы легла на научную литературу [2, с. 83].

Следует отметить, что получение компьютерной информации появилось в перечне оперативно-розыскных мероприятий не отдельным законопроектом, а в составе так называемого «пакета Яровой» – двух федеральных законов от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ и № 375-ФЗ, внесенных депутатом Государственной Думы И. А. Яровой и сенатором В. А. Озеровым в качестве дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности[4].

Соответствующий законопроект № 1039149-6 стал Федеральным законом № 374-ФЗ, которым были скорректированы Федеральный закон «О противодействии терроризму» и ряд иных актов. Именно этим законом перечень оперативно-розыскных

---

[1] О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»: Федер. закон Рос. Федерации от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон Рос. Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Президент РФ подписал антитеррористический «пакет Яровой»: новость. Гарант.ру. URL: https://www.garant.ru/news/782190 (дата обращения: 03.06.2026).

мероприятий статьи 6 Закона об ОРД был дополнен новым самостоятельным мероприятием – получением компьютерной информации.

Декларированная цель пакета – усиление противодействия терроризму и обеспечение общественной безопасности, что прямо отражено в наименовании закона. Основное внимание законодатель уделил обязанностям операторов связи и организаторов распространения информации по хранению сообщений пользователей, образующим ресурсную базу для последующего доступа правоохранительных органов к данным. Порядок, сроки и объем такого хранения отнесены к компетенции Правительства и впоследствии установлены постановлением от 12 апреля 2018 г. № 445[5].

Характерно, что само новое мероприятие в сопроводительных материалах к законопроекту отдельно не раскрывалось – оно вводилось в общем русле антитеррористических мер. Отсюда вытекает и одна из исходных теоретических трудностей: законодатель закрепил инструмент, не определив ни его содержания, ни процедуры, что и предопределило последующую опору на научную литературу при уяснении природы мероприятия [2, с. 84].

Прямого легального определения цели мероприятия закон не дал, поэтому ее приходится выводить из трех опор – декларированного назначения Федерального закона № 374-ФЗ, механизма, заложенного в части 4 статьи 6 Закона об ОРД, и той инфраструктуры хранения данных, которую создает постановление Правительства № 445.

Декларированное назначение закона, давшего жизнь мероприятию, – усиление противодействия терроризму и обеспечение общественной безопасности. Однако как самостоятельное мероприятие получение компьютерной информации (далее – ПКИ) обслуживает весь круг задач оперативно-розыскной деятельности, закрепленный в статье 2 Закона об ОРД: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также установление причастных к ним лиц. Применительно к цифровой среде это означает переориентацию классических задач ОРД на источники, существующие лишь в форме компьютерной информации.

С учетом сказанного цель ОРМ ПКИ можно сформулировать как негласное получение оперативно значимых сведений, хранящихся в компьютерных системах либо передаваемых по информационно-телекоммуникационным сетям в условиях, когда доступ к ним требует возможностей оперативно-технических подразделений [2, с. 87]. Из этой цели вытекает несколько задач, и их обособление имеет не только описательное, но и разграничительное значение: оно показывает, что отличает мероприятие от смежных и где проходят пределы его законного проведения.

1. Познавательная задача – обнаружение и фиксация компьютерной информации о лицах, событиях и связях, представляющих оперативный интерес, в том числе хранящейся на серверах, в дата-центрах и «облачных» хранилищах. Ее особенность в том, что искомые сведения существуют лишь в форме электрических сигналов и чаще всего пребывают в состоянии хранения, оставаясь недоступными для мероприятий, рассчитанных на перехват сообщений в момент их передачи.

2. Задача обеспечения доступа – копирование или изъятие такой информации с преодолением технических и программных средств защиты. Именно потребность в специальных средствах и в помощи оперативно-технических подразделений отделяет мероприятие от свободного ознакомления с открытыми данными, доступного любому пользователю и к ПКИ не относящегося.

[5] Об утверждении Правил хранения операторами связи текстовых сообщений пользователей услугами связи, голосовой информации, изображений, звуков, видео- и иных сообщений пользователей услугами связи: постановление Правительства Рос. Федерации от 12 апреля 2018 г. № 445. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Задача удаленного доступа – получение сведений с компьютера или сервера по сетям, когда непосредственный физический доступ исключен или нецелесообразен. Она прямо отвечает дистанционному характеру преступности, при котором носители информации могут находиться в любой точке страны и за ее пределами.

4. Задача использования инфраструктуры хранения – истребование и использование сведений из массивов, которые операторы связи обязаны хранить в силу постановления Правительства № 445, что превращает накопленные данные в ресурсную базу мероприятия.

5. Обеспечительная задача – закрепление полученных результатов в форме, пригодной для последующей легализации и использования в доказывании. Именно здесь сосредоточены практические трудности, поскольку перенос компьютерной информации на материальный носитель и придание ей доказательственного значения нормативно не урегулированы [1, с. 268].

Проведение мероприятия закон возложил на оперативно-технические силы и средства органов федеральной службы безопасности и органов внутренних дел [3, с. 186], что и отграничивает получение компьютерной информации от ознакомления с открытыми данными, доступными любому пользователю.

Поскольку легального определения закон не дал, содержание ПКИ приходится выводить из научной литературы и ведомственной практики. В разъяснениях к Закону № 374-ФЗ мероприятие сведено к копированию и изъятию виртуальной информации с жестких дисков сетевых компьютеров и серверов, в том числе из «облачных» хранилищ, путем удаленного доступа к ним по сети Интернет. В данном контексте заслуживает внимания позиция С. В. Баженова, который, опираясь на этот ориентир и на часть 4 статьи 6 Закона об ОРД, определяет ПКИ как негласное мероприятие, проводимое силами оперативно-технических подразделений в целях копирования или изъятия сведений с жесткого диска компьютера либо иных связанных с ним носителей, когда для доступа требуется удаленное подключение по информационно-коммуникационным сетям, в том числе с применением заранее внедренных закладных устройств или программных компонентов [4, с. 33].

В свою очередь, близкое по смыслу «внутреннее содержание» мероприятия предлагают Л. Е. Щетнев и С. М. Томилин как совокупность действий оперативных подразделений по доступу к компьютерным данным, представляющим оперативный интерес и циркулирующим в компьютерных сетях. К ним они относят применение специальных технических средств в системных блоках, периферии и серверном оборудовании операторов связи, использование программ с незадекларированными возможностями, изъятие данных удаленно или при непосредственном подключении, а также восстановление ранее удаленной информации [5, с. 117].

В литературе выделяются две формы мероприятия. Первая – активный удаленный доступ к конкретному компьютеру или серверу с применением заранее внедренных закладных устройств или программных компонентов. Вторая – обращение к информационной системе, в которой интересующие сведения уже хранятся, прежде всего к данным, которые операторы связи и организаторы распространения информации обязаны накапливать в силу «пакета Яровой»: содержание сообщений – голос, текстовые сообщения, изображения, видео – хранится до шести месяцев, а сведения о фактах их приема и передачи – до трех лет. Во второй форме оперативно-техническое подразделение не перехватывает сообщение в момент передачи, а ретроспективно запрашивает уже записанное и хранящееся у оператора. Этим вторая форма получения компьютерной информации принципиально отделяется от прослушивания телефонных переговоров и снятия информации с технических каналов связи, работающих с сообщением в реальном времени: различие проходит не только по объекту (компьютерная информация против сетевой), но и по его состоянию – хранящиеся данные против перехватываемых в момент передачи.

Наиболее тонкая граница пролегает между ПКИ и снятием информации с технических каналов связи. В данном контексте заслуживает внимания позиция В. В. Петрова, который отмечает, что разграничение этих мероприятий осложняется тем, что обе меры фактически реализуются через одни и те же средства системы технического обеспечения функций оперативно-розыскных мероприятий (СОРМ), а активное применение фигурантами шифрования и анонимизации – VPN-сервисов, анонимайзеров, маршрутизации через Tor – снижает результативность снятия информации на каналах связи и смещает интерес к данным, хранящимся непосредственно на устройствах [6, с. 145].

В то же время А. Л. Осипенко признает, что один из технических способов получения компьютерной информации все же предполагает использование технических каналов связи и входящих в их состав промежуточных устройств [2, с. 86]. Тем самым ПКИ соотносится не только со снятием информации с технических каналов связи, но и с обследованием помещений и с наблюдением, отграничиваясь от них негласностью, привязкой к оперативно-техническим подразделениям и нацеленностью именно на компьютерную, а не сетевую информацию.

Заслуживает внимания развернувшаяся в науке дискуссия о судьбе мероприятия. А. Л. Осипенко и В. Ф. Луговик, констатируя, что грань между прослушиванием телефонных переговоров, снятием информации с технических каналов связи и получением компьютерной информации провести трудно, предлагают объединить эти мероприятия в одно [7, с. 39; 8, с. 63].

В то же время В. Ю. Жандров рассматривает получение компьютерной информации как одну из форм реализации единого метода оперативного поиска наряду с наведением справок, исследованием предметов и документов и отождествлением личности [9, с. 37]. При таком подходе смежные мероприятия выступают разными формами одного метода, а их совместное применение оказывается закономерным.

Практическую результативность мероприятия серьезно ограничивают средства криптографической защиты. Так, аппаратно-программные комплексы шифрования позволяют из разных регионов страны через сеть Интернет организовать защищенные каналы связи, а изъятые с такой аппаратуры носители без ключей дают лишь нечитаемый набор символов и кодов [5, с. 118].

Вопрос о судебной санкции решается через часть 2 статьи 8 Закона об ОРД. Если проведение ПКИ ограничивает конституционные права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений либо право на неприкосновенность жилища, мероприятие допускается лишь по судебному решению. Если же добываемая информация этих тайн не затрагивает, оно может проводиться и без судебной санкции. Применительно к профессиональной тайне статья 9 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[6] допускает предоставление таких сведений третьим лицам лишь по решению суда.

Относя мероприятие к ограничивающим конституционные права, И. В. Петров и Е. И. Фокин увязывают его проведение с наличием сведений о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного деяния, по которому обязательно предварительное следствие, о причастных к нему лицах либо о событиях и действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации [3, с. 190].

Несмотря на возникающие вопросы в правовом регулировании, ОРМ ПКИ активно применяется, а его результаты признаются судами допустимыми доказательствами. Содержанием результатов в опубликованных приговорах 2025 года выступали

[6] Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (ст. 9).

аудиозаписи телефонных переговоров[7], текстовые сообщения, сведения о соединениях и данные о местонахождении абонента[8], а также переписка в интернет-мессенджерах[9]. Во всех случаях речь шла об извлечении уже хранящихся сведений, а не о перехвате в реальном времени, что подтверждает «запросную» природу этой формы мероприятия.

Показательно, что мероприятие нередко проводилось одновременно с прослушиванием телефонных переговоров и снятием информации с технических каналов связи в отношении одного и того же лица и на основании одних и тех же судебных решений[10], а также в связке с наведением справок[11] либо с наблюдением и оперативным экспериментом[12]. Это эмпирически подтверждает отсутствие четкого разграничения мероприятия со смежными – на практике они применяются единым пакетом.

Единообразен и порядок легализации результатов: мероприятие, ограничивающее тайну сообщений, проводится по судебному решению, после чего сведения рассекречиваются, представляются следователю по постановлению руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, в соответствии с межведомственной Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности[13], осматриваются и приобщаются к делу в качестве вещественных доказательств[14].

Таким образом, вышесказанное позволяет сформулировать несколько выводов.

Включение получения компьютерной информации в перечень оперативно-розыскных мероприятий стало объективной реакцией законодателя на изменение характера преступности, значительная часть которой переместилась в информационно-телекоммуникационную среду и приобрела дистанционные формы. В этих условиях традиционные способы получения оперативно значимых сведений не всегда позволяют обеспечить доступ к информации, существующей не на материальном носителе в обычном понимании, а в виде данных, хранящихся, обрабатываемых или передаваемых с использованием компьютерных систем и сетевой инфраструктуры.

Получение компьютерной информации имеет самостоятельное значение в системе оперативно-розыскных мероприятий, поскольку ориентировано не на физическое обнаружение предметов и документов и не только на перехват сообщений в момент их передачи, а на получение сведений, уже существующих в компьютерных системах, на серверах,

---

[7] Приговор Новгородского районного суда Новгородской области от 26 ноября 2025 г. по делу № 1-670/2025 (УИД 53RS0022-01-2025-005885-79). URL:https://sudact.ru/regular/doc/raKqNmUjZFQp (дата обращения: 12.05.2026).

[8] Приговор Новгородского районного суда Новгородской области от 29 октября 2025 г. по делу № 1-751/2025 (УИД 53RS0022-01-2025-007437-79). URL:https://novgorodski--nvg.sudrf.ru (дата обращения: 12.05.2026).

[9] Приговор Рыбинского городского суда Ярославской области от 8 октября 2025 г. по делу № 1-345/2025 (УИД 76RS0013-01-2025-002101-81). URL:https://sudact.ru/regular/doc/BUH4EfxBxfb5 (дата обращения: 14.05.2026).

[10] Приговор Вологодского областного суда от 14 октября 2025 г. по делу № 2-9/2025 (УИД 35OS0000-01-2025-000249-04). URL: https://sudact.ru/regular/doc/Rp89uBIHweLO (дата обращения: 14.05.2026).

[11] Приговор Первомайского районного суда г. Ижевска от 5 ноября 2025 г. по делу № 1-416/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/b2V07b7LtnmO (дата обращения: 14.05.2026).

[12] Приговор Ленинского районного суда г. Саратова от 14 ноября 2025 г. по делу № 1-583/2025 (УИД 64RS0046-01-2025-005803-39). URL:https://sudact.ru/regular/doc/61dNCBcKS46v (дата обращения: 14.05.2026).

[13] Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России / Минобороны России / ФСБ России / ФСО России / ФТС России / СВР России / ФСИН России / ФСКН России / СК России от 27 сентября 2013 г. № 776 / 703 / 509 / 507 / 1820 / 42 / 535 / 398 /68. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[14] Приговор Выборгского городского суда Ленинградской области от 17 ноября 2025 г. по делу № 1-499/2025 (УИД 47RS0005-01-2025-006240-65). URL: https://судебныерешения.рф/91858026 (дата обращения: 03.04.2026).

в информационных ресурсах операторов связи, организаторов распространения информации, а также в иных технически доступных средах хранения. Именно состояние информации, способы доступа к ней и необходимость использования оперативно-технических возможностей образуют основу для отграничения данного мероприятия от прослушивания телефонных переговоров, снятия информации с технических каналов связи.

Анализ судебной практики показывает, что получение компьютерной информации редко применяется изолированно. Как правило, оно используется совместно с прослушиванием телефонных переговоров, снятием информации с технических каналов связи, наведением справок, наблюдением и оперативным экспериментом. Такая комплексность повышает результативность оперативной работы, однако одновременно усиливает потребность в четком процессуальном и ведомственном разграничении полученных сведений, поскольку от правильного определения источника и способа их получения зависит последующая допустимость доказательств.

---

1. Колычева А. Н., Васюков В. Ф. Отдельные аспекты расследования мошенничеств, совершенных с использованием средств платежа, на первоначальном этапе расследования // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 263–268.
2. Осипенко А. Л. Новое оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации»: содержание и основы осуществления // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 3. С. 83–90.
3. Петров И. В., Фокин Е. И. К вопросу о способах реализации оперативно-разыскного мероприятия «получение компьютерной информации» // Военное право. 2019. № 6(58). С. 186–193.
4. Баженов С. В. Оперативно-розыскное мероприятие «Получение компьютерной информации» // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 2(65). С. 31–34.
5. Щетнев Л. Е., Томилин С. М. Оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации»: содержание, структура, технические аспекты проведения // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 4(53). С. 116–119.
6. Петров В. В. Особенности и правовые аспекты проведения оперативно-розыскных мероприятий «снятие информации с технических каналов связи» и «получение компьютерной информации» // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 1(107). С. 132–145.
7. Осипенко А. Л. Оперативно-розыскная деятельность в информационном обществе: адаптация к условиям цифровой реальности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 4(75). С. 38–46.
8. Осипенко А. Л., Луговик В. Ф. Проблемы доступа правоохранительных органов к скрываемой компьютерной информации при раскрытии преступлений // Общество и право. 2021. № 2(76). С. 60–68.
9. Жандров В. Ю. Методы оперативно-разыскной деятельности: теоретическая основа трансформации в условиях цифровизации // Проблемы правоохранительной деятельности. 2025. № 4. С. 31–40.

1. Koly`cheva A. N., Vasyukov V. F. Otdel`ny`e aspekty` rassledovaniya moshennichestv, sovershyonny`x s ispol`zovaniem sredstv platezha, na pervonachal`nom e`tape rassledovaniya // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2026. № 1(106). S. 263–268.
2. Osipenko A. L. Novoe operativno-rozy`sknoe meropriyatie «poluchenie komp`yuternoj informacii»: soderzhanie i osnovy` osushhestvleniya // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2016. № 3. S. 83–90.

3. Petrov I. V., Fokin E. I. K voprosu o sposobax realizacii operativno-razy`sknogo meropriyatiya «poluchenie komp`yuternoj informacii» // Voennoe pravo. 2019. № 6(58). S. 186–193.
4. Bazhenov S. V. Operativno-rozy`sknoe meropriyatie «Poluchenie komp`yuternoj informacii» // Nauchny`j vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2017. № 2(65). S. 31–34.
5. Shhetnyov L. E., Tomilin S. M. Operativno-rozy`sknoe meropriyatie «poluchenie komp`yuternoj informacii»: soderzhanie, struktura, texnicheskie aspekty` provedeniya // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2019. № 4(53). S. 116–119.
6. Petrov V. V. Osobennosti i pravovy`e aspekty` provedeniya operativno-rozy`skny`x meropriyatij «snyatie informacii s texnicheskix kanalov svyazi» i «poluchenie komp`yuternoj informacii» // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2025. № 1(107). S. 132–145.
7. Osipenko A. L. Operativno-rozy`sknaya deyatel`nost` v informacionnom obshhestve: adaptaciya k usloviyam cifrovoj real`nosti // Nauchny`j vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2019. № 4(75). S. 38–46.
8. Osipenko A. L., Lugovik V. F. Problemy` dostupa pravooxranitel`ny`x organov k skry`vaemoj komp`yuternoj informacii pri raskry`tii prestuplenij // Obshhestvo i pravo. 2021. № 2(76). S. 60–68.
9. Zhandrov V. Yu. Metody` operativno-razy`sknoj deyatel`nosti: teoreticheskaya osnova transformacii v usloviyax cifrovizacii // Problemy` pravooxranitel`noj deyatel`nosti. 2025. № 4. S. 31–40.

Информация об авторе

Виталий Федорович Васюков. Главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела, доктор юридических наук, профессор.
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева.
125080, Россия, г. Москва, ул. Врубеля, 12.

Марина Александровна Муравьева. Научный сотрудник 3 отдела НИЦ № 4.
ФГКУ «ВНИИ МВД России».
121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 25.

Information about the authors

Vitaly F. Vasyukov. Chief Researcher of the Research Chair, Doctor of Sciences (Law), Professor.
Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.
125080, Russia, Moscow, Vrubelya St., 12.

Marina Al. Muravyeva. Researcher at Department 3 of Research Center № 4.
«NRI of the Ministry of Interior of Russia».
121069, Russia, Moscow, Povarskaya St., 25.

Статья поступила в редакцию 02.07.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 02.07.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 343.1

УСТАНОВЛЕНИЕ ПСИХИЧЕСКОГО И ФИЗИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Гаджиев Шахбаз Феликсович
Омская академия МВД России, Омск, Россия

shahgadjiev265@yandex.ru

Аннотация. В статье проиллюстрированы результаты сравнительно-правового анализа регламентации установления физического и психического состояния участников уголовного процесса в России и Азербайджане. Выявлены как общие черты, так и существенные различия в понятийно-категориальном аппарате, в подходах к регламентации «общего» и «особого» предмета доказывания, процессуальных средств и правовых последствий установления соответствующих состояний. Выделение азербайджанским законодателем психического и физического состояния в качестве самостоятельного обстоятельства, подлежащего доказыванию, оценено как позитивный опыт, заслуживающий внимания при совершенствовании отечественного уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова: доказывание, обстоятельства, подлежащие установлению, психическое состояние, физическое состояние, судебная экспертиза, специальные знания.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – профессора кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России доктора юридических наук, доцента Пупышевой Л. А.

Для цитирования: Гаджиев Ш. Ф. Установление психического и физического состояния участников уголовного процесса в Азербайджанской Республике и Российской Федерации: сравнительно-правовое исследование // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 306–314.

ESTABLISHING THE MENTAL AND PHYSICAL STATE OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN AND THE RUSSIAN FEDERATION: A COMPARATIVE LEGAL STUDY

Shahbaz F. Gadjiev
Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia

shahgadjiev265@yandex.ru

Annotation. The article illustrates the results of a comparative legal analysis of the regulation of the establishment of the physical and mental condition of participants in the criminal process in Russia and Azerbaijan. It reveals both common features and significant differences in the conceptual and categorical apparatus, as well as in the approaches to the regulation of the «general» and «special» subject of proof,

procedural means, and legal consequences of establishing the relevant conditions. The Azerbaijani legislator's recognition of mental and physical condition as an independent circumstance subject to proof is considered a positive experience that deserves attention in the improvement of domestic criminal procedure law.

Keywords: proving, circumstances to be established, mental state, physical state, forensic examination, special knowledge.

Gratitude: the work was carried out with the support of the scientific supervisor, Professor of the Department of Criminal Procedure at the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, L. A. Pupysheva.

For citation: Gadjiev Sh. F. Establishing the mental and physical state of participants in criminal proceedings in the republic of Azerbaijan and the Russian Federation: a comparative legal study // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 306–314.

После прекращения существования Союза Советских Социалистических Республик в 1991 году перед странами – участницами Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), вступившими на путь самостоятельного развития, возникла задача в определении законодательства переходного периода. Так, в 1996 году на 7-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ в г. Санкт-Петербурге был принят Модельный уголовно-процессуальный кодекс[1] (далее – МУПК).

Большинство постсоветских республик, включая, например, Казахстан, Беларусь, Азербайджан, избрали единый вектор развития в области уголовно-процессуального законодательства. Отметим, что в настоящее время российский и белорусский уголовно-процессуальные законы наиболее схожи в базовых подходах к регулированию уголовного процесса. В то же время Казахстан и Азербайджан первоначально во многом ориентировались на МУПК, однако со временем их подходы к системе досудебного производства претерпели заметные изменения и обрели собственную траекторию.

Прежде чем перейти к описанию результатов сравнительно-правового исследования, следует обозначить, что советский этап в истории России характеризовался развитием правовой системы в пределах социалистической парадигмы. Последовавшие затем события привели к значимым изменениям: страна, преодолевая глубокий экономический кризис, массовую приватизацию государственной собственности и сопутствующие потрясения, приходила в нормальное жизнеспособное состояние. Именно в этих сложнейших условиях и был принят действующий отечественный уголовно-процессуальный закон. Разумеется, для поступательного развития уголовно-процессуального законодательства нашего государства необходимо осмысливать зарубежный опыт и использовать позитивные законодательные решения. Уголовно-процессуальное законодательство Азербайджана обладает особенностями, обусловленными историческими, этническими, экономическими и другими факторами. Именно поэтому, проводя сравнительно-правовое исследование отдельных аспектов установления психического и физического состояния участников уголовного процесса, мы сфокусировали внимание именно на тексте уголовно-процессуального кодекса этого государства.

[1] Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 17февраля 1996 г. // Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. 1996. № 10.

Принято считать, что Российская Федерация и Азербайджанская Республика относятся к одной правовой семье – романо-германской, в которой подход к доказыванию психического и физического состояния характеризуется не столько признанием этих обстоятельств исключительными, сколько их встраиванием в общую систему предмета доказывания, оценкой процессуальной дееспособности лица и применением специальных знаний для их установления.

Результаты сравнительно-правового анализа Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики[2] (далее – УПК АР) и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[3] (далее – УПК РФ) в части установления психического и физического состояния участников представляют собой научную и практическую ценность по ряду взаимосвязанных причин, вытекающих из общих историко-правовых корней и современных различий в правоприменении. Такой анализ позволяет определить, чьи законодательные решения являются наиболее верными, разумными и оправданными, а также выявить недостатки и преимущества рассматриваемых законов.

Сравнительно-правовой анализ регламентации установления соответствующих состояний необходимо начать с содержания понятийно-категориального аппарата. В его основе лежат схожие, фактически аналогичные по смыслу термины, характеризующие физическое и психическое состояние участников уголовного процесса: «физическое состояние», «физические недостатки», «психическое состояние», «психические недостатки», «психическое расстройство (заболевание)». Они обладают определенной универсальностью и находят свое отражение в УПК РФ и УПК АР. Вместе с тем азербайджанский законодатель ввел ряд терминологических выражений, не свойственных тексту российского уголовно-процессуального закона, но при этом характеризующих психическое и физическое состояние. Так, например, УПК АР содержит термины: «физические дефекты», «психическая болезнь», «хроническая душевная болезнь», «временное расстройство психической деятельности», «слабоумие или иная психическая болезнь», «психическое нарушение». Исходя из этого, можно констатировать, что уголовно-процессуальное законодательство Азербайджанской Республики демонстрирует большее терминологическое разнообразие. Также в тексте отечественного уголовно-процессуального закона, как и в УПК АР, отсутствуют определения понятий «физическое состояние» и «психическое состояние».

Структурное построение разделов и глав и входящих в них нормативных предписаний, посвященных доказательствам и доказыванию, включая обстоятельства, подлежащие доказыванию, в российском и азербайджанском уголовно-процессуальных законах имеют определенную схожесть. При этом ключевое отличие проявляется в том, что в УПК АР психическое и физическое состояние потерпевшего, подозреваемого (обвиняемого) и свидетеля закреплено как отдельное обстоятельство, подлежащее установлению. В частности, законодатель обязывает устанавливать:

1) способность или неспособность подозреваемого или обвиняемого во время совершения общественно опасного деяния осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронической душевной болезни, временного расстройства психической деятельности, умственной отсталости или иной психической болезни (п. 2 ст. 140 УПК АР);

2) невозможность правильного восприятия и описания свидетелем или потерпевшим обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу, вследствие

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ) (с изм. и доп. по состоянию на 28.02.2025 г.). URL: https://continent-online.com/Document (дата обращения: 15.06.2026).

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

хронической душевной болезни, временного расстройства психической деятельности, умственной отсталости или иной психической болезни (п. 3 ст. 140 УПК АР);

3) возраст потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого в случае отсутствия у него документов о достижении определенного возраста (п. 4 ст. 140 УПК АР).

Так называемый «общий» предмет доказывания в отечественном уголовном процессе закреплен в ст. 73 УПК РФ, в которой, однако, не выделено в качестве самостоятельного обстоятельства, подлежащего доказыванию, психическое и физическое состояние лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве. Перечисляя в числе прочих обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, законодатель умалчивает о необходимости обязательного установления особенностей его психического и физического состояния. Между тем имеющиеся предписания требуют расширительного толкования.

Анализ содержания норм УПК АР и УПК РФ, регламентирующих обстоятельства, подлежащие доказыванию, позволяет сделать несколько ключевых выводов. Прежде всего очевидно, что оба законодателя придерживаются единой логики: выделение этих обстоятельств свидетельствует об общем подходе к цели доказывания. Однако азербайджанский законодатель пошел по пути более детальной регламентации: он позиционирует установление психического и физического состояния участников процесса как самостоятельное обстоятельство, придавая ему особое значение, тем самым констатируя, что без выяснения особенностей психического и физического состояния лица невозможно рассмотреть и разрешить дело по существу, вынести законное, обоснованное и мотивированное решение.

Отсутствие в ст. 73 УПК РФ прямого указания на необходимость установления психического и физического состояния вовсе не означает, что оно игнорируется правоприменителем, но, безусловно, требует от него толкования приведенных норм в системной взаимосвязи с иными положениями закона. Таким образом, можно резюмировать, что подход азербайджанского законодателя является наиболее правильным и представляет собой позитивный опыт для совершенствования уголовно-процессуального законодательства России.

В то же время наряду с «общим» в УПК РФ установлен «особый» предмет доказывания для производства по уголовному делу в отношении несовершеннолетних (ст. 421 УПК РФ) и для производства о применении принудительных мер медицинского характера (ст. 434 УПК РФ), что расценивается некоторыми учеными в качестве критерия отнесения уголовно-процессуальной деятельности, предусмотренной главами 50 и 51 УПК РФ, к числу особых уголовно-процессуальных производств [1, с. 150; 2, с. 17–19; 3, с. 213, 216–217].

Наиболее востребованные правоприменителем вопросы, касающиеся установления особого предмета доказывания, разъяснены в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1[4] и Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6[5]. В частности, на стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства высшая судебная инстанция предписывает выяснить не только возраст и уровень психического развития несовершеннолетнего, но и иные особенности его личности, включая возможность установления наличия заболевания, препятствующего его содержанию и обучению в специальном учебно-воспитательном учреждении

[4] О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1: в ред. постановления Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 9 декабря 2025 г. № 6 // Рос. газ. 2011. 11 фев. № 29.

[5] О практике применения судами принудительных мер медицинского характера: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 7 апреля 2011 г. № 6: в ред. постановления Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 9 декабря 2025 г. № 3 // Рос. газ. 2011. 20 апр. № 84.

закрытого типа, что обоснованно получило положительную оценку в юридической литературе [4, с. 5, 22–24]. При этом наличие или отсутствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, также является обязательным для установления.

По делам о применении принудительных мер медицинского характера требует установления наличие у лица психических расстройств в прошлом, степень и характер психического заболевания в момент совершения деяния или во время производства по уголовному делу (п. 4 ч. 2 ст. 434 УПК РФ).

Аналогичным образом к числу обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего, азербайджанский законодатель относит уровень (степень) физического, интеллектуального и умственного развития (п. 3 ст. 429 УПК АР). Отметим, что обстоятельства, подлежащие установлению по делам лиц, находящихся в состоянии невменяемости, регламентированы в отдельной статье (ст. 470 УПК АР).

Нормы, касающиеся производства о применении принудительных мер медицинского характера, идентичным образом институционально обособлены и аккумулированы в отдельных главах УПК РФ (глава 51) и УПК АР (глава LVI).

Исходя из вышесказанного следует, что общий предмет доказывания относится преимущественно к ординарному рассмотрению и разрешению судом по существу уголовного дела (направлены на решение вопросов о виновности и наказании), а «особые» обстоятельства необходимо устанавливать тогда, когда преследуемое лицо обладает особенностями физического и психического состояния, к примеру: несовершеннолетний возраст, психическое заболевание или расстройство и т. д.

Важно подчеркнуть принципиальное отличие УПК РФ от УПК АР: законодатель Азербайджана включил в раздел 11 «Особые производства» целый ряд производств, которые по своей сути являются самостоятельными и слабо связанными между собой. Это, например, главы об осуществлении судебного надзора, о производстве по новым обстоятельствам, связанным с нарушением прав и свобод, о производстве по вновь открывшимся обстоятельствам, о заочном производстве по уголовному производству, а также отдельные главы, регулирующие применение принудительных мер медицинского характера к различным категориям лиц – будь то к страдающим наркоманией, совершившим преступления в состоянии невменяемости, или заболевшим психической болезнью после его совершения.

Подобный подход представляется спорным ввиду отсутствия системообразующего признака (критерия), объединяющего приведенные виды уголовно-процессуальной деятельности. Говоря об этом, Л. А. Пупышева справедливо констатирует, что в данном случае возникает ситуация, когда в рамках производства по уголовному делу осуществляется несколько видов уголовно-процессуальных производств, имеющих разные предметы [2, с. 18–23; 5, с. 25–30; 6, с. 105–107]. Таким образом, создается множество автономных (не связанных между собой) особых производств, что усложняет систему уголовного процесса и нарушает ее процессуальное единство.

Надлежит указать, что в целях установления наличия или отсутствия физических и психических недостатков, способных повлиять на ход дела, в рамках уголовного преследования российский и азербайджанский правоприменители обладают полномочиями допросить подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего (ст. 189, 191 УПК РФ, ст. 231–233 УПК АР), провести освидетельствование (ст. 179 УПК РФ, ст. 238 УПК АР), назначить производство судебной экспертизы (ст. 196 УПК РФ, ч. 2 ст. 264 УПК АР) в отношении этих лиц.

Остановимся более подробно на правовой регламентации назначения и производства судебной экспертизы как способа установления психического и физического состояния участников уголовного судопроизводства. Подобно российскому уголовно-

процессуальному законодательству, УПК АР также закрепляет перечень случаев, когда назначение судебной экспертизы является обязательным (ч. 2 ст. 264 УПК АР). Основания для ее назначения в целом схожи, однако ключевое отличие заключается в круге лиц, в отношении которых она проводится: наряду с подозреваемым, обвиняемым и потерпевшим в УПК АР назван свидетель, благодаря чему могут быть реализованы дополнительные процессуальные гарантии не только его прав, но и прав подозреваемого (обвиняемого), поскольку в качестве доказательств не будут использованы показания свидетеля, имеющего существенные психические недостатки (т. е. такой свидетель не в состоянии адекватно воспринимать обстоятельства окружающей действительности и давать по ним показания).

Отдельно в УПК АР оговорены основания для производства экспертизы вне экспертного учреждения: если требуется обследовать тело или психическое состояние подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля либо если признано необходимым их участие в экспертизе. В таких случаях следователь обеспечивает доставление этих лиц к эксперту (ч. 2 ст. 270 УПК АР).

В отечественном уголовно-процессуальном законе такие основания отсутствуют. Однако в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28[6] судам дано следующее разъяснение: производство экспертизы вне экспертного учреждения (т. е. поручение ее лицу, не работающему в таком учреждении) возможно в случаях, когда отсутствует эксперт нужной специальности в государственном судебно-экспертном учреждении, отсутствует надлежащая материально-техническая база, отсутствуют специальные условия, наличие обстоятельств, предусмотренных ст. 70 УПК РФ (например, если все компетентные государственные экспертные учреждения на данной территории не могут выполнить поручение).

Таким образом, одним из значимых отличий является степень детализации правового регулирования производства экспертизы вне экспертного учреждения в УПК АР. Отсутствие прямых законодательных предписаний в УПК РФ в этой части может приводить к правовой неопределенности и затруднять реализацию прав участников уголовного процесса.

Подчеркнем, что вопрос об обязательном участии защитника или законного представителя для лица, которое в силу физических или психических недостатков лишено возможности осуществлять защиту своих прав, решается в азербайджанском уголовно-процессуальном законе идентично.

К примеру, когда несовершеннолетний потерпевший в силу психического или физического состояния лишен возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы, участие законного представителя либо иного представителя становится обязательным (ч. 2 ст. 45 УПК РФ). Аналогичные предписания предусмотрены ст. 472 и ч. 4 ст. 509 УПК АР.

Сравнительно-правовой анализ также позволяет выявить существенное различие в круге лиц, на которых распространяется обязательное назначение судебной экспертизы. Российский законодатель ограничил этот перечень подозреваемым, обвиняемым и потерпевшим, в то время как азербайджанский законодатель дополнительно включает в него свидетеля. Данное различие, на наш взгляд, имеет глубокое практическое значение: создается дополнительный процессуальный фильтр, благодаря которому показания свидетеля, страдающего психическим расстройством, не могут быть приняты в качестве источника доказательств без предварительного экспертного заключения, что ис-

[6] О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28: в ред. постановления Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 июня 2021 г. № 2 // Рос. газ. 2010. 30 дек. № 296.

ключает использование в деле ложных или искаженных показаний, обусловленных неспособностью свидетеля адекватно воспринимать события.

Отдельного внимания заслуживают результаты сравнительно-правового анализа правовых последствий установления физического и психического состояния в уголовном процессе России и Азербайджана. Общим в законодательстве двух стран выступает обязательное участие защитника в деле лица, имеющего психические или физические недостатки (п. 2 ч. 1 и п. 3 ч. 1 ст. 51 УПК РФ, ч. 5 ст. 51, ст. 472 УПК АР).

Кроме того, на стадии предварительного расследования как российским, так и азербайджанским законодателем предусмотрено прекращение уголовного преследования ввиду невменяемости лица или вследствие недостижения им возраста уголовной ответственности (п. 2 ч. 1 ст. 27, ч. 3 ст. 27 УПК РФ, п. 4, 10 ч. 1 ст. 39 УПК АР) [7, с. 163–164].

В отличие от УПК РФ, уголовно-процессуальный закон Азербайджана регламентирует конкретные требования к психическому и физическому состоянию понятого. Понятыми не могут быть лица с недостатками зрения, слуха, речи или страдающие психическими болезнями. Они должны обладать способностью полно и верно воспринимать события, происходящие в их присутствии (ч. 1 ст. 94 УПК АР). В рассматриваемом случае, отмечает В. С. Латыпов, подобный критерий служит повышению эффективности правоприменительной практики [8, с. 160], с чем мы полностью согласны.

Примечательно, что в УПК РФ отсутствует прямое указание на запрет участия при производстве по уголовному делу понятых с психическими и физическими недостатками – речь идет о тяжелобольных и престарелых, малолетних детях, лицах, страдающих психическими расстройствами, заболеваниями, болезненными нарушениями деятельности человеческой психики, нарушениями речи, слуха, зрения или хроническими соматическими заболеваниями, лишающими их способности правильно воспринимать происходящее.

В отличие от УПК РФ, в УПК АР установлен прямой запрет на вызов и допрос в качестве свидетелей лиц, имеющих физические или психические недостатки (п. 1 ч. 2 ст. 95 УПК АР). Более того, азербайджанский законодатель предусмотрел специальную норму об особенностях допроса немого, глухого, слепого или страдающего иной тяжкой болезнью свидетеля (ст. 229 УПК АР). Представляется, что данный подход, уже апробированный в Азербайджанской Республике, заслуживает пристального внимания и может быть успешно перенят российским законодателем, представляя собой позитивный опыт.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что регламентация установления физического и психического состояния участников уголовного процесса в Российской Федерации и Азербайджанской Республике имеет как общие черты, так и существенные отличия. Общим для двух кодифицированных актов является отсутствие легальных определений базовых понятий «физическое состояние» и «психическое состояние», что порождает необходимость их доктринального толкования и системного применения закона. Разница состоит в том, что в УПК АР психическое и физическое состояние выделено в качестве самостоятельного обстоятельства, подлежащего доказыванию, тогда как в УПК РФ этот элемент лишь подразумевается при расширительном толковании норм о доказательствах и доказывании. Позиция азербайджанского законодателя представляется более последовательной, поскольку он прямо ориентирует правоприменителя на выяснение способности лица осознавать свои действия и руководить ими, а также на установление возможных ограничений восприятия и воспроизведения информации лицами, вовлеченными в уголовный процесс.

В части процессуальных гарантий и последствий установления психического и физического состояния также наблюдаются как сходства, так и расхождения. Однако азербайджанский законодатель идет дальше, устанавливая прямые ограничения

для участия лиц с физическими и психическими недостатками в качестве понятых и свидетелей, что свидетельствует о стремлении к более строгой формализации процессуальных требований.

В целом сравнительно-правовой анализ показывает, что уголовно-процессуальное законодательство Азербайджана в вопросах регламентации установления физического и психического состояния участников процесса характеризуется большей степенью детализации и терминологическим разнообразием. Позитивным опытом для совершенствования отечественного УПК в первую очередь выступает выделение психического и физического состояния в качестве самостоятельного обстоятельства, подлежащего доказыванию, а также уточнение категориального аппарата, что позволит повысить эффективность обеспечения прав соответствующих лиц в уголовном судопроизводстве.

---

1. Бурмагин С. В. Судебные производства в уголовном процессе: понятие и виды // Государство и право. 2019. № 2. С. 146–152.
2. Пупышева Л. А. Особые производства в современном дифференцированном уголовном процессе России (постановка проблемы) // Мировой судья. 2021. № 6. С. 17–24.
3. Николюк В. В. К вопросу об особых производствах в российском уголовном процессе // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Часть 75: материалы конференции (г. Томск, 26–28 января 2017 г.): сборник научных статей / редактор И. В. Чаднова. Томск: Томский госуниверситет, 2018. С. 210–223.
4. Николаева Н. А. Производство о применении к несовершеннолетнему меры уголовно-правового воздействия в виде помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2021. 36 с.
5. Пупышева Л. А. Особые производства в современном дифференцированном уголовном процессе России (общетеоретические и отраслевые аспекты) // Мировой судья. 2021. № 8. С. 24–31.
6. Пупышева Л. А. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса: дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2022. 458 с.
7. Летелкин Н. В., Николаева Т. А., Царева Ю. В. Категория «уголовное преследование»: сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуальных законов России и Азербайджанской Республики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 4(16). С. 156–166.
8. Латыпов В. С. Лица, оказывающие содействие по УПК Азербайджанской Республики (на примере понятого и свидетеля) // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции Санкт-Петербург, 24 ноября 2017 года / Сост.: Дикаев С. У., Кутуев Э. К., Роганов С. А., Макаренко М. А., Лантух Н. В., Кострица Я. А. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2017. С. 158–162.

1. Burmagin S. V. Sudebny`e proizvodstva v ugolovnom processe: ponyatie i vidy` // Gosudarstvo i pravo. 2019. № 2. S. 146–152.
2. Pupy`sheva L. A. Osoby`e proizvodstva v sovremennom differencirovannom ugolovnom processe Rossii (postanovka problemy`) // Mirovoj sud`ya. 2021. № 6. S. 17–24.
3. Nikolyuk V. V. K voprosu ob osoby`x proizvodstvax v rossijskom ugolovnom processe // Pravovy`e problemy` ukrepleniya rossijskoj gosudarstvennosti. Chast` 75: materialy` konferencii (g. Tomsk, 26–28 yanvarya 2017 g.): sbornik nauchny`x statej / redaktor I. V. Chadnova. Tomsk: Tomskij gosuniversitet, 2018. S. 210–223.

4. Nikolaeva N. A. Proizvodstvo o primenenii k nesovershennoletnemu mery` ugolovno-pravovogo vozdejstviya v vide pomeshheniya v special`noe uchebno-vospitatel`noe uchrezhdenie zakry`togo tipa: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2021. 36 s.
5. Pupy`sheva L. A. Osoby`e proizvodstva v sovremennom differencirovannom ugolovnom processe Rossii (obshheteoreticheskie i otraslevy`e aspekty`) // Mirovoj sud`ya. 2021. № 8. S. 24–31.
6. Pupy`sheva L. A. Proizvodstvo po rassmotreniyu i razresheniyu voprosov, svyazanny`x s ispolneniem prigovora, v sisteme ugolovnogo processa: dis. … d-ra yurid. nauk. Omsk, 2022. 458 s.
7. Letelkin N. V., Nikolaeva T. A., Czareva Yu. V. Kategoriya «ugolovnoe presledovanie»: sravnitel`no-pravovoj analiz ugolovno-processual`ny`x zakonov Rossii i Azerbajdzhanskoj Respubliki // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2020. № 4(16). S. 156–166.
8. Laty`pov V. S. Licza, okazy`vayushhie sodejstvie po UPK Azerbajdzhanskoj Respubliki (na primere ponyatogo i svidetelya) // Ugolovnoe sudoproizvodstvo Rossii: problemy` i perspektivy` razvitiya: materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii Sankt-Peterburg, 24 noyabrya 2017 goda / Sost.: Dikaev S. U., Kutuev E`. K., Roganov S. A., Makarenko M. A., Lantux N. V., Kostricza Ya. A. SPb.: Izd-vo SPb un-ta MVD Rossii, 2017. S. 158–162.

Информация об авторе

Шахбаз Феликсович Гаджиев. Адъюнкт.
Омская академия МВД России.
644092, Россия, г. Омск, пр. Комарова, 7.

Information about the author

Shahbaz F. Gadjiev. A postgraduate student.
Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia.
644092, Russia, Omsk, Komarova Avenue, 7.

Статья поступила в редакцию 02.07.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.

The article was received in the editorial office on 02.07.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 343.12

ПРАВОВЫЕ НЕСОВЕРШЕНСТВА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ, ДОЗНАВАТЕЛЯ С ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ (КАК РЕЗУЛЬТАТ) НАРУШЕНИЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Гришин Андрей Владимирович[1], Селютина Ольга Геннадьевна[2]
[1, 2]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

[1]ronsove@bk.ru
[2]selitina-olja@rambler.ru

Аннотация. В правоприменительной практике, особенно при расследовании преступлений, следователи (дознаватели) зачастую прибегают к различным формам взаимодействия, в том числе содействию органов дознания, работе в составе следственно-оперативных групп. Исследуются юридические вопросы, касающиеся взаимодействия упомянутых субъектов. Обосновывается, что такое взаимодействие способствует повышению эффективности и законности следственных мероприятий, а также играет решающую роль в обеспечении объективности и справедливости расследования. Отдельно освещаются негативные последствия нарушения законодательства сотрудниками правоохранительных органов при различных формах рассматриваемого взаимодействия.

Ключевые слова: следователь, дознаватель, орган дознания, взаимодействие, письменное поручение, уголовный процесс.

Для цитирования: Гришин А. В. Селютина О. Г. Правовые несовершенства взаимодействия следователя, дознавателя с органами дознания и последствия (как результат) нарушений уголовно-процессуального законодательства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 315–322.

LEGAL IMPERFECTIONS OF THE INTERACTION OF THE INVESTIGATOR, INTERROGATOR WITH THE BODIES OF INQUIRY AND CONSEQUENCES (AS A RESULT) OF VIOLATIONS OF CRIMINAL PROCEDURE LAW

Andrey V. Grishin[1], Olga G. Selytina[2]
[1, 2]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

[1]ronsove@bk.ru
[2]selitina-olja@rambler.ru

Annotation. In law enforcement practice, especially when investigating crimes, the investigators (interrogators)often turn to various forms of interaction, including: assistance from investigative bodies, and working as part of investigative and operational groups. The fundamental legal aspects of the interaction between these entities are analyzed. It is substantiated that such interaction ensures the effectiveness and legality of investigative actions and is a determining factor in ensuring the fairness and objectivity

of the investigation. The negative consequences of law enforcement officers' violations of the law in various forms of the interaction under consideration are also highlighted.

Keywords: investigator, interrogator, investigative body, cooperation, written order, criminal trial.

For citation: Grishin A. V., Selytina O. G. Legal imperfections of the interaction of the investigator, interrogator with the bodies of inquiry and consequences (as a result) of violations of criminal procedure law // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 315–322.

Нередко в практической деятельности правоохранительных органов необходимо взаимодействие таких процессуальных субъектов, как следователь, дознаватель, с органами дознания для успешного решения задач борьбы с преступностью. При этом формы их взаимодействия могут носить как процессуальный (регламентируемый нормами уголовно-процессуального законодательства), так и непроцессуальный характер (последний определяется исключительно нормами иных нормативных правовых актов).

Ранее мы довольно часто обращались к вопросам квалификации отдельных противоправных деяний, а также к проблеме разграничения преступных действий и гражданско-правовых нарушений, рассматривая их в различных аспектах [1, с. 66–67; 2, с. 64–65; 3, с. 137–138]. Однако, помимо правильного применения норм материального права, при расследовании преступлений, имеется не менее важный аспект – процессуальный.

Законодатель не дал понятие термина «взаимодействие» в правовом аспекте. Поэтому логичнее всего понимать под таковым общепринятое понятие, соответствующее лексическим нормам.

Полномочия сотрудников структурных подразделений органа дознания (оперативных служб) при исполнении ими поручений следователя, дознавателя

В соответствии с п. 1 ст. 5 УПК РФ к органам дознания относятся органы внутренних дел Российской Федерации и входящие в их состав территориальные, в том числе линейные, управления (отделы, отделения, пункты) полиции, а также иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности. В статье 40 УПК РФ содержится перечень государственных органов и должностных лиц, обладающих статусом органов дознания [3, с. 198].

ОВД являются субъектом уголовно-процессуальной деятельности, поскольку в их структуре присутствуют подразделения дознавателей и следователей, выполняющие свои функции в соответствии с нормами УПК РФ.

Взаимодействие следователя, дознавателя с органами дознания протекает в определенных формах. В данном случае необходимо обратиться к положениям п. 4 ч. 2 ст. 38, ч. 1 ст. 144 и ч. 1 ст. 210 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В частности, речь идет о следующих поручениях: о проведении оперативно-розыскных мероприятий, о выполнении отдельных следственных действий; об исполнении постановлений о задержании, приводе и аресте, о проведении других процессуальных действий; о получении помощи в осуществлении процессуальных действий, о розыске подозреваемого или обвиняемого, если его местонахождение неизвестно.

Правовые основания для письменных поручений следователя и дознавателя, которые используются как самостоятельный инструмент взаимодействия с органом дознания, определены в положениях пункта 4 ч. 2 ст. 38, части 1 ст. 144, ч. 1 ст. 152 и ч. 4 ст. 157 УПК РФ. Письменные поручения следователя органу дознания, выполняющему расследование на месте, должны быть исполнены в срок, не превышающий 10 суток. Эта норма, закрепленная в ч. 1 ст. 152 УПК РФ, подтверждается сложившейся практикой.

Согласно п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, следователь обладает полномочиями давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), производстве отдельных следственных действий, исполнении постановлений о задержании, приводе, аресте и иных процессуальных действий, а также получать содействие в их осуществлении. Взаимодействие следователя с органом дознания в данном случае осуществляется по месту расследования уголовного дела в пределах границ конкретного территориального района. Важно подчеркнуть, что все перечисленные действия, за исключением процессуальных, могут выполняться как оперативными подразделениями, например экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБ и ПК), уголовного розыска (далее – УР), так и другими подразделениями, входящими в структуру Управления Министерства внутренних дел (далее – УМВД) субъекта РФ и территориальных ОВД.

Очевидно, что исполнение отдельного поручения следователя о проведении ОРМ начальником органа дознания будет отписано руководителю структурного подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции ЭБ и ПК либо УР.

По отдельному поручению о проведении следственных действий, поступившему от следователя по месту расследования, начальник ОВД должен будет принять одно из решений: направить его для исполнения начальнику отдела дознавателей либо одному из руководителей оперативных подразделений. В последнем случае начальник органа дознания обязан будет издать приказ или распоряжение о назначении оперативного сотрудника врио дознавателя на определенный период времени. Если поручение поступило от дознавателя, то у руководителя органа дознания по-прежнему будут два варианта принятия решения. Начальник ОВД, объективно оценивая ситуацию, сложившуюся в ходе расследования уголовного дела, исполнение отдельного поручения может поручить другому дознавателю, менее занятому на тот период, либо одному из оперативных сотрудников отделения ЭБ и ПК или УР в зависимости от их загруженности. В последнем случае в обязательном порядке издается приказ о временном назначении оперативного сотрудника врио дознавателя.

Рассмотрим более детально порядок действий в случае, когда отдельное поручение следователя или дознавателя поступает на имя руководителя по субъекту РФ. В случае проведения ОРМ и розыскных действий поручение передается либо руководителю структурного подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции, либо начальнику управления уголовного розыска (далее – УУР). Важно отметить, что поручение передается не для непосредственного исполнения, а для организации его исполнения по территориальному признаку, за исключением случаев, когда уголовное дело было возбуждено по инициативе оперативных сотрудников подразделения ЭБ и ПК или УУР УМВД России и они сами заинтересованы в самостоятельном проведении ОРМ либо розыскных мероприятий.

В случаях отсутствия такой заинтересованности руководители указанных подразделений обязаны будут направить отдельное поручение начальнику отдела внутренних дел, на территории которого необходимо провести оперативно-розыскные мероприятия, следственные или розыскные действия при условии, что сопроводительное письмо будет подписано руководителем УМВД России. Контроль за исполнением поручения не требуется.

При работе в составе следственно-оперативной группы по сложным и многоэпизодным уголовным делам, при составлении общего плана следственно-оперативных мероприятий сотрудники оперативных подразделений должны проявлять особую осторожность, чтобы не выходить за рамки своих полномочий. В совместный план должны быть включены только оперативно-розыскные мероприятия, предусмотренные Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (далее – ФЗ «Об ОРД»), розыскные действия, а также меры по содействию

следователю в проведении выемки документов, обысков и иных необходимых следственных действий.

Следователь и дознаватель работают с органом дознания не только в процессе предварительного следствия, но и на стадии возбуждения уголовного дела, как указано в ч. 1 ст. 144 УПК РФ. При проверке сообщения о преступлении они могут поручить органу дознания проведение оперативно-розыскных мероприятий.

Сотрудники оперативных подразделений обязаны проводить оперативно-розыскные мероприятия по уголовным делам даже без отдельного поручения, как это предусмотрено ст. 157 УПК РФ. Однако после передачи дела руководителю следственного органа орган дознания может выполнять следственные и оперативно-розыскные действия только по указанию следователя. Если уголовное дело, по которому не установлено лицо, совершившее преступление, передано руководителю следственного органа, орган дознания должен продолжать розыскные и оперативно-розыскные мероприятия для установления этого лица и информировать следователя о результатах.

Согласно п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, следователь или дознаватель может давать поручения органу дознания только в письменной форме. Устная форма поручения законом не предусмотрена.

В случае обнаружения документов, имеющих значение по уголовному делу, при проведении ОРМ сотрудники оперативных подразделений вправе самостоятельно их изъять в соответствии со ст. 15 ФЗ «Об ОРД». Однако будет предпочтительно, чтобы это сделал сам следователь или дознаватель, поскольку ОРМ, согласно УПК РФ, по отдельному поручению могут проводиться только по месту производства расследования, то есть по месту возбуждения уголовного дела. По общему правилу оперативно-розыскные мероприятия и розыскные действия по отдельным поручениям проводят сотрудники оперативных подразделений, а следственные действия – только следователи и дознаватели.

К организационным формам взаимодействия относятся определенные методы сотрудничества между органом дознания и следователем. Эти методы включают управленческие и административные меры, направленные на координацию деятельности участников расследования. Регулируются они ведомственными нормативными актами, которые определяют порядок и условия сотрудничества, а также устанавливают функциональные обязанности и полномочия каждого участника.

Среди таких форм взаимодействия можно выделить: совместный выезд на место происшествия; совместный выезд в другие районы, где могут находиться похищенное имущество, следы преступления или сам преступник; согласованное планирование оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий; формирование следственно-оперативных групп для расследования конкретных преступлений.

Хотя организационные формы взаимодействия не имеют правового характера и не закреплены в законодательстве, они играют важную роль в практической деятельности. В. Д. Ларичев и В. Г. Кучкина, считающие, что, «несмотря на наличие множества форм взаимодействия должностных лиц правоохранительных органов, отраженных в теории уголовного процесса и криминалистики, полагаем наиболее практически значимым выделение двух основных: процессуальной и не процессуальной (организационной)» [4, с. 118].

Наиболее распространенной и действенной формой последнего выступает следственно-оперативная группа (далее – СОГ), поскольку практика показывает, что быстрота и полнота расследования зависят от качества работы, произведенной на первоначальных его этапах [5, с. 84].

Так, Р. Ю. Улимаев под СОГ понимает временное организационное формирование, иначе называемое внештатным, которое объединяет в себе под общим руководством лица, осуществляющего предварительное расследование, сотрудников различ-

ных правоохранительных органов, а также специалистов в целях решения задач по раскрытию преступления путем совместных и согласованных действий [6, с. 42–45].

Мнение С. В. Бажанова можно считать аналогичным рассмотренному, за исключением того, что он относил СОГ не только к организационному, но еще и к процессуальному формированию как форме взаимодействия. Кроме того, в его понятии содержится упоминание о том, что такой бригаде подведомственны исключительно наиболее сложные уголовные дела [7, с. 33].

И. А. Цоколов считает, что обязательным признаком СОГ будет являться ее функционирование в соответствии с законом, в том числе и с ведомственными актами [8, с. 33]. Действительно, в данном случае определяющим документом, регламентирующим вопросы взаимодействия, будет являться Приказ МВД России от 26.03.2008 № 280дсп «Об утверждении Положения об организации взаимодействия подразделений органов внутренних дел Российской Федерации при раскрытии и расследовании преступлений». Кроме того, для сотрудников органа дознания будет не лишним в указанной деятельности опираться, например, на ФЗ «Об ОРД». Это мнение довольно целесообразно, так как одним из принципов взаимодействия как раз является законность. Также И. А. Цоколов отмечает, что деятельность в составе СОГ должна иметь логическое завершение в виде получения достоверных результатов, позволяющих с достаточной степенью полноты раскрыть преступление. Плюс ко всему он упомянул необходимость защиты прав, свобод и законных интересов граждан, признанных потерпевшими от конкретного общественно опасного деяния, а также общества и государства в целом. Указанные действия должны быть выполнены на максимум, чтобы не допустить нарушение конституционных принципов [8, с. 33].

Нарушения норм УПК РФ правоохранителями могут повлечь различные правовые последствия как для самих сотрудников, так и для хода уголовного производства. Эти последствия зависят от характера и тяжести нарушения, а также от стадии процесса, на которой оно было допущено.

Признание доказательств недопустимыми. Согласно ст. 75 УПК РФ, доказательства, полученные с нарушением закона, не могут использоваться в уголовном процессе. Например, отдельные поручения о проведении следственных действий, направленные непосредственно руководителям структурных подразделений УМВД России по Орловской области, не подлежат исполнению, поскольку их руководители, согласно п. 6 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ, не являются органами дознания (УЭБ и ПК, УУР) и по закону они не наделены полномочиями принимать решения по отдельным поручениям либо передавать их на исполнение как своим подчиненным, так и руководителям территориальных ОВД.

Законодательство Российской Федерации строго разграничивает полномочия между следователями, дознавателями и оперативными сотрудниками. ФЗ «Об ОРД» не предоставляет сотрудникам оперативных подразделений права на проведение каких-либо процессуальных действий. УПК РФ также не наделяет оперативных сотрудников правом на проведение следственных действий и не предусматривает передачу им следователями, дознавателями права на проведение процессуальных действий через отдельное поручение.

Поэтому в соответствии с п. 3 ст. 7 и ст. 75 УПК РФ протоколы допросов свидетелей, обысков, выемок и других следственных действий, проведенных оперативными сотрудниками как неуполномоченными должностными лицами, могут быть признаны недопустимыми доказательствами.

Исключением из общего правила является ч. 5 ст. 39 УПК РФ, которая предусматривает передачу определенного объема процессуальных полномочий руководителям структурных подразделений в порядке исключения, но только внутри своего ведомства. Такое право закон предоставляет только Председателю Следственного коми-

тет Российской Федерации (далее – СК РФ) и руководителям следственных органов соответствующих федеральных органов исполнительной власти (МВД, ФСБ, а также вплоть до ликвидации в 2016 году – Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков) при условии, что следственные системы построены по вертикальному принципу.

Дисциплинарная ответственность

Если нарушение норм УПК РФ не содержит признаков уголовного преступления, сотрудник может быть привлечен к дисциплинарной ответственности. Так, например, к сотрудникам СК РФ могут быть применены дисциплинарные взыскания согласно перечню ст. 28 ФЗ «О Следственном комитете РФ», представителям ОВД – согласно ст. 50 ФЗ от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Уголовная ответственность

Некоторые нарушения норм УПК РФ могут содержать признаки уголовных преступлений. Например, недобросовестный сотрудник может быть привлечен к уголовной ответственности по следующим статьям УК РФ: ст. 299; ст. 300; ст. 301; ст. 302; ч. 2, 3 ст. 303. При возбуждении уголовного дела сотрудник отстраняется от должности на период производства расследования. За время отстранения ему выплачивается денежное содержание только в размере должностного оклада, доплаты за специальное звание и выслугу лет.

Нарушения норм УПК РФ могут повлиять на ход и исход уголовного дела: отмена или изменение судебного акта; признание доказательств недопустимыми; возвращение уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК РФ); пересмотр дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.

Таким образом, нарушения норм УПК РФ сотрудниками правоохранительных органов могут привести к дисциплинарной или уголовной ответственности для виновных лиц, а также к серьезным последствиям для уголовного производства, включая отмену судебных решений, признание доказательств недопустимыми и возвращение дела на доследование.

Выводы

Названные формы взаимодействия между органом дознания, следователем и дознавателем представляют собой эффективную форму взаимодействия, оказывая при этом существенное влияние на раскрытие и расследование противоправных деяний, способствуют повышению результативности деятельности вышеназванных субъектов и позволяют оперативно реагировать на вызовы, связанные с ростом преступной активности.

Отдельное поручение следователя или дознавателя органу дознания представляет собой уникальную форму их взаимодействия, строго регламентированную уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации. Важно подчеркнуть, что оперативные подразделения, функционирующие в структуре территориального УМВД России и территориальных органов внутренних дел, не обладают статусом органа дознания.

Право на выдачу письменных предписаний должностным лицам органа дознания принадлежит исключительно начальнику органа дознания. Оперативно-розыскные мероприятия осуществляются исключительно сотрудниками оперативных подразделений, тогда как розыскные действия могут выполняться как оперативными сотрудниками, так и следователями и дознавателями.

Проведение любых процессуальных следственных действий оперативными сотрудниками органа дознания, не обладающими необходимыми полномочиями, может быть признано судом незаконным. Протоколы допросов свидетелей, выемки, обыска и других следственных действий, проведенных с нарушением процессуальных норм,

могут быть признаны недопустимыми доказательствами в соответствии с п. 3 ст. 7 и ст. 75 УПК РФ.

Основываясь на многообразии мнений различных ученых и практических сотрудников, нужно заполнить законодательный пробел по отсутствию в УПК РФ понятия СОГ.

При этом действия СОГ в период расследования уголовных дел должны быть основаны на соблюдении важнейших принципов: законности, непрерывности взаимодействия и согласованности действий ее участников и других заинтересованных должностных лиц.

Именно поэтому руководители СОГ, а также вышестоящие должностные лица обязаны своевременно ликвидировать возникающие проблемы, принимая конкретные меры к их устранению, зачастую комплексного характера, чтобы достигнуть максимальной полноты и эффективности расследования и исключить возможные нарушения уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

---

1. Подчерняев А. Н. Особенности установления некоторых квалифицирующих признаков составов преступлений против жизни и здоровья // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2025. № 4. С. 65–71.
2. Панфилова О. В., Лопаткина А. С. Административные правонарушения, совершаемые несовершеннолетними на объектах транспорта. Проблемы правоохранительной деятельности. 2023. № 4(54). С. 63–67.
3. Мельник Е. А., Мельник С. В. К вопросу о механизмах гражданско-правовой ответственности юридических лиц // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 2(38). С. 134–138.
4. Ларичев В. Д. Кучкина В. Г. Понятие и сущность следственной и следственно-оперативной групп // Вестник Воронежского института МВД России. № 1/2016. С. 118.
5. Туяков Е. Е. Взаимодействие между службами и подразделениями следственно-оперативной группы в системе МВД // Молодой ученый. 2016. № 10(114). С. 1057–1059.
6. Улимаев Р. Ю. Понятие и виды следственной и следственно-оперативной группы / Закон и право. 2007. № 12. С. 67–68.
7. Бажанов С. В. Групповой метод расследования как способ повышения эффективности предварительного следствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 1990. С. 12–13.
8. Цоколов И. А. Процессуальные и криминалистические особенности расследования преступлений следственной и следственно-оперативной группой: дис. ... канд. юрид. наук. М. 2001. С. 23.

1. Podchernyaev A. N. Osobennosti ustanovleniya nekotory`x kvalificiruyushhix priznakov sostavov prestuplenij protiv zhizni i zdorov`ya // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina. 2025. № 4. S. 65–71.
2. Panfilova O. V., Lopatkina A. S. Administrativny`e pravonarusheniya, sovershaemy`e nesovershennoletnimi na ob``ektax transporta. Problemy` pravooxranitel`noj deyatel`nosti. 2023. № 4(54). S. 63–67.
3. Mel`nik E. A., Mel`nik S. V. K voprosu o mexanizmax grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti yuridicheskix licz // Srednerusskij vestnik obshhestvenny`x nauk. 2015. № 2(38). S. 134–138.
4. Larichev V. D. Kuchkina V. G. Ponyatie i sushhnost` sledstvennoj i sledstvenno-operativnoj grupp // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. № 1/2016. S. 118.
5. Tuyakov E. E. Vzaimodejstvie mezhdu sluzhbami i podrazdeleniyami sledstvenno-operativnoj gruppy` v sisteme MVD // Molodoj ucheny`j. 2016. № 10(114). S. 1057–1059.

6. Ulimaev R. Yu. Ponyatie i vidy` sledstvennoj i sledstvenno-operativnoj gruppy` / Zakon i pravo. 2007. № 12. S. 67–68.
7. Bazhanov S. V. Gruppovoj metod rassledovaniya kak sposob povy`sheniya e`ffektivnosti predvaritel`nogo sledstviya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M. 1990. S. 12–13.
8. Czokolov I. A. Processual`ny`e i kriminalisticheskie osobennosti rassledovaniya prestuplenij sledstvennoj i sledstvenno-operativnoj gruppoj: dis. ... kand. yurid. nauk. M. 2001. S. 23.

Информация об авторах

Андрей Владимирович Гришин. Профессор кафедры уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Ольга Геннадьевна Селютина. Старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, кандидат экономических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the authors

Andrey V. Grishin. Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology, Candidate of sciences (Law), Associate professor.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova St., 2.

Olga G. Selytina. Senior Teacher at the Chair of Civil Law Disciplines, Candidate of Economic Sciences.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova St., 2.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interest.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors contributed equally to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 07.04.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 16.09.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 343.9

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ВЫВОДОМ КАПИТАЛА: ЭВОЛЮЦИЯ ОТ ТРАДИЦИОННЫХ ДО ГИБРИДНЫХ СХЕМ

Зеновкина Анастасия Сергеевна
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

azenovkina@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются криминалистические аспекты способов совершения преступлений, сопряженных с незаконным выводом капитала за рубеж. На основе анализа следственно-судебной практики и современных научных разработок выделяются традиционные и гибридные схемы вывода денежных средств, прослеживается их эволюция в условиях цифровой трансформации экономических отношений и санкционных ограничений. Особое внимание уделяется криминалистической характеристике способов совершения преступлений, предусмотренных ст. 193.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также признакам подозрительных операций, позволяющим идентифицировать преступный характер вывода капитала на всех этапах его реализации.

Ключевые слова: незаконный вывод капитала, криминалистическая характеристика, способ совершения преступления, гибридные схемы, легализация доходов, подозрительные операции.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – сотрудника Академии ФСО доктора юридических наук, доцента Калюжного А. Н.

Для цитирования: Зеновкина А. С. Криминалистический анализ способов совершения преступлений, связанных с незаконным выводом капитала: эволюция от традиционных до гибридных схем // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 323–330.

FORENSIC ANALYSIS OF METHODS OF COMMITTING CRIMES RELATED TO ILLEGAL CAPITAL MISSING: EVOLUTION FROM TRADITIONAL TO HYBRID SCHEMES

Anastasia S. Zenovkina
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

azenovkina@mail.ru

Annotation. This article examines the forensic aspects of crime methods involving the illegal transfer of capital abroad. Based on an analysis of investigative and judicial practice and modern scientific research, traditional and hybrid schemes for the withdrawal of funds are identified, and their evolution is traced in the context of the digital transformation of economic relations and sanctions restrictions. Particular attention is paid to the forensic characteristics of the methods of committing crimes under Article 193.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as to the indicators of suspicious transactions that allow

for the identification of the criminal nature of capital withdrawal at all stages of its implementation.

Keywords: illegal withdrawal of capital, forensic characteristics, crime method, hybrid schemes, money laundering, suspicious transactions.

Gratitude: the work was carried out with the support of the academic supervisor, an employee of the FSO Academy, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor A. N. Kalyuzhny.

For citation: Zenovkina A. S. Forensic analysis of methods of committing crimes related to illegal capital missing: evolution from traditional to hybrid schemes // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 323–330.

Противодействие незаконному выводу капитала за рубеж в условиях сохраняющейся экономической турбулентности и беспрецедентного санкционного давления приобретает особую значимость для обеспечения экономической безопасности Российской Федерации. Как справедливо отмечается в научной литературе, неправомерный вывод капитала – это не отдельные преступления, совершаемые традиционными участниками внешнеторговой деятельности, а сформированный за десятки лет сектор криминального рынка [1, с. 87]. Глобализация и ускорение трансграничных перетоков капитала создали условия для активизации организованной преступности, которая все больше приобретает международный характер, при этом схемы и методы легализации преступных доходов постоянно совершенствуются, усложняются и становятся все более трудными для раскрытия.

В криминалистическом аспекте преступная деятельность выступает как система взаимосвязанных элементов: мотива, цели, установки, образующей программно-целевой комплекс, способа деятельности и ряда других элементов. Как определял Р. С. Белкин, способ совершения преступления представляет собой систему действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, предопределенную условиями внешней среды и психофизическими свойствами личности. Аналогичного подхода, объединяющего в понятии «способ совершения» действия по подготовке и сокрытию преступления, придерживались И. А. Возгрин и А. А. Эксархопуло [2, с. 7]. Цель настоящего исследования состоит в криминалистическом анализе эволюции способов совершения преступлений, связанных с незаконным выводом капитала, – от традиционных документарных схем до гибридных конструкций, интегрирующих элементы различных методов легализации и вывода активов.

Криминалистическая характеристика преступлений как категория науки криминалистики имеет высокое теоретическое и практическое значение, поскольку анализ составляющих ее элементов в их взаимосвязи способствует формированию новых и развитию уже имеющихся типовых методик расследования как отдельных преступлений, так и их групп, характеризующихся общностью объекта преступного посягательства. Основным составом преступления, в рамках которого осуществляется уголовно-правовая квалификация деяний по незаконному выводу капитала, выступает ст. 193.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), предусматривающая ответственность за совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов. Использование банковской системы для незаконного получения капиталов и манипулирования капиталами, полученными в результате криминальной или противоправной деятельности, связано как с удобством системы банковских расчетов, так и с необходимостью придавать таким операциям вид законности. Криминалистический анализ документов в рамках расследования таких преступлений предусматривает выявление подлогов в документах, отражающих операции с материальными цен-

ностями и денежными средствами. Способы совершения преступлений, предусмотренных ст. 193.1 УК РФ, а также основные причинно-следственные связи, образующиеся в процессе совершения преступления, выделяются на основе методологии, включающей статистический метод и формально-логический метод.

Традиционно в криминалистике процесс отмывания денег подразделяется на три стадии:

1) размещение – введение теневого капитала в финансовую систему;
2) наслаивание – отделение доходов от их незаконного источника;
3) интеграция – возвращение легализованных средств в экономический оборот.

В некоторых моделях выделяется также четвертая стадия – собственно интеграция, на которой преступные сообщества инвестируют легализованные капиталы в высокоприбыльные сферы и отрасли бизнеса. К числу традиционных способов незаконного вывода капитала, наиболее полно исследованных в криминалистической литературе, относятся использование подложных документов при совершении валютных операций, так называемая «молдавская схема», исполнение фиктивных судебных решений, операции с ценными бумагами, а также вексельные схемы и обналичивание.

При использовании подложных документов участники преступных групп создают фиктивные юридические лица, через которые осуществляются теневые финансовые операции. Типичным примером является перевод денежных средств за рубеж под предлогом покупки товара при фактическом отсутствии внешнеторговой сделки. «Молдавская схема» заключается в подписании договора займа между двумя организациями, при этом поручителями выступают российские компании и граждане Молдавии, после чего денежные средства выводились через молдавские банки – эта схема получила широкое распространение в 2010-х годах и была предметом масштабных расследований [3]. Как показывает судебная практика, масштабный вывод средств через подобные конструкции достигал десятков и сотен миллиардов рублей. Исполнение фиктивных судебных решений основано на том, что против российской компании подается иск на крупную сумму долга, сформированного фиктивно и денежные средства легально отправляются за рубеж во исполнение судебного акта, что примечательно использованием легитимных процессуальных механизмов для достижения противоправной цели.

Как отмечает Р. И. Маслов, на рынке ценных бумаг реализуется наиболее распространенная схема по выводу капитала, в рамках которой выявляются основные признаки подозрительных операций, изобличающие преступный характер вывода на всех этапах реализации схемы, а организованные преступные группы используют покупку-продажу ценных бумаг для маскировки трансграничного перемещения денежных средств. Вексельные схемы и обналичивание, в свою очередь, предполагают, что «черные» брокеры оказывают легализаторам услуги по получению наличных денег посредством вексельных схем за определенную плату, а теневые банкиры создают фиктивные фирмы, через которые осуществляется кассовое обслуживание бизнесменов [4, с. 33]. Криминалистический анализ традиционных схем позволяет выделить их общие признаки:

1) использование подложных или фиктивных документов;
2) участие подставных (номинальных) юридических и физических лиц;
3) трансграничный характер перемещения средств;
4) многоэтапность операций, направленная на затруднение трассировки денежных потоков;
5) придание операциям видимости законных внешнеэкономических или финансовых сделок.

Эволюция способов незаконного вывода капитала от традиционных к гибридным схемам обусловлена совокупностью объективных и субъективных факторов. Прежде всего, совершенствование системы финансового мониторинга и валютного контроля – введение обязательного контроля со стороны Росфинмониторинга, ужесто-

чение требований к идентификации клиентов кредитных организаций, развитие автоматизированных систем анализа подозрительных операций – вынуждает преступные группы модифицировать используемые схемы. По данным Росфинмониторинга, в 2024 году объем подозрительных операций сократился на 21 % – с 113 млрд рублей до 90 млрд рублей. При этом операции с признаками вывода средств за рубеж снизились на 32 %, до 8,4 млрд рублей. Благодаря оперативному ориентированию кредитных организаций на новые схемы проведения незаконных финансовых операций и принятым банками заградительным мерам Росфинмониторинг не допустил в 2024 году вывода в теневой оборот 500 млрд рублей[1].

Наряду с этим значимым фактором выступает цифровая трансформация экономических отношений. Процессы глобализации и цифровой трансформации вносят существенные сложности в расследование преступлений, связанных с легализацией доходов, поскольку появление криптовалют, электронных платежных систем, цифровых финансовых активов создает новые возможности для анонимизации и сокрытия следов преступной деятельности. Кроме того, введение санкционных ограничений стимулирует недобросовестных предпринимателей искать новые способы незаконного вывода денежных средств за рубеж, поскольку ограничение доступа к традиционным финансовым каналам заставляет искать обходные пути и гибридизировать преступные схемы. Дополнительным аспектом выступает институционализация преступной деятельности, когда незаконный вывод капитала превратился в сформировавшуюся за десятилетия сферу деятельности организованной экономической преступности, а профессионализация участников, специализация функций и создание устойчивых преступных сетей способствуют усложнению и диверсификации используемых схем.

Понятие «гибридные схемы» применительно к выводу капитала в криминалистическом контексте означает интеграцию в рамках единого преступного механизма элементов различных традиционных способов, а также использование новых технологических и финансовых инструментов; гибридизация выступает как реакция на ужесточение контрольных механизмов и представляет собой качественно новый этап эволюции преступных способов. Современный ландшафт незаконного вывода капитала из Российской Федерации характеризуется значительной адаптацией неправомерных схем к ужесточающемуся валютному контролю и цифровизации финансовых потоков.

Одним из ключевых элементов гибридных схем становится криптовалютный компонент. Как показывают исследования, использование криптовалют в схемах отмывания и вывода денежных средств становится все более распространенным. Гибридные схемы расчетов, сочетающие криптовалюту и фиатные деньги в международных платежах, предлагают скорость переводов, доступность и возможность работы в юрисдикциях с ограничениями. С точки зрения криминалистики, применение криптовалют существенно затрудняет трассировку денежных потоков и идентификацию конечных бенефициаров, поскольку транзакции могут быть анонимизированы с использованием миксеров и других инструментов. Вместе с тем развиваются методы анализа блокчейна, позволяющие отслеживать транзакции между кошельками и связывать их с реальными лицами через данные криптобирж, где требуется идентификация пользователей [5, с. 48]. Например, в следственной практике встречаются случаи, когда фигуранты систематически конвертировали криптовалюту в рубли через банковские счета, после чего обналичивали деньги.

Дропперство как новое направление преступной активности, целями которого являются уклонение от уплаты налогов, легализация преступных доходов, обналичивание денежных средств и их вывод из сферы контроля Федеральной налоговой службы

[1] Росфинмониторинг в 2024 году пресек вывод в теневой оборот 500 млрд. рублей // Парламентская газета. 2025. 8 июля.

России и Росфинмониторинга, также становится неотъемлемой частью гибридных конструкций. Дропперы выступают в качестве номинальных держателей счетов и участников транзакций, создавая дополнительный уровень анонимизации. Как подчеркивается в научном исследовании А. Н. Калюжного, дропперство вышло за пределы кибермошенничества и активно используется в схемах отмывания преступных доходов, распространения наркотиков, финансирования терроризма и экстремизма [6, с. 314]. Криминалистический анализ способов преступной деятельности дропперов требует разработки специальных методик выявления и доказывания, учитывающих устойчивую структуру этой деятельности, цифровую специфику, удаленный характер координации и сложности в правовой квалификации. С 1 июня 2025 года вступили в силу поправки в закон № 115-ФЗ, расширяющие полномочия Росфинмониторинга в борьбе с финансовыми преступлениями, в том числе право приостанавливать банковские переводы на срок до 10 дней при подозрении в легализации преступных доходов. Новые полномочия используются в первую очередь для борьбы с дропперами – сообщниками финансовых мошенников, предоставляющими свои банковские карты для обналичивания или перевода похищенных средств. При этом Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ дропперство было криминализовано[2].

Современные преступные схемы сочетают использование подложных документов (традиционный элемент) с применением цифровых технологий для создания фиктивного документооборота, электронных подписей, дистанционного банковского обслуживания. Использование офшорных юрисдикций в гибридных конструкциях также сохраняет свою актуальность. Современные офшорные схемы опираются на институциональные возможности, предоставляемые офшорными юрисдикциями и профессиональными номинальными сервисами. Их роль в сокрытии конечных выгодоприобретателей трансформировалась под давлением глобальных инициатив по повышению прозрачности, но сохраняет критическую функциональность для обхода контроля. Более тревожной тенденцией 2024–2025 гг. является активизация так называемых «мицшорных» или «серых» юрисдикций, предлагающих компромисс между формальным соответствием международным стандартам и фактической анонимностью. Отдельные специальные экономические зоны в государствах Евразийского экономического союза и Азии, а также некоторые юрисдикции Персидского залива активно продвигают корпоративные структуры с ускоренной регистрацией и ослабленными требованиями к проверке бенефициарных владельцев [7, с. 49]. Номинальные сервисы эволюционировали от примитивного использования подставных лиц к сложным, многоуровневым корпоративным и трастовым конструкциям, включающим многослойное владение, протоколы «без вопросов» и интеграцию с подложной документацией.

Характерной особенностью использования таких схем легализации криминального капитала является фиктивный (виртуальный) перевод денежных средств в форме кредита, а в сочетании с трансфертным ценообразованием во внешнеторговых операциях это создает сложные гибридные конструкции, маскирующие реальное движение капитала. Криминалистический анализ гибридных схем требует применения экономических методов исследования, включая трассировку денежных средств, установление первоначального источника капитала, реконструкцию всей цепочки перемещения средств через различные счета, компании и страны для доказательства их незаконного происхождения. Специалисты анализируют банковские выписки, налоговые декларации, данные о сделках с недвижимостью и ценными бумагами, выстраивая целостную картину движения капитала. Ключевым инструментом является построение финансового профиля лица или компании, который затем сопоставляется с фактическими опера-

[2] О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

циями для выявления аномалий. Экономическая экспертиза в судебных процессах по финансовым преступлениям играет решающую роль: эксперт строит финансовые модели, демонстрирующие несоответствие между легальными доходами обвиняемого и его активами. Убедительное заключение экономиста-криминалиста может стать основным доказательством в деле, показывая механизм преступления и его масштабы [5, с. 47].

Переход от традиционных к гибридным схемам незаконного вывода капитала порождает комплекс криминалистических проблем, требующих научного осмысления и практического решения. Первая проблема – идентификация признаков подозрительных операций. Выявление основных признаков, изобличающих преступный характер вывода на всех этапах реализации преступной схемы, является ключевой задачей, а в условиях гибридизации схем традиционные индикаторы (несоответствие документов, транзитный характер операций, отсутствие экономического смысла) дополняются новыми – использованием криптовалютных кошельков, множественностью посредников, быстрой сменой юрисдикций. В 2024 году сохранился тренд на снижение объемов подозрительных операций – сокращение составило 21 % (с 113 млрд рублей до 90 млрд рублей). При этом Росфинмониторинг провел 4,5 тысячи профилактических мероприятий, что обеспечило стабильно высокий уровень законопослушности контролируемых субъектов (86,2 %)[3].

Вторая проблема – доказывание субъективной стороны. Сложность гибридных схем, участие множества лиц с различными функциями, использование номинальных структур создают значительные трудности в доказывании умысла и осведомленности участников о преступном характере операций. Третья проблема – международное сотрудничество, поскольку трансграничный характер гибридных схем требует эффективного взаимодействия с компетентными органами иностранных государств, а различия в правовых системах, банковской тайне, процедурах взаимной правовой помощи существенно затрудняют расследование. Наконец, проблема методического обеспечения. Как отмечается в научной литературе, актуальность разработки частной криминалистической методики расследования преступлений, связанных с легализацией доходов, приобретенных преступным путем, не вызывает сомнений, однако существующие методики в значительной степени ориентированы на традиционные схемы и требуют адаптации к условиям гибридизации преступных способов [8, с. 202]. Поскольку дропперство стало неотъемлемым элементом преступной экономики, обосновывается необходимость научного исследования и разработки самостоятельной криминалистической методики раскрытия и расследования неправомерного оборота действующих электронных средств платежа.

Проведенный криминалистический анализ способов совершения преступлений, связанных с незаконным выводом капитала, позволяет констатировать качественную эволюцию преступных схем – от традиционных документарных конструкций до сложных гибридных механизмов, интегрирующих элементы различных методов легализации, цифровые технологии и офшорные инструменты. Традиционные схемы (использование подложных документов, фиктивные судебные решения, операции с ценными бумагами, вексельные схемы) сохраняют свое значение, однако все более уступают место гибридным конструкциям, включающим криптовалютный компонент, дропперство, фиктивное кредитование и трансфертное ценообразование в сочетании с офшорными юрисдикциями. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с незаконным выводом капитала, требует дополнения новыми элементами, отражающими специфику гибридных схем: использованием цифровых финансовых активов, примене-

[3] Росфинмониторинг в 2024 году пресек вывод в теневой оборот 500 млрд. рублей // Парламентская газета. 2025. 8 июля.

нием технологий анонимизации транзакций, участием специализированных посредников (дропперов), многоуровневой структурой управления преступной деятельностью. Эффективность противодействия незаконному выводу капитала напрямую зависит от своевременного обновления частных криминалистических методик расследования с учетом гибридизации преступных схем, развития экономических методов криминалистического анализа, совершенствования международного сотрудничества и внедрения современных технологий финансового мониторинга.

---

1. Неправомерный вывод капитала как объект криминалистического исследования // Борьба с криминальными рынками: сборник материалов. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2020. С. 85–92.
2. Тимченко Н. Н. К вопросу о типичных способах совершения валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов // Российский следователь. 2024. № 8. С. 6–10.
3. Кадыров Д. Великая молдавская схема отмывания денег // Международное право. 2025. URL: https://zakon.ru/blog/2025/04/17/velikaya_moldavskaya_shema_otmyvaniya_deneg?ysclid=mrs7x5ubkl653949578& (дата обращения: 12.05.2026).
4. Маслов Р. И. Противодействие незаконному выводу денежных средств, совершаемому организованными преступными группами на рынке ценных бумаг // Криминалистический вестник. 2023. № 2. С. 31–37.
5. Экономические методы в расследовании финансовых преступлений и отмывания денежных средств // Открытое образование. 2025. № 12. С. 45–52.
6. Калюжный А. Н. Способы преступной деятельности дропперов: криминалистический и уголовно-правовой подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право, 2026. Т. 17. № 2. С. 310–328.
7. Волосевич И. Н. Неправомерный оборот действующих электронных средств платежа (дропперство) как объект криминалистического анализа: постановка проблемы // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра, 2025. № 4. С. 45–52.
8. Лагун Н. И. Криминалистический анализ преступлений, совершаемых в сфере незаконного вывода капитала // Вестник криминалистики. 2024. № 4(43). С. 201–205.

1. Nepravomerny`j vy`vod kapitala kak ob``ekt kriminalisticheskogo issledovaniya // Bor`ba s kriminal`ny`mi ry`nkami: sbornik materialov. M.: Akademiya General`noj prokuratury` Rossijskoj Federacii, 2020. S. 85–92.
2. Timchenko N. N. K voprosu o tipichny`x sposobax soversheniya valyutny`x operacij po perevodu denezhny`x sredstv v inostrannoj valyute ili valyute Rossijskoj Federacii na scheta nerezidentov s ispol`zovaniem podlozhny`x dokumentov // Rossijskij sledovatel`. 2024. № 8. S. 6–10.
3. Kady`rov D. Velikaya moldavskaya sxema otmy`vaniya deneg // Mezhdunarodnoe pravo. 2025. URL: https://zakon.ru/blog/2025/04/17/velikaya_moldavskaya_shema_otmyvaniya_deneg?ysclid=mrs7x5ubkl653949578& (data obrashheniya: 12.05.2026).
4. Maslov R. I. Protivodejstvie nezakonnomu vy`vodu denezhny`x sredstv, sovershaemomu organizovanny`mi prestupny`mi gruppami na ry`nke cenny`x bumag // Kriminalisticheskij vestnik. 2023. № 2. S. 31–37.
5. E`konomicheskie metody` v rassledovanii finansovy`x prestuplenij i otmy`vaniya denezhny`x sredstv // Otkry`toe obrazovanie. 2025. № 12. S. 45–52.
6. Kalyuzhny`j A. N. Sposoby` prestupnoj deyatel`nosti dropperov: kriminalisticheskij i ugolovno-pravovoj podxody` // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo, 2026. T. 17. № 2. S. 310–328.

7. Volosevich I. N. Nepravomerny`j oborot dejstvuyushhix e`lektronny`x sredstv platezha (dropperstvo) kak ob``ekt kriminalisticheskogo analiza: postanovka problemy` // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra, 2025. № 4. S. 45–52.
8. Lagun N. I. Kriminalisticheskij analiz prestuplenij, sovershaemy`x v sfere nezakonnogo vy`voda kapitala // Vestnik kriminalistiki. 2024. № 4(43). S. 201–205.

Информация об авторе

Анастасия Сергеевна Зеновкина. Адъюнкт.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Anastasia S. Zenovkina. A postgraduate student.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Oryol, Ignatova St., 2.

Статья поступила в редакцию 19.07.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 19.07.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 343.1

ЭТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРЕДЕЛЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАБОТЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Исаева Елена Дмитриевна
Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, Брянск, Россия

isaevaelena190373@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются проблемы внедрения систем искусственного интеллекта и цифровых технологий в деятельность следователя. Анализируются современные направления цифровизации предварительного расследования, включая прогностическую аналитику, автоматизированный осмотр интернет-ресурсов и распознавание образов. Особое внимание уделяется этическим коллизиям и правовым рискам, возникающим при делегировании машине полномочий, затрагивающих права и свободы граждан. На основе анализа научных источников автором обосновывается система пределов использования искусственного интеллекта, включающая принципы сохранения человеческого контроля, процессуальной верификации, алгоритмической прозрачности и недискриминации. Формулируются предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части закрепления статуса результатов работы искусственного интеллекта и обязанности отражать факт применения технологий в процессуальных документах.

Ключевые слова: искусственный интеллект, следователь, цифровые технологии, этические пределы, уголовное судопроизводство, алгоритмическая предвзятость, допустимость доказательств, презумпция невиновности, человеческий контроль.

Для цитирования: Исаева Е. Д. Этические и правовые пределы использования цифровых технологий и искусственного интеллекта в работе следователя // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 331–337.

ETHICAL AND LEGAL LIMITS OF THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE WORK OF AN INVESTIGATOR

Elena D. Isaeva
Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russia named after V. V. Lukyanov, Bryansk, Russia

isaevaelena190373@yandex.ru

Annotation. This article examines the challenges of integrating artificial intelligence systems and digital technologies into investigatory work. It analyzes current trends in the digitalization of preliminary investigations, including predictive analytics, automated review of internet resources, and pattern recognition. Particular attention is paid to the ethical conflicts and legal risks arising from delegating powers affecting the rights and freedoms of citizens to a machine. Basng on an analysis of scientific sources, the author substantiates a system of limits on the use of artificial intelligence, including the principles of maintaining

human control, procedural verification, algorithmic transparency, and non-discrimination. Proposals are formulated for improving criminal procedure legislation by formalizing the status of artificial intelligence results and the obligation to reflect the use of technology in procedural documents.

Keywords: artificial intelligence, investigator, digital technologies, ethical limits, criminal proceedings, algorithmic bias, admissibility of evidence, presumption of innocence, human control.

For citation: Isaeva E. D. Ethical and legal limits of the use of digital technologies and artificial intelligence in the work of an investigator // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 331–337.

Цифровая трансформация уголовного судопроизводства и всей правоохранительной деятельности перестала быть отдаленной перспективой и стала объективной реальностью. Она привела к активному внедрению систем распознавания лиц, предиктивной полицейской аналитики, автоматизированного анализа больших данных, а также алгоритмов, помогающих оценивать доказательства [1, с. 46].

В свою очередь, это ведет к трансформации всех общественных отношений. Сегодня искусственный интеллект (далее – ИИ) и цифровые технологии используются не только для совершения киберпреступлений, но и как ключевой инструмент их раскрытия – от автоматизированного анализа «цифровых следов» до систем прогнозирования преступности. Технологии меняют облик криминалистики и следственной работы. Однако стремительное развитие этих инструментов обгоняет осмысление их этических последствий. Если традиционные следственные действия ограничены процессуальными нормами и моральными принципами, то алгоритмы могут воспроизводить системные предубеждения, работать непрозрачно и вытеснять человеческое усмотрение. Чем глубже технологии проникают в следственную деятельность, тем острее становится проблема определения допустимых границ их применения. История знает немало примеров, когда великие открытия обращались против человечества. В сфере уголовного правосудия цена ошибки особенно высока: на кону – свобода, честь и достоинство личности. Как справедливо отмечают Д. В. Воронков и А. М. Сосновикова, использование ИИ в правоохранительной деятельности требует осмысления не только технических и правовых, но и этических моделей, поскольку речь идет о вторжении в сферу фундаментальных прав человека [2, с. 12].

Также стремительное внедрение ИИ опережает формирование нормативной базы. Использование ИИ в судебно-экспертной деятельности остается во многом неурегулированным, отсутствуют единые стандарты, что порождает дефекты уголовно-процессуального законодательства. Таким образом, на сегодняшний день существует необходимость разработки и утверждения стандарта, предусматривающего терминологические особенности и основополагающие принципы использования искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности [3, с. 168].

На сегодняшний день можно выделить несколько ключевых и перспективных направлений внедрения ИИ в следственную практику:

Первое направление – автоматизация анализа цифровой информации. Как отмечает В. Глимейда, особое значение приобретает использование ИИ при осмотре интернет-ресурсов, где технология позволяет обрабатывать огромные массивы данных, выявлять скрытые связи и автоматически фиксировать противоправный контент. При этом автор справедливо указывает на отсутствие прямого упоминания ИИ в уголовно-процессуальном законодательстве и неопределенность статуса цифровых данных, полученных алгоритмическим путем [4, с. 37].

Второе направление – прогностическая аналитика и распознавание образов. Системы видеоаналитики в режиме реального времени идентифицируют автомобили, разыскиваемых лиц, фиксируют правонарушения. В ряде регионов апробируются алгоритмы, прогнозирующие криминогенную обстановку на основе анализа исторических данных.

Третье направление – анализ больших объемов данных при расследовании преступлений. Искусственный интеллект может обрабатывать информацию из разных источников: социальных сетей, данных операторов сотовой связи, средств видеофиксации и т. д. Также его можно использовать для прогнозирования преступности, изучения распределения криминогенных факторов, розыска скрывающихся лиц, похищенного имущества и т. п. [5, с. 7].

Четвертое направление – анализ доказательств по уголовным делам. Искусственный интеллект способен повысить точность и эффективность традиционных криминалистических методов (профилирование ДНК, анализ отпечатков пальцев, баллистическая экспертиза). В качестве примера авторы приводят продукт «Папилон-Нейро» российской IT-компании «Папилон», которая реализует возможности нейросетей в биометрических системах.

В связи с вышеизложенным особого внимания заслуживает позиция Председателя Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкина, который на Петербургском международном юридическом форуме в мае 2025 года привел показательный пример: с помощью ИИ был задержан подозреваемый, который впоследствии длительное время содержался под стражей, однако затем у него появилось неопровержимое алиби. «Мы едва не привлекли к ответственности невиновного человека», – констатировал глава Следственного комитета, подчеркнув, что использование ИИ допустимо только под жестким контролем человеческого разума [6].

Данный пример наглядно демонстрирует главную опасность: технология, воспринимаемая как объективный и безошибочный инструмент, способна порождать ложные выводы, которым следователи и судьи склонны доверять в силу их «научности». Это явление получило в литературе название «алгоритмический формализм» – некритическое принятие машинных результатов.

Следовательно, адаптация современного уголовно-процессуального права к развитию искусственного интеллекта зависит от степени научно-технического прогресса в этой области. Она требует четкого определения потенциальных рисков, развития эффективной правоприменительной практики, цифровизации правоприменительной деятельности и установления этических принципов при создании и применении искусственного интеллекта.

Кроме этого, следует учитывать, что расследование преступлений, совершенных с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, характеризуется производством целого комплекса следственных действий, направленных на сбор и фиксацию как «традиционных» доказательств: сведений, получаемых непосредственно от участников уголовного судопроизводства (свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых), и материальных следов, так и «цифровых» доказательств [7, с. 83].

Внедрение ИИ в работу следователя порождает ряд этических коллизий в уголовном судопроизводстве, которые невозможно разрешить исключительно правовыми средствами, но которые требуют осмысления именно как морально-нравственные императивы. Вопрос об ответственности за действия, совершаемые искусственным интеллектом, остается открытым и требует четкого определения потенциальных рисков и развития правоприменительной практики.

С этической точки зрения ситуация усугубляется тем, что «коллективная безответственность» становится благоприятной средой для произвола. Следователь может

оправдывать свои действия ссылками на алгоритм, алгоритм – на исходные данные, разработчик – на особенности правоприменения. В результате страдает конкретный человек, чьи права оказались нарушенными. Также современные нейросетевые модели часто работают по принципу «черного ящика»: даже разработчики не всегда могут объяснить, почему алгоритм принял то или иное решение. Но уголовное судопроизводство требует прозрачности. Обвинение должно быть понятным, мотивированным, основанным на проверяемых доказательствах.

Б. Б. Сарсенбаева и другие авторы справедливо указывают на необходимость интерпретируемости алгоритмов как условия допустимости цифровых доказательств. Если следователь не может объяснить, каким образом система пришла к выводу о связи конкретного лица с преступлением, использование такого вывода в качестве доказательства нарушает фундаментальное право обвиняемого знать, в чем он обвиняется, и оспаривать обвинение [8, с. 210].

Еще одной этической проблемой является соотношение эффективности применения ИИ в уголовно-правовой деятельности и вторжения в частную жизнь. Цифровые технологии расследования часто предполагают массовый сбор данных – анализ всех проездов по городу, всех звонков в сотовой сети, всех фотографий в системе видеонаблюдения. Это сталкивается с правом на уважение частной жизни (ст. 23 Конституции РФ). При использовании ИИ возникает дополнительное измерение: алгоритмы могут выявлять интимные детали (политические предпочтения, медицинские диагнозы, сексуальную ориентацию) из, казалось бы, нейтральных данных, например по частоте посещения определенных мест или характеру поисковых запросов.

Этический предел определяется принципом соразмерности (пропорциональности). Технология допустима только если она направлена на предотвращение тяжких и особо тяжких преступлений. Автоматический сбор и анализ данных всех граждан (тотальная предиктивная слежка) недопустимы в демократическом обществе. Следовательно, необходимо искать баланс между эффективностью их использования и конституционными гарантиями.

Определение правовых пределов использования ИИ в работе следователя предполагает решение нескольких взаимосвязанных задач: установление процессуального статуса результатов работы ИИ, регламентацию порядка их получения и закрепления в материалах дела, а также определение круга решений, которые не могут быть делегированы машине. Необходимо отметить, что в настоящее время уголовно-процессуальный кодекс не содержит упоминаний об искусственном интеллекте. Результаты алгоритмической обработки данных могут фигурировать в деле в качестве «иных документов», заключений специалистов или вещественных доказательств, однако каждый из этих вариантов имеет существенные недостатки.

Наиболее перспективным в данном случае представляется подход, предложенный В. В. Глимейдой: имплементация специальной нормы, обязывающей отражать в протоколе следственного действия факт и условия использования ИИ, а также определяющей роль специалиста при получении результатов алгоритмического анализа. Важным требованием должна стать воспроизводимость алгоритмов: возможность повторно провести анализ тем же способом и получить аналогичный результат, что необходимо для проверки доказательств защитой [4, с. 38].

Представляется необходимым законодательно закрепить перечень решений, которые не могут приниматься на основе исключительно алгоритмических выводов. К ним безусловно относятся:

– решения, ограничивающие конституционные права граждан (задержание, обыск, избрание меры пресечения);

– выводы о виновности и квалификации деяния;

– оценка доказательств с точки зрения их достоверности и достаточности.

На сегодняшний день особенно актуальным является проект Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» (опубликованный 19 марта 2026 г.), вступление которого в силу планируется с 1 сентября 2027 г.[1]

Данный Федеральный закон должен урегулировать отношения, возникающие в связи с разработкой, внедрением, использованием и иным применением технологий искусственного интеллекта.

Проектом в том числе:

– устанавливается риск-ориентированный подход к регулированию применения искусственного интеллекта;

– вводятся понятия суверенных, национальных и доверенных моделей искусственного интеллекта;

– предусматривается, что гражданам должна быть обеспечена возможность досудебного обжалования решений, принятых или совершенных с использованием технологий искусственного интеллекта;

– закрепляется право граждан на компенсацию вреда, причиненного неправомерным использованием технологий искусственного интеллекта;

– устанавливаются обязанности разработчика модели искусственного интеллекта, оператора системы искусственного интеллекта, владельца и пользователя сервиса искусственного интеллекта, в частности вводится обязанность владельца сервиса искусственного интеллекта обеспечивать размещение информационного предупреждения пользователя о применении технологий искусственного интеллекта для создания аудио- и (или) визуального информационного материала или иного контента [9, с. 89].

На основе проведенного анализа можно сформулировать систему принципов, определяющих этические и правовые пределы использования цифровых технологий и ИИ в работе следователя.

Принцип сохранения человеческого контроля подразумевает, что ключевые процессуальные решения всегда остаются за человеком. ИИ выступает инструментом, предоставляющим информацию, но не заменяющим усмотрение следователя. Принцип предполагает, что любое решение, основанное на выводах ИИ, должно быть проверено, осмыслено и мотивированно принято должностным лицом.

Принцип процессуальной верификации предполагает, что результаты работы ИИ должны быть проверяемы стандартными процессуальными средствами: допросом специалиста, назначением экспертизы, истребованием документов. Невозможность верификации влечет недопустимость использования таких результатов в доказывании.

Принцип алгоритмической прозрачности подтверждает, что используемые в следственной деятельности алгоритмы должны быть объяснимыми. Это не означает обязательного раскрытия коммерческой тайны разработчиков, но предполагает доступность для стороны защиты и суда информации о логике работы алгоритма, исходных данных и методике анализа.

Принцип недискриминации и уважения прав человека говорит о том, что системы ИИ должны проходить проверку на предмет наличия алгоритмической предвзятости. Разработчики и заказчики (правоохранительные органы) обязаны минимизировать риски дискриминации при использовании технологий.

Принцип субсидиарности должен допускать применение ИИ только там, где человеческие возможности недостаточны (обработка больших данных, анализ тысяч объ-

[1] Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации: проект Федер. закона Рос. Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

ектов), но уступать человеку там, где требуется контекстуальное понимание, эмпатия, правовое и нравственное чутье.

Данные принципы коррелируют с положениями Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490, ред. – Указ Президента РФ от 15.02.2024 № 124)[2].

Проведенное исследование позволяет утверждать, что этические и правовые пределы использования ИИ в работе следователя должны определяться системой взаимосвязанных принципов, центральное место среди которых занимает сохранение человеческого контроля над ключевыми процессуальными решениями. Законодательное закрепление этих принципов, разработка стандартов верификации алгоритмов и подготовка кадров, способных критически оценивать результаты работы ИИ, – необходимые условия того, чтобы цифровая трансформация служила правосудию, а не подменяла его. Искусственный интеллект и цифровые технологии – это мощный инструмент в арсенале правоохранительных органов, способный многократно повысить эффективность раскрытия преступлений. Однако их использование имеет объективные правовые и этические пределы, игнорирование которых способно разрушить фундаментальные основы правосудия.

1. Степанян А. И. Предиктивная аналитика в прогностической деятельности полиции современных государств // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4(84).
2. Воронков Д. В., Сосновикова А. М. Искусственный интеллект в правоохранительной деятельности: технические, правовые и криминалистические аспекты: монография. М.: КноРус, 2026. 232 с.
3. Ржанникова С. С. Стандартизация процесса использования искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 4(28). С. 163–172.
4. Глимейда В. В. Процессуальные аспекты применения искусственного интеллекта при осмотре информации в сети Интернет // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2025. № 3. С. 35–39.
5. Яковлева Е. О., Лунева К. А., Тарыкин В. К. Перспективы использования искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // Полицейская деятельность. 2025. № 2. С. 1–14.
6. Бастрыкин А. И. Допускает применение ИИ в следствии только под контролем человека // Интерфакс. 19 мая 2025. URL: https://www.interfax.ru (дата обращения: 07.04.2026).
7. Климова Я. А. Искусственный интеллект и цифровые доказательства в расследовании преступлений, совершенных с использованием современных информационно-коммуникационных технологий // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1(64). С. 81–85.
8. Сарсенбаева Б. Б., Шаркемелов А. К., Бегимбаев С. А. Интеграция искусственного интеллекта в криминалистическую практику: от анализа данных к принятию решений // Eurasian Scientific Journal of Law. 2025. № 4(13). С. 206–216. URL: https://doi.org/10.46914/2959-4197-2025-1-4-206-216 (дата обращения: 07.04.2026).
9. Куцурубова-Шевченко Е. В., Жокабине Н. Ф. Правовое регулирование применения искусственного интеллекта в финансовой сфере Российской Федерации // Вестник Донбасского государственного университета юстиции. 2026. № 2(8). С. 84–92.

[2] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 10 октября 2019 г. № 490. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

1. Stepanyan A. I. Prediktivnaya analitika v prognosticheskoj deyatel`nosti policii sovremenny`x gosudarstv // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 4(84).
2. Voronkov D. V., Sosnovikova A. M. Iskusstvenny`j intellekt v pravooxranitel`noj deyatel`nosti: texnicheskie, pravovy`e i kriminalisticheskie aspekty`: monografiya. M.: KnoRus, 2026. 232 s.
3. Rzhannikova S. S. Standartizaciya processa ispol`zovaniya iskusstvennogo intellekta v sudebno-e`kspertnoj deyatel`nosti // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2023. №4(28). S. 163–172.
4. Glimejda V. V. Processual`ny`e aspekty` primeneniya iskusstvennogo intellekta pri osmotre informacii v seti Internet // Yuridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2025. № 3. S. 35–39.
5. Yakovleva E. O., Luneva K. A., Tary`kin V. K. Perspektivy` ispol`zovaniya iskusstvennogo intellekta v pravooxranitel`noj deyatel`nosti // Policejskaya deyatel`nost`. 2025. № 2. S. 1–14.
6. Bastry`kin A. I. Dopuskaet primenenie II v sledstvii tol`ko pod kontrolem cheloveka // Interfaks. 19 maya 2025. URL: https://www.interfax.ru (data obrashheniya: 07.04.2026).
7. Klimova Ya. A. Iskusstvenny`j intellekt i cifrovy`e dokazatel`stva v rassledovanii prestuplenij, sovershenny`x s ispol`zovaniem sovremenny`x informacionno-kommunikacionny`x texnologij // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2023. № 1(64). S. 81–85.
8. Sarsenbaeva B. B., Sharkemelov A. K., Begimbaev S. A. Integraciya iskusstvennogo intellekta v kriminalisticheskuyu praktiku: ot analiza danny`x k prinyatiyu reshenij // Eurasian Scientific Journal of Law. 2025. № 4(13). S. 206–216. URL: https://doi.org/10.46914/2959-4197-2025-1-4-206-216 (data obrashheniya: 07.04.2026).
9. Kuczurubova-Shevchenko E. V., Zhokabine N. F. Pravovoe regulirovanie primeneniya iskusstvennogo intellekta v finansovoj sfere Rossijskoj Federacii // Vestnik Donbasskogo gosudarstvennogo universiteta yusticii. 2026. № 2 (8). S. 84–92.

Информация об авторе

Елена Дмитриевна Исаева. Доцент кафедры криминалистики и уголовно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук.

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

241050, Россия, г. Брянск, 2-й Советский пер., 2а.

Information about the author

Elena D. Isaeva. Assistant Professor of the Chair of Forensic Science and Criminal Law Disciplines, Candidate of Sciences (Law).

Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russia named after V. V. Lukyanov.

241050, Russia, Bryansk, per. Vtoroy Sovetsky, 2A.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.

The article was received in the editorial office on 22.06.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 343.985.1

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АППАРАТНО-ПРОГРАММНЫХ КОМПЛЕКСОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИЦИИ (ИНТЕРПОЛА) I-24/7 В СОТРУДНИЧЕСТВЕ МВД РОССИИ И ГЕНПРОКУРАТУРЫ РОССИИ С КОМПЕТЕНТНЫМИ ОРГАНАМИ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

Клепов Максим Николаевич
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

maximklepov@mail.com

Аннотация. В статье исследуется ряд особенностей применения системы глобальной связи и обмена информацией Международной организации уголовной полиции (Интерпола) I-24/7 в практической деятельной МВД России и Генеральной прокуратуры Российской Федерации по обмену информацией с компетентными органами зарубежных государств в условиях интенсифицированного с 2022 года санкционного давления на Российскую Федерацию.

Анализируются некоторые аспекты влияния антироссийских санкций на международное сотрудничество России в сфере борьбы с преступностью (уголовного судопроизводства).

Рассматривается такой инструмент по обмену информацией между Нацинальным центральным бюро НЦБ Интерпола МВД России и Генеральным секретариатом Международной организации уголовной полиции, национальными центральными бюро Организации как рассылка в контексте установления в марте 2022 года после начала Специальной военной операции Генеральным секретариатом Интерпола особых правил обработки рассылок, направляемых НЦБ Интерпола МВД России.

Ключевые слова: Международная организация уголовной полиции (Интерпол), международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства, аппаратно-программный комплекс I-24/7, санкции, уведомление с красным углом, рассылка (диффузия).

Для цитирования: Клепов М. Н. Некоторые аспекты использования аппаратно-программных комплексов Международной организации уголовной полиции (Интерпола) I-24/7 в сотрудничестве МВД России и Генпрокуратуры России с компетентными органами иностранных государств в сфере уголовного судопроизводства в условиях санкционного давления // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 338–349.

SOME ASPECTS OF INTERNATIONAL CRIMINAL POLICE ORGANIZATION (INTERPOL) I-24/7 HARD AND SOFTWARE COMPLEX IMPLEMENTATION IN COOPERATION BETWEEN THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS AND GENERAL PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH THE AUTHORIZED BODIES OF THE FOREIGN COUNTRIES IN THE AREA OF CRIMINAL PROCEDURE UNDER THE SANCTIONS PRESSURE

Maxim N. Klepov
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

maximklepov@mail.com

Annotation. In the article some particularities of I-24/7 Interpol global connection system implementation in Russian Federation in order to search, locate, apprehend and arrest criminals for extradition are addressed.

Some aspects of I-24/7 Interpol global connection system implementation under the sanctions imposed on Russia sanctions influences on international cooperation in criminal procedure matters are analyzed.

Such an instrument of the information exchange as a diffusion in the context of adopted by IPSG in March 2022 special rules for accepting and processing by Interpol diffusions sent from NCB Moscow.

Keywords: International Police Cooperation Organization (Interpol), international cooperation in criminal procedure matters (criminal justice) , hardware and software complex I-24/7, sanctions, red notice, diffusion.

For citation: Klepov M. N. Some aspects of International Criminal Police Organization (Interpol) I-24/7 hard and software complex implementation in cooperation between the Ministry of Internal Affairs and General Prosecutor's office of the Russian Federation with the authorized bodies of the foreign countries in the area of criminal procedure under the sanctions pressure // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 338–349.

В настоящее время инструментарий Международной организации уголовной полиции (Интерпола) являются действенным механизмом в сфере международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, транснационального розыска лиц и иных объектов и достаточно активно используется российскими правоохранительными органами.

Основным способом взаимодействия по обмену информацией между Национальными центральными бюро Интерпола, другими уполномоченными органами государств – участников Организации и иными субъектам сотрудничества по каналам Интерпола[1] является использование сервисов аппаратно-программного комплекса I-24/7, представляющего собой глобальную безопасную систему связи Международной организации уголовной полиции, которая обеспечивает передачу сведений меж-

[1] Примером иного субъекта сотрудничества по каналам Интерпола является офис по связям с Интерполом Миссии ООН по делам временной администрации в Косово (United Nations Interim Administration Mission in Kosovo Interpol Liaison Office), функционирующий с 2001 года по настоящее время по сути на правах «странового» НЦБ. Официальный сайт Миссии ООН по делам временной администрации в Косово. URL: https://unmik.unmissions.org/; https://ru.ruwiki.ru/wiki/Миссия_ООН_по_делам_временной_администрации_в_Косове;https://en.wikipedia.org/wiki/United_Nations_Interim_Administration_Mission_in_Kosovo (дата обращения: 08.06.2026).

ду странами-участницами в режиме реального времени и позволяет правоохранительным органам мгновенно обмениваться данными о преступниках, пропавших людях, украденных документах, биометрических данных и других сведениях, связанных с международной преступностью (работать с картотекой Интерпола) [1, с. 45].

В данном контексте с учетом роста использования национальными правоохранительными органами возможностей нейросетей, искусственного интеллекта значительной степенью актуальности обладают продолжаемые в 2026 году Генеральным секретариатом Международной организации уголовной полиции в рамках I-24/7 работы по разработке и активному внедрению инкорпорированных систем распознавания лиц и голосов, в том числе с учетом перспективной реализации в них элементов искусственного интеллекта.

Несмотря на то что, как отмечается на страницах юридической печати, «в международном праве и национальном законодательстве отсутствует единый взгляд к определению института международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства» [2, с. 106], безотносительно подходов к его теоретичной и нормативной дефиниции, де-факто положения данного института достаточно активно имплементируются в ходе производства по уголовным делам (раскрытия и расследования преступлений). Сказанное вполне справедливо и по отношению к деятельности правоохранительных органов Российской Федерации. Основываясь на нормах раздела XVIII части 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, отметим, что в теории уголовного процесса общепринятой является точка зрения, согласно которой международное сотрудничество российских судов, прокуроров, следователей и органов дознания с компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и (международными организациями) в сфере уголовного судопроизводства осуществляется в следующих основных сферах:

– направление и исполнение запросов о правовой помощи по уголовным делам (ст. 453–457 УПК РФ). Включает направление запросов для производства на территории иностранного государства осмотра, обыска, выемки, судебной экспертизы и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ;

– направление и исполнение запросов о передаче материалов уголовного дела для осуществления уголовного преследования (ст. 458, 459 УПК РФ). Применяется, например, когда преступление совершено на территории РФ иностранным гражданином, который впоследствии оказался за ее пределами;

– выдача лиц для уголовного преследования или исполнения приговора (ст. 460–468 УПК РФ). Включает процедуры направления запроса о выдаче, исполнения запроса, обжалования решения о выдаче и передачи выдаваемого лица;

– передача лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого они являются (ст. 469–472 УПК РФ);

– признание и принудительное исполнение приговоров, постановлений суда иностранного государства в части конфискации доходов, полученных преступным путем, находящихся на территории РФ (ст. 473.1–473.7 УПК РФ).

Некоторые другие направления международного сотрудничества в этой сфере:

– правоохранительное содействие – направление и исполнение запросов компетентных правоохранительных органов о получении информации, не имеющей доказательственного значения, но важной для других направлений сотрудничества, инициирования и осуществления уголовного судопроизводства;

– передача предметов – вещественных доказательств;

– возвращение активов, полученных преступным путем, на территорию РФ;

– производство по уголовному делу «in absentia» (в отсутствие обвиняемого (подсудимого));

– передача производства в органы международной уголовной юстиции.

С учетом данных норм, в юридической литературе под междурядным сотрудничеством в сфере уголовного судопроизводства понимается составная часть международного сотрудничества в борьбе с преступностью, ограниченная рамками уголовного процесса и представляющая собой взаимодействие судов, прокуроров, следователей, органов дознания с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями в целях реализации назначения уголовного судопроизводства, осуществляемая на основании международного договора, принципа взаимности и национального уголовно-процессуального законодательства [3, с. 107].

В то же время на страницах юридической печати дается определение такой категории как информационное взаимодействие по противодействию преступности, представляющее собой непрерывный совместный, согласованный процесс сбора, анализа, передачи, обработки, хранения и использования информации, которая необходима для функционирования механизма в данной сфере правоохранительной деятельности [4, с. 134].

В аналогичном контексте, представляется возможным рассматривать и информационный обмен в сфере борьбы с преступностью как непрерывный и поступательный процесс обнаружения, сбора, анализа, передачи, обработки, хранения и использования данных, который позволяет правоохранительным органам эффективнее предупреждать, выявлять, пресекать, раскрывать и расследовать преступления. Он охватывает как взаимодействие внутри страны, так и международное сотрудничество.

В целях унификации категориального аппарата и для минимизации двояких толкований тождественных по содержанию понятий в рамках настоящей статьи термины «международное сотрудничество в борьбе с преступностью», «международное информационное взаимодействие по противодействию преступности», «международное информационное взаимодействие в борьбе с преступностью», «международный информационный обмен в сфере борьбы с преступностью» и т. п. рассматриваются как тождественные, одними из разновидностей которых (пожалуй, наиболее полно урегулированных в нормативно-правой и организационной плоскостях), по нашему мнению, следует считать, международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства.

Всего по состоянию на 27 сентября 2025 года по инициативе отечественных компетентных органов за рубежом с применением аппаратно-программного комплекса I-24/7 разыскивалось более 10 тыс. обвиняемых и осужденных[2].

По полученной в рабочем порядке информации Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации указанный показатель не претерпел существенных изменений и на начало текущего года.

С использованием системы I-24/7 российской стороной в 2025 году в установленном порядке всего было рассмотрено 1 159 запросов иностранных государств о выдаче лиц из Российской Федерации, и по результатам рассмотрения этих запросов было принято 863 решения о выдаче (экстрадиции)[3].

При этом Генпрокуратурой России и НЦБ Интерпола МВД России в 2025 году было направлено 579 запросов о выдаче лиц для привлечения к уголовной ответственности или исполнения приговора, ведомства добились экстрадиции 186 лиц, разыски-

[2] Генпрокуратура РФ раскрыла число выданных Москве за 2025 год преступников. URL: https://www.vesti.ru/ns/genprokuratura-rf-raskryla-chislo-vydannykh-moskve-za-2025-god-prestupnikov (дата обращения: 01.06.2026).

[3] Россия выдала 863 человека по запросу иностранных государств в 2025 году. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8569924 (дата обращения: 01.04.2026).

ваемых за совершение преступлений (123 – от государств – участников СНГ и 63 – от других стран)[4].

По информации, озвученной Министром юстиции Российской Федерации К. А. Чуйченко 7 апреля 2026 г. на заседании расширенной коллегии российского Минюста, в рамках которой были подведены итоги деятельности ведомства за 2025 год и определены приоритетные направления его дальнейшей работы, в 2025 году 436 осужденных было передано для отбывания (дальнейшего отбывания) уголовного наказания из Российской Федерации в иностранные государства, а в 2026 году за рубеж планируется передать не менее 800 лиц данной категории[5].

В 2024 году из России для осуществления уголовного преследования и исполнения приговора было экстрадировано более 1 тыс. иностранцев и лиц без гражданства (877 подозреваемых и обвиняемых, а также 224 осужденных для дальнейшего отбывания наказания в государства их гражданства).

В Российскую Федерацию в 2024 году было выдано из-за рубежа 60 граждан России и лиц без гражданства, экстрадиции которых добивалась Россия[6].

Перед обращением к релевантным статистическим данным за 2022–2023 гг. (в контексте года начала СВО и последующего) отметим, что после вхождения Республики Крым в состав РФ по результатам всенародного референдума в марте 2014 года в отношении России были введены первые в новейшей истории санкции Европейского союза и США. По мнению российской стороны, поскольку данные (и последующие) санкции введены без участия ООН, в этой связи они не являются легитимными.

В литературе отмечается, что первые упоминания о санкциях можно найти в истории Древней Греции. Как и в настоящее время, их использовали в различных формах в контексте военных конфликтов и политических взаимоотношениях. В эпоху Средневековья концепция санкций приобрела формализованный характер, получив название «репрессалий». Это были ограничительные меры, применяемые одним государством в ответ на действия другого. Репрессалии могли включать запреты на торговлю, отзыв дипломатических представителей и другие ограничения [5, с. 870].

После Первой мировой войны, в 1919 году, Устав Лиги Наций стал первым международным документом, который использовал термин «санкционное принуждение» для обозначения коллективных мер, предпринимаемых государствами в случае начала войны любой страной (членом Лиги) для поддержания мира и безопасности. Эти санкции предусматривали расторжение с данной страной всех торговых и финансовых отношений. Затем опыт, накопленный Лигой Наций в сфере международного права, использован в Организации Объединенных Наций (ООН), и санкции стали стандартным инструментом международной политики[7].

Санкции, вводимые ООН после Второй мировой войны, стали применять для наказания государств или отдельных индивидов за нарушения международных норм, для воздействия на политическое поведение или давления с целью изменения политики. Международные санкции оказывают значительное влияние и на образовательные учреждения, создавая новые риски и обостряя существующие. Эти риски в совре-

---

[4] Генпрокуратура РФ раскрыла число выданных Москве за 2025 год преступников. URL: https://www.vesti.ru/ns/genprokuratura-rf-raskryla-chislo-vydannykh-moskve-za-2025-god-prestupnikov (дата обращения: 01.06.2026).

[5] На заседании расширенной коллегии Минюста России подвели итоги деятельности ведомства за 2024 год. URL: https://minjust.gov.ru/ru/events/50596 (дата обращения: 07.06.2026).

[6] Глава ФСИН: в 2024 году из России экстрадировали 877 иностранцев. URL: https://tass.ru/obschestvo/23374893 (дата обращения: 30.05.2026).

[7] История санкционной политики: номинальные цели и реальные последствия // Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ). 2022. 26 апреля. URL: https:// rapsinews.ru /incident_publication/20220426/307911006.html (дата обращения: 04.06.2026).

менном глобализованном мире варьируются от финансовых и академических до политических и операционных в зависимости от характера и объема санкций [5, с. 870].

Через некоторое время после «крымских» рестрикций США и ЕС ввели против России секторальные санкции.

После начала в феврале 2022 года Специальной военной операции, кроме США и стран ЕС, к антироссийскому санкционному списку присоединились Канада, Швейцария, Австралия, Республика Корея, Япония и ряд других государств с расширением списка санкций, которые в настоящее время могут быть классифицированы на:

– экономические санкции – введение запретов на сделки с определенными российскими компаниями и финансовыми учреждениями, ограничения в сфере заемных операций и инвестиций;

– секторальные санкции – запрет на взаимодействие с отдельными секторами российской экономики, такими как энергетика и оборонная промышленность;

– запрет на поставки вооружений – запрет на сделки по поставке военной техники и технологий;

– ограничения в области высоких технологий – запрет на экспорт технологий, особенно в области электроники и нефтегазовой промышленности;

– ограничения в сфере финансов – запрет на предоставление кредитов и услуг в сфере финансов, отключение от международной платежной системы «Общество всемирных межбанковских финансовых телекоммуникаций» (Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications (SWIFT));

– замораживание активов – блокировка золотовалютных резервов Центрального банка (ЦБ) РФ, активов некоторых российских банков, компаний и физических лиц в иностранных юрисдикциях и др.[8]

По данным, приведенным Президентом Российской Федерации В.В. Путиным по состоянию на март 2025 года, против России и в отношении российских физических и юридических лиц введено порядка 28,6 тыс. санкций, что во много раз больше, чем все санкции в отношении других стран[9].

По данным РИА Новости, по состоянию на 20 июля 2025 года количество принятых с 2014 года в отношении России санкций и иных ограничительных мер превысило 30 тыс.[10]

Расширение различного рода рестрикций против России продолжается, примером чему является одобрение Советом ЕС 23 апреля 2026 г. двадцатого антироссийского санкционного пакета[11].

В настоящее время продвигаемая Российской Федерацией, российскими государственными СМИ во внутреннем дискурсе, отстаиваемая официальной Москвой на международных площадках позиция выражается в том, что международные санкции (2022–2026 гг.) являются ограничительными политическими и экономическими мерами, введенными некоторыми государствами и международными организациями в обход Совета Безопасности ООН в отношении России, Беларуси и ряда российских и белорусских лиц и организаций, имеющих отношение к признанию независимо-

[8] Война санкций. URL: https://www.interfax.ru/story/111 (дата обращения: 04.06.2026).

[9] Путин: против российских компаний и физических лиц ввели 28 595 санкций. URL: https://tass.ru/politika/23432657 (дата обращения: 08.06.2026).

[10] Количество санкций против России превысило 30 тысяч. URL: https://ria.ru/20250720/strany-2030232496.html?ysclid=mltbdlpgwm652837294 (дата обращения: 18.03.2026).

[11] Что вошло в новый пакет санкций ЕС против России. Главное. URL: https://www.rbc.ru/politics/23/04/2026/69ea2b0c9a794780eab6d2f0 (дата обращения: 24.06.2026).

сти Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики (2022 г.), а также к специальной военной операции[12].

Хотя формально санкционные ограничения, введенные против Российской Федерации Европейским союзом (отдельными государствами ЕС), Великобританией, Швейцарией, США, Австралией, Японией, Республикой Корея и др., не распространялись на сферу взаимодействия с Россией в области борьбы с преступностью и сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства (исключая персональные санкции в отношении ряда должностных лиц российских органов государственной (муниципальной) власти и управления, правоохранительных органов, специальных служб и органов в сфере обеспечения обороны России)[13], на практике, к сожалению, настолько беспрецедентные разрушительные меры, затронувшие практически все отрасли народного хозяйства России, не могли не оказать влияния и на сферу сотрудничества в правоохранительной области.

Как в марте 2023 года отметил на том момент времени Генеральный прокурор Российской Федерации И. В. Краснов, «<…> после начала спецоперации многие страны почти свернули международно-правовое сотрудничество с РФ <…> но многие страны остались привержены правовым актам в сфере выдачи преступников и руководствуются как раз не политическими мотивами, а международными конвенциями и правовыми основаниями»[14].

Применительно к «первому санкционному году, связанному с СВО» (2022), как указывал заместитель Генерального прокурора России П. П. Городов в рамках ежегодного доклада в Совете Федерации Федерального Собрания России о состоянии законности и правопорядка за 2022 год и о работе по их укреплению: «Ситуация, связанная с отказами в выдаче граждан РФ, не новая. Она начала происходить несколько лет назад и эволюционирует достаточно быстро и жестко, особенно после начала специальной военной операции в 2022 году. Количество неудовлетворенных наших запросов об экстрадиции исчисляется 120, в отличие от аналогичного периода в 2021 году, когда был отказ в выдаче всего лишь 66 граждан <…> причины отказов в основном политизированы. Так, 74 российских запроса были отклонены по политическим мотивам. Остальные просто без мотивировки»[15].

В последующем ситуация в данной области относительно стабилизировалась.

К примеру, за 2023 год зарубежные страны экстрадировали 151 лицо, исполнили 376 российских запросов о правовой помощи по уголовным делам.

При этом в том же году иностранными государствами отказано в исполнении 66 запросов о правовой помощи, из них, по данным Генпрокуратуры России, 34 по политическим мотивам: Швейцария – 26, Латвия – 4, США – 2, Болгария и Лихтенштейн – по 1.

Применительно к экстрадиции, за 2023 год иностранными государствами отказано в удовлетворении 114 российских запросов о выдаче лиц для уголовного преследования и исполнения приговора, из них 38 по политическим мотивам: Австрия – 6,

---

[12] Санкции в связи с военными действиями на Украине. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Санкции_в_связи_с_военными_действиями_на_Украине?ysclid=mtylp809xz247603977&utm_referrer=https://ya.ru (дата обращения: 08.06.2026).

[13] Санкции: что это, виды, как работают, влияние санкций США и ЕС на Россию. URL: https://www.rbc.ru/base/24/02/2025/67aefb519a7947878698988a (дата обращения: 07.06.2026).

[14] Генпрокурор: зарубежные страны выдали РФ более 150 обвиняемых в 2023 году. URL: https: //www.kommersant.ru/doc/6595093 (дата обращения: 07.06.2026).

[15] В ГП сообщили о резком росте числа отказов в экстрадиции в Россию после начала СВО. URL: https: //tass.ru/obschestvo/17604093 (дата обращения: 30.05.2026).

Германия – 5, Чехия – 5, Польша – 4, Болгария, Италия, Кипр, Словакия – по 3, Словения – 2, Албания, Швейцария, Швеция, Румыния – по 1[16].

Вместе с тем, несмотря на отрицательные тенденции в абсолютном количестве и динамике экстрадиций и исполнении запросов о правовой помощи первой половины 2022 года, нельзя сказать о том, что данные цифры принципиально изменились с периодом, предшествующим СВО.

Так, по информации на 01.10.2021, в Россию за январь-сентябрь 2021 года было экстрадировано 62 лица, находившихся в международном розыске. В 2020 году таких было 74[17].

При этом очевидно, что в ситуацию с количественными показателями в области международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства в 2020–2021 гг. свой весомый негативный вклад внесла эпидемия коронавируса.

В целом в 2021 году использование каналов Интерпола способствовало задержанию 132 обвиняемых, скрывавшихся от российских правоохранительных органов[18].

Комментируя приведенные статистические данные, необходимо отметить, что каждая страна – член Интерпола обладает суверенитетом и руководствуется в своей деятельности внутренними законами, правилами и процедурами. Страны – члены организации по-разному определяют значимость уведомления с «красным углом» (red notice) о розыске, задержании и предэкстрадиционном заключении под стражу (предэкстрадиционном аресте) и последующей экстрадиции лица, объявленного в международный розыск по каналам Интерпола.

В одном случае данное уведомление может рассматриваться как простая сигнальная информация о розыске, в другом – как официальный запрос о задержании, предэкстрадиционном аресте и последующей выдаче.

Поэтому окончательное решение о применении соответствующих мер, в том числе о выдаче, всегда остается за властями страны задержания обвиняемого[19].

Наряду с уведомлениями Интерпола, прежде всего упомянутого выше уведомления с красным углом (red notice), важную роль в системе оперативного обмена информацией между странами – членами организации играет инструмент рассылок или диффузий (Interpol Wanted Person Diffusions (diffusions)).

Диффузия – это форма оперативного запроса в системе Интерпола, с помощью которой одно государство обращается к другим странам для установления местонахождения конкретного лица (с возможным последующим задержанием и предэкстрадиционным заключением под стражу в целях выдачи), получения информации о нем либо принятия временных мер в рамках национального законодательства.

Особенности использования рассылок (диффузий) являются следующие.

– не имеют юридической силы международного ордера на арест и не приравнивается к судебному решению;

---

[16] За прошлый год иностранными государствами по политическим мотивам отказано в исполнении 38 запросов Генпрокуратуры России о выдаче лиц для уголовного преследования и исполнения приговора. URL: https: //epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e470646 (дата обращения: 30.05.2026).

[17] Начальник НЦБ Интерпола: В этом году в РФ экстрадировали 62 преступника. URL: https://rg.ru/2021/09/29/nachalnik-ncb-interpola-v-etom-godu-v-rf-ekstradirovali-62prestupnika.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 01.06.2026).

[18] Там же.

[19] Следует отметить, что на практике даже в случае задержания лица, объявленного в международный розыск по каналам Интерпола, после задержании сторона, осуществившая задержание, запрашивает подтверждение у стороны – инициатора розыска ее намерения требовать (ходатайствовать) о предэктрадиционном аресте и последующей выдаче согласно информации, содержащейся в соответствующем уведомлении с красным углом.

– направляются напрямую через защищенную систему Интерпола между национальными правоохранительными органами;

– не находятся в публичном доступе: не публикуются на официальном сайте Интерпола, не отображаются в открытых базах данных и не раскрываются лицу автоматически.

Основная функция диффузии – оперативное реагирование, как правило, кратковременное задержание, когда запрашивающему государству необходимо в краткие сроки уведомить другие страны о розыске лица или уголовном преследовании.

Содержание диффузии формируется запрашивающей стороной и может существенно различаться по объему. Как правило, в нее включаются персональные данные лица (ФИО, дата и место рождения, гражданство), описание внешности и особые приметы, сведения об уголовном деле или предполагаемом преступлении и другие данные.

Механизм диффузий по общему правилу не требует формального одобрения со стороны Генерального секретариата Интерпола.

Процедура:

– правоохранительный орган одного из государств – членов Интерпола составляет диффузию, в которой излагает детали правонарушения или информацию о разыскиваемом лице;

– после подготовки диффузия направляется по защищенным каналам Интерпола непосредственно в страны или организации, которых это касается. Это может быть несколько государств или даже все государства-члены;

– страны, которые получают оповещение, могут принять меры в соответствии со своим национальным законодательством: задержание, наблюдение или сбор дополнительной информации.

Диффузии могут быть нацелены на конкретные страны или регионы в зависимости от расследования.

Запрос на диффузию Интерпола можно обжаловать в Комиссии по контролю за файлами (Commission for the control of INTERPOL'S files (CCF)). Комиссия уполномочена проверять, что информация в отношении разыскиваемого лица внесена и обрабатывается в базе данных Интерпола в соответствии с требованиями организации.

Как правило, направления рассылок (диффузий) достаточно активно используются национальными центральными бюро Интерпола в случае наличия необходимости безотлагательно и результативно реализовать информацию о местонахождении разыскиваемого лица, не тратя дополнительное временя на процедуры оформления (процессинга) запроса на издание (опубликование) в установленном порядке Генеральным секретариатом организации уведомления о розыске с красным углом (red notice) в целях задержания, заключения под стражу (ареста) и экстрадиции.

Как показала практика, институт диффузий представляет собой мощный инструмент для сотрудничества между правоохранительными органами в борьбе с преступностью на международном уровне, позволяющий без промедления, оперативно передавать информацию о преступниках, сведения о пропавших без вести людях, украденных объектах и других связанных данных между различными странами – членами Интерпола и принятию неотложных мер реагирования.

Предусмотренный данным институтом инструментарий на протяжении длительного времени применялся и НЦБ Интерпола МВД России.

После начала СВО 10 марта 2022 г. Генеральный секретариат Интерпола на официальном сайте Организации опубликовал заявление, в котором, выражая сожаления по поводу человеческих жертв на Украине и подчеркивая свой политический нейтралитет в случае возникновения конфликтов между членами Организации, акцентируя внимание на статусе Международной организации уголовной полиции как прež-

де всего структуры по оказанию технического содействия в международном полицейском сотрудничестве своим 195 членам, уведомил о принятии с согласия Исполкома Организации решения от отклонении ходатайства Украины об исключении Российской Федерации из числа членов Международной организации уголовной полиции и (или) приостановке ее членства в данной структуре[20] и в то же время об одобрении специальной процедуры процессинга запросов НЦБ Интерпола МВД России в Интерпол распространяемых в форме рассылок (диффузий) в связи с конфликтом на Украине.

Согласно указанному решению, вступившему в силу также 10 марта 2022 года, запросы в формате диффузий, ранее направлявшиеся НЦБ Интерпола МВД России напрямую в страны – члены Организации, минуя Генеральный секретариат Интерпола, должны следовать исключительно через Генеральный секретариат для предварительной проверки их содержания на предмет соответствия правилам Международной организации уголовной полиции[21].

В целом по существующему порядку после получения заключения Генеральной прокуратуры Российской Федерации о наличии оснований и намерений запрашивать арест и выдачу скрывшегося обвиняемого, подсудимого, осужденного, оформляемого на практике в виде соответствующего письма, адресованного в НЦБ Интерпола, последнее направляет запрос о розыске в одном из трех возможных видов уведомлений об объявлении обвиняемого, подсудимого, осужденного в международный розыск, которые направляются в зарубежные государства:

– стандартизированные запросы о сотрудничестве с целью ареста, задержания или ограничения передвижения осужденного или обвиняемого (диффузии);

– запрос о розыске во все иностранные государства – члены Интерпола;

– уведомление о розыске обвиняемого, осужденного с целью его ареста и выдачи с красным углом (Red Notice) [6, с. 81; 7, с. 128].

По данному правилу, действующему и в настоящее время, указанная рассылка (диффузия) подлежит направлению в национальные центральные бюро организации и органы на правах НЦБ только в случае, если Генеральный секретариат признает ее не нарушающей Устав и иные правовые источники, регламентирующие цели и порядок, и деятельности Интерпола, в частности не противоречащей порядку обработки персональных данных при помощи инструментария Интерпола и не содержащей запросы, связанные с политическими, военными, религиозными или расовыми вопросами.

Вместе с тем распространяемая на ряде электронных ресурсов информация о том, что Интерполом от России якобы априори не принимаются сообщения о розыске с маркировкой «diffusion»[22], не соответствуют действительности.

По сути, «предысторией» и «окном овертона» в данной ситуации стало принятое в марте 2017 года Генеральным секретариатом Интерпола весьма противоречивое решение, запрещающее задействовать каналы организации для розыска лиц, совершивших преступления на территории Крыма и скрывающихся от правосудия за границей. Это решение было принято с подачи Украины, руководству которой, видимо, было выгодно попытаться превратить полуостров в своего рода «криминальный офшор», оградить совершивших там преступления лиц от возмездия.

Учитывая, что Интерпол вне политики, этот шаг был воспринят российской сто-

---

[20] Подробнее об истории и перспективах рассмотрения данного ходатайства. URL: https: //www.rbc.ru/base/21/02/2025/67b8b6c39a7947576a783dee (дата обращения: 07.06.2026).

[21] Официальный сайт Международной организации уголовной полиции (Интерпола). Ukraine: INTERPOL General Secretariat statement. URL: https: //www.interpol.int/News-and-Events/News/2022/Ukraine-INTERPOL-General-Secretariat-statement (дата обращения: 01.06.2026).

[22] Официальный сайт Международной организации уголовной полиции (Интерпола). URL: https: //interpol-int.ru/diffusion (дата обращения: 01.06.2026).

роной как противоречащий базовым принципам организации, категорически запрещающим вмешательство в политические вопросы. Интерпол же в этой ситуации принял исключительно политическое решение, нарушающее права потерпевших – обычных жителей Крыма, ставших жертвами тяжких и особо тяжких преступлений[23].

В этой связи следует обратить внимание на то обстоятельство, что существующее в настоящее время положение вещей в сфере информационного обмена, международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью на основе приведенного примера характеризуется двойными стандартами, с которыми недружественные государства и некоторые международные организации подходят к России в данной области, что, в свою очередь в практической плоскости приводит к тому, что на место эффективной борьбы с терроризмом, организованной преступностью и наркобизнесом приходит сознательная политизация международного антикриминального сотрудничества.

Это, как подчеркивается на страницах юридической печати, в конечном счете идет на пользу лишь международному криминалу [8, с. 89].

Вместе с тем, принимая во внимание тенденции последнего времени в кооперации Российской Федерации с зарубежными партнерами, включая тренд на восстановление полноформатного участия (членства) России в ряде международных организаций (только в период редактирования настоящей статьи временное восстановлении членства Олимпийского комитета России в Международном олимпийском комитете[24], допуск российской сборной с национальным флагом к выступлениям под эгидой Европейского гимнастического союза (European Gymnastics))[25], представляется (более подробно по теме в контексте международного межведомственного взаимодействия и его восстановления [9, с. 23–26]), что одной из задач российских правоохранительных органов в области международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства в рамках возвращения к так называемой «нормальности» и повышения уровня взаимодействия в сфере информационного обмена с зарубежными компетентными органами в борьбе с преступностью при соблюдении национальных интересов Российской Федерации, должно стать возобновление полноценного взаимодействия с зарубежными визави при помощи института рассылок (диффузий), реализованного в практической плоскости в аппаратно-программном комплексе Интерпола I-24/7.

1. Интерпол. Дорога длиною в жизнь. 100 лет международному полицейскому сотрудничеству. М., 2014.
2. Сняткова В. Ю. Понятие и принципы международного сотрудничества на досудебной стадии уголовного процесса // Проблемы экономики и права. 2017. № 1.
3. Королев И. А. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства // Государственная служба и кадры. 2019. № 1.
4. Панасенко Н. В. Влияние международного санкционного давления на деятельность учреждений высшего образования Российской Федерации // Экономика и управление. 2024. № 7.
5. Кузнецова В. В., Соколова Е. И., Тарарина Л. И. Перспективы развития высшего образования Российской Федерации в условиях санкционных рисков // Экономические науки. 2023. № 4(221).

[23] Начальник НЦБ Интерпола: В этом году в РФ экстрадировали 62 преступника. URL:https://rg.ru/2021/09/29/nachalnik-ncb-interpola-v-etom-godu-v-rf-ekstradirovali-62 prestupnika.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 01.06.2026).

[24] МОК временно восстановил членство Олимпийского комитета России. URL: https://ria.ru/20260707/mok-2103354344.html (дата обращения: 07.07.2026).

[25] European Gymnastics ратифицировал возвращение российской символики. URL: https://tass.ru/sport /27961989 (дата обращения: 28.07.2026).

6. Григорьев В. Н., Тарасов М. Ю. Новое в процедуре объявления лица в международный розыск // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3(97).
7. Тарасов М. Ю. О процедуре объявления лица в международный розыск // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 2(92).
8. Коваль А. Проблемы межведомственного взаимодействия – барьер участию России в международных экономических организациях // Экономическое развитие России. 2014. № 12.

1. Interpol. Doroga dlinoyu v zhizn`. 100 let mezhdunarodnomu policejskomu sotrudnichestvu. M., 2014.
2. Snyatkova V. Yu. Ponyatie i principy` mezhdunarodnogo sotrudnichestva na dosudebnoj stadii ugolovnogo processa // Problemy` e`konomiki i prava. 2017. № 1.
3. Korolev I. A. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v sfere ugolovnogo sudoproizvodstva // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry`. 2019. № 1.
4. Panasenko N. V. Vliyanie mezhdunarodnogo sankcionnogo davleniya na deyatel`nost` uchrezhdenij vy`sshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii // E`konomika i upravlenie. 2024. № 7.
5. Kuzneczova V. V., Sokolova E. I., Tararina L. I. Perspektivy` razvitiya vy`sshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii v usloviyax sankcionny`x riskov // E`konomicheskie nauki. 2023. № 4(221).
6. Grigor`ev V. N., Tarasov M. Yu. Novoe v procedure ob``yavleniya licza v mezhdunarodny`j rozy`sk // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 3(97).
7. Tarasov M. Yu. O procedure ob``yavleniya licza v mezhdunarodny`j rozy`sk // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 2(92).
8. Koval` A. Problemy` mezhvedomstvennogo vzaimodejstviya – bar`er uchastiyu Rossii v mezhdunarodny`x e`konomicheskix organizaciyax // E`konomicheskoe razvitie Rossii. 2014. № 12.

Информация об авторе

Максим Николаевич Клепов. Профессор кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Maxim N. Klepov. Assistant Professor of the Chair of Criminalistics and Preliminary Investigation in Internal Affairs, Candidate of Sciences (Law).
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova St., 2.

Статья поступила в редакцию 22.05.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 22.05.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 343.1

ЯВКА С ПОВИННОЙ: САМООГОВОР И ИНТЕРЕСЫ ПРАВОСУДИЯ

Ковалев Максим Викторович[1], Пилякин Максим Иванович[2]
[1]Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, Брянск, Россия
[2]Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Старотеряево, Россия

[1]koff.maxim2015@yandex.ru
[2]pimaks81@mail.ru

Аннотация. В статье акцентируется внимание на значимости общественных отношений, обеспечивающих интересы правосудия. Авторами сделан вывод, что имеющимися средствами в праве до сих пор не решен ряд вопросов, связанных с возможной ответственностью лица за заведомо ложное сообщение о совершенном им преступлении. В исследовании анализируется возникновение уголовно-процессуальных отношений при поступлении в правоохранительные органы заведомо ложного сообщения о преступлении. При получении явки с повинной уголовно-процессуальные отношения получают новый импульс в своем развитии. Автор с различных сторон оценивает действия участников уголовного судопроизводства в связи с сообщением о якобы совершенном преступлении. Сделан вывод, о том, что при поступлении заявления лица о ложно совершенном им преступлении и не подтверждении такого факта уголовно-правовые отношения продолжаются. При таком злоупотреблении правом со стороны лица ложно сообщившего о совершенном им преступлении напрасно тратятся силы и средства правоохранительных органов и такие затраты, по мнению автора, должны быть компенсированы государственному органу в гражданском порядке.

Ключевые слова: явка с повинной, правоприменитель, правосудие, уголовная ответственность, самооговор, преступление, заведомо ложное сообщение.

Для цитирования: Ковалев М. В., Пилякин М. И. Явка с повинной: самооговор и интересы правосудия // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 350–357.

VOLUNTARY SURRENDER: SELF-INCRIMINATION AND THE INTERESTS OF JUSTICE

Maxim V. Kovalev[1], Maxim I. Pilyakin[2]
[1]Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russia named after V. V. Lukyanov, Bryansk, Russia
[2]Moscow Regional Branch of the Moscow Order of Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Staroteryaevo, Russia

[1]koff.maxim2015@yandex.ru
[2]pimaks81@mail.ru

Annotation. The article focuses on the importance of public relations that ensure the interests of justice. The author concludes that the available legal means have not yet

resolved a number of issues related to the possible liability of a person for knowingly false reporting of a crime committed by him. The degree of danger of actions related to the message is analyzed to report an alleged crime to law enforcement agencies in order to recognize them as a crime at the legislative level, or it is enough only to recover from such a person the funds spent on responding to law enforcement to verify the information provided in the confession. Based on the analysis, it was concluded that actions related to abuse of law, although they complicate the work of law enforcement agencies, do not reach such a level of public danger as to be recognized as criminal. Bringing a person who has falsely committed a crime to justice in civil proceedings for wasting the efforts and resources of law enforcement agencies is a necessary measure of influence.

Keywords: self-incrimination, law enforcement officer, justice, criminal liability, self-incrimination, crime, deliberately false report.

For citation: Kovalev M. V., Pilyakin M. I. Voluntary surrender: self-incrimination and the interests of justice // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanova. 2026. № 3(108). P. 350–357.

Интересы правосудия хотя и не стоят первыми в череде поставленных под защиту уголовным законом общественных отношений, но, тем не менее, играют весьма весомую роль в обеспечении установленного порядка деятельности правоохранительных и судебных органов. Именно от нормальной деятельности этих органов в конечном счете зависит реализация всех без исключения правовых норм, и не только в области уголовного права. Применение мер государственного принуждения к нарушителям закона, как акта должного и нужного обществу поведения со стороны органов правосудия, всегда было и остается ключевой задачей всей правоохранительной системы, предупредительный эффект которой нельзя недооценивать.

Работа органов, задействованных в сложном государственном механизме по обеспечению исполнения норм права, всецело подчинена закону, во благо него, и должна соответствующим образом быть защищенной от любых противоправных проявлений. Общественная опасность таких преступных проявлений достаточно велика.

Так, по мнению В. В. Сверчкова, о высокой общественной опасности этих преступлений свидетельствует то, что они совершаются всегда умышленно, могут причинять вред не только правосудию, но и гарантированным конституцией правам и свободам граждан [1, с. 678].

И действительно, В. В. Сверчков во главу угла ставит не столько интересы установленного порядка правосудия, хотя и они важны, а права и законные интересы граждан, общественные интересы, обеспечение которых является задачей правоохранительных органов.

Совокупность норм уголовного закона позволяет надлежащим образом обеспечить нормальное функционирование и деятельность суда и органов правоохраны. За всю историю существования Уголовного кодекса Российской Федерации нормы, обеспечивающие охрану интересов правосудия, в силу развития демократических институтов, социальной и экономической политики претерпевали изменения, совершенствовались в целях защиты охраняемых ценностей. И этот процесс нельзя остановить, да и незачем. Совершенствование норм права в правовом государстве позволяет в полной мере реализовать права человека как высшей ценности. Однако, уже имеющимися средствами в праве до сих пор не удалось решить ряд вопросов, связанных с возможной ответственностью лица за заведомо ложное сообщение о совершенном им преступлении. Речь идет о фактах самооговора со стороны граждан о совершенных ими преступлениях. Профессор Н. П. Яблоков в своей работе указывал, что самооговор есть ложное признание лица в совершении преступления [2, с. 462].

В силу тех или иных причин граждане пытаются оговорить себя, признаваясь в преступлениях, которые они в действительности не совершали. Правоприменитель предоставляет возможность гражданам обратится в соответствующие органы власти с такими сообщениями, рассчитывая на их правовую сознательность и отсутствиеумысла на злоупотребление правом. Но в практической деятельности правоохранительных органов нередкими являются случаи заведомо ложного сообщения о совершенном преступлении.

Так, в производстве СО МО МВД России «Унечский» УМВД России по Брянской области находилось уголовное дело № 000002621 возбужденное по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ. В ходе предварительного следствия А. сообщила о совершенном ей преступлении. В последующем, после проверки полученных в явке с повинной данных, в ходе допроса пояснила, что оговорила себя, так как не хотела, чтобы ее сына привлекли к ответственности за совершенное преступление[1].

А. С. Тесленко говорит о том, что самооговор, в том числе в виде заведомо ложной явки с повинной, явление далеко не редкое. Так, из опрошенных нами сотрудников следственных подразделений, органов дознания и судов 64,6 % встречали в своей практической деятельности случаи самооговора [3].

По мнения И. Л. Петрухина ложное признание вины характеризуется тем, что обвиняемый понимает и осознает, что сообщаемые им сведения не соответствуют действительности, но он по каким-то причинам, согласующимся с его личными интересами, желает введения правоохранительных органов в заблуждение относительно своей причастности и виновности в совершении преступления [4, с. 11].

В соответствии с имеющимися нормативными актами правоприменитель должен принять обращение гражданина, провести весь комплекс мероприятий, направленных на установление всех имеющих значение обстоятельств для принятия законного решения. Формой воплощения сообщения гражданина о факте совершенного им преступления является явка с повинной – процессуальный документ, в котором отражаются обстоятельства совершенного лицом деяния. Аналогичный по содержанию и сути, но отличный по форме выражения документ, составляется и при сообщении о совершенном в отношении потерпевшего преступлении. При этом, в отличии от заявления о преступлении, явка с повинной не содержит данных о предупреждении лица за заведомо ложный донос. На этот счет не все так бесспорно. А есть ли правовые основания для предупреждения лица об ответственности по статье 306 УК РФ, или заведомо ложное сообщение о совершенном лицом общественно опасном деянии не охватывается признаками этого состава?

Так, Р. М. Кашапов считает, что заведомо ложный донос в отношении своих действий не допускается [5, с. 119].

В. В. Намнясева высказывает мнение о том, что самооговор по сути своей ничем принципиально не отличается от заведомо ложного сообщения о совершении преступления другим лицом, следовательно, в настоящее время нет никаких препятствий для преследования за самооговор [6, с. 159].

Е. В. Пономаренко предлагает установить уголовную ответственность в случае, если лицо оговаривает себя до начала осуществления каких-либо следственных действий по делу (т. е. имеет место ложная явка с повинной) с целью укрыть истинного преступника, его действия, необходимо квалифицировать по ст. 316 УК РФ как заранее не обещанное укрывательство преступления [7, с. 211].

Как видно из представленных мнений, по этому вопросу нет единства в подходе относительно ответственности лица, сообщающего в явке с повинной о якобы совер-

[1] Уголовное дело № 000002621 // Архив МО МВД России «Унечский» УМВД России по Брянской области за 2024 год.

шенном им преступлении. Да и как было отмечено ранее, все имеющиеся нормы не в полном объеме содержат признаки, соответствующие совершаемому деянию.

Возвращаясь к основной теме исследования, невозможно не согласиться с мнением тех ученых и практиков, которые в подобного рода действиях (сообщение в явке с повинной о ложно совершенном преступлении) видят неоспоримый вред, причиняемый осуществлению правосудия. Приняв явку с повинной, уполномоченные органы обязаны провести проверку и принять решение. Силы и средства, вовлеченные в этот процесс, зачастую поражают своими масштабами. В иных случаях задействуются силы немедленного реагирования, должностные лица полиции, других представителей силового блока, а также все возможные механизмы реагирования на факт сообщенного преступления. Опрос заявителя, очевидцев, установление потерпевшего, производство неотложных следственных действий с привлечением различных специалистов, назначение и производство судебных экспертиз, проверка изложенных в явке с повинной сведений - лишь небольшой перечень тех действий, которые проводит правоприменитель в некоторых случаях. Правоохранительные органы в масштабах страны впустую тратят колоссальные средства налогоплательщиков, которые могли быть потрачены на реализацию социальной политики. Проблема видна как сотрудникам правоохранительных органов, так законодателю. Среди ученых проблематика понятна и обсуждается довольно давно.

А. С. Горелик полагает, что с лица, сообщившего заведомо ложную информацию о совершенном им преступлении, можно потребовать лишь возмещения материальных затрат, понесенных сотрудниками правоохранительных органов в связи с проверкой его заявления [8, с. 491].

Аналогичной точки зрения придерживается и И. Н. Ткаченко, говоря о том, что в этом случае страдают интересы правосудия, нарушается нормальная деятельность правоохранительных органов, происходит трата материальных ресурсов на проведение следственных и иных процессуальных действий [9, с. 105].

Интересы правосудия и всей правоохранительной системы в таком случае нарушены, органы власти работают, не достигая задач, которые ставит перед ними закон, закон неэффективен, происходит разбалансировка в условиях нарастающего некомплекта сотрудников и имеющихся в распоряжении правоохранительных органов сил. Но это лишь одна сторона проблемы. С другой стороны, граждане страны, которым действительно нужна помощь, вынуждены ожидать ее от правоохранителей, которые, в том числе, отвлечены на работу по проверке явки с повинной, в которой заявитель заведомо оговорил себя. Такая ситуация приводит к недоверию правоохранительным органам со стороны населения, расшатывает криминогенную обстановку внутри страны, чем непременно могут воспользоваться враждебно настроенные к России силы. Допустить такое в современных условиях не может себе позволить ни правоприменитель, ни законодатель.

Настолько ли опасны действия, связанные с сообщением о якобы совершенном преступлении в правоохранительные органы, чтобы их на законодательном уровне признать преступлением, или достаточно лишь ограничиться взысканием с такоголица средств, затраченных на реагирование правоприменителя по проверке сведений изложенных в явке с повинной?

Деяние, запрещенное уголовным законом, является общественно опасным. Собственно, этот признак и отличает преступление от иных правонарушений. Любое деяние, представляющее общественную опасность для человека, общества и государства, включается в уголовно-правовую норму посредством законодательных процедур. Ответственность за заведомо ложный донос предусматривается уголовным законом уже достаточно давно. По своей сути и сообщение о преступлении, которого в действительности не было, и сообщение о якобы совершенном лицом преступлении, являются схо-

жими деяниями. Правоприменитель вводится в заблуждение относительно факта совершенного преступления или относительно лица,его совершившего. И для правоохранительных органов нет принципиальной разницы, так как законодательный алгоритм действий в такой ситуации схож. Между тем, объем действий должностных лиц правоохранительных органов все же может разниться, в зависимости от того, на какой стадии уголовного процесса поступила явка с повинной. Заведомо ложное сообщение о преступлении всегда порождает уголовно-процессуальные отношения. Заявление о преступлении, являясь отправным моментом, или же с законодательной точки зрения поводом к возбуждению уголовного дела, запускает правовой механизм действия соответствующих органов на фактнарушения права. Явка с повинной, как следует из материалов правоприменительной практики, появляется в процессе развития уголовно-процессуальных отношений,в редких случаях инициирует их. Проверка сообщенных в заявлениио преступлении сведенийтакова, что заявитель опрашивается относительно обстоятельств совершенного в отношении него деяния, при этом может заблаговременно в том числе и инсценировать обстановку на месте предполагаемого преступления в подтверждение сообщаемых сведений. Лицо, сообщившее о совершенном им преступлении в явке с повинной, также опрашивается, но ему сложнее обосновать свою позицию, если он в реальности не совершал преступления.

К моменту получения явки с повинной правоприменитель уже осуществил проверочные мероприятия и первоначальные следственные действия, установил механизм и обстоятельства совершения преступления, отраженные в объективной действительности. Лицо, заведомо ложно сообщившее о совершенном им преступлении, никогда не сможет на месте показать и рассказать обстоятельства его совершения, в ходе допроса будет путаться в своих показаниях. Следователь, осматривавший место происшествия, непосредственно воспринял результат противоправных действий, задокументировал в протоколе оставленные на месте следы. Поэтому, когда с участником уголовного процесса, ложно заявившим о совершенном им преступлении, проводится проверка показаний на месте, он не может в деталях пояснить и продемонстрировать механизм совершенного им преступления. Так же, как и в ходе допроса, начинает утверждать, что уже забыл по прошествии времени, или что было темно, и из-за этого он не запомнил обстановку. Все это в совокупности свидетельствует о ложности сообщенных им сведений. Конечно, это утверждение не бесспорно, так как практике известны случаи, когда лицо, заведомо ложно сообщившее о совершенном им преступлении,знало, зачастую достаточно подробно, обстоятельства совершенного преступления от лица, действительно его совершившего.

Установив факт ложности сведений, сообщенных лицом в явке с повинной, правоприменитель продолжает проводить проверочные мероприятия или следственные действия, направленные на установление истинного виновника преступления. При этом в случае с заведомо ложным заявлением о преступлении и возбужденным уголовным делом по этому факту приходится прекращать производство по делу за отсутствием события преступления. И здесь встает вопрос о затраченных силах и средствах для установления ложности сообщенных сведений. Как видно, заведомо ложное сообщение о совершенном лицом преступлении, изложенное в явке с повинной, куда менее затратноев финансовом плане, и не порождает таких правовых последствий в виде возникновенияуголовно-процессуальных отношений. Фактически следователь проводит по уголовному делу дополнительные следственные действия, которые не приносят желаемого результата в виде установления преступника, однако, изобличают лицо, ложно сообщившее о совершенном им преступлении. Поэтому говорить об уголовной ответственности лица, заведомо ложно сообщившего о совершенном им преступлении, преждевременно, необоснованно, это идет вразрез с уголовной политикой, направленной на гуманизацию.

Защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод – одна из задач уголовного судопроизводства, предусмотренная УПК РФ[2].

Аналогичной точки зрения придерживается В. А. Блинников, говоря о том, что самооговор – это самостоятельное деяние, которое законодатель не счел необходимым криминализировать, исходя из высших интересов правосудия. Этот вывод подтверждает и то обстоятельство, что в дооктябрьском уголовном законодательстве имелась самостоятельная норма, предусматривающая ответственность за самооговор. Ненаказуемость самооговора в современный период обусловлена конституционным положением о свидетельском иммунитете. Именно поэтому российский законодатель также отказался от признания самооговора в качестве обстоятельства, отягчающего наказание [10, с. 11].

Вопрос о компенсации средств, затраченных на реагирование правоприменителя по проверке заведомо ложных сведений, изложенных в явке с повинной, требует своего обоснования. Поддерживая мнения тех, кто выступает за взыскание с заявителя затрат правоохранительных органов, следует отметить возможные сложности, которые непременно возникнут. Если по стоимости проведенных экспертиз и подлежащих возмещению средств проблем не возникает, так как любое экспертное учреждение по проведенным экспертизам предоставит справку о стоимости ее проведения, то как рассчитать трудозатраты сотрудников правоохранительных органов, участвовавших в проверке сведений, изложенных в явке с повинной, затраты на выезд следственно-оперативной группы на место происшествия, время, потраченное на производство следственных и иных процессуальных действий по уголовному делу. В настоящее время таких методик расчета нет, но это не говорит о том, что нужно отказаться от компенсации затрат, понесенных государственными органами на изобличение самооговора. В любом случае регламентировать этот процесс будут нормы гражданского и гражданско-процессуального законодательства. В гражданском процессе представитель правоохранительного органа должен обосновать понесенные затраты с тем, чтобы суд мог взыскать их с ответчика. Такой вариант видится наиболее приемлемым.

В связи с вышеизложенным следует отметить, что обеспечение интересов правосудия является неотъемлемой частью государственной уголовной политики. Противоправные действия, посягающие на установленный порядок правосудия и деятельность правоохранительных органов, должны находить адекватную оценку. Между тем, не стоит злоупотреблять мерами уголовной репрессии. Действия, связанные со злоупотреблением правом, хотя и осложняют работу правоохранительных органов,но недостигают того уровня общественной опасности, чтобы быть признанными преступными. Сообщение о совершенном лицом преступлении в явке с повинной само по себе не порождает уголовно-процессуальные отношения,в отличии от заведомо ложного сообщения о преступлении. Поэтому установление уголовной ответственности за самооговор являлось бы чрезмерной мерой, не соответствующей уголовной политики России. Привлечение же лица, заявившего о ложном совершении им преступления, к ответственности в порядке гражданского судопроизводства за потраченные напрасно силы и средства правоохранительных органов является необходимой мерой воздействия как на самого заявителя, так и послужит целям общего предупреждения.

---

1. Сверчков В. В. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов. 11-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 678 с.
2. Яблоков Н. П. Криминалистика: учебник. М.: Юристъ, 2005. С. 781.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.- правовой системы «Консультант Плюс».

3. Тесленко А. С. Ложная явка с повинной: судить нельзя помиловать? URL:https://justicemaker.ru/view-article.php?id=21&art=559.
4. Петрухин И. Л. Самооговор // Советская юстиция. 1970. № 13. С. 11.
5. Кашапов Р. М. Самооговор: понятие, квалификация, последствия // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2023. № 10. С. 117–121.
6. Намнясева В. В. К вопросу о квалификации самооговора // Теория и практика общественного развития. 2014. № 11. С. 158–160.
7. Пономаренко Е. В. К вопросу о квалификации самооговора по российскому уголовному законодательству // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 4(105). С. 209–212.
8. Горелик А. С., Лобанов Л. В. Преступления против правосудия. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. 491 с.
9. Ткаченко И. Н. К вопросу о необходимости криминализации самооговора // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 5-3(92). С. 104–106.
10. Блинников В. А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты лжесвидетельства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород. 1998. 11 с.

1. Sverchkov V. V. Ugolovnoe pravo. Obshhaya i Osobennaya chasti: uchebnik dlya vuzov. 11-e izd., pererab. i dop. Moskva: Izdatel`stvo Yurajt, 2025. 678 s.
2. Yablokov N. P. Kriminalistika: uchebnik. M.: Yurist``, 2005. S. 781.
3. Teslenko A. S. Lozhnaya yavka s povinnoj: sudit` nel`zya pomilovat`? URL:https://justicemaker.ru/view-article.php?id=21&art=559.
4. Petruxin I. L. Samoogovor // Sovetskaya yusticiya. 1970. № 13. S. 11.
5. Kashapov R. M. Samoogovor: ponyatie, kvalifikaciya, posledstviya // Sovremennaya nauka: aktual`ny`e problemy` teorii i praktiki. Seriya: E`konomika i pravo. 2023. № 10. S. 117–121.
6. Namnyaseva V. V. K voprosu o kvalifikacii samoogovora // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2014. № 11. S. 158–160.
7. Ponomarenko E. V. K voprosu o kvalifikacii samoogovora po rossijskomu ugolovnomu zakonodatel`stvu // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii. 2015. № 4(105). S. 209–212.
8. Gorelik A. S., Lobanov L. V. Prestupleniya protiv pravosudiya. SPb.: Yurid. centr Press, 2005. 491 s.
9. Tkachenko I. N. K voprosu o neobxodimosti kriminalizacii samoogovora // Mezhdunarodny`j zhurnal gumanitarny`x i estestvenny`x nauk. 2024. № 5-3(92). S. 104–106.
10. Blinnikov V. A. Ugolovno-pravovy`e i kriminologicheskie aspekty` lzhesvidetel`stva: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. N. Novgorod. 1998. 11 s.

Информация об авторах

Максим Викторович Ковалев. Начальник кафедры криминалистики и уголовно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук.

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

24150, Россия, г. Брянск, 2-й Советский пер., 2а.

Максим Иванович Пилякин. Начальник кафедры криминалистики, кандидат юридических наук, доцент.

Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

143103, Россия, Рузский м.о., пос. Старотеряево.

Information about the authors

Maxim V. Kovalev. Head of the Department of Criminology and Criminal Law Disciplines, Candidate of Sciences (Law).

Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russia named after V. V. Lukyanov.

241050, Russia, Bryansk, per. Vtoroy Sovetsky, 2A.

Maxim I. Pilyakin. Head of the Chair of Criminology, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Moscow Regional Branch of the Moscow Order of Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia.

143103, Russia, Ruzsky m.o., village Staroteryaevo.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 22.07.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.

The article was received in the editorial office on 22.07.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 343.14

СПЕЦИАЛЬНЫЕ (НЕГЛАСНЫЕ) СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ – СУЩЕСТВУЕТ ЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ В ИХ ВВЕДЕНИИ?

Конин Владимир Владимирович[1], Эсмантович Ирина Игоревна[2]
[1]Адвокадская палата, Санкт-Петербург, Россия
[2]Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель, Республика Беларусь

[1]vkonin.kld@yandex.ru
[2]ehsirina@yandex.ru

Аннотация. Как известно, уголовный процесс имеет публично-правовую природу, которая направлена на разрешение специфического правового конфликта между обществом и личностью и служит как защите общества от противоправных посягательств, так и защите личности вне зависимости от ее процессуального статуса (потерпевший, подозреваемый, обвиняемый и т. д.). Одной из задач, стоящих перед уголовным процессом, является реализация принципов публичности и справедливости посредством привлечения к уголовной ответственности лица, совершившего преступление, и назначения виновному в совершении преступления справедливого наказания. На досудебных стадиях виновность лица в инкриминируемом преступлении устанавливается посредством производства следственных действий, направленных на собирание, проверку и оценку доказательств. Вместе с тем в настоящее время идет научная дискуссия о возможном введении в уголовный процесс негласных следственных действий, ранее присущих исключительно оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: доказывание, предварительное расследование, следственные действия, специальные (негласные) следственные действия, оперативно-розыскная деятельность.

Для цитирования: Конин В. В., Эсмантович И. И. Специальные (негласные) следственные действия в российском уголовном процессе – существует ли необходимость в их введении? // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 358–367.

SPECIAL (COVERT) INVESTIGATIVE ACTIONS IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS – IS THERE A NEED FOR THEIR INTRODUCTION?

Vladimir V. Konin[1], Irina Ig. Esmantovich[2]
[1]Advocate Chamber, St. Petersburg, Russia
[2]Gomel State University named after F. Skorina, Gomel, Republic of Belarus

[1]vkonin.kld@yandex.ru
[2]ehsirina@yandex.ru

Annotation. It is well known, criminal proceedings are of a public law nature and are aimed at resolving specific legal conflicts between society and the individual, as well as protecting society from unlawful attacks and the individual, regardless of their procedural

status (victim, suspect, accused, etc.). One of the main objectives of criminal proceedings is to implement the principles of publicity and fairness by holding those who have committed a crime accountable and imposing a just punishment on those found guilty. At the pre-trial stage, a person's guilt in the alleged crime is established through investigative actions aimed at collecting, verifying, and evaluating evidence. At the same time, there is currently an ongoing academic debate about the possible introduction of covert investigative actions into criminal proceedings, previously reserved exclusively for investigative operations.

Keywords: criminal proceedings, proof, preliminary investigation, investigator, investigative actions, special (covert) investigative actions, operational-search activities.

For citation: Konin V. V., Esmantovich I. I. Special (covert) investigative actions in Russian criminal proceedings – is there a need for their introduction? // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 358–367.

Уголовно-процессуальная защита интересов общества выражается в том, что в соответствии с ч. 2 ст. 21 УПК РФ в случае выявления преступления специально уполномоченное лицо обязано в рамках своих полномочий возбудить уголовное дело, провести следственные и процессуальные действия для собирания доказательств и установления виновности лица в совершении преступления.

Виновность лица в совершении преступления устанавливается с помощью собранных на стадии предварительного расследования доказательств.

В то же время уголовно-процессуальная деятельность, посредством которой реализуются задачи, стоящие перед уголовным процессом, достаточно строго регламентирована, и выход за рамки, установленные УПК РФ, как правило, может привести к негативным последствиям (например, нарушение правил собирания доказательств влечет за собою признание доказательства недопустимым и исключение его из процесса доказывания).

Именно в ходе производства следственных действий осуществляется сбор доказательств для последующего доказывания виновности лица в совершении преступления.

Но несмотря на то что институт следственных действий в российском уголовно-процессуальном процессе сформировался достаточно давно и представляет собой вполне гармоничную конструкцию, в настоящее время дискуссия об этом институте вновь вышла на первый план в связи с предложением о введении в уголовное судопроизводство т. н. специальных (негласных) следственных действий.

По мнению С. Б. Россинского, «<…> под следственными действиями надлежит понимать производимые следователем или дознавателем (органом дознания) уголовно-процессуальные действия познавательного характера, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, связанные с собиранием полноценных доказательств и их депонированием для предстоящего судебного разбирательства» [1, с. 74–83].

По мнению А. В. Победкина и В. Н. Яшина, целью производства следственных действий является формирование доказательств по уголовному делу [2, с. 35].

Эти точки зрения объединяет то, что авторы видят главное назначение следственных действий в собирании доказательств, подтверждающих либо опровергающих виновность лица, привлеченного к уголовной ответственности за совершенное преступление. Следует в этом согласиться с авторами, поскольку уголовный процесс по делам публичного и частно-публичного обвинения (а в некоторых случаях и по делам частного обвинения) не предусматривает иного способа собирания доказательств по уголовному делу, как только производство следственных и процессуальных действий. При этом, несмотря на наделение законодателем иных участников уголовного судопроизводства (защитник, подозреваемый, обвиняемый, потерпевший и т. д.) соби-

рать и представлять доказательства, как уже нами отмечалось ранее [3, с. 28–32], эти участники все же собирают не доказательства, а информацию, имеющую, по их мнению, доказательственное значение, которая в дальнейшем посредством производства следственных действий, осуществляемых следователем, дознавателем либо судом, преобразуется в доказательства либо отклоняется.

УПК Кыргызской Республики в п. 57 ст. 5 содержит следующее определение: «Следственные действия – действия, проводимые следователем, прокурором в установленном настоящим Кодексом порядке по собиранию и исследованию сведений, имеющих значение для дела»[1]. Полагаем необходимым отметить, что в данном случае речь идет не о доказательствах, а о сведениях, т. е. информации, имеющей доказательственное значение, которая посредством производства следственного действия преобразовывается в доказательство. Отметим, что в российском уголовно-процессуальном законодательстве прокурор в результате принятия Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ[2] перестал быть субъектом доказывания и в настоящее время выступает исключительно в роли участника доказывания, о чем мы уже отмечали ранее [4, с. 81–85; 5, с. 80–92].

Соответственно, только следователь и дознаватель на стадии предварительного расследования вправе проводить следственные действия, направленные на собирание, проверку и оценку, а также исследование информации, имеющей доказательственное значение, и преобразование этой информации в доказательство по находящемуся в производстве уголовному делу.

В настоящее время мы наблюдаем научную дискуссию о возможности введения в уголовное судопроизводство специальных (негласных) следственных действий [6, с. 299–310; 7, с. 115–122 и др. авторы].

Под дефиницией «специальные (негласные) следственные действия» следует понимать действия, выполняемые следователем либо дознавателем, осуществляемые негласно (т. е. тайно), без уведомления о производстве этого действия любых участников процесса, с временным прекращением деятельности таких принципов, как состязательность, неприкосновенность жилища, тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также с нарушением тайны личной жизни.

УПК РФ также не содержит в себе дефиниции «специальные следственные действия», в отличие от УПК ряда государств.

В то же время УПК Кыргызской Республики в п. 4 ст. 5 дает следующее определение: специальные следственные действия – действия, проводимые без информирования вовлеченных в уголовное судопроизводство лиц, интересы которых они затрагивают, и направленные на выяснение обстоятельств, получение сведений, подлежащих доказыванию в уголовном судопроизводстве, когда следственными действиями установить это не представляется возможным.

Виды специальных следственных действий перечислены в ст. 220 УПК Кыргызской Республики, и к ним относятся:

1) наложение ареста на почтово-телеграфные отправления и их осмотр и (или) выемка;

2) прослушивание переговоров;

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 129 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2026 г.). URL:https://continent-online.com /Document/?doc_id=36639004 (дата обращения: 01.02.2026).

[2] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федер. закон Рос. Федерации от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3) получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами или о местоположении абонентского устройства;

4) снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств;

5) аудио- и видеоконтроль лица или места;

6) наблюдение за лицом или местом;

7) проникновение и обследование нежилого помещения или иного недвижимого имущества, находящегося во владении или распоряжении лица;

8) получение образцов для сравнительного исследования в целях производства экспертизы;

9) внедрение в преступную среду и (или) имитация преступной деятельности;

10) контролируемая поставка;

11) контрольный закуп[3].

УПК Республики Казахстан также предусматривает возможность производства негласных следственных действий. Так, например, п. 12 ст. 7 УПК Республики Казахстан устанавливает, что негласное следственное действие – действие, проводимое в ходе досудебного производства без предварительного информирования лиц, интересов которых оно касается, в порядке и случаях, предусмотренных настоящим Кодексом[4].

К негласным следственным действиям, согласно ст. 231 УПК Республики Казахстан, относятся:

1) негласные аудио- и (или) видеоконтроль лица или места;

2) негласные контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи;

3) негласное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами;

4) негласное снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации;

5) негласный контроль почтовых и иных отправлений;

6) негласные проникновение и (или) обследование места;

7) негласное наблюдение за лицом или местом;

8) негласный контрольный закуп[5].

Как видно, УПК Республики Казахстан предусматривает меньшее количество специальных следственных действий, по сравнению с УПК Кыргызской Республики, но в основном видно их сходство.

Представляется, что в данном случае мы наблюдаем технический перенос традиционных оперативно-розыскных действий, выполняемых негласно, в уголовный процесс.

Так, например, в период действия советского уголовно-процессуального законодательства методики производства следственных действий подразумевали наличие скрытности лишь только при подготовке таких следственных действий, как обыск и выемка.

Ранее действовавший УПК РСФСР не содержал в себе каких-либо специальных следственных действий, выполняемых негласно, в то время как принятый УПК РФ 2001 года уже содержал в своем составе ст. 186 «Контроль и запись переговоров», производство данного следственного действия предполагает не только скрытность, но и обязательное получение судебного решения.

---

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 129 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2026 г.). URL:https://continent-online.com /Document/?doc_id=36639004 (дата обращения: 01.02.2026).

[4] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.09.2025). URL:https://prg.kz/document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 01.02.2026).

[5] Там же.

Цель, которую преследовал законодатель, включая данную норму в УПК РФ, не совсем ясна, поскольку контроль и запись переговоров как телефонных, так и с использованием иных технических средств являлись одними из наиболее традиционных оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых специально уполномоченными сотрудниками и позволяющих получать информацию, имеющую доказательственное значение, которая впоследствии могла быть преобразована в доказательство посредством проведения процессуальных действий.

Стоит отметить, что взаимодействие между органами предварительного расследования и органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, было налажено в достаточной мере, и, как показывает анализ изученных автором архивных уголовных дел, в которых в качестве доказательств использовалась информация, изначально полученная в результате производства оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), предоставление следователю этой информации осуществлялось своевременно и без каких-либо бюрократических проволочек[6].

Действующий в настоящее время Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» (далее – Инструкция), регулирующий все вопросы взаимодействия по вопросам представления информации, полученной в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий органу дознания, следователю или в суд, как показывает анализ практики, также позволяет достигать высоких положительных результатов, используя полученную информацию после ее легализации и преобразования в доказательство посредством производства процессуальных действий в целях решения задач уголовного судопроизводства и прежде всего в доказывании виновности лиц, привлеченных к уголовной ответственности.

При этом если Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации открыто и детально регламентирует всю процедуру собирания, проверки и оценки доказательств на досудебной стадии, которая в ряде случаев осуществляется и под уголовно-процессуальным судебным контролем, то значительная часть оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) по выявлению и раскрытию преступлений, поиску информации, имеющей доказательственное значение, остается закрытой как от общественности, так и от сотрудников правоохранительных органов, не допущенных к проводимым мероприятиям.

В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь вправе давать органу дознания, в полномочиях которого закреплено производство оперативно-розыскных мероприятий в том числе и тех, которые перечислены в ст. 220 УПК Кыргызской Республики и ст. 221 УПК Республики Казахстан. Полученная при проведении ОРМ информация, в случае если она имеет доказательственное значение, в установленном порядке преобразуется в доказательства, и каких-либо проблемных вопросов ни ученые, ни практики в этом не видят.

При этом полагаем необходимым отметить, что производство ряда следственных действий из числа ограничивающих конституционные права и свободы граждан (а негласные следственные действия в большинстве своем относятся к этой категории) в соответствии со ст. 165 УПК РФ возможно только на основании судебного решения, что возлагает на следователя дополнительную нагрузку.

---

[6] Например: Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд: приказ ФСНП России / ФСБ России / МВД России / ФСО России / ФПС России / ГТК России / СВР России от 13 мая 1998 г. № 175 / 226 / 336 / 201 / 286 / 410 / 56. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом встает вопрос – насколько обосновано введение в уголовный процесс негласных следственных действий, которые фактически уравнивают оперативно-розыскные действия с процессуальными?

Представляется, что достаточно аргументированным является мнение В. А. Семенцова о том, что «<…> сегодня можно констатировать, что оперативно-розыскные предписания закрепляются в «собственном» оперативно-розыскном законодательстве, упорядочены и приведены в стройную логическую систему. При этом наличие предмета и метода правового регулирования указывает на формирование оперативно-розыскной отрасли права» [8, с. 48–57].

Признавая правоту В. А. Семенцова, отметим, что оперативно-розыскная деятельность, достаточно давно выделившись из криминалистики, фактически сформировалась в самостоятельную отрасль права, имеющую собственную нормативно-правовую базу, свой предмет и объект, свои методы, принципы, понятийный аппарат, главная направленность которой состоит в борьбе с преступностью совокупностью гласных и негласных методов.

На наш взгляд, возможной причиной введения в российский уголовный процесс негласных следственных действия является попытка упростить процесс преобразования информации, полученной в результате производства оперативно-розыскных мероприятий и имеющей доказательственное значение, в доказательство, отвечающее требованиям УПК РФ. Но будет ли это упрощение реальным?

Есть ли целесообразность в ломке устоявшегося механизма предоставления информации, имеющей доказательственное значение, полученной в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, следователю и в последующем ее преобразовании в доказательство, с помощью которого будет доказываться как виновность лица, привлеченного к уголовной ответственности, так и его невиновность путем упрощения процедуры посредством введения новых негласных следственных действий? Насколько необходимо слияние уголовного процесса, ограниченного достаточно жесткими требованиями к процедуре проведения следственных действий, к доказательствам, с установленными процессуальными временными границами, с оперативно-розыскной деятельностью, предполагающей достаточно высокую степень тактической свободы производства ОРМ и, соответственно, допускающей высокую вероятность интерпретации в соответствии со сложившейся оперативно-розыскной ситуацией?

Эти вопросы являются крайне дискуссионными, и на сегодняшний день на них нет однозначного ответа, а мнения ученых разделились.

Категорически против введения в российский уголовный процесс негласных следственных действий выступает Е. А. Зайцева [9, с. 4–9] и С. Б. Россинский [10, с. 129–132].

Позиция вышеуказанных авторов совпадает с мнением И. М. Комарова, который считает, что «<…> в современных условиях развития российского общества отсутствует острая необходимость нормативного закрепления новых следственных действий» [11, с. 88–96], а также с позицией Ю. В. Астафьева, который абсолютно справедливо заметил, что «<…> движение по этому пути – это движение в направлении разрушения уголовного процесса как системы. Если для западных правовых семей проблема не возникает именно в силу структуры уголовного процесса, то включение в процессуальную, строго регламентированную форму расследования „специальных“ следственных действий, проводимых даже не самим субъектом доказывания, а лицами, которые получают его полномочия на время, явление опасное во всех отношениях. Это касается и прав личности в уголовном процессе, и соблюдения процессуальных гарантий, и реализации принципов уголовного процесса и в конечном счете эффективности судопроизводства» [6, с. 303].

Иную позицию занимает коллектив авторов, которые полагают возможным введение в российский уголовный процесс негласных следственных действий, ориентируясь на опыт других государств [12, с. 506–509], но одновременно с этим предлагают разделить следственные действия на ординарные, т. е. гласные, открытые; относительно негласные: обыск, выемка, арест имущества (которые предполагают скрываемую от участников со стороны защиты подготовку к проведению следственного действия и проведение судебного заседания по их санкционированию); и негласные – перечисленные в ст. 185, 186, 186.1 УПК РФ (а в перспективе и всех других, в случае их введения в УПК РФ) [13, с. 510–513].

Более сдержанную позицию занимает В. М. Козел, который полагает, что «<…> „процессуализация“ ОРД не является панацеей повышения эффективности решения задач уголовного процесса, т. к. прямое внедрение негласных следственных действий в уголовное судопроизводство может привести к обратному эффекту, вначале к стагнации ОРД, а затем к регрессу самого уголовного судопроизводства» [14, с. 309].

Также следует согласиться с автором, что «анализ данного института в настоящее время показывает нецелесообразность его системного использования, а допускает возможность фрагментарного применения <…>» [14, с. 310].

Схожей позиции также придерживается и В. Уваров, который, анализируя систему негласных следственных действий в УПК Украины, пришел к выводу, что «включать в систему следственных действий имеет смысл только те познавательные меры, процедура которых может быть настолько прозрачной, чтобы быть регламентированной в законе, предсказуемой и контролируемой обществом настолько, чтобы была возможность сделать вывод о приемлемости и достоверности полученных при их производстве доказательств» [15, с. 58–61].

Полагаем, что сформировавшаяся на современном этапе в российском уголовном судопроизводстве система следственных действий представляется достаточно гармоничной (несмотря на то, что следственное действие, предусмотренное ст. 186 УПК РФ, выбивается из общего ряда), и вряд ли требует кардинальных преобразований посредством введения в перечень существующих в настоящее время следственных действий новых, специальных (негласных) следственных действий.

Считаем, что введение в уголовное судопроизводство института специальных (негласных) следственных действий при отсутствии гарантий фактической независимости следователя, невключении в УПК РФ требования об объективности и беспристрастности следователя при расследовании преступлений даст ответ на вопрос, поставленный в свое время С. А. Шейфером: российский следователь – это исследователь или преследователь [16, с. 34–36], окончательно превратив следователя в преследователя. В то же время как запрос общества все же направлен на то, чтобы следователь в процессе расследования по уголовному делу был исключительно беспристрастным и объективным исследователем всех обстоятельств совершенного преступления, выявляя не только уличающие, но и оправдывающие лицо факты.

---

1. Россинский С. Б. Еще раз о понятии и сущности следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия не закончена… // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 1. С. 74–83.
2. Победкин А. В., Яшин В. Н. Следственные действия: монография. Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2016. 192 с.
3. Конин В. В. Участие адвоката в доказывании: необходимо изменение модели // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2024. Т. 24. № 1. С. 28–32.

4. Конин В. В., Корсаков К. А. Доказывание и субъекты доказывания в уголовном судопроизводстве: переоценка сложившихся взглядов // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 81–85.
5. Конин В. В. Адвокат, прокурор и суд – субъекты доказывания или участники доказывания в уголовном судопроизводстве? // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14. № 1. С. 80–92.
6. Астафьев Ю. В. «Специальные» следственные действия: к проблеме включения оперативно-розыскных мероприятий в УПК РФ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 1(14). С. 299–310.
7. Калугин А. Г. Негласные следственные действия: перспективы внедрения в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 2(43). С. 115–122.
8. Семенцов В. А. К вопросу о пополнении системы следственных действий негласными познавательными приемами // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. С. 48–57.
9. Зайцева Е. А. Уголовный процесс России: «есть у революции начало, нет у революции конца»? // Уголовное судопроизводство. 2018. № 1. С. 4–9.
10. Россинский С. Б. Следственные действия VS негласные приемы установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 129–132.
11. Комаров И. М. Еще раз к вопросу о признаках следственного действия и системе следственных действий в отечественном уголовном процессе // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 4(83). С. 88–96.
12. Золотов М. А., Владимиров С. В., Судакова О. В. Негласные (специальные) следственные действия: рассуждения о возможности и необходимости модернизации уголовного процесса России (к постановке вопроса, часть 1) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 506–509.
13. Золотов М. А., Владимиров С. В., Судакова О. В. И вновь о модернизации уголовного процесса России через регламентацию негласных следственных действий (часть 2) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 2. С. 510–513.
14. Козел В. М. О доказательственном значении информации при производстве негласных следственных действий // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2023. № 16. С. 306–312.
15. Уваров В. Система негласных следственных (розыскных) действий по УПК Украины // Законность. 2013. № 11. С. 58–61.
16. Шейфер С. А. Российский следователь – исследователь или преследователь? // Российская юстиция. 2010. № 11. С. 34–36.

1. Rossinskij S. B. Eshhe raz o ponyatii i sushhnosti sledstvenny`x dejstvij v ugolovnom sudoproizvodstve: diskussiya ne zakonchena… // Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika. 2021. № 1. S. 74–83.
2. Pobedkin A. V., Yashin V. N. Sledstvenny`e dejstviya: monografiya. Moskva: Izdatel`stvo «Yurlitinform», 2016. 192 s.
3. Konin V. V. Uchastie advokata v dokazy`vanii: neobxodimo izmenenie modeli // Vestnik Yuzhno-Ural`skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2024. T. 24. № 1. S. 28–32.
4. Konin V. V., Korsakov K. A. Dokazy`vanie i sub``ekty` dokazy`vaniya v ugolovnom sudoproizvodstve: pereocenka slozhivshixsya vzglyadov // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2020. T. 6. № 2. S. 81–85:

5. Konin V. V. Advokat, prokuror i sud – sub``ekty` dokazy`vaniya ili uchastniki dokazy`vaniya v ugolovnom sudoproizvodstve? // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. 2024. T. 14. № 1. S. 80–92.
6. Astaf`ev Yu. V. «Special`ny`e» sledstvenny`e dejstviya: k probleme vklyucheniya operativno-rozy`skny`x meropriyatij v UPK RF // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2013. № 1(14). S. 299–310.
7. Kalugin A. G. Neglasny`e sledstvenny`e dejstviya: perspektivy` vnedreniya v ugolovno-processual`noe zakonodatel`stvo Rossijskoj Federacii // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 2(43). S. 115–122.
8. Semenczov V. A. K voprosu o popolnenii sistemy` sledstvenny`x dejstvij neglasny`mi poznavatel`ny`mi priemami // Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika. 2016. № 4. S. 48–57.
9. Zajceva E. A. Ugolovny`j process Rossii: «est` u revolyucii nachalo, net u revolyucii koncza»? // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2018. № 1. S. 4–9.
10. Rossinskij S. B. Sledstvenny`e dejstviya VS neglasny`e priemy` ustanovleniya obstoyatel`stv, imeyushhix znachenie dlya ugolovnogo dela // Kriminologicheskij zhurnal. 2023. № 2. S. 129–132.
11. Komarov I. M. Eshhe raz k voprosu o priznakax sledstvennogo dejstviya i sisteme sledstvenny`x dejstvij v otechestvennom ugolovnom processe // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 4(83). S. 88–96.
12. Zolotov M. A., Vladimirov S. V., Sudakova O. V. Neglasny`e (special`ny`e) sledstvenny`e dejstviya: rassuzhdeniya o vozmozhnosti i neobxodimosti modernizacii ugolovnogo processa Rossii (k postanovke voprosa, chast` 1) // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2025. № 1. S. 506–509.
13. Zolotov M. A., Vladimirov S. V., Sudakova O. V. I vnov` o modernizacii ugolovnogo processa Rossii cherez reglamentaciyu neglasny`x sledstvenny`x dejstvij (chast` 2) // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2025. № 2. S. 510–513.
14. Kozel V. M. O dokazatel`stvennom znachenii informacii pri proizvodstve neglasny`x sledstvenny`x dejstvij // Problemy` ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka: nauka, praktika, tendencii. 2023. № 16. S. 306–312.
15. Uvarov V. Sistema neglasny`x sledstvenny`x (rozy`skny`x) dejstvij po UPK Ukrainy` // Zakonnost`. 2013. № 11. S. 58–61.
16. Shejfer S. A. Rossijskij sledovatel` – issledovatel` ili presledovatel`? // Rossijskaya yusticiya. 2010. № 11. S. 34–36.

Информация об авторах

Владимир Владимирович Конин. Доцент кафедры уголовно-процессуального права, кандидат юридических наук, доцент.

Адвокатская палата.

191025, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Казанская, 7.

Ирина Игоревна Эсмантович. Декан юридического факультета, кандидат исторических наук, доцент права.

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины.

246028, Республика Беларусь, г. Гомель, ул. Советская, 104.

Information about the authors

Vladimir V. Konin. Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedure Law, Candidate of sciences (Law), Associate Professor.
Advocate Chamber.
191025, Russia, St. Petersburg, Kazanskaya St., 7.

Irina I. Esmantovich. Dean of the Faculty of Law, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Law.
Gomel State University named after F. Skorina.
246028, Republic of Belarus, Gomel, Sovetskaya, St., 104.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 21.08.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 21.08.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 343.1, 343.9

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО НАЛОГОВОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, И СУДЕБНАЯ ПЕРСПЕКТИВА УГОЛОВНОГО ДЕЛА: АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Молчанова Татьяна Витальевна[1], Зверева Анна Владимировна[2]
[1]Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия
[2]Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия

[1]molcha@yandex.ru
[2]v.anna.z@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье на основе эмпирических данных о лицах, совершивших преступления, предусмотренные ст. 198–199.2 УК РФ в период 2023–2025 гг., проводится криминологический анализ сложившейся правоприменительной практики. Исследуется удельный вес уголовных дел, направленных в суд, в соотношении с числом выявленных лиц, а также социально-ролевая структура лиц, совершивших преступления: субъекты предпринимательской деятельности, руководители, иные лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих организациях, в том числе лица женского пола. Выявляются тенденции дифференциации судебной перспективы в зависимости от вида налогового преступления и категории виновных лиц. Формулируются выводы об особенностях современной уголовной политики в сфере противодействия налоговым преступлениям.

Ключевые слова: лица, криминологический анализ, правоприменительная практика, налоговые преступления, направленные в суд уголовные дела, руководители организаций, субъекты предпринимательской деятельности, коммерческие организации, женщины, формы соучастия.

Для цитирования: Молчанова Т. В., Зверева А. В. Криминологический портрет лица, совершившего налоговое преступление, и судебная перспектива уголовного дела: анализ правоприменительной практики // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 368–377.

CRIMINOLOGICAL PROFILE OF A PERSON WHO COMMITTED A TAX CRIME AND THE FORENSIC PERSPECTIVE OF A CRIMINAL CASE: ANALYSIS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Tatyana V. Molchanova[1], Anna V. Zvereva[2]
[1]Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russia
[2]East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia

[1]molcha@yandex.ru
[2]v.anna.z@yandex.ru

Annotation. In this article, based on empirical data on individuals who committed crimes under Articles 198–199.2 of the Criminal Code of the Russian Federation in the period 2023–2025, a criminological analysis of the current law enforcement practice is conducted. The article examines the proportion of criminal cases sent to court in relation to the number of identified individuals, as well as the socio-role structure of individuals who committed

crimes, including business owners, managers, and other individuals who perform managerial functions in commercial organizations, including female individuals. The article identifies trends in the differentiation of judicial perspectives depending on the type of tax crime and the category of perpetrators. The article also formulates conclusions about the specific features of modern criminal policy in the field of countering tax crimes.

Keywords: individuals, criminological analysis, law enforcement practice, tax crimes, criminal cases sent to court, heads of organizations, business entities, commercial organizations, women, forms of complicity.

For citation: Molchanova T. V., Zvereva A. V. Criminological profile of a person who committed a tax crime and the forensic perspective of a criminal case: analysis of law enforcement practice // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 368–377.

Статистико-криминологические показатели, характеризующие лиц, совершивших налоговые преступления, представляют собой важнейший источник информации для оценки эффективности уголовной политики государства. Данные о выявленных лицах и об уголовных делах, направленных в суд по ст. 198–199.2 УК РФ за 2023–2025 гг., позволяют не только проследить динамику налоговой преступности, но и выявить глубинные процессы в правоприменительной практике. Об этом говорит и Ж. А. Николаева, отмечая, что изучение налоговой преступности в складывающейся политической и экономической ситуации, обусловленной рядом факторов, к числу которых относят «нестабильность мировой экономики, применение экономических санкций, которые все чаще используются с целью политического давления, а также формирование цифровой экономики», приобретает особую актуальность [1, с. 4].

Особый научный интерес представляет анализ удельного веса дел, дошедших до суда, поскольку именно этот показатель отражает реальную способность правоохранительной системы доводить расследование до логического завершения. Не менее значимым представляется исследование социально-ролевого состава преступников: руководителей, субъектов предпринимательской деятельности, лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих организациях, а также женщин, поскольку эти категории наиболее репрезентативно характеризуют налоговую преступность как явление, неразрывно связанное с экономической деятельностью. Цель настоящей статьи заключается в выявлении тенденций формирующейся правоприменительной практики на основе анализа представленных статистических данных и формулировании научно обоснованных выводов о состоянии уголовного преследования за налоговые преступления.

Обратимся непосредственно к статистическим данным, которые позволяют не только оценить количественные параметры исследуемых явлений, но и выявить качественные тенденции правоприменительной практики при квалификации преступлений по ст. 198–199.2 УК РФ за исследуемый период (см. таблицу 1).

При анализе удельного веса уголовных дел, направленных в суд, обнаруживается существенная дифференциация этого показателя по различным составам налоговых преступлений. Так, по ст. 198 УК РФ, предусматривающей ответственность физических лиц за уклонение от уплаты налогов, наблюдается устойчивый рост доли дел, переданных в суд, с 14 % в 2023 году до 19 % в 2025 году, что при сохраняющемся значительном разрыве между числом выявленных лиц и количеством судебных дел (более 80 % ежегодно) объясняется комплексом факторов, среди которых ключевое значение имеет примечание 3 к ст. 198 УК РФ, предоставляющее лицу, впервые совершившему преступление, возможность освобождения от уголовной ответственности при условии полной уплаты недоимки, пеней и штрафа.

Таблица 1

Сведения о лицах, совершивших преступления, предусмотренные ст. 198–199.2 УК РФ[1]

	ст. 198 УК РФ			***ст. 199 УК РФ***			***ст. 199.1 УК РФ***			***ст. 199.2 УК РФ***		
	2023	**2024**	**2025**	**2023**	**2024**	**2025**	**2023**	**2024**	**2025**	**2023**	**2024**	**2025**
Всего выявлено лиц	99	119	120	947	1124	1270	4	5	5	371	256	549
Уголовные дела по которым направлены в суд	14	26	23	299	420	196	1	0	2	182	137	354
Совершены в составе:												
Группы лиц либо группы лиц по предварительному сговору	0	2	0	86	110	206	0	0	0	11	3	30
Организованной группы либо преступного сообщества (ПО)	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0
Выполняют управленческие функции:												
В государственных организациях	0	0	0	3	3	0	0	1	0	3	3	8
В муниципальных организациях	0	0	0	2	1	0	0	0	0	12	1	4
В коммерческих организациях	9	6	3	815	938	1097	2	2	3	258	174	364
Социальное положение лиц, совершивших преступления:												
Руководители	10	10	6	866	1033	1141	3	5	3	314	214	453
Материально ответственные лица	0	2	3	11	21	10	0	0	0	11	7	15
Работники кредитно-финансовой и банковской системы	0	0	1	15	7	9	0	0	0	6	0	6
Субъекты предпринимательской деятельности	77	89	91	828	1000	1180	2	4	5	316	229	475
Из них совершены:												
Женщинами	21	37	31	129	160	177	0	0	0	56	23	57
Лицами без гражданства	0	0	1	11	19	20	0	0	0	0	1	6

В связи с тем что по данной категории дел речь идет о физических лицах, суммы предъявленного ущерба зачастую не столь значительны, в отличие от предпринимательских составов, соответственно, механизм деятельного раскаяния является наиболее эффективным и побуждает значительную часть выявленных лиц возмещать ущерб для прекращения уголовного преследования на досудебной стадии.

[1] Ф. 010 кн. 1 раздел 3 «Сведения о лицах, совершивших преступления экономической направленности». ГИАЦ МВД России.

Кроме того, преступления по ст. 198 УК РФ выявляются преимущественно в ходе налоговых проверок [2, с. 142], и при последующей следственной оценке нередко устанавливается отсутствие умысла, наличие технических ошибок в декларировании либо недостижение суммы неуплаты крупного размера. Все перечисленные обстоятельства влекут прекращение дел за отсутствием состава или события преступления.

Особо отметим, что существенную роль играет и субъектный фактор, поскольку физические лица, не обладая специальными познаниями в уголовном процессе, чаще идут на сотрудничество со следствием, дают признательные показания и возмещают ущерб, а следователь при наличии полного возмещения и отсутствии отягчающих обстоятельств реализует принцип экономии уголовной репрессии, прекращая уголовное дело. Наконец, сложность доказывания прямого умысла на сокрытие доходов у физических лиц, когда защите нередко удается аргументировать наличие добросовестного заблуждения или сложных личных обстоятельств, делает судебную перспективу туманной для обвинения, вследствие чего дела прекращаются на стадии следствия, и таким образом сохраняющийся разрыв между выявлением и судом по ст. 198 УК РФ является не столько индикатором низкого качества следствия, сколько отражением целенаправленной уголовной политики, стимулирующей возмещение ущерба на ранних стадиях процесса и реализацию поощрительных норм уголовного закона. По мнению К. А. Большакова, приоритетным направлением государственной политики является «не привлечение к уголовной ответственности виновного нарушителя законодательства о налогах и спорах, а полная выплата образовавшейся налоговой задолженности, пеней и штрафных санкций в соответствии с Налоговым кодексом России» [3, с. 181].

В продолжение исследования обратим внимание на ст. 199 УК РФ, устанавливающую ответственность за уклонение от уплаты налогов организациями. Здесь складывается принципиально иная ситуация. При росте числа выявленных лиц – с 947 в 2023 году до 1124 в 2024 году и 1270 в 2025 году – абсолютные показатели направленных в суд дел демонстрируют разнонаправленную динамику: после роста с 299 в 2023 году до 420 в 2024 году последовало резкое снижение до 196 в 2025 году. Соответственно, удельный вес дел, дошедших до суда, сократился с 31–37 % в 2023–2024 гг. до 15 % в 2025 году. Данный феномен объясняется комплексом факторов правового и правоприменительного характера, среди которых определяющее значение имеет примечание 2 к ст. 199 УК РФ, предусматривающее освобождение от уголовной ответственности при полной уплате недоимки, пеней и штрафов. При этом необходимо отметить, что изменения законодательства и правоприменительной практики последнего периода существенно расширили возможности для досудебного урегулирования налоговых споров, что, в свою очередь, привело к прекращению значительной части дел на стадии предварительного расследования в связи с возмещением ущерба [3, с. 182].

Немаловажную роль играет и позиция Верховного Суда РФ, ориентирующая органы следствия на тщательную проверку обоснованности обвинений и интенсификацию практики применения института деятельного раскаяния, что в совокупности с требованиями о доказывании прямого умысла на уклонение от неуплаты таможенных платежей побудило следователей более осторожно подходить к направлению уголовных дел в суд, предпочитая прекращать их при малейших сомнениях в доказательственной базе либо при частичном возмещении ущерба. Значимым фактором выступает изменение тактики защиты со стороны руководителей организации субъектов предпринимательской деятельности, которые, осознавая высокие риски обвинительного приговора, пытаются урегулировать вопросы с государством на досудебной стадии, в том числе используя механизм полного возмещения ущерба и активное сотрудничество со следствием.

Более того, следует учитывать влияние экономической ситуации, поскольку в условиях нестабильности правоохранительные органы получают негласные ориенти-

ры на снижение «репрессивный нагрузки на бизнес», что выражается в более широком применении поощрительных мер прекращения уголовных дел на стадии следствия.

Таким образом, снижение показателей по ст. 199 УК РФ является следствием целенаправленной уголовной политики, которая стимулирует возмещать причиненный ущерб. Особую актуальность это приобретает «в условиях дефицита федерального бюджета, наблюдаемого на протяжении последних лет» [4, с. 54]. Вместе с тем такой подход, являясь фискально эффективным инструментом, одновременно нивелирует превентивный эффект уголовного закона, поскольку значительная часть лиц, совершивших налоговые преступления, избегая стадии публичного осуждения, ставит под сомнение реализацию принципа неотвратимости ответственности и требует поиска баланса между стимулированием возмещения ущерба и обеспечением неотвратимости наказания.

По ст. 199.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за неисполнение обязанностей налогового агента, статистические показатели крайне незначительны: ежегодно выявляется от 4 до 5 лиц, при этом в суд направлено 1 дело в 2023 году, 0 – в 2024 году и 2 дела в 2025 году. Столь незначительные показатели по данной статье объясняются комплексом факторов: во-первых, объективной сложностью доказывания умысла налогового агента, направленного именно на личное использование не перечисленных в бюджет сумм налога, а не на временные кассовые разрывы; во-вторых, конкуренцией составов преступлений, когда деяния налоговых агентов зачастую переквалифицируются на ст. 199 УК РФ и вменяются руководителю организации как основному субъекту налоговых отношений; в-третьих, фактическим приоритетом правоприменительной практики, ориентированной на преследование непосредственных плательщиков налогов (юридических и физических лиц), а не налоговых агентов, роль которых в бюджетной системе статистически менее заметна.

Наиболее высокие показатели судебной перспективы демонстрирует ст. 199.2 УК РФ о сокрытии имущества, за счет которого должно производиться взыскание налогов. В своих исследованиях мы ранее отмечали, что «новый состав, появление которого сказалось на увеличении статистических данных по преступлениям в сфере экономической деятельности, – это статья 199.2 УК РФ. За 2002–2024 гг. прирост на 64 %» [5, с. 172]. Стоит отметить, что норме данной статьи уделяется особое внимание, поскольку «непоступление в бюджет и государственные внебюджетные фонды налоговых платежей причиняет вред государству и обществу, поскольку затрудняет реализацию государственных социально-экономических программ, ущемляет права и законные интересы граждан» [6, с. 49]. В 2025 году в суд направлено 354 дела из 549 выявленных лиц, что составляет 64 %. Во-первых, для данной статьи действует упрощенная процессуальная процедура доказывания. В отличие от составов уклонения от уплаты налогов (ст. 198, 199 УК РФ), где требуется проводить сложные налоговые экспертизы, рассчитывать размер недоимки и доказывать умысел на неуплату, по ст. 199.2 УК РФ предмет доказывания более формализован. Сам факт сокрытия имущества устанавливается путем фиксации действий виновного лица по его отчуждению, передаче третьим лицам или сокрытию в тот момент, когда налоговым органом уже инициирована процедура взыскания. Это деяние имеет ярко выраженные объективные признаки, что облегчает работу следствия. Во-вторых, наличие официального акта налогового органа как преюдициального факта. Квалификация по ст. 199.2 УК РФ возможна только после того, как у лица образовалась недоимка и налоговым органом вынесено решение о ее взыскании. Сам факт наличия вступившего в силу решения налогового органа, которое не было обжаловано или признано недействительным, существенно укрепляет доказательственную базу. Следствию нет необходимости доказывания наличия налоговой задолженности, она уже установлена в рамках налогового контроля, что придает составу ст. 199.2 УК РФ определенную степень преюдициальной завершенности. В-третьих, материально-правовая конструкция состава. Объективная сторона данного преступле-

ния заключается в сокрытии имущества, то есть в совершении активных действий. Правоохранительная практика традиционно испытывает меньше сложностей с доказыванием действия, чем бездействия, которым по сути является уклонение от уплаты налогов. Действия по выводу активов, перерегистрации имущества на подставных лиц или его уничтожению оставляют больше материальных следов, что повышает раскрываемость и качество расследования. В-четвертых, более высокая общественная опасность с точки зрения правоприменителя.

Сокрытие имущества в условиях очевидной задолженности перед бюджетом воспринимается следствием и судом как более циничное и умышленное деяние, направленное не просто на экономию на налогах, а на активное противодействие законным требованиям государства. Это формирует у правоприменителя более жесткую установку на доведение такого дела до суда. В-пятых, смена приоритетов правоохранительной политики. Наблюдаемый в 2025 году значительный рост как числа выявленных лиц (с 256 до 549), так и доли дел, переданных в суд (с 54 % до 64 %), позволяет предположить сознательный акцент правоохранительных органов на противодействие выводу активов. Доказать факт сокрытия имущества зачастую проще и быстрее, чем доказывать многолетние схемы уклонения от налогов, что делает данный состав удобным инструментом оперативного реагирования на наиболее опасные посягательства на фискальные интересы государства [7, с. 1123].

Криминологический анализ категорий лиц, совершивших налоговые преступления ст. 198–199.2 УК РФ, убедительно свидетельствует о том, что основными субъектами по «предпринимательским» составам выступают руководители организаций и лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью [8, с. 306]. По ст. 199 УК РФ в 2025 году из 1 270 выявленных лиц 1 141 человек (90 %) является руководителем, 1 180 человек (93 %) отнесены к категории субъектов предпринимательской деятельности, а 1 097 человек (86 %) составляют лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих организациях.

Сходная ситуация наблюдается по ст. 199.2 УК РФ: из 549 выявленных лиц 453 (82 %) – руководители, 475 (86 %) – субъекты предпринимательской деятельности, 364 (66 %) – лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих организациях. Столь высокие показатели подтверждают тезис о том, что уголовное преследование за налоговые преступления сфокусировано именно на руководителях организаций, лицах, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, а также иных лицах, выполняющих управленческие функции в коммерческих структурах, тогда как иные категории работников (материально ответственные лица, работники кредитно-финансовой сферы) привлекаются к ответственности значительно реже.

Гендерный анализ выявляет устойчивую структуру женской налоговой преступности. По ст. 198 УК РФ доля женщин среди привлеченных к ответственности физических лиц составляет в 2023 году 21 %, в 2024 году – 31%, в 2025 году – 26 %, что отражает достаточно высокую вовлеченность женщин в экономическую деятельность, требующую налогового декларирования. По ст. 199 УК РФ абсолютное число женщин, совершающих налоговые преступления, последовательно возрастает: с 129 в 2023 году до 160 в 2024 году и 177 в 2025 году, однако их удельный вес остается стабильным на уровне 13–14 % от общего числа выявленных лиц. Данное обстоятельство объясняется тем, что женщины реже занимают должности руководителей организаций, но достаточно часто выполняют функции главных бухгалтеров и финансовых директоров, привлекаемых к ответственности в качестве соучастников. По ст. 199.2 УК РФ доля женщин колеблется: 15 % в 2023 году (56 из 371), 9 % в 2024 году (23 из 256) и 10 % в 2025 году (57 из 549).

Особо отметим, что в последние годы наблюдается устойчивая тенденция к активному вовлечению женщин в экономическую деятельность, в том числе к занятию

ими руководящих и управленческих должностей в различных сферах [9, с. 184]. В подтверждение возрастающей вовлеченности женщин в предпринимательскую деятельность приведем следующие статистические данные: «эксперты выяснили, что с 2023 число индивидуальных предпринимателей (далее – ИП), учрежденных женщинами (480 948 ед.), превысило число ИП, созданных мужчинами (465 736 ед.), тем самым прирост составил + 25, 83 % и + 21, 69 % соответственно» (см. таблицу 2).

Таблица 2

Динамика численности индивидуальных предпринимателей по состоянию на 1 марта 2026 г.[2]

	2023	**2024**	**2025**	**2026**	**Изменение за 3 года, ед.**	**Изменение за 3 года, %**
Ж	1 862 328	2 047 587	2 184 485	2 343 276	480 948	25,83 %
М	2 146 866	2 317 716	2 456 569	2 612 602	465 736	21,69 %
Итого ИП	4 009 194	4 365 303	4 641 054	4 955 878	946 684	23,61 %
% М в ИП	46,45 %	46,91 %	47,07 %	47,28 %	0,83 п.п.	-

Быстрота ликвидации в «женском бизнесе» ниже, чем прирост их фактической регистраций. Только за два месяца 2026 года женщинами создано без малого почти 92 тысячи новых ИП (табл. 2). Среди регионов первая пятерка, где больше всего ИП-женщин, отражает картину деловой активности в целом по стране и сейчас представлена так: Москва – 228,81 тыс. ИП; Московская область – 169,11 тыс. ИП; Краснодарский край – 129,58 тыс. ИП; Санкт-Петербург – 111,48 тыс. ИП; Ростовская область – 72,24 тыс. ИП[3].

Так, по данным Минэкономразвития России, в январе 2026 года в стране зарегистрировано 6,2 млн женщин-предпринимателей против 5,9 млн годом ранее. Прирост – 300 тысяч за год. Сейчас женщины составляют 41,7 % всех субъектов МСП, то есть почти каждый второй бизнес в секторе – с женским лицом. При этом ядро женского предпринимательства – возраст 35–44 года: на эту группу приходится почти 53 % всех женщин-ИП, и тенденция сохраняется уже несколько лет[4].

Аналогичный тренд и среди аудитории Авито. В 2025 году число женщин-продавцов на Авито Товарах выросло на 102 % быстрее, чем у мужчин (84 %). Среднемесячный рост также выше: 6 % против 5 %. На начало 2026 года более половины предпринимателей на платформе – женщины 35–44 лет. При этом на Авито Товарах 60 % женщин-предпринимателей выбирают организационно-правовую форму общества с ограниченной ответственностью (ООО).

Так, по данным исследования, 3,4 млн женщин работают как самозанятые, 1,9 млн зарегистрированы как ИП, еще 904 тыс. руководят юридическими лицами[5].

Согласно исследованию T-Data от Т-Бизнеса, «женщины по-прежнему реже занимают руководящие позиции в компаниях, чем мужчины. Особенно заметна разница по мере роста масштаба бизнеса: чем крупнее компания, тем ниже доля женщин среди ее руководителей. Доля женщин: в микробизнесе – 39 %; в малом бизнесе – 26 %;

---

[2] СКБ «Контур». «Женское дело». 10 марта 2026. URL: https://kontur.ru/press/news/83946-zhenskoe_delo?yclid=16150396193164492799 (дата обращения: 17.03.2026).

[3] Министерство экономического развития РФ: сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/ekonomicheskie_obzory (дата обращения: 28.03.2026).

[4] Там же.

[5] В России растет число женщин-предпринимателей: 6,2 млн в 2026 году. URL: https://properm.ru/news/2026-03-10/v-rossii-rastyot-chislo-zhenschin-predprinimateley-6-2-mln-v-2026-godu (дата обращения: 17.02.2026).

в среднем бизнесе – 18 %. При этом 98 % компаний под управлением женщин относятся к микробизнесу с оборотом до 120 млн рублей в год»[6].

Рост вовлеченности женщин в предпринимательскую сферу, выражающийся в увеличении их доли среди индивидуальных предпринимателей и руководителей хозяйствующих субъектов, коррелирует с возрастанием зарегистрированных случаев налоговых преступлений, совершенных данной категорией лиц, что отражает как расширение экономической активности, так и усиление контроля со стороны налоговых и правоохранительных органов.

Обратим наше исследовательское внимание на то, что анализ форм соучастия демонстрирует практически полное отсутствие квалификации налоговых преступлений как совершенных организованной группой либо преступным сообществом за исключением единичного случая по ст. 199 УК РФ в 2023 году. В то же время признак совершения преступления группой лиц либо группой лиц по предварительному сговору фиксируется достаточно часто, особенно по статье 199 УК РФ, где показатели выросли с 86 в 2023 году до 110 в 2024 году и 206 в 2025 году. Указанное обстоятельство свидетельствует о том, что правоприменительная практика признает согласованный характер действий участников налоговых схем, но не усматривает в них признаков организованной преступной деятельности, хотя сложность и системность современных способов уклонения от налогообложения объективно требуют именно организованных, а не ситуативных форм соучастия.

Все вышеизложенное позволяет сделать ряд принципиальных выводов. Правоприменительная практика демонстрирует существенную дифференциацию судебной перспективы в зависимости от вида налогового преступления: наиболее высокий удельный вес уголовных дел, направленных суд, фиксируется по ст. 199.2 УК РФ, что свидетельствует о процессуальной упрощенности доказывания данного состава преступлений по сравнению с другими составами налоговых преступлений.

Кроме того, наблюдается устойчивая тенденция к персонификации ответственности – абсолютное большинство привлекаемых лиц по составам преступлений, связанных с функционированием как юридических, так и физических лиц (как их руководителей, так и иных субъектов предпринимательской деятельности), что подтверждает глубокую экономическою природу налоговых преступлений и соразмерность уголовного преследования.

Одновременно следует отметить, что гендерная структура налоговой преступности сохраняет относительную стабильность: доля женщин колеблется в пределах 10–30 % в зависимости от состава преступления, что отражает реальное распределение социально-экономических ролей. Наконец, практически полное отсутствие квалификации налоговых преступлений как совершенных организованными группами при одновременном росте показателей по предварительному сговору указывает на необходимость теоретического переосмысления критериев организованности в преступлениях в сфере экономической деятельности и совершенствования судебной практики в сторону более адекватной уголовно-правовой оценки сложных форм соучастия.

Совокупность выявленных тенденций свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования уголовной политики в сфере противодействия налоговым преступлениям с целью обеспечения неотвратимости ответственности и соответствия назначаемого наказания реальной роли каждого участника преступной деятельности.

---

[6] Доля женщин в российском бизнесе в 2026 году – 43 %. URL: https://rb.ru/news/dolya-zhenshin-v-rossijskom-biznese-v-2026-godu-43-chashe-vsego-oni-rabotayut-v-sfere-obrazovaniya-i-e-commerce/?utm_source=copy_out (дата обращения: 17.03.2026).

1. Николаева Ж. А. Противодействие налоговым преступлениям: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 270 с.
2. Матушкина Н. В. Особенности возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2017. № 5. С. 140–146.
3. Большаков К. А. Состояние и оптимизация уголовно-право-процессуального механизма окончания уголовных дел о преступлениях, связанных с нарушением законодательства о налогах и сборах // Государственная служба и кадры. 2024. № 2. С. 178–183.
4. Иванова Е. Ю., Нестерова Н. А. О роли прокурора в возмещении ущерба, причиненного налоговыми преступлениями // Искусство правоведения. 2025. № 4. С. 53–59.
5. Молчанова Т. В. Эмпирическое исследование динамики и структуры преступности в сфере экономической деятельности: современные тенденции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025, Т. 4. № 72. С. 169–178. EDN FYCTAR.
6. Алехин Д. В. Проблемы расследования преступлений, предусмотренных статьей 199.2 УК РФ и пути их решения // Налоги и налогообложение. 2017. № 11. С. 48–53.
7. Сухорукова И. Н. Некоторые особенности криминалистической характеристики преступления, предусмотренного ст. 199.2 УК РФ // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. С. 1113–1125.
8. Ефимова В. В. Расследование современных схем налоговых преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 369 с.
9. Молчанова Т. В. Статистическое исследование лиц, совершающих преступления в сфере экономической деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 182–187. URL: https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-182-187.

1. Nikolaeva Zh. A. Protivodejstvie nalogovy`m prestupleniyam: ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty`: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2022. 270 s.
2. Matushkina N. V. Osobennosti vozbuzhdeniya ugolovny`x del po nalogovy`m prestupleniyam // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «E`konomika i pravo». 2017. № 5. S. 140–146.
3. Bol`shakov K. A. Sostoyanie i optimizaciya ugolovno-pravo-processual`nogo mexanizma okonchaniya ugolovny`x del o prestupleniyax, svyazanny`x s narusheniem zakonodatel`stva o nalogax i sborax // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry`. 2024. № 2. S. 178–183.
4. Ivanova E. Yu., Nesterova N. A. O roli prokurora v vozmeshhenii ushherba, prichinennogo nalogovy`mi prestupleniyami // Iskusstvo pravovedeniya. 2025. № 4. S. 53–59.
5. Molchanova T. V. E`mpiricheskoe issledovanie dinamiki i struktury` prestupnosti v sfere e`konomicheskoj deyatel`nosti: sovremenny`e tendencii // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2025, T. 4. № 72. S. 169–178. EDN FYCTAR.
6. Alexin D. V. Problemy` rassledovaniya prestuplenij, predusmotrenny`x stat`ej 199.2 UK RF i puti ix resheniya // Nalogi i nalogooblozhenie. 2017. № 11. S. 48–53.
7. Suxorukova I. N. Nekotory`e osobennosti kriminalisticheskoj xarakteristiki prestupleniya, predusmotrennogo st. 199.2 UK RF // Voprosy` rossijskoj yusticii. 2020. № 9. S. 1113–1125.
8. Efimova V. V. Rassledovanie sovremenny`x sxem nalogovy`x prestuplenij: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2024. 369 s.

9. Molchanova T. V. Statisticheskoe issledovanie licz, sovershayushhix prestupleniya v sfere e`konomicheskoj deyatel`nosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2022. № 3. S. 182–187. URL: https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-182-187.

Информация об авторах

Татьяна Витальевна Молчанова. Доцент кафедры криминологии, кандидат юридических наук, доцент.
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя.
117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Анна Владимировна Зверева. Адъюнкт.
Восточно-Сибирский институт МВД России.
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Information about the authors

Tatyana V. Molchanova. Assistant Professor of the Chair of Criminology, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.
Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia.
117997, Russia, Moscow, Akademika Volgina St., 12.

Anna V. Zvereva. A postgraduate student.
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
664074, Russia, Irkutsk, Lermontov St., 110.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 29.07.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 29.07.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 343.98

ИЗЪЯТИЕ СЛЕДОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Назарова Мария Денисовна[1], Муницына Анна Андреевна[2]
[1]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия
[2]Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

[1]mari_denisova_2019@mail.ru
[2]annamunitsyna@yandex.ru

Аннотация. Современное общество значительно трансформируется в цифровой среде, обусловлено это зависимостью всех сфер общественной жизни от информационно-телекоммуникационных технологий. Эволюция информационных технологий не только открыла новые возможности для общества, но и породила новые угрозы, трансформировав «почву» преступной деятельности. Традиционные методы, применяемые на первоначальном этапе расследования, которые, в свою очередь, ориентированы на физические доказательства, оказываются недостаточными в условиях, когда преступление совершается удаленно, а его инструментом является компьютер или смартфон. Центральным объектом исследования в таких случаях становится информация, а именно оставленные преступником цифровые следы. Их обнаружение и правильное изъятие являются непростой задачей, осложненной такими факторами, как шифрование данных, применение специальных сервисов или программ, помогающих скрыть информацию о пользователе в интернете: его реальный IP-адрес, геолокацию, данные о браузере и устройстве.

Ключевые слова: цифровые следы, изъятие, специалист, цифровое пространство, цифровизация, следы, цифровые носители.

Для цитирования: Назарова М. Д., Муницына А. А. Изъятие следов при расследовании преступлений, совершенных в цифровом пространстве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 378–385.

SEIZURE OF TRACES IN THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED IN DIGITAL SPACE

Maria D. Nazarova[1], Anna A. Munitsyna[2]
[1]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[2]Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

[1]mari_denisova_2019@mail.ru
[2]annamunitsyna@yandex.ru

Annotation. Modern society is significantly being transformed in the digital environment, driven by the dependence of all spheres of public life on information and telecommunications technologies. The evolution of information technology has not only

opened up new opportunities for society but also generated new threats, transforming the landscape of criminal activity. Traditional methods used at the initial stage of an investigation, which in turn rely on physical evidence, prove insufficient when a crime is committed remotely, using a computer or smartphone as the instrument of crime. In such cases, the central object of investigation is information, specifically the digital traces left by the criminal. Detecting and properly recovering these traces is a complex task, complicated by factors such as data encryption and the use of special services or programs that help conceal user information online, including their real IP address, geolocation, browser, and device data.

Keywords: digital traces, seizure, specialist, digital space, digitalization, traces, digital media.

For citation: Nazarova M. D., Munitsyna A. A. Seizure of traces in the investigation of crimes committed in digital space // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanova. 2026. № 3(108). P. 378–385.

Стремительная цифровизация всех сфер общественной жизни, развитие электронных платежей, дистанционных сервисов и коммуникаций объективно усилили зависимость граждан и организаций от информационно-телекоммуникационных технологий. Одновременно с ростом цифровых возможностей увеличились и противоправные посягательства, совершаемые в цифровом пространстве. Масштабный переход к цифровым технологиям закономерно приводит к тому, что преступления в цифровом пространстве приобретают новые формы и способы совершения. На страницах юридической печати отмечено, что в структуре современной преступности фиксируется устойчивая тенденция к росту киберпреступности. Так, за последние годы почти каждое 20-е зарегистрированное преступление совершается в цифровом пространстве [1, с. 34]. Согласно данным статистической отчетности за январь-май 2026 года, зарегистрировано 211,9 тысячи преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий[1]. Преступления, совершенные в цифровом пространстве (они же киберпреступления; преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий; преступления в сети Интернет и т. д.), имеют отличительную особенность в том, что механизм следообразования совершенного преступления остается в памяти устройств, в локальных сетях и т. д., что значительно затрудняет процесс их обнаружения и правильного изъятия.

Одним из ключевых следственных действий, проводимых на первоначальном этапе расследования, является осмотр места происшествия, в ходе которого необходимо обнаружить и изъять следы, оставленные при совершении преступления. Тактика производства осмотра места происшествия и порядок изъятия следов противоправного деяния при расследовании преступлений, совершенных в цифровом пространстве, значительно отличаются от традиционного осмотра места происшествия. Обусловлено это тем, что «место» как физическая локация часто не совпадает с пространством совершения преступных действий, а следовая картина формируется преимущественно в цифровой среде – в устройствах потерпевшего и иных участников, в журналах событий приложений, на серверах, у операторов связи и т. д.

В качестве особенности механизма следообразования рассматриваемой группы преступлений следует выделить отсутствие физического контакта между потерпевшим и преступником, как уже ранее было отмечено, данные, которые могут помочь в про-

[1] МВД России. ФКУ «Главный-информационно-аналитический центр». Статистика. Состояние преступности в России за январь-май 2026 года. URL :https://мвд.рф/reports/item/88925539 (дата обращния: 02.07.2026).

цессе расследования, остаются в цифровой среде. Соответственно, лицо, производящее осмотр места происшествия, при совершении преступления в киберпространстве, сталкивается с необходимостью использования иных методов и средств обнаружения и фиксации цифровых следов преступления.

Цифровые следы – дефиниция, которая относительно недавно появилась в теории криминалистики. Законодательного закрепления данного понятия в настоящее время нет, в связи с чем ученые в области криминалистики ведут неутихающие споры о том, что же следует понимать под «цифровыми следами». На страницах юридической печати высказано значительное количество точек зрения по данному вопросу. Вступать в полемику о том, что же следует понимать под цифровым следом, мы не будем, а рассмотрим процедуру обнаружения и изъятия.

Прежде чем перейти к особенностям изъятия цифровых следов, рассмотрим их разновидности. На страницах юридической печати выделяются следующие типы цифровых следов:

1. Файловые следы – это наиболее распространенный тип цифровых следов, к которому можно отнести: удаленные, скрытые, измененные и временные файлы, историю браузера.

2. Сетевые следы, характеризующие сетевые взаимодействия и соединения устройства с внешними серверами. К ним относят: логи подключений – записи всех попыток подключения устройства к сети; сетевой трафик – данные о передаче информации между устройством и внешними ресурсами; IP-адреса – уникальные идентификаторы сетевых устройств, DNS-запросы – запросы, которые отправляются устройством к DNS-серверу с целью преобразования доменного имени в IP-адрес, необходимый для установления соединения с веб-сервером или другим сетевым ресурсом.

3. Следы операционной системы, к ним относят: журналы событий (англ. event logs) – записи (логи, лог-файлы), которые содержат хронологическую информацию о действиях и событиях, происходящих в системе, программе или сети (входы в систему, изменения в файлах и другие действия); данные о запуске программ – информация о том, какие программы были запущены на устройстве и в какое время; системные ошибки, которые могут указывать на попытки взлома или несанкционированного доступа к системе.

4. Метаданные, представляющие собой временные метки (англ. timestamps) – данные о времени создания и последнего изменения файлов; геолокацию – информацию о местоположении устройства при создании или изменении файлов [2, с. 75–76].

Процесс извлечения таковых следов неразрывно связан с инвентаризацией датахранилищ бинарных данных, которые подразделяются на материальные (осязаемые) и нематериальные (облачные или распределительные).

Материальные digital-носители могут быть конструктивно интегрированы в состав цифровых устройств либо существовать как автономные объекты. К данной категории относятся: магнитные накопители (дискеты, жесткие диски); оптические носители (CD, DVD, Blu-ray); полупроводниковые запоминающие устройства (флеш-накопители, карты памяти, твердотельные накопители, SSD).

Виртуальные цифровые носители не являются физическими объектами, а представляют собой информационные среды, в которых данные существуют в электронной форме и становятся доступными через глобальную сеть Интернет или иные телекоммуникационные каналы. Типичные примеры: облачные хранилища (Yandex Disk, Google Drive, Dropbox, TeraBox и аналоги), виртуальные машины, удаленные серверы, сетевые базы данных (NAS), а также логические разделы данных, функционирующие исключительно в виртуальном пространстве.

Обнаружение, фиксация и изъятие таковых следов должны производиться специалистом. Присутствие компетентного в рассматриваемой области специалиста

при производстве следственных действий, направленных на изъятие цифровых следов преступления, выступает необходимым условием для обнаружения, фиксации и изъятия таковых следов. О значимости роли специалиста при производстве вышеперечисленных действий отмечается и на страницах юридической печати [3, с. 98].

Однако А. И. Семикаленова и И. А. Рядовский на основе проведенного анкетирования и интервьюирования практических сотрудников отмечают, что в настоящее время у специалистов, привлекаемых к участию в следственных действиях с целью обнаружения и фиксации цифровых следов преступления, отсутствует должная подготовка, а именно: отсутствие у них на месте происшествия необходимой криминалистической техники, при помощи которой возможно произвести изъятие и фиксацию на носителе-дубликате компьютерной информации в случае невозможности изъятия компьютерной системы, подлежащей исследованию, а в некоторых случаях и отсутствие достаточных знаний в рассматриваемой области.

Следует отметить, о том, что в научных публикациях справедливо сделан акцент, что не все сотрудники следственного аппарата и органа дознания понимают, какой именно специалист им требуется при работе с цифровыми следами. Речь идет о специализации и компетенции, о методиках применения, о технических средствах, используемых для того, чтобы обнаружить, зафиксировать и изъять цифровые доказательства [4, с. 183].

Есть мнение о том, что изъятием цифровых следов должен заниматься эксперт в области IT-технологий, однако справедливо отмечено на страницах юридической печати, что в настоящее время отсутствует достаточное количество специалистов в данной области [5, с. 64].

Согласимся, что обнаружением и изъятием рассматриваемой группы следов должен заниматься эксперт, специализирующийся на IT-технологиях, но никак не следователь. Ввиду того что следователи не обладают специальными познаниями в области цифровой криминалистики, их ключевой функцией при обнаружении и изъятии цифровых следов либо цифровых устройств с информацией, является обеспечение физической сохранности устройств и их полная изоляция от внешних воздействий до приезда эксперта соответствующей области, обладающего специальными познаниями. Данное обстоятельство обуславливает актуальность разработки единых стандартов и методик проведения следственных осмотров с целью предотвращения утраты или модификации цифровых данных.

Помимо специальных познаний, субъект, занимающийся процедурой обнаружения фиксации и изъятия цифровых следов, должен иметь при себе необходимые технические средства, которые могут быть как аппаратные, так и программные. Так, в теории криминалистики к числу «популярных» программных и аппаратных средств относят следующие программно-аналитические и приборные комплексы.

1. Программный комплекс «Мобильный криминалист» [1, с. 35] (версии Эксперт Плюс и Десктоп) имеет своим предназначением извлечение и анализа данных из цифровых устройств и облачных сервисов. Изъятие цифровых следов производится за счет генерации физических и логических дампов, образов памяти не только мобильных устройств, но и портативных, персональных, серверных компьютеров, беспилотных воздушных судов.

2. Программно-аппаратный комплекс «PC-3000 Mobile» (версия для правоохранительных органов), позволяющий извлекать данные из мобильных телефонов. Следует отметить, что версия «Эксперт» упомянутого программно-аппаратного комплекса предоставляет возможность глубокого анализа и восстановления файловой системы даже при ее повреждении.

3. Программный комплекс «UFED Touch», применение которого в настоящее время сопряжено с рядом сложностей, которые нашли отражение на страницах юридической печати [6, с. 15–18].

4. Система «XRY» – подразумевает углубленное исследование данных на SIM-картах и во встроенной памяти мобильных устройств с возможностью восстановления ранее стертой информации [7, с. 83].

5. «ОПТИК-2» – служит не для обнаружения самого цифрового следа, а для локализации системы, осуществляющей его запись на сервер. Создаваемый при этом видеофайл считается самостоятельным цифровым следом и подлежит изъятию [7, с. 84].

6. «Physical Analyzer» – в качестве особенности которого выделяют возможность поиска по восстановленным координатам GPS. Эти данные сохраняются спутником при использовании современного мобильного устройства [8, с. 409–410].

7. «Encase Forensic» – имеет своим предназначением обнаружение и исследование электронных данных на локальном устройстве, а также на устройствах, расположенных в удаленном доступе [9, с. 184].

8. «Belkasoft Evidence Center» – обеспечивает обнаружение, анализ, фиксацию и извлечение цифровых следов с технического носителя. Данная программа способна анализировать операционные системы IOS и Android.

Несмотря на то что на страницах юридической печати учеными выделено значительное количество программных комплексом, приложений и т. д., способствующих изъятию и исследованию цифровых следов и устройств, содержащих такие следы, следует согласиться с тем, что приведенные выше программно-аналитические и приборные комплексы небезупречны [10, с. 21]. Обусловлено это тем, что данные средства не всегда поддерживают актуальные технические новинки и последние версии программного обеспечения, но, несмотря на это, целесообразность их применения при производстве следственных действий не вызывает сомнений.

Отдельно следует отметить практический опыт правоохранительной системы Китайской Народной Республики (далее – КНР) по работе с цифровыми следами в памяти значительного количества устройств. В основе положены принципы – *скорость*, *автоматизация процессов* в том числе с помощью функции искусственного интеллекта (далее – ИИ), *разумность* в применении специальных знаний. Непосредственно работа с цифровыми данными состоит из трех этапов: разблокировка устройства (получение сведения о пароле, графическом ключе и другое), извлечение (сохранение) и анализ данных. Первые два этапа реализуются в кратчайшие сроки, в автоматическом режиме специалистами, не имеющими глубоких специальных познаний в области аналитики. На третьем этапе уже эксперты качественно анализируют цифровые данные. Таким образом, реализовано разделение компетенций сотрудников, осуществляющих сбор вне специализированных лабораторий (функции этапов 1 и 2) и исследование (функции этапа 3) цифровых следов.

Для сбора цифровых следов вне специализированных лабораторий в КНР разработаны и применяются портативные комплексы ООО «Сямыньский научно-исследовательский институт информационной безопасности Meiya Pico»:

1. Портативный комплекс «iPM-5000» предназначен для разблокировки и извлечения из данных из заблокированных мобильных устройств с предустановленным системным программным обеспечения семейства IOS и Android.

2. Портативный универсальный комплекс «DC-8830» – используется для снятия данных с мобильных устройств, компьютерных дисков, систем видеонаблюдения, автомобильных блоков.

3. Интеллектуальный автоматизированный переносной комплекс «AI-6200» – применяется для исследования мобильных телефонов. Комплекс реализует в автомати-

ческом режиме (без участия человека) сбор с помощью интегрированной функции ИИ цифровых следов[2].

В заключение хотелось бы отметить, что мы живем в эпоху тотального владения гаджетами, когда мобильный телефон, планшет или компьютер есть практически у всех. При этом молодое поколение активно использует смартфоны и гаджеты для общения, онлайн-покупок и т. д. Несомненно, эти инструменты кардинально меняют наш быт к лучшему, открывая мгновенный доступ к любым сервисам. Однако есть и негативная сторона быстрой цифровизации общества, а именно: рост преступлений совершенных, в цифровом пространстве, которые имеют отличительную следовую картину, то есть оставляют цифровые следы.

Цифровые следы в современных реалиях становятся неотъемлемой частью правоприменительной деятельности, что, в свою очередь, несмотря на имеющийся обширный арсенал аппаратно-программного обеспечения, направленного на изъятие данных следов, требует дальнейшего развития технико-криминалистических средств, приемов и методов их обнаружения, фиксации и изъятия.

1. Долженко Н. И. Цифровые следы в криминалистике: понятие и значение в расследовании преступлений, особенности обнаружения изъятия и фиксации // Правовая реформа. № 2. 2022. С. 34–37.
2. Хомяков Э. Г. О сущности цифровых следов в криминалистике и их фиксации // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 1(21). С. 71–82.
3. Чекунов И. Г., Рядовский И. А., Иванов М. А. Методические рекомендации по расследованию преступлений в сфере компьютерной информации: учебное пособие / под ред. И. Г. Чекунова. М.: Мос. Университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2018. 106 с.
4. Семикаленова А. И., Рядовский И. А. Использование специальных знаний при обнаружении и фиксации цифровых следов: анализ современной практики // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6(103). С. 178–185.
5. Бахтеев Д. В., Смахтин Е. В. Криминалистические особенности производства процессуальных действий с цифровыми следами // Российский юридический журнал. 2019. № 6(129). С. 61–68.
6. Васюков В. Ф. Некоторые вопросы проведения следственных действий, направленных на обнаружение, фиксацию и изъятие электронных сообщений, переданных посредством мобильных абонентских устройств сотовой связи // Российский следователь. 2016. № 23. С. 15–18.
7. Варякин Я. Г. Криминалистические технологии обнаружения, фиксации, изъятия цифровых следов преступления и иной доказательственной информации // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 4. С. 81–87.
8. Чуб В. С. Программные и аппаратные средства для экспертного исследования мобильных телефонов // Вестник современных исследований. 2018. № 12.10(27). С. 409–410.
9. Васюков В. Ф. Способы получения доказательств и информации в связи с обнаружением (возможностью обнаружения) электронных носителей // В. Ф. Васюков, Б. Я. Гаврилин, А. А. Кузнецов и др. Москва. Проспект, 2019. 160 с.
10. Беляков А. А., Иванов Ю. И. Тактические особенности работы с электронно-цифровыми следами на месте происшествия // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 4. Т. 20. С. 17–26.

[2] Практический семинар «Извлечение данных из заблокированных Ios и Android устройств с применением новейшего комплекса iPM-5000 и др.», г. Москва, 21.05.2026 г.

1. Dolzhenko N. I. Cifrovy`e sledy` v kriminalistike: ponyatie i znachenie v rassledovanii prestuplenij, osobennosti obnaruzheniya iz``yatiya i fiksacii // Pravovaya reforma. № 2. 2022. S. 34–37.
2. Xomyakov E`. G. O sushhnosti cifrovy`x sledov v kriminalistike i ix fiksacii // Obshhestvo, pravo, gosudarstvennost`: retrospektiva i perspektiva. 2025. № 1(21). S. 71–82.
3. Chekunov I. G., Ryadovskij I. A., Ivanov M. A. Metodicheskie rekomendacii po rassledovaniyu prestuplenij v sfere komp`yuternoj informacii: uchebnoe posobie / pod red. I. G. Chekunova. M.: Mos. Universitet MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotya, 2018. 106 s.
4. Semikalenova A. I., Ryadovskij I. A. Ispol`zovanie special`ny`x znanij pri obnaruzhenii i fiksacii cifrovy`x sledov: analiz sovremennoj praktiki // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2019. № 6(103). S. 178–185.
5. Baxteev D. V., Smaxtin E. V. Kriminalisticheskie osobennosti proizvodstva processual`ny`x dejstvij s cifrovy`mi sledami // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2019. № 6(129). S. 61–68.
6. Vasyukov V. F. Nekotory`e voprosy` provedeniya sledstvenny`x dejstvij, napravlenny`x na obnaruzhenie, fiksaciyu i iz``yatie e`lektronny`x soobshhenij, peredanny`x posredstvom mobil`ny`x abonentskix ustrojstv sotovoj svyazi // Rossijskij sledovatel`. 2016. № 23. S. 15–18.
7. Varyakin Ya. G. Kriminalisticheskie texnologii obnaruzheniya, fiksacii, iz``yatiya cifrovy`x sledov prestupleniya i inoj dokazatel`stvennoj informacii // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 4. S. 81–87.
8. Chub V. S. Programmny`e i apparatny`e sredstva dlya e`kspertnogo issledovaniya mobil`ny`x telefonov // Vestnik sovremenny`x issledovanij. 2018. № 12.10(27). S. 409–410.
9. Vasyukov V. F. Sposoby` polucheniya dokazatel`stv i informacii v svyazi s obnaruzheniem (vozmozhnost`yu obnaruzheniya) e`lektronny`x nositelej // V. F. Vasyukov, B. Ya. Gavrilin, A. A. Kuzneczov i dr. Moskva. Prospekt, 2019. 160 s.
10. Belyakov A. A., Ivanov Yu. I. Takticheskie osobennosti raboty` s e`lektronno-cifrovy`mi sledami na meste proisshestviya // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2021. № 4. T. 20. S. 17–26.

Информация об авторах

Мария Денисовна Назарова. Преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Анна Андреевна Муницына. Бакалавр.
Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.
119454, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 76.

Information about the authors

Maria D. Nazarova. Teacher of the Chair of Criminalistics and Preliminary Investigation in Internal Affairs Bodies, Candidate of sciences (Law).
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova St., 2.

Anna A. Munitsyna. Bachelor.
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
119454, Russia, Moscow, Vernadsky Avenue, 76.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 22.07.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 22.07.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 343.98.062

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Науменко Оксана Александровна
Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия

kseny1010@mail.ru

Аннотация. Стремительная эволюция генеративных моделей искусственного интеллекта обусловила появление новых высокотехнологичных векторов криминальных угроз, среди которых доминирующее положение занимают технологии создания синтетического контента – дипфейков. В статье выявлены существенные пробелы в гражданско-правовом и уголовно-правовом регулировании оборота синтетических медиа. Цель работы – проанализировать криминальное использование технологии дипфейк как одной из технологий искусственного интеллекта, используемой в качестве средства совершения различных преступлений. В результате исследования предлагается многоуровневая классификация способов совершения преступлений с использованием дипфейков, дифференцированная по модальности генерируемого контента, типологии криминальных схем и механизмам превентивного сбора биометрических данных. Сделан вывод, что предложенная систематизация позволяет структурировать сложный механизм цифрового следообразования и выявить специфические цифровые следы, оставляемые алгоритмами машинного обучения.

Ключевые слова: искусственный интеллект, дипфейк, криминалистический анализ, мошенничество, расследование, преступление.

Для цитирования: Науменко О. А. Криминалистический анализ технологий искусственного интеллекта, используемых как средство совершения преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 386–396.

FORENSIC ANALYSIS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES USED AS A MEANS OF COMMITTING CRIMES

Oksana A. Naumenko
Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Krasnodar, Russia

kseny1010@mail.ru

Annotation. The rapid evolution of generative AI models has led to the emergence of new high-tech vectors of criminal threats, with deepfake technologies taking a dominant position. The article identifies significant gaps in the civil and criminal regulation of the circulation of synthetic media. The purpose of the work is to analyse the criminal use of deepfake technology as one of the artificial intelligence technologies used as a means of committing various crimes. As a result of the study, a multi-level classification of methods of committing crimes using deepfakes is proposed, differentiated according to modality of the generated content, the typology of criminal schemes, and the mechanisms of preventive collection of biometric data. It is concluded that the proposed systematization allows

for the structuring of the complex mechanism of digital trace formation and the identification of specific digital traces left by machine learning algorithms.

Keywords: artificial intelligence, deepfake, forensic analysis, fraud, investigation, crime.

For citation: Naumenko O. A. Forensic analysis of artificial intelligence technologies used as a means of committing crimes // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanova. 2026. № 3(108). P. 386–396.

В современных условиях цифровая трансформация общества достигла этапа, когда технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) перестали быть исключительно инструментом оптимизации бизнес-процессов и перешли в разряд средств, обладающих двойным назначением. Стремительная эволюция алгоритмов машинного обучения, генеративно-состязательных сетей и больших языковых моделей привела к кардинальному изменению архитектуры преступного мира. Появление систем ИИ предоставило возможность выполнять задачи быстрее, качественнее и без прямого, детерминированного участия человека, что, помимо очевидных положительных социальных эффектов, породило новые, высокотехнологичные векторы угроз.

Согласно исследованию компании Positive Technologies, доля методов кибератак, в которых хотя бы эпизодически применялся ИИ, в 2025 году достигла 10 %, что вдвое превышает показатели 2024 года[1]. Аналитики и исследователи вредоносного кода (Positive Technologies, «Лаборатория Касперского») систематически обнаруживают следы применения машинного обучения в архитектуре различных типов вредоносного программного обеспечения (далее – ПО) (например, стилеров, бэкдоров, программ удаленного администрирования, шифровальщиков и др.). С начала 2026 года «Лаборатория Касперского» обнаружила по всему миру более 92 тыс. кибератак, в которых под видом популярных ИИ-агентов и сервисов распространялось вредоносное ПО. В первую очередь речь о ChatGPT (49 % всех выявленных атак), а также Claude и Gemini (по 18 %)[2]. Знаковым событием стало то, что в начале 2026 года был зафиксирован первый прецедент создания вредоносной программы, практически полностью разработанной с помощью языковой модели за минимальный временной интервал. Как справедливо отмечает Р. Резников, аналитик исследовательской группы Positive Technologies, технология не заменяет хакера, а становится дополнительным инструментом в его руках. Эксперты потенциально оценивают возможность применения ИИ для 62 % техник, описанных в матрице угроз, причем новая линия рисков формируется внутри корпоративного периметра, где внедрение ИИ опережает выстраивание адекватных защитных механизмов. Дополнительным индикатором актуальности выступают данные исследователей Microsoft: в фишинговых атаках получатель открывает ссылку в письме, сгенерированном ИИ, в 54 % случаев, что в 4,5 раза чаще, чем в сообщениях, написанных человеком. Доля таких писем в 2025 году составляла около 4 %, однако в периоды праздников возрастала до 40–50 %. Единственной по-настоящему массовой областью криминального применения ИИ на текущий момент является создание ди-

[1] Positive Technologies: число техник кибератак с применением ИИ выросло вдвое с 2024 года. URL:https://habr.com/ru/search/?q=%D0%B4%D0%B8%D0%BF%D1%84%D0%B5%D0%B9%D0%BA&target_type=posts&order=date (дата обращения: 06.06.2026).

[2] С начала года «Лаборатория Касперского» выявила почти 100 тысяч кибератак с вредоносным ПО под видом ИИ-сервисов. Касперский (сайт). 4 июня 2026. URL: https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/c-nachala-goda-laboratoriya-kasperskogo-vyyavila-pochti-100-tysyach-kiberatak-s-vredonosnym-po-pod-vidom-ii-servisov (дата обращения: 06.06.2026).

пфейков: за период 2023–2025 гг. их количество увеличилось в 16 раз, что свидетельствует о формировании устойчивой «эпидемии» высокотехнологичного обмана[3].

Статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации наглядно демонстрируют масштаб проблемы. По данным правоохранительных органов, в 2025 году в Российской Федерации было зарегистрировано 675 372 преступления, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (далее – IT-преступления). Несмотря на незначительное колебание абсолютных показателей регистрируемых деяний, тревожным фактом является их удельный вес: на IT-преступления приходится до 38,1 % от общего массива зарегистрированных преступлений[4]. Следует констатировать, что официальные цифры отражают лишь вершину айсберга. Высокая латентность данной категории преступлений обусловлена сложностью обнаружения факта противоправного посягательства (жертва часто не осознает, что взаимодействует с синтетическим контентом), а также межрегиональным и транснациональным характером деяний, что требует значительных временных и ресурсных затрат на стадии возбуждения уголовного дела.

Законодатель как в России, так и за рубежом не всегда оперативно реагирует на технологические преобразования, что создает правовой вакуум в различных областях, связанных с использованием технологий ИИ. Не исключение и уголовно-правая регламентация, находящаяся в прямой зависимости с криминалистической наукой.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 была принята Национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 года (Стратегия 2030). Документ определяет ИИ как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека, а технологии ИИ – как совокупность методов, включающую компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений[5]. Стратегия декларирует задачу создания системы, способной регулировать общественные отношения, связанные с ИИ. Однако на доктринальном и нормативном уровнях отсутствуют легитимные дефиниции таких ключевых для криминалистики терминов, как «дипфейк», «нейросеть», «синтетические медиа», которые все чаще используются в преступных целях. Также существующее регулирование в рамках Стратегии преимущественно ориентировано на отношения с участием юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, оставляя без внимания физических лиц как субъектов и объектов противоправного воздействия.

Как верно отмечает А. С. Киселев: «В правовом поле на данный момент не закреплены такие термины, как „дипфейк“, „нейросеть“, однако они уже стали неотъемлемой частью современной жизни. Их применение может как служить благим целям, так и использоваться при совершении преступлений» [1, с. 58]. Следует согласиться с Д. В. Бахтеевым, предложившим в диссертационном исследовании под технологией искусственного интеллекта понимать «объем всех объективных сведений (как естественно-технического, так и социогуманитарного, в том числе криминалистического, характера) о сущности, формах и функционировании искусственного интеллекта,

---

[3] Positive Technologies: число техник кибератак с применением ИИ выросло вдвое с 2024 года. URL:https://habr.com/ru/search/?q=%D0%B4%D0%B8%D0%BF%D1%84%D0%B5%D0%B9%D0%BA&target_type=posts&order=date (дата обращения: 06.06.2026).

[4] Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2025 года. Министерство внутренних дел Российской Федераци (официальный сайт). URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182/ дата обращения: 06.06.2026).

[5] О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом: Указ Президента Рос. Федерации от 15 февраля 2024 г. № 124. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

а также совокупность прикладных и экспериментальных реализаций указанных сведений» [2, с. 20].

По нашему мнению, технологии ИИ невозможно запретить законодательно полностью, и считаем это контрпродуктивной мерой, поскольку технологии активно внедряются в мирные инициативы (реклама, развлекательный контент, коммерческое использование и др.), а также в правоохранительную систему (например, аппаратно-программный комплекс «Паутина», муниципальные системы видеонаблюдения с элементами ИИ).

Рассматривая технологию ИИ – дипфейк, отметим, что этимология данного термина происходит от английского «deepfake», включает сочетание слов «deep learning» (глубокое обучение) и «fake» (подделка). Это неологизм, возникший в последние годы благодаря развитию технологий ИИ. Он представляет собой синтетическое медиа, созданное с использованием глубокого обучения (deep learning) для замены лица одного человека на лицо другого в видео или изображении [3, с. 78]. Различные словари интерпретируют термин в разных вариантах, добавляя как видео, текст или аудио для синтетической замены, рассматривая различные цели такой подделки.

В сфере гражданского права дипфейк рассматривается как сложный объект правоотношений, относящийся к группе нематериальных благ, связанных с интеллектуальной деятельностью. Из этого статуса следует двойственность защиты: с одной стороны, генерация дипфейка может нарушать авторские права на исходный материал согласно ст. 1301 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), если объект был использован незаконно[6]. С другой стороны, сам сгенерированный контент может претендовать на охрану, если в его создании есть творческий вклад человека.

Однако наиболее распространенным является нарушение гражданских прав, касающихся изображения гражданина (ст. 152.1 и 152.2 ГК РФ), а также прав на защиту чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ). А в случае распространения недостоверной информации под видом достоверной (к чему также можно отнести дипфейк) на новостном агрегаторе федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, должен принимать меры по прекращению распространения такой информации[7]. Технология, применение которой часто начинается как «шутка», при наличии преступного умысла обретает серьезные юридические последствия.

Приведем пример с неправомерным использованием голоса актрисы А. Андроновой. В 2019 году она участвовала в проекте для Тинькофф-банка, а в 2022 году обнаружила, что клон ее голоса используется в порнорекламе, эротических чатах и стримах, поскольку ее биометрические данные оказались доступны для синтеза речи на сайте сторонней организации. Спор об использовании голоса А. Андроновой для озвучивания фильмов без ее согласия завершен, но на сайте суда решение в свободном доступе отсутствует[8].

В то же время формируется прецедентная практика охраны прав на дипфейки. Вступило в силу решение по делу № А40-200471/2023 – спор между «Рефейс Техно-

[6] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[7] О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон Рос. Федерации от 23 июня 2016 г. № 208-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[8] Апелляционное постановление Савеловского районного суда г. Москвы от 05.02.2024 по делу № 77RS0023-02-2023-016151-71. Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 06.06.2026).

лоджис» и «Бизнес-аналитика»[9]. Последняя использовала юмористический видеоролик, созданный с помощью нейросети (с наложением лица актера Киану Ривза) в рекламных целях, утверждая, что на сгенерированный контент не распространяется авторское право. Суд, изучив процесс создания, установил, что основной творческий вклад внесли люди (сценарист, актер, дизайнер), а ИИ выступил лишь инструментом доработки. Следовательно, идея и реализация исходили от человека, что позволило признать произведение охраняемым объектом. Этот прецедент важен для криминалистики, так как подтверждает возможность атрибуции авторства и, следовательно, ответственности за противоправное использование результата.

Исследованию уголовно-правовой оценки использования дипфейков посвящены работы В. Б. Батоева, А. В. Пучнина [4, с. 167]. Криминалистические аспекты расследования изучались Н. Ф. Бодровым, А. К. Лебедевой [5, с. 51].

Рассматривая предложения В. Н. Ситника о перспективах уголовной ответственности в двух моделях, отметим, что первая заключается во введении в УК РФ отдельной нормы за создание и распространение дипфейка без согласия лица, если это создало угрозу вреда жизни, здоровью, чести и достоинству либо угрозу общественному порядку. Вторая модель представляется более гибкой – введение квалифицирующего признака «с использованием технологий ИИ (дипфейков)» в диспозиции соответствующих статей Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), рассматривая ИИ как способ совершения преступления [6, с. 79].

Выделим и третью модель. В апреле 2025 года был зарегистрирован законопроект № 885494-8, предлагавший установить использование ИИ в преступных целях как отягчающее обстоятельство (изменение ст. 63 УК РФ)[10]. Однако 09.04.2025 законопроект был возвращен субъекту инициативы для устранения нарушений требований Конституции и Регламента Государственной Думы, что свидетельствует о сложности юридико-технической имплементации таких норм. В то же время Федеральный закон от 30.11.2024 № 421-ФЗ ввел в УК РФ статью 272.1, предусматривающую ответственность за незаконные действия с компьютерной информацией, содержащей персональные данные несовершеннолетних, специальные категории и биометрические данные[11]. Несмотря на этот шаг, полагаем, что данной меры недостаточно для противодействия преступлениям, где ИИ выступает инструментом обмана, а не просто средством обработки данных, поскольку дипфейки используются преступниками не только в мошенничестве, вымогательстве и клевете, но в незаконном получении и разглашении сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, заведомо ложном сообщении об акте терроризма, незаконном изготовлении и обороте порнографических материалов и др.

Важным ориентиром, затрагивающим нормативное регулирование технологии дипфейк, является приказ Генпрокуратуры России от 09.12.2022 № 746, содержащий справочник № 25-ГП, который уже сейчас признает дипфейк способом совершения преступления (код 049), что позволяет следователям фиксировать данный признак в статистических карточках[12].

---

[9] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 7 апреля 2024 г. по делу № А40-200471/2023. Девятый арбитражный апелляционный суд. URL: http://www.9aas.arbitr.ru (дата обращения: 06.06.2026).

[10] Законопроект № 885494-8 «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации». Система обеспечения законопроектной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru /bill/885494-8 (дата обращения: 06.06.2026).

[11] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[12] О государственном едином статистическом учете данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре: приказ

Криминалистический анализ способа совершения преступления, являющегося центральным элементом для построения частной методики расследования, имеет научно-теоретическое и прикладное значение. В научном смысле криминалистический анализ способа совершения преступления с применением технологий ИИ выполняет функцию концептуализации новых объектов познания. Анализ технологии дипфейк, а также механизма следообразования (цифровых следов) может способствовать новым исследованиям в области цифровых следов, их разновидности (звуковые, видео аномалии, специфические метаданные в сгенерированном коде и др.), исследованиям в разработке новой типологии способа совершения преступления с использованием дипфейков, выявлении корреляционной зависимости между развитием конкретного ИИ продукта и прогнозированием новых видов преступлений с их использованием и в целом сформировать научную основу для новых методик расследования преступлений, в которых используется технология дипфейк.

В практико-прикладном аспекте понимание способа совершения деяния детерминирует всю логику расследования. Согласно ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), именно способ совершения преступления подлежит доказыванию по уголовному делу[13]. Понимание способа совершения преступления позволяет следователю обоснованно выбирать тактические приемы осмотра цифровых носителей (например, приоритетное извлечение энергозависимой памяти для сохранения весовых коэффициентов нейросетей, исключать перенаправление с цифрового носителя информации дипфейка на другой носитель и др.), корректно формулировать специальные вопросы для судебно-компьютерной и фоноскопической экспертиз, а также осуществлять собирание доказательств, подтверждающих умышленный характер использования синтетических технологий для обмана или сокрытия противоправной деятельности.

Многообразие форм криминального использования технологий ИИ, и в частности дипфейков, порождает проблему их криминалистической систематизации (выделения классификаций). Рассмотрение всех преступлений, совершенных с применением синтетического контента, как единого монолитного явления является методологически неверным и может создать существенные пробелы в практике расследования. Механизм следообразования при подмене голоса в телефонном разговоре принципиально отличается от механизма фальсификации видеоконтента или генерации фиктивных юридических документов. Отличаются и виды судебных экспертиз по различным объектам, связанными с дипфейками.

В научном смысле необходимость типологизации и классификации способов совершения таких преступлений продиктована необходимостью познания сложного объекта через его структурирование. Разработка классификации позволяет выявить устойчивые корреляции между конкретным видом применяемого алгоритма (аудио-, видео- или текстовая генерация), уровнем технической подготовки субъекта и формирующейся цифровой следовой картиной. Это трансформирует разрозненные эмпирические данные в стройную систему знаний, необходимую для развития частных криминалистических методик.

В практико-прикладном аспекте четкая классификация способов выступает прямой детерминантой тактических решений следователя, позволяющей:

Генеральной прокуратуры Рос. Федерации от 9 декабря 2022 г. № 746. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[13] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– выработать алгоритмы расследования, так как знание конкретного способа диктует, какие именно цифровые следы подлежат приоритетному изъятию и сохранению;

– определять вид необходимых судебных экспертиз и формулировать перед экспертом соответствующие вопросы, исключая размытые формулировки;

– повысить эффективность версионного мышления: понимание типичных способов преступления с использованием дипфейков (например, схем социальной инженерии, фишинга, создания синтетического видео) позволяет следователю выдвигать обоснованные версии о направлении поиска цифровых следов, установлении преступника.

Таким образом, классификация способов совершения преступлений с использованием дипфейков не является самоцелью, а выступает необходимым инструментом, связывающим техническую сущность технологии с процессуальной формой доказывания и служащим основой для методики расследования преступлений.

На основе анализа современной следственной, судебной практики, научных трудов, с учетом проанализированных профессиональных комментариев специалистов в области информационной безопасности, разработчиков систем защиты от синтетического контента представляется целесообразным выделить следующую криминалистическую классификацию способов совершения преступлений с применением технологий дипфейк:

1. По модальности генерируемого контента:

– аудиодипфейки (Voice Deepfake) – мошенники подменяют номер телефона (IP-телефония), создавая иллюзию звонка от знакомого, и используют сгенерированный голос для убеждения жертвы. Например, в 2019 году аудиодипфейк был использован в фишинг-атаке на британскую энергетическую фирму. Преступник использовал дипфейк, чтобы выдать себя за генерального директора компании и убедить сотрудника перевести деньги на мошеннический счет[14]. VoiceDeepfake-хищениям, как пишет Р. Н. Малышкин, зачастую предшествует взлом аккаунтов в мессенджерах (Telegram, WhatsApp), скачивание архивных голосовых сообщений жертвы, обучение нейросети и рассылка контактов просьб о денежном займе с прикреплением поддельных изображений банковских карт [7, с. 332];

– видеодипфейки: подмена лица в видеопотоке в реальном времени или создание фейковых видеороликов или изображений. Такой способ может применяться как для дальнейшей реализации фишинга, так и без таковой. Например, в первом случае – в 2023 году в сети распространялся дипфейк с комиком Н. Сабуровым, рекламирующим онлайн-казино, с целью перенаправления трафика на фишинговые ресурсы[15]. И во втором случае – Задонским районным судом Липецкой области гр. М. был осужден по п. «б» ч. 3 ст. 242, по ч. 2 ст. 128.1 УК РФ, он создал группу в соцсети и размещал порнографические изображения, сделанные с помощью нейросетевых чат-ботов. Для коллажей с обнаженными телами фигурант использовал фотографии реальных пользователей, скачанные из профилей. Изображения оставались доступны подписчикам и посетителям сообществ[16];

– текстовые и кодогенерирующие ИИ: создание фишингового контента, вредоносного ПО, автоматизированный спам. Текстовые дипфейки (deepfake text, или синте-

[14] Energy firm duped by 'deepfake' audio of boss. BBC News. 2019. URL: https://www.bbc.com/news/technology-53432590 (дата обращения: 06.06.2026).

[15] Нурлан Сабуров рекламирует онлайн-казино? inBusiness. URL: https://inbusiness.kz/ru/last/nurlan-saburov-reklamiruet-onlajn-kazino (дата обращения: 06.06.2026).

[16] Приговор Задонского районного суда Липецкой области. Задонский районный суд Липецкой области: (официальный сайт). URL: https://zadonsksud--lpk.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=72 (дата обращения: 06.06.2026).

тический текст) представляют собой результат компьютерной генерации, имитирующий интеллектуальную деятельность человека. Функционирование соответствующих алгоритмов искусственного интеллекта, основанных на архитектурах глубокого обучения, обеспечивает высокоточную мимикрию под индивидуальные особенности письма: тональность, структуру аргументации и лексический запас. К числу наиболее распространенных преступлений с использованием такой технологии относятся: распространение заведомо ложной информации в информационно-телекоммуникационных сетях, осуществление мошеннических действий посредством фишинговых электронных писем, а также фальсификация первичных учетных и правовых документов (например, банковских документов или договоров) с целью введения в заблуждение. Зачастую текстовый дипфейк является предикатным способом в фишинге, то есть в созданном письме, тексте имеется информация о необходимости перехода по ссылке либо иная информация, подтверждая которую осуществляется обман, хищения, вредоносные атаки, модификация компьютерной информации и т. п.

2. По типологии схем преступления:

– «фейковый босс» (FakeBoss): по классификации Я. А. Климовой, жертве поступает сообщение (текстовое или голосовое) якобы от руководителя с требованием срочно перевести средства на «безопасный счет» под предлогом форс-мажора или проверки службы безопасности [8, с. 31];

– «фейковый родственник»: использование смоделированного голоса и эмоционального шантажа для вынуждения жертвы передать сбережения курьеру;

– «фейковые свидания»: использование сгенерированного привлекательного аватара и голоса для установления доверительных отношений в интернете с последующим вымогательством, обманом или фишингом. С. Кузнецов поясняет, что преступники «могут выдавать себя даже за голливудских звезд, якобы ищущих вторую половину, и просить оплатить перелет в другую страну. Предлоги могут быть разными, включая знакомства в соцсетях, где уровень доверия выше. Кроме того, мошенники занимаются вредоносными рассылками, похищением криптоактивов, фишингом. Фальшивые свидания – лишь часть их преступного бизнеса»[17]. Преступники, помимо дипфейков, в данном способе активно используют методы социальной инженерии, особенно в праздничные дни (День влюбленных, 23 февраля и 8 марта и др.), так как люди чаще ищут партнеров и готовы тратить деньги на подарки и встречи;

– дипфейк для обмана системы удаленной проверки личности – сегодня активно внедряются системы, использующие только фотографию человека с документом, и простые системы биометрической аутентификации. Например, это реализуется при регистрации на криптобиржах (провайдеры услуг виртуальных активов, операторы обмена цифровых финансовых активов), открытии счета удаленно в некоторых зарубежных банках. Дипфейк позволяет преступнику не просто создать новый криптосчет или аккаунт для возможной легализации преступных доходов или мошенничества, но и получить доступ к чужому аккаунту и ресурсам. Так, в 2024 году сервис OnlyFake в интернете предлагал приобрести за 15 долларов США сгенерированные ИИ-алгоритмами документы для KYC-верификации на различных криптобиржах[18]. Директор по безопасности криптобиржи Binance Д. Су сообщил, что инструменты преступников стали настолько совершенными, что могут даже правильно реагировать в режиме реального времени на звуковые инструкции при проверке заявителя, и техно-

[17] Организаторы ложных свиданий заманивают жертв дипфейками. Рамблер. Финансы. 13.02.2025. URL: https://finance.rambler.ru/money/54201147/ (дата обращения: 06.06.2026).

[18] В сети появился сервис для обхода KYC-проверок на популярных криптобиржах. ForkLog. URL: https://forklog.com/news/v-seti-poyavilsya-servis-dlya-obhoda-kyc-proverok-na-populyarnyh-kriptobirzhah (дата обращения: 06.06.2026).

логия дипфейков, используемая криптомошенниками для обхода верификации (процедура проверки личности пользователя, позволяющая получить доступ к полным функциям платформы, основанная на концепции «знай своего клиента») на криптобиржах, таких как Binance, будет становиться все более совершенной[19].

Кроме того, нами выделена классификация механизма сбора биометрических данных для использования в создании дипфейка:

1) методы разведки по открытым источникам, метаданным (далее – OSINT – open-source intelligence). ИИ позволяет осуществлять разведку данных в открытых источниках, включая социальные сети, веб-сайты, новости, выложенные в открытый доступ документы, фотографии и видео. Например, исследователи из Японского национального института информатики доказали, что отпечаток пальца можно точно скопировать с фотографий, сделанных на расстоянии до трех метров[20];

2) преступники создают фиктивные вакансии или объявления об оплачиваемой работе по озвучиванию рекламы, фильмов, игр, чтобы легально собрать эталоны голоса граждан для последующего обучения моделей и совершения мошенничества от их имени;

3) маскировка под видом ИИ (нейросетей, чат-ботов) вредоносных программ, собирающих биометрические данные пользователей;

4) сбор данных из нейросетей, чат-ботов в результате кибератак, ошибок при проектировании сервисов ИИ. Например, 2023 году компания OpenAI сообщала об утечке данных пользователей ChatGPT (пользователи могли видеть чужие сообщения, имена, фамилии, электронную почту и платежные данные подписчиков сервиса), а специалисты нескольких университетов Европы и США, проведя исследование уязвимостей чат-бота ChatGPT, буквально заставили выдать имена, фамилии, номера телефонов, биткоин-адреса, даты дней рождения и даже откровенный контент случайных людей[21].

Представленные классификации являются лишь частью криминалистического анализа технологий дипфейка, используемых как средство совершения преступлений.

Резюмируя проведенный криминалистический анализ, следует констатировать, что использование технологий искусственного интеллекта как средства совершения различных преступлений эволюционировало от единичных экспериментов в системный, многовекторный феномен. Разработанная типология, охватывающая модальность генерируемого контента (аудио-, видео- и текстовые дипфейки), сценарные модели преступлений (от социальной инженерии до обхода систем «знай своего клиента» – верификации) и, что наиболее важно, механизмы превентивного сбора биометрических данных, позволяет детализировать сложный механизм цифрового следообразования. В научном смысле данная классификация опровергает восприятие дипфейков как однородного явления, демонстрируя, что каждый вид дипфейк-технологии формирует уникальную следовую картину. В практико-прикладном аспекте выявление стадийности преступного механизма (от легального или нелегального сбора эталонов голоса и изображения через OSINT или фиктивные вакансии до финальной генерации синтетического контента) детерминирует необходимость расширения границ первоначальных следственных действий. Следователь должен ориентироваться не только на факт

[19] В Binance признали угрозу подделок аккаунтов с помощью дипфейков. TradingView. 24.05.2023. URL: https://ru.tradingview.com/news/rbc_crypto:aa9d23d7d67b8:0 (дата обращения: 06.06.2026).

[20] Идиатулина С. Нейросети научились похищать биометрию с фото. 78.ру. 13.05.2026. URL: https://78.ru/news/2026-05-13/neiroseti-nauchilis-pohishat-biometriyu-s-foto (дата обращения: 06.06.2026).

[21] СтуЧат в GPT. Чем грозит лишняя откровенность с чат-ботами и как их создатели собирают о нас информацию. Рамблер. Технологии. URL: https://news.rambler.ru/tech/54652413/ (дата обращения: 06.06.2026).

обмана жертвы, но и на ретроспективный поиск источников компрометации биометрических данных.

Таким образом, представленная классификация выступает не просто как теоретическая систематизация, а как необходимый методологический базис для дальнейшей разработки частных методик расследования преступлений, при совершении которых используются технологии ИИ.

---

1. Киселев А. С. О необходимости правового регулирования в сфере искусственного интеллекта: дипфейк как угроза национальной безопасности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 3. С. 54–64.
2. Бахтеев Д. В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 5.1.4. Екатеринбург, 2022. 41 с.
3. Шевчук Д. А. Англо-русский и русско-английский словарь: 56500 слов (с транскрипцией). М.: Литрес. 515 с.
4. Батоев В. Б., Пучнин А. В. Использование технологии deepfake в преступной деятельности: проблемы противодействия и пути их решения // Вестник Воронежского института МВД России. № 1. 2023. С. 165–169.
5. Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Уголовно-правовые и криминалистические аспекты противодействия распространению и использованию дипфейков в Российской Федерации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. № 4. 2023. С. 42–55.
6. Ситник В. Н. Перспективы установления уголовной ответственности за преступления, совершенные с использованием технологии дипфейк // Уральский журнал правовых исследований. 2022. № 3(20). С. 76–83.
7. Малышкин Р. Н. Мошенничество в информационной среде: использование голосовых фейков // Научные исследования: фундаментальные и прикладные аспекты – 2021: сборник научных трудов. Вып. 1. Казань: Познание, 2021. С. 330–334.
8. Климова Я. А. Криминалистический анализ преступлений, совершенных с использованием дипфейк-технологии // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2(76). С. 29–35.

1. Kiselyov A. S. O neobxodimosti pravovogo regulirovaniya v sfere iskusstvennogo intellekta: dipfejk kak ugroza nacional`noj bezopasnosti // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudenciya. 2021. № 3. S. 54–64.
2. Baxteev D. V. Konceptual`ny`e osnovy` teorii kriminalisticheskogo my`shleniya i ispol`zovaniya sistem iskusstvennogo intellekta v rassledovanii prestuplenij: avtoref. dis. … d-ra yurid. nauk: 5.1.4. Ekaterinburg, 2022. 41 s.
3. Shevchuk D. A. Anglo-russkij i russko-anglijskij slovar`: 56500 slov (s transkripciej). M.: Litres. 515 s.
4. Batoev V. B., Puchnin A. V. Ispol`zovanie texnologii deepfake v prestupnoj deyatel`nosti: problemy` protivodejstviya i puti ix resheniya // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. № 1. 2023. S. 165–169.
5. Bodrov N. F., Lebedeva A. K. Ugolovno-pravovy`e i kriminalisticheskie aspekty` protivodejstviya rasprostraneniyu i ispol`zovaniyu dipfejkov v Rossijskoj Federacii // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. № 4. 2023. S. 42–55.
6. Sitnik V. N. Perspektivy` ustanovleniya ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya, sovershenny`e s ispol`zovaniem texnologii dipfejk // Ural`skij zhurnal pravovy`x issledovanij. 2022. № 3(20). S. 76–83.

7. Maly`shkin R. N. Moshennichestvo v informacionnoj srede: ispol`zovanie golosovy`x fejkov // Nauchny`e issledovaniya: fundamental`ny`e i prikladny`e aspekty` – 2021: sbornik nauchny`x trudov. Vy`p. 1. Kazan`: Poznanie, 2021. S. 330–334.
8. Klimova Ya. A. Kriminalisticheskij analiz prestuplenij, sovershenny`x s ispol`zovaniem dipfejk-texnologii // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2024. № 2(76). S. 29–35.

Информация об авторе

Оксана Александровна Науменко. Заместитель начальника кафедры криминалистики, кандидат юридических наук, доцент.
Краснодарский университет МВД России.
350005, Россия, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

Information about the author

Oksana A. Naumenko. Deputy Head of the Chair of Criminalistics, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.
Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia.
350005, Russia, Krasnodar, Yaroslavskaya St. 128.

Статья поступила в редакцию 09.06.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 09.06.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 343.3

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШЕННЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Полякова Анна Викторовна[1], Залива Анна Сергеевна[2]
[1]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия
[2]Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

[1]anna.lagutina.94@mail.ru
[2]anna7989@list.ru

Аннотация. В рамках настоящего исследования осуществляется анализ современных тенденций эволюции уголовного законодательства в части противодействия преступным деяниям, совершаемым с применением информационно-телекоммуникационных технологий. В центре научного внимания находятся проблемные аспекты модернизации действующих уголовно-правовых норм, обусловленные необходимостью повышения эффективности мер противодействия указанному виду противоправной деятельности. Приведены примеры судебной практики, демонстрирующие особенности применения новых составов преступлений. Проведенный анализ позволяет сформулировать вывод о целесообразности реализации комплексного подхода к обеспечению информационной безопасности. Данный подход должен включать в себя, в частности, системное совершенствование нормативно-правовой базы в сфере противодействия преступлениям, совершаемым в цифровой среде, с учетом динамики развития технологических средств и трансформации способов совершения противоправных деяний.

Ключевые слова: уголовное законодательство, информационно-телекоммуникационные технологии, компьютерные преступления, противодействие преступности, киберпреступность, сеть Интернет.

Для цитирования: Полякова А. В., Залива А. С. Современные тенденции развития отечественного уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 397–406.

CURRENT TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC CRIMINAL LEGISLATION IN THE FIELD OF COMBATING CRIMES COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATIONS TECHNOLOGIES

Anna V. Polyakova[1], Anna S. Zaliva[2]
[1]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[2]Moscow Regional Branch of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russia

[1]anna.lagutina.94@mail.ru
[2]anna7989@list.ru

Annotation. This study analyzes current trends in the evolution of criminal legislation as it relates to combating criminal offenses committed using information and telecommunications technologies. This research focuses on the problematic aspects of modernizing existing criminal law norms, driven by the need to improve the effectiveness of measures to combat this type of illegal activity. Examples from court practice are provided demonstrating the specifics of applying new crimes. This analysis allows us to conclude that a comprehensive approach to ensuring information security is advisable. This approach should include, in particular, a systematic improvement of the regulatory framework for combating crimes committed in the digital environment, taking into account the dynamics of technological development and the transformation of methods for committing illegal acts.

Keywords: criminal legislation, information and telecommunication technologies, computer crimes, crime prevention, cybercrime, Internet network.

For citation: Polyakova A. V., Zaliva A. S. Current trends in the development of domestic criminal legislation in the field of combating crimes committed using information and telecommunications technologies // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 397–406.

Развитие цифровых технологий в современном обществе характеризуется двойственным воздействием на различные сферы социальной жизнедеятельности: наряду с позитивными трансформациями, обусловленными повышением эффективности экономических, управленческих и коммуникационных процессов, наблюдаются и негативные последствия технологического прогресса. К числу наиболее существенных деструктивных проявлений относится интенсификация криминальной активности, реализуемой посредством информационно-телекоммуникационных технологий. Статистические данные и криминологические исследования фиксируют устойчивый рост количества преступлений, совершаемых в цифровой среде, что актуализирует необходимость совершенствования механизмов правового регулирования и обеспечения информационной безопасности.

Согласно официальным статистическим данным ГИАЦ МВД России, в январе-декабре 2025 года зарегистрировано 675,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 11,8 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес уменьшился с 40,0 % в январе-декабре 2024 года до 38,1 %. Почти две трети таких преступлений (63,5 %) совершается путем кражи или мошенничества.

В январе-апреле 2026 года зарегистрировано 171,7 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 30,6 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес уменьшился с 39,1% в январе-апреле 2025 года до 32,6 %. Практически все такие преступления (97,9 %) выявляются органами внутренних дел [1].

В Российской Федерации регулирование вопросов, связанных с обеспечением информационной безопасности, защитой персональных данных, финансовых активов и объектов критической информационной инфраструктуры, осуществляется посред-

[1] Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL.: https://mvd.rf (дата обращения: 12.05.2026).

ством системы нормативных правовых актов. Указанная нормативная база носит комплексный характер и ориентирована на формирование правовых механизмов противодействия противоправным деяниям в цифровой среде, а также на реализацию превентивных мер в данной сфере.

Базовым элементом рассматриваемой системы правового регулирования выступает Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), дополняемый совокупностью федеральных законов и подзаконных нормативных правовых актов. Данные нормативные документы закрепляют составы киберпреступлений, устанавливают основания и виды юридической ответственности за их совершение, а также предусматривают комплекс мер, направленных на предупреждение противоправной деятельности в информационно-телекоммуникационной сфере.

В данном аспекте нам импонирует мнение А. И. Халиуллина, о том что «<…> современное отечественное информационное законодательство представлено разрозненными нормативными правовыми актами, что приводит к деформации и стихийному регулированию отношений в данной сфере» [1, с. 100].

Стоит отметить, что законодателем на протяжении достаточно длительного времени, неоднократно вносились изменения в действующее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, направленные на борьбу с данного рода преступлениями. Современные тенденции развития отечественного уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, связаны, прежде всего, с адаптацией правовой системы к быстро меняющимся и развивающимся технологиям, ростом числа таких преступлений и усложнением их методов.

На основе проведенного анализа внесенных в УК РФ изменений, а также мнений ученых-правоведов нами были выделены следующие ключевые направления (тенденции) развития современного отечественного уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий:

1. Расширение составов преступлений и введение в УК РФ новых статей.

Так, в УК РФ были введены статьи 159.3 и 159.6, которые закрепили новые составы мошенничества. Указанные изменения были направлены на дифференциацию ответственности в зависимости от сферы экономической деятельности и учета особенностей конкретных видов преступлений. Тем самым Федеральный закон № 207-ФЗ расширил систему составов мошенничества в УК РФ, выделив отдельные виды преступлений в зависимости от сферы их совершения, что позволило более точно квалифицировать деяния и повысить эффективность противодействия таким преступлениям[2].

Приведем пример из судебной практики. Так, Сарычев А. С. использовал чужую банковскую карту для оплаты товаров в магазинах. В одном из эпизодов он ввел в заблуждение уполномоченного работника магазина относительно принадлежности карты, осознавая, что денежные средства на счете карты принадлежат другому лицу. В результате он похитил 71 668 рублей 82 копейки, что причинило потерпевшему значительный ущерб. Суд квалифицировал действия Сарычева по ч. 2 ст. 159.3 УК РФ как мошенничество с использованием платежных карт, то есть хищение чужого имущества путем обмана уполномоченного работника торговой организации с причинением значительного ущерба гражданину[3].

---

[2] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Приговор Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга от 27 июля 2017 г. № 1-317/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В качестве примера применения ст. 159.6 УК РФ приведем следующий: гражданин Березин С. А., занимая должность ведущего финансового советника 3 категории отдела продаж № 1 Павелецкого филиала Общества с ограниченной ответственностью и имея служебный доступ к банковским системам, к порталу электронного документооборота, действуя из корыстных побуждений, похитил денежные средства, принадлежащие двум клиентам – Удальцову В. Ю. и Насретдинову Р. Г.

Путем осуществления подделки поручения на перевод денежных средств, изменения установочных данных клиентов для получения АСП-кодов для подтверждения операций переводил деньги со счетов потерпевших на свои счета, электронные кошельки, а также использовал банковскую карту не осведомленной о его преступных действиях сожительницы. Своими действиями Березин причинил ущерб потерпевшим в размере 2 701 675 рублей – Удальцову В. Ю., 22 366 500 рублей – Насретдинову Р. Г. Тем самым Березин был привлечен к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 159.6 УК РФ[4].

С 1 марта 2026 года вступили в силу изменения, внесенные Федеральным законом от 08.08.2024 № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», согласно которым в УК РФ введена новая статья 230.3 УК РФ, устанавливающая уголовную ответственность за пропаганду наркотиков в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет).

Так, под пропагандой понимается распространение в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет, социальные сети, мессенджеры, форумы, сайты) любой информации, которая способна вызвать интерес к наркотикам, преподносящей их употребление в положительном, безопасном или привлекательном ключе, содержащей рецепты изготовления, места приобретения, способы употребления и оправдывающей или популяризирующей наркокультуру.

Также, Федеральным законом от 09.04.2026 г. № 76-ФЗ «О внесении изменений в статью 274.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» были внесены изменения в статью 274.1 УК РФ. Документ уточняет формулировки неправомерного доступа к охраняемой компьютерной информации в критической информационной инфраструктуре (далее – КИИ) и нарушения правил ее эксплуатации. Согласно закону уголовно наказуемыми признаются действия, которые повлекли уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации в КИИ в том числе с использованием вредоносных программ. При этом лицо, совершившее предусмотренное третьей частью статьи преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности.

Федеральным законом от 31.07.2025 № 282-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» глава 28 УК РФ дополнена следующими новыми составами преступлений в сфере компьютерной информации:

– статья 274.3 УК РФ «Незаконное использование абонентского терминала пропуска трафика или виртуальной телефонной станции»;

– статья 274.4 УК РФ «Организация деятельности по передаче абонентских номеров с нарушением требований законодательства Российской Федерации»;

– статья 274.5 УК РФ «Организация деятельности по передаче информации, необходимой для регистрации и (или) авторизации пользователя сети «Интернет» для получения доступа к функциональным возможностям информационного ресурса».

В качестве примера судебной практики по ст. 274.3 УК РФ приведем следующее: Ленинским районным судом г. Пензы в апреле 2026 года было установлено,

[4] Приговор Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 18 июля 2017 г. № 1- 198/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

что подсудимая, действуя в составе организованной группы, по указанию неизвестного получила специализированное оборудование (роутер, ноутбук, мини-антенны и более 300 сим-карт) для дистанционного хищения денежных средств. Она арендовала квартиру в Пензе, где установила это оборудование. В результате работы сим-боксов от мошеннических действий пострадали жители Югры и Москвы[5].

Следующий пример судебной практики по ст. 274.4 УК РФ: в мае 2026 года завершилось расследование в отношении 34-летнего местного жителя. Он обвинялся в незаконном обороте сим-карт (ч. 1 ст. 274.4 УК РФ). По данным следствия, мужчина был субдилером коммерческого представителя сотовой компании. Он ввел последнего в заблуждение, предоставив копии паспортов якобы потенциальных абонентов, и внес сведения о них в договоры об оказании услуг связи. Таким образом он оформил на челябинцев номера, которые намеревался передать третьим лицам за денежное вознаграждение. Горожанина задержали сотрудники УФСБ России по региону во время операции, в ходе которой они купили у него пять сим-карт. При обысках силовики нашли еще 15 сим-карт, оформленных на разных граждан РФ. Материалы уголовного дела направлены в Калининский районный суд Челябинска[6].

Один из примеров применения статьи 274.5 УК РФ «Организация деятельности по передаче информации, необходимой для регистрации и (или) авторизации пользователя сети «Интернет» для получения доступа к функциональным возможностям информационного ресурса» связан с делом, рассмотренным в Ангарске (Иркутская область) в мае 2026 года. Обвиняемый – 27-летний местный житель признан виновным по ч. 1 ст. 274.5 УК РФ. Эта часть статьи предусматривает ответственность за организацию деятельности по передаче информации, необходимой для регистрации и авторизации пользователя сети «Интернет», если деяния совершены из корыстной заинтересованности либо в целях совершения иного преступления. Так, в период с октября по ноябрь 2025 года подсудимый, находясь у себя дома на улице Садовое Кольцо в Ангарске, использовал аккаунт в популярном мессенджере. Он поочередно регистрировал аккаунты, применяя сим-карты различных операторов сотовой связи. Затем он искал пользователей мессенджера и реализовывал им созданные аккаунты, сообщая абонентские номера и необходимые данные для авторизации. Как установлено в судебном заседании, аккаунты приобретались для использования в работе с криптовалютой. За незаконную реализацию 5 аккаунтов осужденный получил вознаграждение в цифровой валюте и рублях на общую сумму 915 рублей[7].

Такие масштабные изменения указывают на высокий интерес законодателя к преступлениям в информационной сфере. Судебная практика по данным статьям пока еще окончательно не сформировалась, однако уже понятно, что привлекаться по ним будут достаточно часто в силу распространения подобных угроз и противоправных деяний. Согласимся с мнением Н. А. Захаренко, В. Ю. Патенковой, что «преступления, связанные с неправомерным доступом к цифровой информации, имеют определенную специфику, которая заключается в их высокотехнологичности и хорошей организованности» [2, с. 217].

Отдельно хотелось бы указать новых субъектов для привлечения к уголовной ответственности, так называемых «дропперов», чьи действия связывают с передачей электронного средства платежа для незаконных операций, чаще всего по указанию

---

[5] Приговор Ленинского районного суда г. Пензы от 10 апреля 2026 г. № 1/274-2026. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[6] Приговор Одинцовского районного суда г. Москвы от 12 декабря 2025 г. № 1/201-2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[7] Приговор Ангарского городского суда Иркутской области от 10 мая 2026 г. № 1/152-2026. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

или в интересах другого лица. Для определения действий субъектов в качестве уголовно наказуемых Федеральным законом от 24.06.2025 № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» были внесены изменения в статью 187 УК РФ. Таким образом, исходя из диспозиции указанной статьи, подчеркнем, что лица, принимающие участие в легализации криминальных доходов, обналичивании или кражах средств с банковских счетов или способствующие сокрытию указанных преступлений, подлежат привлечению к уголовной ответственности.

Приведем пример из следственной практики. В следственном отделе г. Мурома следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Владимирской области возбуждено уголовное дело в отношении 16-летней жительницы города Меленок по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 187 УК РФ, а именно осуществление из корыстной заинтересованности неправомерных операций с использованием электронного средства платежа по указанию другого лица и (или) в интересах такого лица. Так, подозреваемая в поисках легкого заработка перешла по объявлению в одном из популярных мессенджеров и в ходе дальнейшей переписки согласилась за денежное вознаграждение осуществить перевод денежных средств, используя свой банковский счет. В апреле 2026 года на ее счет в банке от неустановленного лица поступили 50 тысяч рублей, из которых 48,8 тысячи рублей она перевела на указанный ей в переписке счет, оставив 1,2 тысячи рублей себе в качестве вознаграждения[8].

2. Усиление ответственности и уточнение квалифицирующих признаков**.** Так, часть 1 статьи 63 УК РФ дополнена пунктом «ф», относящим к обстоятельствам, отягчающим наказание, совершение преступления с использованием программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен. Законодатель тем самым стремится ужесточить наказание за преступления, совершенные с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее по тексту – ИКТ).

Приведем пример из судебной практики. Новомосковский районный суд Тульской области в декабре 2025 года вынес приговор местному жителю, который, находясь в помещении кафе, через свой мобильный телефон с помощью «виртуальной частной сети» – Virtual Private Network (далее – VPN-приложение) – получил доступ к заблокированному в России сайту, который специализируется на продаже наркотиков. На указанном сайте он заказал запрещенное вещество, оплатил покупку и получил координаты тайника с «закладкой». При осуществлении попытки забрать наркотик он был задержан сотрудниками полиции. В ходе судебного разбирательства использование VPN-приложения судом было признано отягчающим обстоятельством[9].

В свою очередь, Федеральным законом от 23.04.2018 № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» усилено наказание за хищение денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств до 6 лет лишения свободы. При этом уголовная ответственность наступает не только за совершение хищений с использованием банковских карт (их реквизитов и контрольной информации), но и иных электронных средств платежа («электронные кошельки», другие платежные сервисы).

3. Создание специализированных систем и механизмов противодействия. С 2025 года действует Федеральный закон от 1 апреля 2025 года № 41-ФЗ о создании государственной информационной системы (далее по тексту – ГИС) противодействия

[8] Официальный сайт СУ СК РФ по Владимирской области. URL: https://vladimir.sledcom.ru (дата обращения: 12.05.2026 г.).
[9] Приговор Новомосковского районного суда Тульской области от 12 декабря 2025 г. № 2-456/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

правонарушениям, совершаемым с использованием ИКТ. Система призвана обеспечить взаимодействие органов прокуратуры, Следственного комитета, Банка России, кредитных организаций, операторов связи и других участников для оперативного выявления и пресечения преступлений. В ГИС хранится информация о лицах, совершивших противоправные действия с использованием сети связи общего пользования, включая данные об абонентских номерах.

Мы видим, что основной тенденцией вносимых законодателем изменений является его ужесточение, а также уточнение понятийного аппарата с целью внесения ясности в понимание того, какие конкретно деяния и обстоятельства следует считать преступными.

По нашему мнению, компьютерные преступления и преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, имеют определенную сложность не только в их выявлении и доказывании, но и в понимании сложившихся преступных обстоятельств. Сложный понятийный аппарат, скрытный механизм их совершения и возможность скрыть следы преступления специалистом в области программного обеспечения – все эти и иные факторы затрудняют доступ к быстрому раскрытию и расследованию преступлений. Способы совершения компьютерных преступлений зачастую завуалированы под законную деятельность, что также не позволяет потерпевшим от таких преступлений сразу понять противоправность этих деяний.

Согласимся с мнением Д. Л. Проказина, Д. Ф. Флори, что «прогресс информационных технологий приводит к значительной трансформации в обществе, раскрывая новые перспективы, касающиеся и деятельности правоохранительных органов» [3, с. 282].

Несмотря на достаточно широкий перечень изменений, внесенных законодателем в УК РФ, определим основные существующие проблемы совершенствования уголовного законодательства в сфере борьбы с данными видами преступлений:

1. Отсутствие четкости в имеющимся понятийном аппарате. Так, в действующем уголовном законодательстве отсутствуют четкие определения таких ключевых понятий, как «киберпреступность», «кибератака», «информационная угроза», «информационно-телекоммуникационные технологии» и т. д. Указанные факторы затрудняют квалификацию преступлений и единообразное применение норм права.

Так, например, до настоящего времени дискуссионным выступает понятие «неправомерный доступ к компьютерной информации» (ст. 272 УК РФ). Ученые-правоведы и практические работники расходятся в трактовке, когда именно доступ считается неправомерным – при отсутствии разрешения владельца или только при работе с информацией, составляющей охраняемую законом тайну [4, с. 84].

Следует также отметить, что Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»», закрепляет понятие информационно-телекоммуникационной сети.

Под информационно-телекоммуникационной сетью в соответствующих статьях Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации понимается технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники.

Для целей уголовного законодательства понятия электронных и информационно-телекоммуникационных сетей не разграничиваются. При этом следует иметь в виду, что сеть Интернет является одним из их видов.

2. Сложности квалификации и доказывания. Судебная практика выявляет трудности в квалификации преступлений, связанных с неправомерным доступом к компью-

терной информации, созданием и распространением вредоносных программ, нарушением правил эксплуатации информационно-телекоммуникационных систем.

Например, возникает спор о том, считать ли преступление, предусмотренное ст. 272 УК РФ, оконченным сразу после несанкционированного доступа или только после нанесения реального ущерба. Также сложно доказать факт совершения преступления организованной группой, что снижает раскрываемость таких дел.

Некоторые нормы применяются неэффективно. Например, по данным на 2025 год, лишь около 5 % дел по преступлениям в сфере информационной безопасности заканчивались реальным сроком наказания. Чаще всего судами назначались штрафы, условные сроки или запрет занимать определенные должности. Также существует проблема с определением лица, ответственного за нарушение информационной безопасности, например при использовании нелицензионного программного обеспечения [5, с. 950].

3. Правовые пробелы в урегулировании новых потенциальных угроз. Стремительное развитие современных технологий, включающих в себя развитие искусственного интеллекта, возможности использования криптовалюты, блокчейн и т. д., опережает обновление уголовного законодательства. Зачастую уголовно-правовое законодательство не успевает адаптироваться к появлению новых видов преступлений, которые связаны с использованием дипфейков, анонимизации, эксплойтов или сервисов для обхода блокировок. Так, например, вопрос о криминализации приобретения вредоносных программ остается неразрешенным, хотя указанное действие обладает определенной степенью общественной опасности [6, с. 824].

4. Наличие высокой степени латентности рассматриваемого вида преступлений. Указанный фактор препятствует установлению реального масштаба проблемы и разработке эффективных мер в борьбе с рассматриваемым видом преступлений [7, с. 75]. Многие граждане, потерпевшие от преступных действий мошенников, не обращаются в правоохранительные органы и не сообщают о совершенном в отношении них преступлении, а это оказывает негативное влияние на всю систему борьбы с данными видами преступлений.

5. Трансграничный характер преступлений и необходимость международного сотрудничества. В связи с удобством использования информационно-телекоммуникационных технологий преступления могут совершаться из любой точки мира [8, с. 73]. Данный фактор значительно усложняет расследование рассматриваемого вида преступлений и установление лиц, виновных в его совершении. Именно поэтому требуется установление взаимодействия и сотрудничества с другими государствами и странами мира. Еще одной сложностью является тот факт, что в настоящее время Россия не участвует во многих международных соглашениях (например, в Европейской конвенции о киберпреступности). Именно поэтому усложняется обмен опытом и практикой, законодательными инициативами.

По мнению Н. А. Захаренко, В. Ю. Патенковой, «интенсивный процесс цифровизации социальной жизни будет и далее способствовать росту числа противозаконных действий, совершаемых с применением IT-технологий, что потребует новых законотворческих инициатив. Однако превентивные меры должны носить комплексный характер» [2, с. 219].

Таким образом, можно сделать следующий вывод: информационно-телекоммуникационные технологии прочно вошли в жизнь современного общества. В связи с чем возросло число противоправных деяний, совершаемых с их применением, поэтому российское уголовное законодательство с учетом сложившейся тенденции постоянно совершенствуется. Внедряются новые составы преступлений, направленные на видовую составляющую преступлений и их разновидностей, появляются отягчающие вину обстоятельства, использования современных технологий. В то же время

сложности понятийного аппарата, особенности квалификации некоторых составов преступлений, использование преступниками новых способов и методов совершения компьютерных преступлений – все эти аспекты оказывают определенное влияние на процесс законодательного становления УК РФ в области борьбы с киберпреступностью. Стоит отметить, что только комплексный подход к обозначенной нами проблеме будет способствовать совершенствованию механизмов раскрытия и расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

1. Халиуллин А. И. Тенденция развития отечественного уголовного законодательства в сфере противодействия компьютерным преступлениям // Закон и право. № 7. 2020. С. 99–102.
2. Зхаренко Н. А., Патенкова В. Ю. Ужесточение ответственности за некоторые преступления в цифровой среде: социолого-правовой анализ // Закон и право. 2025. № 12. С. 215–220.
3. Проказин Д. Л., Флоря Д. Ф. Применение системы видео-конференц-связи при производстве следственных действий на стадии предварительного расследования // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 1(102). С. 282–288.
4. Михайленко Н. В., Минаков С. С. Тенденции развития информационного обмена в правоохранительной сфере по пресечению ИКТ преступности и росте рисков объективного вменения для пользователей систем дистанционного банковского обслуживания // Государственная служба и кадры. 2025. № 4. С. 83–89.
5. Репецкая А. Л. Современные тенденции развития преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Baikal Research Journal. 2025. Т. 16, № 3. С. 947–953.
6. Халмуратов Г. В. Дефиниция и характерные признаки дистанционного мошенничества // Нравственные императивы в праве, образовании, науке и культуре: сборник материалов X международного молодежного форума, Белгород, 27 мая 2022 г. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2022. С. 822–825.
7. Жук О. Д. О приостановлении операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, авансовыми платежами в ходе досудебного производства по уголовному делу // Законодательство. 2025. № 7. С. 72–77.
8. Лустин В. И. Дистанционные мошенничества. Закон и власть. 2023. № 5. С. 67–74.

1. Xaliullin A. I. Tendenciya razvitiya otechestvennogo ugolovnogo zakonodatel`stva v sfere protivodejstviya komp`yuterny`m prestupleniyam // Zakon i pravo. № 7. 2020. S. 99–102.
2. Zxarenko N. A., Patenkova V. Yu. Uzhestochenie otvetstvennosti za nekotory`e prestupleniya v cifrovoj srede: sociologo-pravovoj analiz // Zakon i pravo. 2025. № 12. S. 215–220.
3. Prokazin D. L., Florya D. F. Primenenie sistemy` video-konferencz-svyazi pri proizvodstve sledstvenny`x dejstvij na stadii predvaritel`nogo rassledovaniya // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2025. № 1(102). S. 282–288.
4. Mixajlenko N. V., Minakov S. S. Tendencii razvitiya informacionnogo obmena v pravooxranitel`noj sfere po presecheniyu IKT prestupnosti i roste riskov ob``ektivnogo

vmeneniya dlya pol`zovatelej sistem distancionnogo bankovskogo obsluzhivaniya // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry`. 2025. № 4. S. 83–89.
5. Repeczkaya A. L. Sovremenny`e tendencii razvitiya prestuplenij, sovershaemy`x s ispol`zovaniem informacionno-telekommunikacionny`x texnologij // Baikal Research Journal. 2025. T. 16, № 3. S. 947–953.
6. Xalmuratov G. V. Definiciya i xarakterny`e priznaki distancionnogo moshennichestva // Nravstvenny`e imperativy` v prave, obrazovanii, nauke i kul`ture: sbornik materialov X mezhdunarodnogo molodezhnogo foruma, Belgorod, 27 maya 2022 g. Belgorod: Belgorodskij gosudarstvenny`j nacional`ny`j issledovatel`skij universitet, 2022. S. 822–825.
7. Zhuk O. D. O priostanovlenii operacij s denezhny`mi sredstvami, e`lektronny`mi denezhny`mi sredstvami, avansovy`mi platezhami v xode dosudebnogo proizvodstva po ugolovnomu delu // Zakonodatel`stvo. 2025. № 7. S. 72–77.
8. Lustin V. I. Distancionny`e moshennichestva. Zakon i vlast`. 2023. № 5. S. 67–74.

Информация об авторах

Анна Викторовна Полякова. Преподаватель кафедры специальной подготовки, кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Анна Сергеевна Залива. Преподаватель кафедры организации деятельности подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения.

Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

143103, Россия, Рузский м. о., п. Старотеряево, тер. МОФ МосУ имени В. Я. Кикотя, 1.

Information about the authors

Anna V. Polyakova. Teacher of the Chair of Special Training, Candidate of sciences (Law).

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russia, Orel, Ignatova St., 2.

Anna S. Zaliva. Teacher of the Chair of Organization of Road Safety Units.

Moscow Regional Branch of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia.

143103, Russia, Ruzsky District, Staroteryaevo settlement, Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Bldg. 1.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 15.06.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 15.06.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 343.98:004

МЕХАНИЗМ СЛЕДООБРАЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ ПРИ НЕПРАВОМЕРНОМ ОБОРОТЕ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ

Сучкова Елизавета Алексеевна
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

lizaveta.elisaveta@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию отдельных аспектов формирования виртуальных следов при незаконном использовании электронных средств платежей. Проанализирована правовая природа цифрового следа в криминалистике, что позволило определить место виртуальных следов в системе криминалистически значимой информации. Особое внимание уделено описание многоуровневой системы механизма следообразования неправомерного оборота электронных средств платежей с указанием отдельных видов следов, возникающих на этапах подготовки, совершения и сокрытия преступного деяния, с указанием особенностей их выявления и фиксации. Определены проблемы, связанные с обнаружением и фиксацией цифровых следов на этапе сокрытия преступления, особенно в контексте использования преступниками криптовалютных технологий.

Ключевые слова: электронные средства платежа, механизм следообразования, цифровые следы, подготовка преступления, совершение преступления, сокрытие преступления, криптовалюта, криптовалютные технологии.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – профессора кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова доктора юридических наук, доцента Калюжного А. Н.

Для цитирования: Сучкова Е. А. Механизм следообразования цифровых следов при неправомерном обороте электронных средств платежей // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 407–413.

THE MECHANISM OF DIGITAL TRACE FORMATION IN CASE OF ILLEGAL TURNOVER OF ELECTRONIC MEANS OF PAYMENTS

Elizaveta Al. Suchkova
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

lizaveta.elisaveta@yandex.ru

Annotation. The article is devoted to the study of certain aspects of the formation of virtual traces in the illegal use of electronic means of payment. Analyzed the legal nature of the digital traces in forensics, which made it possible to determine the place of virtual traces in the system of criminally significant information. Particular attention is paid to the description of the multi-level system of the mechanism for the formation of the illegal circulation of electronic means of payment, indicating certain types of traces that arise at the stages of preparation, commission and concealment of a criminal act, indicating

the features of their identification and fixation. Identified issues related to with the detection and recording of digital traces at the stage of concealment of the crime, especially in the context of the use of cryptocurrency technologies by criminals.

Keywords: electronic means of payment, the mechanism of trace formation, digital traces, preparation of a crime, commission of a crime, concealment of a crime, cryptocurrency, cryptocurrency technologies.

Gratitude: The work was carried out with the support of the scientific supervisor, Professor of the Chair of Criminalistics and Preliminary Investigation in Internal Affairs Bodies at Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor A. N. Kalyuzhny.

For citation: Suchkova E. A. The mechanism of digital trace formation in case of illegal turnover of electronic means of payments // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 407–413.

Рост безналичных расчетов и цифровизация экономики привели к всплеску преступности в сфере оборота электронных средств платежей (средства и способы (как эмитированные, так и не эмитированные Российской Федерацией), позволяющие субъектам осуществлять финансовые операции). Традиционные методы расследования часто неэффективны из-за виртуальной среды совершения деяний. В подавляющем большинстве случаев неправомерный оборот электронных средств платежей совершается в цифровом пространстве. Если раньше неправомерные операции осуществлялись с использованием подставных юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, то на данный момент способ совершения преступления трансформировался и приобрел иной вид.

Согласно статистическим данным Главного информационно-аналитического центра МВД России наблюдается стремительный рост фактов уголовного преследования за последние шесть лет. При этом количество выявленных фактов неправомерного борота электронных средств платежей превышает количество дел, направленных в суд. Так, в 2017 году было зарегистрировано 239 преступлений, направлено в суд 151; в 2018 году зарегистрировано – 541, направлено – 231; в 2019 году зарегистрировано – 842, направлено – 357; в 2020 году зарегистрировано – 1 346, направлено – 656; в 2021 году зарегистрировано – 2 754, направлено – 1 514; в 2022 году зарегистрировано – 4 648, направлено – 2 963; в 2023 году зарегистрировано – 4 511, направлено – 3 204; в 2024 году зарегистрировано – 7 246, направлено – 4 658; в 2025 году зарегистрировано – 3 660, направлено – 2 736[1]. Пик прироста пришелся на 2021 год. Представленные данные свидетельствуют о возрастающем характере преступности в сфере неправомерного оборота электронных средств платежей.

Исследование механизма следообразования является важнейшей составляющей при раскрытии и расследовании преступлений. Ключевым элементом в данной области криминалистки является след преступления. В криминалистике следы преступления делятся на традиционные следы (материальные и идеальные) [1, с. 57] и цифровые (виртуальные, электронные) [2]. Представляется обоснованной позиция Е. А. Пидусова о том, что недопустимо сводить природу следа исключительно к материальной или идеальной форме [3, с. 55]. След необходимо рассматривать как динамическое явление, объединяющее процесс взаимодействия объектов и итоговый результат преобразования [4, с. 128]. В рамках исследования механизма следообразования при неправомерном обороте электронных средств платежей особое внимание уделим цифровым (виртуальным) следам.

[1] Состояние преступности в России с 2017 по 2025 г. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics (дата обращения: 11.02.2026).

Цифровой след не имеет физической формы, зависит от технической инфраструктуры, имеет множество мест хранения и не обладает прямой визуальной воспринимаемостью [5, с. 33]. Именно они выступают наиболее распространенными объектами, формируемыми в результате преступной деятельности дропперов. В общем виде цифровой (виртуальный) след представляет собой «<…> криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде сведения (сообщения, данные) <…>» [6, с. 7]. Совокупность такой информации образует определенную систему, позволяющую реконструировать механизм следообразования. При этом необходимо учитывать, что механизм формирования цифровых следов не является универсальным, для каждого совершаемого преступления он индивидуален.

Так, механизм следообразования неправомерного оборота электронных средств платежей представлен многоуровневой системой в виде:

– транзакций в традиционных системах: номера операций, коды авторизации, суммы, даты, реквизиты отправителей и получателей (карты, счета), коды валют;

– следы обналичивания (конвертации): операции через банкоматы (камеры, место, время), переводы на карты дроппов, покупки электронных ваучеров, пополнения криптокошельков;

– идентификаторы платежных инструментов: номер карты (PAN), срок действия, CVV-код, токен, идентификатор электронного кошелька (например, в Qiwi, WebMoney).

Важно подчеркнуть, что исследование механизма следообразования цифровых следов неправомерного оборота электронных средств платежей требует учета специфики его формирования на каждой стадии совершения преступления [7, с. 129]. На этапе подготовки к совершению преступления дропперы-организаторы в процессе поиска исполнителя используют мессенджеры, социальные сети или DarkNet – сеть, обеспечивающую анонимное и конфиденциальное взаимодействие пользователей [8, с. 11].

Следует отметить, действия могут выражаться в активном поиске организаторами путем размещения объявлений о заработке или выявлении лиц, поддающихся преступному влиянию. В остальных случаях лица сами ищут заработок, используя возможности информационно-телекоммуникационной сети Интернет и откликаясь на различные объявления с предложениями «Ищем дроповодов», «Курьер дроп заработок высокий», «Требуются дропы под арбитраж криптовалюты 14 000 ₽».

В рамках подготовки к совершению преступления дропперы-исполнители или дропперы-организаторы могут изначально подавать заявки на веб-сайтах Федеральной налоговой службы с использованием сервиса «Государственная онлайн-регистрация бизнеса» или банков (Тинькофф, Сбер, Точка и др.) при наличии усиленной квалифицированной электронно-цифровой подписи. Последние же получать от дропперов-исполнителей персональные данные, необходимые для последующего оформления (переоформления) юридического лица (далее – ЮЛ) или индивидуального предпринимателя (далее – ИП), открытия банковских карт. В дальнейшем преступники оформляют расчетные счета для ЮЛ или ИП или получают дебетовую карту для передачи их пособникам или организаторам. В таком случае следы преступления будут образованы в системах государственной и корпоративной идентификации в виде истории входов, подтверждения учетной записи, сведений о регистрации SIM-карты, биллинга, прохождения биометрии (в тех случаях, когда преступник использовал единую биометрическую систему (ЕБС)[2] для удаленного открытия счета или подтверждения операции).

Оформляя банковские карты, подавляющее большинство преступников-дропперов направляют заявки на получение дебетовой карты с использованием инфор-

[2] Что такое Единая биометрическая система. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/faq/biometrics/102389 (дата обращения: 27.05.2026).

мационно-телекоммуникационной сети Интернет на веб-сайтах соответствующих кредитных организаций, что является цифровым доказательством без реального посещения кредитных организаций.

Преступниками подыскивается мобильный телефон с SIM-картой для того, что управлять расчетными счетами, используя «Мобильный банк». В таком случае следы могут быть обнаружены путем исследования уведомлений от банка о произведенных трансакциях, о входе и выходе из мобильного банка, о произведенных звонках пособникам или организаторами. Информация, получаемая из смартфонов, является значимой для последующего расследования уголовного дела [9, с. 48]. Безусловно, следует согласиться с данным мнением. Однако в каком виде она получена из средств мобильной связи при расследовании неправомерного оборота электронных средств платежей, имеет главное значение ввиду того, что действия по подготовке, совершению и сокрытию преступления осуществляются с использованием приложений (WhatsApp, Telegram), содержащихся на смартфоне. В таком случае имеются два варианта. Переписки с организаторами могут быть обнаружены, так как лицо добровольно передает сотрудникам смартфоны при задержании или переписки могут стерты и недоступны для просмотра в интерфейсе приложения, поскольку своевременно были применены меры по сокрытию преступления[3]. В переписках чаще всего фиксируются инструкции по транзиту средств, обсуждение процента вознаграждения и способы обхода банкового прохода. Указанные следы позволяют констатировать факт сговора, вербовки, роль лица в группе, получение инструкций.

Совершение неправомерного оборота электронных средств платежей приводит к формированию следующих цифровых следов.

Следы, образующиеся в результате использования расчетного счета для неправомерных операций (транзакций), осуществляемых дропперами, отражают событие преступления. Использование транзитного счета является ключевым аспектом дропперства. Дропперы-организаторы осуществляют неправомерные операции либо напрямую на приобретенный расчетный счет или через иные расчетные счета, учитывая размер переводимых сумм [10, с. 164], которые выражаются отсутствием экономического смысла операций (получение зарплаты от фирмы, где лицо не работает, и мгновенный вывод на счета третьих лиц, электронные кошельки или в криптовалютные активы).

В данном виде группа следов будет отражать сам факт движения денежных средств: сведения об операциях в автоматизированных банковских системах (зачисление, списание, время, дата, суммы); о подключении к системе дистанционного банковского обслуживания (вход в мобильные и интернет-банки, история переводов); IP-адреса, с которых осуществлялся вход, данные об использованных устройствах; цифровые записи и платежные терминалы, фиксирующие снятие наличных денежных средств или пополнение банковских карт.

Посредством обнаружения и фиксации технических и сетевых следов, возможно установление технического устройства, с которого дроппер осуществлял взаимодействие с пособником или организатором, а также неправомерные действия с электронными средствами платежей. Ими могут выступать статические и динамические уникальные идентификаторы – Internet Protocol address (IP-адрес)[4], уникальные аппаратные идентификаторы, присваиваемые каждому сетевому интерфейсу (MAC-адрес)[5]

[3] Приговор Лефортовского районного суда г. Москвы по делу № 1-300/2025. URL: https://mosgorsud.ru (дата обращения: 26.01.2026).

[4] Что такое IP-адрес: полная информация из интерактивного словаря СберБанка. URL: https://www.sberbank.ru/ru/person/kibrary/vocabulary/ip-adres (дата обращения: 28.05.2026).

[5] MAC-адрес. Энциклопедия «Касперского». URL: https://encyclopedia.kaspersky.ru/glossary/mac-media-access-control/?ysclid=mtekmp3h3h786915908 (дата обращения: 28.05.2026).

точек доступа Wi-Fi, уникальные цифровые коды мобильных устройств (IMEI)[6], серийные номера смартфонов или персональных компьютеров, геолокационные данные в момент совершения транзакций, история браузера, cookies, кэш-файлы.

Цель преступной деятельности дропперов – маскировка источника происхождения денежных средств, а также обход возможной блокировки переводов денежных средств. Соответственно, сокрытие денежных средств, перенаправляемых через счета дропперов, осуществляется посредством операций с электронными кошельками, криптовалютой. Указанные преступные действия очевидно оставляют цифровые следы, которые требуют исследования, в частности, тактических особенностей их обнаружения, осмотра и фиксации. Носителями следов будут данные о P2P-переводах (от англ. «peer-to-peer» – «от человека к человеку») на криптобиржи, чеки от электронных устройств, позволяющих принимать безналичные платежи (POS-терминалы), сведения из банкоматов (время, номер терминалов).

Следует отметить, что исходный код с веб-страниц является наиболее информативным ввиду того, что могут быть обнаружены реферальные ссылки различных интернет-ресурсов, которые посещал дроппер-организатор для сокрытия денежных средств [11, с. 73]. Помимо указанного, неправомерные операции могут проводиться с использованием «виртуальной частной сети» – Virtual Private Network (VPN)[7] и прокси, которые также служат типичным следом сокрытия (факт подключения к VPN-сервисам).

Обнаружение и фиксация указанных следов сопряжены с рядом объективных трудностей, обусловленных использованием преступниками специализированных инструментов для затруднения отслеживания (кримптомиксеры, децентрализованные биржи и т. д.). Чаще всего доступ к криптовалютным сервисам осуществляется через сети «луковой маршрутизации» – The Onion Router (TOR)[8] и I2P[9], что скрывает IP-адреса и идентификаторы устройств. Соответственно, сведения о посещении веб-страниц криптобирж, объявления на P2P-площадках могут быть удалены преступниками в течение минут, а значит, требуется незамедлительный осмотр сайта в сети Интернет с привлечением специалиста.

Работа с подобными цифровыми следами требует обязательного привлечения специалиста в области компьютерно-технической экспертизы, применения специализированного программного обеспечения для извлечения скрытых данных, а также использования инструментов блокчейн-аналитики (Chainalysis, Crystal или отечественные аналоги) для отслеживания цепочек цифровых активов.

Рассматривая механизм следообразования цифровых следов при неправомерном обороте электронных средств платежей, отметим, что особо важным является установление особенностей их образования на этапах подготовки, совершения и сокрытия. Важность данного аспекта обуславливается анонимным характером осуществления неправомерных операций преступниками начиная с этапа подготовки к совершению преступления. Обнаружение и фиксация цифровых следов, образующихся в результате использования электронных средств платежей в преступных целях, требуют единого под-

---

[6] IMEI: полная информация о международном идентификаторе мобильного оборудования. Сбер-Банк. URL: https://www.sberbank.ru/ru/person/kibrary/vocabulary/imei (дата обращения: 02.07.2026).

[7] Что такое VPN, простыми словами: как работает и зачем нужен. URL: https://sberbusiness.live/publications/vpn-eto?ysclid=mtek9b41ne328207258 (дата обращения: 05.07.2026).

[8] Tor – свободное и открытое программное обеспечение для реализации так называемой луковой маршрутизации (2-го и 3-го поколения). URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Tor?ysclid=mtekrtju7n357849595&utm_referrer=https://yandex.ru (дата обращения: 24.07.2026).

[9] I2P (аббревиатура от англ. invisible internet project, IIP, I2P – проект «Невидимый интернет») – анонимная компьютерная сеть. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/I2P?ysclid=mtekyxy8nm512616190 (дата обращения: 24.07.2026).

хода в методике расследования преступления, которая на данный момент нуждается в совершенствовании.

1. Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. В 3-х томах. Т. 2. М., 1978. 510 с.
2. Бахтеев Д. В. Криминалистическая классификация цифровой доказательственной информации // Криминалистика в условиях развития информационного общества (59-е ежегодные криминалистические чтения): сборник статей Международной научно-практической конференции, Москва, 18 мая 2018 года. Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. С. 44–49.
3. Пидусов Е. А. Механизм следообразования при криминальном использовании электронных платежных средств // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2025. № 11. С. 54–60.
4. Каминский М. К. Введение в криминалистику и криминалистическое образование. Ижевск: Институт Компьютерных исследований, 2015. 44 с.
5. Завалова В. И. Проблемы механизма следообразования и классификация цифровых (компьютерных) следов // Гуманитарный научный журнал. 2026. № 1–2. С. 32–36.
6. Россинская Е. Р. Концепция цифровых следов в криминалистике / Е. Р. Россинская, И. А. Рядовский // Аубакировские чтения: материалы международной научно-практической конференции, Алматы, 19 февраля 2019 года. Алматы: Қазақстан Республикасы ІІМ М. Есболатов атындағы Алматы академиясының ҒЗжРБЖҰБ, 2019. С. 6–9.
7. Переверзева Е. С. Механизм следообразования виртуальных следов / Е. С. Переверзева, А. В. Комов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1(93). С. 128–133.
8. Васильев А. Даркнет как ускользающая сфера правового регулирования / А. Васильев, Ж. Ибрагимов, О. Васильева // Юрислингвистика. 2019. № 12(23). С. 10–12.
9. Бессонов А. А. О некоторых возможностях современной криминалистики в работе с электронными следами // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 3(55).
10. Калюжный А. Н. Способы преступной деятельности дропперов: криминалистический и уголовно-правовой подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2026. Т. 17, № 1. С. 156–173.
11. Мельник Л. Л. Классификация интернет-ресурсов, используемых при расследовании преступлений, совершенных посредством криптовалют и электронных денег // Предварительное расследование. 2021. № 1(9). С. 71–76.

1. Belkin R. S. Kurs sovetskoj kriminalistiki. V 3-x tomax. T. 2. M., 1978. 510 s.
2. Baxteev D. V. Kriminalisticheskaya klassifikaciya cifrovoj dokazatel`stvennoj informacii // Kriminalistika v usloviyax razvitiya informacionnogo obshhestva (59-e ezhegodny`e kriminalisticheskie chteniya): sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 18 maya 2018 goda. Moskva: Akademiya upravleniya Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii, 2018. S. 44–49.
3. Pidusov E. A. Mexanizm sledoobrazovaniya pri kriminal`nom ispol`zovanii e`lektronny`x platezhny`x sredstv // Prestupnost` v sfere informacionny`x i telekommunikacionny`x texnologij: problemy` preduprezhdeniya, raskry`tiya i rassledovaniya prestuplenij. 2025. № 11. S. 54–60.

4. Kaminskij M. K. Vvedenie v kriminalistiku i kriminalisticheskoe obrazovanie. Izhevsk: Institut Komp`yuterny`x issledovanij, 2015. 44 c.
5. Zavalova V. I. Problemy` mexanizma sledoobrazovaniya i klassifikaciya cifrovy`x (komp`yuterny`x) sledov // Gumanitarny`j nauchny`j zhurnal. 2026. № 1–2. S. 32–36.
6. Rossinskaya E. R. Koncepciya cifrovy`x sledov v kriminalistike / E. R. Rossinskaya, I. A. Ryadovskij // Aubakirovskie chteniya: materialy` mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Almaty`, 19 fevralya 2019 goda. Almaty`: Қazaқstan Respublikasy` IIM M. Esbolatov aty`ndaғy` Almaty` akademiyasy`ny`ң ҒZzhRBZhҰB, 2019. S. 6–9.
7. Pereverzeva E. S. Mexanizm sledoobrazovaniya virtual`ny`x sledov / E. S. Pereverzeva, A. V. Komov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2022. № 1(93). S. 128–133.
8. Vasil`ev A. Darknet kak uskol`zayushhaya sfera pravovogo regulirovaniya / A. Vasil`ev, Zh. Ibragimov, O. Vasil`eva // Yurislingvistika. 2019. № 12(23). S. 10–12.
9. Bessonov A. A. O nekotory`x vozmozhnostyax sovremennoj kriminalistiki v rabote s e`lektronny`mi sledami // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA). 2019. № 3(55).
10. Kalyuzhny`j A. N. Sposoby` prestupnoj deyatel`nosti dropperov: kriminalisticheskij i ugolovno-pravovoj podxody` // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2026. T. 17, № 1. S. 156–173.
11. Mel`nik L. L. Klassifikaciya internet-resursov, ispol`zuemy`x pri rassledovanii prestuplenij, sovershenny`x posredstvom kriptovalyut i e`lektronny`x deneg // Predvaritel`noe rassledovanie. 2021. № 1(9). S. 71–76.

Информация об авторе

Елизавета Алексеевна Сучкова. Адъюнкт.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Elizaveta Al. Suchkova. A postgraduate student.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova St., 2.

Статья поступила в редакцию 06.07.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 06.07.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 343.1

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ – ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ, ПОВЛИЯВШИХ НА ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Таршева Мира Николаевна
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

mirra_2023@internet.ru

Аннотация. В условиях глобализации и роста транснациональной преступности, эмиграционно-иммиграционной активности международное сотрудничество в уголовном судопроизводстве приобретает особую значимость. Российская уголовно-процессуальная политика претерпевает трансформацию под влиянием международных обязательств, что требует научного осмысления. В результате проведенного исследования автор статьи приходит к выводу о том, что активизация международного сотрудничества в области уголовного судопроизводства, начавшаяся в 1990-е годы, стала одним из факторов, оказавшим влияние на формирование современной уголовно-процессуальной политики, которая стала развиваться на межгосударственном уровне в части расширения форм и оснований такого сотрудничества, а также их нормативного закрепления на внутригосударственном уровне.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная политика, политический фактор влияния, международное сотрудничество, расширение форм сотрудничества, либерализация миграционного режима, политический курс.

Для цитирования: Таршева М. Н. Международное сотрудничество в уголовном судопроизводстве – один из факторов, повлиявших на формирование современной уголовно-процессуальной политики // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 414–422.

THE INTERNATIONAL COOPERATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS AS ONE OF THE FACTORS THAT HAVE INFLUENCED THE FORMATION OF MODERN CRIMINAL PROCEDURE POLICY

Mira N. Tarsheva
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

mirra_2023@internet.ru

Annotation. In the context of globalization and the growth of transnational crime, emigration and immigration activity, international cooperation in criminal proceedings is becoming particularly important. Russian criminal procedure policy is undergoing a transformation under the influence of international obligations, which requires scientific understanding. As a result of the conducted research, the author of the article comes to the conclusion that the intensification of international cooperation in the field of criminal

justice has become one of the factors that influenced the formation of modern criminal procedure policy, which began to develop at the interstate level in terms of expanding the forms and grounds of such cooperation, as well as their normative consolidation at the domestic level.

Keywords: criminal procedure policy, influencing political factor, international cooperation, expansion of forms of cooperation, liberalization of the migration regime, political course.

For citation: Tarsheva M. N. The international cooperation in criminal proceedings as one of the factors that have influenced the formation of modern criminal procedure policy // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation. 2026. № 3(108). P. 414–422.

Прежде чем перейти к рассмотрению заявленной тематики, необходимо определить, что такое уголовно-процессуальная политика и какова ее сущность.

Уголовно-процессуальная политика – общественные отношения, выражающиеся в совокупности взаимодействий ее субъектов (общей, общегосударственной и специальной государственной юрисдикций) по целенаправленному формированию идей, взглядов (в многообразных формах), разработке, принятию и исполнению нормативно-правовых актов, касающихся расследования преступлений и разрешения уголовных дел.

Сущностью уголовно-процессуальной политики являются общественные отношения, выражающиеся в совокупности взаимодействий ее субъектов, а содержание заключается в том, что такие взаимодействия касаются расследования преступлений и разрешения уголовных дел.

Следующий аспект, требующий внимания, касается определения точки отсчета в периодизации современной отечественной уголовно-процессуальной политики.

Обычно начало любого периода в истории связывают с каким-то событием, например: отдельные ученые в качестве точки отсчета современного этапа как истории развития государства [1, с. 107], так и истории развития отечественного уголовного законодательства и права связывают с 1991 годом – годом «рождения новой России» [2, с. 74], некоторые – с 1996 годом, годом принятия нового УК РФ [3, с. 118].

Что касается уголовно-процессуальной политики, то такой точкой отсчета следует считать 2002 год – год вступления в силу нового на тот момент и ныне действующего УПК РФ.

Во-первых, принятие УПК РФ 2001 года и вступление его в силу в 2002 году ознаменовали смену типа (модели) уголовного судопроизводства. Статья 15 УПК РФ впервые на законодательном уровне закрепила состязательность как принцип уголовного процесса.

Во-вторых, впервые в истории отечественного уголовно-процессуального законодательства целью судопроизводства стала защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ). Эта ценностная переориентация с публично-карательной парадигмы на правозащитную является сущностной характеристикой современного этапа уголовно-процессуальной политики.

Таким образом, 2002 год является не календарной, а содержательной точкой отсчета, поскольку знаменует собой смену парадигмы уголовного судопроизводства и, соответственно, переформатирование всей системы уголовно-процессуальной политики. Предшествующий период (советский и ранний постсоветский) характеризовался иной системой приоритетов, иной моделью процесса, иными взаимоотношениями его субъектов, что не позволяет рассматривать его как часть современной уголовно-процессуальной политики без существенных оговорок.

Любая политика, в том числе и уголовно-процессуальная, формируется под воздействием комплекса факторов политического, экономического, социального характера [4, с. 74–75; 5, с. 101; 6, с. 20].

Например, к социальным факторам обычно относят социальную структуру общества, демографические характеристики общества, общественное мнение, уровень образования населения, социокультурные тенденции и др. [4, с. 276; 7, с. 37; 8], а к экономическим – темпы инфляции, уровень занятости населения, стабильность экономики, валютный курс и др. [9]

К политическим факторам, как правило, относят форму государственного устройства, форму государственного правления, тип партийной системы, политический курс и др. [4, с. 157–166; 10, с. 37]. Значение воздействия первых двух факторов на уголовно-процессуальную политику современной России определить достаточно сложно. Если бы она начала формироваться в рамках, предположим, унитарного государства, а продолжила – в рамках федеративного или, допустим, первые шаги уголовно-процессуальная политика сделала в условиях парламентской республики, а продолжила – в условиях президентской, то тогда можно было бы оценить степень влияния на нее смены форм государственного устройства или государственного правления.

Что касается партийной системы государства, то надо заметить, что она стала многопартийной еще в период существования СССР с 1990 года, то есть существовала на протяжении всего периода формирования отечественной уголовно-процессуальной политики, при этом вектор развития последней кардинально не менялся.

Существуют и иные политические факторы, оказывающие более заметное влияние на уголовно-процессуальную политику, например объективная необходимость международного сотрудничества в области уголовного судопроизводства.

Международное сотрудничество с иностранными государствами в этой области является одной из составляющих уголовно-процессуальной политики современной России, что отразилось, в свою очередь, на уголовно-процессуальном праве, элементами которого являются ратифицированные посредством соответствующих федеральных законов международные договоры, УПК РФ.

Взятый курс на создание правового государства предопределил законодательное закрепление основных прав и свобод человека и гражданина, в том числе право свободного передвижения и выбора места жительства и пребывания[1].

Право на свободу передвижения и выбора места жительства не нашло своего отражения ни в Конституциях СССР 1924, 1936, 1977 годов, ни в Конституциях РСФСР и бывших союзных республик. Долгое время процедуры выезда из СССР и въезда в СССР регулировались различными подзаконными актами, например Положением о въезде в Союз Советских Социалистических республик и о выезде из Союза Советских Социалистических республик, утвержденным Постановлением Совета министров СССР от 22.09.1970 № 801[2].

Въезд в страну и выезд из нее по частным делам теоретически были возможными, но осуществить это на практике было очень сложно ввиду наличия большого коли-

[1] Девятнадцатая Всесоюзная конференция коммунистической партии Советского Союза. Москва. 28 июня – 1 июля 1988 г. Резолюции конференции. О демократизации советского общества и реформе политической системы. Электронная библиотека исторических документов. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/446875-devyatnadtsataya-vsesoyuznaya-konferentsiya-kommunisticheskoy-partii-sovetskogo-soyuza-moskva-28-iyunya-locale-nil-1-iyulya-1988-g-rezolyutsii-konferentsii-o-demokratizatsii-sovetskogo-obschestva-i-reforme-politicheskoy-sistemy (дата обращения: 29.04.2026).

[2] Об утверждении Положения о въезде в Союз Советских Социалистических Республик и о выезде из Союза Советских Социалистических Республик: постановление Совета Министров СССР от 22 сентября 1970 г. № 801. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

чества причин для отказа по надуманным основаниям, поэтому только относительно небольшая часть граждан выезжала за границу, как правило в социалистические страны, в качестве туристов или в командировку. Закон от 20.05.1991 № 2177-1 «О порядке выезда из Союза Советских Социалистических Республик и въезда в Союз Советских Социалистических Республик граждан СССР»[3], действующий на территории Российской Федерации и после распада СССР вплоть до августа 1996 года, предоставил гражданам свободу передвижения, которые теперь могли выезжать по собственной инициативе в любую страну практически без ограничений.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 28.01.1993 № 73 «О мерах по обеспечению права граждан Российской Федерации на свободный выезд за ее пределы, беспрепятственное возвращение и совершенствование порядка командирования работников за границу» были отменены выездные визы и разрешена свободная выдача загранпаспортов[4].

Согласно ст. 27 Конституции РФ, «каждый, кто законно находится на территории РФ, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства; каждый может свободно выезжать за пределы РФ; гражданин РФ имеет право беспрепятственно возвращаться в РФ». Эти положения соответствуют требованиям Всеобщей декларации прав человека, Международного пакта о гражданских и политических правах.

Положения ст. 27 Конституции РФ нашли свое развитие в Федеральном законе «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 15.08.1996 № 114-ФЗ[5] и в других нормативно-правовых актах.

Упрощение процедур выезда-въезда не только позволило гражданам, лицам без гражданства относительно легко перемещаться через государственную границу в другие страны на длительный период либо на постоянное место жительства, а также развиваться различным направлениям международного туризма, но и способствовало стимулированию эмиграционно-иммиграционной активности криминализированных групп населения Российской Федерации, бывших союзных республик, стран дальнего зарубежья, в т. ч. занимающихся выводом денег из страны, полученных преступным путем; закреплению на территории Российской Федерации транснациональной преступности, в том числе террористического характера, а также связанной с незаконным оборотом наркотиков, оружия и т. д.

Связь между эмиграционно-иммиграционной активностью криминализированных групп и активизацией международного сотрудничества в области уголовного судопроизводства является очевидной. Поскольку борьба с такой преступностью только лишь на национальных уровнях является неэффективной (так как фигуранты и доказательства рассредоточены по разным странам), государства вынуждены объединять свои усилия в этой борьбе, то есть активизация международного сотрудничества является своего рода ответной реакцией на активность криминализированных групп.

В начале 1990-х в России еще не была сформирована четкая уголовно-процессуальная политика в сфере международного взаимодействия по уголовным де-

---

[3] О порядке выезда из Союза Советских Социалистических Республик и въезд в Союз Советских Социалистических Республик граждан СССР: закон СССР от 20 мая 1991 г. № 2177-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] О мерах по обеспечению права граждан Российской Федерации на свободный выезд за ее пределы и беспрепятственное возвращение и совершенствованию порядка командирования работников за границу: постановление Правительства Рос. Федерации от 28 января 1993 г. № 73. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: Федер. закон Рос. Федерации от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

лам. Нормативная база практически отсутствовала: договорная основа была установлена лишь с 19 странами[6].

Единственной нормой уголовно-процессуального законодательства, в которой упоминалось международное сотрудничество, была статья 32 УПК РСФСР «Порядок сношения судов, прокуроров, следователей, органов дознания с соответствующими учреждениями иностранных государств»[7], однако она являлась бланкетной, так как не отражала заявленный «порядок сношений», а отсылала к положениям заключенных международных договоров.

Думается, что такое положение объясняется отсутствием острой необходимости в международном сотрудничестве в области уголовного судопроизводства вследствие наличия информационного и политического барьеров, которые долгое время изолировали СССР от большинства стран мира.

Смена политического курса, вследствие чего значительно упростились процедуры пересечения государственной границы как в одну, так и в другую стороны, имела и некоторые негативные последствия, о которых было указано выше. Это явилось причиной изменения уголовно-процессуальной политики в части международного сотрудничества в области уголовного судопроизводства, которое выражалось в интенсификации процесса правового регулирования в этой сфере, правда не на внутригосударственном уровне, а только на межгосударственном.

В 90-е годы стали активно заключаться двусторонние и многосторонние договоры о таком сотрудничестве, которые носили традиционно комплексный характер. Например, были заключены двусторонние договоры о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам с Китаем, Ираном и т. д. либо по гражданским, семейным и уголовным делам с Кыргызстаном, Молдовой и др.

Ярким примером многосторонних договоров, заключенных в этот период, являются Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 г.[8], Протокол к обозначенной Конвенции[9] и др.

К середине 90-х годов такие формы международного сотрудничества, как выдача лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, передача уголовного судопроизводства, взаимная правовая помощь по уголовным делам, передача осужденных для отбывания наказания, дифференцировались в самостоятельные направления в силу того, что каждая из них имела свою специфическую правовую природу и индивидуальное содержание.

В мировой практике сформировался порядок урегулирования каждого из направлений международного сотрудничества отдельным договором, тем более что к этому времени уже были выработаны модели регулирования таких направлений, например: в Типовом договоре о выдаче, в Типовом договоре о взаимной помощи в области уголовного правосудия и его факультативном протоколе, касающемся доходов от преступлений, в Типовом договоре о передаче уголовного судопроизводства, приня-

---

[6] Данные с официального сайта Министерства юстиции Российской Федерации. URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/perechen-soglashenij (дата обращения: 18.08.2026).

[7] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[8] Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: заключена в г. Минске 22 января 1993 г. (вступила в силу для Российской Федерации 10 декабря 1994 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[9] Протокол к Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: офиц. сайт. URL: https://docs.cntd.ru/document/901772284 (дата обращения: 17.08.2026).

тых резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1990 № 45/116[10], № 45/117[11], № 45/118[12] соответственно и др.

Россия также начала заключать преимущественно такие договоры, например: двусторонние договоры с республикой Индией о выдаче 1998 года, с республикой Индией о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 1998 года, с Канадой о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 1997 года, с Королевством Испания о передаче для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы от 1998 года и др.

В качестве многосторонних договоров можно указать: Дополнительный протокол к Конвенции о передаче осужденных лиц от 1997 года, Конвенцию о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания от 1998 года и т. д.

Так как круг договорных обязательств стал расширяться при неизменности цели – осуществление эффективного правосудия с сохранением суверенитета сторон, то для того, чтобы цель была достигнута, а обязательства выполнены, требовалось закрепление механизмов реализации последних в национальном законодательстве, регулирующем уголовно-процессуальную деятельность, поэтому международное сообщество пришло к выводу о необходимости формирования в странах своей внутригосударственной правовой базы, что многие страны, включая Россию, осуществили.

Таким образом, формирование Российской уголовно-процессуальной политики в области международного сотрудничества стало осуществляться не только на межгосударственном уровне, как и ранее, но и на внутригосударственном посредством санкционирования норм национального уголовно-процессуального права и их совершенствования, закрепляющих механизмы реализации обязательств при различных формах и основаниях международного сотрудничества.

В 2002 году стал действовать новый УПК РФ, в который разработчиками был включен раздел «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства». В период с 2002 года по настоящее время многократно вводились поправки в этот раздел УПК РФ.

В Рекомендации относительно международного сотрудничества в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития принятой Резолюции Генеральной Ассамблеи от 14.12.1990 № 45/107[13] говорится о необходимости выполнения в полном объеме обязательств, вытекающих их международных договоров, и пересмотра национальных законодательств в сфере уголовного судопроизводства с тем, чтобы обеспечить их соответствие современным международным требованиям с учетом изменяющихся обстоятельств.

Важными дополнениями и изменениями последнего десятилетия явились следующие: Федеральным Законом от 05.12.2017 № 387-ФЗ[14] была введена новая глава 55.1 «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с признанием и принудительным исполнением приговора, постановлением суда иностранного государства в части конфискации находящихся на территории РФ доходов, полученных

---

[10] Типовой договор о выдаче: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. № 45/116. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант.ру».

[11] Типовой договор о взаимной помощи в области уголовного правосудия: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. № 45/117. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант.ру».

[12] Типовой договор о передаче уголовного судопроизводства: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. № 45/118. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант.ру».

[13] Международное сотрудничество в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. № 45/107. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант.ру».

[14] О внесении изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон Рос. Федерации от 5 декабря 2017 г. № 387-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант.ру».

преступным путем»; Федеральным законом от 22.04.2004 № 85-ФЗ[15] были внесены существенные изменения в главу 55, которая регулирует передачу лица, осужденного к лишению свободы для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является, передачу исполнения наказания, не связанного с лишением свободы, а также применения условного осуждения или отсрочки отбывания (исполнения) наказания в государство, гражданином которого является осужденный.

Направлениями правовой помощи являются международный розыск, арест, конфискация доходов, полученных преступным путем, в связи с чем положительным моментом является тот факт, что вопросы ее реализации нашли свое отражение в УПК РФ в 2017 году.

Некоторые юристы, в частности А. Антонов, считает, что международный розыск, арест, конфискация доходов, полученных преступным путем, являются принципиально новым самостоятельным институтом[16]. Подтверждением обоснованности данной позиции является наличие устойчивой совокупности соответствующих процессуально-правовых норм в национальном законодательстве (ст. 473.1–473.7 УПК РФ).

Однако анализ текстов двусторонних международных договоров о правовой помощи по уголовным делам, в том числе периода конца 90-х годов, например: с Канадой от 1997 г., с США от 1999 г., а также более поздних, например: с Японией от 2009 г., с Панамой от 2009 г., с ОАЭ от 2014 г., с Алжиром от 2017 г., с Филиппинами от 2017 г., с Камбоджей от 2019 г., с Индонезией от 2019 г., со САР Гонконг КНР от 2021 г., с Сирией от 2022 года и др. – показал, что во всех случаях международный розыск, арест, конфискация доходов, полученных преступным путем, перечислены среди прочих видов правовой помощи в разделе «объем правовой помощи».

В настоящее время к формам международного сотрудничества в области уголовного судопроизводства можно отнести как упомянутые и ставшие уже традиционными – выдачу лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, передачу уголовного судопроизводства, взаимную правовую помощь по уголовным делам, передачу осужденных для отбывания наказания, так и появившиеся не так давно межгосударственные следственные группы в рамках расследования преступлений.

Выводы:

1) активизация международного сотрудничества в области уголовного судопроизводства, начавшаяся в 1990-е годы, стала одним из факторов политического характера, оказавшим влияние на формирование современной уголовно-процессуальной политики;

2) либерализация миграционного режима в 1990-е годы, с одной стороны, расширила права граждан, а с другой – потребовала развития международных механизмов противодействия транснациональной преступности;

3) формирование нормативной базы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства осуществлялось фактически от полного отсутствия регламентации в УПК РСФСР до создания комплексного раздела в УПК РФ 2002 года, который продолжает развиваться через внесение соответствующих изменений и дополнений.

---

1. Столярова Н. В. Проблемные вопросы периодизации отечественной истории // Вестник Самарского юридического института. 2013. № 3(11). С. 104–107.

---

[15] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 22 апреля 2024 г. № 85-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант.ру».

[16] Антонов А. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства. Адвокатское бюро «Антонов и партнеры. URL: https://pravo163.ru/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-v-sfere-ugolovnogo-sudoproizvodstva/?ysclid=mt8ma40hgs321532308 (дата обращения: 10.07.2026).

2. Дроздова Н. Ю. К вопросу об этапах развития уголовного законодательства России // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 71–75.
3. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Этапы развития современной уголовной политики // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3(99). С. 117–126.
4. Грушин Ф. В. Система факторов, определяющих развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2018. 630 с.
5. Ляхов Ю. А. Сущность и тенденции развития уголовно процессуальной политики Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 1994. 314 с.
6. Баранов А. М. Уголовно-процессуальная политика России: вчера, сегодня, завтра // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 3(17). С. 16–22.
7. Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. Журнал ВШЭ. 2008. № 2. С. 37–67.
8. Borg I., Groenen P. J. F. Modern multidimensional scaling: Theory and applications, 2nd ed. New York: Springer-Verlag, 2005. URL: https://core.ac.uk/download /pdf/6305031.pdf (дата обращения: 17.08.2025).
9. Тарасов А. А., Шарипова А. Р., Кострова М. Б. [и др.] Реализация уголовной политики: современные проблемы уголовного и уголовно-процессуального правотворчества, правоприменения и кадрового обеспечения: монография / под общей редакцией доктора юридических наук, профессора А. А. Тарасова. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: Юстиция, 2017. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_009377379 (дата обращения: 18.08.2025).
10. Гришнова Е. Е. Политическая система Российской Федерации: теория и практика формирования, тенденции развития: автореф. дис. … д-ра полит. наук. М., 2010. 46 с.

1. Stolyarova N. V. Problemny`e voprosy` periodizacii otechestvennoj istorii // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2013. № 3(11). S. 104–107.
2. Drozdova N. Yu. K voprosu ob e`tapax razvitiya ugolovnogo zakonodatel`stva Rossii // Vestnik e`konomicheskoj bezopasnosti. 2020. № 2. S. 71–75.
3. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. E`tapy` razvitiya sovremennoj ugolovnoj politiki // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 3(99). S. 117–126.
4. Grushin F. V. Sistema faktorov, opredelyayushhix razvitie ugolovno-ispolnitel`noj politiki i ugolovno-ispolnitel`nogo zakonodatel`stva: dis. ... d-ra yurid. nauk. Ryazan`, 2018. 630 s.
5. Lyaxov Yu. A. Sushhnost` i tendencii razvitiya ugolovno processual`noj politiki Rossijskoj Federacii: dis. … d-ra yurid. nauk. Rostov n/D., 1994. 314 s.
6. Baranov A. M. Ugolovno-processual`naya politika Rossii: vchera, segodnya, zavtra // Sibirskie ugolovno-processual`ny`e i kriminalisticheskie chteniya. 2017. № 3(17). S. 16–22.
7. Shvarcz Sh. Kul`turny`e cennostny`e orientacii: priroda i sledstviya nacional`ny`x razlichij // Psixologiya. Zhurnal VShE`. 2008. № 2. S. 37–67.
8. Borg I., Groenen P. J. F. Modern multidimensional scaling: Theory and applications, 2nd ed. New York: Springer-Verlag, 2005. URL: https://core.ac.uk/download/pdf/ 6305031.pdf (data obrashheniya: 17.08.2025).
9. Tarasov A. A., Sharipova A. R., Kostrova M. B. [i dr.] Realizaciya ugolovnoj politiki: sovremenny`e problemy` ugolovnogo i ugolovno-processual`nogo pravotvorchestva, pravoprimeneniya i kadrovogo obespecheniya: monografiya / pod obshhej redakciej doktora

yuridicheskix nauk, professora A. A. Tarasova. Izd. 2-e, ispr. i dop. Moskva: Yusticiya, 2017. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_009377379 (data obrashheniya: 18.08.2025).
10. Grishnova E. E. Politicheskaya sistema Rossijskoj Federacii: teoriya i praktika formirovaniya, tendencii razvitiya: avtoref. dis. … d-ra polit. nauk. M., 2010. 46 s.

Информация об авторе

Мира Николаевна Таршева. Старший преподаватель кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Mira N. Tarsheva. Senior Teacher at the Chair of Criminal Procedure, Candidate of sciences (Law).
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova St., 2.

Статья поступила в редакцию 22.07.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 22.07.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 343.9

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ УГРОЗ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Тихомирова Ольга Геннадьевна
Санкт-Петербургский Университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

olgapimakova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию международно-правовых стандартов в сфере отправления правосудия в отношении несовершеннолетних и проблем их имплементации в законодательство Российской Федерации. Автор анализирует такие ключевые международные акты, как Конвенцию Организации Объединенных Наций о правах ребенка 1989 года, Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, известные как «Пекинские правила» 1985 года, Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних, принятые в 1990 году, Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, 1990 года, Рекомендации Комитета министров Совета Европы № CM/Rec (2008)11. В работе выявлены системные проблемы реализации международных стандартов в законодательстве Российской Федерации. На основе анализа решений Европейского суда по правам человека обосновывается необходимость внедрения ювенальных технологий и совершенствования уголовно-процессуального законодательства в части расширения процессуальных гарантий прав несовершеннолетних, усиления роли социальных служб и закрепления принципа ограничения гласности и обеспечения конфиденциальности.

Ключевые слова: несовершеннолетние, международные стандарты, ювенальная юстиция, Европейский суд по правам человека, ювенальные технологии, процессуальные гарантии.

Для цитирования: Тихомирова О. Г. Международно-правовые стандарты расследования преступлений несовершеннолетних в условиях новых угроз: вызовы современности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 423–431.

INTERNATIONAL LEGAL STANDARDS FOR INVESTIGATING JUVENILE CRIMES IN THE CASE OF NEW THREATS: MODERN CHALLENGES

Olga G. Tikhomirova
Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, St. Petersburg, Russia

olgapimakova@yandex.ru

Annotation. The article is devoted to the study of international legal standards in the field of juvenile justice and the problems of their implementation in the legislation of the Russian Federation. The author analyzes such key international instruments as the United Nations Convention on the Rights of the Child of 1989, the United Nations

Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice, known as the «Beijing Rules» of 1985, the United Nations Guidelines for the Prevention of Juvenile Delinquency, adopted in 1990, the UN Rules for the Protection of Minors Deprived of their Rights. Freedom 1990, Recommendations of the Committee of Ministers of the Council of Europe no. CM/Rec (2008)11. The paper identifies systemic problems of the implementation of international standards in the legislation of the Russian Federation. Basing on the analysis of the decisions of the European Court of Human Rights, the author substantiates the need to introduce juvenile technologies and improve criminal procedure legislation in terms of expanding procedural guarantees for the rights of minors, strengthening the role of social services and consolidating the principle of limiting publicity and ensuring confidentiality.

Keywords: minors, international standards, juvenile justice, European Court of Human Rights, juvenile technologies, procedural guarantees.

For citation: Tikhomirova O. G. International legal standards for investigating juvenile crimes in the case of new threats: modern challenges // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 3(108). P. 423–431.

Правосудие в отношении несовершеннолетних, основанное на международных стандартах, претерпевает существенные изменения. Целью международных норм, регулирующих судопроизводство в отношении несовершеннолетних, является создание благоприятных условий для установления причин преступления и поиска оптимально эффективных мер воздействия с учетом конкретных данных о личности несовершеннолетнего для достижения его социальной реабилитации в обществе [1, с. 201].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью упорядочивания российского уголовно-процессуального законодательства с международными стандартами, а также потребностью в выработке единых подходов к расследованию преступлений с участием несовершеннолетних. Доктрина ювенальной юстиции исходит из того, что уголовное преследование в отношении несовершеннолетних не должно сводиться к карательной репрессии. Напротив, оно должно быть направлено на их ресоциализацию и возвращение к законопослушной жизни.

Данный подход находит свое закрепление в системе международных правовых актов, регламентирующих расследование уголовных дел в отношении несовершеннолетних, среди которых ключевое место занимают Конвенция Организации Объединенных Наций (далее – ООН) о правах ребенка 1989 года[1], Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, известные как «Пекинские правила» 1985 года[2], Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних, принятые в 1990 году[3], Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, 1990 года[4], Рекомендации Комитета министров Совета Европы № CM/Rec(2008)11 («Европейские

[1] Конвенция о правах ребенка: принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 25.06.2026).

[2] Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/33 от 10 декабря 1985 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 25.06.2026).

[3] Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы): приняты резолюцией 45/112 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_deinquency_prevention.shtml (дата обращения: 25.06.2026).

[4] Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы: приняты резолюцией 45/113 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_liberty.shtml (дата обращения: 25.06.2026).

правила для несовершеннолетних правонарушителей, к которым применены санкции или ограничительные меры уголовно-правового характера»)[5].

Конвенция ООН о правах ребенка закрепляет запрет пыток и жестокого обращения, правило о применении ареста и лишения свободы только в качестве крайней меры и на минимальный срок, а также право несовершеннолетнего на справедливое слушание, презумпцию невиновности и участие защитника. Согласно некоторым положениям «Пекинских правил» на всех этапах производства по уголовным делам, связанным с расследованием преступлений в отношении несовершеннолетних, должны быть соблюдены главные принципы и гарантии: соразмерности, конфиденциальности, право на участие защитника и родителей, а также содержание под стражей в исключительных случаях. Данные международные акты устанавливают обязанности государства обеспечивать безотлагательное рассмотрение уголовных дел в отношении несовершеннолетних, а также гарантируют защиту их права на конфиденциальность на всех этапах производства по уголовному делу.

Эр-Риядские руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних закрепляют приоритет профилактического подхода в обращении с несовершеннолетними. Документ провозглашает, что предупреждение правонарушений должно осуществляться через вовлечение молодежи в социально полезную деятельность и воспитание гуманистических ценностей, а не через ужесточение мер контроля. Недопустимость криминализации поступков, не представляющих серьезной общественной опасности, признание семьи и школы основными институтами социализации, а также приоритет общинных служб над официальными учреждениями социального контроля являются ключевыми положениями. В руководящих принципах справедливо отмечено, что при решении проблем, связанных с подростковым возрастом, вмешательство государства должно быть минимальным и применяться в крайних случаях.

Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы (Гаванские правила), устанавливают минимальные стандартные правила обращения с несовершеннолетними, находящимися в условиях изоляции. Документ закрепляет, что лишение свободы должно назначаться как крайняя мера наказания и на минимальный срок. Правила детально регламентируют условия содержания несовершеннолетних, обязательными элементами которых является подготовка к освобождению и ресоциализация, а также запрет жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения.

Европейские правила для несовершеннолетних правонарушителей, к которым применены санкции или ограничительные меры уголовно-правового характера**,** закрепляют приоритет воспитательных мер над карательными и устанавливают, что лишение свободы должно быть крайней мерой. Документ гарантирует права несовершеннолетних на образование, медицинскую помощь, связь с семьей и конфиденциальность, а также запрещает жестокие и унижающие достоинство виды наказания.

Комплексный анализ показывает, что законодательство РФ в целом соответствует международным стандартам защиты прав несовершеннолетних. Вместе с тем в правоприменительной практике сохраняются определенные сложности, связанные с реализацией отдельных процессуальных гарантий, включая обеспечение конфиденциальности и применение восстановительных мер. В связи с этим возникает необходимость дальнейшего совершенствования механизмов имплементации международно-правовых норм в уголовное судопроизводство России [2, с. 42].

---

[5] О Европейских правилах для несовершеннолетних правонарушителей, по отношению к которым применены санкции или ограничительные меры уголовно-правового характера: рекомендация № CM/Rec (2008)11 Комитета министров Совета Европы (принята 05.11.2008 на 1040-ом заседании заместителей министров). URL: https://e-ecolog.ru/docs/0bnzmU-WFDBpt_HO8t1YZ (дата обращения: 25.06.2026).

Анализ практики Европейского суда по правам человек (далее – ЕСПЧ) свидетельствует о признании за несовершеннолетними права на самостоятельное обращение в судебные инстанции независимо от наличия у них полной гражданской дееспособности. Вместе с тем положения УПК РФ, напротив, не наделяют несовершеннолетнего статусом самостоятельного субъекта уголовного судопроизводства, что создает определенное противоречие между внутригосударственным регулированием и подходами, выработанными в практике ЕСПЧ.

Определенный интерес представляет выявление соответствия международно-правовых стандартов положениям уголовно-процессуального законодательства РФ в сфере реализации ускоренных форм уголовного судопроизводства по делам о преступлениях, совершаемых несовершеннолетними. Стандарты ориентируют нас на упрощение процедуры расследования и судебного разбирательства. Пекинские правила устанавливают, что любое уголовное дело целесообразно «вести» быстро, не допуская «задержек». Введение института дознания в сокращенной форме стало значимым шагом в реализации международных стандартов, ориентирующих на ускорение уголовного судопроизводства. Однако законодатель, учитывая интересы несовершеннолетнего, прямо указал, что правила о дознании в сокращенной форме к таким лицам не применяются (п. 1 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ). Как справедливо отмечают М. Е. Клюкова и А. Ю. Верин, подобное исключение лишает несовершеннолетних доступа к упрощенному производству, несмотря на то что расследование в кратчайшие сроки могло бы положительно сказаться на их дальнейшей ресоциализации. В результате возникает ситуация, при которой одна из наиболее уязвимых категорий участников процесса оказывается вне сферы применения ускоренных сроков расследования, что, по мнению указанных авторов, требует законодательного пересмотра [3, с. 234]. Аналогичной позиции придерживаются и другие процессуалисты, полагающие, что ускоренные формы расследования при наличии надлежащих процессуальных гарантий могут быть адаптированы для производства по уголовным делам несовершеннолетних [4, с. 28–35].

Принцип гласности, являющийся одним из основополагающих начал уголовного судопроизводства по уголовным делам, связанным с расследованием в отношении несовершеннолетних, вступает в определенное противоречие с необходимостью защиты их личности от нежелательной огласки. В связи с этим в доктрине ювенальной юстиции обоснованно ставится вопрос о разумном сочетании гласности и конфиденциальности как о взаимодополняющих элементах. Еще И. Я. Фойницкий в своих научных трудах обращал внимание на то, что гласность судопроизводства создает в глазах несовершеннолетних ложный ореол преступления, преувеличивает значение преступной деятельности и увлекает подростков в привычную преступность. Торжественность судебного процесса нередко служит возвеличиванию преступления и возбуждает стремление к ложной славе между преступниками. Гласность судебного разбора превращает зал суда как бы в школу преступлений. Поэтому важным представляется упрощение судебного следствия и сглаживание обрядовой стороны судебного разбирательства до сведения ее к свободной беседе судьи с обвиняемым [5, с. 504–507].

Обеспечение конфиденциальности в судебных процессах, проводимых с участием несовершеннолетних, является не просто формальной гарантией, а необходимым условием для сохранения их психического здоровья и успешной реинтеграции в общество. Напротив, излишняя открытость таких судебных разбирательств может привести к закреплению негативного социального «ярлыка», что во многих случаях оказывается более разрушительным, чем само наказание. Международные стандарты в данном направлении задают четкие ориентиры. Так, правило 8 Минимальных стандартных правил ООН, касающееся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), закрепляет, что право на конфиденциальность информации о несовершеннолетнем подозреваемом, обвиняемом, подсудимом должно обеспечи-

ваться на всех стадиях процесса, чтобы избежать причинения несовершеннолетнему вреда и ущерба его репутации.

Аналогичные положения содержатся и в Рекомендациях № CM/Rec (2008)11 Комитета министров Совета Европы, в которых подчеркивается, что право несовершеннолетнего на конфиденциальность должно полностью соблюдаться на всех стадиях судопроизводства, а личность несовершеннолетних и конфиденциальная информация о них и их семьях не должны быть доступными другим лицам. В развитие этих положений Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» разъясняет необходимость обеспечения конфиденциальности информации о несовершеннолетнем подозреваемом, обвиняемом, подсудимом на всех стадиях уголовного процесса. В УПК РФ также содержится ряд положений, направленных на ограничение действия принципа гласности в производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними. Например, проведение закрытого судебного разбирательства в целях предотвращения разглашения сведений о личности несовершеннолетнего (ст. 241 УПК РФ).

Таким образом, анализ действующего законодательства позволяет констатировать, что в УПК РФ отсутствует самостоятельный принцип конфиденциальности применительно к производству по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними. Закрепленные нормы носят фрагментарный характер и не образуют системного правового института. Следуя международно-правовым стандартам и учитывая особую уязвимость несовершеннолетних, считаем целесообразным закрепить принцип ограничения гласности и обеспечения конфиденциальности. Необходимо не только ввести такой принцип, закрепить его в уголовно-процессуальном законодательстве, важно наполнить его реальным содержанием, сформировав основные положения закона, которые и будут составлять его элементы, составные части [6, с. 122].

Проблема соблюдения конфиденциальности в отношении несовершеннолетних неоднократно становилась предметом рассмотрения Европейского суда по правам человека, правовые позиции которого формируют важные ориентиры для национальных правовых систем. В деле «Зинатуллин против России»[6] ЕСПЧ постановил, что права заявителя, который, будучи несовершеннолетним, получил травмы из-за случайного падения в недостроенном муниципальном здании, были нарушены. В июне 2008 года 15-летний Рамазан Зинатуллин упал с лестничного пролета между этажами недостроенного здания, получив телесные повреждения различной степени тяжести. В дальнейшем после длительного лечения ему была оформлена инвалидность. Органами предварительного расследования неоднократно было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Мать пострадавшего обжаловала принятые в процессуальном порядке решения, но дело возбуждено не было. В результате Европейский суд по правам человека подчеркнул, что органы государственной власти должны принять все необходимые меры для эффективного расследования обстоятельств причинения вреда несовершеннолетнему[7].

---

[6] Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 10(2020) (подготовлен Верховным Судом РФ). URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browsr%3A%2F%2F4DT1uXEPRrJRXlUFoewruONjSoz7_3ye6MRqTnucEA15r47icTxvaHPglHtr9baZ0Ljq0Au58SAw4vbhTYrtUKBPqDl-koM5YBm7xztspy2sg8k58D9PxaS-ALxCkZRur38VGmFksDZbSTvwYys6SQ%3D%3D%3Fsign%3DTNu8ki_JdQISaG8VzUPoXVxBE50aiipdB_T_fjtm-5g%3D&name=10551.docx&nosw=1 (дата обращения: 26.05.2026).

[7] Постановление ЕСПЧ от 16 июля 2020 г. по делу «Горбачев против России» (жалоба № 12345/18). URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/documents/postanovleniya_espch/1674576-e5956885 (дата обращения: 25.06.2026).

Тема соблюдения прав несовершеннолетних также имеет актуальное значение при расследовании уголовных дел по преступлениям против половой свободы и половой неприкосновенности личности. Так, по уголовному делу, где потерпевшей была признана девочка-подросток, ЕСПЧ установил, что при производстве предварительного следствия допущены существенные нарушения норм законодательства. Производство многочисленных допросов, проверок показаний на месте, очных ставок способствовало возникновению у последней депрессии, психологического истощения и длительному лечению в психиатрическом стационаре. Суд пришел к выводу, что имело место жестокое обращение со стороны государства РФ. Таким образом нарушена одна из статей Европейской конвенции, запрещающих пытки. Суд постановил возместить потерпевшей материальный и моральный вред в размере 33 000 евро. Однако выплата компенсации не была произведена, так как Россия с мая 2022 года в одностороннем порядке отказалась исполнять решения ЕСПЧ, не вступившие в силу до 16 марта 2022 года[8].

Значимой проблемой является также практика помещения несовершеннолетних в закрытые учебно-воспитательные учреждения без надлежащих процессуальных гарантий. В деле «Блюдик против России» ЕСПЧ указал на отсутствие в законодательстве РФ ответственности государства за незаконное помещение подростков в специализированные учреждения. В 2002 году после развода родителей девочка К. осталась проживать с отцом. В 2007 году, когда ей исполнилось 15 лет, она перестала посещать школу и часто убегала из дома. По заявлению матери девушку поместили в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, а затем по решению Кировского районного суда г. Махачкалы ее направили в закрытое учебное заведение для несовершеннолетних в г. Покрове Владимирской области, находящееся в 2500 км от г. Махачкалы. Суд мотивировал свое решение тем, что К. вела антисоциальный и аморальный образ жизни. Впоследствии Президиум Верховного Суда Республики Дагестан отменил это решение как незаконное и необоснованное, указав, что основания для помещения К. в специализированное учреждение отсутствовали. Отец девочки не смог получить компенсацию морального вреда за незаконное содержание дочери в спецучреждении. ЕСПЧ пришел к выводу, что формулировки российского законодательства фактически лишили заявителя права на получение компенсации морального вреда в связи с незаконным помещением его дочери в закрытое учебное заведение. Также суд указал, что К. не была в статусе обвиняемой по уголовному делу, в отношении нее не было принято решение о возбуждении административного производства, а закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних от 24.06.1999 № 120-ФЗ не содержит положений о компенсации морального вреда в аналогичных случаях. С учетом изложенного Европейский суд выявил нарушение п. 5 ст. 5 и ст. 8 Конвенции[9]. Данное дело наглядно показывает нам, что изоляция несовершеннолетнего от семьи без надлежащих процессуальных гарантий и без эффективного механизма последующей компенсации вреда является нарушением международных стандартов.

В настоящее время широкое распространение и применение в судах субъектов РФ получает понятие «ювенальные технологии», под которыми понимают, по мнению Н. А. Никитиной, упорядоченную совокупность действий, основанную на последовательной полипредметной кооперации специалистов по возвращению несовершеннолет-

[8] ЕСПЧ присудил более 33 тысяч евро девочке, которая пережила ретравматизацию на допросах. URL: https://asi.org.ru/news/2023/02/08/espch-prisudil-bolee-33-tysyach-evro-devochke-kotoraya-perezhila-retravmatizacziyu-v-hode-23-doprosov (дата обращения: 26.05.2026).

[9] ЕСПЧ: российское законодательство не защищает подростков, незаконно помещенных в спецучреждения URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/espch-rossiyskoe-zakonodatelstvo-nezashchishchaet-podrostkov-nezakonno-pomeshchennykh-v-spetsuchrezhdeniya (дата обращения: 28.05.2026).

них, попавшего в сферу деятельности правосудия о несовершеннолетних, в норму взросления, включающую в себя действия по диагностике проблемы, выбору способов решения, само решение проблемы и его оценку, применяемые в некоторых случаях принудительно [7, с. 239]. Как справедливо отмечают исследователи, эффективность ювенальных технологий зависит от межведомственного взаимодействия и готовности следователя к использованию восстановительных практик [8, с. 11-17]. Таким образом, «ювенальные технологии» можно рассматривать как один из способов реализации международных стандартов. Они представляют собой комплекс действий, определяющих порядок принятия решения в конкретной следственной ситуации, и включают ряд мероприятий, направленных на профилактику противоправного поведения подростка, предупреждение повторных преступлений, реабилитацию и ресоциализацию личности несовершеннолетнего. Внедрение «ювенальных технологий» требует от органов предварительного расследования и судов не только специальных знаний, но и изменения профессионального сознания, которое заключается в переходе от карательной парадигмы к восстановительной, от формального применения закона к индивидуальному подходу с учетом особенностей личности несовершеннолетнего.

В уголовно-процессуальном законодательстве РФ предусмотрен ряд специальных гарантий прав несовершеннолетних в ходе досудебного производства по уголовному делу, которые отражены в главе 50 УПК РФ. К числу таких гарантий относится выделение в отдельное производство уголовного дела в отношении несовершеннолетнего, что призвано предотвратить вредное влияние на него взрослых участников преступления. Важнейшей гарантией является обязательное участие защитника и законного представителя с момента задержания несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого или с момента его первого допроса. Приоритет избрания меры пресечения в виде отдачи несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) под присмотр перед решением о целесообразности применения меры пресечения в виде заключения под стражу. Специальные правила допроса несовершеннолетнего с участием педагога или психолога направлены на создание комфортной психологической обстановки и обеспечение достоверности получаемых показаний. Кроме того, установлен расширенный предмет доказывания (ст. 421 УПК РФ), включающий условия жизни и воспитания, уровень психического развития, влияние старших по возрасту лиц и иные обстоятельства, позволяющие индивидуализировать ответственность и выбирать оптимальные меры воздействия. Вместе с тем ряд авторов обращает внимание на то, что участие законного представителя зачастую носит формальный характер, а его процессуальный статус требует уточнения с учетом международных стандартов [9, с. 13].

Проведенный анализ позволяет сделать выводы о том, что, во-первых, действующее российское законодательство в целом соответствует международным стандартам, однако существует ряд проблем, требующих законодательного урегулирования. Во-вторых, имплементация международных стандартов требует внедрения ювенальных технологий, ориентированных на восстановительный эффект правосудия и смену парадигмы реагирования на правонарушающее поведение несовершеннолетних: от наказания к защите прав и интересов подростка к его перевоспитанию и социализации. В-третьих, суды и следственные органы обязаны учитывать правовые позиции ЕСПЧ, согласно которым уголовное производство должно быть организовано с учетом принципа интересов ребенка, а отказ несовершеннолетнего от процессуальных гарантий возможен только при полном осознании им последствий своих действий.

---

1. Назарчук А. Г. Роль и участие законных представителей несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) в уголовном процессе // Общество и право. 2009. № 2(24). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-uchastie-zakonnyh-predstaviteley-

nesovershennoletnih-podozrevaemyh-obvinyaemyh-v-ugolovnom-protsesse (дата обращения: 22.06.2026).
2. Морозова Н. В. Проблемы совершенствования порядка обеспечения защиты прав несовершеннолетних потерпевших в уголовном судопроизводстве // Научный вестник ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 3(100). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sovershenstvovaniya-poryadka-obespecheniya-zaschity-prav-nesovershennoletnih-poterpevshih-v-ugolovnom-sudoproizvodstve (дата обращения: 25.06.2026).
3. Клюкова М. Е. О понятии несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого по УПК РФ / М. Е. Клюкова, А. Ю. Верин // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: материалы XIII Международной научно-практической конференции: в 5-и томах, Тольятти, 21–24 апреля 2016 года. Том 3. Тольятти: Волжский университет имени В. Н. Татищева (институт), 2016. С. 227–236. EDN VQJLOD.
4. Марковичева Е. В. Ускорение производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: за и против / Е. В. Марковичева // Вопросы ювенальной юстиции. 2009. № 6. С. 23–25. EDN KYLFZJ.
5. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. СПб.: Изд-во «Альфа», 1996. С. 504–507.
6. Багаутдинов Ш. Ф. Основные принципы и общие условия производства по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2022. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-printsipy-i-obschie-usloviya-proizvodstva-po-ugolovnym-delam-o-prestupleniyah-sovershennyh-nesovershennoletnimi-i-v (дата обращения: 25.06.2026).
7. Никитина Н. А. О понятии «Ювенальная технология» // Теория и практика общественного развития. 2013. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-yuvenalnaya-tehnologiya (дата обращения: 10.07.2026).
8. Маринина В. Н. Правосудие по делам несовершеннолетних в России, ювенальные технологии и профилактика преступности несовершеннолетних: сборник всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Волгоград, 25 апреля 2022 года. Волгоград: Издательско-полиграфический центр ВИУ РАНХиГС, 2022. 238 с. ISBN 978-5-7786-0858-0. EDN FCQLVG.
9. Аширбекова М. Т. О законных представителях несовершеннолетних участников уголовного процесса / М. Т. Аширбекова, В. Н. Маринина // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 3(58). С. 11–17. DOI 10.25724/VAMVD.VGHI. EDN GEPTNE.

1. Nazarchuk A. G. Rol` i uchastie zakonny`x predstavitelej nesovershennoletnix podozrevaemy`x (obvinyaemy`x) v ugolovnom processe // Obshhestvo i pravo. 2009. № 2(24). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-uchastie-zakonnyh-predstaviteley-nesovershennoletnih-podozrevaemyh-obvinyaemyh-v-ugolovnom-protsesse (data obrashheniya: 22.06.2026).
2. Morozova N. V. Problemy` sovershenstvovaniya poryadka obespecheniya zashhity` prav nesovershennoletnix poterpevshix v ugolovnom sudoproizvodstve // Nauchny`j vestnik OrYuI MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2024. № 3(100). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sovershenstvovaniya-poryadka-obespecheniya-zaschity-prav-nesovershennoletnih-poterpevshih-v-ugolovnom-sudoproizvodstve (data obrashheniya: 25.06.2026).
3. Klyukova M. E. O ponyatii nesovershennoletnego podozrevaemogo i obvinyaemogo po UPK RF / M. E. Klyukova, A. Yu. Verin // Tatishhevskie chteniya: aktual`ny`e problemy`

nauki i praktiki: materialy` XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 5-i tomax, Tol`yatti, 21–24 aprelya 2016 goda. Tom 3. Tol`yatti: Volzhskij universitet imeni V. N. Tatishheva (institut), 2016. S. 227–236. EDN VQJLOD.
4. Markovicheva E. V. Uskorenie proizvodstva po ugolovny`m delam v otnoshenii nesovershennoletnix: za i protiv / E. V. Markovicheva // Voprosy` yuvenal`noj yusticii. 2009. № 6. S. 23–25. EDN KYLFZJ.
5. Fojniczkij I. Ya. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. T. II. SPb.: Izd-vo «Al`fa», 1996. S. 504–507.
6. Bagautdinov Sh. F. Osnovny`e principy` i obshhie usloviya proizvodstva po ugolovny`m delam o prestupleniyax, sovershenny`x nesovershennoletnimi i v otnoshenii nesovershennoletnix // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «E`konomika i pravo». 2022. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-printsipy-i-obschie-usloviya-proizvodstva-po-ugolovnym-delam-o-prestupleniyah-sovershennyh-nesovershennoletnimi-i-v (data obrashheniya: 25.06.2026).
7. Nikitina N. A. O ponyatii «Yuvenal`naya texnologiya» // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2013. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-yuvenalnaya-tehnologiya (data obrashheniya: 10.07.2026).
8. Marinina V. N. Pravosudie po delam nesovershennoletnix v Rossii, yuvenal`ny`e texnologii i profilaktika prestupnosti nesovershennoletnix: sbornik vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodny`m uchastiem, Volgograd, 25 aprelya 2022 goda. Volgograd: Izdatel`sko-poligraficheskij centr VIU RANXiGS, 2022. 238 s. ISBN 978-5-7786-0858-0. EDN FCQLVG.
9. Ashirbekova M. T. O zakonny`x predstavitelyax nesovershennoletnix uchastnikov ugolovnogo processa / M. T. Ashirbekova, V. N. Marinina // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2021. № 3(58). S. 11–17. DOI 10.25724/VAMVD.VGHI. EDN GEPTNE.

Информация об авторе

Ольга Геннадьевна Тихомирова. Доцент кафедры криминалистики.
Санкт-Петербургский университет МВД России.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1.

Information about the author

Olga G. Tikhomirova. Assistant Professor of the Chair of Criminalistics, Candidate of Sciences (Law).
Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, St. Petersburg, Russia
198206, Russia, St. Petersburg, St. Pilot Pilyutov, 1.

Статья поступила в редакцию 25.08.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 25.08.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

Научная статья
УДК 343.1

ЗАОЧНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СУДЕ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕОТВРАТИМОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, УКЛОНЯЮЩИХСЯ ОТ ПРАВОСУДИЯ

Чеботарева Ирина Николаевна
Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

Cheb_irina@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется институт рассмотрения уголовного дела в суде в отсутствие подсудимого как процессуальный механизм, обеспечивающий реализацию принципа неотвратимости уголовной ответственности при уклонении подсудимого от участия в судебном разбирательстве. Изучаются основания рассмотрения уголовных дел судами первой инстанции в отсутствие подсудимого, уклоняющегося от явки в суд. Исследование основано на оценке судебной практики применения заочного судебного разбирательства в Российской Федерации на современном этапе. В результате была выявлена неоднозначность правоприменения, отсутствие ее единообразия. Автор приходит к выводу о том, что существующие проблемы обусловлены пробельностью и противоречивостью законодательства в части регулирования порядка рассмотрения уголовного дела судом при уклонении подсудимого от участия в нем.

Ключевые слова: заочное судебное разбирательство, рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого, участие в судебном разбирательстве, уклонение от явки в суд, национальная безопасность.

Для цитирования: Чеботарева И. Н. Заочное разбирательство уголовных дел в суде как процессуальный механизм обеспечения неотвратимости уголовной ответственности в отношении лиц, уклоняющихся от правосудия // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 3(108). С. 432–441.

TRIAL IN ABSENTIA OF CRIMINAL CASES IN COURT AS A PROCEDURAL MECHANISM FOR ENSURING THE INEVITABILITY OF CRIMINAL LIABILITY IN RELATION TO PERSONS EVADING JUSTICE

Irina N. Chebotareva
Southwest State University, Kursk, Russia

Cheb_irina@mail.ru

Annotation. This article analyzes the institution of trial in absentia as a procedural mechanism that ensures the inevitability of criminal liability when a defendant evades court proceedings. The article examines the grounds for considering criminal cases by courts of first instance in the absence of the defendant who evades appearing in court. The study is based on a review of current judicial practice regarding trials in absentia in the Russian Federation. This study reveals ambiguities and a lack of uniformity in the application of this law.

The author concludes that these problems stem from gaps and inconsistencies in legislation governing the procedure of trial in absentia when a defendant evades court proceedings.

Keywords: trial in absentia, consideration of a criminal case in the absence of the defendant, participation in a trial, evasion of appearance in court, national security.

For citation: Chebotareva I. N. Trial in absentia of criminal cases in court as a procedural mechanism for ensuring the inevitability of criminal liability in relation to persons evading justice // Scientific Bulletin of the Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 3(108). P. 432–441.

Принцип неотвратимости наказания за совершение преступления, согласно документам стратегического планирования обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации, гарантирует достижение государственной и общественной безопасности – основного стратегического национального приоритета нашего государства (п. 41, пп. 12 п. 47 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации)[1]. В современных геополитических условиях вопрос привлечения к уголовной ответственности лиц, уклоняющихся от правосудия, скрывающихся за рубежом, приобретает особую актуальность. Процессуальным механизмом обеспечения принципа неотвратимости уголовной ответственности в таких случаях выступает заочное рассмотрение дела в суде.

Возможность рассмотрения уголовного дела о тяжких и особо тяжких преступлениях в отсутствие подсудимого в ситуации, когда он уклоняется от правосудия в том числе за границей была введена в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) в 2006 году[2] как мера противодействия терроризму[3]. В 2025 году этот перечень был еще расширен за счет включения в него также ряда преступлений против общественной безопасности и нравственности, основ конституционного строя, безопасности государства, правосудия, порядка управления, а также мира и безопасности человечества, причиняющих вред национальным интересам Российской Федерации (всего было введено двадцать составов), относящихся к категориям небольшой или средней тяжести, представляющих собой «преступления, связанные с антироссийской деятельностью, которые в том числе совершаются дистанционно, поскольку лица, их совершающие, находятся за пределами Российской Федерации, что свидетельствует также о том, что они осмысленно рассчитывают избежать ответственности»[4].

Заочным судебным разбирательством по устоявшемуся в доктрине и практике представлению является рассмотрение уголовного дела судом в отсутствие подсудимого [1, с. 139; 2, с. 728]. Несмотря на довольно длительную историю существования данного правового института в отечественном уголовно-процессуальном праве [3; 4, с. 14], в теории уголовного процесса вопросы о понятии заочного производства, правовой природе явлений, его обусловливающих, являются дискуссионными, не нашедшими однозначного разрешения среди теоретиков. Изучение судебной практики также свиде-

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: Федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму». URL:https://sozd.duma.gov.ru/bill/282601-4 (дата обращения: 20.03.2026).

[4] Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменения в статью 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL:https://sozd.duma.gov.ru/bill/871363-8 (дата обращения: 20.03.2026).

тельствует об отсутствии единообразия в вопросах применения заочного разбирательства в отношении подсудимых, скрывающихся от уголовного правосудия как в части оснований и условий его применения, так и в части процедуры.

Указанные обстоятельства обусловливают актуальность исследования правового регулирования и практики применения заочного судебного разбирательства в отношении лиц, уклоняющихся от уголовного правосудия. В данной статье внимание будет акцентировано на изучении оснований и порядка рассмотрения уголовных дел судами первой инстанции в отсутствие подсудимого, уклоняющегося от явки в суд, их нормативно-правового регулирования и судебного правоприменения.

Современное правосудие по уголовным делам, основанное на принципах справедливости и гуманизма, презумпции невиновности и состязательности сторон, предусматривает обязательное присутствие уголовно преследуемого лица при решении судом вопроса о его виновности или невиновности, лишении или ограничении его прав. Это требование закреплено в Основном законе Российской Федерации: в соответствии с ч. 2 ст. 123 Конституции РФ заочное разбирательство уголовных дел в судах не допускается, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом. В соответствии с УПК РФ в суде первой инстанции исключением из общего правила очности являются случаи уклонения подсудимого от участия в судебном разбирательстве, предусмотренные ч. 4 и ч. 5 ст. 247 УПК РФ.

Исключительность применения заочного порядка рассмотрения дела судом, установленная законом, обусловливает редкость применения его на практике (в среднем это примерно 0,4 % от общего количества рассмотренных судами первой инстанции дел), о чем свидетельствуют данные судебной статистики (см. таблица 1).

В последние годы наметилась тенденция увеличения количества дел, рассмотренных заочно на основании ч. 5 ст. 247 УПК РФ даже без учета расширения перечня составов, по которым может быть судебное разбирательство проведено без подсудимого, в апреле 2025 года. Отсутствие на момент написания этой статьи официальных статистических данных за второе полугодие 2025 года и более поздней не позволяет оценить динамику заочных приговоров после вступления в силу изменений уголовно-процессуального закона, внесенных в апреле 2025 года. Однако на проведенном 11 декабря 2025 года Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации круглом столе, посвященном практике вынесения заочных приговоров в судебной системе Российской Федерации, старший прокурор отдела управления государственных обвинителей Главного уголовно-судебного управления Генеральной прокуратуры РФ М. М. Долгиева озвучила данные, в соответствии с которыми в 2025 году заочных приговоров судами было вынесено вдвое больше, чем в предыдущие два года, что, по ее мнению, свидетельствует уже не об исключительности, а об обыденности рассматриваемой процедуры в российских судах[5].

Анализ информации, размещенной на официальном сайте прокуратуры г. Москвы о заочно рассмотренных московскими судами уголовных дел в 2025–2026 гг., свидетельствует о том, что основную массу составляют дела о преступлениях небольшой и средней тяжести, предусмотренных ч. 2 ст. 330.1, ч. 2 ст. 207.3, ч. 2 ст. 205.2, ч. 1 284.1 и др. УК РФ. Также были заочно рассмотрены уголовные дела по обвинению лиц в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 160, 201, ч. 4 ст. 174.1, 205, 317, ч. 3 ст. 359, ч. 1 ст. 356 и др. УК РФ[6]. По всем указанным делам под-

[5] Круглый стол «Практика вынесения заочных приговоров в судебной системе Российской Федерации: перспективы законодательного регулирования». URL: http://council.gov.ru/events/news/171404 (дата обращения: 20.03.2026).

[6] Новости Прокуратуры города Москвы. Официальный сайт Прокуратуры города Москвы URL:https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_77/mass-media/news/main (дата обращения: 20.03.2026).

судимые находились за пределами Российской Федерации, уклонялись от явки в суд и были объявлены в розыск.

Таблица 1

Количество дел, рассмотренных в отсутствие подсудимого в 2020 году – первом полугодии 2025 года[7]

Год			2025 (первое полу-годие)	2024	2023	2022	2021	2020
Рассмотрено по существу с вынесением приговора, всего		дел	214 778	505 149	555 157	578 433	566 430	530 743
Рассмотрено без участия подсудимого	ч. 4 ст. 247 УПК РФ	дел	1 590	3 997	3 465	3 463	3 050	3 487
		лиц	1 641	4 046	3 353	3 534	3 130	3 559
	ч. 5 ст. 247 УПК РФ	дел	559	867	653	452	289	552
		лиц	597	900	649	465	298	565

Правовые возможности рассмотрения дела судом по существу в отсутствие подсудимого закон дифференцирует в зависимости от тяжести и вида совершенного преступления, предусматривая разные основания и условия для заочного судебного разбирательства по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести и по тяжким и особо тяжким преступлениям (ч. 4 и ч. 5 ст. 247 УПК РФ).

Основанием для рассмотрения уголовного дела заочно может быть отказ подсудимого от своего права на участие в судебном разбирательстве или ограничение его в этом праве [5, с. 65–100]. Такое понимание в целом соотносится с правовой позицией Конституционного суда РФ, который полагает, что «от права на участие в судебном заседании обвиняемый может отказаться», «кроме того, данное право может быть ограничено федеральным законом в конституционно значимых целях»[8]. Представляется, что закрепление в уголовно-процессуальном законе двух оснований для заочного судебного разбирательства обусловлено различием в их правовой природе: отказ от права на участие в судебном разбирательстве является выражением диспозитивного начала уголовного судопроизводства; ограничение субъективного права подсудимого – прояв-

[7] Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции // Судебная статистика по делам, рассматриваемым федеральными арбитражными судами, федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL:https://cdep.ru (дата обращения: 20.02.2026).

[8] По запросам Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части пятой статьи 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 12 мая 2016 г. № 1002-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

лением публичного начала. Но законодатель весьма непоследователен и противоречив в данном вопросе.

Часть 4 ст. 247 УПК РФ закрепляет возможность подсудимого отказаться от своего права участвовать в судебном разбирательстве по делам небольшой и средней тяжести при условии, что он не скрывается от суда. Часть 5 статьи 247 УПК РФ регулирует заочное производство в суде в случае, когда подсудимый уклоняется от явки в суд. Данная норма предусматривает как возможность отказа подсудимого от права участвовать в судебном разбирательстве (он имеет право заявить ходатайство о рассмотрении дела в его отсутствие), так и ограничения его права судом (по ходатайству стороны обвинения). Уклонение предполагает отсутствие уважительных причин для неявки (ими могут выступить, например болезнь, командировка, чрезвычайные обстоятельства и др.). При таких обстоятельствах присутствие подсудимого обеспечивается принудительными средствами: он доставляется приводом, в отношении него избирается мера пресечения. Уголовно-процессуальный закон не детализирует, что понимается под уклонением от явки в суд. Подсудимый может скрываться от суда (как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами), и место его нахождения правоохранительным органам может быть неизвестно, а может находиться за границей (изначально или уехать туда, скрываясь от следствия и суда). В этом случае речь идет о том, что место нахождения подсудимого известно, но его участие в рассмотрении дела невозможно ввиду того, что он не является по вызовам в суд, а применение к нему принудительных мер доставления отсутствует по объективным причинам. Необходимость ограничения права подсудимого на участие в судебном разбирательстве обусловлена отсутствием у суда и у правоохранительных органов правовых и организационных средств, позволяющих обеспечить его присутствие в суде ввиду объективных, не зависящих от степени прилагаемых ими усилий причин.

Уголовно-процессуальный закон предусматривает определенный порядок действий суда на этапе подготовки дела к судебному разбирательству и в ходе рассмотрения дела судом в случае, если подсудимый скрылся или место его нахождения известно, но возможность участия в деле отсутствует. Суд в таком случае приостанавливает производство по уголовному делу, избирает обвиняемому меру пресечения в виде заключения под стражу в соответствии с ч. 1 ст. 108 УПК РФ (если она не была избрана в отношении него ранее), возвращает уголовное дело прокурору для обеспечения его розыска (п. 4 ч. 1 ст. 238, ч. 2 ст. 238, ч. 3 ст. 253 УПК РФ). Однако, если преступление относится к категории тяжких и особо тяжких или небольшой или средней тяжести, перечисленных в ч. 5 ст. 247 УПК РФ, и одна из сторон заявит ходатайство о рассмотрении уголовного дела в отсутствие подсудимого, который скрылся от суда, и место пребывания его неизвестно или известно, но возможность его участия в деле отсутствует ввиду того, что тот находится за границей и там не привлечен к ответственности за данное преступление, дело не приостанавливается, рассматривается заочно – в отсутствие подсудимого (ч. 3 ст. 238, ч. 4 ст. 253 УПК РФ).

Таким образом, можно выделить правовое, процессуальное и фактическое основания заочного судебного разбирательства при уклонении подсудимого от уголовного правосудия. Правовым основанием выступает предусмотренная в ч. 5 ст. 247 УПК РФ возможность рассмотрения конкретного дела в отсутствие подсудимого, обусловленная его квалификацией – все тяжкие и особо тяжкие преступления, а также ряд составов, относящихся к преступлениям небольшой и средней тяжести, перечисленных в ч. 5 ст. 247 УПК РФ. Процессуальным основанием является наличие ходатайства одной из сторон о рассмотрении дела в отсутствие подсудимого. Фактическое основание – уклонение подсудимого от явки в суд, обусловленное в том числе его нахождением за границей. При этом сам факт нахождения лица за границей не является самодостаточным

основанием для заочного рассмотрения дела, дополнительным условием к нему является то, что подсудимый уклоняется от явки в суд[9].

Конституционный Суд РФ рассматривает уклонение от явки в суд, предусмотренное ч. 5 ст. 247 УПК РФ, как отказ подсудимого от своего права[10]. Стоит обратить внимание на то, что отказ от субъективного права является таковым только при условии, что он представляет собой добровольное, осознанное волеизъявление лица по нереализации предоставленной ему правовой возможности [6, с. 653–655]. Это означает, что для признания неявки подсудимого в суд его отказом от права на участие в судебном разбирательстве необходимо установить, что лицо надлежащим образом было уведомлено о судебном заседании, имело возможность реализовать свое право, но не стало это делать.

Участие в судебном разбирательстве непосредственно связано с явкой в суд. УПК РФ использует два понятия: «присутствие» и «участие» подсудимого в судебном разбирательстве. Представляется, это не одно и то же как с фактической, так и с правовой точки зрения. Присутствие (явка) в судебном заседании является обязанностью подозреваемого, обвиняемого. Участие, предполагающее реализацию предоставленных законом прав по отстаиванию своих законных интересов, является правом. Нельзя обязать обвиняемого использовать права, составляющие содержание права участвовать в судебном разбирательстве (давать показания, заявлять ходатайства и т. д.), в силу действия презумпции невиновности. Таким образом, присутствие обеспечивает участие, но участие не исчерпывается присутствием. УПК РФ предусматривает возможность участия в разбирательстве при непосредственном нахождении в суде, рассматривающем дело, и дистанционно при использовании видео-конференц-связи (ст. 241.1 УПК РФ).

Обращения находящихся за пределами Российской Федерации подсудимых с ходатайствами об участии в судебном заседании посредством видео-конференц-связи судами отклоняются, поскольку, во-первых, отсутствуют возможности обеспечить гарантии законности такого участия[11], во-вторых, уклонение подсудимого от явки в суд нивелирует правовое значение его желания участвовать в судебном разбирательстве, т. к. реализация права на участие связана с явкой в суд (в том числе и при использовании видео-конференц-связи (ч. 7 ст. 241.1 УПК РФ)). Конституционный Суд РФ полагает, что обратное порождало бы необоснованные преимущества у лиц, нарушающих свои обязанности, по сравнению с добросовестными участниками процесса.

Уголовно-процессуальный закон не запрещает суду принять ходатайство подсудимого о заочном рассмотрении дела, заявленное им путем электронной подачи документов или представленное его защитником. Принципиальным в оценке судом возможности рассмотрения дела в отсутствие подсудимого является добросовестность поведения этого лица. На сегодняшний момент обвиняемый в любом тяжком и особо тяжком преступлении, скрывающийся от суда, может быть осужден заочно, а уклоня-

---

[9] По запросам Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части пятой статьи 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 12 мая 2016 г. № 1002-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[10] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Музычинского Михаила Александровича на нарушение его конституционных прав частями пятой и шестой статьи 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 26 января 2010 г. № 105-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[11] Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 21 сентября 2022 г. по делу № 10-16870/2022; Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 19 марта 2025 г. по делу № 10-2509/2025. URL:https://www.consultant.ru (дата обращения: 20.03.2026).

ющийся от правосудия обвиняемый в совершении преступления небольшой или средней тяжести – нет (за исключением тех 20 составов, которые были введены в ч. 5 ст. 47 УПК РФ в апреле 2025 года).

Конституционный Суд РФ еще в 2016 году дал правовую оценку возможности заочного рассмотрения дела судом в случае, если преступление относится к категории небольшой или средней тяжести, а подсудимый скрывается и объявлен в розыск, который не дает положительных результатов[12]. В анализируемом определении Конституционный Суд РФ признал существующее правовое регулирование соответствующим Конституции РФ, отметив при этом следующие, как кажется, важные моменты: 1) требование очности судебного разбирательства не является абсолютным; 2) заочное рассмотрение судом уголовного дела может быть в исключительных случаях: в УПК РФ установлен исчерпывающий перечень оснований для заочного рассмотрения дела судом в ч. 4 и ч. 5 ст. 247 УПК РФ; 3) расширение этого перечня является правом федерального законодателя.

Учитывая, что при установлении судом факта уклонения обвиняемого от явки заочно могут быть рассмотрены все уголовные дела по тяжким и особо тяжким преступлениям, а также по преступлениям небольшой и средней тяжести, указанным в ч. 5 ст. 247 УПК РФ, обратим внимание на требование исключительности заочного рассмотрения уголовного дела судом. По-видимому, именно оно ограничивает количество дел, рассмотренных судами в отсутствие подсудимого.

Буквальное толкование уголовно-процессуального закона свидетельствует о том, что это требование (исключительности) предъявляется к обстоятельствам, обусловливающим возможность рассмотрения уголовного дела в отсутствие подсудимого, предусмотренным только ч. 5 ст. 247 УПК РФ. Сам закон никак его не регулирует. Конституционный суд РФ в вышеуказанном определении, констатируя тот факт, что данный порядок является ограничением прав участников процесса, связывает его с необходимостью достижения конституционно значимых целей. Как уже было отмечено в самом начале данной статьи, на момент принятия указанной нормы (ч. 5 ст. 247 УПК РФ) в 2006 году такой целью было противодействие терроризму. Никаких уточнений на этот счет в самом УПК РФ сделано не было так же, как и применительно к конкретным видам тяжких и особо тяжких преступлений. Нет их и сейчас. На сегодняшний момент суд имеет право рассмотреть заочно любое уголовное дело о тяжком и особо тяжком преступлении. В 2025 году данные цели были дополнены защитой основ конституционного строя, обороноспособности и безопасности страны, обеспечением национальных интересов Российской Федерации, для чего были введены конкретные составы преступлений небольшой и средней тяжести, по которым закон допускает заочное рассмотрение дела.

Указанные в законе правовые возможности рассмотрения дела в отсутствие подсудимого могут быть использованы судом только в исключительных случаях, т. е. даже при наличии такой возможности суд должен оценить необходимость и обоснованность такового. Применение заочного разбирательства – диспозитивное правомочие суда, хотя в юридической литературе встречаются предложения о необходимости установления обязанности суда при наличии оснований рассматривать дело заочно [7, с. 194].

Само наличие в уголовно-процессуальном законе правовых оснований для рассмотрения уголовного дела в отсутствие подсудимого является исключением из общего правила об очности рассмотрения уголовного дела, но уголовно-процессуальный закон

[12] По запросам Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части пятой статьи 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 12 мая 2016 г. № 1002-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

указывает на необходимость применения этого экстраординарного порядка в исключительных случаях.

Суды по-разному оценивают исключительность ситуации заочного рассмотрения дела. Так, в уголовном деле, рассмотренном Энгельским райсудом Саратовской области 26 августа 2024 года, подсудимый через своего защитника представил в суд ходатайство о рассмотрении дела в его отсутствие ввиду того, что он находится за пределами России, данный факт был удостоверен нотариусом Израиля. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении ходатайств подсудимого ввиду «отсутствия исключительных обстоятельств невозможности явки подсудимого в судебное заседание» и вынес решение о приостановлении производства по делу до окончания розыска подсудимого. Апелляционный суд, рассмотрев жалобу защитника подсудимого на данное решение суда, не согласился с выводами суда первой инстанции и признал его решение незаконным, указав, что под исключительными случаями следует понимать, «особую общественную опасность преступления, в совершении которого обвиняется подсудимый, необходимость возмещения потерпевшему существенного вреда, причиненного преступлением, случаи, когда розыск обвиняемого не дал положительных результатов, невозможность осуществить экстрадицию обвиняемого»[13], т. е. суд воспроизвел положение Пленума Верховного суда РФ 2009 года № 28 на этот счет[14].

Судебная коллегия Московского городского суда в своих решениях указывает на то, что об исключительности случая заочного рассмотрения дела свидетельствуют нахождение осужденного в розыске в течение длительного времени, пребывание его на территории иностранного государства и невозможность в связи с этим официального вызова его в суд[15], объявление осужденного в розыск ввиду того, что он скрылся, в связи с чем вызов его в суд и допрос по обстоятельствам дела не представляются возможными[16], дополнительно указывается также на то, что осуществить экстрадицию в Российскую Федерацию также стало невозможным[17]. Следует заметить, что ранее на страницах юридической литературы ученые, исследовавшие проблемы заочного судебного разбирательства, обращали внимание на широкую дискрецию суда в применении данного порядка. Авторы полагают, что она нивелируется обязанностью суда мотивировать свое решение о рассмотрении уголовного дела в отсутствие подсудимого, а также предоставлением сторонам возможности его обжалования до вынесения итогового решения по делу [8, с. 198]. Суд, безусловно, должен мотивировать каждое свое решение, однако анализ судебных решений, вынесенных по итогам такого обжалования, демонстрирует отсутствие единообразия судебной практики. Очень правильна мысль С. К. Чернявской на этот счет: «Чем шире формально очерчен круг дел, тем важнее, чтобы суд не превращал ч. 5 ст. 247 УПК РФ в универсальный способ преодоления отсутствия подсудимого» [9, с. 149]. В связи с этим считаем, что исключительные ситуации, при наличии которых суд может принять решение о рассмотрении дела в отсутствие подсудимого, должны быть сформулированы в уголовно-процессуальном

---

[13] Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 2 декабря 2024 г. по делу № 22-2774/2024. URL:https://www.consultant.ru (дата обращения: 20.03.2026).

[14] О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 22 декабря 2009 г. № 28. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[15] Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 24 апреля 2025 г. по делу № 10-7294/2025, от 2 декабря 2024 г. № 10-23542/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[16] Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 28 августа 2025 г. по делу № 10-16817/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[17] Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 19 марта 2025 г. по делу № 10-2509/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

законе, поскольку именно они лежат в основе принятия судом решения о заочном рассмотрении дела.

Таким образом, основания рассмотрения уголовного дела в отсутствие подсудимого, закрепленные в УПК РФ, имеют разную правовую природу: в одних случаях это может быть отказ подсудимого от своего права (заявление ходатайства о рассмотрении дела без его участия (ч. 4 и 5 ст. 247 УПК РФ)), в других случаях – ограничение подсудимого в его праве на участие в судебном разбирательстве (при уклонении подсудимого от явки в суд (ч. 5 ст. 247 УПК РФ)). Ограничение права является мерой уголовно-процессуальной ответственности за неисполнение обязанности по явке по вызову в суд. Ограничить право подсудимого на участие в судебном разбирательстве можно только по тяжким и особо тяжким преступлениям, а также указанным в ч. 5 ст. 247 УПК составам преступлений, относящимся к категориям небольшой и средней тяжести. Отсутствие единообразия в вопросах применения заочного разбирательства в отношении подсудимых, скрывающихся от уголовного правосудия, как в части оснований и условий его применения, так и в части процедуры во многом обусловлено пробельностью и противоречивостью законодательства. В условиях роста применения заочного порядка судебного разбирательства по уголовным делам необходимо разработать нормативно-правовое регулирование, обеспечивающее логичную и последовательную процедуру, способствующую достижению социально значимых целей.

1. Ильютченко Н. В. Заочный приговор: понятие и особенности // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1. С. 138–143.
2. Татьянина Л. Г., Тенсина Е. Ф. Заочное производство в уголовном процессе России // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2022. № 4. С. 727–731.
3. Арабули Т. Д. Заочное производство по уголовному делу: история и современность. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2007. 112 с.
4. Милицин С. Д. Заочное производство по уголовным делам: размышления в период специальной военной операции // Военно-юридический журнал. 2024. № 2. С. 14–21.
5. Чеботарева И. Н., Пашутина О. С., Ревина И. В. Правовое регулирование отказа от субъективного права в уголовном процессе России. Курск: Планета+, 2021. 260 с.
6. Чеботарева И. Н. Отказ от субъективного права в российском уголовном процессе: вопросы теории, нормативного регулирования и правоприменения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11. № 3. С. 651–665.
7. Рабцевич О. И. Заочное судебное разбирательство по уголовным делам: в поисках компромисса между защитой публичных интересов и прав человека // Закон. 2011. № 1. С. 188–194.
8. Попова И. П., Смирнова И. Г. Заочное судебное разбирательство по уголовным делам: проблемы реализации в контексте сравнительно-правового исследования // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 431. С. 195–202.
9. Чернявская С. К. Критерии разграничения приостановления производства по уголовному делу и заочного судебного разбирательства при отсутствии подсудимого // Право и управление. 2026. № 7. С. 145–152.

1. Il`yutchenko N. V. Zaochny`j prigovor: ponyatie i osobennosti // Sudebnaya vlast` i ugolovny`j process. 2018. № 1. S. 138–143.
2. Tat`yanina L. G., Tensina E. F. Zaochnoe proizvodstvo v ugolovnom processe Rossii // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «E`konomika i pravo». 2022. № 4. S. 727–731.
3. Arabuli T. D. Zaochnoe proizvodstvo po ugolovnomu delu: istoriya i sovremennost`. Chelyabinsk: Poligraf-Master, 2007. 112 s.

4. Milicin S. D. Zaochnoe proizvodstvo po ugolovny`m delam: razmy`shleniya v period special`noj voennoj operacii // Voenno-yuridicheskij zhurnal. 2024. № 2. S. 14–21.
5. Chebotareva I. N., Pashutina O. S., Revina I. V. Pravovoe regulirovanie otkaza ot sub``ektivnogo prava v ugolovnom processe Rossii. Kursk: Planeta+, 2021. 260 s.
6. Chebotareva I. N. Otkaz ot sub``ektivnogo prava v rossijskom ugolovnom processe: voprosy` teorii, normativnogo regulirovaniya i pravoprimeneniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2020. T. 11. № 3. S. 651–665.
7. Rabcevich O. I. Zaochnoe sudebnoe razbiratel`stvo po ugolovny`m delam: v poiskax kompromissa mezhdu zashhitoj publichny`x interesov i prav cheloveka // Zakon. 2011. № 1. S. 188–194.
8. Popova I. P., Smirnova I. G. Zaochnoe sudebnoe razbiratel`stvo po ugolovny`m delam: problemy` realizacii v kontekste sravnitel`no-pravovogo issledovaniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 431. S. 195–202.
9. Chernyavskaya S. K. Kriterii razgranicheniya priostanovleniya proizvodstva po ugolovnomu delu i zaochnogo sudebnogo razbiratel`stva pri otsutstvii podsudimogo // Pravo i upravlenie. 2026. № 7. S. 145–152.

Информация об авторе

Ирина Николаевна Чеботарева. Доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент.
Юго-Западный государственный университет.
305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.

Information about the author

Irina N. Chebotareva. Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedure and Forensic Science, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.
Southwest State University.
305040, Russia, Kursk, 50 let Oktyabrya St., 94.

Статья поступила в редакцию 30.03.2026; одобрена после рецензирования 16.09.2026; принята к публикации 12.10.2026.
The article was received in the editorial office on 30.03.2026; approved after review on 16.09.2026; accepted for publication on 12.10.2026.

ТРЕБОВАНИЯ,
предъявляемые к статьям, представляемым для опубликования
в журнале «Научный вестник Орловского юридического института
МВД России имени В. В. Лукьянова»

В целях ускорения прохождения рукописей к принятию к опубликованию в журнале просим соблюдать следующие требования.

Содержание статей должно отражать современные проблемы права и государства, их исторический аспект, актуальные вопросы юриспруденции. Тематика научных статей, принимаемых к опубликованию в журнале, должна соответствовать отрасли «Юридические науки» по специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

К рассмотрению не принимаются **рукописи, опубликованные в других изданиях**. Если рукопись статьи одновременно направлена в другое издание либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

В статье не должно быть **сведений ограниченного распространения**, ответственность за соблюдение режима секретности возлагается на автора и должностных лиц, осуществляющих контроль за соблюдением режима секретности, в соответствии с законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России.

Статья представляется **в электронном варианте** на официальный электронный адрес журнала (e-mail: **niirio.oryui@yandex.ru**). Электронная версия статьи в формате MS Word должна иметь в названии файла фамилию автора, например: Ivanov.docx. Также текст статьи представляется в формате PDF с отсканированной(ыми) подписью(ями) автора(ов), размещенной(ными) на последней странице.

Объем статьи вместе со сведениями об авторах, списком используемой литературы и ключевыми словами должен соответствовать 24–26 тыс. знаков, считая пробелы, с учетом рисунков, графиков и таблиц. Основной текст рукописи набирается в формате А4 (210х297 мм), через 1 интервал гарнитурой PT Astra Serif (12-й кегль) без знаков ручного переноса, неразрывных и двойных пробелов. Все поля на страницах должны быть одинаковы и равны 2,5 см. Абзацный отступ – 1,25 см.

В статье должен быть указан номер по Универсальной десятичной классификации **(УДК)** и **шифр научной специальности**, соответствующий тематике статьи.

Название статьи набирается на русском и английском языках полужирным шрифтом, **ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ,** без абзацного отступа и центрируется относительно полосы набора.

Информация об авторе на русском и английском языках включают: Ф.И.О., ученую степень, ученое звание, занимаемую должность, место работы (в именительном падеже) и электронный адрес.

Статья должна быть снабжена **аннотацией** на русском и английском языках с объемом 500–1000 знаков, включая пробелы. В аннотации должна быть четко сформулирована основная идея статьи (она должна содержать характеристику темы исследования, раскрывать актуальность, степень разработки, теоретико-методологическое и практическое значение темы, цель работы и ее результаты).

Статья также должна содержать **список ключевых слов** на русском и английском языках (шесть-десять основных слов (словосочетаний) статьи, характеризующих проблематику статьи, через запятую).

Статья авторов – адъюнктов (аспирантов) должна содержать **благодарность** научному руководителю с указанием занимаемой должности, места работы, ученой степени, ученого звания и Ф.И.О.

Размещение **таблиц, рисунков, диаграмм, схем и другого иллюстративного материала** на страницах с альбомной (горизонтальной) ориентацией не допускается. Графики, диаграммы не должны иметь сплошную (в т. ч. цветную) заливку.

Рисунки и таблицы (размер используемого шрифта – 12 пунктов) должны быть в черно-белом или полутоновом исполнении размещены в тексте после абзацев, содержащих ссылки на них (см. таблицу 1).

Таблица 1
Заголовок таблицы

Текст	Текст	Текст	Текст	Текст

Схемы должны иметь общую группировку всех объектов, входящих в них, быть центрированы относительно полосы набора.

Размеры и разрешение рисунков должны обеспечивать их дальнейшее качественное полиграфическое воспроизведение.

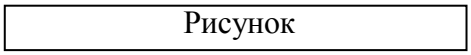

Рис. 1. Название рисунка.

При использовании в тексте **аббревиатур** необходимо приводить их расшифровку, а в скобках – аббревиатуру с последующим использованием ее без расшифровки. Например, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ).

К рассмотрению принимаются статьи, имеющие **оригинальность не менее 60%.** Текст статьи проверяются системой специализированного программного обеспечения («Антиплагиат»). По решению редакционной коллегии статья может быть рекомендована к опубликованию в журнале и в том случае, если оригинальность статьи ниже установленного порогового значения.

Цитаты и заимствования текста из научных источников должны сопровождаться соответствующими **ссылками**, которые оформляются арабскими цифрами в квадратных скобках с указанием через запятую страницы, на которой размещается цитируемый текст, например: «По мнению П. А. Лупинской, ...» [1, с. 100].

Ссылки должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р 7.05.-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Каждый используемый научный источник указывается в списке литературы **один раз в порядке упоминания** в тексте.

При повторном использовании данного источника в квадратных скобках указывается тот же порядковый номер из списка литературы. Указание в списке литературы источников, на которые нет ссылок в тексте, не допускается.

Список литературы, как правило, должен содержать от 8 до 20 источников.

Обязательная версия списка литературы на латинице размещается в статье сразу за списком русскоязычных (исходных) ссылок и подготавливается автором(ами) статьи из русскоязычных ссылок независимо от того, имеются ли иностранные источники. На сайте http://translit.ru можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу, выбрав стандарт BGN.

Ссылки на нормативные акты, иные официальные документы и электронные источники информации, сведения об анкетировании и т. п. указываются в виде постраничных сносок с нумерацией на каждой странице.

Ссылки должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р 7.05.-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Статья должна быть обязательно **подписана автором (соавторами)** следующим образом: «Своей подписью подтверждаю, что материал вычитан, цифры, факты сверил с первоисточником. Ранее статья нигде не публиковалась.

Я безвозмездно предоставляю редакции журнала права на опубликование моей статьи, в том числе на неограниченное ее распространение любым способом, включая создание ее электронного варианта, с целью доведения статьи до всеобщего сведения».

Авторам-адъюнктам дополнительно следует указать: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее указываются: дата, Ф.И.О. руководителя, его подпись.

При наличии **соавторов** необходимо указать, что ими внесен равный вклад в написание статьи, или указать объем вклада каждого соавтора, а также отметить заявление об отсутствии конфликта интересов.

К статье прилагаются:

краткий отчет о проверке статьи на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения, сформированный программой;

для научных статей адъюнктов, аспирантов, магистрантов – отзыв научного руководителя.

Образец оформления статьи размещен на веб-сайте по адресу: https://орюи.мвд.рф/Nauka/nauchnij-zhurnal-instituta

Уважаемые читатели и авторы!

Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объем статей и принимать решение о включении их в журнал. Отклоненные материалы не возвращаются. Научные материалы, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала. Ответственность за достоверность фактов, библиографических ссылок и правильность цитирования несут авторы статей.